

Институт археологии РАН
Археологический центр Псковской области
Псковский археологический центр
Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ
ПСКОВА
И ПСКОВСКОЙ
ЗЕМЛИ

Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова

Выпуск 34

Материалы 64-го заседания
(10–12 апреля 2018 г.)

Москва • Псков
2019

Ответственный редактор **Н. В. Лопатин**, к. и. н. (Москва)

Ответственный секретарь **Е. В. Салмина**, к. и. н. (Псков)

Редакционная коллегия

П. Г. Гайдуков, чл.-корр. РАН, д. и. н. (Москва), **Т. Ю. Закурина**, к. и. н. (Псков),
И. В. Исланова, к. и. н. (Москва), **Р. Йонайтис**, PhD (Вильнюс),
Э. В. Королёва, к. и. н. (Псков), **Л. Я. Костючук**, д. ф. н., профессор (Псков),
М. И. Кулакова, к. и. н. (Псков), **И. К. Лабутина**, к. и. н., профессор (Псков),
Е. Р. Михайлова, к. и. н. (Санкт-Петербург), **Н. А. Плавинский**, к. и. н. (Минск),
Вл. В. Седов, чл.-корр. РАН, д. иск. (Москва), **А. Селарт**, PhD, профессор (Тарту),
А. А. Селин, д. и. н., профессор (Санкт-Петербург), **Р. Спиргис**, PhD (Рига),
Е. В. Торопова, к. и. н. (Великий Новгород), **Б. Н. Харлашов** (†), к. и. н. (Псков),
Н. В. Хвоцинская, д. и. н. (Санкт-Петербург), **Е. А. Яковлева** (Псков)

Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Выпуск 34. Материалы 64-го заседания (2018 г.). М., Псков: ИА РАН, 2019. 400 с.: ил.

Ежегодник издается по материалам регулярного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли», основанного в 1980 г. выдающимся ученым Валентином Васильевичем Седовым и ныне носящего его имя. В ежегоднике публикуются результаты исследований по археологии, истории и архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры Северо-Запада России, соседних государств Балтии, Белоруссии и всей лесной зоны Восточной Европы.

Archaeology and History of Pskov and Pskov Land: Annual of the Academician V. V. Sedov Seminar. Issue 34. Proceedings of the Session 64 (2019)

The annual is based on the papers from the regular seminar “Archaeology and History of Pskov and Pskov Land”, founded in 1980 by the outstanding scholar Valentin V. Sedov and now bearing his name. The yearbook contains research materials on archaeology, history and architecture of Pskov and Pskov land, as well as a variety of cultural history issues concerning the North-Western Russia, neighbouring Baltic States, Belarus and the entire forest zone of Eastern Europe.

Издано при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-49-601001

ISSN 2304-0076

ISBN 978-5-94375-299-5

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-299-5

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2019
- © ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», 2019
- © АНО «Псковский археологический центр», 2019
- © ГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2019
- © Авторы статей, 2019

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

<i>М. И. Кулакова.</i> Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2017 г.	7
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин, В. А. Белоус, К. С. Косовец, А. В. Фисенко, Т. А. Щукина.</i> Возвращение через 105 лет: раскопы 2016–2017 гг. у Мстиславской башни в Пскове	25
<i>Т. А. Щукина.</i> Поясной набор из погребения 3 (курган 1) на Мстиславском II раскопе	39
<i>К. С. Косовец.</i> Комплекс кресаловидных привесок из раскопа Мстиславский III в Пскове в 2017 г.	48
<i>Т. Ф. Прибурова.</i> Типология оттисков штампов на псковских дуговых кирпичах	55
<i>Ю. В. Колтакова.</i> Наперсные резные кресты в археологических и музейных коллекциях Пскова: к вопросу о культурных связях Пскова в позднем Средневековье	83
<i>Вл. В. Седов.</i> Придел Положения Пояса Богородицы церкви Михаила Архангела на Городце	97
<i>А. М. Введенский.</i> Краткий новгородский летописец как источник псковских летописей	108
<i>М. Б. Бессуднова.</i> Псков в ганзейской стратегии первой половины XVI в.	112
<i>М. Ю. Колтаков, Д. В. Михеев.</i> Торговые связи Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени	123

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Н. В. Лопатин.</i> Итоги работы по проекту «Изборское городище: стратиграфия, планиграфия, каталог материалов»	131
<i>А. В. Михайлов.</i> Открытое торгово-ремесленное поселение Горожане: исследования 2017 г.	138
<i>М. А. Васильев.</i> Арабский дирхем с граффити с поселения Горожане	146
<i>И. В. Стасюк.</i> Истоки формирования системы погостов на западе Новгородской земли	153
<i>П. Г. Гайдуков, А. А. Исаев, О. М. Олейников.</i> Открытие некрополя начала XI века в Новгороде	166
<i>Н. Н. Фараджева, О. А. Тарабардина, П. Г. Гайдуков.</i> Усадьбы одного из «кварталов» Людина конца средневекового Новгорода в XII в. (по материалам Троицкого раскопа)	175
<i>А. В. Зиновьев.</i> Случай детского церебрального паралича в Твери времен Батыева нашествия	195

<i>О. В. Андреева, П. Е. Сорокин.</i> Печные изразцы из раскопок города Ниена	199
<i>В. Н. Матвеев, Н. В. Новоселов.</i> Находки сосудов каменной массы с территории Летнего сада в Санкт-Петербурге (по материалам археологических раскопок 2009–2011 годов)	212
<i>С. Е. Шуньгина.</i> Итоги исследования на территории бывшего сахарного завода в Санкт-Петербурге	229

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

<i>Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев.</i> К интерпретации так называемого Туровского меча	241
<i>Б. С. Короткевич, М. В. Саблин.</i> Древнейшие культурные отложения городища Анашкино (по результатам раскопок 2015–2017 гг.)	247
<i>П. Г. Клименко.</i> Костяные наконечники стрел и гарпунов городища Анашкино	270
<i>Н. А. Плавинский.</i> Раскопки курганного некрополя Навры I в 2017 году	286
<i>В. Н. Кузнецова.</i> Ювелирные изделия XII–XIII вв. в синкретичном «чудском» стиле	300
<i>Р. Спиргис.</i> Находки иконок с изображением Св.Георгия на территории Латвии	314
<i>Р. Йонайтис, И. Каплунайте.</i> Радиоуглеродный и изотопный анализ погребений могильника на ул. Бокшто в Вильнюсе	335
<i>А. В. Чугаев, И. Е. Зайцева.</i> Изотопный состав свинца в украшениях из средневековых сельских поселений Суздальского Ополя и идентификация источников металлов	348
<i>А. Н. Федорина.</i> Ключи и замки типа А на селищах Суздальского Ополя	377
Список сокращений	395
Правила представления статей	397

Contents

ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF PSKOV

<i>M. I. Kulakova</i> . Archaeological Research in Pskov and Pskov Region in 2017	7
<i>E. V. Salmina, S. A. Salmin, V. A. Belous, K. S. Kosovets, A. V. Fisenko, T. A. Shchukina</i> . Return in 105 Years: Excavations in 2016–2017 at the Mstislavsky Tower in Pskov	25
<i>T. A. Shchukina</i> . The Belt Set from the Burial 3 (Mound 1) from the Mstislavsky II Excavation Site	39
<i>K. S. Kosovets</i> . Complex of Fire-steel-shaped Pendants from the Mstislavsky III Excavation Site in Pskov in 2017	48
<i>T. F. Priburova</i> . Typology of Stamp Prints on the Pskov Arc Bricks	55
<i>Yu. V. Kolpakova</i> . Pectoral Carved Crosses in the Archaeological and Museum Collections of Pskov: to the Issue of Cultural Relations of Pskov in the Late Middle Ages	83
<i>Vl. V. Sedov</i> . The Chapel of the Belt of the God's Mother of the Church of St. Michael the Archangel on Gorodets	97
<i>A. M. Vvedensky</i> . Brief Novgorod Chronicler as a Source of Pskov Chronicles	108
<i>M. B. Bessudnova</i> . Pskov in the Hanseatic Strategy of the 16 th Century	112
<i>M. Yu. Kolpakov, D. V. Mikheev</i> . Trade Relations of Pskov Land in the Descriptions of English and French Authors of the Early Modern Period	123

PSKOV LAND AND ITS NEIGHBOURS IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

<i>N. V. Lopatin</i> . Results of the Work on the Project “Izborsk Hillfort: Stratigraphy, Planigraphy, Catalogue of Materials”	131
<i>A. V. Mikhajlov</i> . Open Trade and Craft Settlement Gorozhane: the Archaeological Research in the Year 2017	138
<i>M. A. Vasiliev</i> . Arabic Dirham with Graffiti from the Settlement Gorozhane	146
<i>I. V. Stasyuk</i> . Origins of the Pogost System Formation in the West of Novgorod Land	153
<i>P. G. Gaidukov, A. A. Isaev, O. M. Oleynikov</i> . Discovery of the Necropolis of the Early 11 th Century in Novgorod	166
<i>N. N. Faradzheva, O. A. Tarabarina, P. G. Gaidukov</i> . Manors of One of the “Quarters” of Lyudin End in Medieval Novgorod in the 12 th Century (Based on the Materials of the Troitsky Excavation Site)	175
<i>A. V. Zinoviev</i> . The Case of Cerebral Palsy in Tver at the Time of Batu Khan Invasion	195
<i>O. V. Andreeva, P. E. Sorokin</i> . Stove Tiles from the Excavations of the City of Nien	199

<i>V. N. Matveev, N. V. Novoselov.</i> Stoneware Vessels from the Territory of Summer Garden in St.-Petersburg (on Materials of the Archeological Excavations in 2009–2011)	212
<i>S. E. Shungina.</i> Results of the Exploration on the Territory of the Former Sugar Factory in St. Petersburg	229

ARCHAEOLOGY OF EASTERN EUROPE AND THE BALTICS

<i>E. R. Mikhailova, V. Yu. Sobolev.</i> To the Interpretation of the So-called “Turovo Sword”	241
<i>B. S. Korotkevich, M. V. Sablin.</i> The Oldest Cultural Deposits of the Hillfort Anashkino (According to the Results of Excavations in 2015–2017)	247
<i>P. G. Klimenko.</i> Bone Arrowheads and Harpoons from the Hillfort Anashkino	270
<i>M. A. Plavinski.</i> Excavations of the Barrow Necropolis Naūry I in 2017	286
<i>V. N. Kuznetsova.</i> Jewelry of the 12 th –13 th cc. in the Syncretic “Chud” Style	300
<i>R. Spīrgis.</i> Finds of Icons with an Image of St George in Present-day Latvia	314
<i>R. Jonaitis, I. Kaplūnaitė.</i> Radiocarbon and Isotope Analysis of Burials from the Cemetery at Bokshto Street in Vilnius	335
<i>A. V. Chugaev, I. E. Zaitseva.</i> Lead Isotopic Composition in Decorations from Medieval Rural Settlements of Suzdal Opolye Region and Identification of Metal Sources	348
<i>A. N. Fedorina.</i> Keys and Locks of Type A at the Rural Settlements of Suzdal Opolye	377
Abbreviations	395
Rules for Submission of Articles	397

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

М. И. Кулакова

Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2017 г.

Резюме. В статье приведен обзор основных археологических работ (раскопки, разведки, определение границ территорий памятников археологии), которые проводили псковские археологи в 2017 г. на территории г. Пскова и Псковской области. Основными исполнителями, как и в предыдущие годы, оставались две организации – государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области» и автономная некоммерческая организация «Псковский археологический центр».

Ключевые слова: Псков, Псковская область, спасательные раскопки, определение границ территорий памятников археологии.

M. I. Kulakova. Archaeological Research in Pskov and Pskov Region in 2017

Abstract. The article provides an overview of the most important archaeological works (excavations, rescue exploration, boundaries of the territories of archaeological monuments determination), which were carried out by Pskov archaeologists in 2017 on the territory of Pskov and the Pskov region. As in previous years, the works were executed by two organizations: the state budget institution of culture of the Pskov region “Archaeological center of the Pskov region” and the Autonomous non-profit organization “Pskov archaeological center”.

Keywords: Pskov, Pskov region, rescue excavations, definition of territorial borders of archaeological sites.

В 2017 г. псковские археологические организации проводили масштабные работы как в Пскове, так и на территории области. Это – раскопки, разведки, в том числе связанные с определением границ территорий памятников археологии.

Археологические раскопки в Пскове (рис. 1)

В Пскове археологические работы проводились на 11 площадках:
– на Завеличье: Климентовские VI и X раскопы (рис. 1: 9) и Изборский XIV (рис. 1: 12) раскопы, археологическое наблюдение на ул. Пароменская, 9 (рис. 1: 13);

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопок в г. Пскове в 2017 г.: 1 – раскопки у Варлаамовской башни; 2 – раскопки у Палаг Постникова (ул. О. Кошевого); 3 – раскопки на ул. Милицейской, 4; 4, 6, 7 – раскопки на ул. Свердлова; 5 – Мстиславские II–III раскопки; 8 – раскоп у Покровской башни; 9 – Климентовские VI и X раскопки; 10 – раскопки в Комсомольском пер., 4а, 4б; 11 – Казанский XVIII раскоп; 12 – Изборский XIV раскоп; 13 – участок археологического наблюдения на ул. Пароменская, 9

Рис. 2. Климентовский VI раскоп. Вид с севера

– на Запсковье – у Варлаамовской башни (рис. 1: 1) и у Палат Постникова (рис. 1: 2);

– в центральной части – на ул. Милицейской (рис. 1: 3), ул. Воровского, 9 (Казанский XVIII раскоп) (рис. 1: 11); на ул. Советской 29 (Мстиславские II–III раскопы) (рис. 1: 5), в Комсомольском переулке (рис. 1: 10), у Покровской башни (рис. 1: 8), на ул. Свердлова (4 раскопа) (рис. 1: 4, 6, 7).

Общая площадь археологических раскопок в г. Пскове в 2017 г. составила 5050 кв. м.

Археологические раскопы на территории бывшего порта – Климентовские VI и X раскопы (рук. – Т. Ю. Закурина, Б. Н. Харлашов, С. В. Степанов) получили название «Климентовские» по расположенной южнее церкви Климента папы Римского, а их нумерация продолжила нумерацию раскопов 2009 и 2013 гг. Исследования велись на 2 площадках (раскопы VI и X). Их общая площадь составила 1390 кв. м.

Раскоп VI (рис. 2) имел площадь 880 кв. м. Мощность антропогенных накоплений составила 0,2–2,4 м при толщине отложений культурного слоя средневекового времени до 1,3 м. Разница в глубинах объясняется тем, что раскоп находился на довольно крутом изломе материковой скалы, поверхность которой располагалась в его северной части. Центральная часть раскопа пришлась на склон второй береговой террасы, имевшей перепад высот более 2 м и переходившей в ровную площадку первой береговой террасы, занимавшей южную половину раскопа.

Рис. 3. Климентовский X раскоп. Вид с севера

Основываясь на результатах проведенных работ, можно говорить об освоении исследуемого участка начиная с конца X в. При этом первоначальное поселение возникает в прибрежной части р. Великой, на 1-й береговой террасе. Возвышенная ее часть осваивается не ранее рубежа XI–XII вв. К этому времени относятся многочисленные находки фрагментов богато орнаментированной керамики, изделий из кости и рога, серебряных накладок поясного набора и обрезков арабских монет, нагрудных украшений из цветного металла, перстней, деталей весов и др.

XV–XVI вв. в материалах раскопок представлены многочисленными материковыми ямами, среди которых несколько крупных подвальных ям, расположенных в том числе и на склоне береговой террасы.

К XVII–XVIII вв. относятся фрагментарно сохранившиеся фундаменты построек, которые можно связывать с кожевенным производством купца Поганкина и местоположение которых по письменным источникам локализуется в этом районе. В пользу этого свидетельствуют остатки 5 крупных деревянных бочек диаметром более 2 м, предназначенных, вероятно, для дубления кожи. Одна из них, углубленная в материк, сохранилась на значительную высоту, по внешнему периметру была обмазана глиной. С внутренней стороны сохранились следы ремонта (?) в виде сшивания клепок железными скобами, выполненного с такой тщательностью, что делало бочку совершенно водонепроницаемой. Комплекс находок также подтверждает датировку второй половиной XVII в.

В первой половине XIX в. на этом месте возводится большое здание лесопильного завода Зиновьева.

Раскоп X (рис. 3, 4). Площадь 510 кв.м. Толщина антропогенных отложений от 0,2 до 0,9 м. Представлены перемешанным слоем темно-серого цвета, содержащим разновременный материал как Средневековья, так и Нового и Новейшего времени.

Рис. 4. Климентовский X раскоп. Постройка, заглубленная в материк

Исследования показали, что освоение пригородной территории древнего Пскова в южной части левобережья р. Великой начинается не позднее рубежа XI–XII вв. и продолжается до середины XIII в. К этому периоду относятся отдельные материковые хозяйственные и столбовые ямы, а также фрагменты гончарной керамики, обнаруженной в слое.

Время с середины XIII в. и по вторую половину XIV в. по материалам раскопа отмечается лишь единичными фрагментами керамической посуды, определяется как хронологическая лакуна и, вероятно, связана с военно-политической ситуацией, затронувшей большинство русских земель этого периода.

Повторное освоение этой территории начинается с рубежа XIV–XV вв. и охватывает весь период позднего Средневековья. Он представлен довольно плотной застройкой, следы которой отмечают крупные подвальные помещения жилых домов, вырубленных в материковой скале, многочисленные столбовые ямы и ямы хозяйственного назначения. Отмечены следы усадебной планировки, зафиксированной по частокольным канавкам. Максимально интенсивное использование территории приходится на вторую половину XV – первую половину XVI в.

Археологические раскопки на Ольгинской наб., 5а – Изборский XIV раскоп (рук. – Б. Н. Харлашов). Раскоп был заложен в связи с прокладкой инженерных сетей и располагался вдоль Изборской улицы, впервые упомянутой в псковских летописях под 1417–1418 гг. Работы были начаты осенью 2017 г. и продолжены в первой половине 2018 г. При раскопках 2017–2018 гг. найдены предметы, наиболее ранние из которых датируются XI–XII вв. Кроме того, в раскопе обнаружено каменное сооружение (рис. 5). Оно представляет собой подвальное помещение

Рис. 5. Изборский XIV раскоп. Каменная постройка XVIII в.

с плитняковыми стенами, перекрытое плитняковым сводом. С северной стороны в помещении было устроено световое окно, позднее перекрытое кладкой. Данная постройка зафиксирована на плане И. Годовикова 1857 г.

По археологическим данным, постройка была возведена не ранее второй половины XVIII в. и эксплуатировалась, по крайней мере, до конца XIX в.

Археологическое наблюдение на ул. Пароменской, 9 (рук. – М. И. Кулакова). В конце апреля 2017 г. сотрудниками ГБУК ПО АЦПО был зафиксирован факт нарушения культурного слоя в границах территории ОКН ФЗ «Культурный слой древнего Пскова» на участке по ул. Пароменской, 9. К моменту фиксации нарушения часть работ уже была выполнена полностью. Работы были остановлены на этапе прокладки кабельной линии, по трассе которой и было проведено археологическое наблюдение. Цель работ – проведение на-

Рис. 6. Археологические раскопки на ул. Советской, 29 (Мстиславские II и III раскопы). Вид с квадрокоптера

учных исследований на поврежденном участке территории ОКН ФЗ «Культурный слой древнего Пскова» с целью выявления археологических предметов и сохранившихся участков культурного слоя.

В ходе работ по археологическому наблюдению доисследованы отложения, расположенные над материком, так как весь слой выше был разрушен в ходе строительных работ.

В ходе археологических работ установлено, что общая мощность антропогенных отложений составляет от 0,44 м в восточной части траншеи до 1,09 м – увеличение мощности в восточном направлении, в том числе мощность культурного слоя (серый слой и предматериковая моренная глина) – от 0,2 до 0,5 м. Материк – известняковая плита.

Материал, собранный в предматериковом слое и в ямах, раскрытых на уровне предматериковой моренной глины, указывает на период заселения территории – не позднее XII в.

Археологические раскопки на ул. Советской, 29 – Мстиславские II и III раскопы (рук. – Е. В. Салмина). В 2017 г. продолжены археологические раскопки на площадках Мстиславских II и III раскопов (рис. 6) на площади около 2000 кв. м. Основные открытия: курганный могильник (7 курганов с каменными конструкциями), литейный комплекс XII в., находки «малых» печатей со знаками Рюриковичей, постройки и кельи подворья Псково-Печорского монастыря.

Казанский XVIII раскоп в квартале улиц Красных партизан и Воровского (рук. – Б. Н. Харлашов). Раскопки проводились в рамках разработки проекта реконструкции памятника архитектуры конца XIX в. по адресу: ул. Воровского, 9 («Дом Кузнецова»). В связи с этим было заложено 5 архитектурно-археологических шурфов и раскоп в дальней части двора. Общая площадь раскопок составила около 300 кв. м. Культурный слой имеет мощность не более 1 м, слабостратифицированный, за исключением заполнения материковых ям. Как и в других раскопах по ул. Воровского, проходящей вдоль высокого левого р. Псковы, самые ранние находки датируются XI–XII вв. К этому же времени относится часть материковых ям. Таким образом, еще раз подтверждено, что эта часть городского посада была освоена в древнерусское время.

Археологические исследования при прокладке инженерных коммуникаций к реконструируемому зданию по адресу: г. Псков, ул. Милицейская, 4 (рук. – А. В. Михайлов). Общая площадь исследований составила 23 кв. м в двух археологических шурфах (11 и 12 кв. м соответственно). Наиболее информативным оказался шурф 2, расположенный на территории бывших винных складов. В шурфе была открыта подвальная часть одного из складских помещений (сама постройка, по всей видимости, была разрушена во время Великой Отечественной войны). До постройки здания участок расположения шурфа длительное время использовался для складирования и первоначальной обработки сплавного леса. Шурф 2 был доведен до технологической отметки –460 см от уровня современной дневной поверхности, были исследованы культурные отложения, относящиеся к XVII–XIX вв. Благодаря высокой влажности культурного слоя в вещевой коллекции широко представлены предметы из кожи и дерева. Отдельную категорию находок составляют предметы, связанные с рыболовством: грузила, поплавки.

Архитектурно-археологические исследования в рамках работ по реставрации флигелей дома Масон (г. Псков, Комсомольский пер., 4а и 4б, рук. – А. В. Михайлов). Общая площадь исследований составила 16,6 кв. м (8 шурфов). Задачей работ стало получение информации о конструктивных особенностях и состоянии фундаментов двух жилых флигелей, выявление разрушенной в 60-е гг. XX в. части флигеля по адресу: Комсомольский пер., 4а, обнаружение остатков каменной ограды указанных строений. В ходе археологических работ было получено подтверждение более ранних наблюдений, что активное освоение участка Окольного города около Соколей башни приходится на время не ранее XVI в.

Археологические исследования у Варлаамовской башни и во дворе Постникова (рук. – Т. Ю. Закурина). Работы проводились в рамках соглашения № 851095-2 от 24.09.2017, заключенного в рамках софинансирования Псковской областью подпроектов «Большого окна» – совместного проекта Министерства культуры Российской Федерации и Международного банка реконструкции и развития «Сохранение и использование культурного наследия в России».

Раскоп у Варлаамовской башни. Общая исследованная площадь – 78 кв. м (рис. 7). Спасательные археологические раскопки проводились на участках сооружения бетонной обоймы для гидроизоляции фундаментов Варлаамовской башни – памятника оборонной архитектуры XV–XVII вв.

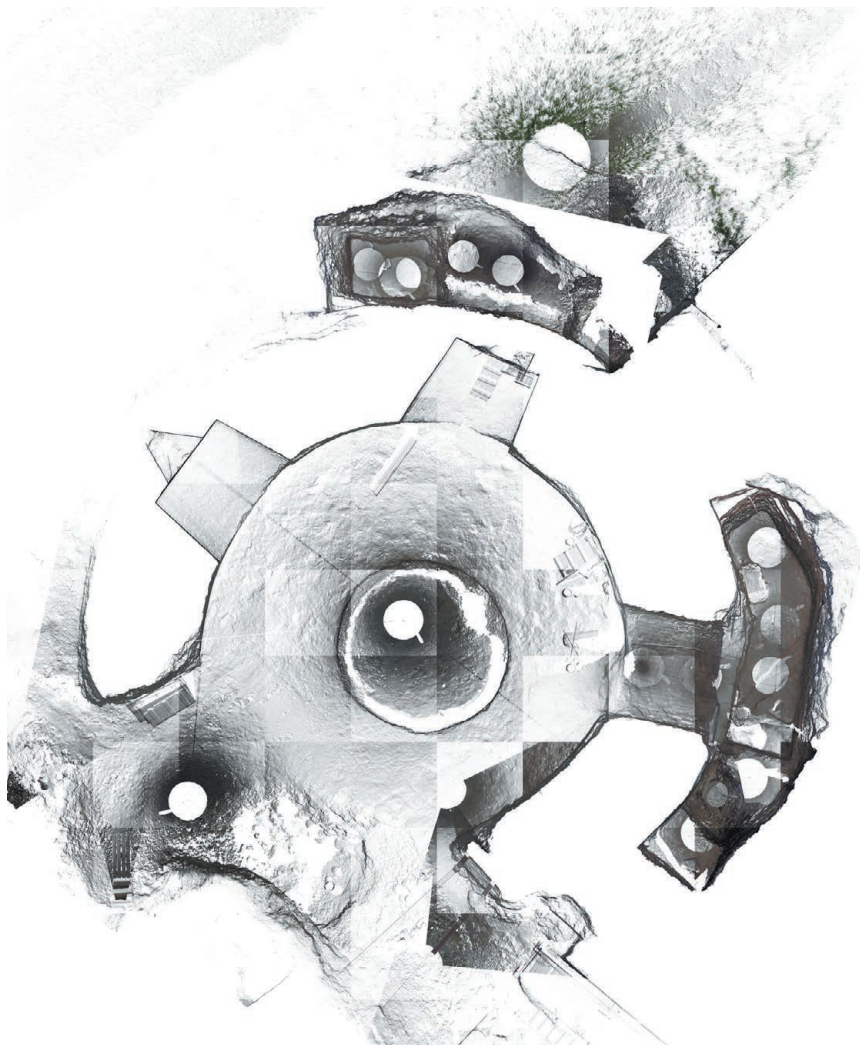

Рис. 7. Работы у Варлаамовской башни в г. Пскове. Результат 3D-сканирования

Раскопы закладывались по периметру башни. Мощность культурных отложений составила от 1 до 4 м. Открыты башенные ворота и основание башни с восточной и северной сторон. Установлено, что местами основание башни опирается на отложения культурного слоя предшествующего времени. Прослежено несколько периодов ремонта башни. Среди вещевого материала – свинцовые пули, монеты, нательные кресты.

Постниковский I раскоп. Общая исследованная площадь 352 кв. м. Археологические раскопки проводились на участках сооружения бетонной обоймы для гидроизоляции фундаментов памятника гражданской архитектуры XVII в. – Палат Постниковых.

Раскопы закладывались по периметру двух зданий (палаты Постниковых I и II). На исследованных участках выявлены следы непрерывного освоения данного района Запсковья начиная с конца XI в. Открыты многочисленные хозяйственные ямы, подклеты жилых строений, развалы печей. Получено более 300 индивидуальных находок, среди которых русские монеты XVI–XVII вв., изделия из рога и кости, многочисленные печные изразцы, дуговые кирпичи, стеклянная и глиняная посуда и пр.

Среди находок: монеты-чешуйки XVI в., золотоордынская серебряная монета рубежа XIV–XV вв., печные изразцы XV–XVI вв., следы косторезного ремесла XIII в. В ходе раскопок установлено, что непрерывное освоение исследованного участка началось в XI в.

Археологические работы на ул. Свердлова в г. Пскове (рук. – М. И. Кулакова). В сентябре 2017 г. начаты археологические работы (раскопки, наблюдение) на ул. Свердлова в г. Пскове. Работы проводятся в рамках реализации туристско-рекреационного кластера «Псковский». Археологические раскопки проводятся по новым участкам прокладки инженерных сетей. На участках перекладки инженерных сетей работы ведутся в режиме археологического наблюдения. В 2017 г. археологические раскопки выполнены на площади чуть более 500 кв. м на участке от ул. Калинина до Музейного пер. Основной объем археологических работ на ул. Свердлова запланирован на 2018 г.

Археологические работы в Псковской области

Археологические работы в области в 2017 г. проводились на следующих участках:

1. Раскопки на курганно-жальничном могильнике у дер. Заклинье (Стругокрасненский район) (рис. 8: 1).
2. Раскопки на поселении у дер. Горожане (Новосокольнический район) (рис. 8: 2).

Рис. 8. Археологические работы в Псковской области в 2017 г.: 1 – археологические раскопки курганно-жальничного могильника у д. Заклинье Стругокрасненского района; 2 – археологические раскопки на поселении у д. Горожане Новосокольнического района; 3 – археологические раскопки селищ по трассе ВЛ-330 «Новосольники – Талашкино» в Великолукском, Новосокольническом, Усвятском районах; 4 – археологическая разведка в Стругокрасненском районе; 5 – археологическая разведка с целью определения границ территории памятника археологии «Кобылье Городище» (Гдовский район); 6 – археологическая разведка с целью определения границ памятника археологии «Культурный слой монастырской слободы» (г. Печоры); 7 – определение границ территории достопримечательного места «Средняя Плюсса»; 8 – определение границ территории достопримечательного места «Фортификационные и инженерные сооружения времен Первой мировой войны на территории Псковской области» (Псковский, Печорский, Палкинский, Островский районы); 9 – разведка по трассе проектируемого газопровода в Новоржевском и Пушкиногорском районах; 10 – разведка по трассе проектируемого газопровода в Новосольническом районе; 11 – разведка по трассе реконструкции нефтепровода в Невельском районе

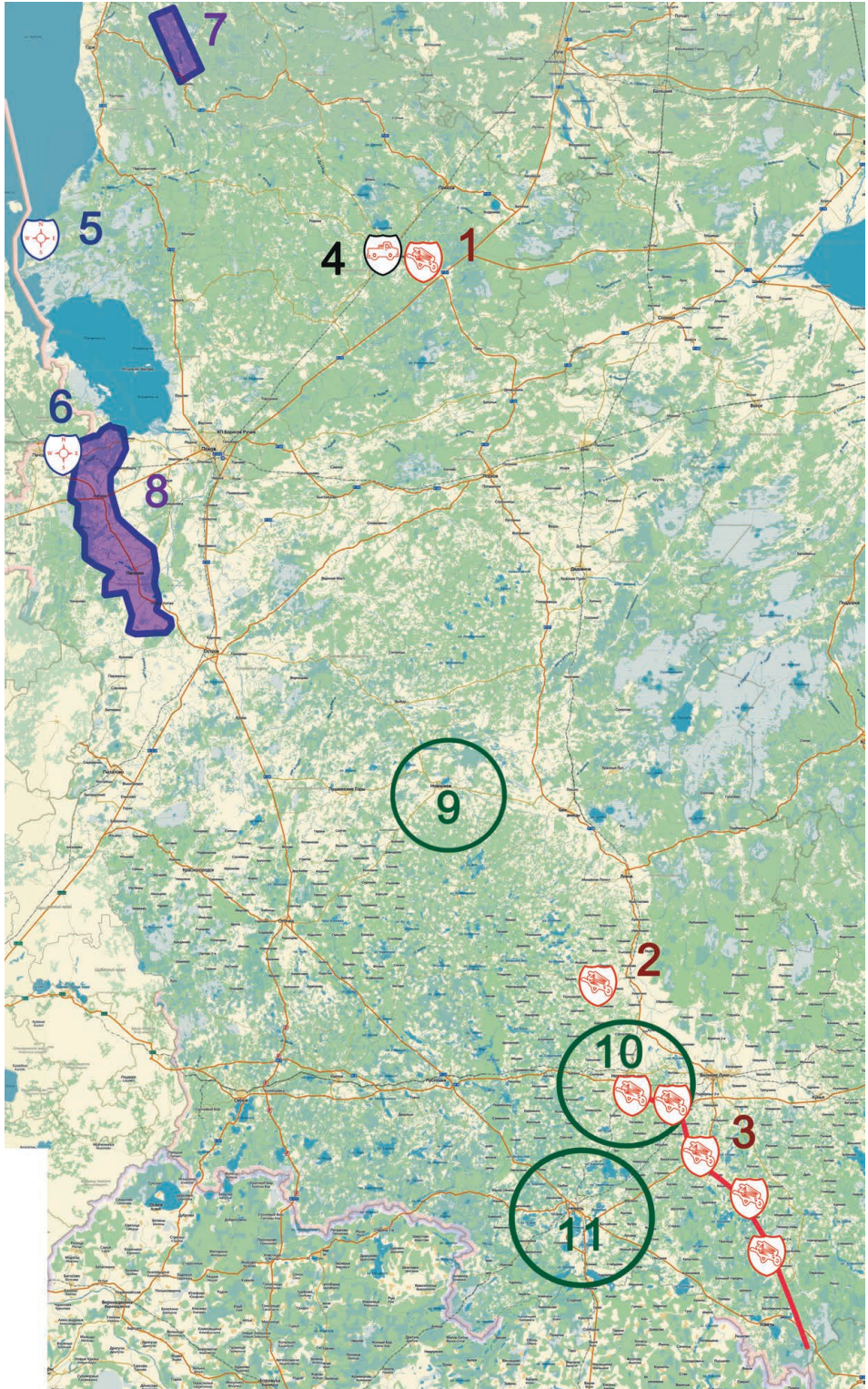

Рис. 9. Археологические раскопки на курганно-жальничном могильнике у д. Заклинье Стругокрасненского района. Общий вид на павильон над раскопом

3. Раскопки на селищах в Новосокольническом, Великолукском и Усвятском районах (рис. 8: 3).

4. Разведка в Стругокрасненском районе (рис. 8: 4).

5. Определение границ территории памятника археологии «Городище» (д. Кобылье городище, Гдовский район) (рис. 8: 5).

6. Определение границ территории памятника археологии «Культурный слой Монастырской слободы» XVI–XVII вв. (г. Печоры) (рис. 8: 6).

7. Определение границ территории достопримечательного места «Средняя Плюсса» (рис. 8: 7).

8. Определение границ территории достопримечательного места «Фортификационные и инженерные сооружения времен Первой мировой войны на территории Псковской области» (рис. 8: 8).

9–11. Обследование трасс ЛЭП, газопроводов и т. д. (рис. 8: 9–11).

Археологические раскопки курганно-жальничного могильника у д. Заклинье Стругокрасненского района (рук. – А. В. Михайлов) (рис. 9, 10). Общая площадь исследований – 600 кв. м (2 раскопа: 540 и 60 кв. м соответственно). Раскопки проводились в пределах границ территории выявленного объекта культурного наследия «Жальничный могильник» у д. Заклинье, который частично входит в полосу землеотвода для строительства высоковольтной

Рис. 10. Археологические раскопки на курганно-жальничном могильнике у д. Заклинье Стругоокрасненского района. Исследование погребений

линии электропередач. В результате проведенных работ была существенно скорректирована восточная граница территории могильника. Были изучены три погребения по обряду ингумации в грунтовых ямах. Исследованные погребальные комплексы должны быть отнесены к категории курганно-жальничных захоронений: над каждым из погребений зафиксирована невысокая насыпь, обложенная по периметру гранитными валунами. Все обнаруженные погребения оказались безынвентарными, находки керамики из насыпей и заполнения могильных ям позволяют датировать их второй половиной XIII – первой половиной XIV в. Получены интересные данные об этапности возведения надмогильных сооружений, функционировании участка кладбища после завершения захоронений.

Археологические раскопки на поселении Горожане в Новосокольническом районе (рук. – А. В. Михайлов). Площадь археологических раскопок 2017 г. составляет 48 кв. м, мощность культурных отложений – 0,8–0,9 м. Раскоп был заложен в северной, наиболее возвышенной части поселения. Наиболее значимым итогом работ является обнаружение непо потревоженного распашкой и грабителями горизонта пожара в нижней части культурного слоя. Из слоя пожара происходит значительное количество находок, в том числе три развала лепных сосудов, низка стеклянных бус, предметы быта.

Рис. 11. Археологические раскопки на селище у д. Курьяково (Великолукский район)

На уровне пожара зафиксированы два отопительных устройства – глинобитная печь и печь-каменка, а также следы ремесленной деятельности, связанной с обработкой металла. Коллекция индивидуальных находок насчитывает свыше 140 предметов. Значительное число составляют находки стеклянного бисера и бус, что связано со сплошным просеиванием культурного слоя. Среди находок присутствуют восточные монеты, предметы торгового инвентаря, ювелирные украшения, предметы вооружения.

Археологические раскопки селищ на трассе строительства объекта ВЛ-330 кВ «Новосокольники – Талашкино» (Новосокольнический, Великолукский, Усвятский районы, рук. – А. В. Михайлов). Общая площадь исследований составила 8900 кв. м (3 раскопа: 1800, 3500, 3600 кв. м соответственно). Раскопки проводились в пределах границ территории выявленных объектов культурного наследия: «Селище» в ур. Курьяково (рис. 11), «Селище» в ур. Соколки, «Селище» у д. Пропостниково (рис. 12), которые частично входят в полосу землеотвода для строительства высоковольтной линии электропередач. Поселения в урочищах Курьяково и Соколки возникли в середине – второй половине XVIII в. и просуществовали до 1943 г. Селище у д. Пропостниково можно датировать XV–XVIII вв. – это остатки малодворной деревни (не более двух дворов). В ходе работ была изучена планировка сельских поселений с четким разделением на жилую (селитьбенную) и хозяйственную зоны, которая в целом оставалась достаточно стабильна на протяжении длительного времени. Как уже отмечалось, деревни Курьяково и Соколки были уничтожены в 1943 г. и больше не восстанавливались. Культурные отложения содержат

Рис. 12. Археологические раскопки на селище у д. Пропостниково (Великолукский район)

свидетельства активных боевых действий на этой территории. Особо стоит отметить, что на селище Курьяково было обнаружено и изучено два места захоронений солдат РККА и вермахта, которые датируются 1941 и 1943 гг.

Археологическая разведка в Стругокрасненском районе (рук. – В. А. Деркач). Разведочные работы проводились с целью выявления объектов археологического наследия, подготовки необходимой документации для включения постановки на государственный учет выявленных объектов культурного наследия. В результате работ были выявлены следующие памятники археологии:

- грунтовый могильник у д. Красная горка;
- одиночный курган у д. Пятчино;
- курганно-жальничный могильник у д. Могутово.

Археологические разведки с целью определения границ территорий памятников археологии. В 2017 г. сотрудниками ГБУК ПО АЦПО постоянно проводилась работа по определению границ территорий памятников археологии. Всего определены границы территорий для 28 объектов, в том числе для двух поселенческих объектов, определение границ территорий для которых невозможно без закладки археологических шурфов. Это городище в д. Кобылье Городище Гдовского района и «Культурный слой монастырской слободы» (г. Печоры).

В ходе работ по определению границ территории объекта археологического наследия «Культурный слой монастырской слободы» (г. Печоры) (рис. 13) уста-

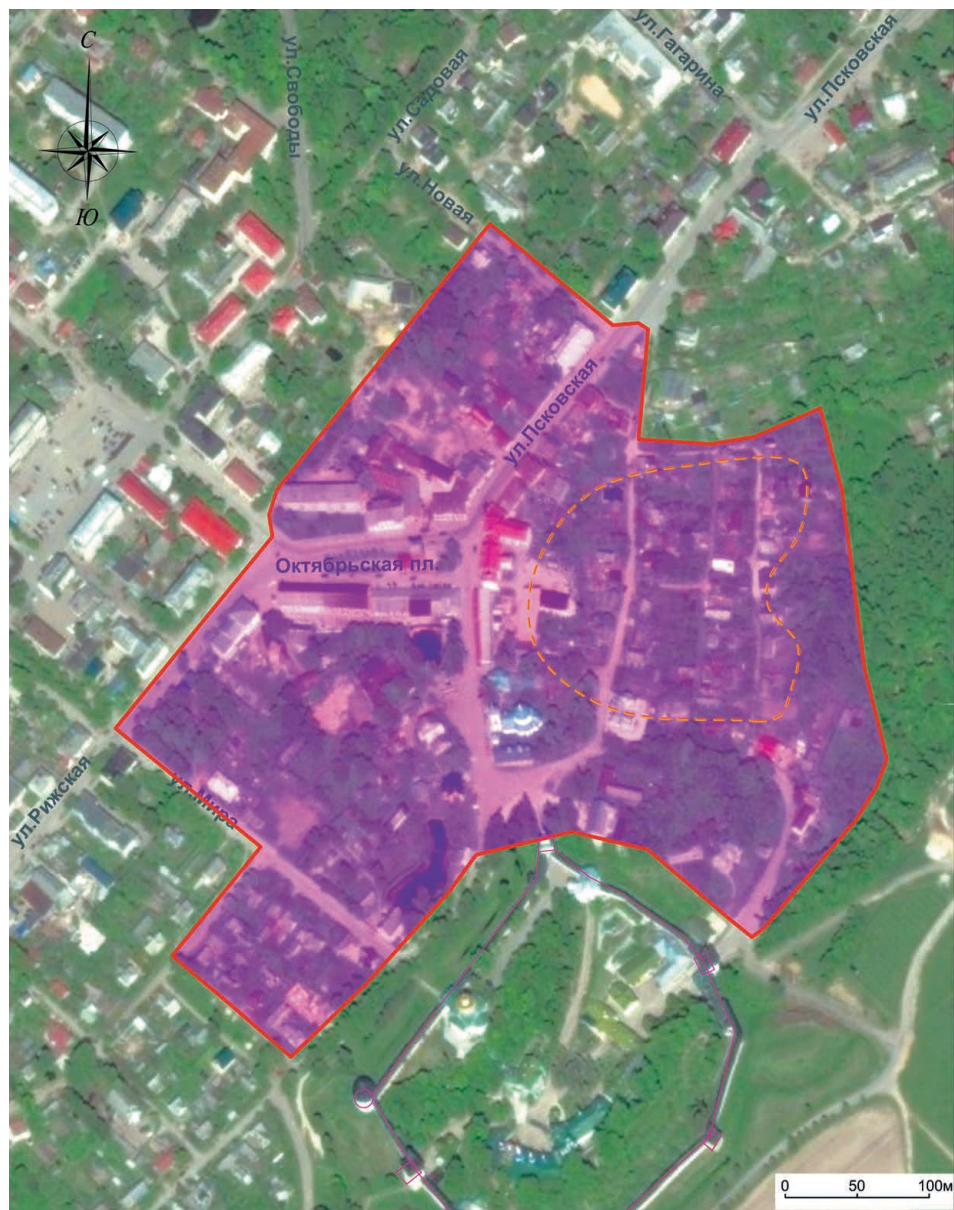

Рис. 13. Схема границ территории ОКН ФЗ «Культурный слой монастырской слободы» (г. Печоры)

новлено, что сохранившиеся участки культурного слоя монастырской слободы расположены к северу и западу от Псково-Печорского монастыря. Границы территории определены на основании исторических планов города, археологических исследований прошлых лет и результатов полевых работ 2017 г. Общий

Рис. 14. Общий вид на ОКН ФЗ «Городище» XVI–XVII вв.
(Гдовский район, д. Кобылье Городище)

периметр границы территории объекта археологического наследия составляет 1939 м. Площадь территории объекта археологического наследия 15,92 га.

Объект культурного наследия «Городище» XVI–XVII вв. расположен на северо-западной окраине д. Кобылье Городище Гдовского района (рис. 14). В плане городище имеет трапециевидную форму приблизительно 120×70 м и вытянуто по оси юго-запад – северо-восток. Общий периметр границы территории объекта культурного наследия составляет 720 м, площадь – 2,86 га.

Проект по определению границ территории ОКН включает в себя материалы, исчерпывающе характеризующие его на современном этапе исследования. Это создаст благоприятные условия для его охраны, а также позволит оптимизировать современную хозяйственную деятельность, упростит и конкретизирует параметры возможных работ в границах распространения археологических отложений.

Определение границ территорий памятников археологии и достопримечательных мест проводилось в рамках реализации подпрограммы «Наследие» государственной программы «Культура, сохранение культурного наследия и развития туризма на территории области на 2014–2020 годы».

Новым направлением в работе является определение границ территории достопримечательного места «Фортификационные и инженерные сооружения времен Первой мировой войны на территории Псковской области» (Псковский, Печорский, Палкинский, Островский районы Псковской области) (рис. 15).

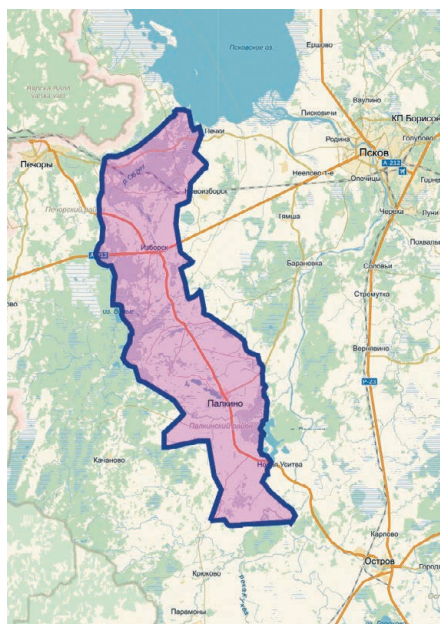

Рис. 15. Схема границ территории достопримечательного места «Фортификационные и инженерные сооружения времен Первой мировой войны на территории Псковской области»

В ходе Первой мировой войны в мае-сентябре 1915 г. русская армия потерпела ряд серьезных поражений на западном фронте в Галиции и Польше. Войсками была оставлена вся территория современной Польши и западной Белоруссии, а вместе с территориями были оставлены все пограничные крепости, возводившиеся десятилетиями на границе с Германией и удерживавшие фронт с осени 1914 г. В этих тяжелых условиях сложилась прямая угроза прорыва немецких армий на север в направлении на Петроград. В срочном порядке в тылу отступающих армий Северного фронта в августе-сентябре 1915 г. стали возводиться резервные линии обороны. Одна из таких линий в составе Чудской озерной, Псковской (Изборской), Островской, Святогорской и Новоржевской позиций была запланирована к постройке на территории современной Псковской области. Первой из вышеперечисленных стала возводиться Псковская (Изборская) позиция, работы на ней начались в середине августа.

Активные работы по постройке Псковской (Изборской) позиции велись с 25 июля 1915 г. по 1 сентября 1916 г., затем работы были прекращены, а позиция законсервирована. С сентября 1917 г. было принято решение о возобновлении работ, однако на полноценное строительство уже не было ни сил, ни средств, и работы были направлены главным образом на ремонт уже построенных инженерных сооружений. Эти работы продолжались вплоть до января 1918 г.

Позиция состоит из двух частей – передового и тылового рубежа в виде цепочки полевых фортификационных укреплений разного типа, вытянутых в меридиональном и субмеридиональном направлении. Общая протяженность с севера на юг – 60 км каждая полоса, при ширине в среднем 1–3 км каждой полосы укреплений.

***

***Е. В. Салмина, С. А. Салмин, В. А. Белоус,
К. С. Косовец, А. В. Фисенко, Т. А. Щукина***

Возвращение через 105 лет: Раскопы 2016–2017 гг. у Мстиславской башни в Пскове

Резюме. В 2016–2017 гг. на территории бывшей псковской тепловой электростанции начались масштабные археологические раскопки, предшествующие общей реконструкции квартала. В результате раскопок зафиксирована сложная и многокомпонентная стратиграфическая картина. Общая датировка культурных отложений – от X до начала XX в. Самый ранний горизонт, выявленный на исследованном участке – хорошо сохранившийся комплекс курганного некрополя X–XI вв. В последующих отложениях (конец XI–XII в.) здесь зафиксированы остатки жилых построек, элементы дворовой планировки. Слои XII–XIV вв. сохранили производственные металлообрабатывающие комплексы. Отложения XVI–XVII вв. связаны с периодом существования на этой территории подворья Псково-Печерского монастыря.

Ключевые слова: Псков, охранные раскопки, курганный некрополь, металлообрабатывающий комплекс.

***E. V. Salmina, S. A. Salmin, V. A. Belous, K. S. Kosovets, A. V. Fisenko,
T. A. Shchukina. Return in 105 Years: Excavations in 2016–2017 at the
Mstislavsky Tower in Pskov***

Abstract. In 2016–2017, large-scale archaeological excavations preceding the general reconstruction of the quarter began on the territory of the former Pskov thermal electric power plant. The excavations revealed a complex and multicomponent stratigraphic picture. The general dating of the cultural deposits was from the 10th to early 20th c. The earliest horizon identified at the investigated area is a well preserved complex of mound necropolis of the 10th–11th c. In later deposits (the end of 11th–12th c. there were recorded remains of dwellings and elements of the estate planning. The layers of the 12th–14th have preserved the industrial metalworking complexes. The deposits of the 16th–17th cc. testify to the period of existence of the Pskovo-Pechersky monastery courtyard on this territory.

Keywords: Pskov, rescue excavations, mound necropolis, metalworking complex.

В 2016–2017 гг. на территории бывшей псковской тепловой электростанции начались масштабные археологические раскопки (см. рис. 1: 6 к статье М. И. Кулаковой в настоящем сборнике), предшествующие общей реконструкции квартала. Реконструкция включает в себя строительство нескольких новых малоэтажных жилых зданий, прокладку коммуникаций и реконструкцию здания ТЭЦ 18 (памятник эпохи конструктивизма постройки 1904–1920 гг. (Филимонов, 2017. С. 106–117), который будет сохранен и включен в новый квартал).

Раскопы получили название Мстиславские II и III по расположенной рядом Мстиславской башне, нумерацию – вслед за Мстиславским I раскопом 2003 г. Мстиславская башня (Бурков костер) была построена в 1396/1397 г. и является в настоящее время единственной сохранившейся в Пскове башней Среднего города. Башня находилась в стене над р. Великой, в углу укреплений 1375 г. (Лабутина, 1985. С. 36, 55, 57, 60, 63; Псков через века... С. 219–220; Окулич-Казарин, 2001. С. 184). Благодаря месту своего расположения после расширения города на юг и строительства пятого кольца стен она осталась также и частью фортификационных укреплений Окольного города. Здесь же существовали Бурковы ворота, выходившие на р. Великую (СМАМЮ, 1913. С. 11), которые вскоре были заложены и в росписи 1644 г. уже не указываются, башня названа «глухой», т. е. непроезжей. В годовой смете Пскова 1699 г. башня впервые названа Мстиславской: «Башня круглая Мстиславская Окольного города, что от Великий реки, а в ней верхних, и средних, и подошвенных 24 бои, мерою две сажени с полуаршином; и та башня с лица и изнутри во многих местах осыпалась» (СМАМЮ, 1914. С. 223).

В 1912 г. здесь, в непосредственной близости от Мстиславской башни, в связи с продолжающимся строительством электрической станции и обнаружением в ходе земляных работ деревянных конструкций, костей и вещевых находок, были проведены археологические раскопки (Крейтон, 1912; Тр. ПАО, 1912–1913. С. 28–34). Работы проводились на глубине более 5 м от дневной поверхности («два с половиной сажени глубины»), культурные отложения характеризуются как «плотная слежавшаяся земля с включениями щебня, костей животных». При раскопках было обнаружено «подземное течение р. Зрачки» и «остатки деревянного сооружения неизвестного назначения». Можно предполагать, что, судя по местоположению раскопа в непосредственной близости от Мстиславской башни, он попал в площадь рва стены 1374/1375 г. Сохранившаяся часть вещевой коллекции этих раскопок хранится в Псковском музее-заповеднике в составе сборной археологической коллекции из раскопок Крейтона, Эдинга, Александрова, Рыкова, Полянского, Гольмстен и др., проведенных в Псковской губернии в начале XX в. (ПГОИАХМЗ, № КП 2184).

Длительное время этот участок в центре города – закрытая, «режимная» территория действующей ТЭЦ – оставался недоступным для исследований. Охранные раскопки проводились на периферии участка в 1983 и 1989 гг. В 2000–2001 гг. охранные археологические раскопки предварили строительство на территории Псковского областного онкологического диспансера примерно в 100 м от северной границы раскопа Мстиславский III 2017 г. Раскоп 2000–2001 гг. располагался на территории Среднего города, на участке между третьим и четвертым поясами напольных оборонительных укреплений 1309 и 1374/1375 гг., на участ-

ке, где в начале XVI в. было основано подворье Псково-Печерского монастыря и построена каменная церковь Богоматери Одигитрии (*Окулич-Казарин*, 2001. С. 107; Псков через века... С. 222–223; *Снегальский*, 1978. С. 122–124). Юго-восточная (т.е. ближайшая к месту характеризуемого раскопа) часть территории подворья была занята садом и огородами (*Аполлос (Беляев)*, 1893. С. 125). Раскоп получил наименование «Печерский» (рук. Э. В. Королева). Площадь раскопа составила 130 кв. м, мощность средневекового культурного слоя 1,4–2 м. Возникновение на этом участке дворовой застройки относится к XI в. В XII – нач. XIII в. здесь функционирует производственный комплекс по обработке черного и цветного металла. В XIII–XV вв. здесь фиксируется интенсивная жилая застройка, дошедшая до нас в виде сильно обгоревших деревянных конструкций. Для этого участка характерно довольно раннее каменное строительство (датировка строительства постройки XV–XVI вв. подтверждается стратиграфическими доводами и ориентировкой стен постройки согласно древнейшей уличной планировке). Более поздние каменные постройки (XVI – нач. XVIII в.) ориентированы уже вдоль крепостной стены (*Королева*, 2001; 2002).

В 2003 г. непосредственно на территории еще действовавшей тогда электростанции был произведен охранный раскоп площадью 824 кв. м, предваряющий строительство новой технической постройки, – Мстиславский I (рук. Е. В. Салмина). Мощность антропогенных отложений составила здесь от 1,2 до 3,2 м. Отложения позднесредневекового времени сохранились небольшими участками, на большей части площади они были серьезно нарушены в Новое и Новейшее время (в том числе при строительстве каменных и кирпичных зданий XVIII – нач. XX в., также фиксировавшихся археологическими методами). К средневековым отложениям относится ряд частокольных канавок, а также производственный комплекс, связанный с бронзолитейным делом. Древнейшие материалы на изученном участке могут быть датированы концом X–XII в. Зафиксировано нарушенное погребение, выполненное по обряду кремации, с перемещенным инвентарем погребения может быть соотнесена сердоликовая бусина (*Салмина*, 2006. С. 25–32).

Наконец, в 2016–2017 гг., когда работа ТЭЦ полностью была прекращена и участок перешел к частному застройщику, начались масштабные археологические раскопки. В 2016–2017 гг. они были проведены на площади 1850 кв. м, запланированы работы еще более чем на 1500 кв. м. Такие масштабные археологические работы в непосредственной близости от крепостной стены Среднего города 1374/1375 г. и Мстиславской башни проводились впервые. Тем печальнее, что только один из двух раскопов (Мстиславский II) имел классическую конфигурацию и сплошную площадь, пятно этого раскопа назначено под устройство подземной автостоянки. Второй раскоп – под жилое здание – был согласован под ленточный фундамент, т.е. собственно раскопки проведены только в тех местах, где фактически будут находиться линии опорных колонн. Таким образом, раскоп Мстиславский III оказался составлен траншеями, разделенными трехметровыми промежутками (см. рис. 6 к статье М. И. Кулаковой в настоящем сборнике) Мощность культурных отложений на исследованном участке на основной площади – от 0,9 до 1,5 м, в ямах и постройках

Рис. 1. Снятие балластных сооружений и демонтаж бункера XX в. перед началом работ на Мстиславских раскопах. Вид с запада

периода Средневековья и Нового времени – до 2–3,8 м, вместе с балластными отложениями второй половины XX в. – от 3 до 6,7 м.

В результате раскопок была зафиксирована сложная и многокомпонентная стратиграфическая ситуация. Важно принимать во внимание, что в начале XX в. в результате сооружения искусственных стоков от комплекса ТЭЦ в реку Великую (и, возможно, в ее правобережный приток – р. Зрачку) культурные напластования оказались в существенной мере обезвожены. Древние отложения оказались буквально спрессованы до одного-полутора метров. Обезвоживание древних отложений продолжалось еще и за счет устройства здесь подземных помещений (бункеров) в XX в. (рис. 1). Затем, уже в послевоенное время, здесь была произведена мощнейшая подсыпка участка, поднявшая уровень поверхности на 2,5–3,5 м. Отметим, что грунт для этой подсыпки в основном представляет собой остатки руинированной в ходе военных действий 1941–1944 гг. городской застройки, перемещенной затем в процессе реконструкции города из центральной его части. В составе балластного грунта наряду с материалами, явно относящимися к первой половине XX в., присутствовали также многочисленные средневековые находки¹.

¹ Балластные отложения перед началом археологических раскопок разбирались при помощи экскаватора. При этом сложенный в отвал грунт просматривался с применением металлодетектора. Полученные таким образом находки включены в археологическую коллекцию отдельной описью.

Самый ранний горизонт, выявленный на исследованном участке – довольно хорошо сохранившийся комплекс курганного могильника X–XI вв. Здесь были зафиксированы два ранее не известных участка псковского некрополя, разделенных руслом р. Зрачка, позднее заполнявшей ров крепостной стены 1374/1375 г.

На территории северного участка (Мстиславский III) выявлены 6 курганных насыпей разной степени сохранности, содержавшие 3 непо потревоженных и 3 разрушенных погребения. На территории южного участка (Мстиславский II) выявлены 3 курганные насыпи, содержавшие 4 непо потревоженных погребения².

Курганные насыпи сформированы желтым плотным пылеватым песком на северном участке и плотным суглинистым песком – на южном, сооружены на материковом основании (рис. 2, 3). В основании части насыпей присутствует значительное количество гранитных валунов и булыжников. На южном участке некрополя (раскоп Мстиславский II) в процессе разборки суглинистой части насыпей были выявлены удлиненные известняковые насыпи (рис. 4), перекрывающие углубления в материке, содержавшие единичные фрагменты лепной керамики.

Представляется также, что под насыпями не прослеживается следов какого-либо освоения территории, предшествующего возведению. Случаи проявления гумусированности ниже углисто-дресвяного заполнения ровиков вполне могут быть объяснены пропиткой грунта продуктами горения, накапливавшимися в ровике. Для курганов южного участка (Мстиславский II) характерна своеобразная «выглаженность» материковой скалы под песчаными насыпями; с определенной долей уверенности можно проследить заглупление ровиков в известняковый «рухляк».

Насыпи расположены очень близко одна к другой, прослеживается перекрытие ровиков более ранних курганов полами более поздних, особенно это характерно для северного участка. В нескольких случаях на поверхности насыпи фиксировались остатки обугленных деревянных конструкций крайне плохой сохранности.

Все раскрытые в курганах погребения произведены по способу «трупосожжения на стороне». Кремированные человеческие кости помещены в ямки на поверхности кургана, располагавшиеся как в центральной части насыпи, так и в ее полах. В части случаев они перекрыты сверху керамическими сосудами (рис. 5). Одна из кремаций, перекрытых лепным орнаментированным горшком, находилась в «каменном ящичке»: под горшком располагалась известняковая плита-крышка, перекрывающая основной массив кальцинированных не слишком сильно пережженных костей (рис. 6). Вообще для кремаций, зафиксированных при раскопках 2017 г., характерен большой размер фрагментов костей. Вероятно, сжигание происходило при невысокой температуре, что привело к сравнительно малой деформации костной ткани – до такой степени, что некоторые части скелета идентифицируются на уровне визуального осмотра.

---

² Число насыпей и погребений определено предварительно при полевой фиксации объектов. После завершения работы с документацией эти данные могут быть уточнены.

Рис. 2. Мстиславский III раскоп. Насыпь кургана 3. Вид с юга

Рис. 3. Мстиславский III раскоп. Курган 2 в процессе разборки.
Вид с запада (сверху)

Рис. 4. Мстиславский II раскоп. Каменная насыпь в составе отложений некрополя.
Вид с юга

Рис. 5. Мстиславский II раскоп. Керамический сосуд, перекрывающий кремацию.
Вид с юго-востока (сверху)

Рис. 6. Мстиславский III раскоп. Курган 2. Погребение 1 «в каменном ящичке». Вид с юга (сверху)

Кроме сосудов, непосредственно перекрывавших ямки с кремациями, из состава некрополя происходят керамические сосуды (как практически полные развалы, так и отдельные фрагменты), непосредственно с погребениями не связанные. Небольшое количество фрагментов лепной и раннегончарной керамики происходит из заполнения курганных ровиков.

Характерным для всех насыпей является заполнение ровиков, состоящее из плотно слежавшихся мелких прокаленных булыжников, дресвы, древесного угля, образующих прослойку мощностью до 3–5 см. Заполнение ровиков содержало значительное число костей рыб и млекопитающих, обрезков и «стружек» лосиного рога. В числе индивидуальных находок, происходящих из заполнения ровиков, – фрагменты стеклянных перстней, бусы, бисер. Инвентарь самих погребений в большинстве случаев невыразителен и имеет плохую сохранность. Тем не менее, в одном из погребений обнаружен практически полный набор поясных накладок-бляшек – вполне вероятно, собственно пояс (см. статью Т. А. Щукиной в настоящем сборнике).

Вполне возможно, что с погребениями связаны отдельные находки X–XI вв., зафиксированные в переотложенном виде, в частности, в нарушивших курганы ямах. Примером такой находки может быть набор амулетов – кресаловидных подвесок (см. статью К. С. Косовец в настоящем сборнике).

Подчеркнем, что оба участка могильника, располагавшиеся на северном и южном берегах р. Зрачки, синхронны, обнаруживают одинаковые черты обряда и сходство технологических приемов, использованных при сооружении насыпей, – например, помещение во внутреннюю часть насыпей значительно числа гранитных булыжников, не образующих конструкций, а также сходство в составе инвентаря. Таким образом, можно предполагать, что, несмотря на «водную преграду», мы имеем дело с единым памятником.

Практически все курганы в той или иной мере нарушены хозяйственной деятельностью конца XI–XIII в. Так, определенный ущерб нанесен комплексу некрополя при устройстве в межкурганном пространстве заглубленных в землю жилищ этого времени. Зафиксированы также остатки хозяйственных построек, элементы дворовой планировки – остатки частокольных канавок, устойчивых проходов (проездов), идущих параллельно течению реки.

В южной части Мст II раскопа трассы частокольных канавок проходят через отложения металлургического комплекса, представленные в основном зоной остужения плавильных тиглей – своеобразное «поле лавы», составленное коркой спекшегося песка, сохранившей спекшиеся отпечатки крупных тиглей на площади около 6 кв. м.

Слои XII–XIII вв. на раскопе Мст III сохранили производственный металлообрабатывающий комплекс, включавший в себя почти полностью сохранившийся металлоплавильный горн. Зафиксирован факт его устройства на удобном «холмике» курганной насыпи (рис. 7). Основание еще одного горна зафиксировано к западу от первого. Здесь собрано значительное число шлаков черного и цветного металла, инструменты (в том числе – литейные формы и тигли), выплески, производственный брак, фрагменты предметов из цветных металлов, подготовленные для вторичного использования. Интересно наличие в составе сырья, использовавшегося местными мастерами, значительного количества фрагментированных и деформированных ювелирных украшений, часть которых с высокой долей вероятности может происходить из курганных насыпей на этой же территории. Примечательно, что предназначенные для переплавки перстни и браслеты разломаны или разрублены на почти равные по размерам «порционные» фрагменты или же буквально сплющены (*Салмина, Салмин. В печати*)

Активность металлургического комплекса прослеживается далее в XIII–XIV вв., когда в результате регулярных немецких и литовских набегов жители этого участка Пскова оставили свои прежние жилища и переселились поближе к Крому, оставив «в опасном месте» только производство. Важно подчеркнуть факт практически полного отсутствия остатков жилой застройки, одновременной металлургическим комплексам. Этим рассматриваемый участок отличается от ранее изученного на территории Среднего города производственного металлургического комплекса, связанного с городскими усадьбами, существовавшего внутри селитебной зоны (*Закурина, 1990. С. 9–12; 1998. С. 123–134; 2006. С. 111–120; Королева, 1997. С. 4–5, 15–16*).

Отложения 2-й пол. XIV–XV в. в целом представлены на характеризуемой территории менее выразительно. Причина этому – строительство здесь

Рис. 7. Мстиславский III раскоп. Металлургический горн 1. Вид с юга

в конце XIV в. крепостной стены (1374/1375 г.) и последующее «поддержание порядка» на прилегающих к стене участках, как внутреннем, так и напольном. После возведения стен Окольного города (1465 г.) этот район постепенно превращается в полноценный городской, хотя и сохраняет в своем составе мастерские, связанные с обработкой металлов, зафиксированные также и при раскопках прошлых лет. Так, на рассматриваемой территории выявлены две постройки, связанные с обработкой цветных металлов, датируемые XVI в. С одной из этих построек связана представительная коллекция тиглей: целых (или почти целых) тиглей при исследовании комплекса собрано сто двадцать два, фрагментов – более двух тысяч (Салмина, 2006. С. 25–32).

Отложения XVI–XVII вв. в северной части этой территории несут на себе отпечаток деятельности подворья Псково-Печерского Успенского монастыря. Как уже отмечалось, согласно историческим источникам подворье было основано в начале XVI в., в 1537 г. была сооружена каменная церковь Богородицы Одигитрии («Путеводительницы»), сохранившаяся до наших дней: «старцы Печерские во Пскове, в своем дворе приезжем поставили церковь каменную на по-

Рис. 8. Мстиславский II раскоп. Подвальная постройка XVI в. Вид с запада (сверху)

гребне, за Николою Святым (на Усохе), Пречистыя Одигитрии, на Иваново дворе Позднякове Тверитина сведеннаго» (цит. по: *Аполлос (Беляев)*, 1893. С. 125).

Слой XVI в. на Мстиславских II и III раскопах сохранили остатки каменных построек, сложенных из известняковых плит на глинистом растворе, – подвальные части помещений, от наземной (деревянной) части которых остатков не сохранилось (рис. 8, 9). В одной из таких построек сохранились остатки плитняковой облицовки внутренних стен. В одну из построек вели 6 каменных ступеней. Возможно, это была кладовая-ледник. На археологически исследованной территории подворья зафиксированы также деревянные колодцы и дренаж.

Опись приезжего Печерского двора («Опись приезжего двора Печерского монастыря в Пскове 7093/1585 год. Мера того же двора 7108/1600», помещенная под № 82 в неизданный, третий сборник МАМЮ) сообщает, что на подворье Псково-Печерского монастыря находились четырнадцать келий, где жили 12 священников и старцев и 20 «слуг и служебников»; близ церкви находились деревянный ледник и 5 монастырских житниц (*Никаноров*, 1992. С. 37–39). На основании определенного опыта интерпретации остатков археологизированных

Рис. 9. Мстиславский III раскоп. Подвальная постройка XVI в. Вид с юго-востока

келей по конструктивным особенностям – небольшой внутренний объем при выраженной заглубленности в скалу, наличие отопительного сооружения, не имеющего опечка, внутри постройки (Закурина, 1994. С. 81–88; Салмин, Салмина, 2017. С. 525–535) – мы полагаем, что как келья может быть интерпретирована зафиксированная на раскопе Мстиславский III заглубленная в грунт срубная постройка. Основная площадь постройки была занята развалом отопительного сооружения. Органические истлевшие остатки могут быть с определенной долей условности интерпретированы как остатки «лежанки».

Для «периода подворья» в культурных отложениях прослежены свидетельства еще одного периода деятельности литейщиков, а именно отливка пуль, что подтверждается находками литейной формы, полуфабрикатов, обрубков литников.

Более поздние отложения на раскопах Мстиславские II и III относятся к периоду губернского Пскова и сильно нарушены при мероприятиях по строительству ТЭЦ и при ее функционировании в XX в.

* * *

Коллекция индивидуальных находок из раскопок 2016–2017 гг. насчитывает более 3000 экземпляров. В коллекции можно выделить достаточно представительные тематические серии. Это разрозненно встреченные находки

периода неолита (кремневые наконечники стрел, фрагменты ножевидных пластин и, возможно, соотносимый с этим периодом набор костяных игл), находки амулетов, группа находок, вероятно представляющих собой разнокалиберные разновесы. Отдельного внимания заслуживает набор импортов – как вещей, так и сырья, происходящих с участков, прилегающих к зонам расположения мастерских. Весьма интересной представляется серия находок «малых печатей» (пломб «дрогичинского типа»), свинцовых печатей и их заготовок, а также створки литейной формы, предназначенной для изготовления заготовок печатей. Возможно, в одном ряду с этим набором надо рассматривать прикладную серебряную печать с изображением всадника (Св. Георгия?) и надписью «ПЕЧАТЬ АНИСИМОВА ПУРНИКА». Представляется, что анализ коллекции будет произведен подробнее по завершении работ на запланированной территории в 2018–2019 гг.

Литература

- Аполлос (Беляев Иван Георгиевич)*, 1893. Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Изд. второе, дополненное при Настоятеле Архимандрите Иннокентии. Остров: Типография А. С. Степановой. 175 с.
- Закурина Т. Ю.*, 1990. Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова // АИППЗ: Тезисы докл. науч.-практ. конф. Псков. С. 9–12.
- Закурина Т. Ю.*, 1994. Новые раскопки в Мирожском монастыре // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: Сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб. С. 79–88.
- Закурина Т. Ю.*, 1998. Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова // РА. № 3. С. 123–134.
- Закурина Т. Ю.*, 2006. Орудия металлообработки и оборудование мастерских в средневековом Пскове // КСИА. Вып. 220. С. 113–124.
- Королева Э. В.*, 2001. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове по ул. Профсоюзной, 16 (Печерский раскоп), в 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 25192.
- Королева Э. В.*, 1997. Ювелирное ремесло средневекового Пскова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М. 17 с.
- Королева Э. В.*, 2002. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове в 2001 г. по ул. Профсоюзной, 16 (Печерский раскоп) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 25847. 189 л.; № 25848 (Альбом иллюстраций к отчету. 135 л., 284 ил.).
- Крейтон В. Н.*, 1912. Средний город, у Мстиславской башни // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 124, 125. Р-1. Арх. 122.
- Лабутина И. К.*, 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.: Наука. 248 с.
- Никаноров А. Б.*, 1993. Третий Псковский сборник Московского архива Министерства юстиции // Земля Псковская, древняя и современная: Тез. докл. к науч.-практ. конф. Псков. С. 37–39.
- Окулич-Казарин Н. Ф.*, 2001. Спутник по древнему Пскову. Псков. 368 с.
- Псков через века. Памятники Пскова сегодня. Археология, истории, архитектура: Краткий свод памятников истории и культуры Пскова. СПб.: «Ферт», 1994. 270 с.
- Салмин С. А., Салмина Е. В.*, 2017. Реликвии из раскопок Ильинского девичьего монастыря в Пскове в 2008 г. // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой / Ред. А. Е. Мусин, О. А. Щеглова. СПб. С. 525–537.

- Салмина Е. В.*, 2006. Мстиславский раскоп 2003 года в Пскове // АИППЗ: Мат. LI науч. семинара, посвящ. памяти академика В. В. Седова. Псков. С. 25–32.
- Салмина Е. В., Салмин С. А.* В печати. Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016–2019 гг.) // *Stratum Plus*. СМАМЮ, 1913 – Подлинная писцовая книга № 355 (1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. М. Т. V
- СМАМЮ, 1914 – Извлечение из Годовой сметы 1699 г. // Сборник Московского архива Министерства юстиции. М. Т. VI.
- Спегальский Ю. П.*, 1978. Псков. Архитектурно-художественные памятники XII–XVII веков. Изд. 2-е, доп. Л.: Искусство. 247 с.
- Тр. ПАО, 1912–1913 – Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1912 г. В. Крейтона // Труды ПАО 1912–1913 гг. Вып. 9.
- Филлимонов А. В.*, 2017. Из истории строительства Псковской ТЭЦ // Псков: Науч.-практ. ист.-краевед. ж-л. № 46. С. 106–117.

* * *

*Салмина Елена Вячеславовна, к. и. н., Псков, ГБУК ПО АЦПО;
Лаборатория социо-гуманитарной регионики ПсковГУ.
E-mail: muntrik102@yandex.ru*

*Салмин Сергей Анатольевич Псков, АНО ПАЦ; ГБУК ПО АЦПО.
E-mail: solvarg@yandex.ru*

*Белоус Владимир Александрович, Псков, временный сотрудник ГБУК ПО АЦПО.
E-mail: Lemw@yandex.ru*

*Косовец Кристина Сергеевна, Псков, временный сотрудник ГБУК ПО АЦПО.
E-mail: kristinakosovets@yandex.ru*

*Фисенко Алексей Владимирович, Псков, ГБУК ПО АЦПО.
E-mail: f1son@yandex.ru*

*Щукина Татьяна Александровна, Псков, АНО ПАЦ.
E-mail: tapven@yandex.ru*

Т. А. Щукина

Поясной набор из погребения 3 (курган 1) на Мстиславском II раскопе

Резюме. В 2017 г. в Пскове при изучении курганного некрополя X–XI вв. на территории Мстиславского II раскопа в погребении по обряду кремации был найден поясной набор, состоящий из двух десятков бронзовых бляшек и пряжки. Единичные аналогии для бляшек из этого набора были найдены в материалах памятников на территории Древней Руси, и многочисленные аналогии для всех элементов поясного набора – в материалах трех центров художественной металлообработки в окрестностях Преслава, в материалах памятников с территории Болгарии и Венгрии. Поясной набор может быть датирован X в.

Ключевые слова: курган, кремация, поясной набор, венгерский пояс, тип Преслав.

T. A. Shchukina. The Belt Set from the Burial 3 (Mound 1) from the Mstislavsky II Excavation Site

Abstract. In 2017, in Pskov, during the burial mound necropolis of the 10th – 11th cc. (Mstislavsky II) excavations, a belt set consisting of two dozen bronze plaques and a buckle was found in a burial according to the cremation rite. Single analogies for the plaques from this set were found in the materials from sites in the territory of Ancient Russia, and numerous analogies for all elements of the belt set were found in the collections of three centers of artistic metalworking in the vicinity of Preslav and the sites of Bulgaria and Hungary. The belt set can be dated to the 10th century.

Keywords: barrow, cremation, belt set, Hungarian belt, «Preslav Type».

В 2017 г. в Пскове при работе на комплексе Мстиславских раскопов (см. статью Е. В. Салминой и др. в данном сборнике) был изучен участок курганного некрополя X–XI вв.

Особый интерес представляет погребение 3 (курган 1) Мстиславского II раскопа, в состав инвентаря которого входил поясной набор, состоящий из пряжки и бляшек двух видов (материал – бронза).

Погребение было совершено по обряду кремации. Из инвентаря, помимо поясного набора, присутствовали фрагменты раннегончарного сосуда (рис. 1).

Кальцинированные кости имели две области концентрации: вверху погребения (еще до того, когда был выявлен четкий контур ямы) и внизу, под

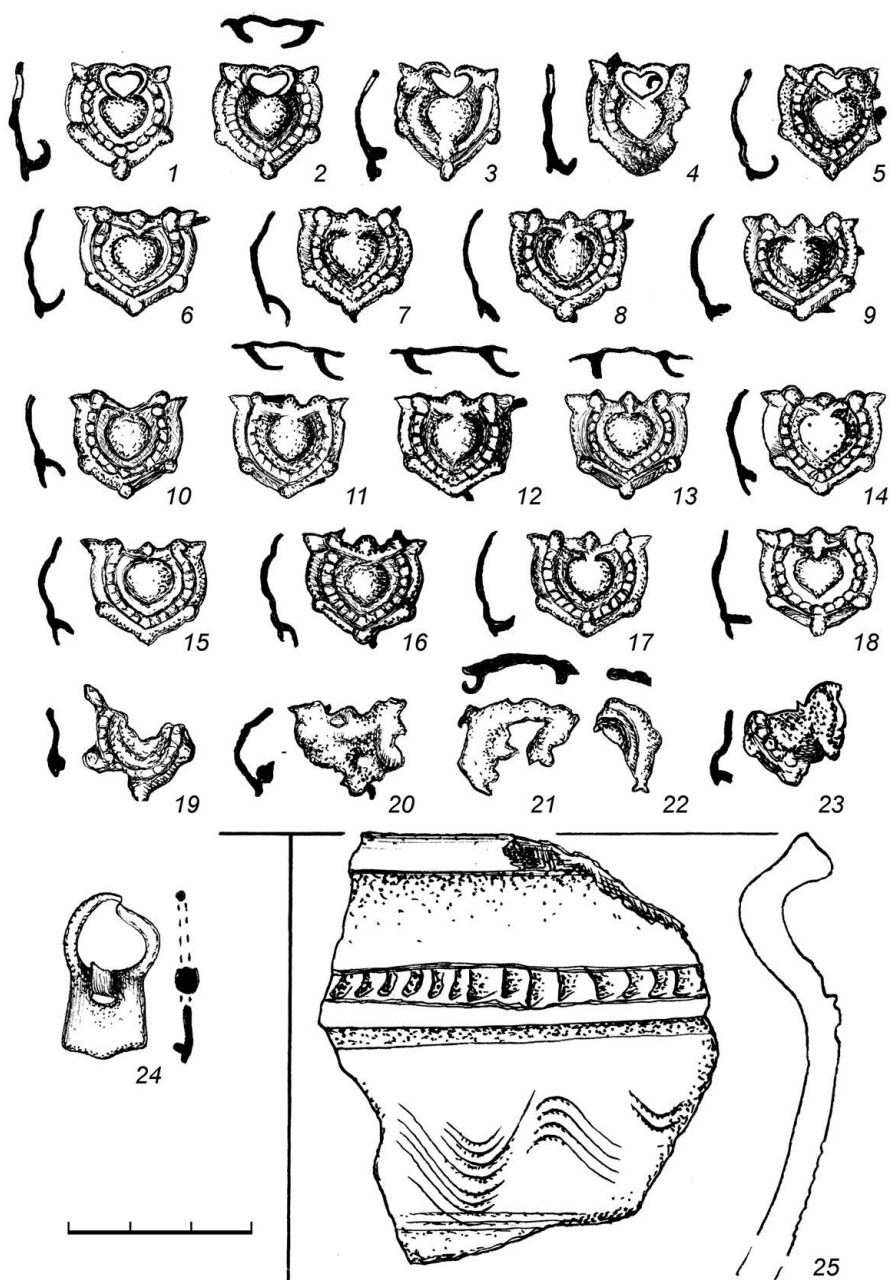

Рис. 1. Инвентарь погребения 3 (курган 1) Мстиславского-II раскопа:
поясной набор и фрагмент раннегончарного сосуда

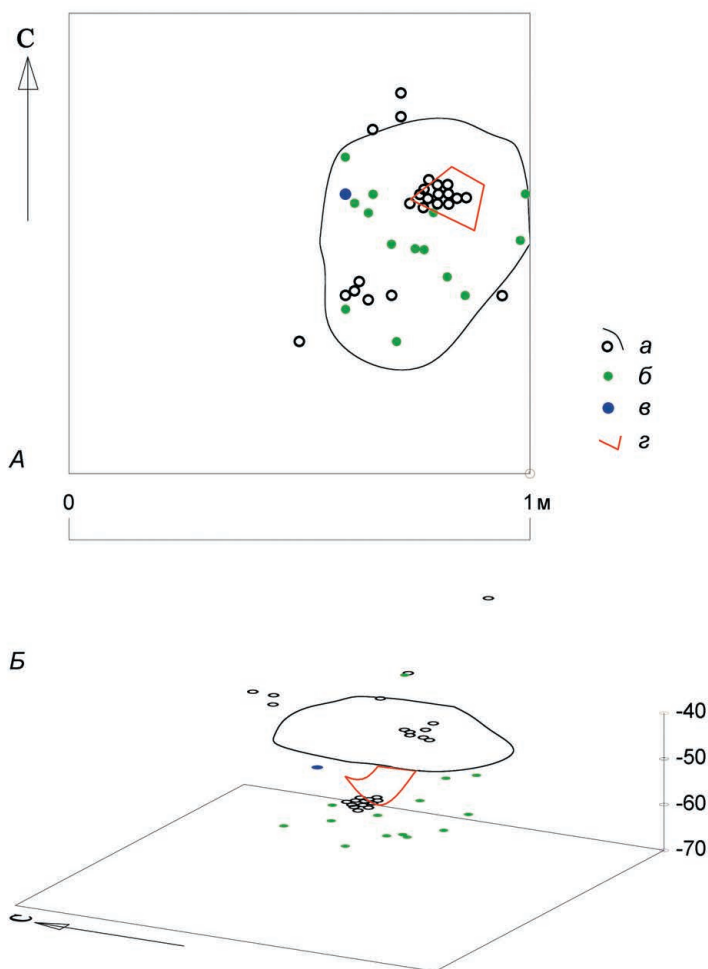

Рис. 2. Схема взаиморасположения кальцинированных костей, элементов поясного набора и сосуда в погребении 3. А – вид сверху; Б – вид с ЮЗ; а – кальцинированные кости; б – бляшки; в – пряжка; г – сосуд

горшком. Детали поясного набора тяготели к низу ямы, хотя отдельные бляшки были найдены в момент выявления погребения (рис. 2).

Пряжка цельнолитая, с овальной рамкой, щиток без орнамента, с отверстием для иглы и тремя штифтами для крепления к поясу. Язычок пряжки был железным. Размер пряжки 28×15 мм, ширина просвета рамки – 11 мм.

Полный набор бляшек состоит из 19 целых находок, на части которых видны следы воздействия высоких температур, и 10 сильно оплавленных фрагментов.

Большая часть накладок (15 ед.) относится к классу IV, группа 2, периферия, вид а, по классификации В. В. Мурашевой (Мурашева, 2000. С. 32. Рис. 36а).

Рис. 3. Два вида бляшек из поясного набора погребения 3 (курган 1) Мстиславского-II раскопа

Бляшки пятиугольной формы, по периметру расположены восемь каплевидных выступов, в центре выпуклый сердцевидный медальон, окаймленный узким выпуклым ребром и рядом ложных перлов, повторяющих его сердцевидное очертание. На некоторых накладках можно видеть у основания и в ее узкой части ребро вдоль края, соединяющее каплевидные выступы, на других оно менее выражено (рис. 3: а).

Бляшки из описываемого набора идентичны накладкам, опубликованным В. В. Мурашевой, о которых, к сожалению, очень мало информации: известно, что две накладки найдены в Петербургской губернии Л. К. Ивановским в период с 1872 по 1891 г., и датируются второй половиной X в. В качестве аналогии этим находкам В. В. Мурашева приводит поясные бляшки с территории Прикамья, Саркела и Сибири, датируются они X–XI вв. (Мурашева, 2000. С. 109).

Другой вид накладок представлен 4 экземплярами. Они почти идентичны описанным выше, однако имеют пять каплевидных выступов по периметру и сердцевидную прорезь (рис. 3: б).

Хотя размер всех накладок одинаковый (20×18 мм), пропорции у них разные: у первых больший промер – по горизонтальной оси, а у вторых – по вертикальной.

Для второго вида накладок среди памятников на территории Древней Руси нашлась очень близкая аналогия (несколько меньшего размера, но тех же пропорций) среди материалов селища Ратницкое-4 – три одинаковые накладки, размеры 18×16 мм. И. Е. Зайцева отмечает, что они сделаны по оттиску готового изделия, подвергшегося многократному тиражированию, и что, хотя на территории Древней Руси подобные изделия не были распространены, они в большом количестве известны в материалах Болгарии, Словакии и Венгрии, где они датируются от X в. (Зайцева, 2014. С. 370)¹.

Обратившись к материалам Болгарии и Венгрии, удалось найти не только значительное количество аналогий для каждого элемента рассматриваемого набора, но и аналогичный по составу (но не по количеству накладок) поясной набор.

Это набор происходит из Венгрии, из окрестностей Сентес-Надьхедж и, возможно, включает в себя элементы двух поясов (Langó, Patay-Horváth, 2016. С. 573). В состав набора, помимо накладок двух видов, входит поясной наконечник (рис. 4).

¹ Приношу искреннюю благодарность И. Е. Зайцевой за оказанное содействие.

Рис. 4. Поясной набор из окрестностей Сентес-Надьхедж
(по: Langó, Patay-Horváth, 2016. P. 578, fig.7)

Еще один близкий по составу поясной набор был найден при раскопках древнеболгарского поселения около села Кривина и датирован началом X в. (Langó, Patay-Horváth, 2016. С. 569). Сходство этого пояса с набором с Мстиславского раскопа в том, что в нем также присутствуют две описанные выше разновидности бляшек, однако в данном случае некоторые из бляшек украшены выгравированными на сердцевидном медальоне пальметтами, и пряжка тоже украшена гравировкой (рис. 5: 1, 2). Кроме того, состав этого набора шире: в него входят также наконечник ремня и бляшка с кольцом на шарнирном креплении (Gomolka-Fuchs, 2003. С. 493). Помимо металлической фурнитуры пояса, было найдено 11 фрагментов кожаного ремня, благодаря этому

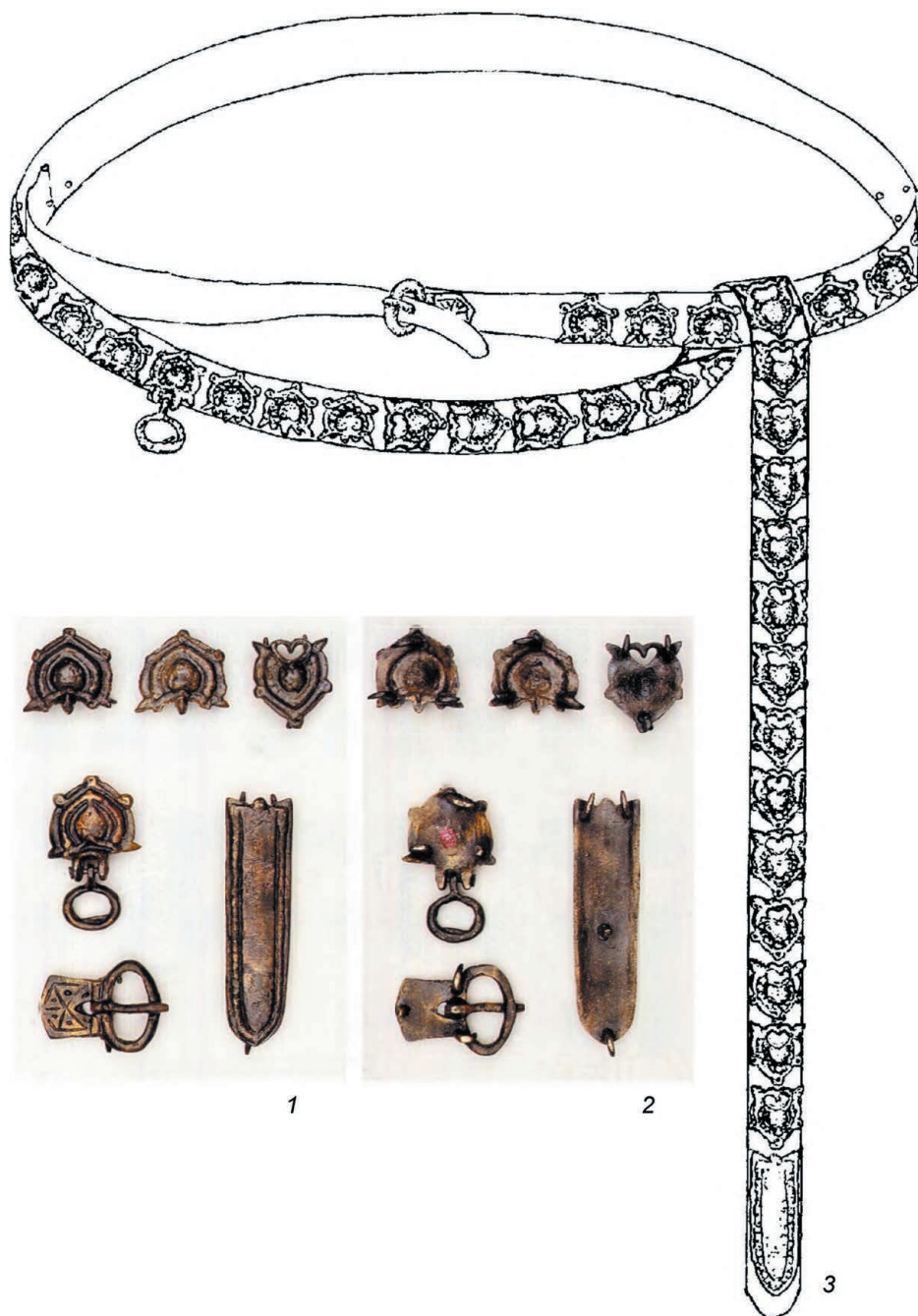

Рис. 5. Поясной набор из окрестностей с. Кривина (по: *Gomolka-Fuchs*, 2002. S. 496, Abb. 3; S. 503, Abb. 7). 1 – лицевая сторона предметов гарнитуры; 2 – оборотная сторона; 3 – реконструкция пояса

стало известно, как располагались накладки на ремне: часть была прикреплена узким краем вверх, а часть – как бы вдоль ремня, так что вверх была направлена боковая сторона бляшки (рис. 5: 3) (*Gomolka-Fuchs*, 2003. С. 502).

В связи с находкой этого пояса Г. Гомолка-Фукс в 1998 г. опубликовала статью, в которой высказала предположение, что этот тип поясных бляшек был создан венграми под византийским влиянием, и его появление в Болгарии было связано с тем, что венгерские мастера были захвачены в плен и таким образом передали свое мастерство местным ювелирам (*Langó, Patay-Horváth*, 2016. С. 569). До недавнего времени исследователи придерживались этой версии.

Общее название для накладок подобного вида было принято «*Ribbed*» (ребристые), среди них выделяют «*Preslav Type*» (тип Преслав). Общим признаком «*Ribbed*» является центральный сердцевидный выступ (на котором может быть узор), обрамленный двойным ребром. Для накладок типа Преслав возможно (но не обязательно) наличие сердцевидного выреза, обязательным признаком является ряд жемчужин между ребрами, а также имеет значение материал: накладки этого типа известны только в бронзе (*Langó, Patay-Horváth*, 2016. С. 576).

Накладки псковского наборного пояса можно отнести к типу Преслав. Двойное ребро хорошо видно не на всех бляшках из этого набора. Возможно, это свидетельствует о том, что эти бляшки, так же как находки с селища Ратницкое-4, были изготовлены по оттиску готового изделия, подвергнувшегося многократному тиражированию, с утратой некоторых мелких деталей.

Пересмотреть версию о венгерском происхождении этих бляшек заставило открытие трех производственных комплексов в окрестностях второй болгарской столицы – Преслава: вблизи деревни Надарево Тырговиштской области, возле села Новосел Шуменской области и в селе Златар Преславского района. Большое количество готовых изделий, свинцовых моделей и бракованной продукции со всей очевидностью показало, что этот тип накладок производился в больших количествах в нескольких местах в Болгарии. (*Langó, Patay-Horváth*, 2016. С. 571; *Дончева*, 2017. С. 190).

Время функционирования трех производственных центров определено как первая половина – середина X в.

Завершение деятельности центров художественной металлообработки относят к 70-м гг. X в. и связывают это с началом смуты в Болгарском государстве: конфликтом 966 г., когда византийский император Никифор II Фока нарушил мир между Болгарией и Византией, последующими военными экспедициями русского князя Святослава в период 968–969 гг. и русско-болгарско-византийскими войнами (*Дончева*, 2017. С. 190, 191).

Преобладающей продукцией этих центров являлись детали для поясов: наконечники для ремней, бляшки, пряжки (*Дончева*, 2017. С. 195). Среди них удалось выявить многочисленные аналогии для всех элементов рассматриваемого поясного набора.

Пряжка

Подобные пряжки относятся по классификации исследователей к группе А, в комплексе у с. Новосел таких найдено 5 экземпляров (рис. 6: 1), производство этого типа пряжек в Надарево подтверждается находками оловянных моделей.

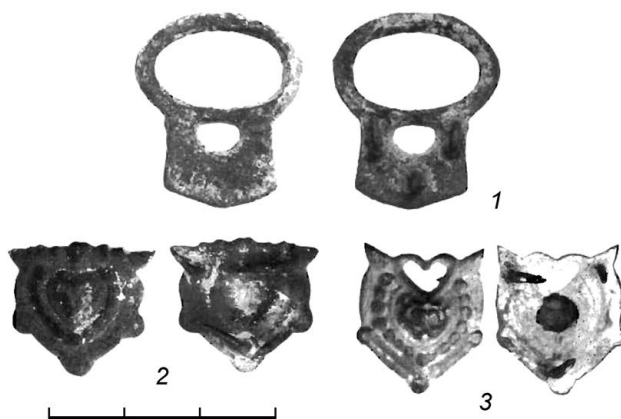

Рис. 6. Материалы производственного комплекса у с. Новосел (Бонев, Дончева, 2011. С. 273, табл. XXXI: 197; С. 276, табл. XXXIV: 242, 254). 1 – пряжка; 2, 3 – бляшки

Такие пряжки были найдены в Преславе и окрестностях.

Исследователи отмечают, что форма пряжки с овальной рамкой и трапециевидным щитком очень стабильная среди памятников ранней болгарской металлообработки с IX–X в. Они распространены и позже (конец X и первые десятилетия XI в.), подобный тип пряжек встречается также на территории Румынии и Венгрии (Бонев, Дончева, 2011. С. 105, 106).

Накладки

Интересующие нас накладки по классификации исследователей относятся к группам Б и В (накладки с сердцевидным вырезом).

Группа Б: в комплексе у с. Новосел таких найдено 2 бронзовых модели и 9 накладок двух разновидностей (широкие и узкие) (рис. 6: 2); и несколько бронзовых моделей для отливки этих накладок найдено в Надарево (Бонев, Дончева, 2011. С. 110).

Группа В: в комплексе у с. Новосел найдено 6 бронзовых накладок двух разновидностей (широкие и узкие) (рис. 6: 3), еще 13 накладок найдено в Надарево.

Накладки обеих групп были широко распространены: находки происходят с территории Преслава и других болгарских поселений (Бонев, Дончева, 2011. С. 110).

Богатой и разнообразной продукцией центры снабжали не только столицу Преслав и окрестные поселения, она распространялась далеко за их пределы, а вероятно, и за границы страны (Дончева, 2017. С. 203), что косвенно подтверждается интенсивной эксплуатацией производственных комплексов и огромным объемом производимой продукции (Бонев, Дончева, 2011. С. 63).

Возвращаясь к вопросу о происхождении данного вида изделий, исследователи приходят к выводу, что, хотя одна из самых ранних находок таких накладок была сделана на территории Венгрии в погребении в Земплене и датируется началом X в., в массе находки из Болгарии более ранние, чем из Венгрии (Langó, Patay-Horváth, 2016. С. 571), и нигде кроме Болгарии не были найдены

литейные формы и литейный брак, которые могли бы свидетельствовать о деятельности местных мастерских (Langó, Patay-Horváth, 2016. С. 579). Возникновению версии о венгерском происхождении этих находок способствовала разница в погребальной практике двух народов: пояса были помещены в могилы венграми, но не болгарами (Langó, Patay-Horváth, 2016. С. 581).

Таким образом, многочисленные аналогии для всех элементов поясного набора из погребения по обряду кремации на Мстиславском-II раскопе были найдены в материалах трех центров художественной металлообработки в окрестностях Преслава, в материалах памятников с территории Болгарии и Венгрии, а также, в меньшем количестве, в материалах памятников Боснии, Молдовы, Румынии, Сербии и Словакии.

Из памятников на территории Древней Руси найдено пять экземпляров подобных накладок, две из которых происходят из курганов Петербургской губернии, и три – с территории Суздальского Ополя, причем эти накладки сделаны по оттиску готового изделия, подвергнувшегося многократному тиражированию. Датировать эти изделия можно X в.

Поскольку количество таких находок, происходящих с территории Древней Руси, невелико, нет оснований предполагать, что они попали сюда в результате торговли. С другой стороны, учитывая, что в период производства этих вещей в Болгарии туда неоднократно совершались военные походы русских князей, можно предположить, что эти наборные пояса оказались частью военной добычи.

Литература

- Бонев С., Дончева С., 2011. Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново: Фабер.
- Дончева С., 2014. Нов център за производство на художествен метал в околостине на Преслав (предварително съобщение) // Известия на историческа музей Шумен. Кн. XV. Шумен.
- Дончева С., 2017. Ювелирните производствени комплекси X века в близост до Преслава. Технологии на производство // Stratum plus. № 5.
- Зайцева И. Е., 2014. Детали на поясна и уздечна гарнитура от материали от обследовани селски поселения на Суздальско Ополе // Русь в IX–XII век: общество, государство, культура. М.; Вологда.
- Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ремешковые наборные украшения (X–XIII вв.). М.
- Gomolka-Fuchs G., 2003. Eine Gürtelgarnitur vom ungarischen Typ aus der frühmittelalterlichen Siedlung von Krivina, Bezirk Ruse, Bulgarien // Eurasia Antiqua. 8 (2002).
- Langó P., Patay-Horváth A., 2016. Hungarian belt – bulgarian belt? Some notes on the distribution of ribbed belt mounts // Between Byzantium and the steppe. Archaeological and Historical Studies in Honour of Csanád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday. Budapest.

***

Щукина Татьяна Александровна, Псков,
АНО «Псковский археологический центр».
E-mail: tanven@yandex.ru

К. С. Косовец

Комплекс кресаловидных привесок из раскопа Мстиславский III в Пскове в 2017 г.

Резюме. В ходе исследований 2017 г. на Мстиславском III раскопе в Пскове обнаружено 7 миниатюрных копий кресал. Пять из них находились в связке амулетов, и два – в разных частях раскопа. Аналогичные изделия выявлены в Гнездовском археологическом комплексе, среди находок Рюрикава городища, Упланда, Эланда, о. Готланд, Бирки и о. Хельго. Наибольший интерес представляют те формы, что пока не обнаружили аналогий. Но вопрос датировки и места производства связки амулетов остается пока открытым. Решить его, возможно, сможет металлографический анализ.

Ключевые слова: Псков, Мстиславский раскоп, амулет, североευропейское язычество.

K. S. Kosovets. Complex of Fire-steel-shaped Pendants from the Mstislavsky III Excavation Site in Pskov in 2017

Abstract. In the course of works at the Mstislavsky III excavation site in Pskov in 2017, seven miniature fire-steel copies were found. Five of them were in a bundle of amulets, and two others were found in different parts of the excavation. Similar items were found in the Gnezdovo archaeological complex, among the finds of Rurik's Gorodishche, Upland, Eland, Gotland, Birka and the island of Helgo. Those, the analogies of which have not been found yet, are of the greatest interest. But the problem of dating and the place of production of the bundle of amulets remains opened. The metallographic analysis may help to solve the problems.

Keywords: Pskov, Mstislavsky excavation site, amulet, North-European paganism.

Коллекцию вещей, связанных с североευропейским кругом древностей в Пскове, в 2017 г. пополнили находки из Мстиславского раскопа. Среди них выделяется связка амулетов, состоящая из кресаловидных амулетов и колец (рис. 1: 1–10), а также находки кресаловидной привески (рис. 1: 11) и подвески (рис. 1: 12). Находки кресаловидных привесок известны среди восточноевропейского материала, в местах непосредственного контакта местного населения с выходцами из Скандинавии (*Новикова*, 1991. С. 175–199; *Ениосова*, 2009. С. 257–260; *Мусин*, 2012. С. 569–570; *Дорофеева*, 2016. С. 230–232). На се-

Рис. 1. Находки из Мстиславского III раскопа
 1–10 – связка амулетов; 11 – кресаловидная привеска;
 12 – кресаловидная подвеска. Все – бронза

годняшний день нам известно около 40 подобных находок с территории Древней Руси из 10 пунктов: Старая Ладога (Старая Ладога... С. 79. Рис. 50–51), Великий Новгород, (Троицкий VIII раскоп: НГОМЗ. ГК 10418134), Рюриково городище (Носов, 2012. С. 88–89; Дорофеева, 2016. С. 230–232), Псков (Колосова, Милотина, 1994. С. 120–121, 124–125. Рис. 12), Скадино (Псковская обл.) (Корзухина, 1954. Табл. XXV:11), Гнёздово (Новикова, 1991. С. 182–185; Енисоова, 2009. С. 257–260; Пушкина, 1981. С. 287; Авдусина, 2014. Рис. 1), Сарское городище (Леонтьев, 1981. С. 141–149), Владимирские курганы (Спицын, 1905. Рис. 16) и, на данный момент не опубликованные, находки из поселения Горожане (Псковская обл.) и Гульцово (Тверская обл.). На территории Скандинавии находки тяготеют к юго-восточным областям и представлены памятниками: Бирка (Arbman, 1940. Taf. 122: 18; Taf. 103: 5–6 (105)), Упланд, Уппсала (Kåbo; Gamla Uppsala; Östra-Tibble (Björklinge); Arkeologi i Sverige, 2009. S. 435, 677), Хельго (Sander, 1997. S. 34–35, 67, 73–74. Fig. 2:37; 4:11), кроме того о. Эланд и о. Готланд, а также немногочисленными находками с территории Дании и Норвегии.

Большинство исследователей соглашаются с мнением М. Стенбергера, который связывает значение кресаловидных привесок с языческим символом священного жертвенного и очищающего огня (Новикова, 1988. С. 37). Кресаловидные амулеты копируют формой калачевидные кресала и подразделяются

Рис. 2. Связка амулетов-миниатюр.
Псковский некрополь.
По: Малышева, 2012. Табл. LXV, 3

в нижней части. Привески могут быть цельными или иметь завязанные, заклепаные, или заходящие концы. Среди миниатюрных копий кресал несколько обособленное положение занимают подвески. Главная их особенность – это наличие петли или ушка для подвешивания. Они часто бывают серебряными и почти всегда орнаментированы (Новикова, 1991. С. 186).

Первая кресаловидная привеска была обнаружена в Пскове в 1988 г. во время раскопок раннегородского некрополя на ул. Ленина. Небольшая бронзовая привеска, выдолбленная зубильцем из тонкой пластины (рис. 2), была помещена в связку миниатюрных амулетов.

Из слоя Мстиславского раскопа происходят 7 миниатюрных копий кресал. Пять из них находились в связке амулетов, а еще две найдены в разных частях раскопа. Первая – литая бронзовая подвеска (рис. 1: 12) – была обнаружена в юго-восточной части раскопа. Подвеска имеет вытянутую каплевидную форму (1,7×2,8 см), выраженный плавный калачевидный выступ, а также ушко для подвешивания. Вторая находка – набор амулетов (рис. 1: 1–10) – происходит из коричневого мешанного слоя поселения. Стоит также отметить, что вблизи располагался курганный могильник (X–XI вв.). К сожалению, на момент изъятия из грунта целостность амулета была нарушена, но мы можем предположить, как его части располагались между собой. Вероятно, четыре кресаловидные привески (рис. 1: 1–4), одна подвеска (рис. 1: 5) и три колечка (рис. 1: 6–8) были подвешены на большом кольце с заходящими концами, диаметром 2,2 см (рис. 1: 9). Попав в слой, концы большого кольца оказались разомкнутыми, и набор амулетов рассыпался. Появление нескольких небольших колец в нашем амулете не случайно, они могут иметь связь с т. н. шумящими кольцами, речь о которых шла ранее. Колечки могли входить в состав амулетов, подвешиваться на гривны, браслеты и кольца-амулеты, в том числе и кресаловид-

на два вида – это т. н. кресаловидные кольца больших размеров, также называемые «ладьевидные гривны», и миниатюрные кресаловидные подвески и привески. Первый тип А. Е. Мусин связывает с кольцами клятвы (Мусин, 2012. С. 566–569). К ним, вероятно, относятся железные кольца небольших размеров, которые входили в состав амулетов или подвешивались на гривну или браслет. Ряд исследователей считает их шумящими оберегами или «погремушками» (Дорофеева, 2011. С. 25). Мы же остановимся на втором виде. Миниатюрные кресаловидные амулеты – это небольшого размера плоские металлические привески с выраженным (иногда не ярко) выступом

ной формы. Сделаны они чаще всего из кованого прута и имеют заходящие, завязанные или сомкнутые концы. В отрыве от «основы» их трудно отследить в культурном слое. В составе набора амулетов с Мстиславского раскопа присутствуют 3 таких колечка: два кольца с заходящими концами – круглые в сечении, оба имеют небольшую деформацию (рис. 1: 6, 7); а также небольшое, диаметром 1,3 см, прямоугольное в сечении, колечко с концами встык (рис. 1: 8).

В составе набора амулетов присутствует только одна кресаловидная подвеска (рис. 1.5), она имеет схожую с первой находкой каплевидную форму (1,5×1,3; с ушком – 1,5×2), но менее вытянутую, а также выраженный острый калачевидный выступ меньшего размера. Ушко для подвешивания аналогично первой находке. Подвеска выполнена более аккуратно, нежели первая. Примечательно, что она была подвешена к большому кольцу не через ушко, а через основную свою часть. Аналогий данной форме литых кресаловидных подвесок автором статьи пока не обнаружено. Несмотря на то, что некоторыми исследователями литые кресаловидные подвески интерпретированы как более поздние местные подражания, датировкой выходящие за вторую половину XI в., мы не склонны относить наши литые подвески к столь позднему периоду.

Четыре разные по типу привески также располагались на большом кольце. Первая кресаловидная привеска (рис. 1: 1) имеет овальную форму (3×2,5 см), ярко выраженный острый калачевидный выступ, который находится под тупым углом и смещен вправо. Концы привески расклепаны и завязаны на двойной узел, с одной стороны на один оборот, с другой – на два. Завязанные концы – самый распространенный способ оформления концов для кресаловидных привесок (Рюриково городище, Новгород, Гнёздово, Эланд, Бирка, Лунд, Кепинг и т. д.). Для древнерусского материала наиболее характерно оформлять узлы следующим образом: концы складывались навстречу друг другу и спирально закручивались на один или несколько оборотов (Лесман, 2014. С. 49). Форма подвески имеет достаточно аналогий в восточноевропейском материале. Привеска схожей формы найдена в 2013 г. в Гнёздове. Кресаловидная привеска с завязанными концами находилась в составе амулета, обнаруженного в небольшом кладе торгового инвентаря (Авдусина, 2014. С. 10. Рис. 1–4). Также некоторое сходство обнаруживается с кресаловидной привеской, входившей в состав амулета, состоящего из молота Тора и кресаловидной привески на кольце перевитой проволоки. Амулет был обнаружен в 2003 г. во время раскопок Центрального городища Гнёздова (Ениосова, 2009. С. 264. Рис. 8). Также с завязанноконечной привеской из нашего амулета перекликается железный экземпляр из раскопок Рюрикова городища, найденный в черном слое X в., в заполнении древнего рва (Дорофеева, 2016. Рис. 2: 12). Аналогии прослеживаются и в североевропейском материале, в частности, на ряде памятников Швеции (SHM. Item 914271, 106667, 363126). В Бирке обнаружена подвеска, форма которой очень близка нашей привеске (Arbman, 1943. S. 103). Отличает эти привески только материал. В отличие от бронзового псковского экземпляра, большинство привесок изготовлены из железа, реже – из серебра.

Вторая кресаловидная привеска (рис. 1: 2) имеет овальную форму и заходящие концы, (1,4×1,7 см), сглаженный, слегка раскованный калачевидный

выступ. Такой выступ в подавляющем большинстве характерен для подобной формы находок. Аналогии мы находим в Гнёздове и Рюриковом городище. В состав кресаловидного обруча с 14 подвесками из Гнёздова входит аналогичная привеска, изготовленная из бронзы (Ениосова, 2012. Рис. 3. 2). На Рюриковом городище 2 бронзовые привески с заходящими концами и слабовыраженным калачевидным выступом найдены на раскопе в центральной части памятника, но форма их более округлая (Дорофеева, 2016. С. 232, Рис. 2: 9, 11).

Третья кресаловидная привеска (рис. 1: 3) – небольшая, имеет подтреугольную форму (1,5×0,7). Концы завязаны на 2 оборота с одной стороны, и на один оборот – с другой, калачевидный выступ острый. Во время реставрации целостность привески не удалось сохранить. Прямых аналогий нами не встречено, однако можно наблюдать некую схожесть формы с подвеской из Переславля-Хмельницкого (Мусин, 2012. С. 567. Рис. 3.2).

Четвертая привеска в амулете (рис. 1: 4) – круглая (1,4×1,3), со слабовыраженным калачевидным выступом, в сечении – плоская, имеет наименьшую толщину среди всех элементов амулета. Изготавливались такие привески из пластины с выдолбленной зубилом внутренней частью. Ближайшими аналогиями являются привеска в составе амулета из погребения 57 Псковского некрополя (Колосова, Милюткина, 1994. С. 120. Рис. 12), а также бронзовая привеска, изготовленная аналогичным способом, присутствующая в коллекции находок Рюрикова городища, кроме того, в коллекции из раскопок с о. Хельго (Дорофеева, 2016. С. 232; Holmqvist, Arrhenius, 1964. S. 63. Pl. 26:12). Однако они имеют большую площадь центрального отверстия и более выраженный калачевидный выступ. Экземпляр из псковского некрополя отличают также заходящие концы.

Возможно, в амулете была еще одна привеска (пятая?) (рис. 1: 10) с завязанными концами, тонкая и плоская в сечении; к сожалению, обломанная нижняя часть и отсутствие калачевидного выступа не дают нам представления о ее форме. Узел оформлен схожим с первой подвеской способом (рис. 1: 1).

Еще одна кресаловидная привеска (рис. 1: 11) была найдена вблизи места обнаружения связки амулетов и могла относиться к тому же комплексу. Это небольшая (2,9×2,3 см) привеска округлой формы, плоская в сечении, с ровным и ярко выраженным калачевидным выступом. Левый верхний угол имеет деформацию – вдавленный край. Несмотря на повреждение изначальной формы, можно сказать, что привеска сделана аккуратно. Из мешанного слоя Рюрикова городища происходит привеска аналогичной формы (Дорофеева, 2016. С. 232), она также имеет неразъемные концы и раскованную нижнюю часть, отличие лишь в том, что у экземпляра с Городища менее выдающийся калачевидный выступ.

Все кресаловидные амулеты из Пскова изготовлены из бронзы и не имеют орнаментации. По мнению Н. В. Ениосовой, это указывает на местные особенности производства таких амулетов (Ениосова, 2001. С. 134). Восточноевропейские находки кресаловидных амулетов чаще изготавливались из бронзы, реже – из железа. Подавляющее большинство североевропейских находок изготавливались из железа или серебра, реже из бронзы (Новикова, 1991. С. 183). Стоит также отметить тщательную работу реставратора С. А. Салмина, бла-

годаря которой удалось проследить и сохранить следы полуды почти на всех кресаловидных амулетах с Мстиславского раскопа.

Итак, древности, связанные с духовной жизнью выходцев из северной Европы, обнаружены во многих ключевых пунктах торговой, экономической и политической жизни первых веков существования Древнерусского государства и маркируют временное пребывание во Пскове выходцев из северной Европы. Ранее во Пскове не раз были обнаружены скандинавские амулеты (молоточки тора, щитовидные подвески, связка миниатюрных амулетов), тем не менее амулеты остаются редкой находкой для территории древней Руси в эпоху викингов. Среди псковских находок кресаловидных амулетов есть те, что имеют четкие аналогии в восточноевропейском (Гнёздово и Рюриково городище) и в североевропейском материалах (Бирка, Хельго и др.), все они датируются не позднее X – середины XI в. Наибольший интерес представляют те формы, что пока не обнаружили аналогий. Но вопрос датировки и места производства связки амулетов остается пока открытым. Решить его, вероятно, поможет металлографический анализ.

Литература

- Авдусина С. А.*, 2014. Клад торгового инвентаря из Гнёздова // Тр. IV (XX) Всерос. АС в Казани. Т. III. Казань.
- Дорофеева Т. С.*, 2011. Амулеты X–XIII вв. с Городища под Новгородом // Тр. III (XIX) Всерос. АС / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. Великий Новгород – Старая Русса. 2. СПб.; М.; В. Новгород: ИИМК РАН.
- Дорофеева Т. С.*, 2016. О скандинавских культовых и магических предметах с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет) // АИППЗ: Материалы 61-го заседания (2015 г.). Вып. 31.
- Ениосова Н. В.*, 2001. О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнёздове // XIV Конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск.
- Ениосова Н. В.*, 2009. Новые находки скандинавских амулетов в Гнёздове // Хорошие дни: Памяти А. С. Хорошева / Отв. ред. А. Е. Мусин. В. Новгород; СПб.; М.
- Колосова И. О., Милотина Н. Н.*, 1994. «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59) // АИП. Вып. 2.
- Корзухина Г. Ф.*, 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.
- Старая Ладога – древняя столица Руси: Каталог выставки / Отв. ред. Б. С. Короткевич. СПб.: ГЭ, 2003.
- Лесман Ю. М.*, 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры // *Stratum plus*. Кишинев. № 5.
- Леонтьев А. Е.*, 1981. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник. Вып. XXVI. Таллинн: Ээсти Раамат.
- Мальшева Н. Н.*, 2012. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. СПб.
- Мусин А. Е.*, 2012. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб.
- НГОМЗ. ГК 10418134 – Новгородский музей-заповедник [Электронный ресурс] <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/493663> (Дата обращения 23.10.2019)

- Новикова Г. Л., 1988. Языческая символика кресаловидных привесок // АИППЗ: Тез. докл. науч. конф. «Древнерусское язычество и его традиции».
- Новикова, Г. Л., 1990. Скандинавские амулеты из Владимирских курганов // Тез. Первых Уваровских чтений. Муром
- Новикова Г. Л., 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.: Изд-во МГУ.
- Новикова Г. Л., 1992. Скандинавские языческие культы на территории Древней Руси (Культовые предметы: типология и хронология): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В., 2012. Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.
- Пушкина Т. А., 1981. Скандинавские вещи из Гнездовского поселения // СА. № 3.
- Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15.
- Arbman H., 1940. Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien: Tafeln. Stockholm.
- Arbman H., 1943. Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien: Text. Stockholm.
- Arkeologi i Sverige, 2009. Uppsala län 1991–2005. UV Mtt 2009. 14. Uppsala: RAÄ.
- Holmqvist W., Arrhenius B., 1964. Report for 1957–1959 // Excavations at Helgö. II, Stockholm: KHVA.
- Sander B., 1997. Cemetery 116 // Excavations at Helgö. XIII. Stockholm: KVHAA.
- SHM. Item 914271, 106667, 363126 – The Swedish History Museum [Электронный ресурс] URL: [http://mis.historiska.se/mis/sok/rid.asp?rid=914271...106667...363126...](http://mis.historiska.se/mis/sok/rid.asp?rid=914271...106667...363126) (дата обращения 23.10.2019)

* * *

Косовец Кристина Сергеевна, Псков, ГБУК АЦПО.
E-mail: kristinakosovets@yandex.ru

Т. Ф. Прибурова

Типология оттисков штампов на псковских дуговых кирпичах

Резюме. Постановка вопроса об актуальности создания типологии штампов дуговых кирпичей Пскова в контексте изучения печной красноглиняной керамики в связи с накоплением значительного археологического материала. Разработка терминологии для описания элементов типа. Критерии выделения типов и подтипов. Источники изобразительных мотивов. Поиск аналогий и прототипов.

Ключевые слова: Псков, печная керамика, орнаментация, типология.

T. F. Priburova. Typology of Stamp Prints on the Pskov Arc Bricks

Abstract. The article presents statement of the problem of creating a typology of stamps of arc bricks in Pskov relevance in the context of furnace red clay ceramics study, in connection with the accumulation of significant archaeological material. Development of terminology to describe the elements of every type, criteria for selecting types and subtypes, sources of pictorial motifs and search for analogies and prototypes are needed.

Keywords: Pskov, furnace ceramics, arc bricks, ornamentation, typology.

Дуговые кирпичи – одна из самых распространенных находок печной керамики в Пскове. Однако систематических исследований, посвященных этой теме, не проводилось. В публикациях и отчетной документации дуговые кирпичи лишь упоминаются в ряду других находок. Тем более нет ни одной специальной работы, посвященной изобразительным мотивам, используемым в декорировании печи. Дуговой кирпич – устоявшееся в псковской археологической практике название фигурного красноглиняного кирпича арочной формы, использовавшегося для оформления устья печи. Конструктивные детали дугового кирпича были названы по аналогии с изразцами: «лицевая пластина» – декорированная оттисками штампов (чаще всего однотипными), составляющих арочную композицию, часть и «румпа» – незамкнутый выступ с тыльной стороны для крепления к своду печи¹. Находки недекори-

¹ Судя по находкам целых дуг, обнаруженных в ходе археологических раскопов в г. Пскове, «дуга» составлялась из двух симметричных частей, соединяющихся в центре

рованных дуговых кирпичей встречаются в Пскове редко. В археологической практике России широкое применение дуговых кирпичей в отопительных устройствах известно лишь в Пскове. И. Е. Забелин упоминает о доставке печных дуг для строительства Московского Двора (*Забелин*, 1990), но археологических подтверждений данного факта не существует. Вероятно, локальность распространения дуговых кирпичей связана с особенностью печного устройства, но этот вопрос требует дополнительного исследования. До сих пор внимание псковских археологов привлекали производственные печи, а устройство бытовой печи с использованием дуг рассмотрено только в статье Ю. П. Спегальского (*Спегальский*, 1969). Известны исследования устройства первых бытовых печей и развития их форм в других регионах (*Соловьев*, 2013; *Федотов*, 2003). Говоря о форме дуговых кирпичей и способах орнаментации, можно упомянуть о строительной керамике XII–XIII вв., обнаруженной при раскопках Смоленска под руководством П. А. Раппопорта, среди которой встречаются дугообразные кирпичи для кладки аркатурных поясков и бровок с узорами из клейм (*Раппопорт*, 1994. С. 178, 179). Знаки и клейма на строительных кирпичах XII в. были обнаружены и в Пскове при исследовании церкви Дмитрия Солунского (*Белецкий*, 1971. С. 272–278). Цеховые клейма, нанесенные в качестве декора на печную керамику XVI–XVII вв., обнаружены при раскопках Мирского замка, в Копыси и в Шклове (*Синчук, Зайцева*, 1997; *Левко*, 2004; *Трусов и др.*, 1986). Известно, что шкловские резчики по дереву, наряду с другими мастерами из Польши и Беларуси, приглашались для работы в Оружейную палату (*Соболев*, 1934), но связана ли их деятельность с появлением дугового кирпича и его декорированием, или они использовали местные традиции?² В качестве источников изобразительных мотивов декорирования псковских дуговых кирпичей рассматриваются клейма на строительных кирпичах, архитектурные элементы декора, резьба по дереву (бытовая и домовая), вышивка, книжная миниатюра, храмовые росписи. Больше всего прототипов изобразительных мотивов, встречающихся на псковских дуговых кирпичах, можно найти в образцах архаической вышивки. Учитывая, что резьба по дереву, вышивка и декорирование печей относятся к одному пласту народного творчества, не исключена возможность изучения их в одном семантическом контексте.

без использования специального крепежа, и представляла собой арку около 40 см высотой и около 60 см шириной. Ширина лицевой пластины в среднем составляет около 7 см, высота румпы от 6 до 12 см. Средний размер штампов от 3 до 6 см (при подробном описании штампов учитывалась высота, ширина основания – у треугольных форм; диаметр – у круглых; высота, максимальная ширина, ширина основания – у пятиугольников). Способ крепления дуги тесно связан с конструктивными особенностями печи и заслуживает отдельного рассмотрения. На данный момент археологических данных недостаточно для достоверной реконструкции.

² В Беларуси при исследовании замков периодически находят фрагменты «печных дуг», но количественный показатель, однотипность («сетка») этих находок не позволяют однозначно говорить о широком распространении и производстве данной формы.

Целью данной работы является постановка вопроса о возможности рассмотрения оттисков штампов на дуговых кирпичах для изучения ремесленных мастерских³, специализирующихся на изготовлении печной керамики в Пскове. Огромное многообразие штампов дуговых кирпичей⁴ порой недооценивается из-за отсутствия разработанной типологии. В связи с этим предполагается определить основные *критерии* для выделения типов. Кроме того, сохранность некоторых фрагментов не позволяет четко определить их типовую принадлежность. Фрагментарность, ошлакованность отдельных находок при отсутствии аналогий на других раскопах не всегда позволяют корректно выделить новый тип. Некоторые трудности возникли в определении основных признаков того или иного типа⁵. Что должно быть в центре внимания: форма штампа, набор элементов? Конечно, *форма* является *важнейшим* показателем, но как быть с листочком, вписанным в треугольную форму? Отнести его к треугольным типам? А листочек, вписанный в круглую форму, – к круглым? С другой стороны, если мастер, декорирующий кирпичи, использовал «элемент» «решетка», вписывая ее то в круг, то в конус, то разделение таких штампов по форме тоже кажется необоснованным.

Следующая проблема, с которой пришлось столкнуться, – переводение графическо-изобразительного языка в лексический – показала недостаточность терминологической базы⁶.

Терминология

Для описания оттисков штампов в дальнейшем будут использоваться термины «форма», «тип», «элемент». Чтобы не было разночтений в описании, необходимо четко определить их значение.

Итак, **форма** – основной, объединяющий признак. Чаще всего это *геометрическая фигура*, внешний контур оттиска. Могут быть и более сложные или переходные формы, название которым было дано по внешнему сходству с тем или иным предметом. Форма представлена буквой. Группа геометрических форм: А – треугольник, Б – арка, В – пятиугольник, Г – круг, Д – ромб, Е – ступенчатая, не детализированная (в дальнейшем – «городок» – архитектурный термин декоративного элемента).

---

³ Б. А. Рыбаков говорил о возможности использования литейных форм не только для определения местоположения мастерской, но и об ограниченном сроке использования одной матрицы каменной формы, что сужает хронологические рамки ее бытования (Рыбаков, 1948). Методики определения ювелирной мастерской, разработанные Б. А. Рыбаковым, могут быть использованы и для определения мастерских, связанных с производством изделий, в изготовлении которых используется штамп, форма и т. д.

⁴ Многообразие форм штампов впервые было отмечено в дипломной работе Е. В. Морозовой (Морозова, 2002).

⁵ Подобная классификация изобразительных мотивов рассматривалась лишь в контексте гончарных клейм на посуде (Кобозева, 2014. С. 370–391).

⁶ Разработанная терминология в определении элементов архитектурного орнамента, резьбы по дереву (если нет прямых аналогий) не всегда подходит для описания дуговых кирпичей.

В отдельные группы выделяются штампы, в которых определяющим тип признаком является не форма, а либо характерное исполнение – «решетка» (тип Н), либо стилизация мотивов растительного или «сюжетного» орнамента: типы З, И, К, М.

Основные элементы геометрических форм: «рамка» – замкнутый линейный элемент, повторяющий (есть исключения) контур формы; «л»-образный элемент – не замкнутая у основания треугольная рамка. Два, три и т. д. л-образных элемента, объединенных общим основанием, называются не рамками, а л-образными элементами на общем основании. «Капля» – элемент, используемый только в треугольных формах, представляющий, вероятно, трансформацию треугольника с округлым элементом⁷. «Арка» – округлый, не замкнутый у основания элемент. Л-образный элемент округлой формы. Как правило, в арочных типах используется форма стрельчатой или круглой арки, в пятиугольниках – ромбическая. «Пика» – вытянутый элемент в центре, имеющий вид либо очень узкого вытянутого треугольника, либо заостренного кола. «Решетка» – рисунок, образованный квадратными или прямоугольными выемками, расположенный в четком геометрическом порядке⁸. Исключение составляет «эмалевидная решетка», образованная треугольными и многоугольными выемками без соблюдения четкого геометрического рисунка. «Линейный элемент решетки» – один ряд квадратных выемок. «Перегородка» – линейный элемент, разделяющий внутренний объем на негативные треугольники или многоугольники. Может использоваться как единичный элемент либо пересекаться под различными углами: крестообразная, т-образная, «птичья лапка» – крестообразная с приподнятыми боковыми лопастями.

Тип – набор повторяющихся элементов внутри формы. Описание типа производится **по выпуклым элементам оттиска**. В некоторых случаях, когда рисунок определяют выемки, оговаривается, что элементы имеют «негативный» характер.

Обоснование выделения подтипов и значения индексов в шифре

Как уже отмечалось, выделение типа производится на основе анализа формы и отдельных элементов. В группе геометрических штампов большая буква характеризует форму (А – треугольник), римская цифра – показатель определенного набора элементов. Если сочетание формы и элементов меняется незначительно, то выделяется *подтип* (вариант). Обозначение изменений показывают *индексы*: маленькая буква – показывает изменение формы: индекс «в»⁹ – «срезанные» углы у основания; индекс «б» – округление формы. Арабская цифра – количественный показатель изменяющихся элементов набора¹⁰.

⁷ В описании сюжетов вышивки подобный элемент трактуется как «проросшее семя», «зерно» (Маслова, 1978).

⁸ В литературе подобный рисунок часто называется сеткой.

⁹ Индекс «в» указывает на изменения формы треугольника, приближающие его к пятиугольнику.

¹⁰ В данном случае не имеется в виду изменение размера или пропорций штампа. При составлении рабочих таблиц однотипных универсальных типов по раскопам

Основные критерии выделения типов треугольных оттисков (А) (табл. 1)

Треугольные оттиски относятся к группе универсальных. Выделяется 16 типов, в числе которых 35 подтипов. Треугольные (как и все геометрические) типы разделяются на группу рамочных и безрамочных.

Главный акцент делается на основной типобразующий элемент. Это может быть наличие или отсутствие одной или двух «капель» (тип А-I), *треугольника* в центре (тип А-IX), линейный элемент решетки (А-XIII), треугольная рамка с *перегородкой* (А-XII), «*стрелка*» (А-XI). Треугольные типы могут состоять только из рамок (А-X), в таких случаях подтипы выделяются на основе количественного показателя. Иногда незначительные изменения формы (срезанные углы у основания, округлые формы) затрудняют четкое определение типа, в таких случаях предпочтение отдается типовому элементарному набору либо оговаривается, что данный тип является переходным и имеет аналогии в других типах. Например, набор элементов типа А-III имеет аналог в типе В-I.

Арочный тип (Б) (табл. 2)

Арочный тип использует те же элементы, что и треугольный (л-образные элементы, рамки). Однако четкое изменение формы вызывает ассоциацию с архитектурными арками стрельчатой или округлой форм. В связи с чем предполагается возможным выделение отдельного типа, являющегося трансформацией универсального треугольного типа¹¹. На данный момент выделено 4 типа, 3 из которых имеют подтипы.

Пятиугольник (В) (табл. 3)

Почти все пятиугольные штампы имеют вид усеченного ромба. Выявлен только один тип пятиугольника, имеющего прямые углы у основания (В-IV). На данный момент выделено 8 типов пятиугольных штампов. Так же как и в треугольных формах, можно выделить рамочные типы и безрамочные. Элементарные наборы соответствуют типам А и Б, но л-образные элементы преобразуются в ромбические арки, в оформлении центра используется новый элемент – ромб (В-II, В-III, В-VI).

Круг (Г) (табл. 4)

Форма Г (круг) как самостоятельный элемент использовалась для декорирования псковских дуговых кирпичей редко. Если не учитывать типы с элементами «решетка» и формой «листочек», где геометрическая фигура не является типовым маркером, то круглая форма образуется лишь с помощью концентрических кругов, спирали либо в виде традиционных солярных знаков-розеток. Подобные знаки получили большое распространение в резьбе по дереву при

выявились их различие как внутри одного раскопа, так и между раскопами. Разница заключается и в пропорциях, и в качестве исполнения. Даже механическое совмещение прорисовок однотипных одномасштабных оттисков на световом столе показывает их различие. Это наблюдение и натолкнуло на мысль о возможности выделения штампов определенной ремесленной мастерской.

¹¹ Впрочем, трансформация могла проходить и в обратном направлении: от арки к треугольнику, как результат упрощения формы, что вплотную подводит к проблеме хронологии.

украшении прялок и в доменной резьбе. Чаще всего круглый штамп использовался в композиции с другими формами в качестве маломасштабных элементов.

Ромб/Квадрат (Д) (табл. 5)

Тип Д объединяют формы квадрата и ромба, так как иногда разница в прочтении оттиска определяется не формой штампа, а его расположением на лицевой пластине дугового кирпича. Использование штампа в качестве квадрата выявлено (на данный момент) в единственном случае (П-13-ИЗб-ХІІІ). Основные элементы этого типа: крестообразная или вертикальная перегородка, расположенная в центре штампа, л-образные элементы, заполняющие треугольные поля, рамки, повторяющие форму штампа. Выделено 6 типов, один из которых имеет подтип.

«Городок» Ступенчатый оттиск (Е) (табл. 6)

Плоский штамп, не имеющий внутри контура дополнительных элементов. Фрагменты с оттиском ступенчатого штампа обнаружены (в рамках используемого материала) только на Богоявленских раскопах. Таким образом, на данном этапе исследования «городок» относится к группе уникальных. Выделено два подтипа: четырехступенчатая форма, сходящаяся в верхней части и имеющая плоское основание, и четырехступенчатая форма с двумя выступами у основания.

Листочек (Л) (табл. 7)

Второй по распространенности и самый сложный для описания негеометрический тип штампа дуговых кирпичей – «листочек». Сложность выделения типичных особенностей заключается в том, что многообразие оттисков определяется в данном случае не столько набором элементов, сколько способом изготовления того или иного штампа. Преобладающее количество найденных дуговых кирпичей, оформленных «листочком», демонстрирует почти натуралистичное изображение листа дерева, отличающееся зачастую лишь шириной и формой чередующихся углубленных линий. В основном тип Л («листочек») представлен безрамочной формой. В некоторых случаях выделению типичных особенностей штампа помогает наличие уникальных в исполнении деталей – изогнутые членения «прожилки» (Л-II), горизонтальное членение (Л-VI, Л-VII); оформление контура с помощью негативных рамок (Л-I, Л-X); подчеркивание центра с помощью одного или двух вертикальных углублений (Л-I, Л-IX). Встречается и акцентирование верхушки листа: крестообразный (рельефный) элемент (Л-XVII); полукруглое нерасчлененное углубление (Л-X); рельефный нерасчлененный элемент в виде миниатюрного листа (Л-V); поперечные, по отношению к основному членению, линии (Л-III). Формы типа Л: «правильная листовидная», круглая, овальная, треугольная, подпрямоугольная. Сочетание в форме «листочек» распространенных геометрических форм обозначается присоединением букв, присвоенных данным формам. Например, листочек, вписанный в треугольник, обозначается шифром ЛА; листочек круглой формы – ЛГ и т.д. Единичными находками представлены оттиски штампов с полукруглым (арочным) углубленным фоном (ЛБ). На данный момент выделяется 21 тип формы «листочек»¹².

¹² Однако необходимо оговориться, что типология листовидной формы требует дальнейшей систематизации. Возможно, будет целесообразно выделение групп по технологическим признакам: штамповые, гравированные, выемчатая резьба.

Комбинированные (зубчатые) (Ж) (табл. 8)

Группу **комбинированных типов (Ж)** объединяют штампы треугольной или близкой к треугольнику формы с зубчатыми и л-образными элементами. Часто в нижней части штампа размещается зубчатая углубленная волна, прототипом которой можно считать негативное исполнение псковского элемента декора – бегунца. Подобный тип штампа встречается и в арочной форме (БЛГ-IV, № 897). Выделены группа **перегородчатых** типов Ж и без перегородок (два типа), последние названы по принципу соединения буквенного обозначения форм, так как кроме наличия «зигзага» или «ступенек» не привносят ничего нового в элементарном наборе. Иногда вместо зубчатых элементов л-образные элементы вписаны в ступенчатую форму (Бог-XXX, № 49).

Особенностью комбинированного штампа является применение двухуровневого углубления. Выполненный в плоско-выемчатой технике, характерной для большинства штампов, он ближе, однако, к контррельефной резьбе, используемой при изготовлении кулинарных форм, печатей и т.п. Однако в отличие от последних имеет плоский фон. Чаще всего уровни распределяются следующим образом: в углубленный треугольник (1 уровень) вписываются по двум сторонам зубчатые элементы (2 уровень) и уже в этой плоскости вырезаются остальные детали. При этом зубчатая волна располагается (на некотором расстоянии от основания) на первом уровне фона, соответствующего декорируемой поверхности.

Таким образом, можно предположить, что данные кирпичи (или штампы?) были изготовлены одним мастером. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы необходим комплексный подход: сравнение формы дуговых кирпичей, теста, техники резьбы и т. д.

Стилизованные (З, И, К, М) (табл. 9)

Стилизованный тип. Определяющим признаком для выделения особой группы штампов является наличие деталей, характерных для растительного орнамента, отказ от четких геометрических форм и линий, использование стилизованного сложного рисунка. Каждый образец подобных штампов является индивидуальным, что, вероятно, может указывать на изготовление его одним мастером. То есть в данном случае можно проследить распространение продукции одной мастерской.

Стилистически подобные мотивы ближе к стилю барокко и, следовательно, не могли появиться ранее второй половины XVII в. При изучении стилизованных типов еще один вопрос остается открытым: что стало прототипом подобной орнаментации.

Стилизованный тип К

Например, возьмем фрагмент, обнаруженный на Благовещенском V раскопе. Назовем его условно типом «тюльпан/луковка», так как в одном положении он напоминает купол церкви, а в перевернутом – цветок тюльпана. Размещение подобного штампа традиционно сочетает чередование «прямого» и «перевернутого» изображения. Но тюльпаны появились в России только в XVIII в.?

Стилизованный тип М

Образцы штампа, найденные только на Запсковье (Богоявленский, Козмодемьяновский, Ильинский раскопы¹³), вероятно, содержат изображение церкви или крепостных башен, заключенное в листовидную форму. Если предположить, что это действительно изображение церкви или башен, то мы вправе говорить об уникальности данного штампа, в основу которого мастер положил не отвлеченные геометрические элементы и не стилизованные растительные формы, а реальный «сюжетный» образ. Можно также предположить, что это не просто «образ», а изображение конкретного храма. В таком случае необходимо определиться с прочтением некоторых элементов. Если предположить, что верхний «листовидный» элемент отождествлен с куполом, то мы видим изображение традиционного однокупольного храма с двумя приделами и стеной, расчлененную арочными лопатками (или трехглавый). Если же упомянутый элемент воспринимать как образ «светила» (?), то перед нами двуглавый храм, но в Пскове имеется только один подобный – храм Покрова и Рождества Богородицы от Пролома.

Стилизованный тип И

Следующий *стилизованный тип* штампа также вписан в овальную, или точнее «листовидную», форму. Фрагменты кирпичей с подобными оттисками найдены как в «центре» – на Новоторговском, Петровском раскопах, так и на Запсковье – Богоявленский раскоп. Несмотря на возникающую ассоциацию с антропоморфным изображением, этот тип штампа восходит, скорее всего, к храмовым стилизованным растительно-линейным орнаментам, иконописной и миниатюрной живописи и народным вышивкам. В упрощенных линиях читаются широко распространенные элементы крина и волютообразных завитков, или «древо жизни» – из образцов вышивки. Неясен лишь мотив сложной рамки, придающей оттиску упомянутую антропоморфность, дополненный «бородой» из решетчато-линейного элемента. Самая близкая аналогия – фрагмент кулинарной формы, найденной в помойной яме в ходе раскопок на Романовой горке в 1991 г., не имеет «бороды» и представляет хорошо проработанную, ясную и логически завершенную композицию, не дающую шансов на разночтения.

Решетка (Н) (табл. 10)

Определяющим признаком, позволяющим выделить следующий штамп в самостоятельный тип, является не форма, а техника исполнения. Разнообразие этих штампов невелико: отличие их заключается лишь в изменении формы и размеров. Однако, как и в любом правиле, здесь есть исключения в виде использования дополнительных линейных элементов. Принцип шифровки: соединение буквенных обозначений форм и типа решетчатого элемента (НА, НГ и т. д.). На данный момент выделено семь подтипов.

Аналогии использования решетчатого штампа встречаются в декорировании псковской зеленополивной керамики, на каменных плитках с граффити,

¹³ Нужно оговориться, что на Покровских раскопах был найден единичный фрагмент кирпича со слабым трудночитаемым подобным оттиском.

обнаруженных при раскопках в Пскове (Плоткин, 1992), на известняковых рыболовных грузилах. Фрагменты печной дуги, печных сводов, декорированные «штампом-сеточкой», найденные на территории Беларуси, определяются исследователями как цеховые клейма. Однако «использование штампов на печных дугах, несомненно, выполняло декоративную функцию» (Синчук, Зайцева, 1997. С. 244–250; Левко, 2004. С. 239).

Таким образом, в данной работе впервые представлена попытка разработки типологии оттисков штампов дуговых кирпичей. Предложена система шифровки, позволяющая учитывать известные и добавлять новые типы. Выделены основные **группы** форм: геометрические, растительные, стилизованные, комбинированные (в том числе переходные). Общее число подтипов составило 115 ед.¹⁴

Кроме того, на основе анализа 668 фрагментов (раскопы 2000–2010 гг.) выделены группы штампов по принципу массовости или уникальности распространения: **универсальные, редкие, уникальные** (табл. 11). Удалось подтвердить эмпирическое мнение, что первое место по количеству (69%) и широте охвата территории (100%) занимают треугольные штампы. Поэтому они названы **универсальными** типами. На втором месте тип Л: по количественному показателю – 15%, по территории распространения – 100% и т. д.

Изучение декорирования дуговых кирпичей показало не только многообразие типов штампов, но и многообразие **вариантов композиционного решения** орнаментации устья печей (8 вариантов). Выяснилось, что композицию составляли не только по привычной схеме: с чередованием «прямых» и «перевернутых» *одинаковых* типов, но и с использованием *различных* штампов, с различной ориентировкой относительно внешнего края дуги.

Составление графических таблиц находок дуговых кирпичей по результатам *раскопов* показало типовые различия в пределах локального исторического района города. Таблицы *однотипных* оттисков из различных частей города не только показали внутритиповые различия, но и позволили найти аналогии использования одного штампа в различных частях города.

Намечены перспективы дальнейшего изучения темы: поставлен вопрос об уточнении и возможном сужении хронологических рамок бытования дуговых кирпичей; о способе их декорирования. Вопросы, связанные с деятельностью ремесленных мастерских, распространением продукции в черте города. Технологические предпосылки появления псковской печной дуги в контексте развития печного дела средневекового города.

---

¹⁴ При этом еще более 10 ед. по разным причинам не вошли в таблицу.

Таблица 1

Треугольные типы (А)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
А-I (1)		Равнобедренный треугольник; одна рамка; два л-образных элемента; одна капля.	универсальный
А-I (в-1)		Треугольник с обрезанными углами у основания; два л-образных элемента; одна рамка; одна капля.	универсальный
А-I (в-3)		Треугольник с обрезанными углами у основания; три л-образных элемента; одна рамка; одна капля.	П-00-Печ-IV(№21); П-10-Петр-ХІІІ(№29); П-15-Покр-ХLІ (№№57, 65, 69)
А-I (2)		Равнобедренный треугольник; одна рамка; два л-образных элемента; две капли.	универсальный
А-I (в-2)		Равнобедренный треугольник с обрезанными углами у основания; одна рамка; два л-образных элемента; две капли.	универсальный
А-II (в-2)		Равнобедренный треугольник с обрезанными углами у основания; две рамки; один л-образный элемент; две капли.	П-00-Петр-IV (№ 989)
А-II (1)		Две рамки; один л-образный элемент; одна капля	П-98-Тр-I (№201)
А-III		Равнобедренный треугольник; одна рамка; два л-образных элемента.	П-04-Каз-IX (№17)
А-III (в-2)		Переходный к арочному типу? Треугольник с обрезанными у основания углами; одна рамка; два скругленных л-образных элемента арочного типа.	П-00-Петр-IV (№75)
А-III(3)		Одна рамка, три л-образных элемента.	П-04-Бог-XXXI (№241); П-01-Печ (№22); П-07-НТ-V(№35, 147) П-08-НТ-VII (№151,211)

Таблица 1 (продолжение)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
А-III (в-3)		Треугольник с обрезанными у основания углами; одна рамка; три л-образных элемента.	П-03-Бог-XXX(№55); П-04-Бог-XXXI(№152); П-04-Покр-XII(№№4,42)
А-IV (2)		Две рамки; два л-образных элемента	П-07-Покр-XXX(№48)
А-V		Равнобедренный треугольник; одна рамка; два л-образных элемента, объединенных общим основанием с треугольником.	П-04-Бог-XXXI (№391); П-08-НТ-VIII (№21); П-08-ПдП-XII (№323, 327, 330); П-07-Покр-XXXI (№42, 54); П-15-Покр-XLI (№№50, 62) и др.
А-V(в-2)		Треугольник с обрезанными у основания углами; одна рамка; два л-образных элемента, объединенных общим основанием с треугольником в центре.	П-00-Петр-IV (№928); П-09-ПдП-XIV(№57)
А-V(6-2)		Одна рамка; два арочных л-образных элементов, объединенных общим основанием с «пикой» в центре.	П-07-Покр-XXXI (№56.я.13) - на одном киртиче два подтипа; П-00-Петр-IV (№928- ? – форма нечеткая)
А-V (6-4)		Одна рамка; четыре л-образных элемента на общем основании с треугольником	П-00-Петр-IV (№869)
А-VI(6-2)		Треугольник с округленными сторонами; одна рамка; два л-образных элемента на общем основании – переходный к арочному. Без треугольника в центре.	П-01-Бог-XXXIII (№114)
А-VI(6-3)		Треугольник с округленными сторонами; одна рамка; три л-образных элемента на общем основании – переходный к арочному.	П-07-Каз-XI (№185,126)
А-VII		Равнобедренный треугольник. Две рамки; в центре – треугольник с негативным л-образным элементом в центре.	П-05-Бог-XXXIV (№480); П-02-Каз-III(№41-3 фр., в т.ч. ошлак.); П-05-Каз-IX (№150)

Таблица 1 (продолжение)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
A-VII (6-1)		Равносторонний треугольник округлой формы; две рамки; два л-образных элемента на общем основании с треугольником. Переходный к арочному	(П-00-Петр-IV); П-07-Покр-XXXI (№72)
A-VIII (6-2)		Равносторонний треугольник округлой формы; две рамки; два л-образных элемента на общем основании. Без треугольника в центре.	П-07-Покр-XXXI (№78)
A-IX (1)		Треугольник; одна рамка; треугольник в центре.	П-04-Покр-XVI (№16); П-07-Покр-XXXI (6 фр.); П-07-Петр-XIII (№19); П-88-Л-XIV (№219) – <i>незамкнутая вершина как у фр. № 16 Покр.XVI раскопа.</i>
A-IX (2)		Две рамки; треугольник в центре.	П-04-Бог-XXXI(№№ 6, 194); П-00-Петр-IV (№487, 287, 826, 842, 849, 1086); П-04-Вас-III; П-08-Олг-VI
A-IX (3)		Равносторонний треугольник; три рамки; треугольник в центре.	П-04-Бог-XXXI (№203; №77 – <i>на одной кирпиче A-IX и A-X</i>); П-07-НТ-V (№35, 147)
A-IX (4)		Четыре рамки с треугольником в центре.	П-04-Блг-V-VI(№25)
A-X (1)		Треугольник с одним элементом треугольной рамки.	П-00-Образ (№35, 36) – <i>комбинируется с типом A-V(1)</i>
A-X (2)		Две рамки.	П-00-Петр-IV (№304, 1087); П-06-Покр-XXVII (№№22, 41)
A-X (3)		Три рамки.	П-04-Бог-XXXI(№253; №295); П-00-Петр-IV(№№ 10, 789, 830); П-07-Петр-VIII (№36)
A-X (4)		Четыре рамки.	П-04-Блг-V(№25); П-04-Бог-XXXI (№260 – <i>округлые стороны</i>); П-10-Петр-VIII(№36); П-09-ПдП-XIV(№57); П-08-Олг-V (№272) и др.

Таблица 1 (окончание)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
А-XI		Две рамки с элементом «стрелка». <i>Схема показывает один из индивидуальных признаков треугольных форм: выпуклость, или вогнутость основания.</i>	П-00-Петр-IV (№459); П-10-Петр-VIII (№137); П-08-Олг-VI (№79); П-05-Каз-IX (№№15, 18)
А-XII		Четыре рамки; в центре треугольная рамка с перегородкой от вершины к центру основания.	<i>Этот тип представлен единичными находками в пределах одного раскопа:</i> П-05-Каз-IX (№39, 45)
А-XIII безрамочный		Л-образные элементы на общем основании. Основание широкое, так, что в нем размещен линейный элемент решетки. Треугольник; два л-образных элемента на общем основании; в центре – треугольник с негативным л-образным элементом.	П-07-НТ-V (№147 – 3 фр.); П-08-НТ-VI(147)
А-XIII (в) безрамочный		Треугольник с обрезанными углами; негативный контур; четыре л-образных элемента на общем основании с линейным решетчатым элементом.	П-02-Каз-III (№35 – 2 фр.); П-15-Покр-XLI (№61)
А-XIV безрамочный		Треугольник с одной рамкой, разделенной перегородкой от центра основания к центру стороны.	П-02-Покр-X (№129)
А-XV безрамочный		Треугольник с обрезанными углами у основания; негативная контурная рамка; пять л-образных элементов на общем основании.	П-00-Петр-IV (№43) <i>Негатив типа А – III (?)</i>
А-линейный		Треугольная форма, заполненная параллельными диагональными выемками.	П-90-РГ-III (№8). <i>Уникальный, без типичного элементарного набора.</i>

Таблица 2

Переходные типы (Б): арочная форма, форма «утюжок»

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Б-I рамочный		Одна рамка; три л-образных элемента арочного типа. Набор элементов соотносится с типом А-III	П-01-Блг-IV (№583; № 622); П-08-НТ-VI (№36); П-06-Изб-XI (№1); П-07-Петр-IX (179)
Б-I (в)		Одна рамка; два л-образных элемента; сужение формы у основания. Набор элементов соотносится с типом А-III	П-15-Покр-XV (№70) П-05-НТ-IV(№96) – П-15-Покр-XXI (№70) – <i>форма близкая к «листочку»</i>
Б – II-(3) рамочный		Одна рамка; три арочных л-образных элементов, объединенных общим основанием с «пикой» в центре	П-07-Покр-XXXI (№56)
Б-II-(4) рамочный		Одна рамка; четыре л-образных арочных элемента, объединенных общим основанием с «пикой»	П-00-Петр-IV (№1126): <i>на одном кирпиче два подтипа (Б-II-3 и Б-II-4); №869)</i>
Б-III рамочный		Одна рамка; четыре л-образных арочных элемента на общем основании (с пустым центром)	П-00-Бог-XXII №107) – <i>форма более вытянутая</i>
Б-IV (4) безрамочный		Четыре арки на общем основании с пикой	П-09-ПдП-XIV (№73)
Б-IV (б) безрамочный		Три арки на общем основании с пикой. Индекс формы – б – показывает округление (сужение арки) у основания. Этот прием приближает тип Б-III-б к оттискам типа «Листочек»	П-04-Бог-XXXI (№295)

Таблица 3

Пятиугольная форма (тип В)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
В-II (д-2)		Одна рамка; две арки стрельчатой формы; в центре – ромб	П-08-Петр-VIII(№8) – ошлакованный
В-II (д-3)		Одна пятиугольная рамка; три арки (2 ромбические и 1 круглая); в центре – ромб	П-03-Бог-XXX (№385) – все арки круглые. Следы брака
В-III(д-3)		Три пятиугольные рамки; в центре – пятиугольник с ромбом	П-05-Каз-IX(№173)
В-IV(4)		«Чистый» тип пятиугольника: четыре пятиугольные рамки, вписанные в пятиугольник. Особенность: прямые углы у основания	П-91-Покр-II(№27, №28); П-95-КД-X (№10)
В-V(4)		Одна рамка; четыре ромбических арки на общем основании	П-08-ПДП-XII (№342)
В-VI (3)		Одна рамка; три ромбические арки на общем основании с «пикой» в центре	П-07-Покр-XXX (№№ 61,68)
В-VI(д-3)		Одна рамка; три ромбические арки на общем основании с ромбом в центре	П-04-Петр-IX (№191)

Таблица 3 (окончание)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
В-VI (б-3)		Одна рамка; три арки на общем основании с пикой в центре	П-98-Тр-I (№ 435 – переходный, близкий к форме «листочек», по набору элементов соответствует типам А-V, Б-II)
В-VII безрамочный		Шесть л-образных элементов, опирающихся на стороны пятиугольника	П-00-Блг-IV (№747); П-08-Петр-VIII (№110 – ? – большие утраты)
В-VIII (д-3) безрамочный		Три ромбические арки на общем основании; в центре – ромбическая рамка с ромбом	П-03-Каз-V (№144); П-05-Каз-IX (№39); П-01-Блг-IV (№678); П-06-Олг-II (№89)
В-VIII (д-4) безрамочный		Четыре ромбические арки на общем основании; в центре – ромб. Возможно, четвертая арка образовалась из-за низкого «центра»: в результате ромбическая рамка оказалась срезанной основанием и превратилась, таким образом, в арочный элемент	П-09-ПДП-XIV (№64)

Таблица 4

Тип Г – круг

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Г-I		Спираль; в центре круг	П-10-Петр-ХIII (№17). <i>Фр. с большими утратами: спираль или концентрические окружности?</i>
Г-II		Концентрические окружности; в центре круг	П-08-НТ-VI (№48). <i>Фр. с большими утратами: спираль или концентрические окружности?</i>
Г-III		Колесо с семью спицами	П-03-Луб-II (№309); П-03-Луб-III (№159)
Г-III(н)		Колесо с семью спицами; решетчатая «рамка» вокруг колеса	П-88-КД-I (№94); П-93-КД <i>(Полный свод печи). Только в комбинации с другими решетчатыми формами.</i>
Г-IV		Розетка с 12 изогнутыми лопастями («шаровая молния»)	П-00-Петр-IV (№821); П-06-Покр-XXVII (№23 – в комбинации с треугольниками)
Г-V		Маломасштабная розетка с прямыми лопастями	П-00-Петр-IV (№205). <i>Часто встречается на зеленополивной посуде.</i>
Г-Н		Решетчатый тип круглой формы; негативная рамка; два ряда линейного решетчатого элемента; в центре – «розетка» с прямыми лопастями	П-04-Вас-III (№846)

Таблица 5

Тип Д – ромб/квадрат

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Д-I		Ромб, разделенный крестообразной перегородкой на четыре треугольных поля. Треугольные поля заполнены л-образными элементами	П-04-Покр-ХІІІ (№117); П-88-Л-ХVІ (№385) <i>в композиции с типом Д-V</i>
Д-II(3)		Три рамки. Центральная рамка имеет вертикальную перегородку	П-02- Покр-ХІ (№154)
Д-III(3)		Ромб, разделенный крестообразной перегородкой на четыре треугольных поля, заполненные перегородками, параллельными основанию треугольников. (Или: ромбические рамки; в центре крестообразная перегородка)	П-92-Куз -III; П-88-Л-ХVІ (№155)
Д-III(5)		Возможно, не полный оттиск ромбического штампа с пятью рамками	П-04-Бог-XXXI (№260) – <i>Дополнительные элементы в виде сдвоенных линий по углам ромба – брак оттиска?</i>
Д-IV-(3)		Ромб с тремя ромбическими рамками. Чистый тип Д, т.к. элементы повторяют форму штампа. Подтипы выделяются по количеству рамок	П-93-Луб-II (№50)
Д-V(6)		Ромб с шестью изогнутыми ромбическими рамками. Срезанные углы по горизонтальной оси (<i>предположительно, так как с левой стороны оттиск не полный</i>)	П-88-Л-ХVІ (№385). <i>С правой стороны четкий край вдавленного штампа с обрезанным углом; верхняя часть оттиска не уместилась на дуге</i>
Д-VI		Размещение на лицевой пластине в виде квадрата. Четыре рамки; центральная рамка (пятая) объединена с крестообразной перегородкой («оконный переплет»)	П-13-Изб-ХІІІ (№36). <i>Многие ромбы по форме близки квадрату, но оттиски расположены так, что воспринимаются как ромб. В данном (единственном?) случае стороны штампа расположены параллельно дуге</i>

Таблица 6

Тип Е (ступенчатый) – «Городок»

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Е-I		Четырехступенчатая форма с плоским основанием	П-03-Бог-XXX (№50)
Е-II		Четырехступенчатая форма с двумя выступами у основания	П-05- Бог-XXXI (№№175, 205, 252 – 7 фрагментов)

Таблица 7

Тип Л – «Листочек» (вариант группировки по форме)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Л		Правильная форма листа с диагональными выемками	Распространенная форма. Под «правильной формой» листа понимается наличие заостренной вершины и округлое основание овальной формы
Л-I		Правильная форма листа с диагональными широкими линиями; негативная рамка; акцентирование центра двумя негативными параллельными линиями	П-01-Блг-IV (№553), П-04-Покр-XXVI (№62), П-05-Бог- XXXI (№149; №295)
Л-II		Правильная форма с изогнутыми частями линиями; незначительное акцентирование верхушки подтреугольными выемками	П-01-Блг-IV (№ 671; № 679), П-05-Бог-XXXI (№ 64), П-88-Л-14 (274)
Л-III		Правильная листовидная форма; тонкие диагональные выемки; акцентирование верхушки перпендикулярными основному членению линиями	П-00-Петр-IV (№№ 720, 722, 848); П-02-Покр-Х (№157); П-04-Покр-XXVI (№ 44); П-08-Олг-V (№ 322). П-07-Каз-ХII (№73)
Л-А Л-лист+ А-треугольник		Треугольная форма с основанием в нижней части листа. Широкие подпрямоугольные выемки диагонального членения	Так как «чистый» тип Л-А обнаружен только на Казанском раскопе (П-03-Каз-VI, №55), его можно назвать «казанским типом листочка»

Таблица 7 (продолжение)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Л-А(1)		Треугольная форма без четко выраженного основания с широкими подпрямоугольными выемками диагонального членения	<i>Возможно, отсутствие четко выраженного основания объясняются лишь техническими особенностями. В таком случае, тип Л-А-1 является типом Л-А.</i> П-04-Покр-ХIV (№17). П-01-Блг-IV (№717)
Л-А(2)		Треугольная форма с основанием, выраженным в виде широкого подпрямоугольного выемки диагонального членения	П-07-НТ-V (№420); Каз-ХI (№131 – из слоя пожара, №134, №135, №163). <i>Может быть не «листочек», а «ель»</i>
Л-А(2а)		Вариант подтипа Л-А-2, но с частым диагональным членением, направленным вниз	П-05-Каз-ХI. «Ель»?
Л-Б Л-лист+Б-арка		Имеет арочную форму негативного фона	Найден в единственном экземпляре: П-07-Покр-XXX (№54)
Л-Г Л-лист+Г-круг		Круглая форма с диагональным членением. Подчеркивание контура круга с помощью заглабленного оттиска в поверхность лицевой части кирпича	<i>«Чистых» оттисков листочков, вписанных в круг не много, но в реальности иногда сложно отделить круглый тип от овального и из-за отсутствия четкого контура и из-за фрагментарности образцов</i>
Л-IV		Овальная форма с частыми диагональными линиями	Распространенная форма
Л-IV(1)		Овальная форма с широкими диагональными линиями. Незначительно углубленная по отношению к поверхности кирпича	<i>Широкое подпрямоугольное членение менее распространено, чем равномерное. При этом границы определения «широкого» и «равномерного» членения также бывают расплывчатыми. Поэтому в данную группу некоторые образцы включены предположительно.</i> П-03-Каз-VI (№179). П-02-Покр-X (№23, 160, 229, 243). П-04-Покр-XXVI (№75). П-08-НТ-VII, (№№18, 24) и т.д.

Таблица 7 (продолжение)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Л-V		Широкие диагональные выемки; оформление верха – позитивное изображение листа без членения	П-03-Покр-XIX (№38). П-04-Покр-XXIV (№32). П-04-Покр-XXVI (№74). П-07-СтВз-V (№149). П-04-СтВз-II (№5). П-09-ПдП-XIV (№30 - ошлакованный)
Л-VI		Широкие горизонтальные округленные выемки	П-02-Каз-IV (№ 68; №99; №159). П-03-Каз-VI (№62). П-03-Покр-XXIII (№27)
Л-VII		Широкие горизонтальные выемки. Нерасчлененная полукруглая вершина. Подчеркивание контура с помощью заглабления оттиска в поверхность лицевой части кирпича	П-02-Покр-X (№28)
Л-VIII		Вытянутая, расширенная кверху форма с частым равномерным по ширине негативным и позитивным диагональным членением	П-00-Петр-IV (№709); П-04-Покр-XXVI (№9) <i>по характеру выемок близок типу Л-A</i>
Л-IX		Маркером для выделения этого типа послужило наличие негативной рамки. Вытянутая, расширенная кверху форма; негативная линия в центре. Выемки узкие, овальные, редкие	П-07-Петр-VII (№177). П-88-Л-14 (№216) – <i>фр. с утратами</i>
Л-X		Вытянутая, расширенная кверху форма. В оформлении вершины – негативный треугольник	П-04 – Бог-XXXI (№405)
Л-XI		Почти правильная листовидная форма с минимальным (редким) набором каплеобразных выемок без четкого оформления верха и основания	П-04-Вас-III (№ 381). П-07-Покр-XXX (№54)
Л-XII		Подпрямоугольная форма с минимальным набором овальных выемок и мелкими выемками в верхней части	П-03-Каз-VI (№167-подпрямоугольная, но без макушки). П-0-Бог-XXXI (№ 212, №51; №137 – <i>форма соответствует полностью, но членение – узкие, неглубокие «прорези»</i>)

Таблица 7 (окончание)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Л-ХIII		Овальная форма с «минимальным» (количество может варьироваться) набором овальных, чашевидных широких выемок	П-04-Покр-ХIV (№40). П-07-Покр-ХХХI (№69 – образцовый). П-02-Покр-ХI (№156 – более жесткий, контур плоских выемок)
Л-ХIV		Вытянутая подтреугольная (индекс а) форма, сужающаяся к верху; каплеобразные выемки с не зеркальным членением	П-04-Покр-ХIII (№ 247). <i>При ширине лицевой поверхности дугового кирпича ок. 5,8 см высота оттиска доходит до 5,5 см. Т.е. дуга узкая, а штамп выбран большой</i>
Л-ХV		Подпрямоугольная форма с минимальным набором широких диагональных выемок. Верх оформлен двумя поперечными основному членению выемками	П-02-Покр-Х (№131)
Л-ХVI перегородчатый «эмалевидный»		Форма «правильного» листа, заполненная перегородками, напоминающими изделия перегородчатой эмали	П-91-Сов-II. <i>Выделен по отчету (Степанов, 1991, рис. 74, 110, 112«а»)</i>
Л-ХVII		Форма «правильного» листа. Выемки овальные. Верхушка акцентирована крестообразным элементом	П-01-Блг-IV (№672)

Таблица 8

Тип Ж – комбинированный (зубчатый)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Ж-I		Подтреугольная форма с косо обрезанными углами у основания. Боковые стороны оформлены линией (цепочкой) равносторонних треугольников, вершины которых соприкасаются с двумя л-образными элементами на общем основании с треугольником в центре, разделенного вертикальной перегородкой от вершины к центру основания	П-01-Печ (№87)
Ж-II		Подтреугольная форма с обрезанными под прямым углом у основания углами. Боковые стороны оформлены линией (цепочкой) неравномерных треугольников, вершины которых отступают на негативном фоне от л-образных элементов. Основание выделено (негативной) горизонтальной выемкой. В центре два л-образных элемента на общем основании с треугольником, разделенным крестообразной перегородкой	П-05-Вас-IV (№276), П-06-Олг-II (№27).
Ж-III		Форма двух уровней: треугольник с обрезанными под прямым углом углами у основания дают четкий прямолинейный контур боковых сторон, объединенный с основанием на месте среза углов. Основание выделено волнообразной острой линией, нижняя часть которой «выходит» на лицевую поверхность кирпича. Боковые линии треугольника оформлены типично. Два л-образных элемента на общем (широком) основании с треугольником в центре. Перегородка треугольника: крест на линейном решетчатом элементе с квадратными выемками. Центральный треугольник объединен вершиной с ближайшим л-образным элементом двумя расходящимися вершинами.	П-08-НТ-VII (№190) <i>Форма штампа в нижней части – зубчатая, а не прямолинейная. Возможно, это связано с неравномерным оттиском(?). Оформление верхней части л-образных элементов (наличие или отсутствие перегородок) не установлено из-за фрагментарности образца</i>
Ж-IV		Боковые линии оформлены негативными зубчатыми линиями. Основание подчеркнуто волнообразной острой линией, отстоящей от позитивного рисунка на некотором расстоянии. Два л-образных элемента на общем основании. В центре треугольник со сложным рисунком перегородки, которую можно охарактеризовать как крестообразный переплет с приподнятыми боковыми лопастями («птичья лапка») на линейном решетчатом основании с вытянутыми (не квадратными) выемками. Общий рисунок осложнен двоянными перегородками, соединяющими треугольник в центре с вершиной л-образного элемента. При этом л-образные элементы также соединены в верхней части двоянными перегородками	П-04-Вас-III (№887, 3 фр.) <i>Одноуровневое исполнение, отсутствие четкой треугольной рамки возможно связано с неполным оттиском.</i>
Ж-A		Зубчатый контур; основание подчеркнуто волнообразной острой линией, отстоящей от позитивного рисунка на некотором расстоянии. Три л-образных элемента. Комбинированный тип без перегородок.	П-04-Покр-XXVI (№20)

Таблица 8 (окончание)

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Ж-Е-а		Пока известен один тип ЖЕа: ступенчатый негативный контур подтреугольной формы; в центре – три л-образных элемента на общем основании	П-03-Бог-XXX (№49) <i>Ж-обозначение группы (комбинированные), е – ступенчатая форма, а – элементы треугольной формы.</i>
Ж-б		По внешнему контуру – негативная зигзагообразная линия, отделенная от основания, которое имеет замкнутый зигзагообразный линейный элемент. Две арки на общем основании с л-образным элементом в центре	П-01-Блг-IV (№ 897) <i>соединение элементов комбинированного типа с арочной формой.</i>

Таблица 9

Группа «стилизованнные типы»: З, И, К, М

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
З		Стилизированный комбинированный. Подтреугольная, ступенчатая с округлым основанием. Внутреннюю плоскость оттиска заполняет стилизованное изображение «ростка» с тремя парами веточек. Верхние прямые направлены вверх, нижняя пара имеет завитки.	П-91-НК (№157) – нижняя часть утрачена. Сочетает черты стилизованного типа: «росток» и комбинированного: ступенчатая треугольная форма.
И		Овальная, «листовидная» форма; рамка сложной конфигурации; в «основании» – линейный решетчатый элемент; внутри – стилизованный «крин» с волнатообразными завитками.	П-05-Бог-XXXI (№168, №171). П-08-НТ-VII (№241, №245). П-07-Петр-IX (№37). П-09-Петр-IX (№95 – 2 фр.; №176). За основу взят самый полный фр. – №171 Богдавленского раскопа.
И-1		Изменения в оформлении узкой части листовидной формы: осевая линия не доходит до макушки, а прерывается подтреугольной выемкой; округлая вершина.	П-04-Бог-XXXI (№13, 2 фр.; №111). Как подтип выделен предположительно. Вероятно, другая матрица.
К		Стилизованная форма «тюльпан» («луковка»); одна рамка; л-образный элемент; в центре – овальная рамка.	П-04-Блг-V (№28)
М		«Сюжетный». «Листовидная» форма. В верхней части «листовидный» элемент, разделенный вертикальной перегородкой. Основной объем условно делится на две части. Рисунок определяют негативные жесткие линии.	Бог-XXII (№24); П-83-ВОЛ (№40) Возможно, изображение церкви или крепостных башен, заключенные в яйцевидную или листовидную форму.

Таблица 10

Тип Н – решетка

Тип/подтип	Схема оттиска штампа	Описание	Местонахождение. Примечания
Н-I		Конусовидная форма с <i>вогнутыми боками</i>	П-07-Петр-IX (№65)
Н-I(1)		Конусовидная форма, заполненная прямоугольными выемками, образующими рисунок решетки (сетки). Различаются количеством вертикальных и горизонтальных перегородок; геометричностью формы.	П-00-Петр-IV (№1098)
Н-I (2)		Конусовидная форма с дополнительным л-образным негативным элементом оформления макушки	П-00-Бог-XXII (№15) <i>Стилистически близок к типу Н-I-З.</i>
Н-I (3)		Комбинированный: решетка вписана в треугольную ступенчатую форму.	П-88-КД-I (№94) – <i>В композиции используется только в сочетании с солярным знаком.</i>
Н-II		Комбинированный. Подтреугольная форма без четкого контура; в центральной части дополнена солярным знаком.	П-93-КД-VI (Свод печи и отдельные фрагменты из я. 6). <i>В композиции используется только в сочетании с солярным знаком</i>
Н-Г		Круглая форма с тремя парами перекрещенных под прямым углом перегородок. Контур штампа вдавлен.	П-02-Покр-XI (№140). П-04-Покр-XVI (№19)
Н-Г (1)		Округлая форма; минимальный набор элементов: две пары перекрещенных под прямым углом перегородок. Контур штампа вдавлен.	П-02-Покр-XI (№30; №159)
Н-Г(2)		Овальная, круглая форма с частыми прямоугольными выемками без четкого контура.	П-04-Покр-XII (№ 44). П-04-Покр-XXVI (№30)
Н-А		Комбинированный тип решетки треугольной формы с дополнительными негативными л-образными элементами.	П-05-Каз-IX (№220)

Таблица 11

Количественное соотношение распространения основных форм штампов дуговых кирпичей¹

Исторический район города	Комплекс раскопов	А	В	Г	Д	Е	Ж	Стилизованные: ЗНИКМ	Л	Н	Общее количество фрагментов	Площадь раскопов (м ²)
Окольный город	Никольский 1991	36	-	-	-	-	-	4	2	-	42	1265
	Покровские X-XVI, XXIII, XXIV, XXXI, XXX, XXXI	87	3	-	3	-	2	1	30	7	134	3511,49
	Васильевские III, IV	28	-	1	-	-	4	-	2	-	37	1054,95
	Казанские III-IX, XI	66	6	-	-	-	-	-	14	-	86	2156,9
	Благовещенские IV, V	13	1	-	-	-	-	1	5	-	21	568,5
	Петровские IV, VII-IX, XI, XIII	104	3	3	-	-	2	4	10	2	130	4816,5
	Новоторговские V-VIII	18	-	-	-	-	-	1	9	-	39	1656,5
Завельичье	Изборские VI-XII	6	-	-	-	-	-	-	1	-	7	4631,25
	Ольгинские I-VI	35	1	-	-	-	1	-	5	1	50	3548
Запсковье	Лубяжские II, III	10	-	3	1	-	4	-	4	-	23	1121
	Богоявленские XVI-XIX, XXI-XXIV, XXVII, XXX-XXXII, XXXIV	58	1	-	1	11	-	6	15	1	99	3612,75

¹ Переходные или неопределяемые формы в данной таблице не отражены. В связи с этим тип Б в таблице не представлен, так как имеет переходную форму. В общее количество Покровских, Благовещенских и Ольгинских включены и неориентированные фрагменты.

Литература

- Белецкий В. Д.*, 1971. Клейма и знаки на кирпичах XII века из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. № 2.
- Забелин И. Е.*, 1990. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Кн. 1: Государев двор или дворец. М.
- Кобозева Е. В.*, 2014. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затъмачком и Загородском посадах // Археология Подмоскovie. Вып. 10. М.: ИА РАН.
- Левко О. Н.*, 2004. Средневековые административные центры Северо-Восточной Беларуси. Минск.
- Маслова Г. С.*, 1978. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.
- Морозова Е. В.*, 2002. Форма и декор псковской керамики XV – начала XVIII веков и опыт их стилизаций: дипломная работа [Рукопись] / НовГУ. Новгород.
- Плоткин К. М.*, 1992. Псковские каменные плитки с граффити // АИППЗ. 1991. Псков.
- Раппопорт П. А.*, 1994. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.
- Рыбаков Б. А.*, 1948. Ремесло древней Руси. М.; Л.
- Синчук И. И., Зайцева О. Е.*, 1997. Заслонки и печная дуга XVII века из Дисны // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. СПб.; Псков.
- Соболев Н. Н.*, 1934. Русская народная резьба по дереву. М.; Л.
- Соловьев А. А.*, 2013. Изразцы и печи Полоцкого иезуитского коллегияума. Полоцк.
- Спегальский Ю. П.*, 1969. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. Вып. 113.
- Спегальский Ю. П.*, 1976. Каменное зодчество Пскова. Л.
- Степанов С. В.*, 1991. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Советской в 1991 г.
- Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К.*, 1986. Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир Гродненской области // СА. № 4.
- Федотов Г. Я.*, 2003. Русская печь. М.

* * *

*Прибурова Татьяна Филипповна, Псков,
ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области».
E-mail: tanyanapriburova@yandex.ru*

Ю. В. Колтакова

Наперсные резные кресты в археологических и музейных коллекциях Пскова: к вопросу о культурных связях Пскова в позднем Средневековье

Резюме. В статье дан обзор резных наперсных крестов XVI в. из археологических и музейных собраний в Пскове. Выделено 6 вариантов иконографии лицевой стороны крестов. На основе наблюдений над взаимовлиянием различных художественных традиций сделан вывод о связях, которые складывались не между городами, а между крупными монастырями Псковщины и России: Мирожским, Спасо-Елеазаровским, Иоанно-Предтечинским, Псковским Ильинским, Спасо-Прилуцким, Троице-Сергиевым, Кирилло-Белозерским и так далее. Способность монастырских мастеров создавать новые произведения на базе и по мотивам привозных образцов формировала корпус произведений общерусского христианского искусства.

Ключевые слова: Псков, христианство, наперсные кресты, предметы личного благочестия, культовая металлопластика.

Yu. V. Koltakova. Pectoral Carved Crosses in the Archaeological and Museum Collections of Pskov: to the Issue of Cultural Relations of Pskov in the Late Middle Ages

Abstract. The article presents an overview of the 16th century carved pectoral crosses from Pskov archaeological and museum collections. There are six variants of the iconography of the front side of the crosses. On the basis of observations on the mutual influence of various artistic traditions, the conclusion is made about the connections that were formed not among the cities, but among the large monasteries of Pskov Land and Russia: Mirozhsky, Spas-Eleazarovsky, John the Baptist, Pskov Ilyinsky, Spas-Prilutsky, Trinity-Sergiev, Kirill-Belozersky and so on. The ability of the monastery masters to create new masterpieces on the basis of and motives of the imported samples formed the body of works of all-Russian Christian art.

Keywords: Pskov, Christianity, pectoral crosses, private devotion objects, cult metal casting.

В археологических и музейных фондах Пскова содержится небольшая коллекция наперсных деревянных, костяных и роговых крестов. Среди них есть высокохудожественные произведения искусства и подражания, крайне интересные примеры христианской иконографии и эпиграфики.

Главным назначением таких крестов было использование их в качестве «приклада» к иконам, т. е. дара церкви, который размещался непосредственно под или перед почитаемым образом. Носили наперсные кресты и священнослужители, параманные кресты – монашество. В церемониальных одеяниях московских князей древние кресты носились поверх барм и оплечий (Николаева, 1976. С. 139, 142).

Для резных наперсных крестов из рога и кости характерны как сложно-составные, так и односюжетные иконографические композиции. Объединяет данные находки в первую очередь высокий уровень мастерства изготовления, который проявляется через гармоничность композиций и их связь с иконописными образцами, изящество пропорций изображенных фигур, наличие читаемых миниатюрных надписей, умение мастера разместить на небольшой площади многофигурные сцены. Неслучайно В. Г. Пуцко привлекал их аналоги из рога и дерева для аргументации значимости греческого импульса в развитии московской пластики XV–XVI вв. (Пуцко, 1997. С. 126).

Благодаря публикации И. С. Родниковой утвердилось справедливое мнение о причастности большей части данных изделий в псковских коллекциях к мастерским, связанным с Троице-Сергиевой лаврой (Родникова, 2005. С. 495–529).

Продукция этого ремесленно-художественного центра впервые всесторонне исследована и выделена Т. В. Николаевой, ею обнаружены и имена многих крестечников XV–XVI вв. Считается, что у истоков местной школы резьбы стоял мастер Амвросий (Николаева, 1976. С. 247, 250), отнесенный В. Г. Пуцко «к числу самых византинизирующих московских ремесленников середины XV в.» (Пуцко, 1997. С. 121). Сохранился трехстворчатый складень с датирующей надписью, созданный этим иноком в 1456 г. по заказу игумена монастыря Вассиана Рыло. С этим произведением сопоставляют и более поздние работы троицких мастерских, в том числе ковчег с изображением Петра и Павла, большой восьмиконечный запрестольный крест с резными по кости миниатюрами XV в. с изображениями Распятия, праздников и святых, а также произведения мелкой культовой пластики середины и второй половины XVI в. (Загорский музей... С. 133–134, 137, 149; Николаева, 1976. С. 250–251).

В настоящее время к ранее атрибутированным предметам из Псковского музея добавился ряд аналогичных археологических находок, что позволяет проанализировать явление в комплексе.

Все резные наперсные кресты из Пскова можно разделить на шесть групп по их иконографии.

1. «Праздничный чин», 12 праздников.

С иконографией данного типа известно три предмета из фонда цветных и драгоценных металлов Псковского музея-заповедника, два из них опубликованы И. С. Родниковой (кресты XVI в. в серебряном сканом окладе; ПГОИАХМЗ). Также в коллекции музея существовал их аналог, который попал в музей из Спасо-Елеазаровского монастыря в 1924 г., но был утрачен в годы Великой Отечествен-

ной войны (Родникова, 2005. С. 510–512. № 325, 328, 441). Крестов, иконография которых соответствует данному типу полностью, из раскопок в Пскове нет.

В открытом хранении фонда цветных и драгоценных металлов Псковского музея-заповедника «Золотая кладовая» (ПГОИАХМЗ, ЗК 60, IX/3) представлен один из наиболее сохранных и искусно выполненных крестов данного типа. В отличие от аналогов он не имеет оправы, что позволяет изучить его боковые поверхности и участки резьбы, прилегающие к краю изделия (рис. 1: 1).

На лицевой стороне креста (сверху вниз слева направо) в прямоугольных дробницах изображены сцены: **Благовещение** (Архангел Гавриил и сидящая Мария, текст: БЛIIIИ ВСТЪЕ), **Сретение** (в храме: Богоматерь и Симеон Богоприимец с Младенцем, пророчица Анна; надпись СТНЬ(?) ЛЬ(ять?)ЕХ), **Крещение** – средник, увеличенная композиция (Иоанн Предтеча в тунике, Христос в водах Иорданских, снизу – символическая фигура, изображающая сам Иордан, справа два ангела с ризами, протянутыми Христу; сцена показана внутри храма и со зданиями на фоне, что может указывать на храм Крещения, с которым был связан данный крест; надпись: КРЕШ Е ЕХВД), **воскрешение Лазаря** (Христос, за ним иудеи, справа Лазарь в пеленах и раскрытой гробнице; надпись ВОСК ИИСЕ), **Преображение Господне** (Христос во Славе и пророки Моисей и Илия на вершинах гор, павшие ниц апостолы Петр, Иоанн, Иаков; надпись ПРЕВ? АЖЕНИЕ), **Успение Богородицы** (ложе с телом Богородицы, Христос с душой матери в руках, апостолы; надпись: ОУСПИ Е И?БТ).

На обороте креста (сверху вниз слева направо) изображены сцены: **Рождество** (комплексно совмещающая иконографию Рождества, изображение Богородицы и яслей, Иосифа, благовествующих ангелов, а также сцену Купания младенца; надпись ОРЖС ЕТ(?)БХ?), **Вход Господень в Иерусалим** (конная фигура, встречающие ее горожане, ветви пальм на фоне композиции, надпись: ВХО В ЛИ Е), **Распятие** (центральная пятифигурная композиция, Христос распят на кресте, над головой его надпись IC (?) ХС, слева Мария (ее фигура подписана МР) и Мария Магдалина, справа – Иоанн (IW) и, видимо, Лонгин-сотник; надпись СТРТ ХВБТ, фон изображения размечен мелкими крестами), **Сшествие во Ад – Воскресение** (Христос, стоящий на скрещенных сокрушенных вратах Ада, протягивает руки Адаму и стоящей за ним Еве, за спиной у него другие души; по композиции сцена почти идентична Воскрешению Лазаря и имеет похожую надпись ВОСК СВХЕ); **Вознесение** (восьмифигурная композиция, Христос возносится во Славе в сопровождении двух ангелов, внизу Богоматерь Оранта, одесную ее апостолы; надпись ВОЗНЕ ЕНЪЕ Р(?)Т(?)), **Сшествие Святого духа на апостолов** – Пятидесятница (десять апостолов полукругом царская фигура с убурусом в центре; надпись СШЕСТ КРОЕТ (СВОЕТ?).

Все аннотирующие надписи к представленным на кресте сюжетам бронные, размещены в каждом медальоне на киотообразных сводах, символически обрамляющие евангельские сцены как сцены в храме. Форма сводов «авория» напоминает одну из форм титла, характерную для поздних меднолитых крестов – в виде виньетки, похожей на перевернутую лилию, и влияние традиции резных крестов на медную пластику весьма вероятно. Козырек в центре свода разывает каждую надпись на две части, неравноценные по смыслу. Первая

Рис. 1. Кресты резные наперсные. 1 – крест резной с сюжетами двенадцати праздников, рог. ПГОИАХМЗ, ЗК 60, № IX/3; 2 – крест резной с изображением праздников и Богоматери Знамение с избранными святыми, слоновая кость (по определению Салмина С. А.). ОЛГ-V-2008, № 84, Б-11 (-218)-36, № пол. 4; 3 – креста резного с надписью фрагмент, рог П-86-ИЗБ, № 39; IX-1-270; 4 – крест деревянный с надписями в обкладке из серебра и белого металла. ПМАС-92; кв. 3, пл. 7 (-123), слой разрушения постройки, № пол. 2

часть начинает название сюжета, вторая либо продолжает его, либо содержит указание на действующих лиц. В отношении текста автор-резчик поступает чрезвычайно экономно, но титла для сокращений не применяет.

Логически и стилистически прототипом для этой группы произведений должен был послужить праздничный чин 1425–1427 гг. иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры. Он включал 19 икон и был одним из самых больших в России по числу представленных сюжетов (Лазарев, 2000. С. 104, 368). Тем не менее расхождения в иконографии отдельных сцен выявляются: так, в сцене Сошествия Святого духа на иконе изображены все двенадцать апостолов, в то время как на наперсном кресте – десять. В той же традиции, что и иконостас, в Лавре был создан и большой запрестольный крест XV в. мастера Амвросия с изображением Распятия, Деисиса и праздников, а также важных для монастыря житийных сцен (Николаева, 1976. С. 251). Впоследствии, когда троицкий игумен Вассиан Рыло стал епископом Ростовским, традиция могла распространиться в Ростовскую землю.

Изначальным, до-троицким истоком русской иконографии резных крестов с праздниками, вероятнее всего, было известное на Руси творчество мастеров из монастырей Афона. Например, старинные реликвии – кипарисные кресты с сюжетами праздников – наряду с другими святынями были врезаны Кийский крест (Гнутова, Щедрина, 2006. С. 672). Их иконография проявила себя и в производстве наперстных крестов, таких как, например, массивный резной крест начала XVIII в., найденный во время ремонта в церкви Евфимия Кирилло-Белозерского монастыря. Этот деревянный восьмиконечный крест был украшен миниатюрами, вставленными в серебряную позолоченную оправу. На лицевой стороне креста московскими резчиками были выполнены шесть резных сцен, из которых три сохранились полностью: «Распятие с предстоящими», «Уверение Фомы» и «Снятие со креста». Четвертое клеймо «Вход Господень в Иерусалим» имеет значительные утраты (Щурина, 2013).

2. Двусторонние кресты с изображением Богоматери Знамение.

Напомним, что особое почитание иконы «Знамение» в русских землях связано с историей о чуде, произошедшем в битве суздальцев с новгородцами. Несмотря на то, что событие относится к третьей четверти XII в., широкую огласку оно получило в XIV–XV вв., когда благодаря деятельности Пахомия Сербя и других известных книжников сформировался литературный вариант легенды («Слово похвальное Знамению», «Чудо от иконы Знамению»). Легенда считается скорее новгородской, хотя литературным своим оформлением обязана Троице-Сергиевой обители.

Н. Г. Порфиридов полагал, что первые иконы на этот сюжет были написаны не ранее середины XV в., в том числе и та, которая почитается как икона XII в. в новгородском Софийском соборе (Порфиридов, 1966). Г. В. Попов считал возможным связать со шлейфом почитания этого образа и поновленную в XVI в. Мирожскую Оранту с изображением Довмонта (Попов, 1971). Также к XV–XVI вв. относится и появление наперстных крестов с данным образом.

Крест данного типа, изготовленный из слоновой кости и найденный при раскопках Ильинского монастыря в Пскове (ОЛГ-V-2008, № 84), представляет

в своей иконографии совмещение на одной стороне под сюжетом «Троица Ветхозаветная» наиболее важных для автора сцен праздников, как в предыдущей группе крестов, и замещение медальонов второй стороны изображением Богоматери Знамение с избранными святыми (*Салмин, Салмина*, 2014. С. 29, 31, 32), (рис. 1: 2).

На «праздничной стороне» размещены сюжеты: Троица Ветхозаветная (поясные изображения ангелов за столом), Сретенье (четырёхфигурная композиция), Распятие (трехфигурная композиция), Воскрешение Лазаря, Преображение (почти идентично по композиции крестам «праздничного чина») и Сошествие Духа Святого (композиция по сравнению с предыдущей сокращена по вертикали). Надписи размещены на фонах, в двух случаях («ТРОЧА» – Троица) вынесены на бортик и сделаны в другой технике. Арка в виде кивория сохранилась только в центральной композиции Распятия.

На «Богородичной» стороне в круглом медальоне, как бы перекрывающем поквadratное деление поверхности креста, – изображение Богоматери Знамение. На фоне фигура подписана МР (без окончания «Тео») и крестом с двумя буквами, возможно, ІС, относящимися к изображению Христа. По кругу располагается надпись. Сохранность креста сейчас, его высветленный тон не позволяет сделать эту надпись читаемой. Это может быть фрагмент молитвы «Достойно есть», «архангельской песни», восславляющей Богородицу. В верхней правой части неуверенно читается «честнейшую х... (возможно, херувим)», что может быть эпитетом Богородицы из славословия «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим». По сторонам от круглого медальона скупо изображены символы евангелистов: профиль ангела, крыло и голова орла, морды льва и быка.

В прикладном искусстве XVI в. известны две резные композиции, абсолютно аналогичные по иконографии «богородичной стороне» креста, из коллекций московских музеев, однако отнесение их различными искусствоведами к продукции мастеров Ростова Великого либо к Кирилло-Белозерскому монастырю, ярославской художественной школе либо тверским изделиям с «новгородизмами» породило научную дискуссию, не имеющую в настоящее время однозначного результата (*Афонин*, 2013. С. 18–27; *Горбачева, Харламова*, 2011; *Соколова*, 2003. С. 99–100). Кроме этого, крест из Пскова имеет прямой и отдаленный аналоги в коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника (деревянные кресты «Богоматерь Знамение – избранные святые» и «Распятие – избранные святые», XVI в., Сергиев Посад), куда кресты поступили в 1920-е гг. из Покровского монастыря в г. Суздале (Произведения... С. 44, 45. № 20, 21). И. С. Родниковой опубликован аналогичный по сюжету, но более примитивный по качеству резьбы деревянный резной крест из Псковского музея. Исследовательница соотносит его предположительно с Троице-Сергиевым монастырем, середина – вторая половина XVI в. (*Родникова*, 2005. С. 514–515; 2013. С. 521. № 443).

Вопрос о месте создания произведения не может быть решен без детального анализа иконографии и ее аналогов.

Избранные святые на псковском кресте определяются как Никола, Сергей и Никон благодаря надписям, выполненным широкими выпуклыми буквами, и отдельным элементам их иконографии. Согласимся с мнением, высказанным

С. А. Салминым при публикации вещи и В. Г. Пуцко при анализе ее аналогов, о том, что иконографическая программа креста – совмещение иконы престольного праздника Троицы и изображений Сергия и Никона Радонежских на одном изделии – явно противоречит атрибуции иной, нежели Троицкая (Салмин, Салмина, 2014; Пуцко, 1997. С. 125–126).

Вместе с тем, анализируя весь ряд изделий с круглым медальоном «Богоматерь Знамение», можно заметить, что они принадлежат разным резчикам и даже размещение изображения Никона и Сергия вместе с Николой в данных композициях не является стабильным. На резной иконе из Музеев Московского кремля предстоящих нет, на иконе из ГИМ вместо них изображены фигуры Кирилла Белозерского и Николы (Афонин, 2013. Илл. 6, 9). В этом смысле данный крест показывает одновременно связь Пскова не только с Троице-Сергиевской, но и с Кирилло-Белозерской обителью, и Ростовом.

С большими оговорками мы бы отнесли к кругу данных изделий небольшой фрагмент креста из раскопок на Завеличье (Изборский раскоп, 1986) – часть верхней лопасти с ушком для подвешивания (рис. 1: 3). На одной стороне врезанной линией был изображен крест, на другой сохранился двустрочный текст, в котором предположительно узнаются монограммы Богоматери (МРЪУӨИ) и Христа (ІСХС). Учитывая данную аннотацию, можно предположить в центральной, несохранившейся, части креста некую богородичную композицию, из которой на наперсных крестах нам известна только Богоматерь Знамение. Надпись, несмотря на фрагментарный характер, имеет яркие особенности: в первой строке присутствует лишняя буква «ук». В. Л. Янин ошибку в имени Богоматери считал характерной для Олисея Гречина и выявил ее как в берестяных грамотах, так и в росписи Спаса на Нередице. Не проводя таких далеких параллелей, предположим, что это могла быть ошибка, типичная для грека, творящего в русской среде.

3. Кресты с образом архангела Михаила

Изображение Богоматери Знамение – не единственное дополнение композиции «праздничного чина» центральной фигурой. В псковских коллекциях присутствует три наперсных креста с ростовым изображением архангела на лицевой стороне.

Самый крупный из крестов, 13,5×7 см, из Псковского музея-заповедника, хранился до передачи в музей в Иоанно-Предтечинском женском монастыре. И. С. Родникова датирует его первой половиной XVI в. и, соглашаясь с мнением И. И. Плешановой, возводит происхождение креста к Спасо-Прилуцкому Вологодскому монастырю. Изготовление оправы И. С. Родникова аргументированно атрибутирует новгородским мастерам, кроме того, деревянный крест с аналогичной иконографией хранится в Новгородском музее. На обороте вырезаны не только сцены праздников, но и деисусный чин (Родникова, 2005. С. 504, 505).

И. С. Родниковой также опубликован более скромный по размерам крест, поступивший в музей из Елеазаровского монастыря, на лицевой стороне которого вырезан образ архангела Михаила с надписью «ангел хранитель» и с избранными святыми (Сергий, Никон, Николай, погрудные образы). На обороте – Распятие и праздники: Троица, Сретенье, Воскрешение Лазаря,

Преображение, Сшествие св. Духа на апостолы – т.е. иконография «праздничной стороны» идентична крестам с Богоматерью Знамение. Исследовательница датирует изделие серединой – второй половиной XVI в.

Следуя логике атрибуции иконографической программы креста (изображения Сергия, Никона и Николая), данный крест следует соотносить с Троице-Сергиевой Лаврой. Однако у искусствоведов есть консолидированная точка о вологодском происхождении предмета и его связи со Спасо-Прилуцким монастырем.

Подобный крест найден в 1977 г. на раскопках в Палатах Подзноева (ППП-77, колл. 10657, № 2044, В-10-64), он не вводился в научный оборот (рис. 2: 1). Размеры 7,3×4,1 см и около 8 мм в толщину. На лицевой стороне в центре – архангел с орудием в руке, окруженный сиянием и фигурами святых. На обороте в центре – Распятие, а концах креста – групповые изображения, сцены праздников. Рельеф сильно стерт, однако по его остаткам можно судить о пропорциональности фигур, наличии тонко проработанных деталей и составе изображенных. Можно предположить, что набор изображенных святых мог быть идентичен аналогичному на кресте из Елеазаровского монастыря.

Крест не имеет оправы, поэтому есть возможность рассмотреть особенности его формы и отметить характерные скосы на углах креста, а также расширение нижней лопасти в ее нижних двух третях.

Особо следует обратить внимание на арки в виде кивория над некоторыми сценами, которые роднят крест через манеру исполнения с кругом аналогичных памятников. Аналог креста XVI в. хранится в Тверском музее и был опубликован А. В. Рындиной и Г. В. Поповым (*Попов, Рындина, 1979. С. 534, 537*).

4. Кресты с изображением трех святителей

Погрудные изображения Сергия/Кирилла, Никона и Николы были обнаружены на крестах с изображением Богоматери Знамение, но встречаются и как основная композиция одной из сторон креста.

Из раскопок в Спасо-Елеазаровском монастыре происходит еще один наперсный крест, к сожалению, плохой сохранности (ЕЛМ-2010, № 10; рис. 2: 2). Отметим трехфигурную композицию на лицевой, более сохранной, стороне и изображения в прямоугольных дробницах на обороте. Обращает внимание общая схожесть размещения погрудных образов с композициями на крестах с архангелом, однако очевидно, что его общая иконографическая схема является особенной. Подобное изображение выявлено на кресте прекрасной сохранности из археологических раскопок сезона 2017 г. на крепости Сокол в Беларуси, время выпадения находки в слой датируется 25 сентября 1579 г. – датой пожара и штурма крепости¹. Изображения: центральное – ростовое, боковые – погрудные, аннотированы трехстрочной надписью в верхней лопасти: НИКОЛА, СЕРГИИ, НИКОН. Крест из Сокола имеет не сходный с исследуемыми крестами контур с бортиком, украшенным двойным выпуклым рантом, снизу – с узором «веревочка», со «слезками» в углах лопастей, без характерного расширения в нижней лопасти. Эта форма роднит

¹ Благодарю Марата Васильевича Климова за уникальную возможность натурального ознакомления с неопубликованным материалом.

Рис. 2. Кресты резные наперсные. 1 – крест резной с изображением архангела с избранными святыми и праздников, рог. ППП-77, ПГОИАХМЗ, колл.10657, № 2044, В-10-64; 2 – крест резной с изображением трех (четырёх?) святых и праздников, кость/рог. ЕЛМ-2010, № 10; 18-3 (-56), № пол. 31; 3 – крест резной с изображением Входа Господня в Иерусалим и других праздников, фрагмент, рог. ПЕТР-08-VIII, № 211, Ж-13 (-252)-174, яма 23; 4 – крест резной с изображением Входа Господня в Иерусалим и других праздников, рог. МСТ-IV-18; № 1366; В-16 (-320)-3Ф, № пол. 6; 5 – крест резной с изображением Входа Господня в Иерусалим, рог. ВАС-III-04, № 384; В-11 (-219)-52, № пол. 27 (обратная сторона)

его с афонскими прототипами русских нательных крестов. На обороте креста из Беларуси – Никита Бесогон и другие изображения.

При экспонировании креста из Елеазаровского монастыря высказывалась версия об атрибуции изображения трем святителям: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту – в связи с наличием в монастыре Трехсвятительской церкви. В контексте других находок очевидно, что на кресте также изображены, вероятнее всего, Сергей, Никон и Никола, но, возможно, с заменой фигуры Сергия на кого-либо из местнотимых святых (как в случае с заменой фигуры Сергия Радонежского на Кирилла Белозерского на резной иконе из ГИМ).

5. Кресты с изображением Входа Господня в Иерусалим

Сильно упрощенный, но близкий к «праздничному» набор сцен можно видеть на находке, сделанной на Петровском VIII раскопе в Пскове в 2008 г. (ПЕТР-08-VIII, № 211; рис. 2: 3). Крест роговой, односторонний, сломан по диагонали, верхняя и левая лопасти не сохранились, сторона с праздниками выступает как лицевая. В центре композиции вместо Распятия изображен Вход Господень в Иерусалим.

Фигуры вырезаны лапидарно, фон не проработан, сцена Сошествия св. духа изображена как 4 головы в ряд с аннотацией «ШЕСТВИЕ». Сцена Преображения подписана как «ПРЕГД», Воскрешение Лазаря – как «ВОСК». Тем не менее надо отметить смелую манеру автора, по-своему скомпоновавшему иконографию и сохранившему основные значимые надписи и элементы сцен.

Идентичен ему по изображениям на лицевой стороне, насколько это возможно для изделия ручной работы, роговой крест без верхней лопасти из коллекции Мстиславского раскопа 2018 г. (МСТ-IV-18; № 1366; рис. 2: 4). От данного креста сохранился больший фрагмент, например, видна сцена Сретения в левой лопасти, однако детали всех изображений и аннотирующие надписи сгладились и могут быть атрибутированы лишь по аналогии.

Аналогичная иконография встречается на одной стороне рогового креста из коллекции Васильевского раскопа (ВАС-III-04, № 384; рис. 2: 5). Это версия описанной выше упрощенной «праздничной» композиции со сценой Входа Господня в Иерусалим в центре и надписью под титлами «ЕРСМЛЬ ВХОД», трудно узнаваемыми сценами Сретения и Воскрешения Лазаря по бокам и, вероятно, Сошествием св. Духа внизу, хотя от героев композиции на данном кресте осталось уже только двое. Может быть, это не евангельская сцена, а некие избранные святые. Пояснительная надпись двустрочная, но, к сожалению, не читается.

Привлекательной была бы гипотеза о местном происхождении изделия, особенно учитывая наличие в Пскове церкви Входа Господня в Иерусалим в Довмонтовом городе, которая упоминается летописью под 1466 г. и позже. В пользу версии говорит и упоминание псковских мастеров в письменных источниках, например, известно, что в первой половине XVI в. псковский серебряник Стефан работал около трех недель в Кирилло-Белозерской обители (Родникова, 2013. С. 70). Также из раскопок в г. Пскове происходят две находки заготовок для деревянных крестов близкого размера и пропорций (НТ-VI-2008, № 211; ПЕТР IV-2000, № 331; рис. 3: 7, 8).

Рис. 3. Кресты резные наперсные и крестовидные заготовки. 1 – крест резной с изображением Креста на Голгофе и надписями, рог. МИР-ХVIII-2010, № 10; А-2– (-151) погребение 1, № пол. 1; 2 – крест резной с изображением Креста на Голгофе и надписями, рог. ПЕТР-IV-2000, № 91; Д-10 (-180)–135, № пол. 7; 3 – крест резной с изображением Креста на Голгофе и надписями, рог. ВАС-III-04, № 384; В-11 (-219)–52, № пол. 27 (лицевая сторона); 4 – крест с упрощенным изображением Креста на Голгофе, рог. НТ-Х-2011, № 186; Г-7 (-132)–68, № пол. 10; 5 – крест с упрощенным изображением Креста на Голгофе, рог. ЛУБ-III-2003, № 140; Г-39(-779)–261, № пол. 3; 6 – крест с упрощенным изображением Креста на Голгофе, рог. Музей Храма св. благовер. Великого князя Александра Невского; 7 – крестовидная заготовка, дерево. НТ-VI-2008, № 211; А-11 (-217)–5, № пол. 4 27 (масштаб 1:2); 8 – крестовидная заготовка, дерево. ПЕТР-IV-2000, № 331; Б-10–6, № пол. 4 (масштаб 1:2).

Примечание: масштаб крестов 4–6 дан приблизительно, так как вещи экспонируются и недоступны для точных измерений

Однако нам кажется не менее убедительной версия, что упрощенные подражания местным изделиям изготавливали мастера из округа Троице-Сергиева монастыря. Аналоги их разбросаны по коллекциям музеев России: Загорского, Тверского (быв. КОКМ), Владимиро-Суздальского, и некоторыми авторами отнесены к местным произведениям (Родникова, 2005. С. 510).

6. Монотематические композиции

Среди резных псковских крестов есть предметы, которые содержат более простые изображения – **Голгофский крест, Орудия страстей и надписи.**

Наиболее развернутой данная композиция выглядит на деревянном, оправленном в серебро кресте второй половины XVI в. с вложениями мощей из довоенного собрания Псковского музея-заповедника, опубликованном И. С. Родниковой (ПГОИАХМЗ, № 305). По мнению И. С. Родниковой, «композиция иллюстрирует церковное предание о нахождении Креста, на котором был распят Христос, при византийском императоре Константине и его матери Елене в начале IV в.», а само изображение, имеющее в том числе и раннехристианские аналоги на саркофагах, представляет сцену прославления Креста как торжества славы Христовой. В средокрестии изображенного креста – веноч, символ Царствия Небесного. По периметру серебряной оправы на лицевой стороне размещен текст Тропаря Кресту: КРЕСТЬ ХРАНИТЕЛЬ ВСЕИ ВСЕЛЕННОИ (К) ЦЕРКОВНАА КРАСОТА (К) ЦАРЕИ ДЕРЖАВА (К) ВЕРНЫХЪ УТВЕРЖЕНИЕ (К) АГГЛОВЪ СЛАВА И ДЕМОНОВЪ ЯЗВА ~ ~. Буква «а» в надписи везде изображена в виде «я», буква «в» – в виде квадрата, буква «к», со второй строфы обозначающая слово «крест», взята в кружок. Размеры креста 8,4×4,6. Крест имеет аналог из Покровского монастыря в Суздале, хранящийся во Владимиро-Суздальском музее и представляющий Голгофский крест на лицевой стороне и изображение Сергия, Никона и Николы на обороте; а также из Троице-Сергиева монастыря, хранящиеся в Сергиево-Посадском музее-заповеднике (Родникова, 2005. С. 512–514, № 5; 2013. С. 520–521. № 442).

К той же иконографической группе тяготеет некоторое количество археологических находок. Среди них наперсный крест из погребения в Мирожском монастыре, найденный при раскопках в 2010 г. (МИР-ХVIII-2010, № 10; рис. 3: 1); крест, найденный на Петровском IV раскопе в контексте некрополя (ПЕТР IV-2000, № 91; рис. 3: 2), а также вышеописанный крест со сценой Входа в Иерусалим, найденный в 2004 г. на Васильевском раскопе (Окольный город), лицевая сторона (ВАС-III-04, № 384; рис. 3: 3). В верхней лопасти кресты имеют надпись под титлами ЧРЬ СЛАВ (ЧРЬ СЛ), на титле над изображенным крестом (на кресте из Петровского раскопа – по бокам от изображения) – монограммы IC XC, в боковых лопастях – обозначения Орудий страстей – Копия и Трости (дословно: «НК|ОП|ИЕ», «КО|ПИ|ЬЕ» и «ТР|СО|ТЬ»), в средокрестии креста из Мирожского монастыря дополнительно: «НИ|КА», в нижней лопасти двух крестов читается начало текста «КРЕСТУ ТВОЕМУ ПОКЛАНЯЕМСЯ» (дословно, «КРЕСТУ|МПОКТЬ»), на одном – надпись «НИКА».

Интересной деталью являются изображения крестиков, вырезанные по фону за голгофским крестом. Они присутствуют в более явном виде в сцене Распятия

на резном кресте с изображением Праздников из «Золотой кладовой» Псковского музея-заповедника. Г. В. Попов и А. В. Рындина полагают, что это изображение иерусалимской стены, «декорированной горизонтальными полосами, прямоугольными зубцами и резаными вглубь крестами» (Попов, Рындина, 1979. С. 587).

К той же группе может относиться очень плохой сохранности резной кипарисный крест из раскопок у Дома Масон в 1992 году, у церкви Иоанна Златоуста Медведева монастыря (ПМАС-92; рис. 1: 4). Текст в боковых лопастях этого креста, предположительно, относится к Тропарю Праздника Воздвижения: КР – ЕСТ | УТ – ВО | ЕМ... – ...П... Если прочтение букв верно, то центр предмета не был занят текстом и мог содержать изображение креста на Голгофе.

Очевидно, что этот сюжет породил и всеобъемлющее использование изображения креста на Голгофе в искусстве медного литья, а также местные упрощенные подражания, представленные, например, группой уменьшенных в размерах крестов из Новоторговского Х (НТ-Х-2011, № 186; рис. 3: 4) и Лубянского III раскопок (ЛУБ-III-2003, № 140; рис. 3: 5), а также из коллекции храма Александра Невского в Пскове (рис. 3: 6).

Из надписей на данных крестах прослеживаются только монограммы Христа IC XC/ICX – в верхней части, в нижней части – сокращенная надпись НИК (Ника), и, вероятно, начало Тропаря: КРЕСТ.

В Пскове в музее храма Александра Невского также имеются и более поздние резные наперсные кресты XIX–XX вв., предположительно Соловецкого происхождения, и изделия современных мастеров, к данной теме напрямую не относящиеся. Кроме того, надо отметить, что коллекция предметов христианского культа из кости и рога не ограничена кругом массивных наперсных крестов: из раскопок в Пскове происходит три миниатюрных неорнаментированных нательных роговых крестика, крест с изображением св. Сергия, образок и два фрагмента костяных крестовидных реликвариев небольшого размера, место которых в коллекции христианских древностей Псковщины еще предстоит определить.

На наш взгляд, рассмотренная в данной публикации коллекция демонстрирует одновременно и высокую степень вариативности иконографии наперсных крестов (мы выделили 6 вариантов лицевой стороны и 2 тыльной), и вместе с тем тесную взаимосвязь разных художественных центров в середине – второй половине XVI в., а возможно, и позже – уже при обмене реликвиями. Наблюдается тенденция заимствования части иконографической программы, целой стороны креста, замены ключевых персонажей сцены на местнозначимых.

При этом выстраивается очень яркая картина связей, которые складывались не между городами: Псков – Тверь, Псков – Ярославль, а именно между монастырями: Мирожский – Спасо-Елеазаровский, Иоанно-Предтеченский – Спасо-Прилуцкий, Спасо-Елеазаровский – Троице-Сергиев, Троице-Сергиев – Кирилло-Белозерский – Псковский Ильинский и так далее. Эти связи иллюстрируют, на наш взгляд, и мобильность образованного населения, и способность создавать новые произведения на базе и по мотивам привозных образцов, и тем самым формировать корпус произведений общерусского христианского искусства.

Литература

- Афонин С.*, 2013. Два новых памятника деревянной резьбы XVI века Ростова Великого // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. № 1–2 (103). С. 18–27. М. Цит. по: Христианство в искусстве: иконы, фрески, мозаики... URL: https://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=123 (дата обращения: 20.11.2019).
- Гнутова С. В., Щедрина К. А.*, 2006. Кийский крест, крестный монастырь и преображение сакрального пространства в эпоху патриарха Никона // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Центр восточнохристианской культуры; ред.-сост.: А. М. Лидов. С. 681–705. М.
- Горбачева Н. И., Харламова И. Г.*, 2011. Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XVII веков в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Каталог. Ярославль Загорский музей-заповедник. М., 1990.
- Лазарев В. Н.*, 2000. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.
- Николаева Т. В.*, 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.
- Попов Г. В.*, 1971. Некоторые вопросы изучения воинской тематики в русском средневековом искусстве // Византийский временник. Т. 32. М. С. 184–203.
- Попов Г. В., Рындина А. В.*, 1979. Живопись и прикладное искусство Твери. XIV–XVI века. М.
- Порфиридов Н. Г.*, 1966. Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Наука. С. 112–118.
- Произведения деревянной резной пластики в коллекции «Иконы» Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, 2014. Сост. Е. И. Чижикова. Владимир, 2014.
- Пуцко В. Г.*, 1997. Деревянные резные кресты из ризницы Троице-Сергиевой лавры // II конференция «Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры». Серпухов.
- Родникова И. С.*, 2005. Наперсные кресты из собрания Псковского музея // Ставрографический сборник. Книга III. Крест как личная святыня. М. С. 495–529.
- Родникова И. С.*, 2013. Художественное серебро XVI – начала XIX века: из собрания Псковского музея-заповедника: [каталог]. Гл. ред. Т. Ю. Пингаль. М.
- Салмин С. А., Салмина Е. В.*, 2014. Резная сланцевая икона «Воскресение Христово» и резной крест с изображением избранных святых и праздников // Археологи рассказывают. Псков. С. 29–32.
- Соколова И. М.*, 2003. Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков: Каталог. М.
- Щурина Е. Г.*, 2013. Серебряные кресты в собрании Кирилло-Белозерского музея // XI Кирилловские чтения. Вестник Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вып. 10. Ч. II. Кириллов. С. 41–53.

***

*Колпакова Юлия Вячеславовна, к. и. н., Псков,
Псковский государственный университет.
E-mail: pskov-sova@mail.ru*

Вл. В. Седов

Придел Положения Пояса Богородицы церкви Михаила Архангела на Городце

Резюме: В статье публикуется материал о северном приделе псковской церкви Михаила и Гавриила Архангелов (Михаила Архангела с Городца, 1339 г.). Это малоизвестный и до сих пор не включенный в построения относительно истории псковской архитектуры бесстолпный храм. Он относится к довольно распространенной группе храмов со ступенчатыми несущими распалубками, однако ступени здесь узкие и расположены в самом верху распалубок, что делает перекрытие придела необычным. Отмечен также наклон всех сводиков, что характерно для некоторых памятников XVI в. На основании типологической схемы, ряда аналогий и моделирования процесса «переноса» приделов с уровня хор на землю делается предположение о сооружении этого храма во второй трети – середине XVI в.

Ключевые слова: средневековый Псков, архитектура, приделы, бесстолпные храмы, датировка, типология, вопрос о перемещении приделов.

VI. V. Sedov. The Chapel of the Belt of the God's Mother of the Church of St. Michael the Archangel on Gorodets

Abstract. The article presents material about the North Chapel (aisle, sacrarium) of the Pskov Church of Michael and Gabriel the Archangels (Michael the Archangel from Gorodets, 1339). This is a little-known and still not included in the constructions of the history of Pskov architecture pillarless church. It belongs to a fairly common group of churches with stepped load-bearing timbers, but the steps are narrow and located at the very top of the timbers, which makes the overlap of the aisle unusual.

The slope of all vaults is also marked, which is typical for some monuments of the 16th century. Based on the typological scheme, a number of analogies and modeling of the process of displacement (“transferring”) the limits from the level of the choir to the ground, the assumption is made about the Dating of this church construction by the second third – middle of the 16th century.

Keywords: Medieval Pskov, architecture, chapels, pillarless churches, dating, typology, the issue of chapel displacement.

Бесстолпные храмы Пскова и Псковской земли нельзя считать хорошо изученными. Опубликованы только некоторые памятники, нет их четкого типологического деления, очень приблизительны еще представления о хронологии

этого типа храмов. В этой статье мы хотели бы опубликовать данные по одному малоизвестному сооружению, принадлежащему к числу бесстолпных храмов Пскова, а также дать некоторые соображения относительно датировки и типологической принадлежности этого и подобных ему памятников.

Предметом нашего небольшого исследования является северный придел церкви Михаила и Гавриила Архангелов в Пскове. Сразу оговоримся, что мы рассматриваем только архитектуру северного придела, касаясь архитектуры основного храма и его южного придела вскользь (южному приделу мы планируем посвятить отдельное исследование). Основной храм Михаила и Гавриила Архангелов с Городца был выстроен в камне в 1339 г.; это представитель ранней стадии развития псковской архитектуры, на которой она еще не отошла от новгородской линии, отличаясь от нее только по строительному материалу (Седов, 1992. С. 45–51).

Посвящение северного придела Положению Пояса Богородицы известно по описанию Михайло-Архангельского храма (Окулич-Казарин, 1911. С. 113). Придел был вскользь упомянут нами в исследовании церкви Михаила Архангела (Седов, 1992. С. 48).

Исследовательские работы по памятнику были проведены архитектором-реставратором А. П. Коновым в 1991–1992 гг. и опубликованы в интернете (Конов А. П. Исследования...). Он относит сооружение северного придела к третьему строительному периоду, датированному им 1438–1439 гг. на основании предположения о столетнем цикле ремонтов в этом храме. Автор пишет: «К работам этого периода возможно отнести только сооружение наземного северного придела Положения ризы и пояса Богоматери. При этом было заложено бывшее окно жертвенника (прежнего придела) на палатке. Архитектура придела дошла до нас в хорошей сохранности. Исключение составляет утраченная глава со световым (скорее всего) барабаном, утраченная часть южной, смежной с храмовой, стены и, также утраченный, западный дверной проем. Все утраты произошли, скорее всего, в XVIII–XIX вв. До XIX в. придел вне сомнений имел только один вход с запада и использовался, скорее всего (в отсутствие печей в храме) как зимняя церковь. Плоский дощатый потолок устроен в приделе в XIX в. (судя по строительным приемам и материалам).

На момент исследований 1991–1992 гг. за подшивным дощатым потолком был обнаружен расписной брус тябла иконостаса (первая половина XV в. – ?), вмонтированный в начальную кладку стен придела.

Необходимо отметить, что крайне своеобразные конструкции свода придела находятся в хорошей сохранности, как и южные паруса под утраченные стенки барабана. В стенах придела заложены голосниковые горшки (тип 2 для данного храма)».

Этими сведениями Н. Ф. Окулича-Казарина, Вл. В. Седова и А. П. Конова научная литература о приделе и ограничивается.

Придел Положения Пояса Богородицы расположен у северной стены основного храма Михаила и Гавриила; в настоящее время он как будто встроен между прямоугольным зданием ризницы, расположенным восточнее, и прямоугольным же северным окончанием западного притвора храма (рис. 1). Се-

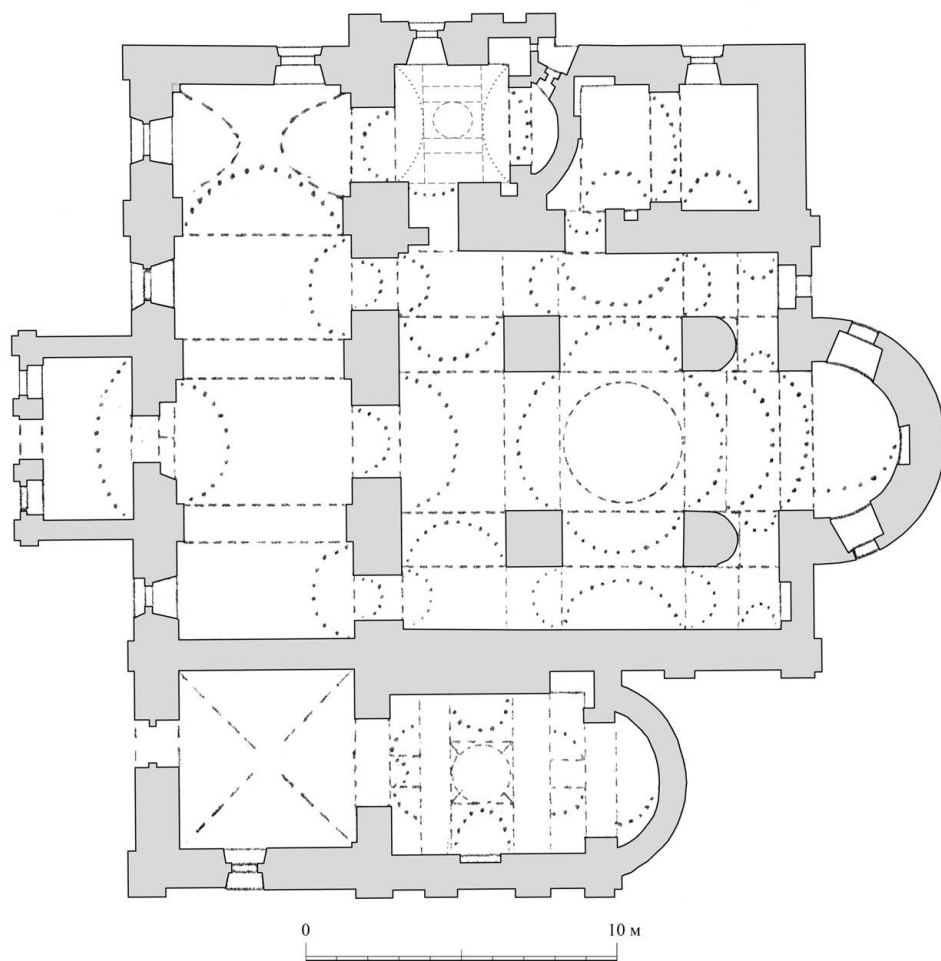

Рис. 1. План церкви Михаила и Гавриила Архангелов с Городца.
Чертеж Ю. С. Фомичевой на основании обмеров 1970-х гг. и материалов автора

верный фасад придела выступает из линии стен этих, очевидно, более поздних построек (рис. 2).

Почти квадратный в плане основной объем придела с востока осложнен выступающей круглящейся абсидой, сегментовидной в плане. На северном фасаде довольно широкие лопатки членят плоскость на три прясла, наверху в боковых пряслах стянутые как будто оплывшими лопастными арками, арка среднего прясла срезана поздней четырехскатной кровлей. Очевидно, что первоначально придел мог завершаться на восемь скатов – как и другие псковские бесстолпные храмы (рис. 3). На восточной стороне видна пониженная относительно основного объема абсида. Над абсидой в поле стены устроена довольно узкая углубленная ниша прясла, завершенная полуциркулярной аркой

Рис. 2. Вид придела Положения Пояса Богородицы с северо-востока

с уступчатым обводом; однако вероятно, что первоначально помимо этого среднего прясла были и боковые, о чем говорят остатки прясла и крайней лопатки в северной части этого фасада. Западный фасад придела скрыт притвором.

Внутри абсида перекрыта конхой; она отделена от основного объема пониженной аркой. Наос придела перекрыт системой сводов (рис. 4), где два полуциркульных свода расположены с запада и востока, оставляя растянутый с севера на юг промежуток. В этот промежуток вставлены чуть поднимающиеся к середине храма поперечные узкие сводики (несущие распалубки), которые осложнены в вершине дополнительными, ступенчато повышенными узкими сводиками, на которые, как и на вершины больших полуциркульных сводов, опирается основание несохранившегося барабана, имеющее прямоугольные очертания, растянутые по продольной оси, с запада на восток (рис. 5). В люнете западного свода сохранился заложный проем окна. В западном и восточном (над абсидой) люнетах больших сводов сохранились характерные для псковской архитектуры панно из голосников (по четыре ряда), люнеты поперечных сводов имеют подобные панно с двумя рядами голосников (рис. 6). Под северным люнетом сохранилось второе заложное окно. Этим ограничивается перечисление форм этого небольшого сооружения.

Бесстолпные храмы в псковской архитектуре легко образуют два раздела по положению в пространстве: есть собственно храмы, имеющие обособленный со всех сторон объем и расположенные одиноко среди церковного двора или монастыря, но есть и приделы, примыкающие к самому храму с той или

Рис. 3. Северный фасад придела (с элементами реконструкции).
Чертеж Ю. С. Фомичевой по материалам автора

с другой стороны (обычно – с севера и юга). Однако церкви и приделы практически не отличаются по архитектуре (может быть, церкви несколько больше). Поэтому для отдельно стоящих церквей и придельных храмов может быть дана единая типологическая схема, в которой главную роль играют своды этих бесстолпных сооружений, отличающиеся по расположению и количеству составляющих несущих частей.

Первый, наиболее простой тип свода может быть назван сводом с несущей распалубкой. За основу берется полуциркульный свод (могут быть и не полуциркульные вариации, но мы говорим здесь о принципе, и все своды данного варианта называем полуциркульными), в котором примерно посередине оставляется довольно узкий промежуток (так что можно говорить и о двух сводах с промежутком между ними), который перекрывается двумя поперечно сводиками, распалубками. Эти сводики не сводятся вместе, в них оставляется

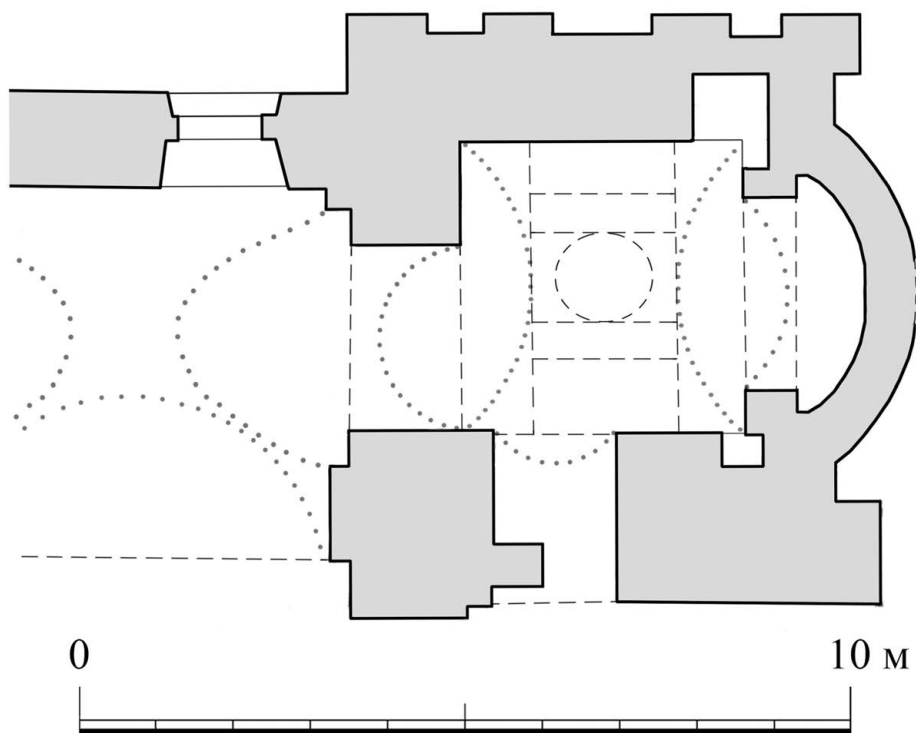

Рис. 4. План придела Положения Пояса.

Чертеж Ю. С. Фомичевой на основании обмеров 1970-х гг. и материалов автора

промежуток, в котором в углах выкладываются паруса, а над ними сооружается световой барабан.

Этот тип свода известен нам в четырех памятниках псковской архитектуры, это: монастырская церковь Николы от Каменных Оград в Пскове на Завеличье (не имеет твердой даты),

северный придел Сретения псковской приходской церкви Николы со Усохи (основной объем храма 1536 г.; датировка придела может быть связана с этим временем или отнесена к несколько более позднему периоду),

придел Бориса и Глеба при трапезной церкви Благовещения в Псково-Печерском монастыре (1540 г.),

северный придел церкви Василия на Горке (твердой даты нет, вероятно середина – вторая половина XVI в.).

Другим типом является храм со ступенчатой несущей распалубкой. Он устроен примерно так же, как и предыдущий, но два свода распалубки, как будто врезанные в середине полуциркульного основного свода, здесь не цельные, а разбиты на два или на три уступа, состоящие из подобных сводиков. Этот прием позволяет обогатить пластику всего сводчатого перекрытия храма и создать ступенчатую подготовку барабана.

Рис. 5. Вид на своды придела

Мы знаем семь примеров псковских храмов со ступенчатой несущей распалубкой (считая каждый храм):
монастырская церковь Никиты (Гусятника) в Пскове (1470 г.),
южный придел Преображения у Никольского собора в Острове (судя по всему, одновременный основному храму, 1542–1543 гг.),
надвратная церковь Николая в Псково-Печерском монастыре (1564 г.),
двойная церковь Покрова и Рождества псковского монастыря Покрова от Пролома (твердой даты нет, скорее – вторая половина XVI в.).

Рис. 6. Вид на распалубку и подкупольное кольцо придела

Прибавим сюда два придела церкви Спаса-Преображения в Острове под Москвой, построенные псковскими мастерами (третья четверть XVI в. – *Баталов, 2010*).

К этому же типу с определенными оговорками (нужно еще раз сказать об очень маленьких ступенях наверху несущих распалубок) должен быть отнесен и придел Положения Пояса Богородицы у северной стены церкви Михаила Архангела на Городце. Всего к этому типу относятся, таким образом, восемь бесстолпных храмов.

К третьему типу принадлежат храмы со ступенчатыми сводами. Эти своды устроены так: основные своды со щельгой запад-восток разбиты на ступеньки (обычно две), тогда как ступенчатая поперечная распалубка сохраняется (по две или по три ступеньки с каждой стороны). Это уже довольно сложный тип, обеспечивающий в зоне свода многочисленные пространственные и световые эффекты.

Нам известно шесть бесстолпных храмов со ступенчатыми сводами в Псковской земле, это:

церковь в деревне Пустое Воскресенье (без особой уверенности датируется 1495/1496 г. по фрагменту керамической надписи с датой),

Никольская трапезная церковь Снетогорского монастыря (1512–1519 гг.; с несущими распалубками без ступеней),

северный придел Трех Святителей псковской церкви Богоявления с Запсковья (1538 г.),

два придела, северный и южный, церкви Троицы в Доможирке (третья четверть XVI в.),

церковь Преображения в Гдове (третья четверть XVI в.).

Наконец, есть еще четвертый тип, храм с перекрещивающимися сводами (распалубками). Этот тип представлен одним памятником, церковью Петра и Павла псковского Сереткина монастыря, в которой два свода с продольной щельгой держат две распалубки с поперечной щельгой; последние, в свою очередь, держат два малых свода с продольной щельгой, которые поддерживают две распалубки наверху, сводящие все сводчатые подъемы к подкупольному квадрату. Этот памятник не имеет твердой даты и может быть отнесен к XV–XVI вв.

Отдельный тип представляет и южный придел церкви Михаила Архангела с Городца, своды которого образуют сочетание типа с несущей распалубкой и московского типа крещатого свода.

Придел Положения Пояса должен быть отнесен ко второму типу, к храмам со ступенчатыми распалубками, но с определенными оговорками: у него ступенчатость распалубок выражена необычным образом, без равномерного подъема ступеней, а с практически едиными двумя распалубками, у которых практически у самого барабана устроены еще дополнительные ступени. Перед нами памятник, в котором тип со ступенчатой распалубкой или только зарождается, или не выражен полно по какой-то иной причине.

Отметим также наклон щельг всех сводиков: они как будто поднимаются к центру храма. Эта черта не такая уникальная, к примеру, подобный наклон щельг известен в церкви Преображения в Гдове и приделах церкви Троицы в Доможирке (*Покрышкин*, 1907. Чертеж 9 на с. 9; рис. 36 на с. 25). Можно предположить, что наклонные щельги сводиков псковских бесстолпных храмов – черта поздняя, середины – второй половины XVI в., но это пока можно сказать очень предположительно.

Для датировки придела Положения Пояса Богородицы важнее то, что сами храмы со ступенчатыми несущими распалубками в основном принадлежат XVI в. Но и это не дает окончательной «зацепки».

Такая зацепка появляется тогда, когда мы обратимся к вопросу о времени, когда на хорах новгородских и псковских храмов перестали сооружать приделы, а приделы стали строить вокруг храмов, у их стен (*Седов*, 1996. С. 77–80). Об этом процессе у нас есть несколько летописных известий.

В Новгороде внутри храмов довольно рано, еще во второй половине XV в. стали вставлять подцерковье, сначала деревянное, что позволяло избежать наводнения или сырости, а также давало возможность устроить внизу складское помещение. Но это нововведение сразу лишало возможности устроить хоры (полати) с приделами; мы видим, что в Новгороде их почти перестали делать со второй половины XV в. Таким образом, устройство подцерковья в существующем храме с большой вероятностью означает, что столбы в нем будут свободные, а хор не будет. Вот как описан процесс вставки подцерковья в церковь Луки на Лубянице в Поле в Новгороде в 1529 г.: «Того же лѣта 7037-го, мѣсяца сентября 13 день, освященна бысть церковь камена святыи апостольї і

еуаггелисть Лука на Лубяницы въ Полѣ, а и преже въ томъ храме была служба на земли, и уличане тое церкви помость церковныи воздынули и устроили престоль и службу во версе» (ПСРЛ. Т. XLIII. С. 547).

В 1538 г. прихожане псковской церкви Богоявления с Запсковья задумали и осуществили устройство придела Трех Святителей «в других приделех ново», то есть на новом месте. Вполне вероятно, что в этом храме, который никогда не имел подцерковья, придел перенесли с полатей, где есть помещения для двух приделов по сторонам хор, то есть на высоте. Нам кажется, что это сообщение повествует о переносе придела, о его «сносе» или спуске с полатей: «В лѣто 7046. ...Тое же весны во Пскове замыслиша на Запсковьи соуѣди святого Богоявления в других придѣлех ново свершити святых Трех святитель, и освящаша, месяца мая въ 12 день» (ПСРЛ. Т. V. С. 108).

В 1543 г. два придела церкви Троицы (Троицкого собора) в Пскове были «снесены» (спущены вниз) с полатей, то есть с уровня хор: «В лѣто 7051. ... Того же лѣта в живоначальней Троицы снесоша с полаты двѣ слоужбе в придѣлы, Знамение святей богородицы да святыи мученикъ Фрола и Лавра, при попе Климентее Большом» (ПСРЛ. Т. V. С. 111). Это уже достоверно и понятно описанный процесс переноса приделов с полатей (куда трудно было забираться) вниз, в «приделы», то есть, очевидно, в примкнувшие к основному зданию сооружения.

Нам представляется, что древний храм Михаила и Гавриила Архангелов, сооруженный в 1339 г. и имевший, вероятно, два придела на уровне хор (окно северной палатки хор было, по свидетельству А. П. Конова, заложено при построении придела Положения Пояса Богородицы), подвергся примерно той же перделке, что и церковь Богоявления с Запсковья в 1538 г. и Троицкий собор – в 1543. Приделы на хорах были перенесены («снесены») вниз, на уровень земли, почему и появились северный и южный приделы этого храма. У нас нет полной уверенности в том, что оба придела построены одновременно, как нет и полной уверенности в определении даты строительства северного придела. Скажем только, что, скорее всего, северный придел (а, возможно, и южный придел, архитектуре которого мы планируем посвятить отдельное исследование) был построен во второй четверти – середине XVI в. Этой датировке, основанной на соображении о распространенности процесса переноса приделов на «полатях» вниз в это время, не противоречит и архитектура фасадов этого маленького храма, а также его сводчатая система, относящаяся, как сказано выше, к типу со ступенчатыми несущими распалубками.

Придел Положения Пояса Богородицы церкви Михаила Архангела на Городце в Пскове принадлежит, по нашему мнению, к распространенному в псковской архитектуре XVI в. типу придельного храма, стоящего на земле (не на подклете), расчлененного на боковом фасаде лопатками и связывающими их лопастными арками. Своды этого храма принадлежат к необычной модификации довольно распространенного типа. Этот придел существенно дополняет наши знания о бесстолпных храмах Пскова и включается в череду этих небольших зданий, являющихся важной составной частью своеобразной местной архитектурной школы. Это двадцатый бесстолпный храм псковской

архитектурной школы XV–XVI вв., сохранивший сводчатое перекрытие, что позволяет делать выводы о его типологической принадлежности и строить предположения о его датировке.

Литература

- Баталов А. Л.*, 2010. Церковь Преображения Господня в селе Остров. Вопросы датировки и происхождения мастеров. М.: Северный паломник.
- Окулич-Казарин Н. Ф.*, 1911. Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). Псков.
- ПСРЛ, Т. V. Псковские летописи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- ПСРЛ, Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Седов Вл. В.*, 1992. Псковская архитектура XIV–XV веков. М.
- Седов Вл. В.*, 1996. Псковская архитектура XVI века. Происхождение и становление традиции. М.
- Конов А. П.* Исследования храма Михаила и Гавриила Архангелов с Городца в Пскове // РусАрх: Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: <http://www.rusarch.ru/konov1.htm> (дата обращения: 20.11.2019).

* * *

*Седов Владимир Валентинович, чл.-корр. РАН, Москва,
Институт археологии РАН.
E-mail: sedov1960@mail.ru*

А. М. Введенский

Краткий новгородский летописец как источник псковских летописей¹

Резюме. В статье рассматриваются случаи использования текста Краткого новгородского летописца в псковских летописях. Автор приходит к выводу, что в Пскове использовался текст Краткого новгородского летописца в необработанном варианте.

Ключевые слова: русские летописи, псковские летописи, новгородские летописи.

A. M. Vvedensky. Brief Novgorod Chronicler as a Source of Pskov Chronicles

Abstract. The article presents cases of using the text of the Brief Novgorod chronicler in the Pskov chronicles. The author concludes that an unprocessed version was used.

Keywords: Russian chronicles, Pskov chronicles, Novgorod chronicles.

Краткий новгородский летописец (далее – КНЛ) А. А. Шахматов называл «Кратким извлечением из свода 1448 года» (Шахматов, 2011. С. 518). А. А. Шахматов также показал, что КНЛ отразился в Летописи Авраамки (далее – ЛА), Рогожском сборнике (далее – Рог) и в Летописце епископа Павла (далее – ЛЕП). А. Н. Насонов соглашался с таким названием и показал, что КНЛ отразился в тексте всех псковских летописей (Насонов, 2003. С. 25–29) – Псковской первой (далее – П1), Псковской второй (далее – П2), Псковской третьей (далее – П3). Б. Н. Клосс предложил название «Краткий новгородский летописец» (Клосс, 1968. С. 154).

Исследование КНЛ недавно было продолжено Е. Л. Конявской, которая показала, что КНЛ является источником также Новгородской Большаковской летописи (далее – НБЛ) и летописного сборника Троицкого собрания № 805 (далее – Тр805). Е. Л. Конявская предложила разделить эти летописи на две группы. В первую из этих групп включены – ЛЕП, НБЛ и Тр805, во вторую – ЛА и Рог (Конявская, 2010. С. 40–52).

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137

В летописях первой группы отразился КНЛ в его чистом виде, а в ЛА и Рог мы находим КНЛ в обработке, как его назвала Е. Л. Конявская, центрально-русского источника.

Мы в другой своей работе показали, что Тр805 на участке до 1223 года, скорее всего, так же как ЛА и Рог, отражает обработанный вариант КНЛ (*Введенский*, 2016. С. 137–144).

Однако остается весьма важным вопрос, каким вариантом КНЛ пользовался составитель общего протографа псковских летописей – не подвергшимся обработке, как НБЛ и ЛЕП, или уже измененным, как ЛА, Рог и Тр805.

А. Н. Насонов писал: «Не подлежит сомнению, что материал Кратких извлечений из Новгородско-Софийского свода был широко использован составителем изучаемого псковского летописного свода» (*Насонов*, 2003. С. 25.). Исследователь указал 29 годовые статьи Псковских летописей, в которых, по его мнению, отразился текст КНЛ (Там же. С. 25–28). Однако Насонов в данном списке приводит и свидетельства, которые встречаются только в Новгородской четвертой и/или в Софийской первой летописи, но отсутствуют в летописях, отражающих КНЛ.

Отмеченные А. Н. Насоновым общие сведения интересующих нас летописей после 6817 (1309) года оказываются для нашего исследования нерелевантными, так как ЛА после этого года становится списком Новгородской пятой летописи и перестает передавать текст КНЛ. Рогожский же летописец прекращает использовать КНЛ еще в летописных статьях за конец XIII века.

Следует, правда, заметить, что отмеченные Насоновым сходства КНЛ с текстами Псковских летописей после 1309 года сводятся к трем кратким сообщениям: о взятии Москвы Тохтамышем под 1382 годом, о смерти Дмитрия Донского под 1389 годом и известие о новгородском море 1391 года. Все они читаются в Синодальном списке П2 (далее – Син) и ЛЕП. Два из них находят аналог в НБЛ, одно из них – в Архивском 1-м (далее – Арх1) списке П1.

Возвращаясь к заимствованиям Псковских летописей из КНЛ до 1309 года, мы видим, что таких заимствований можно насчитать всего 13. 12 из них указаны у Насонова, а 13-е свидетельство – это сюжет о крещении Новгорода под 989 годом, который читается в списках П1 и П3 летописей.

Три из этих тринадцати свидетельств стоят особняком. Два рассказа под 1066 годом – о походе Всеслава на Новгород и о победе новгородцев над половецким князем, а также сообщение о теплой зиме под 1303 годом.

Все эти свидетельства читаются в списках всех трех Псковских летописях (П1, П2 и П3). Что же касается других летописей, отражающих текст КНЛ, то первое свидетельство под 1066 годом читается в ЛА, Рог, НБЛ и ЛЕП, второе – в ЛА, Рог и ЛЕП. Сообщение о теплой зиме находим в ЛА и ЛЕП.

Таким образом, все три свидетельства КНЛ, которые, безусловно, восходят к общему протографу Псковских летописей, так как они отразились во всех трех редакциях, можно отнести как к обработанному, так и к необработанному варианту КНЛ.

Остальные десять сообщений также следует разделить на несколько групп по их наличию в тексте Псковских летописей.

Три свидетельства – о крещении Новгорода под 989 годом, о смерти Ярослава и его погребении под 1059 годом и о закладке церкви Сотко под 1167 годом – читаются в списках и П1, и П2 летописей. Все эти сообщения также находим и в ЛА, Рог, ЛЕП и НБЛ, кроме свидетельства о смерти Ярослава, которое в НБЛ было опущено.

Три других свидетельства располагаются под 1240 годом: рассказ о Невской битве, о разорении немцами Вотской земли и сюжет о взятии Изборска. Все эти сообщения читаются в списках ПЗ, как в Архивском 2-м, так и в Строевском, за исключением рассказа о Невской битве, который в Строевском элиминирован.

Также все эти рассказы читаются в ЛА и НБЛ, а сюжет о битве на Неве и в Рог. Весьма интересным является для нашего исследования сюжет о победе Александра Невского над шведами. В ЛА и Рог перечислены имена погибших новгородцев. Эти же имена указаны и в Архивском 2-м, в НБЛ же эти имена пропущены. Это могло быть свидетельством того, что в Архивском 2-м отразился текст КНЛ в обработке. Однако почти полная идентичность свидетельств НБЛ и ЛА в статье 1240 года скорее склоняет нас к выводу о банальном пропуске имен в НБЛ.

Четыре последних сообщения Псковских летописей, источником которых был текст КНЛ, читаются только в списках П1. Они следующие: это два сообщения о небесных знамениях под 1202 и 1210 гг., сообщение о громе под 1214 годом и краткое известие о взятии Александром Невским Копорья и Ледовом побоище под 1241 годом.

Первые три свидетельства из последних четырех читаются в Арх1 и Варшавском списке, а последнее – еще и в Тих. А. Н. Насонов указывает, что в Строевском списке сообщение под 1241 годом было «написано и зачеркнуто» (Насонов, 2003. С. 27), однако на соответствующей странице издания об этом не упомянуто.

Описания небесных знамений под 1202 и 1210 гг. находят себе соответствия, по мнению А. Н. Насонова, лишь в ЛА, причем второе из них располагается в ЛА под 1204 годом. НБЛ (которая была Насонову неизвестна), ЛЕП и Рог этого сообщения не содержат. Однако, текстологический анализ показывает, что составитель ЛА для написания данных годовых статей обращался к своему другому источнику – Своду 1460-х гг. Тожественный текст находится в Сокращенном своде Соловецкого вида, который отражает общий с ЛА источник:

Сокращенный свод	ЛА	П1
В лѣто 710. Явися знамение велие на небеси: учинися небо все, аки кроваво (Новикова, 2015. С. 194).	В лѣто 6710. Знамение велие явися на небеси: небо учинися, аки кроваво (ПСРЛ, 2000. Т. 16. С. 47).	Знамение явися на небеси: яко небо кроваво (ПСРЛ, 2003. Т.5. вып. 1. С.10)
В лѣто 712. И се пакы явися ино знамение велие на небеси, три солнца на востоцѣ, а четвертое на на западѣ, а посреди небеси яко мѣсяць, подобно дузѣ, стояху знаменна от утра до полудни. (Новикова, 2015. С. 195).	В лѣто 6712. Се пакы ино знамение велие бысть: явися на небеси три солнца на встоцѣ, а 4–е на небесѣ на западѣ, а посредѣ небеси аки мѣсяць, подобенъ дузѣ, стояху знаменна отъ утра до полудни. (ПСРЛ, 2000. Т. 16. С. 47).	Се пакы ино знамяние явися на небеси: 3 солнца на востоце, 4-е на небеси и на западѣ, аки мѣсяць велик подобен дузѣ; и стояху знамяния та от утра и до полуденя. (ПСРЛ, Т. 45. Спб., 2018. С. 8.).

Следовательно, источником двух сообщений о знамениях в П1 являлся не КНЛ. Что же касается сообщения о громе под 1214 годом, то он попал в П1, скорее всего, из КНЛ, так как обнаруживается в ЛА, Рог и ЛЕП.

Последнее краткое сообщение о взятии Копорья А. Н. Насонов справедливо относил к небольшому сокращению текста КНЛ. Это свидетельство мы находим в ЛА, Рог и НБЛ. Однако предположение Насонова о заимствовании в П1 сообщения о Ледовом побоище из КНЛ вызывает сомнения. И ЛА, и Рог, и НБЛ содержат пространный рассказ об этом событии. В П1 же читаем: «А на другое лѣто ходилъ князь Александръ с муж новгородцы, и бишася на леду с немцами» (ПСРЛ, 2003. Т. 5, вып. 1. С. 13). Данную краткую сентенцию составитель протографа П1 мог вполне почерпнуть из другого источника.

Подведем итоги. На наш взгляд, составители Псковских летописей использовали текст КНЛ, который не подвергался дополнительной обработке, так как отсутствие убитых в Невской битве следует отнести к простому пропуску составителем НБЛ этих имен. Косвенным дополнительным свидетельством использования необработанного списка КНЛ составителями Псковских летописей является и наличие трех сообщений 80-х и 90-х гг. XIV в., которые читаются в Син и ЛЕП. Как можно было видеть уже из анализа Насонова, псковские летописцы прибегали к тексту КНЛ не один раз, а несколько, однако никаких текстологических свидетельств того, что в Пскове находилось более одного списка КНЛ, не выявлено.

Литература

- Введенский А. М.*, 2016. К вопросу о взаимоотношении летописных памятников, отражающих Краткий новгородский летописец // *Rossica Antiqua* (1/2). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. С. 137–144.
- Клосс Б. М.*, 1968. Новый памятник русского эпоса в записи XVI века // *История СССР*. № 3. М. С. 151–157.
- Коянская Е. Л.*, 2010. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1 (39). М. С. 40–52.
- Насонов А. Н.*, 2003. Из истории псковского летописания // *ПСРЛ*. Т. 5, вып. 1. М.: Языки славянской культуры. С. 9–44.
- Новикова О. Л.*, 2015. «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV века и его Соловецкий вид // *Летописи и хроники*. 2013–2014. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 162–234.
- ПСРЛ*, 2000. Т. 16. М.: Языки славянской культуры.
- ПСРЛ*, 2003. Т. 5, вып. 1. М.: Языки славянской культуры.
- ПСРЛ*, 2018. Т. 45. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Шахматов А. А.*, 2011. Обзорение русских летописей и летописных сводов XI–XVI вв. // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 2. СПб.: Наука. 648 с.

* * *

*Введенский Антон Михайлович, Санкт-Петербург,
Институт истории СПбГУ.
E-mail: 3103104@mail.ru*

М. Б. Бессуднова

Псков в ганзейской стратегии XVI в.¹

Резюме. Основное содержание статьи посвящено памфлету «Краткое повествование и информация ганзейцев об их исконном свободном плавании, предпринимательстве и торговле в Ливонии и России» 1571 г., отражающему позицию граждан Любека после подписания Штеттинского мира 1570 г. Руководство города на тот период не рассталось с надеждой реанимировать единство Немецкой Ганзы и восстановить ганзейскую систему контор и «стапелей», переместив «русский стапель», который рассматривался как центр ганзейского присутствия в России, из Новгорода в Псков. Документ был направлен в Ревель в качестве предписания поведения его граждан на ожидавшихся русско-шведских переговорах, в ходе которых им нужно было заручиться поддержкой Ивана IV в деле сохранения и увеличения ганзейских привилегий.

Ключевые слова: Ганза, Любек, Псков, «русский стапель».

M. B. Bessudnova. Pskov in the Hanseatic Strategy of the 16th Century

Abstract. The main content of the article is devoted to the pamphlet “Kürtzer Bericht undt Information der hansischen von alters her auf Lieflandt und Rußlandt gebrachter Sigillation, gewerb undt hantirung” 1571, reflecting an attitude of Lübeck’s citizens after the signing of the Peace of Stettin 1570. At that time, the city leadership did not part with the hope of reviving the unity of the Hanseatic League and of the restoring the Hanseatic system of the contors and the outposts. It intended to move the “Russian outpost”, which was considered as the center of the Hanseatic presence in Russia, from Novgorod to Pskov. The document was sent to Reval as a prescription for the behavior of its citizens at the expected Russian-Swedish conversations, during which they needed to enlist the support of Ivan IV in the matter of preserving and increasing the Hanseatic privileges.

Keywords: Hanseatic League, Lübeck, Pskov, «Russian outpost».

Торговля Пскова с городами Ганзейского союза эпохи Средневековья и раннего Нового времени изучена в меньшей степени, чем торгово-предпринимательская деятельность Великого Новгорода, и основную причину тому следует искать в сравнительно скромной документальной базе. Основная часть

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00183.

архива средневекового Пскова, как известно, пропала в XVI в. Кроме того, на состоянии псковской деловой документации сказались также меньшее, чем в Новгороде, участие городских властей в организации международной торговли, ограниченность круга торговых партнеров Пскова в составе Ганзы и его более скромная роль в русско-ганзейской дипломатико-договорной практике, нежели та, которая отводилась Великому Новгороду. В Пскове, в отличие от Новгорода, до XVI в. не существовало ганзейской конторы, подотчетной главе Ганзейского союза, Любеку, и пользовавшейся посредничеством Ревеля (Таллина), который выступал в роли «новгородского стапеля» и являлся основным куратором новгородско-ганзейской торговли эпохи Средневековья. Благодаря этим обстоятельствам архивы Любека и Таллина ныне хранят многочисленные свидетельства интенсивных и многопрофильных контактов Ганзы с Новгородом, которые немало способствуют их изучению, в то время как Псков таким изобилием похвастаться не может.

В псковских летописях внешняя торговля города с ганзейскими партнерами в целом отражена гораздо лучше, чем в летописях других русских городов (*Хорошкевич*, 1974. С. 562), однако свидетельства нарративных памятников не могут заменить деловой документации, которая в данном случае с русской стороны практически отсутствует. В ганзейских источниках, главным образом в протоколах (рецессах) ганзетагов и торговой корреспонденции, сведения о торговле Пскова с Ганзой представлены довольно дисперсно, что крайне затрудняет формирование презентабельных документальных комплексов. Основную причину тому следует усматривать в утрате большей части архива основного ганзейского партнера Пскова – Дерпта (Тарту) – в ходе Ливонской войны. Отчасти положение спасает археологический материал, освещающий отдельные моменты деловой активности ганзейцев в Пскове, однако общий его объем в силу субъективных причин опять же уступает новгородскому (*Angermann*, 1991. S. 82, 83).

Между тем мы здесь имеем как раз тот случай, когда скудость письменных источников, касающихся ганзейских связей Пскова, не может служить свидетельством скромности ее масштабов. При исследовании псковско-ганзейских отношений в первую очередь следует исходить из того, что ганзейская торговля средневекового Новгорода и Пскова изначально была **организована по-разному**. Основу новгородской системы, централизованной и строго регламентированной, образовывала привязка к ганзейскому «стапелю» (базе), откуда на Немецкое подворье Новгорода, представлявшее собой одну из ганзейских контор, поступали ганзейские товары и куда шел основной поток новгородской экспортной продукции. «Стапеля» наряду с конторами (купеческими поселениями) образовывали основу ганзейской торговой системы и на протяжении длительного времени обеспечивали слаженность и эффективность ее функционирования (*Schubert*, 2002. S. 1–50; *Burkhardt*, 2015. P. 127–161).

Первоначально торговые сношения Новгорода с Ганзой, равно как и деятельность новгородского Немецкого подворья, находились в ведении Любека, но в XV в. по мере развития посреднической торговли ливонских городов оно перешло к Ревелю, который тем самым обрел статус «новгородского стапеля» (*Weede*, 1997. S. 87–110). Близость Пскова к ливонской границе и развитая

система коммуникаций с ливонскими городами, а также более скромные, чем у Новгорода, экономические ресурсы его владений делали необязательным длительное (сезонное) пребывание в нем иноземных «гостей»; с другой стороны, относительно слабое боярство, малое вмешательство городских властей в торговые дела и ограниченность регламентации деятельности ганзейцев не вызывали у них потребности в концентрации усилий ради защиты своих интересов. Все это в совокупности делало ненужным учреждение в Пскове ганзейской конторы. На протяжении всего Средневековья торговавшие там ганзейцы квартировали в домах псковичей, стараясь, правда, проживать компактно близ места выгрузки и складирования своих товаров, получившего название Немецкого берега (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 1900. Bd. 1. № 647). Все вышеназванные факторы существенно **упростили модель псковской международной торговли** по сравнению с новгородской, что в конечном итоге способствовало ее развитию в XVI в. (Angermann, 2004. S. 11–20).

Исследование отношений Пскова с Ганзой в XVI в. обеспечено источниками несколько лучше, чем средневековый период. В распоряжении историков, помимо свидетельств опубликованной ганзейской документации из Любека и Ревеля (по 1530 г.), существуют архивные материалы, из которых особого внимания заслуживают протоколы Дерптского магистрата за 1547–1555 гг. из Национального архива Эстонии (RA, EAA.995.1.235) и ряд других источников (Angermann, 2005. S. 83–85). Их свидетельства позволяют определить, пусть пока лишь эскизно, характерные особенности псковско-ганзейской торговли первой половины XVI в. и отчасти объяснить успехи ее развития в начале Нового времени. И первое, что можно заметить, это отсутствие ее жесткой привязки к конкретному ганзейскому «стапелю», например, к Ревелю. Псков был напрямую связан с Дерптом, получившим в ганзейском лексиконе наименование «русского предместья» (Angermann, 1991. S. 80). Начиная с XV в. псковичи все чаще стали выезжать в Дерпт по торговым делам, о чем свидетельствует статистика: во время очередного кризиса в русско-ливонских отношениях 1479 г. в Дерпте было арестовано 45 купцов из Пскова, тогда как в 1501 г. при аналогичных обстоятельствах уже 150 (там же).

В 1411 г. Дерпт заключил с Псковом договор о свободе торговли, основные положения которого потом повторялись в последующих дерптско-псковских договорах (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 1859. Bd. 4. № 1889, 1901; Казакова, 1975. С. 92), и на этом основании псковичи и дерптцы продолжали вести взаимовыгодную торговлю даже в периоды «размирья», когда вступали в силу ганзейские санкции, запрещавшие торговать с русскими (Бессуднова, 2016. С. 224–227). Прямые контакты с Дерптом для Пскова были исключительно важны, поэтому, желая сохранить этот торговый тандем и идя навстречу своим основным торговым партнерам, псковичи в первой половине XVI в. ограничивали доступ в свой город прочих ганзейцев. В 1519 г. купцы из Риги и Ревеля завезли в Псков товаров всего на 200 рижских марок (Angermann, 1995. S. 122) – для сравнения: при закрытии новгородского Немецкого подворья в 1494 г. там оказалось товаров на 96 тыс. марок (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 1900. Bd. 1. № 80). В одном из писем

дерптского магистрата в Ревель середины XVI в. говорится, что при отсутствии официальных запретов на торговлю иноземцев друг с другом в Пскове все делается для того, чтобы дерптцы торговали там исключительно с псковичами (РА, ЕАА.995. 1. 27847, fol. 2v), при этом некоторые исключения допускались для любечан – известно, в частности, что в Пскове торговали приказчики, гезеллен, из Любека (*Angermann*, 1995. S. 122). В протоколе заседания дерптского магистрата от 17 апреля 1555 г. прямо говорится, что псковичи препятствуют проезду новгородцев в Дерпт, чтобы они там селились и вели торговлю (РА, ЕАА.995. 1, fol. 532v), при том, что царь Иван IV, согласно его посланию магистрату Дерпта от 1555 г., пожаловал свободу торговли как псковичам, так и новгородцам (Дополнения..., 1846. № 79). Ввиду этого остается согласиться с мнением одного из ведущих зарубежных специалистов по «Русской Ганзе» Н. Ангерманом, полагающим, что внешняя торговля Пскова, тесно связанная с Дерптом, не была ориентирована на Ганзу в целом (*Angermann*, 1995. S. 122).

Второй специфический момент, имевший отношение к псковско-ганзейской торговле XVI в., касается отношения псковичей к идее создания в городе иноземного подворья. Еще в XV в. в псковской топонимике фигурировал Немецкий берег (*der Dutzsche strand*) в Запсковье, где немецкие купцы, в массе своей дерптцы, проживали на съемных квартирах и хранили свои товары близ места их выгрузки как частные лица. Хозяева квартир отвечали за их поведение перед городом, а их молодые слуги должны были присматривать за постояльцами за денежное вознаграждение (*Angermann*, 2005. S. 89, 92). В 1510 г. Уже после включения Пскова в состав Московского государства ганзейцы просили царя Василия Ивановича не брать Немецкий берег под свою руку и сохранить за его обитателями право свободной торговли, «чтобы Немецкий берег обладал свободой торговать по старине» (*dat der Dutzschen strand fry sy to kopslagen na dem olden*) (Die Recesses und andere Akten der Hansetage Abt. 3, 1894. Bd. 5. № 542); позиция псковичей в этом вопросе, к сожалению, неизвестна. Вместе с тем мы знаем, что в начале 1530 г. по инициативе городских властей на Запсковье был создан Немецкий двор (*Nyenstädt*, 1837. S. 33). Он, однако, не являлся ганзейской конторой, поскольку был лишен самоуправления и находился в ведении великокняжеской администрации. Существуют также сведения о возмущении псковичей вмешательством властей в торговые дела в связи с запретом продавать иноземцам воск и сало, который, не исключено, являлся способом давления на строптивых псковичей со стороны московских властей (*Angermann*, 1995. С. 122). Не исключено, что создание Немецкого подворья в Пскове по образцу централизованной, «новгородской», модели при отсутствии самоуправления действительно явилось инициативой правительства, поскольку данная модель позволяла властям держать под контролем внешнеторговую деятельность псковичей. Можно также предположить, что Немецкое подворье в Пскове должно было создавать известный противовес новгородскому Немецкому подворью, восстановленному по воле Василия III в 1514 г., и тем самым не допустить экономической и политической реанимации Господина Великого Новгорода.

Сведений о порядке функционирования псковского Немецкого подворья в XVI в. крайне мало – сказалось отсутствие у него собственной администрации

и делопроизводства. Известно, что подворье сгорело в 1560 или 1562 г., а в 1574 г. вновь отстроено на Завеличье (*Nyenstädt*, 1837. S. 33). С другой стороны, один принципиально важный момент нельзя не заметить. В истории создания псковского Немецкого подворья отчетливо проступает **важная роль Любека**, который в то время начал проявлять повышенную заинтересованность в развитии своей русской торговли. Тому были веские основания, связанные с перестройкой всего механизма международной торговли в зоне ганзейского присутствия. Это выразилось в исчезновении или понижении значения ганзейских контор и стапелей в результате успехов распространения свободной или «авантюрной» торговли. Эта тенденция неизбежно вела к ослаблению зависимости городов Ганзы от Любека, к локализации их коммерческих интересов, дроблению некогда единого ганзейского пространства и, как следствие, к понижению политического престижа Любека. «Прежний властелин Балтийского моря низошел на степень обыкновенного торгового города» (*Форстен*, 1893. С. 603), однако не терял надежды выправить положение, используя в качестве основного козыря русскую торговлю.

Западная Европа нуждалась в русском экспорте – воске, продукции лесных промыслов, кожах, сале, льне, пеньке и т.д. (*Harder-Gersdorff*, 2002. S. 133–151), и потому Любеку нужно было любой ценой сохранить «Русскую Ганзу» и свои ключевые позиции в столь прибыльном предпринимательстве, на которое претендовали многочисленные конкуренты из числа иноземного купечества и прочих ганзейских городов (*Puhle*, 1989. S. 110–123; *Hammel-Kiesow*, 2000. S. 97–120; *Selzer*, 2010. S. 104). Отсюда следует **стремление Любека закрепиться в Пскове**, используя для этого подконтрольный себе Немецкий двор.

С началом Ливонской войны 1558–1583 гг. обстановка существенно изменилась. В 1558 г. русские войска взяли Нарву, которую Иван Грозный чуть позже объявил зоной свободной, беспошлинной торговли. Началась эпоха «нарвских плаваний», всесторонне охарактеризованная в известной монографии М. Кёлера (*Köhler*, 2000. S. 184), но все попытки Любека играть в них ведущую роль глушились шведами и Ревелем, который в 1561 г. перешел в подданство от шведской Короны, стал обособливаться от Ганзы и даже участвовал в антиганзейских мероприятиях шведских королей. При подобных обстоятельствах Ревель вряд ли мог устраивать граждан Любека в роли основного перевалочного пункта ганзейских товаров, предназначенных для торговли с Россией, или «русского стапеля», что само по себе предполагало поиск ими альтернативного решения проблемы. В этой связи интерес представляет анонимный памфлет эпохи Ливонской войны «Краткое повествование и информация ганзейцев об [их] исконном свободном плавании, предпринимательстве и торговле в Ливонии и России» (*Kürtzer Bericht undt Information der hansischen von alters her auf Lieflandt und Rußlandt gebrauchter Sigillation, gewerb undt hantirung*) из Таллинского городского архива (Tallinna Linnaarhiiv, 230. Bd. 27, fol. 1v – 2r), который освещает некоторые стороны торговой политики Любека рубежа 1560–1570-х гг.

Документ составлен неизвестным автором/авторами от имени граждан Любека вскоре по окончании семилетней Северной войны 1563–1570 гг., кото-

рая велась между Данией и Любеком, с одной стороны, и Швецией – с другой. В декабре 1570 г. она завершилась подписанием Штеттинского мира (*Фортстен*, 1893. С. 514–527; *Jensen*, 1982), который гарантировал Ганзе сохранение старинных привилегий в Ливонии и на Руси и, главным образом, в Нарве. В «Повествовании» упомянуто завершение неудачной осады Ревеля русскими войсками 16 марта 1571 г., а потому уместно предположить, что оно появилось весной 1571 г. и оказалось в Ревеле вместе с копией Штеттинского мирного договора. Полный текст документа был исследован, переведен и опубликован М. Б. Бессудновой – нижеприведенные цитаты взяты из этого издания (*Бессуднова*, 2015. С. 9–17). Существует также издание на немецком языке (*Bessudnova*, 2017. S. 49–64).

Если обратиться к содержанию «Повествования», то самым интригующим его моментом является упоминание о «предстоящих, как известно, мирных переговорах» (*bevorstehende bewuste friedeshandlung*), в связи с которыми ожидалось новое «беспокойство и затруднения из-за того, где и в каком месте следует расположить [ганзейский] стапель». Из контекста следует, что речь идет об ожидавшихся переговорах России со Швецией, которые гражданам Любека казались неизбежными после провала русской осады Ревеля. В Любеке полагали, что в переговорном процессе шведской стороной будут обязательно задействованы представители Ревеля, который традиционно играл самую активную роль в дипломатических сношениях Ганзы с русскими землями.

Составители документа намеревались увлечь ревельцев перспективой сохранения в неизменном виде всего комплекса ганзейских привилегий, действовавших на тот момент в России. Для обоснования такого рода посылки в зачине «Повествования» помещена реплика о русско-ганзейской торговой «старине» и Немецких подворьях в Новгороде и Пскове: «... для этой цели они [ганзейцы] имели в России, в Великом Новгороде и в Пскове различные конторы или эмпории, где осуществляли доставку и продажу своих товаров при посредничестве там же проживавших приказчиков. И при такой свободе торговли они оставались не только в мирное время, но и в период войны, и беспрепятственно передвигались всюду любыми путями вне зависимости от времен» (*Inmaßen sie dan auch zur dero behueff unterschiedliche Cunthor oder Emporia zu großen Neugarten und den Pleskau in Rußlandt gehabt, dahin sie solche ihre gueter und wahren fuhren und durch ihre Institutores daßelbsten residirert, vorhandlen laßen. Bey welcher freyen handlung sie auch nicht allein in friedens, sonder auch krieges zeiten undt leufften ie und allewege ohne ienigen underscheit der zeit, unbehindert gelaßen*).

В плане фактологии эта реплика большого значения не имеет, хотя, с другой стороны, она несет весьма важную смысловую нагрузку как ретроспективный фон, благодаря которому русско-ганзейские торговые взаимоотношения приобретают вид некой исключительно гармоничной, но вместе с тем абсолютно иллюзорной композиции. Противоречившие ей и не вписывающиеся в нее факты попросту отфильтрованы, как, например, обстоит дело с отсутствием упоминания о пожаре 1560 г., уничтожившем псковский Немецкий двор. Еще более парадоксальной выглядит попытка авторов атрибутировать торговлю ганзейцев в России как беспопышную и бесконфликтную, не подверженную

влиянию внешнеполитических обстоятельств, что во всех перечисленных случаях противоречит историческим реалиям XV–XVI вв. Все эти несоответствия обретают смысл лишь в том случае, если воспринимать вводную часть «Повествования» исключительно в качестве своеобразного мнемотехнического средства, призванного склонить ревельцев к защите общеганзейских интересов и к активному участию в реализации предлагаемого Любеком проекта, которому посвящена основная часть произведения.

Составители «Повествования» полагали, что на предстоящих русско-шведских переговорах будет обозначен вопрос о новом «стапеле» для торговли предназначенными к экспорту русскими товарами. После взятия Нарвы русскими войсками в 1558 г. и пожалования ей Иваном IV ряда привилегий роль «русского стапеля», по сути дела, принадлежала именно этому городу (Köhler, 2000. С. 36–39), с чем не мог примириться Ревель. Ревельцы видели в Нарве своего основного конкурента и на этом основании решительно отвергали идею свободных «нарвских плаваний» для всех участников балтийской торговли (Köhler, 2000. С. 47–51). Любек, долгие годы противостоявший этим настроениям, на сей раз предложил в качестве альтернативного варианта решения проблемы перенос ганзейского «стапеля» в «Русскую Нарву» (Ивангород) или в Псков. Особо следует отметить, что, по мнению любечан, такого рода решение следовало в обязательном порядке зафиксировать в тексте русско-шведского договора для придания ему юридической силы («для большей надежности это следует включить в мирный договор») (*es in den Friedens vortragk mit einvorfaßet werden mochte*).

В «Повествовании» содержится инструкция городского совета Любека, предназначенная для представителей Ревеля, которые, как предполагалось, примут участие в переговорах шведов с Иваном IV или его вельможами. Она состояла из ряда основных положений.

Во-первых, от русского царя надлежало добиться положительного решения в отношении переноса ганзейского «стапеля» в приграничный русский город: «торговлю следует переместить либо в Русскую Нарву [Ивангород], либо куда-либо еще в Россию» (*der handell etwan uf die Russische Narva oder anders wohin in Rußlandt transferiret werden sollte*). При этом, как следует из последующего пункта, в качестве одного из наиболее приемлемых вариантов размещения «русского стапеля» фигурировал Псков.

Во-вторых, представители Ревеля от имени всей Ганзы должны были просить царя распространить право ганзейцев на свободное передвижение и торговлю с русскими, пожалованное им Нарве, на всю Ливонию («страну»), часть которой на тот момент была занята русскими войсками, а также на Псков: «Наряду с этим [следует разрешить] не меньшую, чем в Нарве, свободу передвижения по воде и по суше и свободную торговлю еще и в русском Пскове, как это было с давних пор, а также свободу пребывания [там] без каких-либо заслонов и препон» (*Und gleichwoill auch dorbenebenn nicht desto weniger die Sigillation und hantierung auf die Narwa und Pleßkow in Rußlandt zu waßer und zu lande, wie es von alten her geweßen, auch zugleich frey bleiben und kheinesweges vorschloßen oder vorsperret werden mochte*).

В-третьих, нужно было также заручиться гарантиями русского правительства относительно беспрепятственного подвоза «русскому стапелю» востребованных ганзейцами товаров, в первую очередь, воска, а также права их свободного вывоза из России: «Если же великий князь милостиво разрешит и пожалует ганзейцам [право] торговать всевозможными товарами, а также вывозить [их], желательно, чтоб вслед за тем попросили его царское величество вновь милостиво разрешить и пожаловать [право] свободного подвоза туда воска, а также его вывоз оттуда наряду с прочими товарами, как это исстари повелось» (*weiln dan auch der Grosfurst den hansischen in Rußlandt mit allerhandt wahren und commoditeten daselbst zuehandlen, auch die auszufuhren gnedig vorstattet undt nachgegeben, das demnach ihr Key: Maytt: ferner zubitten sein wolte, hinfuro auch das wachs hinwieder frey zugeben, und zugleich mit den andern wahren herauß zufuhren, wie es von alters herbracht, gnedigst zugestatten und nachzugeben*). Воск в международной торговле Ревеля занимал одну из первых позиций. На примере торгово-предпринимательской деятельности ревельского купца Ольрика Элерса за 1536–1541 гг. В. В. Дорошенко показал, что в перечне товаров, закупавшихся ревельцами у русских, преобладал именно воск, доля которого в общем товарообороте составляла порядка 69,6% (Дорошенко, 1968. С. 57). Если же принять во внимание тот факт, что в массе своей он поставлялся в Ревель из Новгорода (там же), который в 1570 г. пережил кровавый опричный погром, становится понятной большая озабоченность ганзейцев проблемой его бесперебойных поставок на ганзейский рынок.

В-четвертых, в ходе русско-шведских переговоров ревельцам предстояло склонить российского государя к освобождению ганзейских купцов от пошлин и прочих поборов в местах их торговли с русскими с опорой на прецедент Нарвы: «...следует с величайшим тщанием ходатайствовать, чтоб при такой свободной торговле он облагодетельствовал ганзейцев еще и освобождением от пошлин за ввоз товаров, а также о том, чтоб в дальнейшем не налагал других обременений, дабы те были от того полностью освобождены и таким образом могли всесторонне и полной мерой пользоваться своими древними привилегиями, пожалованиями и свободами» (*hochstes vleißes anzuliegen, das sie die hansischenn bey solcher freyen handlung auch mit erlegung des Zollens hinfuro vorschonet und damit noch anderer beschwerden nicht ferner bestrenget, sondern davon getzlich befreyhet und also allerseit ihrer uhrhalten privilegien, begnadigung undt Freyhheit wirglichen zugenießen haben mochten*).

Интересно также отметить, что в Любеке, видимо, всерьез верили в то, что Иван IV пойдет навстречу подобным пожеланиям, и потому восприятие русского царя в «Повествовании» более схоже с образом западноевропейского государя того времени с характерной склонностью к протекционизму и с наличием сбалансированной и политически выверенной внешнеэкономической политики. В любом случае Иван IV в данном произведении ничем не напоминает того кровавого тирана, образ которого к началу 1570-х гг. уже всюду тиражировался западноевропейской публицистикой (Kappeler, 1985. S. 150–182).

Упоминание о Пскове в «Кратком повествовании» как о месте вероятного расположения «русского стапеля» можно связать с намерением властей Любека вызвать у граждан Ревеля особую заинтересованность в предлагаемом проек-

те, поскольку деловые контакты ревельцев с этим русским городом особой активностью не отличались (*Flöttmann*, 1988. S. 119). Выше уже говорилось, что ревельцы высказывали недовольство тем, что слаженное деловое партнерство Пскова с Дерптом мешало их активности на псковском рынке, который стал одним из основных центров русско-ганзейского товарообмена XVI в., а потому они, по расчету любечан, должны были заинтересоваться предлагаемым проектом. Отметим, что вариант с расположением «русского стапеля» в Ивангороде, упомянутый в «Повествовании», вряд ли мог быть для Ревеля привлекательным ввиду близкого расположения этого города к Нарве, его основному конкуренту.

К сожалению, у нас нет документального свидетельства реакции Ревеля на инициативу Любека, если таковая вообще была, равно и сведений о русско-шведских переговорах этого времени. Напротив, нам известно, что Иван IV негативно оценил мирные договоренности датского короля со шведами в Штеттине («*учинил не по пригожу*») (*Щербачев*, 1897. № 25. Стб. 97) и не собирался прекращать боевых действий в Северной Эстонии. Вместе с тем в его политике 1570-х гг. явно прослеживается намерение развивать русско-ганзейскую торговлю, в частности, покровительствовать свободным «нарвским плаваниям» (*Köhler*, 2000. S. 62–68, 113–115; *Хорошкевич*, 2011. С. 278), что в целом соответствовало духу и букве представленного выше любекского проекта. Заметим, однако, что до полного его воплощения дело не дошло. Ганзейцы, торговавшие во владениях русского царя, за исключением Нарвы, не были освобождены от пошлин, и ни один русский город, включая Псков, статуса ганзейского «стапеля» не получил. В целом создается впечатление, что «протекционизм» Ивана IV питался не столько нуждами и пожеланиями ганзейцев, сколько стремлением сохранить военно-политический союз с Данией, вследствие чего основное стимулирующее воздействие с его стороны выпало на долю датского торгового капитала (*Venge*, 1996. С. 23).

Подводя итог всему сказанному, следует особо отметить, что содержание «Краткого повествования» мало соответствовало реальным взаимоотношениям Ганзы и России начала 70-х гг. XVI в., но отражало умонастроения, царившие после подписания Штеттинского мира 1570 г. в Любеке. Руководство города на тот период не рассталось с надеждой реанимировать единство Немецкой Ганзы и восстановить исконную систему контор и «стапелей», переместив «русский стапель», который рассматривался как центр ганзейского присутствия в России, из Новгорода в Псков. Нельзя исключить, что воссоздание псковского Немецкого подворья в 1574 г. было напрямую связано с такими устремлениями. В этой связи уместно заметить, что в последние десятилетия XVI в. на Немецком подворье в Пскове преобладали именно любечане, что отметил путешественник Самюэль Кихель, проживавший на псковском подворье в 1586 г. и оставивший его описание (*Die Reisen...*, 1866. S. 114–116).

Развитие торговли с Россией в этой связи рассматривалось Любеком не только как самоцель, но как средство воссоздания исходной модели внутриганзейских отношений. Можно также предположить, что идея «русского стапеля», выдвинутая Любеком вскоре после подписания Штеттинского мира, преследовала целью обретение дополнительных гарантий для утвержденных этим пактом ганзейских

привилегий – на сей раз со стороны российского государя. Иван IV, судя по всему, к оформлению идеи «русского стапеля» личного отношения не имел. Более того, бросается в глаза плохая осведомленность авторов «Повествования» о политической стратегии и намерениях российского государя, что можно объяснить ограниченностью доступа ганзейских купцов к ближайшему окружению царя. На ту пору в Москве прочно обосновались коммерсанты из Южной и Центральной Германии (*Angermann*, 2007. S. 132, 133), ганзейцы же по-прежнему осуществляли свои контакты с российским государем через его новгородских и псковских наместников. В этом случае передача в Любек информации о положении дел в высших политических сферах Российского государства доставлялась опосредованно, скорее всего, через любекских купцов, торговавших с Нарвой, Ивангородом и Псковом. В этой среде и родилась идея «русского стапеля».

Литература

- Бессуднова М.Б.*, 2015. «Краткое повествование ганзейцев об их исконном свободном плавании, предпринимательстве и торговле в Ливонии и России» (из Таллинского городского архива) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 33. СПб.
- Бессуднова М.Б.*, 2016. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж.
- Венге М.*, 1996. Копенгагенский трактат 1493 г. и датско-русские связи в XVI веке // *Дания и Россия – 500 лет*. М.
- Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846.
- Дорошенко В.В.*, 1968. Русские связи таллинского купца в 30-х гг. XVI в. // *Экономические связи Прибалтики с Россией*. Рига.
- Казакова Н.А.*, 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л.
- Форстен Г.В.*, 1893. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 1. СПб.
- Хорошкевич А.Л.*, 1974. Псковские летописи как источник по истории внешней торговли и внешнеторговой политике Пскова XIV – начала XVI в. // *Летописи и хроники*. 1973 год. М.
- Хорошкевич А.Л.*, 2011. Города России во время Ливонской войны (к постановке вопроса) // *Древности Пскова: Археология, история архитектура*. Вып. 2: К юбилею И. К. Лабутиной. Псков.
- Щербачев Ю.Н.*, 1897. Русские акты Копенгагенского архива. СПб. (Русская историческая библиотека; т. 16).
- Angermann N.*, 1991. *Deutsche Kaufleute im mittelalterlichen Novgorod und Pleskau // Deutsche im Nordosten Europas*. Köln.
- Angermann N.*, 1995. Die Stellung der livländischen Städte in der hansischen Gemeinschaft // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 113.
- Angermann N.*, 2004. Zum Handel der livländischen Städte mit Pleskau im späten 16. Jahrhundert // *Hamburg und Nordeuropa. Studien zur Stadt- und Regionalgeschichte*. Festschrift für Gerhard Theuerkauf zum 70. Geburtstag. Münster.
- Angermann N.*, 2005. Zur Rußhandel von Dorpat/Tartu in der Zeit seiner höchsten Blüte (Mitte des 16. Jahrhunderts) // *Die baltischen Länder und der Norden: Festschrift für Helmut Piirimäe zum 75. Geburtstag*. Tartu.

- Angermann N.*, 2007. Deutsche Handelsverbindungen mit Moskau im 15. und 16. Jahrhundert // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 125.
- Bessudnova M.*, 2017. Der Russlandhandel Lübecks im Pamphlet «Kurtzer Bericht undt Information der Hansischen von alters hero auf Lieflandt und Russlandt gebrauchter Signillation, Gewerb undt Hantirung» von 1571 aus dem Stadtarchiv Tallinn // *Acta Historica Tallinnensia*. Vol. 23. S. 49–64.
- Burkhardt M.*, 2015. Kontors and Outposts // *A Companion to the Hanseatic League*. Leiden. Die Recesses und andere Akten der Hansetage Abt. 3 / Hrsg. D. Schäfer. Leipzig, 1894. Die Reisen von Samuel Kiechel. Stuttgart, 1866.
- Flöttmann A.*, 1988. Der Revaler Rußhandel von 1509 bis 1558 // *Deutschland-Livland-Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg*. S. 111–136.
- Hammel-Kiesow R.*, 2000. Die Hanse. München.
- Harder-Gersdorff E.*, 2002. Hansische Handelsgüter auf dem Großmarkt Novgorod (13.–17. Jh.): Grundstrukturen und Forschungsfragen // *Novgorod – Markt und Kontor der Hanse*. Köln.
- Jensen F.P.*, 1982. Danmarks konflikt med Sverige 1563–1570. Kopenhagen.
- Kappeler A.*, 1985. Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliteratur des 16. Jahrhunderts // *Russen und Russland aus deutscher Sicht*. 9.–17. Jh. München.
- Köhler M.*, 2000. Die Narvafahrt. Mittel- und westeuropäischer Rußhandel 1558–1581. Hamburg.
- Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Bd. 1, 4. / Hrsg. F.-G. von Bunge. Reval, 1859.
- Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Bd. 2, 1. / Hrsg. L. Arbusow. Riga, 1900.
- Nyenstädt Fr.*, 1837 *Livländische Chronik, nebst dessen Handbuch*. Riga. (*Monumenta Livoniae antiquae*; 2).
- Puhle M.*, 1989. Innere Spannungen, Sonderbünde – Druck und Bedrohungen von außen // *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos*. Hamburg.
- Schubert B.*, 2002. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse B. Schubert // *Concilium medii aevi*. Bd. 5.
- Selzer S.*, 2010. Die mittelalterliche Hanse. Darmstadt.
- Weede S.*, 1997. Der Revaler Rußhandel im Mittelalter // *Reval: Handel und Wandel vom 13. zum 20. Jahrhundert*. Lüneburg.

* * *

Бессуднова Марина Борисовна, д. и. н., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского.
E-mail: magistrmb@gmail.com

М. Ю. Колтаков, Д. В. Михеев

Торговые связи Псковской земли в описаниях английских и французских авторов раннего Нового времени

Резюме. Псков и Псковская земля, войдя в состав Московского государства, на протяжении XVI–XVII вв. остаются значимыми для иностранных купцов центрами торговли. Уже в первых английских и французских сочинениях отмечается высокий потенциал города в торговле льном. Приграничное положение города служило в глазах иностранцев заметным преимуществом в торговле. Несмотря на потрясения, вызванные опричниной и Ливонской войной, экономическое значение Пскова сохранялось. В источниках даже констатируется рост торгового значения Пскова на рубеже XVI–XVII вв. Английские и французские торговцы сохраняли свою заинтересованность в псковском торговом маршруте до середины XVII в., отмечая это в своих сочинениях и проектах торговых предприятий, многие из которых так и не были реализованы. В английском нарративе второй половины XVII в. отмечается постепенный упадок псковской международной торговли, предопределивший падение торгового значения Пскова в Петровскую эпоху.

Ключевые слова: Псков, Московское царство, Англия, Франция, раннее Новое время, международная торговля.

M. Yu. Kolpakov, D. V. Mikheev. Trade Relations of Pskov Land in the Descriptions of English and French Authors of the Early Modern Period

Abstract. Pskov and Pskov land, which became part of the Moscow state, remained significant centers of trade for foreign merchants throughout the 16th–17th cc. Even the first English and French writings note the city's high potential in the flax trade. The border position of the city was a significant advantage for trade in the eyes of foreigners. Despite the upheavals caused by the oprichnina and the Livonian war, Pskov's economic importance remained. The sources even state the growth of Pskov's trade value at the turn of the 16th–17th cc. English and French merchants maintained their interest in the Pskov trade route until the middle of the 17th century, noting this in their writings and projects of trade enterprises, many of which had never been implemented. The English narrative of the second half of the 17th century, mark gradual decline of Pskov international trade which predetermined the fall of Pskov's commercial value in the Peter's era.

Keywords: Pskov, Moscow Kingdom, England, France, Early Modern Time, international trade.

Европейские свидетельства эпохи раннего Нового времени о Московском царстве служат ценным источником информации о периоде становления единого Русского государства. Они отражают как реальное состояние дел в стране, так и воображаемый образ, иногда серьезно искаженный соседями в своих интересах. Многочисленные сочинения иностранных авторов уже привлекались для изучения псковской экономики XVI–XVII вв. (*Ангерманн*, 2003; *Аракчеев*, 2012; *Бессуднова*, 2010; *Булгаков*, 2003; *Кирпичников*, 2003; *Стефанович*, 2003; *Хорошкевич*, 2003), однако английский и французский нарратив, позволяющий существенно дополнить представления о международной торговле Пскова, использовался исключительно фрагментарно.

В ходе работы над проектом «Псковская земля в описаниях английских и французских авторов в раннее Новое время» (РФФИ, № 17–11–60003–ОГН, 2017–2018 гг.) был обобщен и изучен комплекс английских и французских источников, содержащих информацию о торговых связях Пскова и экономическом потенциале Псковской земли.

Главными международными торговыми партнерами Пскова в первой половине XVI в. были Дерпт, Ревель и в меньшей степени – Рига и Нарва. Стремительное увеличение товарообмена между Дерптом и Псковом было связано с закрытием Немецкого подворья (ганзейской конторы) в Новгороде в 1494 г. (*Ангерманн*, 2003. С. 305; *Бессуднова*, 2010. С. 73, 74). В Дерпте новгородцы и псковичи арендовали помещения под склады и для проживания при двух «русских» церквях. По аналогии с «Русским концом» был организован «Немецкий берег» в Пскове, впервые упомянутый в ливонских источниках в 1498 г. (*Бессуднова*, 2010. С. 74) и просуществовавший на Запсковье до апрельского пожара 1562 г. (*Аракчеев*, 2012. С. 10). Главными предметами ганзейского эскорта являлись соль и цветные металлы. Качественная («белая» и брузжская) соль закупалась либо выменивалась на лен и юфть псковичами у контрагентов и в Таллине (*Дорошенко*, 1968. С. 55, 56). Из Риги поступали лекарства, в том числе и на постоянной контрактной основе, и цветные металлы (*Хорошкевич*, 2003. С. 35, 36). На рынках Нарвы торговцы из Пскова приобретали соль, сельдь, металлы и сукно (*Хорошкевич*, 1968. С. 23, 30).

Упоминания об экономической деятельности псковичей и характере международных торговых связей Псковской земли в английских и французских сочинениях первой половины XVI в. единичны. В эпоху отсутствия прямых двусторонних отношений в общественно-политической и историко-географической литературе Псков характеризовался как богатый торговый город, центр производства идущих на экспорт русских товаров.

Настоящее «открытие» Московского государства англичанами произошло после экспедиции Ченслора-Уиллоби (1553–1554 гг.). Английских торговцев и дипломатов интересовал в первую очередь экономический потенциал государства и отдельных его регионов, наличие торговых путей и возможность наладить стабильные торговые связи с Персией, Индией и Китаем через подконтрольные Москве территории. Предоставление привилегий Московской компании в 1555 г. изменило привычные схемы международной торговли между Европой и Русским государством.

Главным псковским товаром, интересовавшим английских торговцев, являлся лен. В одном из первых сочинений, появившихся по итогам экспедиции Ченслора-Уиллоби, «Книге о великом и могущественном царе России», подготовленной Климентом Адамсом по замечаниям Ричарда Ченслора, сообщалось о том, что к западу от Холмогор, через которые пролегал путь членов первой экспедиции в Москву, располагаются богатые города Грантове (Новгород) и Плеско (Псков). В этих местах «растет много хорошего льна и конопли, а также имеется очень много воска и меда... Там также очень много кож...» (Английские путешественники..., 1937. С. 55). Торговец Артур Эдуардс привел фантастические данные о производстве льна на Северо-Западе: «Между Новгородом и Псковом (*Vobsko*) на протяжении 180 миль в длину растет лен, столько же земли засеяно льном и в ширину» (Английские путешественники..., 1937. С. 237).

Представление о Псковской земле как об основном районе производства льна в Московском государстве в последующем английском нарративе продолжало закрепляться. Джильс Флетчер, дипломат и представитель Московской компании при дворе царя Федора Иоанновича, спустя несколько лет после завершения Ливонской войны отмечал, что «лен растет почти в одной только Псковской земле и ее окрестностях» (Флетчер, 2002. С. 25). Столь гиперболизированное представление о производстве льна именно в Псковской земле возникло в связи с тем, что Псков превратился во второй половине XVI в. в перевалочный пункт в торговле льном на западных границах Московского царства. Именно в псковском экспорте намного раньше, чем даже в новгородском, появились продукты сельскохозяйственного производства. Существенные перемены в ассортименте псковской торговли происходили на протяжении всего XVI в., сельскохозяйственная продукция занимала все большее место в псковском экспорте – лен поступал не только из самой Псковской земли, но и из Старой Русы, Тверской и Смоленской земель (Хорошкевич, 2003. С. 35, 36).

Торговое значение Пскова возросло после того, как ненадолго Нарва превратилась в морские ворота Московского царства на Балтике. Английский авантюрист, дипломат и торговец при дворе Ивана Грозного и его сына Федора Иоанновича Джером Горсей писал, что Псков и Новгород – два «величайших приморских города на востоке, образующих треугольник с Нарвою» (Горсей, 1991. С. 52).

В конце XVI в., после опустошения Новгорода и неудачного завершения Ливонской войны, английские авторы считали Псков главным русским центром торговли льном. Джильс Флетчер писал, что «льном и пенькой (по уверению купцов) ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, теперь не более пяти. Причиной упадка... полагают закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, который находится теперь в руках и во владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк, по случаю войн с Польшей, отчего промышленники запасают и приготавливают всех товаров менее и не могут продавать их столько, сколько продавали прежде. Такой упадок в торговле отчасти зависит и оттого, что купцы и мужики (так называется простой народ) с недавнего времени обременены большими и невыносимыми налогами...» (Флетчер, 2002. С. 25). Доходы, которые приносили царской казне торговые пошлины, собираемые в Пскове, заметно

превосходили новгородские и являлись одними из самых значительных среди прочих торговых центров Московского государства (Флетчер, 2002. С. 63, 64).

Английские негоданты закупали лен непосредственно в Пскове. Например, Горсей сообщал, что в связи с делами Московской компании «добился... заема из царской казны 4 тыс. рублей для купцов, посылавших в Псков за льном [с отсрочкой выплаты], до продажи их товара; заема у князя-правителя для них без процентов 5 тыс. рублей» (Горсей, 1991. С. 108). Далее товары следовали через Новгород, Тверь и Москву в порт Святого Михаила, а затем по северному морскому маршруту в Англию. Этот путь имел свои серьезные недостатки (сезонная навигация, необходимость ожидания снаряжения флотилии), но сухопутный маршрут в Ливонию в годы балтийских войн был небезопасен. Пересекать «псковское пограничье» позволяли себе дипломаты и чрезвычайные посланники, перевозившие письма английской королевы Елизаветы и московских царей, когда не было возможности долго ожидать прибытия очередной флотилии кораблей Московской торговой компании.

Французская общественность «открыла» для себя Россию в 60-е гг. XVI в. Ливонская война, затронувшая торговлю на Балтике и повлиявшая на развитие франко-польских отношений, вызвала интерес к московскому государству и его жителям. Внимания удостоился и Псков с окрестностями, являвшийся ближайшим к Западу военным и торговым форпостом России.

Интересные сведения о французской балтийской торговле содержатся в дипломатической переписке Шарля де Данзе, постоянного посла Франции при Датском королевском дворе в 1548–1589 гг. Важным проектом де Данзе является предложенный королю Генриху III план установления французского протектората над Ливонией и французской гегемонии в посреднической торговле на Балтике (Виане, 2017. С. 156–163; Daussy, 2015. С. 206–212). Реализация этих начинаний затронула бы и международную торговлю Пскова. Данзе, описывая богатства Ливонии, перечислил не только собственно ливонские, но и русские (в том числе и псковские) экспортные товары. В письме Пинару от 12 апреля 1575 г. дипломат охарактеризовал Ливонию следующим образом: «... эта страна удивительно богата любимыми хлебами, и там великое множество воска, льна, конопли, сала, рыбьего жира и других добрых товаров, необходимых Франции, а также огромное число дубов и другого корабельного леса» (Correspondance..., 1824. Р. 80).

Активное прямое участие французских купцов в прибалтийской торговле началось в 60-е гг. XVI в. (Allaire, 1999. Р. 57–93). Негоданты из Нормандии (Дьепа), Бретани (Сен-Мало), Западной Франции (Ла-Рошели), увлеченные ростом доходности «московской» торговли, с 1562 г. начали проникновение на рынки Нарвы. Участники экспедиций находили в портовых городах заемный капитал (обычно кредитная ставка составляла 25%), на который снаряжали и вооружали корабли, приобретали продовольствие и товары для продажи, нанимали команду. Суда были небольшие, водоизмещением в 40–80 тонн. Условия каждого путешествия могли оговариваться отдельными контрактами (наличие или отсутствие промежуточных пунктов, сроки стоянки в портах). За период Ливонской войны до Нарвы доходило в среднем 5 французских кораблей в год. Это дало возможность приблизительно определить объемы фран-

цузской торговли (Kirchner, 1949. Р. 161–183). Однако изучение записей Эресуннской таможни и ряда других материалов позволило сделать вывод о том, что значительная часть французских товаров перевозилась не французскими судами, а преимущественно голландскими (Jeannin, 1954. Р. 23–43). Торговые экспедиции в Нарву в 1562–1583 гг. были рискованными и авантюрными мероприятиями, поскольку их участники нередко страдали от действий пиратов и каперов, государственных властей и армий Польши, Швеции, России.

Самым востребованным у французских контрагентов в Нарве товаром была соль. Записи Эресуннской таможни за 1562–1583 гг. расширяют ассортимент французских товаров, предлагаемых русским в Нарве: вино, бумага, сахар, корица, инжир. Исследователи французской балтийской торговли утверждают, что более половины соли, реализованной в Прибалтике в 60–70-е гг. XVI в., поступало из Франции (Vuane, 2017. С. 164; Allaire, 1999. Р. 69). В письме королю от 27 сентября 1575 г. Шарль де Данзе сокрушался, что «в этом году будет практически невозможно добраться до Нарвы. Сто фунтов бжуажской соли стоят в этом городе более 2300 ливров, и ее очень мало, что их печалит, поскольку они не могут легко обойтись без нее, хотя и получают еще соль и из Испании» (Correspondance..., 1824. Р. 112). Реализация подобной партии соли, например в Ревеле, приносила вдвое меньшую прибыль.

После завершения Ливонской войны произошел стремительный упадок французской балтийской торговли. В 1586 г. французские торговцы пытались получить прямой выход на Псковский рынок (или декларировали подобное желание): Николя дю Ренель и Гийом де ла Бистрад, одни из организаторов экспедиции в Архангельск, получили от царя привилегию, разрешавшую торговать с партнерами и в Москве, и в Пскове (Allaire, 1999. Р. 74).

Одним из итогов завершившейся Ливонской войны для Северо-Запада Московского государства стало перемещение центра торговли с Европой в Псков: в 1586 г. на псковском Завеличье был построен «Немецкий дом», где жили и торговали иностранные торговцы; открыт «Любекский двор», управлявшийся ганзейскими купцами (Ангерманн, 2003. С. 306–307). Главным торговым партнером Пскова в Прибалтике в первой половине XVII в. стала Рига, в которой русские купцы закупали «голландские и силезские сукна, вина, сельдь, “мелочной товар”» (Шаскольский, 1968. С. 72). Псков накануне Смутного времени оказался одним из наиболее развитых и процветающих торговых центров на западных границах Московского государства. В XVI–XVII вв. торговцы из стран Западной Европы привозили в Псков товары, пользовавшиеся спросом у русских, а покупали традиционный русский вывозной товар: пеньку, лен, коноплю, щетину, сало, мясо, мед, воск, кожи и др. Хлеб иностранцы могли вывозить только по специальному царскому разрешению (Булгаков, 2003. С. 340).

Английские источники XVII столетия о Псковской земле, сохранившиеся до наших дней, разрозненны и немногочисленны. Во многом виной тому Лондонский пожар 1666 г., уничтоживший архив Московской компании, которая активно действовала в Пскове в этот период. Известно, что пребывание в Пскове стало важной вехой в карьере английского торговца и дипломата, сыгравшего важную посредническую роль при заключении Столбовского мира

в 1617 г., – Джона Меррика. В начале 1580-х гг. началась его удачная карьера в Московской компании. В 1589 г. он был на три года назначен представителем компании в Пскове. В 1592 г. был переведен в Москву. Сам Меррик, попавший в Московское царство, по всей видимости, в достаточно юном возрасте, воспринимал его как свою вторую родину, отмечая, что «у себя он в Английской земле [он] родился, а на Руси взрос» (Посольская книга..., 2006. С. 7, 8).

Францией попытка возрождения торговых связей с Россией была принята после завершения Смутного времени. В 1628 г. группа торговцев подготовила и представила Ришелье план организации «Московской компании» (*Recueil des instructions...*, 1890. Р. 22, 23). Одним из каналов товарообмена между Россией и Францией должен был стать Псков. В качестве востребованных русскими товаров назывались шелковые и шерстяные ткани, соль, бумага и водка. Вывозить планировалось лен, коноплю, меха, кожу и воск.

Для обсуждения перспективного проекта к Михаилу Федоровичу в 1629 г. была направлена дипломатическая миссия Луи Деэ. Краткое описание этого путешествия изложено в дневнике Бризасье, секретаря посла (*Les voyages de Monsieur des Hayes*, 1664. Р. 1–99). По пути к московскому двору посол провел переговоры в Дании и Швеции о размерах пошлин с французских негодантов, участвующих в балтийской торговле. Прибыв в Дерпт, дипломат отправил гонца с письмом к псковскому воеводе Дмитрию Петровичу Пожарскому. Тот в ответном послании от 24 сентября 1629 г. разрешил Деэ, его свите и слугам въехать в «провинцию Псков» а оттуда продолжить свой путь по всей державе (*La chronique de Nestor*, 1834. Р. 434–436). Всю дорогу от псковской границы до Москвы делегация «страдала» от действий русских посольских приставов: французов заставляли плыть по рекам, не пускали в города, держали в домах под караулом и запрещали общение с местными жителями (*Margry*, 1867. Р. 92).

Царь, согласно французской версии письма к королю Людовику, гарантировал негодантам весьма выгодные условия, которыми французская сторона не смогла воспользоваться: «Кроме того, мы позволяем всем французам, подданным Вашего Королевского Величества, беспрепятственно приезжать торговать в нашу державу, как морским путем в Архангельск, так и по суше в Новгород, Псков и Москву. Мы даруем им свободу торговать и вести дела со всеми нашими подданными, платя в нашу казну пошлину всего в два процента; мы также даруем всем французским купцам, вашим подданным, свободу вероисповедания в нашей державе... Что до правосудия, мы запретим нашим судьям вникать в тяжбы между французскими купцами; однако мы решили, что, если у какого-нибудь француза будут тяжбы с нашими подданными, наши судьи должны вникнуть в дело» (*Recueil des instructions...*, 1890. Р. 30).

Во второй половине XVII в. Псков продолжал интересовать иностранных торговцев. Патрик Гордон, шотландский офицер на службе царя Алексея Михайловича, посетил город в 1661 г. и отметил, что «у шведов и любекцев есть свои торговые подворья за городом, на другом берегу реки Великой» (*Гордон*, 2002. С. 102). Известны документы, относящиеся к последней четверти XVII в., свидетельствующие о торговых операциях между псковским и английским купцами (*Стефанович*, 2003. С. 309–314).

Однако в английском нарративе этого периода не содержится комплиментарных оценок псковской экономики. В восприятии Гордона, от прежнего торгового величия и богатства города остался исключительно внешний блеск: «Здесь я убедился в низкой цене медных денег и, видя всеобщую дороговизну и необычайную угрюмость людей, почти обезумел от досады» (Гордон, 2002. С. 102). В дневниках посольства Чарльза Говарда, первого графа Карлайла 1663–1664 гг. (из Москвы обратный путь английской делегации пролегал через Тверь, Новгород, Псков и Ригу), отмечается, что в сравнении с увиденными ранее городами Псков «не столь богат, но очень удачно и удобно расположен, имеет большую реку, протекающую через город, которая впадает в озеро, расположенное примерно в полу лиге от него» (A relation of three embassies..., 1669. P. 331).

Таким образом, Псков и Псковская земля, войдя в состав Московского государства, на протяжении XVI–XVII вв. остаются значимыми для иностранных купцов центрами торговли. Уже в первых английских и французских сочинениях отмечается высокий потенциал города в торговле льном. Приграничное положение города служило в глазах иностранцев заметным преимуществом в торговле. Несмотря на потрясения, вызванные опричниной и Ливонской войной, экономическое значение Пскова сохранялось. В источниках даже констатируется рост торгового значения Пскова на рубеже XVI–XVII вв. Английские и французские торговцы сохраняли свою заинтересованность в псковском торговом маршруте до середины XVII в., отмечая это в своих сочинениях и проектах торговых предприятий, многие из которых так и не были реализованы. В английском нарративе второй половины XVII в. отмечается постепенный упадок псковской международной торговли, предопределивший падение торгового значения Пскова в Петровскую эпоху.

Литература

- Ангерманн Н., 2003. Торговля Пскова с Ганзой и ливонскими городами во второй половине XVI века // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. М.: МГУП. С. 305–309.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.: ОГИЗ, 1937. 308 с.
- Аракчеев В. А., 2012. Псков и Ганза в эпоху средневековья: Научная справка. Псков: Ди-зайн экспресс. 66 с.
- Бессуднова М. Б., 2010. К вопросу о торговле Пскова с Дерптом в 90-х гг. XV в. (по ливонским источникам) // АИППЗ. Заседание 55 (2009 г.). Псков. С. 70–79.
- Булгаков М. Б., 2003. Сбор таможенных пошлин с иноземных торговцев в Пскове в XVI – первой трети XVII в. // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. М.: МГУП. С. 338–345.
- Виане Б., 2017. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М.: Новое литературное обозрение. 512 с.
- Гордон П., 2002. Дневник 1659–1667. М.: Наука. 315 с.
- Горсей Дж., 1991. Записки о России. XVI – начало XVII в. М.: МГУ. 288 с.
- Дорошенко В. В., 1968. Русские связи таллинского купца в 30-х гг. XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: сб. ст. Рига. С. 47–58.

- Киртичкинов А. Н.*, 2003. Псков в преддверии нового времени и сообщения иностранцев об этом городе // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. М.: МГУП. С. 39–58.
- Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М.: РАН, 2006. 399 с.
- Стефанович П. С.*, 2003. Рукопись Британской библиотеки с перепиской псковича и английского купца 80-х гг. XVII в. // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. М.: МГУП. С. 309–314.
- Флетчер Дж.*, 2002. О государстве русском. М.: Захаров. 176 с.
- Хорошкевич А. Л.*, 1968. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: сб. ст. Рига. С. 13–31.
- Хорошкевич А. Л.*, 2003. Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в средние века и начале нового времени // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. М.: МГУП. С. 33–39.
- Шаскольский И. П.*, 1968. Торговля России с Прибалтикой и Западной Европой в XVII в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: сб. ст. Рига. С. 59–74.
- A relation of three embassies from His Sacred Majestie Charles II, to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark performed by the Right Hoble the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664. L.: Printed for John Starkey, 1669. 461 p.
- Allaire B.*, 1999. Pelleteries, manchons, et chapeaux de castor: Les fourrures nord-américaines à Paris, 1500–1632. Sillery, Québec: Septentrion. 304 p.
- Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France à la Cour de Danemarck. Stockholm: Elmén et Granberg, 1824. 347 p. (Handlingar rörande Skandinaviens historia).
- Daussy H.*, 2015. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. № 4. С. 198–227.
- Jeannin P.*, 1954. L'économie française au milieu du xvie siècle et le marché russe // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 9e année, no. 1. P. 23–43.
- Kirchner W.*, 1949. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie // Revue historique. Vol. 202. P. 161–183.
- La chronique de Nestor. Par Louis Paris. T. 1. Paris: Heideloff et Campé, 1834. 489 p.
- Les voyages de Monsieur des Hayes, baron de Courmesvin en Dannemark. Paris: F. Clousier, 1664. 287 p.
- Margry P.*, 1867. Relations et mémoires inédits pour servir à l'histoire de la France dans les pays d'outre-mer, tirés des archives du ministère de la marine et des colonies. Paris: Challamel aîné. 400 p.
- Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Russie. T. 1 / Publié sous les auspices de la commission des archives diplomatiques au ministère des affaires étrangères; avec une introduction et des notes par Alfred Rambaud. Paris: F. Alcan, 1890. 574 p.

***

*Колпаков Максим Юрьевич, к. и. н., Псков, Псковский государственный университет.
E-mail: kolpakov.m@gmail.com*

*Михеев Дмитрий Владимирович, к. и. н., Санкт-Петербург,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
Псков, Псковский государственный университет.
E-mail: tankred85@mail.ru*

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

Н. В. Лопатин

Итоги работы по проекту «Изборское городище: стратиграфия, планиграфия, каталог материалов»

Резюме. Изборское (Труворово) городище принадлежит к числу наиболее известных археологических памятников эпохи Древней Руси. Результаты раскопок и их исторические интерпретации отражены в публикациях автора раскопок В. В. Седова, но некоторые ключевые проблемы истории Изборска остаются нерешенными. В рамках работы над проектом было запланировано создание современной археологической источниковой базы для дальнейшего исследования истории Изборска.

В ходе реализации проекта выполнена оцифровка отчетов о полевых работах Изборской экспедиции, создана база данных находок из раскопок городища, в нее внесено 8350 находок. Изучались коллекции в фондах Музея-заповедника «Изборск». Составлен реестр недвижимых объектов, открытых раскопками – остатков отопительных устройств (534 объекта) и других деталей жилищ, а также частокольных канавок, являющихся элементами планировки. Начато создание геоинформационной системы «Труворово городище», для чего сведены воедино основные картографические и топографические материалы по памятнику. Реестр стратиграфических профилей из документации включает 145, из них составлены 12 сводных профилей, пересекающих всю площадку городища или ее часть. Основным направлением исследовательской работы на основе систематизированных материалов стала реконструкция деталей фортификации и застройки города в XI и XIII вв., сделаны выводы, уточняющие хронологию и периодизацию системы укреплений Изборска.

Ключевые слова: база данных находок, отопительное устройство, планировка, геоинформационная система, стратиграфический профиль, фортификация, застройка.

N. V. Lopatin. Results of the Work on the Project “Izborsk Hillfort: Stratigraphy, Planigraphy, Catalogue of Materials”

Abstract. Izborsk (Truvor's) hillfort is situated 30 kilometers west of Pskov and is one of the most well-known archaeological sites of Old Rus. The results of the excavations are represented in the publications of their author V.V. Sedov, but some key problems of the history of Izborsk remain unsolved. As an aim of the project, it was planned to create a modern archaeological source base for further study of the history of Izborsk.

During the implementation of the Project, all 22 reports on field works of the Izborsk expedition stored in the archive of IA RAS were digitized. A database of finds from the ex-

cavations of the Izborsk hillfort was created using the database “Antiquities of the Novgorod land”, developed at the Novgorod state University. The database contains now 8350 finds of Izborsk. The results of the work are available on the basis of open access at: <http://www.novsu.ru/archeology/db/>. Collections of ceramics and other finds in the funds of the Museum-reserve “Izborsk” were studied. The register of immovable objects revealed by the excavations – the remains of heating devices (534 objects) and other details of dwellings, as well as palisade grooves that are elements of the settlement structure – has been created. The geographic information system “Truvor’s hillfort” has been started, for which the main cartographic and topographic materials on the site have been consolidated into a single system. The register of all 145 stratigraphic sections fixed on the sides of excavations and trenches, as well as 12 summary sections crossing the settlement has been made. Partially solved has been the reconstruction of the surface of the virgin soil of the site on the basis of separated excavation plans of different years. The main direction of research work on the basis of systematized materials was the reconstruction of the details of the fortification and planning grid of the town in the 11th and 13th centuries. The conclusions clarifying the chronology and periodization of the system of fortifications of Izborsk have been obtained.

Keywords: database of finds, heating device, settlement structure, geographic information system, stratigraphic section, fortification, planning grid.

В 2016–2018 гг. под руководством автора статьи осуществлялся исследовательский проект «Изборское городище: стратиграфия, планиграфия, каталог материалов», поддержанный грантом Российского фонда фундаментальных исследований № 16-01-00265-ОГН.

Изборское (Труворово) городище принадлежит к числу наиболее известных археологических памятников эпохи Древней Руси. Городище исследовано планомерными раскопками экспедиции под руководством выдающегося археолога-слависта В. В. Седова в 1971–1992 гг. Результаты раскопок и их исторические интерпретации отражены в многочисленных статьях автора раскопок и в обобщающей монографии (Седов, 2007). Публикации В. В. Седова, а также его последователей и критиков (Белецкий, 1996; Белецкий, Лесман, 2005; Гайдуков, Лопатин, 2008; Лопатин, 2012; 2013а; 2013б; 2016; Михайлова, 2006) показывают, что некоторые ключевые проблемы истории Изборска остаются нерешенными, а ряд важных аспектов характеристики этого города еще не анализировался детально.

Необходимым условием более глубокого анализа материалов Изборского городища является обновление источниковой базы исследований археологии и истории Изборска в эпоху раннего Средневековья, то есть введение в научный оборот всего объема информации о материалах памятника, заключенной в полевой документации (Архив ИА РАН) и коллекциях находок (Музей-заповедник «Изборск»). Это и было заявлено целью проекта, в соответствии с которой проводились работы по следующим направлениям.

1) Выполнена оцифровка (сканирование) всех 22 отчетов (общим числом 38 томов) о полевых работах Изборской экспедиции, хранящихся в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН. Общее число сканированных листов составило 2439. Сканированы как текстовые части, в том числе описи находок, так и альбомы иллюстраций.

2) Создана база данных находок из раскопок Изборского городища. Была избрана оболочка базы данных для внесения в нее описей индивидуальных находок. Это база данных археологических находок «Древности Новгородской земли», разработанная в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого (Отдел изучения проблем археологии Новгородской земли) в 2011 г. Авторы: Е. В. Торопова, С. Е. Торопов, К. Г. Самойлов, П. П. Колосницын, Е. Е. Колосницына. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2013620270. Эта база данных изначально разрабатывалась для занесения находок археологической экспедиции в Старой Руссе, но с перспективой привлечения материалов других памятников Новгородской земли и всего Северо-Запада России. По характеру основного массива обрабатываемых материалов (древности Северо-Запада Руси эпохи Средневековья) база полностью приспособлена для обработки материалов Изборского городища. Организационной предпосылкой работы на основе данной базы явилось Соглашение о сотрудничестве между Федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом археологии РАН и Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» от 22 июля 2016 г. В результате консультаций с разработчиками базы был получен доступ к базе через сеть Интернет и разработан модуль для внесения материалов Изборского городища, включающий паспортные данные памятника, отдельных раскопов и участков на нем.

За три года работы по проекту в базу данных внесены все основные полевые описи индивидуальных находок из раскопок жилой площадки Изборского городища (раскопы 1971–1982 гг.) В базу внесено 8350 находок¹. Помимо самих печатных описей, источником этой работы служила чертежная документация (планы раскопов по пластам).

Начато внесение изображений находок. Подготовлено около 1000 рисунков, однако далеко не все изображения удалось легко идентифицировать с конкретными предметами из текстовых описей. Кроме того, основная часть находок находится на постоянном хранении в Музее-заповеднике «Изборск», и для планомерного внесения их изображений в общедоступную интернет-базу требуется совместная работа с Музеем. Поэтому на данный момент в базу внесено незначительное количество изображений, что можно расценивать в качестве экспериментального задела на будущее.

Результаты работы, как и вся база данных «Древности Новгородской земли», находятся в открытом доступе в сети Интернет по адресу: <http://www.novsu.ru/archeology/db/> (ключевые слова для поиска – название памятника: Труворово городище). Следует заметить, что данная база является незавершенным продуктом, механически отражающим описи, включенные в отчеты. В дальнейшем необходимо уточнение атрибуций и наименований предметов, а также их паспортных данных, сверка с данными публикаций и музейных описей.

---

¹ Базу данных заполняла Н. В. Бельченко.

3) Изучались коллекции керамики и других находок в фондах Музея-заповедника «Изборск». Материалы Изборского городища ныне размещены в новом помещении депозитария, оборудованном после реконструкции Музея в 2012 г. Керамика фиксировалась согласно тип-листу собственной разработки (Лопатин, 2015), делались уточнения типологии, осуществлялась фото- и графическая фиксация экземпляров, необходимых для дополнения тип-листа. Керамическая коллекция Изборского городища составляет более 36 тысяч фрагментов.

4) Составлен реестр недвижимых объектов, открытых раскопками и зафиксированных в отчетной документации – остатков отопительных устройств и других деталей жилищ, а также частокольных канавок, являющихся элементами планировки. Форма реестра разработана на основе электронной таблицы формата Excel. Из 12 отчетов, охватывающих раскопки жилой площадки памятника, в реестр внесено 534 объекта, связанных с печами и очагами, относящимися ко всем периодам истории города. Из них сохранивших форму и размеры опечка – 138².

5) Начато создание геоинформационной системы «Труворово городище» для решения следующих задач: уточнить месторасположение раскопов на площадке городища, объединить планиграфические и стратиграфические результаты полевых работ 1971–1992 годов в единую высотную систему для последующей реконструкции палеоландшафта для всех основных периодов истории памятника; разработать единую базу данных индивидуальных находок и объектов на площадке городища. Сведены в единую систему следующие материалы: топографическая съемка Городища 1981 г., топографическая съемка 2011 г. в формате dwg в системе координат 1963 г., немецкая аэрофотосъемка 1944 г., спутниковая съемка Google, сеть реперных точек, полученных с помощью электронного тахеометра в 2011 г., общая сетка раскопов 1971–1992 гг., планы остатков крепостных сооружений, открытых раскопками.

Для решения задачи была использована программная среда ARCMAP, которая позволяет проводить пространственную привязку и создавать базы данных. В качестве основной системы координат была использована WGS 1984 UTM 35 N.

В качестве точек отсчета были использованы опорные реперные точки, полученные в ходе комплексной работы на городище с локальными земляными работами, которые позволили уточнить привязки отдельных раскопов с учетом месторасположения каменной Никольской церкви на городище. Координаты, полученные в системе координат 1963 г., были пересчитаны в систему WGS 84 и привязаны в программной среде.

Все топографические данные и планы привязаны с опорой на новую реперную систему. Таким образом созданы условия для формирования привязок раскопов и создания единой базы данных находок и объектов.

---

² В работе по разделам проекта 4, 5, 7 принимали участие археологи В. В. Новиков и Д. А. Власов.

6) Составлен реестр стратиграфических профилей, фиксировавшихся на стенках раскопов, участков, траншей в процессе раскопок всех лет. Таблица Excel с перечнем всех профилей дополнена сводным планом раскопов, на котором обозначено их расположение. Всего таких профилей оказалось 145. Им придана сквозная нумерация. Все профили приведены к единому масштабу. Составлены 12 сводных профилей, пересекающих всю или часть площадки городища в перпендикулярных друг другу направлениях. Одновременно выявлены локальные нестыковки нивелировочных отметок в раскопах разных лет, вычислены поправки, компенсирующие эти погрешности.

7) Частично решена задача реконструкции поверхности древнего материка Труворова городища на основе разрозненных планов раскопов разных лет. Несмотря на то, что при раскопках использовался единый репер, в процессе работы с документацией были выявлены погрешности в уровне материка и наличие расхождений в нивелировочных отметках для соседних участков раскопок. Количество отметок тоже является недостаточным – на квадрат 2×2 м как правило присутствовала только одна отметка. Отдельные крупные ямы, зафиксированные в материке, сопровождалась только тремя отметками (две на краю ямы, одна – дно). Незначительные по размерам ямы часто не имели отметок.

Для решения задачи по реконструкции единого материка для Труворова городища были использованы возможности программного продукта Surfer, который позволяет анализировать геопространственные данные и строить визуальные модели, топографические планы в формате 2D и 3D.

В результате работы отдельные планы материка были объединены в единый картографический план. Все данные высотных отметок объединены в единую базу данных и для всего материка преобразованы в общую локальную координатную сетку. В результате анализа уточнены общая система привязок и перепадов поверхности для выстраивания единой модели. Все полученные координаты в формате (X, Y, Z) интегрированы в программу Surfer для последующего пространственного анализа.

В результате обработки удалось получить серию карт, схем и 3D-модель поверхности материка. Недостающие высотные отметки были достроены по методу интерполяции данных.

Полученная модель материка позволяет получать профильные разрезы для всей поверхности материка, а также в дальнейшем провести реконструкцию дневной поверхности на момент начала проведения работ и характер залегания разновременных культурных слоев памятника. Она может быть использована в качестве основы для локализации недвижимых объектов (развалы отопительных устройств и другие остатки построек) и привязки находок, а также дальнейшей визуальной реконструкции разновременных элементов застройки города.

8) Проводилась аналитическая работа по теме проекта. Ее результаты отражены в печатных публикациях и докладах, сделанных на трех конференциях в течение 2018 г.

В статье «Стены и башни древнего Изборска» (Лопатин, 2017) наряду с обзором элементов фортификации, открытых на Изборском городище,

осуществлено сопоставление реконструируемого внешнего облика, конструктивных особенностей, стратиграфического и планиграфического соотношения въездных ворот Городища XI и XIII столетий.

В статье «Дома и улицы древнего Изборска» (Лопатин, 2018) сделан обзор данных о планировке, застройке и домостроительстве, полученных в ходе раскопок на Изборском городище, впервые представлена реконструкция внутреннего облика Изборска на период первой половины XI века, предложен вариант планировки и застройки околного города, располагавшегося между деревянной стеной детинца и внешними каменно-деревянными укреплениями. Проводятся сопоставления с соответствующими данными по другим древнерусским городам, в первую очередь Берестьем.

Особого рассмотрения заслуживает важнейший вопрос истории Изборска – время постройки каменной крепости на Труворовом городище и деревянного детинца внутри нее. Согласно выводам В. В. Седова, сооружение каменной крепости на Труворовом городище относится к началу XII в., а деревянного детинца – к X столетию. Однако основания этих датировок не являются однозначно доказательными и требуют дополнительного рассмотрения. Хронология древнейших каменных фортификаций в Изборске должна исследоваться в контексте развития архитектурных традиций Северо-Западной Руси и прилегающих территорий, а также в системе с другим элементом изборских фортификаций – деревянным частоколом детинца. По технике строительства изборская стена является более архаичной, чем Ладожская крепость 1114 г., и скорее входит в один круг сооружений с так называемой «стеной Олега Вещего» в Ладого, укреплениями городища Любша и эстонских городищ позднего железного века. Вероятная датировка древнейших горизонтов каменных укреплений Изборска – конец X – первая половина XI в. Сопоставляя планы каменных и деревянных укреплений Изборска, а также данные стратиграфии, приходим к выводу, что деревянная стена детинца была построена внутри каменной крепости и, соответственно, не может быть старше последней. Наиболее вероятно, что каменная и деревянная стены могли сосуществовать в пределах XI в.

Литература

- Белецкий С. В., 1996. Начало Пскова. СПб.
- Белецкий С. В., Лесман Ю. М., 2005. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова) // *Stratum plus*. № 5. 2003–2004. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест.
- Гайдуков П. Г., Лопатин Н. В., 2008. О книге В. В. Седова «Изборск в раннем средневековье» // АИППЗ. Материалы LIII заседания. С. 131–134.
- Лопатин Н. В., 2012. Изборск // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., Вологда: Древности Севера.
- Лопатин Н. В., 2013а. Валентин Васильевич Седов и исследование Изборска // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*. № 2. С. 3–12.

- Лопатин Н. В.*, 2013б. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (2012 г.). С. 186–192.
- Лопатин Н. В.*, 2015. Тип-лист круговой керамики Изборска // АИППЗ. Материалы 60-го заседания (2014 г.). Вып. 30. С. 97–102.
- Лопатин Н. В.*, 2016. О крепостных сооружениях Изборска начала XIII в. // РА. № 1. С. 123–130.
- Лопатин Н. В.*, 2017. Стены и башни древнего Изборска // Природа. № 1. С. 55–59.
- Лопатин Н. В.*, 2018. Дома и улицы древнего Изборска // Природа. № 10. С. 80–84.
- Михайлова Е. Р.*, 2006. Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов // Изборск и его округа (материалы II Международной научно-практической конференции). Изборск.
- Седов В. В.*, 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука. 413 с.

* * *

*Лопатин Николай Владимирович, к. и. н., Москва,
Институт археологии РАН.
E-mail: n.lopatin@gmail.com*

А. В. Михайлов

Открытое торгово-ремесленное поселение Горожане: исследования 2017 г.

Резюме: В 2017 г. были продолжены археологические исследования поселения X–XI вв. у д. Горожане (Новосокольнический район Псковской области). Раскоп площадью 48 кв. м был заложен в северной, наиболее возвышенной части поселения. Мощность культурных отложений на раскопе составила 0,6–0,7 м. Под слоем распашки сохранился непо потревоженный культурный слой мощностью до 0,3 м, который содержит следы крупного пожара. В слое пожара встречены остатки двух отопительных устройств: глинобитная печь и печь-каменка. Предварительная датировка пожара – середина X в. Керамический комплекс на 98,5% состоит из лепной керамики. Находки орнаментированной керамики единичны. Коллекция индивидуальных находок представлена 142 предметами. Значительную часть коллекции составляют стеклянные и каменные бусы. Кроме того, среди находок представлены предметы вооружения, украшения, торговый инвентарь, бытовые предметы, несколько дирхемов. Поселение Горожане можно считать одним из ключевых пунктов торгового пути между бассейнами Ловати и Великой.

Ключевые слова: Псковская область, поселение Горожане, Древняя Русь, торговые коммуникации.

A. V. Mikhajlov. Open Trade and Craft Settlement Gorozhane: the Archaeological Research in the Year 2017

Abstract. The archaeological research near Gorozhane (Novosokolnicheskiy district, Pskov region) was carried on in the year 2017. The excavation site of 48 sq. m was situated at the northern, most elevated part of the settlement. The cultural deposit thickness is 0.6–0.7 m. Under the plowing layer a cultural layer of up to 0.3 m thickness lies intact containing traces of big fire. There are remnants of an adobe oven and a heater in the fire layer. The fire possibly dates from the mid. 10th c. 98.5% of the ceramics are molded ones. There are only several finds of ornamented ceramics. Individual findings are presented by 142 items. The significant part of them consists from glass and stone beads. There is weaponry, adornments, trading equipment, household utensils and several dirhams too. The Gorozhane settlement is certainly one of the key points at the trading route between Lovat river and Velikaya river basin areas.

Keywords: Pskovskaya obl., the Gorozhane settlement, Old Rus, trading communications.

Поселение Горожане, открытое в 2016 г., располагается в юго-восточной части Бежаницкой возвышенности, на водоразделе бассейнов рек Великой и Ловати. Прилегающая к памятнику территория представляет собой невысокие возвышенности, чередующиеся с понижениями, приуроченными, как правило, к руслам ручьев и мелких речек, впадающих в р. Смердель, и подболоженными низинами.

Поселение занимает естественную возвышенность в излучине р. Илеменки. Площадка поселения ровная, имеет выраженный уклон к югу – юго-западу (в сторону реки и оврага). В юго-восточной части площадка образует подтреугольный выступ в долину р. Смердели. С юга, юго-востока и юго-запада территория памятника ограничена склоном левого берега р. Илеменки, с востока – естественным понижением рельефа, с запада – краем небольшого оврага, обращенного устьем к руслу р. Илеменки, с севера – полевой дорогой Горожане – Брагино. Примерные размеры участка распространения культурного слоя (по результатам визуального осмотра и сбора подъемного материала) – 150×200 м.

Источниками наших знаний об этом памятнике является коллекция предметов из культурного слоя поселения, которая включает 1010 предметов из стекла, глины, камня, черного и цветного металла, а кроме того, полевые исследования, начатые в 2016 г. на этапе выявления объекта культурного наследия и продолжившиеся в 2017 г.

В июле 2017 г. на территории выявленного объекта культурного наследия «Поселение у д. Горожане» Новосокольнического района Псковской области проводились археологические полевые исследования с целью изучения культурного слоя памятника, уточнения хронологии поселения, получения информации о его топографии. Работы 2017 г. стали продолжением полевых работ на памятнике, начатых на этапе его выявления в 2016 г. (Михайлов, 2018. С. 110–119).

Раскоп 2017 г. заложен в северной, наиболее возвышенной части поселения, буквально в 1 м к югу от шурфа 2 (2016 г.). Первоначальная площадь раскопа составила 48 кв. м, но до материка работы были проведены на северной половине раскопа (южная половина раскопа законсервирована на уровне 7 пласта) (рис. 1).

Раскопки велись по пластам в 0,1 м по сетке квадратов 1 x 1 м. В ходе работ проводилось полное просеивание культурных отложений. Массовый материал (керамика, кости животных) фиксировался как по количеству, так и по массе.

Мощность культурных отложений на раскопе составила 0,6–0,7 м (без учета материковых ям). Стратиграфическая ситуация, зафиксированная в пределах раскопа, вероятно, характерна для всего памятника: верхние 0,35–0,4 м культурного слоя повреждены многолетней тракторной распашкой, слой темно-серый, слабо стратифицированный с включениями угля, дресвы, отдельных булыжных камней. Ниже, под слоем распашки залегает непо потревоженный черный углистый слой с выраженной стратиграфией. Большая часть этого слоя связана с горизонтом пожара. Мощность углистого слоя составляет 0,25–0,3 м.

Из слоя распашки (пласты 5–7) помимо многочисленных стеклянных бус происходят оселки, разнообразные железные предметы, в том числе,

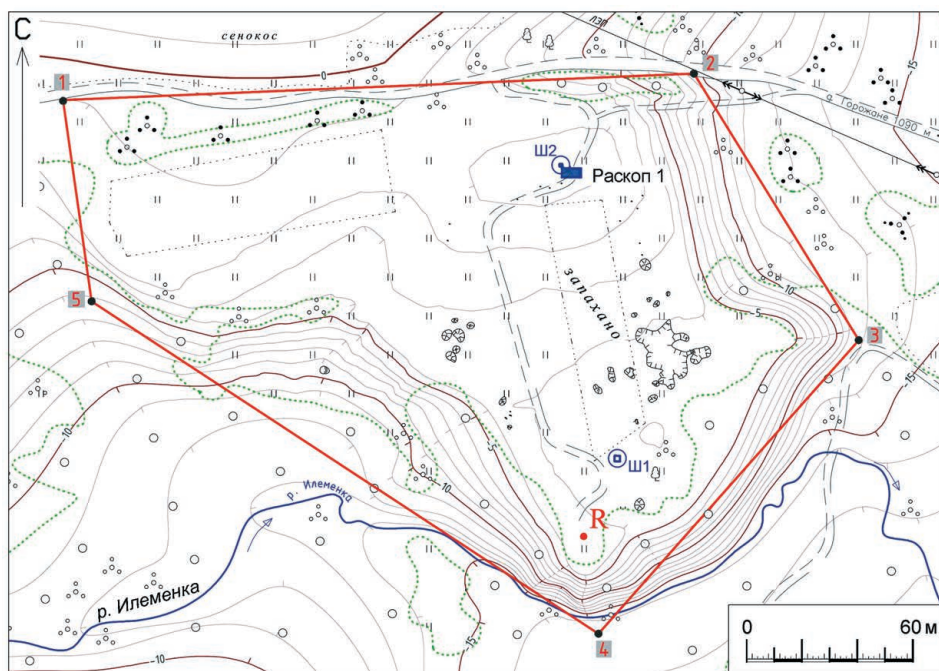

Рис. 1. План поселения у д. Горожане с расположением раскопа 1

инструмент для нанесения циркульного орнамента, фрагмент железного браслета, фрагмент бронзового литого браслета, глиняное пряслице, игла от подкообразной застежки, бронзовая бусина-гирька (рис. 2).

Горизонт пожара насыщен углем, гранитными булыжниками, прослойками песка и глины. На уровне пожара встречено четыре локальных скопления фрагментов керамики.

В слое пожара раскрыты остатки двух отопительных устройств: от одного из них сохранилось глинобитное основание, от второго (печь-каменка) – развал очажных камней (рис. 3). Пока еще нет данных радиоуглеродного датирования, можно говорить о том, что горизонт пожара по монетным находкам (как из раскопа 2017 г., так и из разведочных шурфов) датируется сер. X в.

Из слоя пожара (помимо стеклянных и каменных бус) происходят несколько трапециевидных привесок, ременная накладка, усатый перстень, фрагмент височного кольца, несколько фрагментов литых браслетов, фрагмент спирального перстня, глиняная льячка, железная дужка ведра, пять наконечников стрел, преимущественно ланцетовидных, два фрагмента дирхема, весовая гирька (рис. 4). Вещевая коллекция из раскопа 2017 г. подтверждает первоначальную датировку памятника: X – первая пол. XI в.

Несколько слов о керамическом комплексе раскопа. Из раскопа происходят около 2,5 тыс. фрагментов керамики (16,5 кг). Подавляющее большинство керамики (98%) – лепная. Наиболее распространенными являются типы II, IV, VI,

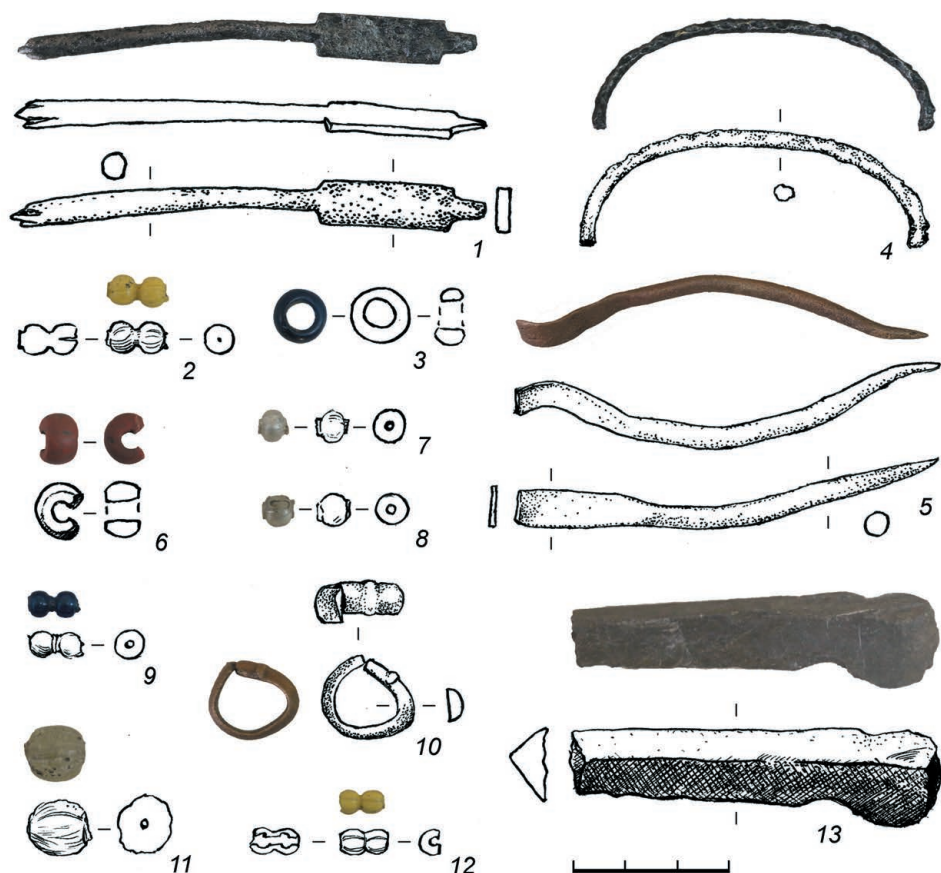

Рис. 2. Поселение Горожане. Находки из пахотного слоя: 1 – инструмент железный; 2 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимоновидная двухчастная желтая; 3 – бусина стеклянная навитая зонная одночастная синяя; 4 – дужка железная; 5 – игла подковообразной фибулы бронзовая; 6 – бусина стеклянная навитая зонная одночастная красная; 7 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимоновидная одночастная прозрачная; 8 – бусина серебростеклянная из тянутой трубочки лимоновидная одночастная; 9 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимоновидная двухчастная синяя; 10 – кольцо цветного металла; 11 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимоновидная одночастная ребристая; 12 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимоновидная двухчастная желтая; 13 – камня точильного фрагмент

выделенные В. М. Горюновой при анализе комплекса керамики Городка на Ловати (Горюнова, 2016. С. 26–29). Это достаточно распространенные группы для региона смоленско-полоцких длинных курганов, а также территории Пскова и его ближайшей округи (Камно) (рис. 5). Находки раннегончарной керамики единичны. Как правило, это стенки богато орнаментированных сосудов.

Значительная площадь поселения, особенности его местоположения, большое количество монетных находок, предметов торгового инвентаря,

Рис. 3. Поселение Горожане. Вид раскопа на уровне горизонта пожара

материальные свидетельства присутствия воинского контингента, развитие ремесла (кузнечного и ювелирного) позволяет отнести поселение Горожане к числу открытых торгово-ремесленных поселений. Совершенно естественно напрашивается сравнение двух синхронных, сравнительно близко расположенных поселений этого типа – Горожан и Городка на Ловати.

Городок находится на берегу Ловати, в то время как Горожане – на самом водоразделе двух крупных бассейнов региона – Ловати и Великой. В литературе неоднократно отмечалось, что Городок возникает на пограничье двух археологических культур – сопок и длинных курганов (Горюнова, 2016. С. 7–13). Правильнее было бы говорить, что ближайшая округа Городка чрезвычайно бедна синхронными памятниками (в первую очередь погребальными). Этот факт лишний раз подтверждает тезис о том, что Городок появляется в отрыве от сельской округи, будучи изначально связанным с трассой торгового пути (водного или сухопутного – отдельная тема).

Горожане, как и Городок, находится на границе распространения сопок и длинных курганов. В округе поселения известен целый ряд могильников с сопками, а в районе истоков Великой находится микрорайон высокой концентрации могильников с длинными курганами (наиболее яркий пример – округа городища Подоржевка).

Принимая во внимание, что раскопанная площадь на Городке в 100 раз превышает площадь раскопов в Горожанах, а также тот факт, что в 70-х годах прошлого столетия было не принято просеивать культурный слой средневековых

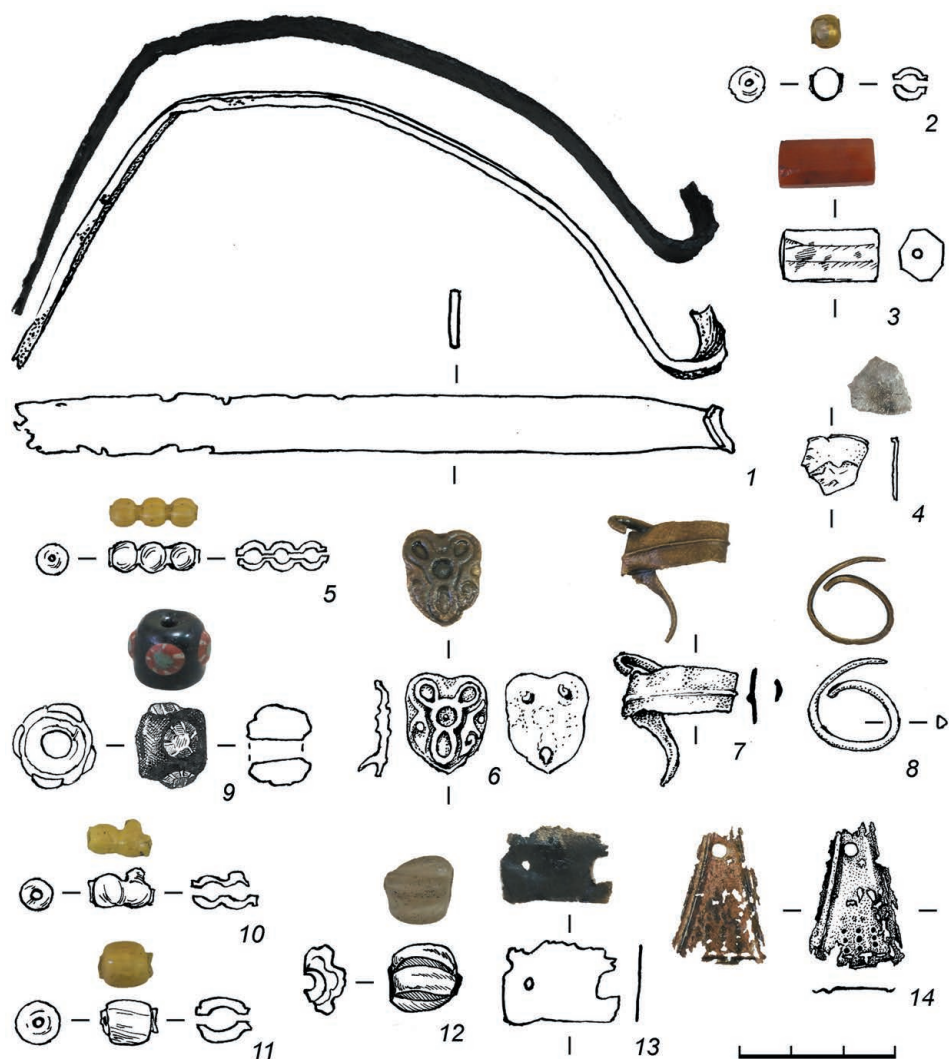

Рис. 4. Поселение Горожане. Находки из горизонта пожара: 1 – дужка ведра железная, фрагмент; 2 – бусина ложнозолотостеклянная (?) из тянутой трубочки лимонovidная одночастная; 3 – бусина сердоликовая восьмигранная красно-коричневая; 4 – дирхема серебряного фрагмент; 5 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимонovidная трехчастная желтая; 6 – накладка бронзовая ременная орнаментированная; 7 – перстень цветного металла широкосрединный с заходящими концами; 8 – кольцо цветного металла проволочное; 9 – бусина стеклянная навитая цилиндрическая одночастная черная с реснитчатыми рельефными глазками; 10 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимонovidная двухчастная желтая; 11 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимонovidная одночастная желтая; 12 – бусина стеклянная из тянутой трубочки лимонovidная одночастная ребристая; 13 – накладка медная с отверстием, фрагмент; 14 – подвеска бронзовая трапецевидная орнаментированная

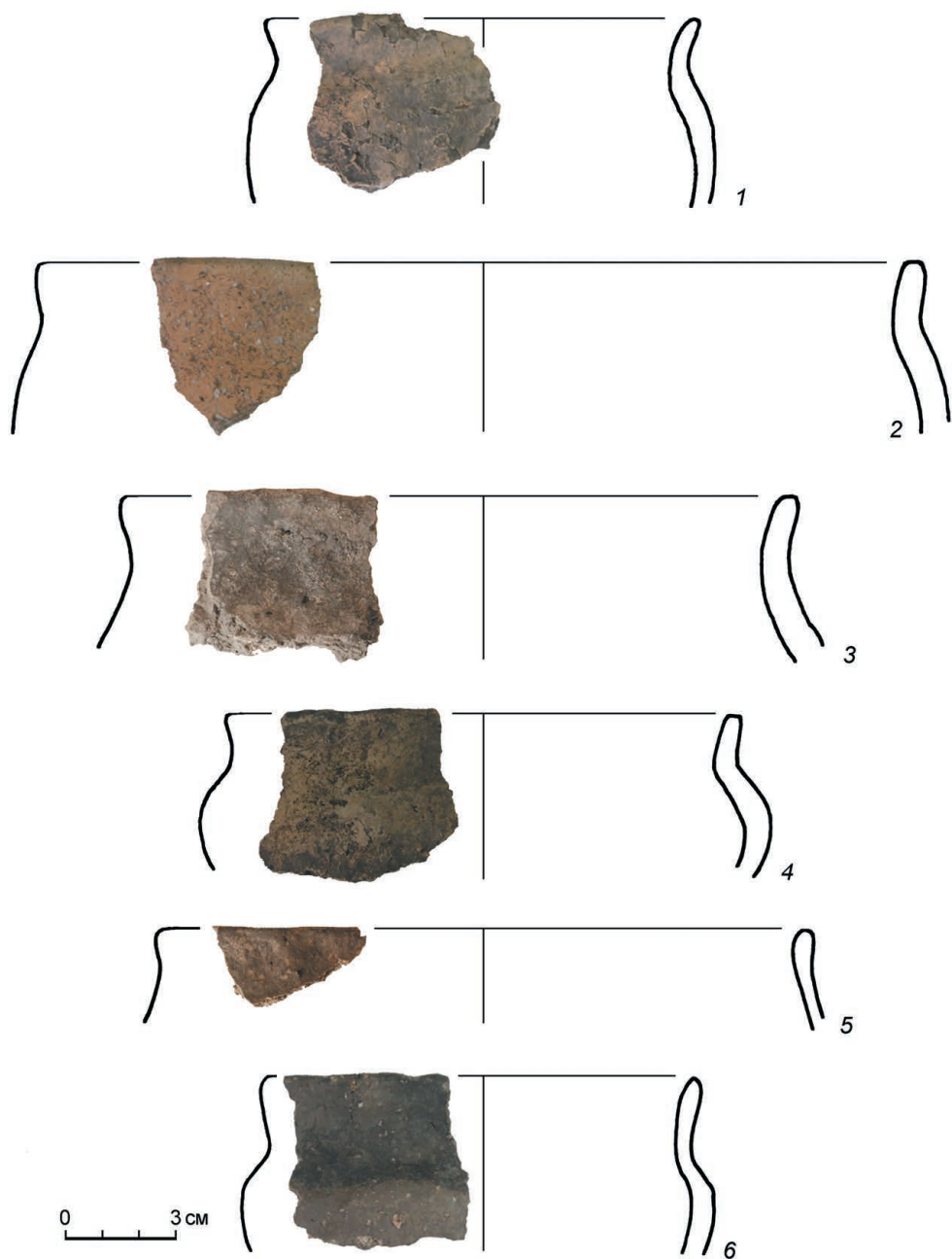

Рис. 5. Поселение Горожане. Лепная керамика

памятников, тем не менее, приведем некоторые цифры для сравнения материальной культуры двух археологических объектов:

	Горожане	Городок на Ловати
Общая площадь, га	3	1
Исследованная площадь, кв. м	29	2484
Весовые гири	3	1
Дирхемы	10	4
Количество находок на 1 кв. м	5,8	?
Количество фрагментов керамики на 1 кв. м	84,7	5,2
Доля лепной керамики от общего объема керамики	98,5%	50,8% (селище) 34,4% (городище)
Доля гончарной керамики от общего объема керамики	1,5%	49,2% (селище) 65,6% (городище)

На основании имеющихся на сегодняшний день данных, поселение Горожане можно считать одним из ключевых пунктов волока между бассейнами Ловати и Великой. В данном случае мы присоединяемся к определению волока, предложенному Н. А. Макаровым: «Средневековый волок – это дорога через водораздел и связанные с ней поселения, одиночные или образующие гнезда» (Макаров, 1997. С. 103). И хотя точно определить маршрут этой коммуникации пока затруднительно, думаю, можно говорить о существовании в X – первой половине XI в. сухопутной дороги (или нескольких дорог), дублировавшей Ловатский участок Пути «из варяг в греки».

Путь «из варяг в греки» стоит рассматривать не как трассу конкретной дороги, идущей по рекам Восточной Европы, а как коммуникационный коридор, сеть трасс (водных и сухопутных), соединявших Северную и Южную Русь. Перемещение по водам Ловати в IX–X вв. вряд ли было возможным, по крайней мере, экономически нецелесообразным.

Литература

- Горюнова В. М., 2016. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). Труды ИИМК РАН. Т. XLVII. СПб.: Дмитрий Буланин. 328 с.
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий. 386 с.
- Михайлов А. В., 2018. Исследования поселения Горожане в 2018 г. // АИППЗ. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (2017 г.).

* * *

Михайлов Александр Валерьевич, Псков,
ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области».
E-mail: navigarch@gmail.com

М. А. Васильев

Арабский дирхем с граффити с поселения Горожане

Резюме. В 2016 году в фонды Псковского музея-заповедника поступила частная коллекция археологических предметов, собранных в 2011–2012 гг. на поселении Горожане на юге Псковской области. Основная часть предметов датируется X–XI вв. н. э. Монетная часть коллекции состоит из 245 куфических монет. В ней выделяется дирхем с граффити на обеих сторонах, состоящих из изображений ромбоконечного креста, стяга и стрелы. Аналогии изображений встречаются среди граффити на монетах из Гнёздовского поселения и Клейменовского кладов, а также на трапециевидных геральдических подвесках со знаками Рюриковичей.

Ключевые слова: Псков, Гнёздово, дирхем, граффити, знаки Рюриковичей, геральдика, нумизматика.

M. A. Vasiliev. Arabic Dirham with Graffiti from the Settlement Gorozhane

Abstract. In 2016, the Pskov Museum-reserve received a private collection of archaeological items collected in 2011–2012 at the settlement of Gorozhane in the South of the Pskov region. The main part of the items dates back to the 10th – 11th cc. AD. The coin part of the collection consists of 245 dirhams. It highlights a dirham with graffiti on both sides, consisting of images of a pointed-rhomboid cross, a banner and an arrow. Analogies of the image are found among the graffiti on coins from the Gnezdovo settlement and Kleimenovo hoard, as well as on heraldic pendants with Riurikid signs.

Keywords: Pskov, Gnezdovo, dirham, graffiti, Riurikid signs, heraldry, numismatics.

В 2016 году в фонды Псковского музея-заповедника поступила частная коллекция археологических предметов, собранных в 2011–2012 гг. на поселении Горожане в Новоскольническом районе Псковской области (ПГОИАХМЗ, КП № 36929, шифр П-16-ПГОР). Коллекция включала более 1000 предметов. Анализ категорий предметов (восточное монетное серебро, торговый инвентарь, детали поясного набора, предметы вооружения и элементы снаряжения всадника) и обследование указанного места позволяют отнести выявленный объект к открытым торгово-ремесленным поселениям. Монетная часть коллекции состоит из 245 куфических монет (*Михайлов*, 2018. С. 110–111).

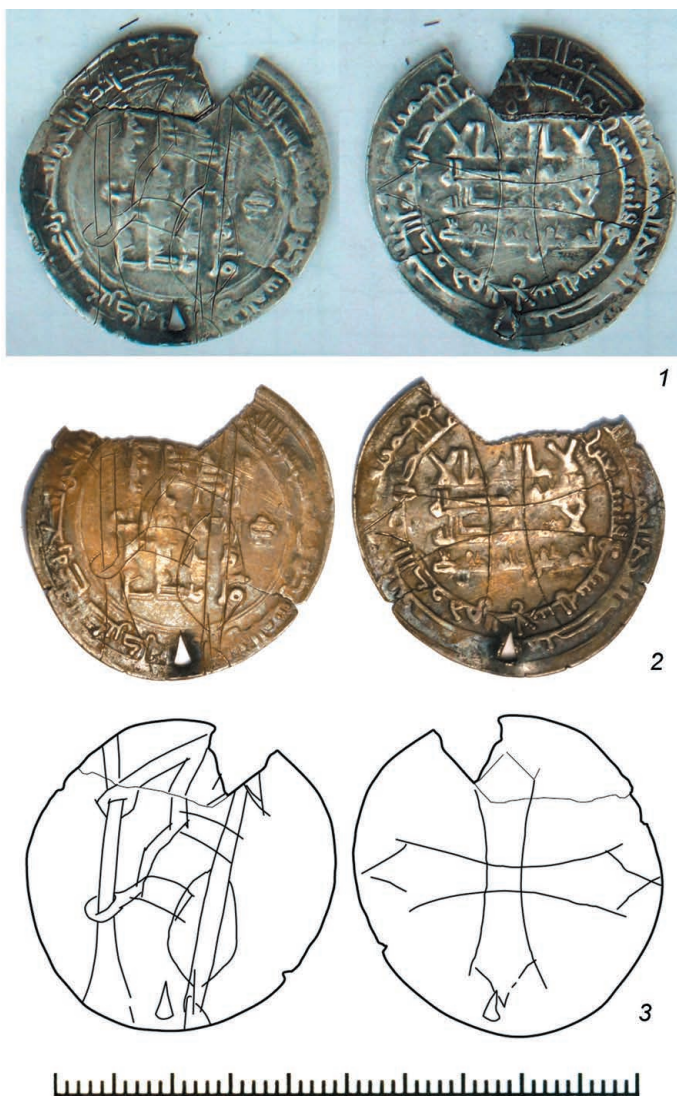

Рис. 1. Дирхем из коллекции находок с поселения Горожане.

1 – состояние монеты на 2011г; 2 – состояние монеты на 2016 г; 3 – прорисовка граффити

В нумизматической коллекции наибольший интерес представляют монеты с граффити. Среди них особенно выделяется саманидский дирхам Ахмада ибн Исма'ила, чеканенный в Балхе в 296 г. х. или 908/9 г. н.э. (определение В. С. Кулешова) (рис. 1). Граффити нанесены на обе стороны монеты. Кроме того, в монете имеется треугольное отверстие – вероятно, для использования ее в качестве привески.

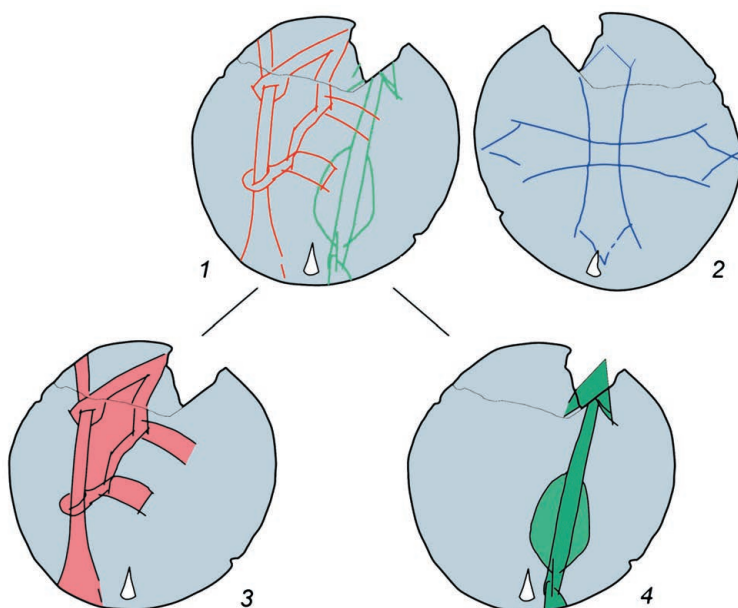

Рис. 2. Выделение составных элементов граффити.

1 – стяг и стрела; 2 – ромбиконечный крест; 3 – стяг; 4 – стрела с двушпильным наконечником

На одной из сторон изображен равноконечный крест с ромбовидными лопастями (рис. 2: 2). И. Хаммарберг и Г. Рисплинг датируют появление граффити больших крестов на монетах в Швеции серединой X в. (*Нахапетян, Фомин, 1994. С. 167*). Форма креста находит аналогии с монетами типов «Bird Coin» и «Cross Coin» (рис. 3: 5, 6; *Сорокин, 2015. С. 116; Kovalev, 2015. P. 171*) и с изображением креста на голове птицы на подвеске со знаком Рюриковичей, найденной при раскопках камеры № 6 в Пскове в 2008 году (*Ершова, Яковлев, 2016. С. 404–414*) (рис. 3: 4). Сходную форму можно отметить у некоторых ранних нательных крестиков из раскопок Пскова (*Яковлева и др., 2012. С. 155, рис. 11: 5, 6*). Ряд исследователей именуется данный тип креста «крестом византийского типа» и связывает его появление на монетах с политическими событиями второй половины X в. (*Сорокин, 2015. С. 126*). Р. Ковалев, который первоначально присоединялся к этой точке зрения, после дополнительного изучения отказался от него: по мнению исследователя, такой крест не может называться «византийским», так как в византийском искусстве раннего средневековья аналогий ему нет (*Kovalev, 2015. P. 171–173*). Источником подобной формы креста он считает крестообразные броши (Cross-Shaped Brooch; рис. 3: 2, 3) с «территории Каролингов» (*Kovalev, 2015. P. 178*). Примечательно, что «убедительным визуальным мостом структурной эволюции» от броши до ромбиконечного креста Р. Ковалев считает крестик, обнаруженный в декабре 2003 г. в Пскове, на Старовознесенском раскопе I, в камерном погребении № 1 (Там же; *Яковлева и др., 2012. С. 152, рис. 9: 1*) (рис. 3: 1).

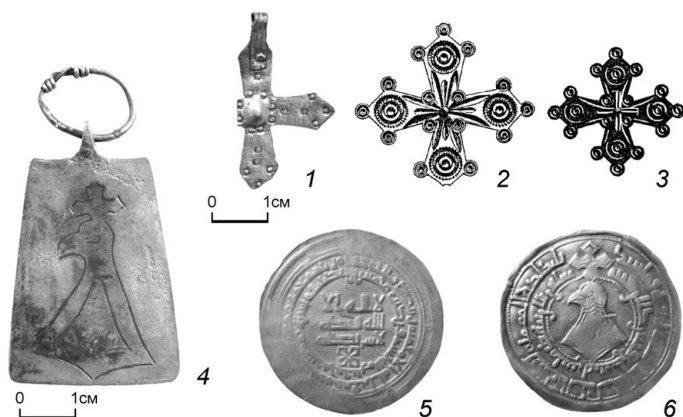

Рис. 3. Аналогии форме креста.

1 – крест из погр. 1 Старовознесенского некрополя; 2, 3 – крестообразные броши эпохи Каролингов; 4 – подвеска со знаком Рюриковичей из погр. 6 Старовознесенского некрополя; 5 – монета типа *Cross Coin*; 6 – монета типа *Bird Coin* (2, 3, 5, 6 – по: Kovalev, 2015. P. 162, 170, 175)

На обратной стороне монеты нанесено изображение стяга с тремя кистями и стрелы с оперением (?) и двушипным наконечником (рис. 2: 1). По классификации из специальной монографии, данные граффити относятся к 4-й группе – предметные изображения (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991. С. 29, 30).

Очень похожее изображение стрелы имеет дирхем из раскопок Гнёздовского археологического комплекса (рис. 4: 1). Это монета № 411 (Наханетян, Фомин, 1994. С. 208), относящаяся ко времени правления Наср б. Ахмеда из династии Саманидов и отчеканенная в 915/916 г. н.э. Монета обнаружена в 1971 г. в ходе археологических работ на восточном селище, в шурфе № 4 (Там же. С. 197).

Еще более интересным представляется дирхем из состава Клейменовского клада, обнаруженного в 1972 г. в Московской области. Клад состоял из 227 серебряных куфических монет. Младшая из монет в кладе датируется 922/3 г. н.э. На монете № 259 (Наханетян, Фомин, 1994. С. 205) изображен крест с ромбовидными лопастями, а на обратной стороне – стяг четырьмя кистями (рис. 4: 2). Дирхем относится ко времени правления того же Наср б. Ахмеда, год чеканки – 916/917 г. н.э. (Там же. С. 190)

В результате мы имеем три монеты, близкие по времени чеканки: 908/909 (Горожане); 915/916 (Гнёздово); 916/917 (Клейменово) на которых в сумме по два раза повторяются три изображения, практически идентичные в деталях (стрела, крест, стяг). Можно довольно уверенно предположить единое происхождение этих трех граффити.

Хотя изображение стяга встречается на куфических монетах в достаточном количестве (рис. 4: 3–7), стяг, изображенный на монетах из Горожан и клейменовского клада, заслуживает подробного рассмотрения. Это деталь-

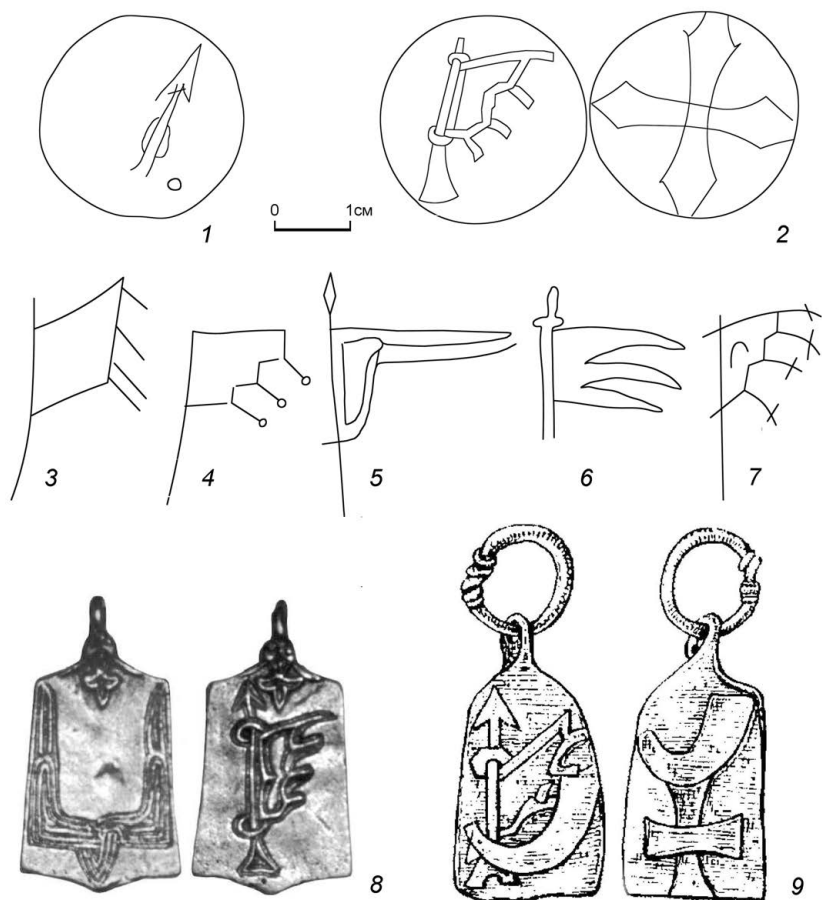

Рис. 4. Граффити на монетах и подвески со знаками Рюриковичей.

1 – монета из раскопок Гнёздовского комплекса; 2 – монета из клейменовского клада; 3–7 – граффити, изображающие стяги; 8 – подвеска из Гнёздова; 9 – подвеска из городища Каукай (1, 2, 7 – по: *Нахапетян, Фомин, 1994. С. 200, 205, 209*; 3–6 – по: *Добровольский и др., 1991. С. 67*; 8, 9 – по: *Белецкий, 2012. С. 444; 2017. С. 39*)

но прорисованное изображение, в котором можно выделить: древко, расширяющееся книзу; петли, которыми стяг прикреплен к древку; «кайму» и кисти (3 кисти на монете из Горожан и 4 на монете из клейменовского клада). Такой же детально проработанный стяг имеется на двух трапециевидных геральдических подвесках со знаками Рюриковичей (рис. 4: 8, 9). На подвеске № 40 (рис. 4: 8), происходящей из подъемного материала в Гнёздове, на стороне «А» помещено изображение двузубца, на стороне «Б» – изображение «стяга». Подвеска № 53 (рис. 4: 9), происходящая с городища Каукай (Литва), имеет изображение двузубца с крестовидной ножкой, принадлежавшего Ярополку Святославичу, и стяга (*Белецкий, 2012. С. 443*).

С. В. Белецкий высказывает предположение, что такой «стяг» является социально-престижным символом, который мог принадлежать воеводе Свенельду. «И именно два социально-престижных изобразительных символа – «птица с крестом» и «стяг» – сопровождают на геральдических подвесках двузубец Святослава. Заманчиво признать, что один из этих двух символов принадлежал Ольге, а другой – Свенельду» (Белецкий, 2017. С. 48). Подвеску № 40 С. В. Белецкий датирует временем правления Святослава Игоревича (Там же. С. 47).

Несмотря на очевидное сходство изображения стяга на дирхемах (Горожане, Клейменово), имеется и некоторое отличие этих символов. Древко знамени на трапециевидных подвесках, заканчивается двушипным наконечником, тогда как древки, изображенные на монетах, таких деталей не имеют. Возможно, двушипный наконечник на вершине древка появился от слияния двух символов – стяга и стрелы, которые в граффити на дирхемах существуют по отдельности.

Можно предположить, что данные граффити отражают некоторый этап формирования будущего социально-престижного изображения. Также представляется важным, что монета из коллекции предметов с поселения Горожане – вторая монета с граффито ромбоконечного креста на территории России (после монеты № 259 из клейменовского клада). Изображение такого креста является частью второго известного социально-престижного изображения (птица с крестом). Возможно, обнаружение данной находки позволит лучше решить вопросы, связанные с поиском истоков этого символа.

Литература

- Белецкий С. В., 2012. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. Перевод Д. Лихачева, О. Творогова. СПб.: Вита Нова. С. 431–506.
- Белецкий С. В., 2017. Геральдическая подвеска № 136 и трезубец Владимира Святославича // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ: Лаурус. С. 36–49.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1991. Граффити на восточных монетах. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 192 с.
- Ершова Т. Е., Яковлев А. В., 2016. Подвеска со знаком Рюриковичей и изображением птицы с крестом из камерного погребения 6 Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Том II. СПб.: Нестор-История. С. 395–414.
- Михайлов А. В., 2018. Исследования поселения Горожане в 2016 // АИППЗ. Заседание 63 (2017 г.). Вып. 33. М.; Псков. С. 110–119
- Нахапетян (Флерова) В. Е., Фомин А. В., 1994. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М.: Наука. С. 139–208.
- Сорокин И. Ю., 2015. О происхождении и датировке «христианских» подражаний саманидским дирхемам // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. СПб. С. 119–129.

Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В., 2012. Псков // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., Вологда: Древности Севера. С. 138–161.

Kovalev R., 2015. Where Did Rus' Grand Princess Olga's Falcon Find Its Cross? // Festschrift For Thomas T. Allsen In Celebration Of His 75th Birthday (Archivum Eurasiae Medii Aevi. 21). Wiesbaden. Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG. P. 136–183.

* * *

Васильев Михаил Анатольевич, Псков, ГБУК ПО АЦПО.
E-mail: patrapraf@gmail.com

И. В. Стасюк

Истоки формирования системы погостов на западе Новгородской земли¹

Резюме. Статья посвящена исследованию сложения погостской системы Новгородской земли в ее северо-западной части – Ижорской возвышенности. Анализируется пространственное размещение погостских центров («погостов-мест»), территории, их ландшафтная приуроченность и взаимосвязь с картиной расселения I – начала II тыс. н. э., выявляемой по археологическим данным.

Ключевые слова: Новгородская земля, Ижорская возвышенность, история расселения, погосты.

I. V. Stasyuk. Origins of the Pogost System Formation in the West of Novgorod Land

Abstract. The article is devoted to the study of the pogost (local administrative centre with parish church in medieval Russia) system of Novgorod land in its North-Western part – the Izhora upland formation. The article analyzes the spatial location of pogost centres (“pogost-places”), territories, landscape confinement and coherence with the settlement pattern of the 1st – beginning of the 2nd millennium AD, according to the archaeological data.

Keywords: Novgorod region, Izhora upland, history of resettlement, pogosts.

Деление на погосты – особенность средневекового территориального устройства Новгородской и Псковской земель, просуществовавшая с некоторыми изменениями более восьми столетий². Ее происхождению и развитию посвящена обширная историография (см.: *Селин*, 2003. С. 30–47; *Пла-*

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Погосты как центры сбора податей существовали в домонгольский период если не во всех, то в большинстве древнерусских земель (*Горский*, 2013). Однако в Новгородской и Псковской землях погостское деление получило наибольшее развитие, сохраняло актуальность значительно дольше других территорий и наиболее полно отражено в источниках.

тонова, 2012). Долгое время основу исследований составляли письменные и картографические источники (Неволин, 1853; Сергей (Тихомиров), 1905; Андрияшев, 1914; Насонов, 1951; Янин, 1978; Фролов, 2001, 2007; Фролов, Пиотух, 2008 и др.), но уже с 1980-х гг. все более важную роль начинают играть результаты археологических работ (Залевская, 1982; Платонова, 1984; 1988; Харлашов, 1990, 2001; Кузьмин, 1990; Носов, 1993; Попов, 1992; Лесман, 1995; Рябинин, 2001. С. 118–125; Михайлова, 2008. С. 215–228; Бельский, 2012. С. 184–191; Бузов, 1993; 1994; 1995; 1995а и др.). При этом внимание современных исследователей часто привлекают микрорегиональные и локальные сюжеты, вплоть до исторической географии отдельных погостов. Такие комплексные исследования на основании письменных, картографических и археологических источников, данных физической географии и ландшафтоведения становятся возможными для компактных территорий, хорошо изученных археологами и обеспеченных достаточным корпусом письменных источников. Одной из таких территорий на северо-западе Новгородской земли является Ижорская возвышенность. В данной работе анализируется пространственное размещение погостских центров («погостов-мест») на ее территории, их ландшафтная приуроченность и взаимосвязь с картиной расселения I – начала II тыс. н. э., выявляемой по археологическим данным.

Центры погостов, зафиксированные писцовыми книгами XVI в., были в основном верно идентифицированы и локализованы К. А. Неволиным. Большая часть его локализаций принята в данной работе, однако для четырех из 18 рассмотренных погостов-мест необходимо внести уточнения.

Вопрос о центре Каргальского погоста К. А. Неволин оставил открытым, поскольку в писцовой книге 1500 г. он не указан (Неволин, 1853. С. 135). Е. А. Рябинин предположил, что Каргальский погост – относительно позднее образование, сложившееся на основе погоста «в Копорье», отмеченного летописью под 1240 г. (Рябинин, 2001. С. 13). О. В. Овсянников и А. Н. Кирпичников полагали, что Копорье было центром Каргальского погоста в XV–XVI вв. (Овсянников, 1976. С. 38; Кирпичников, 1984. С. 157). Со второй половины XIII в., после возведения каменной крепости, Копорье становится военным и административным центром всего региона, и его погостская функция уходит на второй план, однако есть все основания считать центром Каргальского погоста именно Копорье.

Двойной топоним в наименовании Ильинского Замошского погоста «в Богунницах» побудил К. А. Неволина отождествить его центр с Замошьем (*Satockoi*), отмеченным на карте Бергенгейма (Неволин, 1853. С. 133). Однако в источниках ранее последней четверти XVII в. в Замошском погосте не упоминается собственно Замошье. Эта локализация не была принята последующими исследователями, которые в соответствии с текстом писцовой книги 1500 г. «у Ильи Святого на погосте село Бегуницы» помещали центр Ильинского Замошского погоста в д. Бегуницы (Сергий (Тихомиров), 1905; Рябинин, 2001. С. 120).

Центр Никольского Суйдовского погоста обычно соотносят с д. Суйда на одноименной речке (Неволин, 1853. С. 131; Сергей (Тихомиров), 1905;

Стасюк, 2014. С. 299), однако на сегодняшний день нет полной ясности с его локализацией. На основе шведских поземельных описаний Ингерманландии XVII в. Д. С. Рябов предположил, что центр погоста находился в д. Погост, расположенной в 3 км юго-восточнее современной Суйды и известной у финнов-ингерманландцев как *Vanha Pokosti* – «Старый Погост». Эта версия представляется более убедительной.

Центр Никольского Грезневского погоста К. А. Неволин отождествлял с деревней Грезна в верховьях Оредежа (Неволин, 1853. С. 131). Однако существующая ныне деревня Грязно (Грезна) на левом берегу Оредежа, которую я ранее вслед за К. А. Невוליным и П. И. Кепшеном полагал центром погоста (Стасюк, 2010. С. 424, 425; 2014. С. 299), соотносится с деревней Грязинка, упоминаемой в шведских поземельных описаниях с 1640-х гг. и отмеченной на ряде карт последней четверти XVII – начала XVIII в. Центром погоста она не являлась. Согласно разработкам Д. С. Рябова, в первой шведской переписи 1618–1623 гг. упоминаются два поселения: пустошь *Gräsna* (вместе с пустошью *Harina*, совместно с которой писалась на всем протяжении шведского владения) и деревня *Gräsna*. Писцовая книга 1626 г. уточняет название первой из них: *Gräsna Kyrckie by*, т. е. церковная деревня, что позволяет отождествить ее с погостом-местом. Пустошь (с 1650-х гг. – деревня) *Harina* (*Harinå, Harino*, Гарина) на картах показана на восточной границе с. Рождествена, т. е. на правом берегу Оредежа, над речкой Грезной. Деревня Грезно на р. Грезне, описанная в 1499 г., в начале XVIII в. вместе с соседними поселениями составила д. Большую Грязну, и в 1713 г., по построении церкви Рождества Богородицы, переименована в с. Рождествено³. Таким образом, погостской центр следует считать располагавшимся на правом берегу р. Оредеж, на территории нынешнего Рождествена, близ устья речки Грезны: либо непосредственно при впадении ее в Оредеж, либо в 900 м к востоку, выше по течению, в конце парка усадьбы Рождествено, где, согласно зафиксированному в конце XIX в. местному преданию, находился «храм времен Ивана Грозного» (Историко-статистические... 1884. С. 423, 424).

Согласно «Повести временных лет», первые погосты учредила Ольга в 947 г. во время похода к Новгороду с целью упорядочения сбора дани. Их география описана летописцем обобщенно: «устави по Мьсть повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты» (ПВЛ, 1950. С. 43). Письменные источники не сообщают, когда погостская система была распространена на Ижорское плато, однако, учитывая активную «чуждскую» политику Владимира Святославича и Ярослава Владимировича, можно с большой уверенностью предполагать, что какая-то часть погостов уже существовала здесь во второй половине X – первой половине XI в.

Древнерусские погосты-округа традиционно рассматриваются как административно-фискальные единицы (Васильев, Вихрова, 2014. С. 123), при

---

³ Выражаю искреннюю благодарность Д. С. Рябову за возможность ознакомиться с рукописью книги, находящейся в печати.

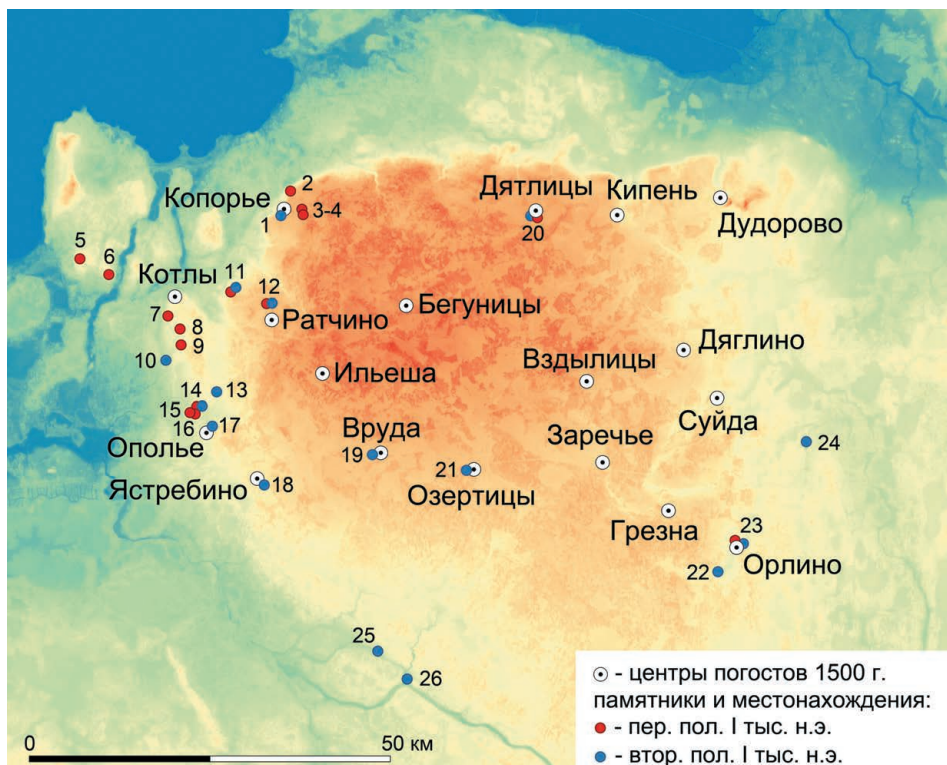

Рис. 1. Погосты-центры Ижорской возвышенности и археологические памятники

I – начала II тыс. н. э. 1 – Копорье; 2 – Юрьевский клад; 3, 4 – Копорские клады; 5 – Валговицы; 6 – Великоино; 7 – Пумалицы; 8 – Войносоволово; 9 – Георгиевский; 10 – Пиллово 2 (Втырка); 11 – Удосолово; 12 – Ратчино; 13 – Валья; 14 – Малли (Керстово 2); 15 – Коммунар; 16 – Керстово 1; 17 – Ополье; 18 – Беседа; 19 – Вруда; 20 – Дятлицы 1 и 2; 21 – Озертицы; 22 – Заозерье 1; 23 – Орлино; 24 – Вырица; 25 – Красный Маяк; 26 – Лемовжа

этом местоположение погоста-центра определяется расположением и доступностью тянущих к нему селений. Первые погосты должны были учреждаться в местах, наиболее удобных для сбора податей с округи и их последующей транспортировки. К X в. на Ижорском плато уже существовали сложившиеся очаги расселения, маркированные могильниками с сожжениями, причем основы этой сети расселения закладывались еще в римское время (Стасюк, 2012; Михайлова, 2017. С. 29, 30). При картировании всех известных на сегодняшний день памятников и местонахождений I – начала II тыс. н. э. обнаруживается ряд закономерностей.

Во-первых, памятники I – начала II тыс. группируются в выраженные кластеры, которые занимают компактные участки местности с однородными условиями. Выделяются следующие кластеры (рис. 1):

1. Копорский кластер: Юрьевский клад, Копорские клады (раннее римское время); предполагаемый разрушенный могильник или поселение

третьей четверти I тыс. на месте крепости; серия случайных находок VIII–XI вв. из окрестностей крепости.

2. Ратчинский кластер: могильник с сожжениями и труположениями Ратчино 1 (раннее римское время и X–XIII вв.); Удосолово (каменный могильник I–VIII/IX вв.).

3. Котельско-Войнословский кластер: группа местонахождений I тыс. у деревень Войнослово и Георгиевский; предполагаемый каменный могильник Пумалицы; городище Втырка.

4. Опольский кластер: каменные могильники Керстово 1 и 2, могильники с сожжениями и труположениями Коммунар (третья четверть I тыс.), Ополье, Валья (X–XII вв.).

Во-вторых, все выявленные кластеры и отдельные находки I – начала II тыс. приурочены к окраинам возвышенности (часто – к истокам рек) и располагаются в краевой зоне Ижорского ландшафтного района. По своим природным условиям эта зона является переходной, она отличается как от типичной центральной части плато (безводная карстовая равнина), так и от окружающих лесисто-болотистых низменностей среднего и нижнего Полужья. Для нее характерно сочетание преимуществ обоих контрастных ландшафтных районов: преобладание плодородных дерново-карбонатных почв и наличие значительного числа мелких водотоков – речек и ручьев с родниковым питанием.

В-третьих, к этим кластерам и находкам тяготеет заметная часть центров средневековых погостов; фактически их расположение накладывается на выявленные кластеры. Наиболее значительные кусты могильников, датируемых периодом от римского времени до эпохи викингов включительно, отмечены вокруг центров Опольского, Голдожского и Каргальского погостов. Меньшие по размеру, но также значимые кластеры ранних памятников сгруппированы вокруг центров Ратчинского и Дятелицкого погостов. Отдельные находки комплексов или предметов известны у центров Озерецкого, Врудского, Орлинского и Ястребинского погостов. Рассмотрим эти находки подробнее.

Центр **Опольского погоста** – с. Ополье, к северу от которого на удалении 1–5 км расположен крупнейший из известных в настоящее время на Ижорском плато кластер памятников I – начала II тыс. н. э. К раннеримскому времени относится каменный могильник **Керстово 1 (Новоселки)** (Юшкова, 2015. С. 193), к третьей четверти I тыс. н. э. – могильник **Коммунар** (Михайлова, Федоров, 2011. С. 74). Крупнейший в регионе могильник **Керстово 2 (Малли)** начинает функционировать в раннее римское время как каменный могильник с оградками и развивается в каменную насыпь без упорядоченной структуры, которая содержит захоронения второй-третьей четверти I тыс. н. э. В эпоху викингов захоронения по обряду сожжения совершаются в грунтовых ямках, а в XI–XII вв. появляются ингумации под невысокими курганами (Стасюк, 2013; Юшкова, 2015). Находки из разрушенного могильника **Ополье** датируются X – началом XII в. (Стасюк, 2008). К этому же времени относятся находки из могильника **Валья**, хранящиеся в краеведческом музее г. Кингисепп. Одиночный средневековый курган известен у д. **Федоровка** (Латшин, 1990. С. 103). На берегу р. Нейма между деревнями Малая и Большая **Пусто-**

мержа найден монетный клад конца X в., недавно поступивший в собрание Государственного Эрмитажа.

Центр **Никольского Толдожского** погоста – д. Котлы, близ которой расположен второй по размерам и насыщенности кластер археологических памятников I тыс. н. э. Южнее погоста, у д. **Пумалицы** зафиксирована каменная насыпь – предполагаемый каменный могильник (Федоров, Мурзенков, 2012. С. 242, 243). Местонахождения **Георгиевский** и **Войносоволово** маркируют местоположение распаханых могильников римского времени и начала эпохи Великого переселения народов (Сорокин, Юшкова, 2014. С. 317). В д. **Войносоволово** известны средневековое селище, два курганных могильника и скопление средневековых каменных крестов. Из окрестностей деревни происходит серия случайных находок второй половины I тыс. н. э. Средневековый курганный могильник **Пиллово 1** расположен на западной окраине д. Пиллово, многослойное городище **Пиллово 2** – на удалении 10 км юго-западнее центра погоста. Наиболее активная фаза его функционирования, отмеченная интенсивным накоплением культурного слоя и возведением укреплений, относится к последней четверти I – началу II тыс. н. э. (Михайлова и др., 2016. С. 264). Таким образом, район между Ополем и Котлами к началу древнерусского времени был хорошо освоен и заселен, его культурный ландшафт формировался в течение всего I тыс. н. э.

Среди находок из нижнего слоя **Копорской крепости** присутствует фрагмент булавки с двурогим навершием (Кирпичников, 1984. С. 155. Рис. 71: 2). Это позволяет предположить наличие на Копорском мысу поселения или могильника VII–IX вв., разрушенного при возведении крепости в XIII в. Двурогие булавки типичны для раннесредневекового женского убора Финляндии и Прибалтики (Kivikoski, 1973. Taf. 47, Abb. 440; Аун, 1992. С. 65. Табл. XXVIII; Tõauri, 2012. P. 139). Фрагмент подобной булавки найден нами при раскопках каменного могильника **Удосолово**. В 1,5–2 км восточнее Копорской крепости найдены два **Копорских клада** римских монет и предметов конца I – середины II в. н. э. Зарытия их датируются соответственно 160–170 гг. и 150–160 гг. (Шаров и др., 2011. С. 339, 340). Монеты из **Юрьевского клада**, найденного в 3 км северо-восточнее крепости, датируются второй половиной II в. и, возможно, III в. (Юшкова, 2015. С. 193). Находки определены как клады ремесленников, содержащие монеты и лом украшений для переплавки.

Центр **Егорьевского Ратчинского** погоста – д. Ратчино, в 2 км севернее нее расположен могильник **Ратчино 1**, исследованный нами в 2009–2015 гг. Древнейшие находки относятся к раннему римскому времени (Стасюк, 2017а. С. 143–145). Для последней четверти I тыс. характерны захоронения по обряду кремации (Стасюк, 2017б), с середины XI – начала XII в. появляются ингумации под невысокими курганами. В это же время вокруг Ратчина возникает несколько древнерусских курганных могильников, функционировавших в XII–XIII вв.: **Унатицы, Систа, Сашино, Домашево**. Между Ратчином и Копорьем находится каменный могильник **Удосолово**, функционировавший в I–IX вв. н. э. Таким образом, северо-западный край Ижорского плато также можно считать его древнейшей освоенной частью.

Центр **Покровского Дятелинского** погоста – д. Дятлицы, близ которой известно два древнерусских курганных могильника XII–XIII вв. – **Дятлицы 1 и 2**. При раскопках одного из них в 1927 г. были открыты остатки грунтового трупосожжения рубежа I–II тыс. н. э., перекрытые насыпью позднейшего кургана (Соболев, 2014. С. 293). Ряд случайных находок из окрестностей Дятлиц (щиткоголовая фибула II в. н. э., фрагменты украшений и навершие меча X–XI вв. и др.) указывают на наличие здесь распаханных могильников раннеримского времени и эпохи викингов, местонахождение которых пока не установлено. В 1846 г. у бывшей мызы **Боровская**, в 2,5 км от Дятлиц, был найден монетно-вещевой клад XI в. (Корзухина, 1954. С. 102).

Центр **Покровского Озерецкого** погоста – д. Озертицы. В 500 м юго-восточнее, на холме над карстовым озером, находится действующее кладбище, на котором нами выявлены два каменных креста XIV–XVI вв. В ближайшей округе Озертиц, в радиусе 1–3 км, известен куст могильников XII–XIII вв.: курганные группы **Озертицы 1–3, Введенская, Грызово, Заполье**. В 4–5 км северо-восточнее Озертиц расположен еще один куст древнерусских курганных и жальничных могильников **Рабитицы 1–6** (Лапшин, 1990. С. 96, 97). В 1877 г. Л. К. Ивановский в могильнике у д. Озертицы раскопал 17 древнерусских курганов, среди которых выделяется курган № 10, содержащий остатки «кажется, трупосожжения» (Спицын, 1896. С. 74). В собрании ГИМ из этого комплекса сохранилось копьё со следами кремации. Среди находок А. А. Спицын перечисляет «весы, 2 браслета, 2 пряжки, ключ, 5 ножей, 2 наконечника стрел, 2 наконечника копий, 2 звена железной цепочки из костыльков, обломок железного коробчатого замка, смятые удила, 5 очень подержанных ножей, 2 пряжки, гривна, браслет с расширенными концами, 3 бляшки, длинная железная коробчатая обоймица с петлей, коса» (Спицын, 1896. С. 74). Обилие находок, характерных как для мужских, так и для женских погребений, позволяет заключить, что было раскопано несколько кремаций X – начала XI в.

Центр **Богородицкого Врудского** погоста – д. Большая Вруда. На ее западной окраине расположен крупный курганный могильник. Исследованные Л. К. Ивановским захоронения датируются XII–XIII вв., но выпаханный жителями на окраине могильника ланцетовидный наконечник копья со следами кремации позволяет отнести возникновение памятника к X в. С севера к могильнику примыкает селище XIII–XVI вв., выявленное И. А. Федоровым и автором в 2007 г. В 700 м западнее, между д. Большая Вруда и д. Смердовицы, расположены курганный могильник **Смердовицы 1** и селище **Смердовицы 2** XII–XIV вв. Вокруг Вруды известен ряд древнерусских курганных могильников XII–XIII вв.: **Горицы, Тресковицы, Ямки**.

Центр **Спасского Орлинского** погоста – д. Орлино. С территории деревни из прибрежной части Орлинского озера происходит серия находок раннесредневековых предметов, предположительно, маркирующая место размытого могильника (Михайлова и др., 2019). В 3,5 км южнее, близ южного берега Орлинского озера, на берегу р. Дивенки расположен могильник культуры псковских длинных курганов **Заозерье 1**, предположительно дати-

руемый VI–IX вв. Ближайший известный курганно-жальничный могильник XII–XIII вв. **Заозерье 2** расположен в 10 км южнее погоста.

Центр **Никольского Ястребинского** погоста – д. Ястребино. У погоста расположен грунтовый могильник с каменными крестами **Ястребино 2**. Северо-западнее деревни, на берегу Хревицы, в 1927 г. отмечена группа из трех курганов **Ястребино 1**, ныне утраченная. В 1,2 км юго-восточнее расположены курганные группы XII–XIII вв. **Беседа 1 и 2**. В кургане Беседа 8 Е. А. Рябининым исследовано сожжение рубежа XI–XII вв. – наиболее ранний комплекс в округе Ястребинского погоста (Рябинин, 1997. С. 143).

У погоста в **Бегуницах** расположен одноименный крупный курганный могильник, исследованный Е. А. Рябининым. Наиболее ранние комплексы датируются рубежом XI–XII вв., наиболее поздние – второй половиной XIV в. (Рябинин, 2001. С. 84). В 2 км юго-западнее находится курганный могильник **Гомонтово**, в 5 км севернее – курганные могильники **Лашковицы 1 и 2**, функционировавшие в XII–XIII вв.

В округе центров Зарецкого, Дягиленского, Взылицкого, Суйдовского, Грезневского погостов ранние памятники неизвестны, но в непосредственной близости отмечены древнерусские курганно-жальничные могильники XII–XIV вв. Близ центров Дудоровского, Кипенского, Льешского погостов памятники археологии не зафиксированы.

Сопоставив расположение погостских центров с археологическими памятниками эпохи железного века и Средневековья, можно выделить четыре группы погостов-мест (рис. 2).

Группа 1 – центры погостов, возникшие в очагах древнейшего освоения Ижорского плато. Каргальский, Толдожский, Опольский и Ратчинский погосты возникли в местах, заселенных с раннеримского времени по Средневековье включительно. К началу древнерусского времени эти территории были хорошо освоены и сравнительно плотно заселены, а богатство и длительность совершения захоронений в Малли, Ополе и Ратчино позволяют утверждать, что статус локальных центров закрепился за ними еще до учреждения здесь погостов и был унаследован новгородской административной системой.

Группа 2 – центры погостов, связанные с очагами освоения эпохи викингов/раннего древнерусского времени. Типичным древнерусским курганным могильникам с труположениями здесь предшествуют погребения с сожжениями X – начала XI в. Они открыты во Вруде, Озертицах (курган 10), Бегуницах (курган 17) и, возможно, Ястребино (могильник Беседа). Не исключено, что их появление хронологически совпадает с учреждением первых погостов.

Группа 3 – центры погостов, возникшие в очагах древнерусского расселения XII–XIII вв. Их появление стало результатом «внутренней колонизации»: интенсивного освоения территории возвышенности и развития сети поселений. В этот период начинают функционировать типичные древнерусские курганные могильники близ погостов в Заречье, Тяглино, Дылицах, Суйде и Грязне.

Группа 4 – погосты, в ближайших окрестностях которых памятники археологии не выявлены. Их формирование может быть отнесено к периоду конца XIV–XV в., когда курганы уже не сооружались. Но учитывая их

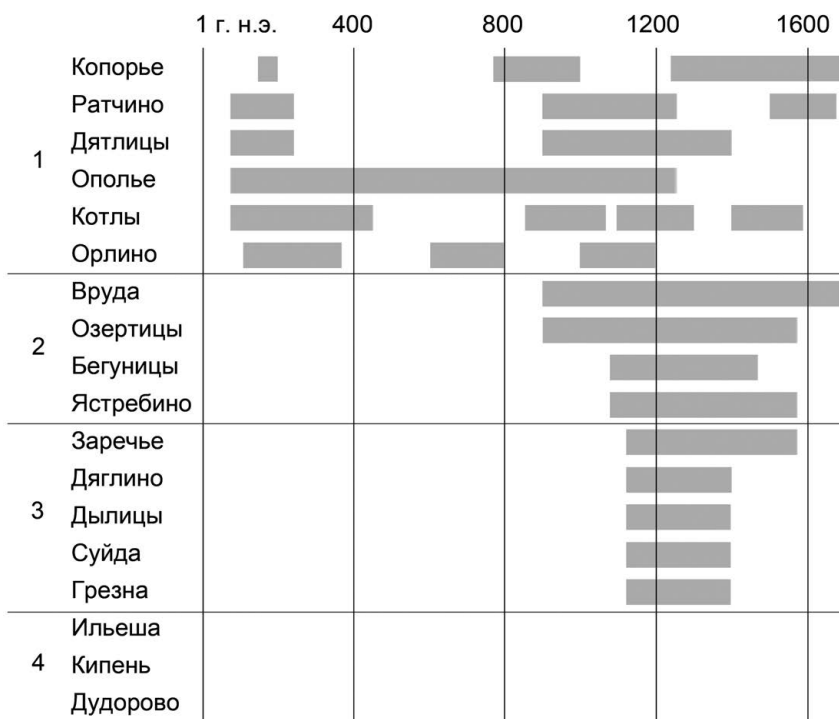

Рис. 2. Группы погостов-мест Ижорского плато.

1 – погосты, тяготеющие к кластерам памятников I – начала II тыс. н. э.; 2 – погосты, тяготеющие к кластерам памятников эпохи викингов и раннего Древнерусского времени; 3 – погосты, тяготеющие к кластерам памятников XII–XIII вв.; 4 – погосты, вблизи которых археологические памятники неизвестны

топографическую близость к погостам группы 3 и очагам древнерусского расселения, нельзя исключать, что курганы в их окрестностях по различным причинам не сохранились или не обнаружены.

Выявляется географическая закономерность в размещении выделенных групп погостов (рис. 3). Погосты первой группы объединены общей ландшафтно-топографической приуроченностью к краевой зоне Ижорского плато и тяготением к бассейну нижней Луги. Они расположены на западных склонах плато и в зоне глинта. Особняком стоит Орлинский погост, расположенный за пределами возвышенности, в Лужско-Оредежском ландшафтном районе. Здесь присутствует иная культурно-историческая «подложка» в виде северной периферии культуры псковских длинных курганов, окаймляющих южное подножие Ижорского плато, однако наличествует та же тенденция – тяготение центра погоста к очагу расселения I тыс.

Погосты второй группы тоже расположены на склонах плато в истоках небольших рек, но приурочены к его пологой южной окраине. Исключение – Бегуницы, знаменующие собой отрыв от сложившейся приречной си-

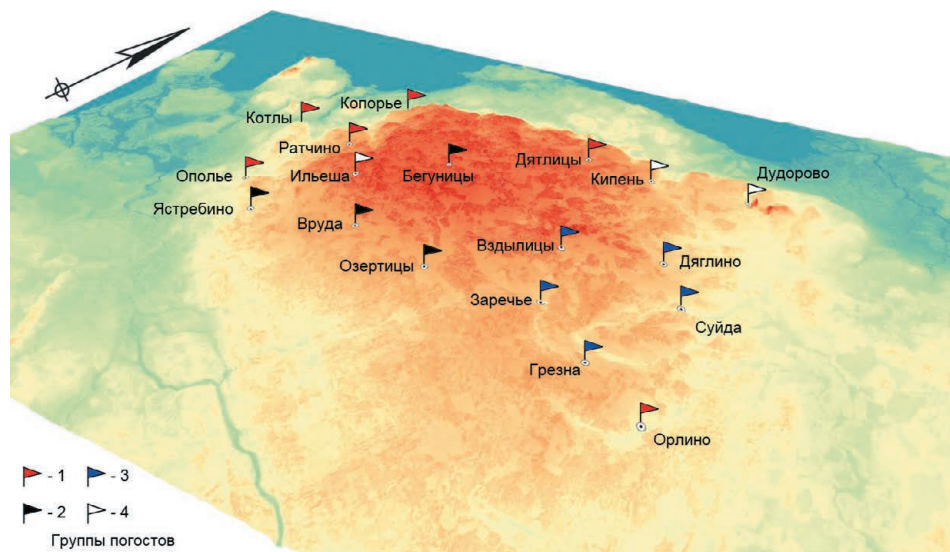

Рис. 3. Географическое распределение групп погостов-мест на территории Ижорского плато

стемы расселения, «взлет» на засушливую водораздельную возвышенность, видимо, с целью освоения наиболее плодородных территорий, покрытых дерново-карбонатными почвами. Возможно также, что Бегуницы возникают как транзитный пункт на формирующейся трассе будущей Водской дороги, связывавшей центр Водской земли – Копорье с Новгородом. В целом же погосты групп 1 и 2 следует полагать древнейшими, возникшими во второй половине X–XI в.

Погосты третьей группы сконцентрированы на юго-востоке возвышенности, в бассейне верхнего Оредежа и Ижоры. В этом ареале неизвестны ранние памятники, и в целом это наблюдение согласуется с выводами Ю. М. Лесмана о направлении древнерусского расселения на плато с запада на восток (Лесман, 1982. С. 72). По всей видимости, эта территория была освоена древнерусскими крестьянами в XII–XIII вв., что и потребовало учреждения новых погостов.

Четвертая группа на данном этапе с трудом поддается анализу из-за отсутствия фактических материалов, однако по косвенным данным (положение в природном и культурном ландшафте) появление этих погостов можно отнести к развитому или позднему Средневековью (XII–XV вв.).

Литература

Андрияшев А. М., 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576. I: Списки селений. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те.

- Аун М.*, 1992. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн: Олион.
- Бельский С. В.*, 2012. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 годов). СПб.: Наука. 238 с., 42 л. ил. (Свод археологических источников Кунсткамеры; вып. 3).
- Буров В. А.*, 1993. Новгородские писцовые книги и археология // РА. № 3. С. 82–87.
- Буров В. А.*, 1994. «А погост Жабна пуст...». М.: ИА РАН.
- Буров В. А.*, 1995. Два гнезда памятников VI–X вв. на Шлине и их судьбы в XI–XVI вв. // Славянская археология. 1990: Раннесредневековый город и его округа. М.: ИА РАН. С. 168–179. (Материалы по археологии России; вып. 2).
- Буров В. А.*, 1995а. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // РА. № 2. С. 44–58.
- Васильев В. Л., Вихрова Н. Н.*, 2014. Некоторые особенности наименования древнегородских погостов и волостей // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3. Шестые международные Шегреновские чтения / Науч. ред.: С. Б. Коренева, О. М. Фишман. СПб.: Европейский дом. С. 123–131.
- Горский А. А.*, 2013. От погоста к волости // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Натальи Александровны Горской / Отв. ред. Н. В. Соколова. М.: Индрик. С. 89–93.
- Залевская Н. И.*, 1982. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 49–54.
- Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Выпуск 8. СПб.: Санкт-Петербургский епархиальный историко-статистический комитет, 1884.
- Кирпичников А. Н.*, 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука. 275 с.
- Корзухина Г. Ф.*, 1954. Русские клады IX–XIII вв. М., Л.: Изд-во АН СССР.
- Кузьмин С. Л.*, 1990. Которский погост (археологическая характеристика микрорегиона в конце I – начале II тыс. н. э.) // АИППЗ (1989 г.). Псков. С. 29–31.
- Латшин В. А.*, 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. I: Западные районы. Л.: ЛВВИСУ. 127 с.
- Лесман Ю. М.*, 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: ЛГУ. С. 65–74.
- Лесман Ю. М.*, 1995. Древнерусский Тесов // Древности Северо-западной России. К 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова / Отв. ред. А. Н. Мазуркевич. СПб.: Изд-во ГЭУ. С. 78–82.
- Михайлова Е. Р.*, 2008. Исследования селища Которской погост в 2006 г. // АИППЗ. Заседание 53 (2007 г.). Псков. С. 215–228.
- Михайлова Е. Р.*, 2017. Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предыстории пути из варяг в греки // НИС. 16 (26) / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Великий Новгород: НовГУ. С. 4–32.
- Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А.*, 2016. Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // АИППЗ. Заседание 61 (2015 г.). Вып. 31. М. С. 262–275.
- Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Хорошилова А. В.* Комплекс находок из д. Орлино // АВ. Вып. 25. С. 137–145.
- Михайлова Е. Р., Федоров И. А.*, 2011. Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области – предполагаемый могильник I тыс. н. э. // АИППЗ. Заседание 56 (2010 г.). С. 69–77.

- Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР.
- Неволин К. А., 1853. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке. СПб.: Имп. рус. геогр. о-во.
- Носов Е. Н., 1993. О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины) // НИС. 4 (14). СПб.; Новгород. С. 27–39.
- Овсянников О. В., 1976. Копорье. Историко-архитектурный очерк. Л.: Лениздат. 117 с.
- Платонова Н. И., 1984. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли / Отв. ред. Г. С. Лебедев. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 173–187.
- Платонова Н. И., 1988. Сельское расселение и формирование системы погостов на Северо-Западе Новгородской земли // АИППЗ (1988 г.). Псков. С. 93–95.
- Платонова Н. И., 2012. Древнерусские погосты – новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 328–388.
- Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Попов С. Г., 1992. Система расселения второй половины I тыс. н. э. на средней Плюсее // АИППЗ (1991 г.). Псков. С. 55–58.
- Рябинин Е. А., 1997. Курганы с трупосожжениями Водской земли // Славяне и финноугры. Археология, история, культура / Ред. А. Н. Кирпичников СПб.: Дмитрий Буланин. С. 139–145.
- Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин. 260 с.
- Селин А. А., 2003. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб.: Дмитрий Буланин. 493 с.
- Сергий (Тихомиров), 1905. Карты Водской пятины и ее погостов. СПб.: Тип. М. И. Акинфиева.
- Соболев В. Ю., 2014. Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато // Stratum plus. № 5. С. 287–295.
- Сорокин П. Е., Юшкова М. А., 2014. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // АИППЗ. Заседание 59 (2013 г.). Вып. 29. С. 312–322.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб. (МАР; № 20).
- Стасюк И. В., 2008. Могильник у поселка Ополе. Новые данные о ранних этапах освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / Отв. ред. А. В. Виноградов. СПб.: Нестор-История. С. 3–24.
- Стасюк И. В., 2010. Средневековое расселение восточных погостов Копорского уезда Водской пятины: XII – первая четверть XVII вв. // Диалог культур и народов средневековой Европы / Отв. ред.: А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 416–427.
- Стасюк И. В., 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н. э. // Stratum plus. № 5. С. 63–88.
- Стасюк И. В., 2013. Новые находки оружия римского времени и эпохи Меровингов на северо-западе России // Stratum plus. № 4. С. 133–146.
- Стасюк И. В., 2014. О родниках, мечаях и погостах. Заметка к исторической географии запада Новгородской земли // Stratum plus. № 5. С. 297–303.
- Стасюк И. В., 2017а. Находки эпохи римских влияний из могильника Ратчино 1 на Ижорском плато // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины

- I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства / Ред. Д. Г. Савинов, В. Ю. Зуев. СПб.: СПбГУ. С. 143–146.
- Стасюк И. В., 2017б. Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1 // АИППЗ. Заседание 62 (2016 г.). вып. 32. С. 135–152.
- Федоров И. А., Мурзенков Д. Н., 2012. Новые исследования на западе Ижорского плато // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства / Отв. ред. О. А. Щеглова. СПб.: СОЛО. С. 242–243.
- Фролов А. А., 2001. Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 16 с.
- Фролов А. А., 2007. Новгородские писцовые книги: Источники и методы исследования. М., СПб.: Альянс-Архео.
- Фролов А. А., Пиотух Н. В., 2008. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т. 1–3. М.; СПб.: Альянс-Архео.
- Харлашов Б. Н., 1990. К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле // СА. № 1. С. 72–83.
- Харлашов Б. Н., 2001. Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли XVI–XVII вв. // АИППЗ (2000 г.). Псков. С. 106–116.
- Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В., 2011. Находки кладов римских монет в районе Копорья // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб.: Изд. дом СПбГУ. С. 336–360.
- Юшкова М. А., 2015. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // АВ. Вып. 21. С. 187–198.
- Янин В. Л., 1978. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука. С. 23–31.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin & Göös.
- Tvaari A., 2012. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Tartu: Tartu University Press. (Estonian Archaeology; 4).

***

Стасюк Иван Вадимович, Санкт-Петербург,
Институт истории материальной культуры РАН.
E-mail: norroendrengr@mail.ru

П. Г. Гайдук, А. А. Исаев, О. М. Олейников

Открытие некрополя начала XI века в Новгороде

Резюме. В 2017 г. Новгородская экспедиция Института археологии РАН провела исследования в северо-западной части Воскресенской Слободы на строительной площадке жилого дома по улице Обороны, 2. Исследуемый земельный участок расположен на Софийской стороне, за пределами крепостного вала и рва Окольного города. Обнаружены грунтовые захоронения первой половины XI века: 6 прямоугольных погребальных ям, расположенных в ряд, ориентированных по сторонам света и углубленных в материк на 30–60 см. Сохранились лишь фрагменты зубов погребенных. Можно утверждать, что это самый древний могильник, найденный в окрестностях Новгорода. По комплексу вещей и конструкции погребальных сооружений – это аналог могильников Киева, Чернигова, Пскова. В конце XI в. на месте этого кладбища появились усадьбы, огороженные частоколом. Имеется большое количество находок, характеризующих хозяйство и быт живших там новгородцев, а также замечательная сфрагистическая коллекция печатей и пломб XI–XII вв.

Ключевые слова: Новгород, могильник, грунтовые погребения, усадьба, сфрагистика.

P. G. Gaidukov, A. A. Isaev, O. M. Oleynikov. Discovery of the Necropolis of the Early 11th Century in Novgorod

Abstract. In 2017 the Novgorod expedition of the Institute of Archaeology RAS conducted research in the North-Western part of the Voskresenskaya Sloboda at the construction site of a residential building in Oborony street, 2. The land plot under study is located on the Sofia side, outside the rampart and moat of the Roundabout city. Ground burials of the first half of the 11th century were found: 6 rectangular burial pits arranged in a row, oriented to the cardinal directions and deepened into the mainland by 30–60 cm. Only fragments of teeth of the buried were preserved. It can be claimed that this is the oldest cemetery found in the vicinity of Novgorod. According to the complex of things and the shape of burial structures this is an analog of the burial grounds of Kiev, Chernihiv, Pskov. At the end of the 11th century there were manors fenced with palisade on the site of this cemetery. There is a large number of finds that characterize the economy and life of the Novgorodians who lived there, as well as a remarkable sphragistic collection of bullae and stamp seals of the 11th and 12th centuries.

Keywords: Novgorod, cemetery, ground burials, manor, sphragistics.

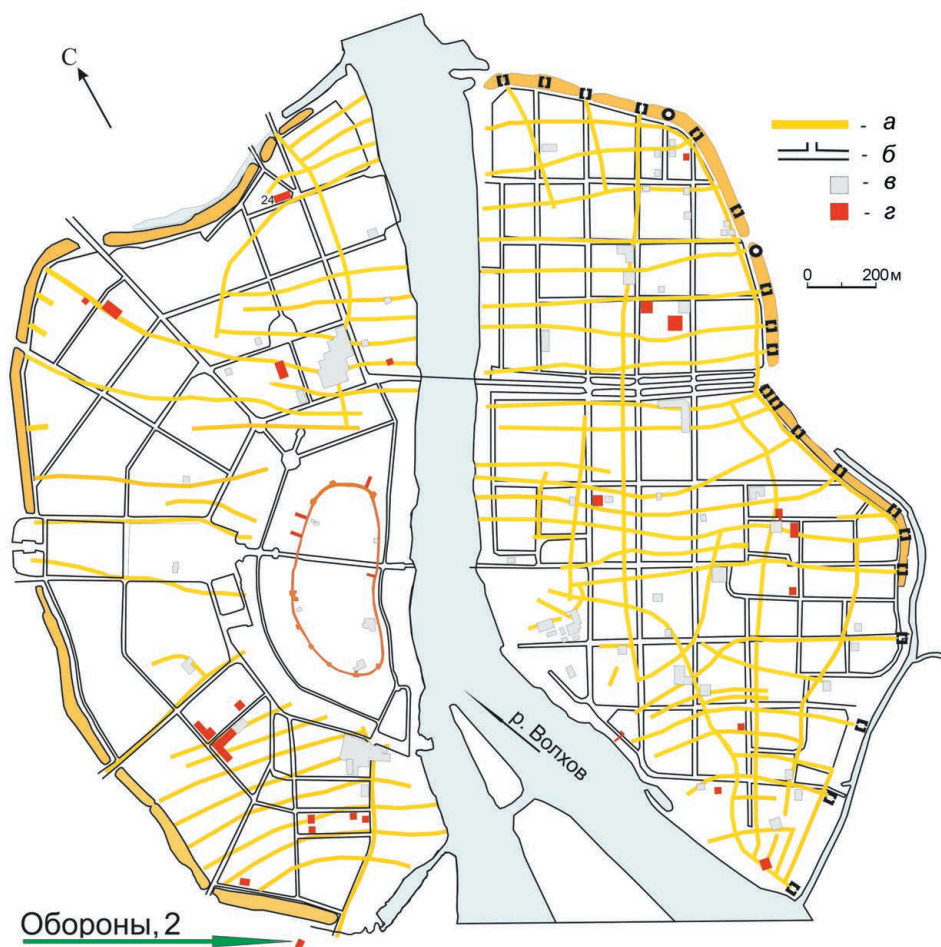

Рис. 1. Новгород. Ситуационный план раскопов.

Условные обозначения: а – древние улицы; б – современные улицы; в – археологические раскопы; г – археологические раскопы ИА РАН

В 2017 г. отрядом Новгородской археологической экспедиции ИА РАН проведены исследования на месте строительства жилого дома на ул. Обороны, д. 2 (раскоп Обороны, 2) (рис. 1). Земельный участок расположен в южной части Софийской стороны, за пределами вала и рва Окольного города, на территории, которая в источниках XVI–XVII вв. называлась Алексеевской слободой или Алексеевским запольем. Этот топоним получил свое название от располагавшейся где-то рядом деревянной церкви Алексея Человека Божия, впервые упомянутой в Новгородской 3 летописи под 1391 г. По имени этой несохранившейся до наших дней церкви стали называть построенную неподалеку в конце XVI в. круглую каменную башню (Филитова, 2007. С. 517).

Рис. 2. Могильные ямы первой половины XI в. на раскопе Обороны, 2

К юго-востоку от раскопа находятся Троицкая и Воскресенская слободы с остатками строений Воскресенского на Мячине монастыря, известного по летописям с XII в. На Алексеевском I (Степанов, 2009. С. 520–533), Алексеевском II (Андриенко, 2013. С. 40–45) и на Алексеевском III (Гайдуков и др., 2014. С. 62–71) раскопах, расположенных в 200–250 м к востоку от изучаемого участка, выявлены культурные напластования XII – начала XIII в.

Рис. 3. Находки из погребений: 1–5 погребение № 1; 6, 7 – погребение № 2; 8 – погребение № 3; 9 – погребение № 5; 10, 11 – погребение № 6.

1 – браслеты (стекло); 2 – браслет (серебро); 3 – проволочное височное кольцо с сомкнутыми концами (серебро); 4 – шаровидная бусина (горный хрусталь); 5 – шаровидный бубенчик с крестовидной прорезью (бронза); 6 – круглая подвеска, выполненная в технике зерни и скани с орнаментом из 4 волют (серебро); 7 – бусина шаровидная зеленая (стекло); 8 – серебряное проволочное кольцо с завязанными концами со стеклянной зеленой бусиной и сердоликовыми бусинами; 9 – дирхема (?) фрагмент (серебро); 10 – бусина шаровидная усеченная дважды (стекло); 11 – бусина шаровидная усеченная дважды (золото, стекло)

Площадь раскопа Обороны, 2 составляет 560 кв. м, он слегка вытянут с юга на север (28×20 м). Толщина культурного слоя, датирующегося XI–XIX вв., достигает 1 м.

Древнейшие материалы, полученные на объекте, – это грунтовые погребения, датирующиеся первой половиной XI в. Они расположены в северо-

Рис. 4. Погребение № 2. Нижние венцы могильной камеры и дно гроба

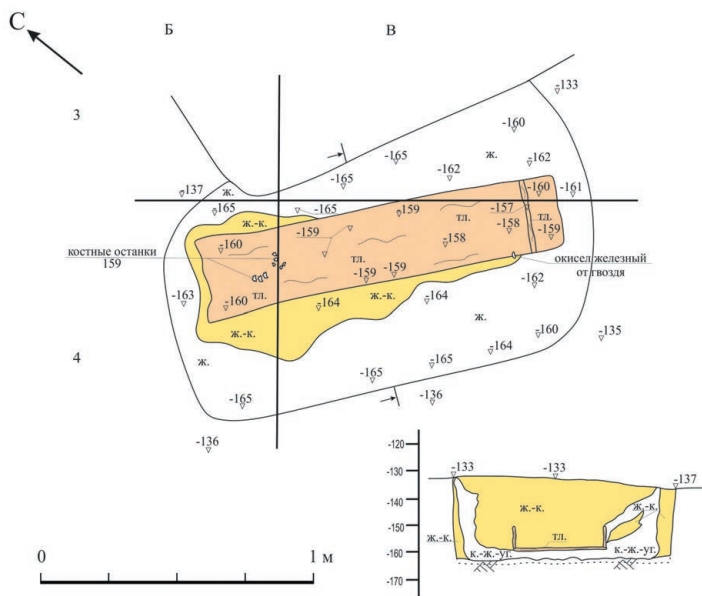

Рис. 5. План погребения № 4

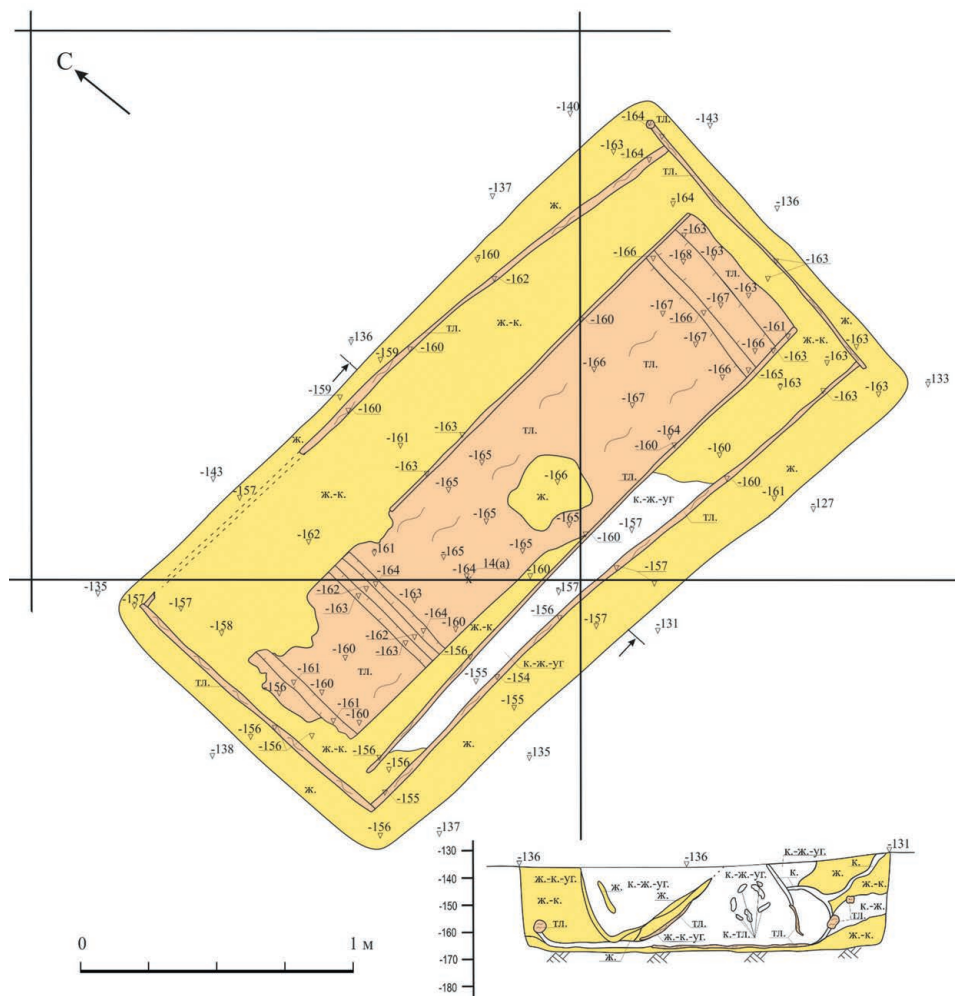

Рис. 6. План погребения № 5

западной части раскопа, где выявлено шесть могильных ям, расположенных в ряд с небольшим изгибом, повторяющим, вполне вероятно, какую-то ограду (рис. 2). Можно предположить, что к западу от могильника располагалось какое-то строение, возможно часовня или церковь. Могильные ямы имели прямоугольную форму, они углублены в материк на 30–50 см. От погребенных сохранились только зубы или их фрагменты (зубная эмаль).

В могильной яме № 1 (195×80 см) погребен подросток 15–19 лет и девочка 6–7 лет¹. На ее руке было три браслета: два стеклянных сирийских и серебряный дробовый с сужающимися концами. В районе головы обнаружена

¹ Антропологические определения выполнены д. и. н. М. В. Добровольской.

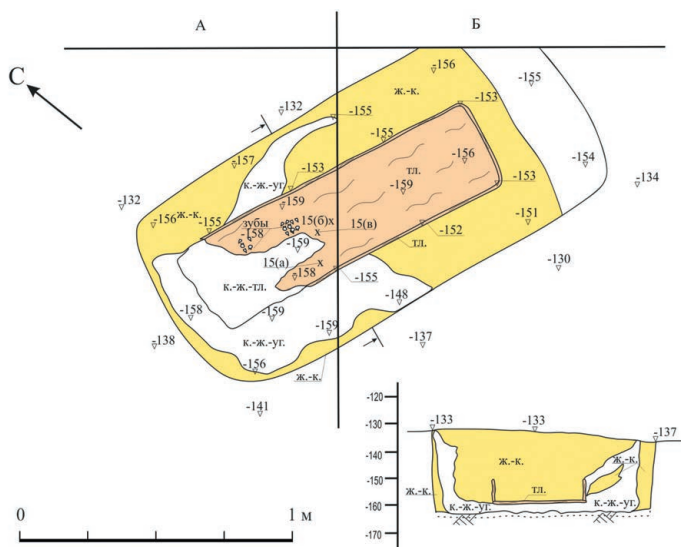

Рис. 7. План погребения № 6

серьга в виде проволочного серебряного кольца с сомкнутыми концами. На груди – шаровидная бусина из горного хрусталя и бронзовый шаровидный бубенчик с крестовидной прорезью (рис. 3: 1–5). В заполнении могильной ямы обнаружены фрагменты лепного горшка.

В могильную яму № 2 (330×160 см) сначала был поставлен сруб (240×100 см) в 4–5 венцов, в центре которого поместили гроб из досок (ок. 200×60 см) (рис. 4). Погребенный (взрослый мужчина?) лежал головой на запад. В районе груди обнаружена круглая серебряная подвеска, выполненная в технике зерни и скани с орнаментом из 4 волют и шаровидная бусина из зеленого стекла (рис. 3: 6, 7). В заполнении могильной ямы обнаружены фрагменты раннекруговых керамических горшков.

В могильной яме № 3 (210×90 см) обнаружен деревянный тлен от гроба. В районе головы погребенного находилось серебряное проволочное кольцо с завязанными концами со стеклянной зеленой бусиной. К кольцу были привешены две сердоликовые бусины (рис. 3: 8)

В могильной яме № 4 (180×80 см) погребен ребенок 10–12 лет. От гроба сохранился только тлен, а яма частично повреждена более поздним погребением № 2 (рис. 5).

В могильной яме № 5 (260×150 см) обнаружен деревянный тлен от срубной конструкции размером 250×110 см. Внутри нее выявлен деревянный тлен от дощатого гроба (230×60 см) (рис. 6). В районе головы погребенного взрослого человека обнаружена круглая серебряная пластина. По всей вероятности, это фрагмент монеты – вырезанной в кружок центральной части арабского дирхема (рис. 3: 9).

В могиле № 6 (140×80 см) находилось погребение ребенка в гробу (рис. 7). В районе шеи покойного обнаружено серебряное проволочное кольцо с заходящими концами (сохранился только окисел) и две стеклянные бусины: сильно

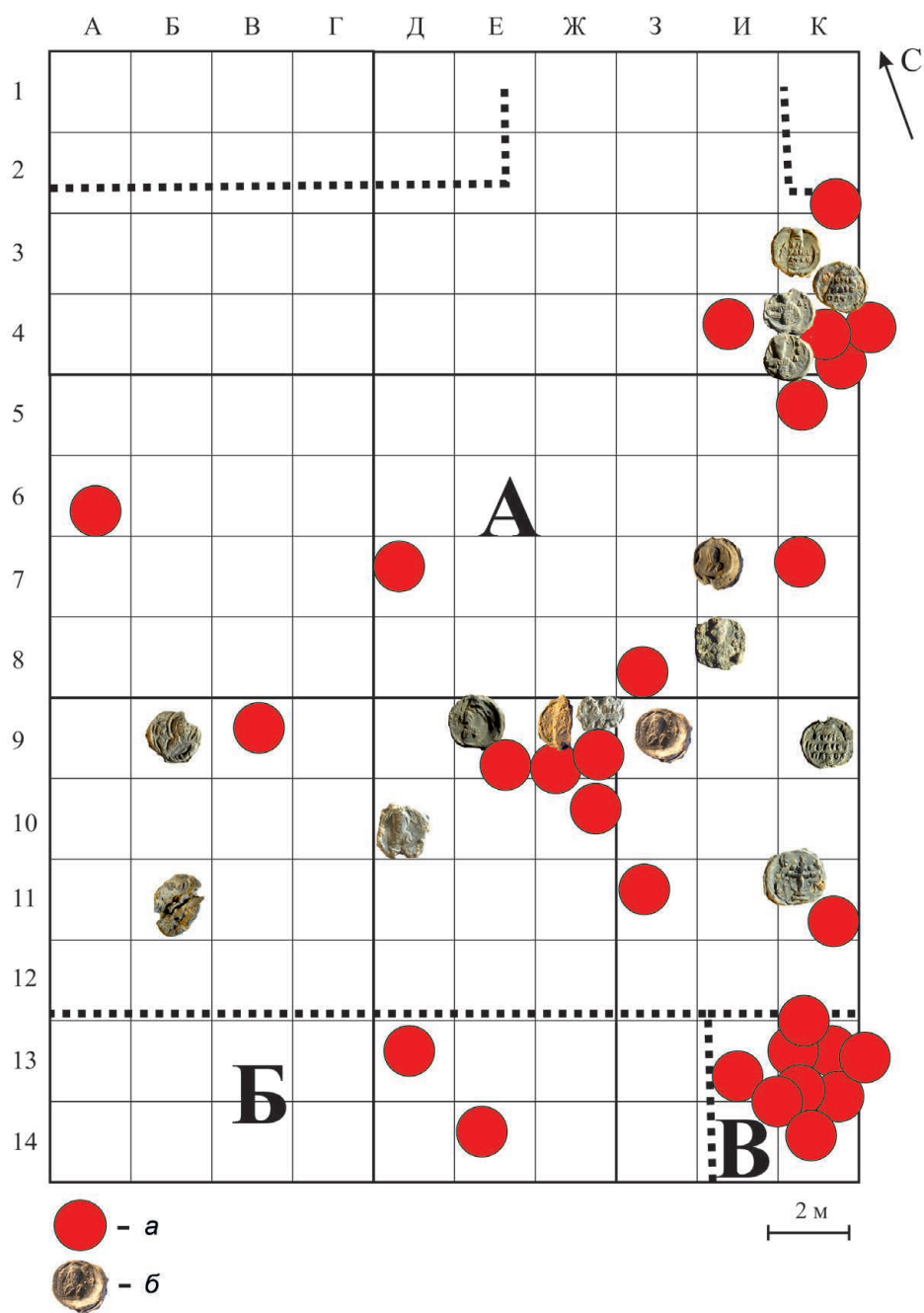

Рис. 8. Топография сфрагистических свинцовых находок конца XI – начала XII в. на раскопе.
 а – древнерусские печати и пломбы; б – византийские печати

окисленная усеченная дважды шаровидная и усеченная дважды шаровидная золотостеклянная (рис. 3: 10, 11).

Таким образом, в окрестностях Новгорода впервые найден и исследован древнейший могильник времени первого столетия существования города. По комплексу вещей и конструкции погребальных сооружений этот могильник находит прямые аналогии в материалах раскопок в Киеве, Чернигове, Пскове.

В конце XI в. кладбище было забыто, поскольку здесь возникли усадьбы, выгороженные частоколами. В процессе раскопок здесь собраны различные украшения и предметы личного благочестия, а также внушительная сфрагистическая коллекция из 46 печатей и пломб конца XI – начала XII в. (рис. 8). Этот материал разделяется на древнерусские печати (3 экз.), древнерусские пломбы (28 экз.) и византийские печати (15 экз.) (Исаев и др., 2018. С. 124–131).

Древнерусские печати относятся к переяславскому и киевскому князю Ярополку (Ивану) Владимировичу (1082–1139) – сыну Владимира Всеволодовича Мономаха и младшему брату новгородского князя Мстислава Владимировича (1096–1117).

В XIII в. произошло запустение этой территории. Начиная с конца XIV в. здесь возобновляется усадебная застройка вдоль улицы, проложенной севернее раскопа. Собрана коллекция находок XIV–XV вв. Среди них две вислые актовые печати: великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425) (№ 426а по Своду) и новгородского тысяцкого, а в конце жизни посадника Кириллы Дмитриевича († 1415) (№ 676-4 по Своду).

Литература

- Андриенко А. В., 2013. Исследования на Алексеевском II раскопе в Новгороде // ННЗ. Вып. 27. Великий Новгород. С. 40–45.
- Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А., Олейников О. М., 2014. Исследования на территории Воскресенской слободы Великого Новгорода в 2013 г. (Раскопы Алексеевский 3 и Алексеевский 4) // ННЗ. Вып. 28 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ.
- Исаев А. А., Гайдуков П. Г., Олейников О. М., 2018. Великий Новгород. Софийская сторона (ул. Обороны, д. 2) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).
- Степанов А. М., 2009. Исследования на Алексеевском раскопе в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М. С. 520–533.
- Филиппова Л. А., 2007. Церковь Алексия Человека Божия // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.

***

Гайдуков Пётр Григорьевич, чл. -корр. РАН, Москва, Институт археологии РАН.
E-mail: russianchange@narod.ru

Исаев Александр Андреевич, Москва, Институт археологии РАН.
E-mail: isaev-post@mail.ru

Олейников Олег Михайлович, к. и. н., Москва, Институт археологии РАН.
E-mail: oleynikov1960@yandex.ru

Н. Н. Фараджева, О. А. Тарабардина, П. Г. Гайдуков

Усадьбы одного из «кварталов» Людина конца средневекового Новгорода в XII в. (по материалам Троицкого раскопа)¹

Резюме. Настоящая статья является частью комплексного исследования по стратиграфии, топографии и хронологии Троицкого раскопа. Она касается вопросов развития городской застройки на площади северо-западного «квартала» Людина конца средневекового Новгорода в XII в. и посвящена анализу планировочной структуры данного участка города, особенностям его застройки и происшедших на протяжении указанного столетия трансформаций. В работе рассматриваются восемь усадебных комплексов, исследованных на территории Людина конца Новгорода в 1978–1998 гг. (раскопы Троицкие V–XI). Результатом комплексного исследования явилось построение 11 сводных строительных горизонтов, отображающих характер усадебной застройки и уличного мощения, что позволило получить подробную картину их изменений на протяжении XII – начала XIII в. Получены важные сведения о размерах и структуре усадеб.

Ключевые слова: средневековый Новгород, усадьба, квартал, застройка.

N. N. Faradzheva, O. A. Tarabarina, P. G. Gaidukov. Manors of One of the “Quarters” of Lyudin End in Medieval Novgorod in the 12th Century (Based on the Materials of the Troitsky Excavation Site)

Abstract. This article is part of a comprehensive study on the stratigraphy, topography and chronology of the Troitsky excavation site. It deals with issues of urban development in the area of North-West “quarter” Lyudin end in medieval Novgorod in the 12th century and is devoted to the analysis of the planning structure of this area of the city, peculiarities of its transformations occurred throughout this century. The paper examines eight manors, investigated in the territory of the Lyudin end of Novgorod in the years 1978–1998 (Troitsky excavation sites V–XI). The result of the study was the construction of 11 consolidated building horizons that reflect the nature of manor development and street paving, which allowed us to get a detailed picture of their changes during the 12th – early 13th century. Important information about the size and structure of manors has been obtained.

Keywords: medieval Novgorod, manor, quarter, urban development.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Формирование и динамика развития городского квартала средневекового Новгорода в X–XV вв. (по материалам Троицкого раскопа)», поддержанного грантом РФФИ № 17-01-00410 \17-ОГН от 18.05.2017.

Наиболее интересным периодом в жизни усадеб Людина конца средневекового Новгорода, изучаемых на Троицком раскопе, безусловно, является XII столетие. В этот период владельцы исследуемых усадеб – представители знатных боярских родов – тесно связаны с управлением городом и контролем над государственными финансами, военными походами, крупными торговыми и ростовщическими операциями, делами церковными. В это время здесь собирався сместной суд – главная судебная инстанция Новгорода, где спорные вопросы решались совместно представителями князя и посадника (Янин, 2004. С. 90–100), жил художник-иконописец и церковный деятель Олисей Гречин (Колчин и др., 1981). Хозяева усадеб вели активную деловую и личную переписку, представленную многочисленными берестяными грамотами: самый обширный в новгородской истории комплекс берестяных документов (свыше 100 грамот) найден в слоях XII в. на усадьбе «Ж» Троицкого раскопа. Поэтому закономерно, что троицкие усадьбы XII в. вызывают особый интерес.

Настоящая статья касается вопросов развития городской застройки на площади одного из «кварталов» Людина конца средневекового Новгорода в XII в. и посвящена анализу планировочной структуры данного участка города, особенностям его застройки и происшедших на протяжении указанного столетия трансформаций. Статья является частью комплексного исследования по стратиграфии, топографии и хронологии Троицкого раскопа в Новгороде и базируется на материалах археологических раскопок 1978–1998 гг. (раскопы V, VII–XI – см.: Фараджева и др., 2014б. С. 134. Рис. 1).

Участок, условно именуемый нами «кварталом», ограничен с севера и юга Ярышевой и Черницыной улицами соответственно, а с востока – пересекающей их Пробойной улицей. Здесь были изучены остатки восьми усадебных комплексов, объединенных в северо-западную группу усадеб Троицкого раскопа. Четыре двора располагались по южной стороне Ярышевой улицы (дворы, обозначенные литерами «О», «П», «И», «Р»), четыре дворовладения – по северной стороне Черницыной улицы (усадьбы «К», «М», «З», «Г» – Там же. С. 136. Рис. 2, 3).

Задачи, проблемы и методика исследований подробно изложены авторами в серии статей, посвященных как усадьбам, так и мостовым этой части Людина конца (Гайдуков и др., 2012; Фараджева и др., 2014; Фараджева и др., 2016 и др.).

Мощность отложившегося на протяжении XII в. культурного слоя составляет от 110 до 150 см. Наиболее интенсивное его накопление отмечено в местах частого обновления застройки, в частности на территории усадеб «О», «К», «М».

В процессе полевых работ для каждого из раскопов выполнялась самостоятельная ярусология и предварительная датировка. Количество и нумерация полевых ярусов усадебной застройки (в т.ч. XII в.), выявленных на различных раскопах, не одинаковы и насчитывают 6 (раскопы VIII, X), 7 (раскопы V, VII) и даже 8 (раскоп IX) строительных ярусов. Синхронизация усадебной застройки и уличных мостовых выполнялась лишь на отдельных раскопах и без учета финальных данных по обработке дендрохронологической коллекции. Для получения общей картины развития данного участка город-

ской территории необходимо было выполнить работу по составлению единой сводной ярусологии, основанную на комплексном анализе стратиграфических, планиграфических и дендрохронологических данных.

В основу стыковки полевых строительных ярусов разных раскопов положены данные по соединению частей сооружений, раскрытых на пограничных участках отдельных раскопов (Фараджева, 2009. С. 282–294; 2010а. С. 112–128). К рассматриваемым усадебным комплексам XII в. относится 23 состыкованные срубные постройки, отдельные части которых выявлены на разных Троицких раскопах в разные годы. Соединялись также дворовые вымостки и частоколы.

Стратиграфическую увязку ярусов застройки и мостовой как для отдельных раскопов, так и для северо-западной группы усадеб в целом, затрудняли неоднократные утраты или сбивки реперов в межсезонье (Бассальго и др., 1989. С. 64; Фараджева и др., 2014а. С. 343; 2016. С. 13). Ситуация усугублялась также в связи с запаздыванием в разборке и полевой фиксации уличных мостовых по отношению к разборке усадебной застройки. Так, изучение усадебной застройки и синхронных ей уличных настилов происходило в ряде случаев с отставанием в 1–3 года (и более), что сильно затрудняет соотнесение одновременного уличного мощения и дворовой застройки, исходя из уровня их залегания. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась для раскопа VIII, поскольку отрезок Черницыной улицы, в том числе ярусов XII в., изучался на площади отдельно прирезки со значительным опозданием.

При построении дневной поверхности каждого из сводных строительных горизонтов учитывалась стратиграфическая ситуация, обусловленная отчасти первоначальным рельефом древней дневной поверхности, заметно понижающимся в восточном и южном направлениях (Бассальго и др., 1989. С. 64) и подробно охарактеризованным нами ранее (Фараджева и др., 2018. С. 142–156). Данный уклон сохраняется в XII столетии в чуть более сглаженном виде. В то же время дневная поверхность каждого из усадебных комплексов несколько трансформировалась по сравнению с первоначальной, что объясняется различной плотностью предшествующей по времени застройки, концентрирующейся в определенных зонах дворового пространства: жилые комплексы чаще всего возобновлялись на прежних местах, а основания построек после их гибели не подвергались полной разборке.

В предыдущих работах нами подробно характеризовалось местонахождение полученных при раскопках профилей, отображающих стратиграфическую картину интересующих нас усадебных комплексов, а также локализация разрезов мостовых трех средневековых улиц: Пробойной, Ярышевой и Черницыной (Там же. С. 142–156). Напомним лишь, что обеспеченность каждого из усадебных комплексов стратиграфическими разрезами неодинакова: довольно скудные стратиграфические данные существуют для усадеб «М» и «З» Черницыной улицы. Кроме того, расположение фиксируемых профилей, снятых по бортам раскопов, случайно, поэтому центральная часть средневековых дворов, даже при наличии отдельных профилей, могла не иметь информативных разрезов (например, усадьба «П»).

Хронология строительных горизонтов рассматриваемого периода базируется на дендродатах построек восьми усадебных комплексов и уличных мостовых. В целом горизонты XII – начала XIII в. представлены 40 датированными сооружениями 1080–1200-х гг. 22 сооружения относятся к усадьбам Ярышевой улицы, 14 – к усадьбам Черницыной улицы; частоколы, разделяющие усадьбы (их 4), могут быть с равной долей вероятности отнесены к любому из комплексов. На усадьбах Ярышевой улицы датировки распределяются относительно равномерно (на каждой усадьбе датировано 4–7 сооружений), если учитывать, что усадьбы «О» и «Р» попали в пределы раскопа лишь частично, а усадьбы «П» и «И» в первой половине XII в. объединяются в единый комплекс. Среди усадеб Черницыной улицы в распределении датировок, напротив, наблюдается существенная диспропорция: большинство датированных построек относится к усадьбе «Г» (11 сооружений), в то время как усадьбы «З», «М» и «К» представлены одной-двумя датированными постройками. Эта непропорциональность вызвана, помимо различной сохранности сооружений, спецификой отбора образцов для дендрохронологического исследования на разных раскопах².

К интересующему нас периоду относится шесть ярусов Ярышевой улицы (13–18), семь ярусов Черницыной (два из них являются результатом обновления отдельных участков мостовой) и восемь ярусов Пробойной (в том числе частичное обновление мостовой в 20-х и конце 50-х гг.). Отдельные отрезки мостовых Черницыной и Пробойной улиц на разных раскопах имеют различную нумерацию (табл. 1).

В целом на протяжении XII в. прослеживается 9 фаз полной или частичной смены уличного мощения в этом городском квартале.

При обосновании хронологии полученных сводных горизонтов застройки датировка построек рассматривалась в качестве приоритетной. При этом датировки мостовых оставались базовым хронологическим репером для связки и стыковки строительных ярусов различных раскопов.

Анализ количественного и хронологического распределения датировок ясно демонстрирует, что число датированных образцов и сооружений резко уменьшается в конце XII – начале XIII в. Плохая сохранность сооружений и мостовых этого периода связана в том числе с сильными пожарами Людина конца 1194 и 1211 гг., зафиксированными в летописных сообщениях (НПЛ, 1950. С. 233, 250) и затронувшими район раскопок, что хорошо прослежено археологически. Пожар 1194 г. начался непосредственно на Ярышевой ули-

---

² На раскопах VII и IX основное внимание уделялось сбору образцов на мостовой Черницыной улицы, где была возможность получить представительные серии спилов из каждого яруса и, следовательно, – серии дендродат, которые и легли в основу хронологии раскопов. Из построек усадеб «З», «М» и «К» образцы для дендрохронологического исследования отбирались лишь эпизодически, что лишает исследователей возможности получить, помимо стратиграфических, дополнительные хронологические основания для соотнесения ярусов усадебной застройки и уличного мощения.

Таблица 1

**Соотношение датировок ярусов Черницыной, Пробойной
и Ярышевой улиц в XII веке**

Черницына улица		Пробойная улица		Ярышева улица	
Ярусы	Дендродаты	Ярусы	Дендродаты	Ярусы	Дендродаты
V-15,16Ч = VIII-15=VII-12Ч=IX-14Ч	1183–1185 г.	XI-16П	1182–1189 г.		
		XI-17П=V-17П	1177–1178 г.	13Я	не ранее 1179 г.
VII-13Ч=IX-15Ч	1168 г.				
V-17Ч = VIII-16Ч=VII-14Ч=IX-16Ч	1154–1155 г.	XI-18Премонт= V-18П	1157–1158 г.	14Я	1159 г.
V-18Ч = VIII-18Ч=VII-15Ч=IX-17Ч	1140–1141 г.	XI-18П=V-19П	1146 г.	15Я	1147 г.
		XI-19П=V-20П	1136 г.	16Я	1138 г.
V-19Ч = VIII-19Ч=VII-16Ч=IX-18Ч	1125–1126 г.	XI-20П=V-21П	1127–1128 г.	17Я	н.д.
V-20Ч = VIII-20Ч=VII-17Ч=IX-19Ч	1116 г.	XI-20ППодкл= V21П	1119 г.	18Я	1110 г.
VIII-20/21Ч=VII-18Ч=IX-20Ч	Около 1108–1109	XI-21П=V-22П	1106 г.		

це, которая открыта в северо-западной части раскопа. Пожар 1211 г.³ возник на Редятиной улице, на которую ориентированы усадьбы южной части Троицкого раскопа; на ней же находится церковь Троицы, давшая название раскопу. Еще одним фактором, повлиявшим на сохранность троицких усадеб в начале XIII в., явилось восстание 1207 г., в ходе которого новгородцы, недовольные злоупотреблениями со стороны посадника Дмитра Мирошкинича и его ближних, разграбили их дворы. Часть троицких усадеб входила в круг владений, тесно связанных с этим боярским кланом, и также была разгромлена (Янин, 2008. С. 93–99).

На начальном этапе работы нами проводилось независимое исследование дворовой застройки и уличных мостовых. Была проанализирована застройка XII в. в пределах каждого из дворов (Гайдуков и др., 2012. С. 13–16; Фараджева и др., 2013. С. 129–142; Фараджева и др., 2014а. С. 204–216), затем строительные ярусы отдельных усадеб были соотнесены друг с другом и совмещены с участками прилегающего к ним уличного мощения. Однако в силу перечисленных выше причин, даже при хорошей обеспеченности дендродатами (а такая ситуация существовала отнюдь не для всех горизонтов), мы в ряде случаев имеем не полное соответствие планиграфических и дендрохронологических данных. Примером может послужить различие в уровнях залегания (точнее, в высотных отметках) комплекса усадьбы «П» второй половины XII в. и синхронных мостовых 13Я, 14Я Ярышевой улицы, опорные конструкции которых располагались, судя по существующим замерам, в среднем на 10–20 сантиметров ниже уровня синхронной застройки. Учитывая неодновременность исследования этих ярусов

³ Б. А. Колчин, А. С. Хорошев и В. Л. Янин ссылаются на мнение Н. Г. Бережкова, относившего это летописное сообщение к 1209 г. (Колчин и др., 1981. С. 42).

мостовых и застройки второй половины XII в. (с разницей в 2 года), в данном случае приоритетную роль мы отвели данным дендрохронологии. Оговоримся, что в каждой из подобных ситуаций использовался индивидуальный подход, учитывающий весь набор составляющих и особенности источника.

Результатом комплексного исследования явилось построение 11 сводных строительных горизонтов, отображающих характер усадебной застройки и уличного мощения северо-западного квартала Троицкого раскопа, что позволило получить подробную картину их изменений на протяжении XII – начале XIII в. Горизонтам этого времени присвоены номера 13–23 в системе общей нумерации сводных горизонтов этой части Троицкого раскопа. Довольно большое количество сводных горизонтов, длительность существования каждого из которых составляет в среднем около 10 лет, обусловлено не столько частой сменой всей застройки, сколько необходимостью отобразить разные фазы ее существования, в том числе локальные перестройки, иногда имевшие место лишь на отдельных дворах, а также несинхронностью возведения дворовых комплексов и укладки уличных мостовых. Отметим, что взаимокорректировка строительных ярусов разных усадеб и комплексный подход позволили несколько уточнить результаты по ярусологии отдельных дворов, полученные нами ранее, и пересмотреть выводы О. Л. Кубиковой, касающиеся хронологии и планиграфии усадьбы «М» в XII в. (Кубикова, 2017. С. 113–115).

Обратимся непосредственно к характеристике планировки и застройки данной части Людина конца в XII в.

*Горизонт 13*⁴. Начало – 1/2 10-х гг. XII в. (рис. 1).

Очертания дворовых участков и система их застройки начала XII в. повторяют планировку предшествующего времени, основные принципы которой были заложены еще в период освоения данного участка городской территории. Согласно этим принципам, граница между усадебными комплексами Ярышевой и Черницыной улиц на уровне двух ближайших к перекрестку с Пробойной дворов располагалась на одной прямой, примерно равнозначно разделяя пространство между этими улицами, а межусадебная граница на уровне следующих двух усадеб была заметно смещена к югу (в начале XII в. на 9,5 м), сильно сокращая глубину усадеб «К» и «М» по отношению к Черницыной улице. Усадебные участки, подпрямоугольные в плане, отличались некоторой асимметрией. Установлены размеры шести усадебных комплексов начала XII в., площадь которых варьировала от 360 до 600 кв. м (данные о размерах усадеб приведены в таблице 2).

Следует отметить также отсутствие достоверных сведений о наличии разделительного частокола между усадьбами «П» и «И» в начале XII в., возможно, в силу плохой сохранности. Однако можно допустить, что усадьбы «П» и «И» были уже в это время объединены в составе общего двора, как это фиксируется позднее. В этом случае площадь единой усадьбы насчитывала около 880 кв. м, а ее южная граница (межуличный частокол) представляла собой ломаную ли-

⁴ Существует в рамках строительного периода II СЗ части Троицкого раскопа.

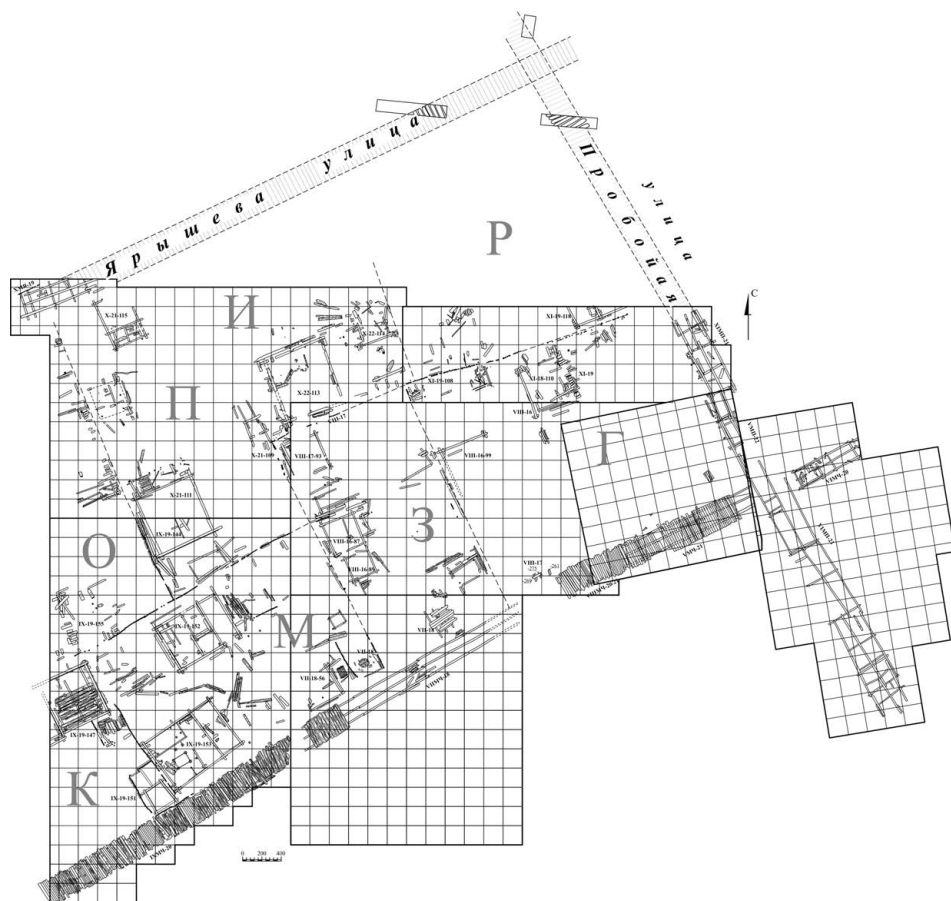

Рис. 1. Троицкий раскоп. Застройка северо-западного квартала на уровне горизонта 13 (начало XII в. – 1/2 1110-х гг.)

нию: глубина западной части усадьбы по отношению к улице заметно превышала глубину восточной.

Самым значимым событием начала XII в. является появление на едином участке, ранее занимаемом усадьбой «П», нового двора по Ярышевой улице, восточная часть которого расположилась непосредственно на бывшей территории усадьбы «П», а западная ушла за пределы исследованной площади. С этого момента стабильно существует и развивается вновь возникшая усадьба «О». О такой перепланировке начала XII в. можно судить на основании системы застройки горизонтов 12, 13, хотя разделительный межусадебный часток «ОП» скорее всего возникает чуть позднее (на уровне горизонта 14). При этом данная перепланировка не отразилась на прочих межусадебных границах.

Появление нового двора по Ярышевой улице можно связывать с новым этапом освоения городской территории под усадебную застройку, постепенно

Таблица 2

**Размеры усадеб Ярышевой и Черницыной улиц Людина конца
в XII в. (в кв. м)**

Периоды	Усадьбы Ярышевой улицы				Усадьбы Черницыной улицы			
	«О»	«П»	«И»	«Р»	«К»	«М»	«З»	«Г»
Начало XII в.	нет данных	~880		~520	нет данных	460	380	600
Конец 10-х – начало 50-х гг. XII в.	нет данных	~1050		~520	нет данных	460	270	600
Вторая половина XII в.	нет данных	590	~490	~520	нет данных	270	290	730

продвигающуюся в западном направлении от берега реки Волхов. Напомним, что аналогичный процесс был зафиксирован на начальном этапе освоения данного участка и связан с порядком заселения дворов Черницыной улицы (*Фараджева и др.*, 2014б. С. 134–160).

В начале XII в. продолжают стоять многие постройки, возведенные еще в 80–90-е гг. XI столетия, и усадебная застройка существует еще в традициях XI в. Жилищные комплексы располагаются в глубине дворов, в качестве основных владельческих построек используются пятистенные, реже четырехстенные постройки средних и больших размеров. Отметим слабую сохранность строительных горизонтов начала века, уничтоженных крупным пожаром.

Лучше всего застройка сохранилась на площади усадьбы «М» Черницыной улицы. В тыльной части двора, у середины его северной границы, стоял пятистенный сруб IX-19–152 (39,2 кв. м) с печью в углу основного помещения (основная жилая постройка), вплотную к улице – пятистен IX-19\20–153 (46 кв. м) с печью в центре. Хозяйственную зону двора, его юго-восточную часть вблизи Черницыной, занимали малая четырехстенная постройка и выгороженная частоколом дворовая печь.

На усадьбе «ПИ» в глубине двора поставлены крупные четырехстенные срубы X-22–113⁵ и IX-19–144; X-21–111 (площадью более 40 кв. м). Дома не сохранили отопительных устройств, но можно предположить, что один из них имел печь в углу, другой в центре. Малые хозяйственные постройки (в том числе пятистен X-21–115) были выдвинуты вплотную к Ярышевой улице. Застройка других дворов сохранилась хуже, отметим лишь более скромные размеры строений, поставленных на площади небольшой усадьбы «З» Черницыной улицы.

На рубеже XI–XII вв. была осуществлена перестилка мостовых Черницыной улицы, при этом некоторое время еще продолжали существовать мостовые Пробойной и Ярышевой, насланные в 90-е гг. XI в. Укладка нового яруса Пробойной относится к 1106 г., чуть позже вновь мостится Черницына (1108 г.) и Ярышева (1110 г.). Хронологию данного горизонта определяют в основном

⁵ Отсутствие сеней у крупной жилой постройки X-22-113 9 (усадебка «И») может быть связано с плохой сохранностью комплекса.

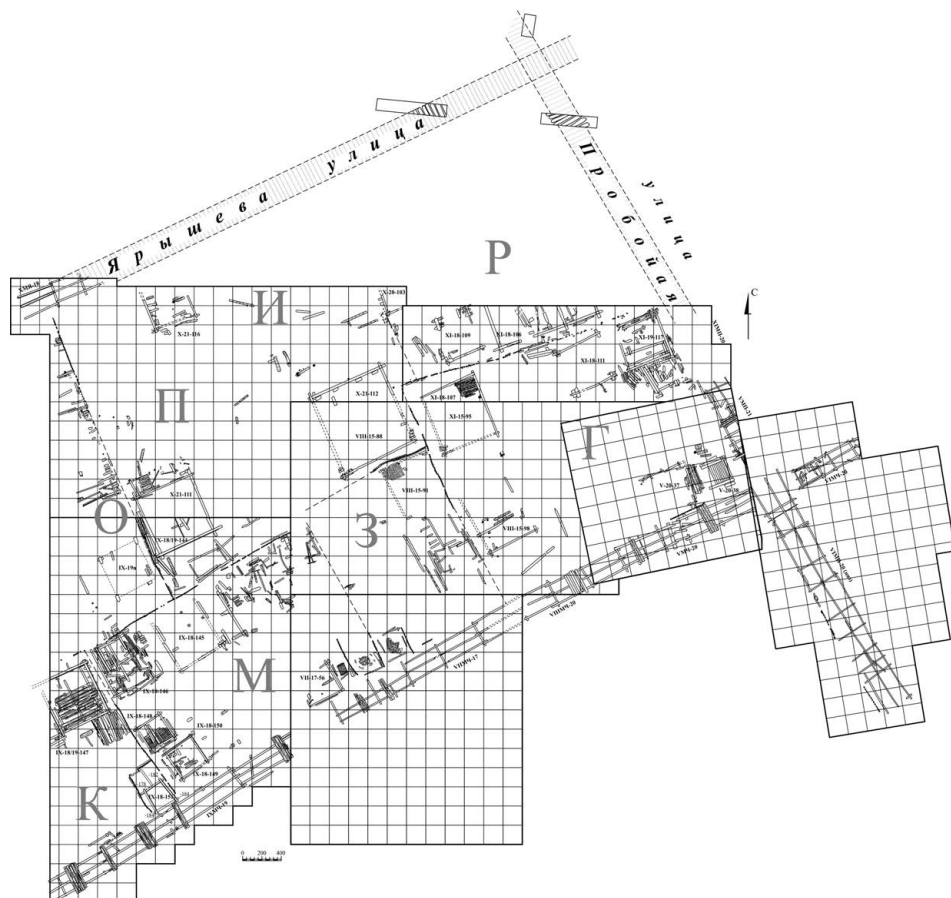

Рис. 2. Троицкий раскоп. Застройка северо-западного квартала на уровне горизонта 14 (2/2 1110-х – начало 1120-х гг.)

мостовые, а также единичная постройка усадьбы «И» и частокол, отделяющий усадьбы «К» и «М» от мостовой Черницыной улицы.

Строительный период III. Горизонты 14–17. 2/2 10-х гг. – начало 50-х гг. XII в. (рис. 2).

На протяжении данного периода ведется активное усадебное строительство, застройка, несмотря на длительность существования отдельных домов, обновляется от двух до трех раз. Трижды перестилаются уличные мостовые.

Хронологию горизонтов этого строительного периода определяют дендродаты построек и ярусов уличного мощения. 11 датированных сооружений относятся к усадьбам Ярышевой улицы (6 – с территории объединенной усадьбы «ПИ», 3 – с усадьбы «О», 2 – с усадьбы «Р»), 10 – к усадьбам Черницыной улицы (7 – усадьба «Г», 2 – усадьба «З», 1 – усадьба «М»). Датировку получил также междуличный частокол IX-16/17 между усадьбами «К», «М» Черницыной улицы

и «О», «ПИ» Ярышевой. Датированы также три яруса мостовых Пробойной улицы и Черницыной улиц и два из трех яруса Ярышевой улицы (16Я и 15Я).

После пожара середины десятих годов XII в. была пересмотрена граница, разделявшая владения, принадлежащие разным улицам. Межуличный часток на участке между усадьбами «И» и «З» был перенесен на 7 м к югу, что привело к значительному уменьшению (до 250 м) размеров усадьбы «З». При этом южная граница усадьбы «И» почти выровнялась с линией южного частокола усадьбы «П». В это время и вплоть до середины 50-х гг. усадьбы «И» и «П» существуют в виде общего крупного владения. Данное наблюдение подтверждается планиграфическими и стратиграфическими данными: место традиционного въезда с Ярышевой улицы на усадьбу «П» (в ее северо-западном углу) застраивается; в северном профиле, в слоях данного времени, не фиксируется разделительный часток. Площадь подквадратного в плане, с небольшим выступом в сторону усадьбы «Р», общего участка со стороной около 30–32 м составляет более 1000 кв. м. Для утверждения новых границ владельцы усадьбы «ПИ» сразу же ставят в юго-восточном углу двора большую владельческую постройку IX-15-88; X-21-112, дошедшую до нас в виде четырехстена размерами 62,4 кв. м (возможно, сени не сохранились). В юго-западном углу усадьбы, скорее всего, еще продолжает стоять возведенный ранее большой четырехстен IX-18\19-144; X-21-111). Вплотную у Ярышевой улице, в северо-западном углу двора, располагают выгороженную частоколом дворовую печь и пятистенный сруб средних размеров X-19\20-98 с печью в центре.

Отметим, что в результате перепланировки наибольший ущерб понесла усадьба «З». Более скромный облик застройки данного двора по сравнению с синхронной застройкой соседних усадеб и скопление хозяйственно-ремесленных печей указывают на невысокий статус и ремесленную ориентацию хозяев данного владения.

Очертания и размеры остальных дворов остались неизменными. Практикуется застройка дворов по периметру участков. В качестве основных жилых построек используются преимущественно пятистены больших и средних размеров с печами в углу основного помещения, поставленные чаще всего в глубине дворов. На усадьбе «Р» это пятистен XI-18-106 площадью 79 кв. м, на усадьбе «К» – IX-18\19-147 (46 кв. м), на усадьбе «М» – IX-18-145 (41 кв. м), на усадьбе «Г» – VIII-15-98 (41 кв. м). Малые по площади хозяйственно-ремесленные строения и выгороженные частоколом печи ставятся вплотную к уличным мостовым.

Обновление застройки сопровождается перестилкой мостовых всех трех улиц: в 1116 г. мостится Черницына, в 1119 г. Пробойная и Ярышева.

В начале 20-х гг. при очередном пожаре сооружения 14 горизонта были практически полностью уничтожены. Уцелели лишь отдельные строения вблизи Ярышевой улицы. После пожара усадебная застройка была в значительной мере обновлена (рис. 3, 4).

Активное усадебное строительство сопровождалось перестилкой мостовой Черницыной улицы, произведенной в 1125–1126 гг.; Ярышева и Пробойная обновляются чуть позже, в середине 1130-х гг.

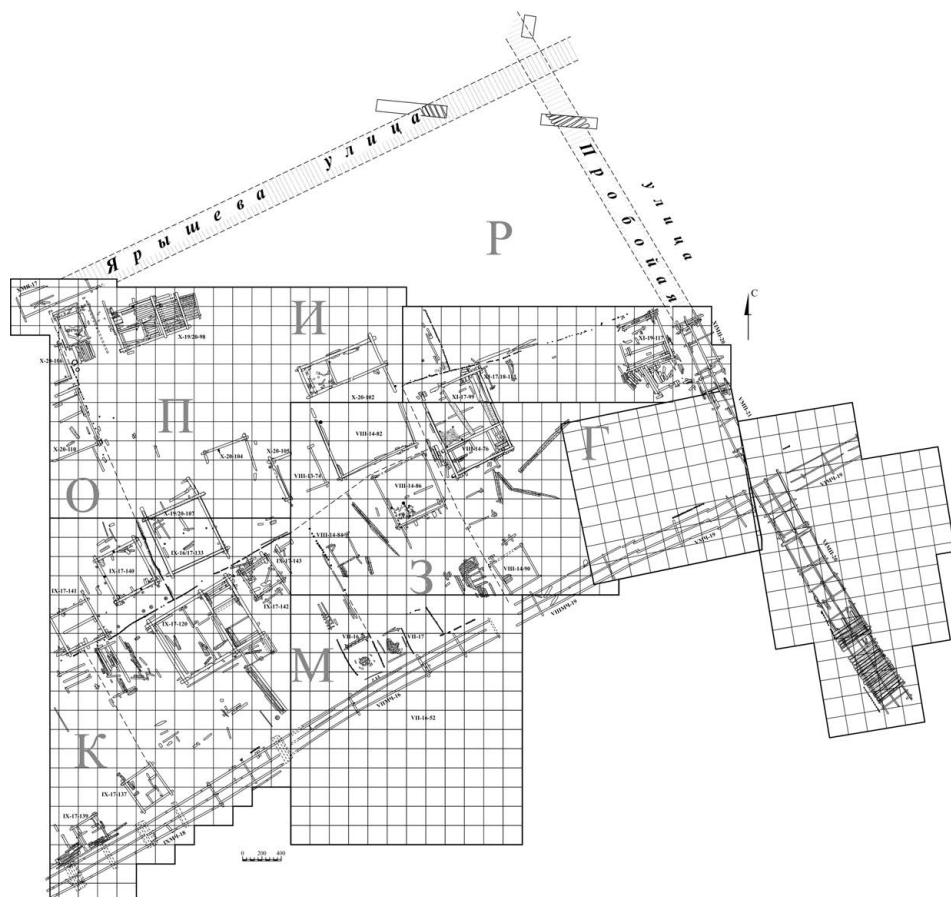

Рис. 3. Троицкий раскоп. Застройка северо-западного квартала на уровне горизонта 15 (1120-е гг. – начало 1130-х гг.)

В 20-е гг. XII в. в юго-восточном углу объединенной усадьбы «ПИ» был воздвигнут пятистенный сруб выдающихся размеров – VIII-14-82; X-20-102 (105,6 кв. м) (рис. 5). В юго-западном углу двора вновь ставится крупная четырехстенная постройка X-16\17-133; X-19\20-107). Набор построек отличается многообразием. Помимо вышеупомянутых домов, в составе усадебного комплекса присутствовали пятистен средних размеров с печью в центре, четырехстены малых размеров с угловым расположением печи, четырехстен средних размеров без печи, а также дворовая печь. Застройка объединенной усадьбы «ПИ» свидетельствует о высоком социальном статусе ее владельцев. Этому не противоречит характер находок. Перечислим наиболее яркие из них, связанные с первой половиной XII в.: 23 берестяные грамоты, cera, два железных писала, бронзовый цепедержатель от паникадила, золотое кольцо, железное стремя с золотой инкрустацией, обломки стеклянных сосудов.

Рис. 4. Усадебная застройка 20–30-х гг. XII в. Троицкий IX, X раскопы.
Вид с северо-востока. Фото. П. Г. Гайдукова. 1992 г.

На остальных усадьбах в 20–40-е гг. XII в. в качестве основных жилых построек продолжают использоваться крупные пятистенные дома: усадьба «Р» – пятистен XI-17-105 площадью 73 кв. м и сменивший его позже XI-16-88; усадьба «Г» – VIII-14-76; XI-17-99 (59,5 кв. м); усадьба «З» – VIII-13-73 (44,7 кв. м; ему предшествует сруб четырехстенный VIII-14-86 с пристроенными сенями); усадьба «М» – IX-16\17-120, площадью 69 кв. м). Характерно, что пятистенный дом IX-16\17-120 имел обширное крыльцо на столбах, отвечающее архитектурной моде статусных строений своего времени.

Необходимо отметить, что именно в это период начинает формироваться тенденция к объединению построек в единые хоромные комплексы. Например, на усадьбе «О», вошедшей в пределы раскопа лишь частично, выявлена часть жилищного комплекса из двух четырехстенных (IX-17\18-140 и IX-17\18-141), которые имели общий навес на столбах со своей тыльной стороны, между стенами домов и частоколом. В 40-х гг. их сменяют аналогичные постройки IX-14\16-113 и IX-15\16-127, объединенные уже со стороны фасадов общим крытым настилом на столбах. Перекрыто было и межрубное пространство (постройки стояли на расстоянии 2,6 м друг от друга), и тыльная часть двора между торцевой стеной одного из домов и южной оградой.

Рис. 5. Усадьба «И». 20–30-е гг. XII в. Часть пятистенного сруба выдающихся размеров (VIII-14-82; X-20-102), исследованная на площади Троицкого Х раскопа. Вид с северо-востока. Фото П. Г. Гайдукова. 1992 г.

Отметим также синхронность обновления мостовых всех трех улиц, имевшее место в 1146–1147 гг., необходимость которого, вероятно, связана с предшествующим пожаром.

Строительный период IV. Горизонты 18–23. 1150-е – начало XIII в. (рис. 6, 7)

Сильный пожар, случившийся в первой половине 50-х гг., вызвал необходимость в обновлении застройки и предоставил возможность для очередного пересмотра границ северо-западных усадеб. В середине 50-х гг. была произведена очередная перепланировка и перекладка мостовых всех трех улиц.

В основе датировки строительных горизонтов этого периода – дендродаты 11 сооружений усадеб Ярышевой улицы (4 – усадьба «П», 3 – усадьба «И», 3 – усадьба «Р», 1 – усадьба «О»), 4 сооружений усадьбы «Г» Черницыной улицы и междуличного частоккола, разделяющего усадьбы «Р» и «Г» (ярус XI-13). Как и в предшествующий период, интенсивно обновляется мощение Черницыной (4 раза) и Пробойной улиц (3 раза), при этом фиксируется определенная асинхронность мощения. Так, очередная перестилка мостовой Черницыной улицы происходит около 1168 г. (причем она прослежена

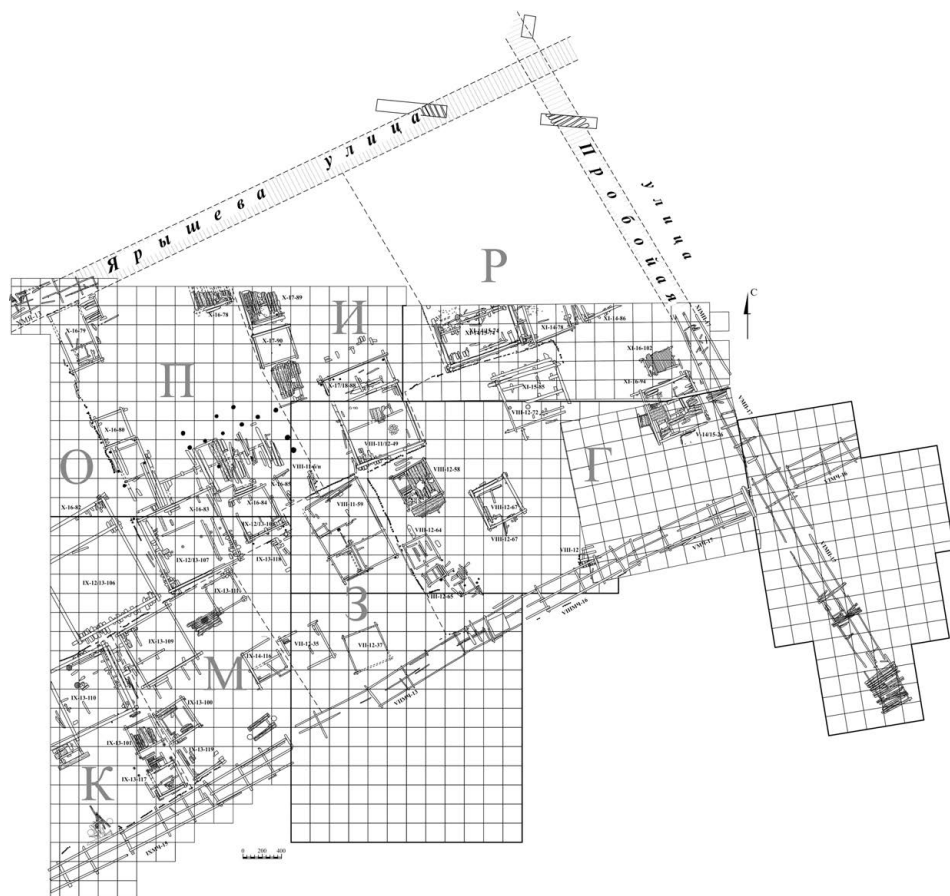

Рис. 6. Троицкий раскоп. Застройка северо-западного квартала на уровне горизонта 20 (1170-е гг.)

лишь на западном от перекрестка с Пробойной участке), а мостовая Пробойной – около 1177–1178 гг. В 1150-е и 1180-е гг. настилы меняются и на Черницыной, и на Пробойной. Дважды обновляется мостовая Ярышевой улицы: ярус 14Я появляется около 1159 г., ярус 13Я – не ранее 1179 г.

Отчетливо границы усадеб читаются с уровня горизонта 19, относящегося к 60-м гг. XII столетия. Однако, судя по расположению построек, очевидно, что уже в 50-е гг. очертания усадеб претерпели изменения. Была вновь восстановлена граница между усадьбами «П» и «И» Ярышевой улицы, и с этого момента они вновь начинают существовать самостоятельно. Причем новая граница между усадьбами «П» и «И» прошла не по линии существовавшего ранее ограждения XI в., а была смещена на три метра к востоку. Протяженность усадеб «П» и «И» вдоль улицы (длинники) примерно идентична и составляет 18,5 и 17,6 м (усадьбы «П» и «И» соответственно). Глубина усадьбы «П» по отношению к Ярышевой равна 32 м; «И» – около 28 м. Южная межуличанская граница обоих владений осталась неиз-

Рис. 7. Застройка усадеб «П» и «М» в 70–80-х гг. XII в. Троицкий IX, X раскопы.
Вид с севера – северо-востока. Фото С. А. Орлова. 1990 г.

менной: с юго-восточной стороны в пределы усадьбы «М» по-прежнему углом вклинивается усадьба «Г». Размеры усадьбы «П» составили 590 кв. м, И – 490 кв.м.

Гораздо более радикальный характер носила перепланировка дворов Черницыной улицы, произведенная в середине XII столетия, которая сопровождалась изменением боковых границ всех черницынских дворов. Так, линия частокола, разделяющего усадьбы «Г» и «З», была подвинута к западу на 7,5 м. На 9 м к западу переместилась и граница между усадьбами «З» и «М». Границу же между дворами «К» и «М», напротив, отодвинули на 2 м к востоку. В результате очертания и размеры владений Черницыной улицы претерпели значительные изменения. Больше всего пострадала усадьба «М», размеры которой сократились до 270 кв.м. Площадь усадьбы «З» изменилась незначительно (290 кв. м), однако сильно трансформировались очертания данного участка, который приобрел теперь подквадратную форму и переместился к западу, заняв часть территории, ранее принадлежавшей усадьбе «М».

Больше всех от перепланировки выиграла усадьба «Г», размеры которой теперь составили 730 кв.м. Следов разделения этого большого владения на протяжении данного периода не фиксируется, существуют лишь отдельные выгородки, отделяющие хозяйственную зону двора. Однако вполне возможно, что в конце столетия усадьба «Г» была разделена на два участка: по северной границе данного владения выявлена частокольная ограда, датированная 1199 г. (раскоп XI, ярус 14), которая поворачивает к югу под прямым углом,

обозначая место разделения усадебной территории. По этой же линии, только южнее, зафиксирован часток, идущий в направлении север – юг (раскоп V, ярусы 15, 16). Размеры образовавшихся участков составили около 500 кв. м (Г1 – западный) и 250 кв. м (Г2 – восточный).

Плохая сохранность строительного горизонта середины XII в. (горизонт 18), отмеченная следами пожара, особенно сильно выраженными в западной части рассматриваемого участка, оставляет много вопросов открытыми. Остатки сгоревших строений, следы их разборки и подкладки под несохранившиеся основания построек прослежены повсеместно, но особенно заметны на территории усадеб «О» и «ПИ». В то же время восстановление застройки, судя по уровню залегания оснований построек, раньше всего началось на западных усадьбах Черницыной улицы («К» и «М»), что находит соответствие в очередности обновления уличного мощения. Отметим, что мощение Черницыной (1154–1155 гг.) на два-три года опережает перекладку мостовых Пробойной улицы (1156–1158 гг.), а мощение Ярышевой, датированное 1159 г., «отстает» от Черницыной на четыре года.

Обновленная застройка усадьбы «М» была выполнена уже в соответствии с новыми архитектурными традициями. Жилые строения по-прежнему выстроены вдоль северной тыльной стороны двора. Это разноразмерные четырехстенные срубы IX-14/15-123, IX-14\15-114 и IX-14-115 (площадью около 16 кв. м, 28,6 кв. м и 10 кв. м соответственно), которые со стороны фасадов были объединены столбовой конструкцией (крытым настилом?), сохранившей как остатки непосредственно самих столбовых опор, так и следы столбовых конструкций. Центральная часть двора свободна от застройки, хозяйственная зона, где стоит малый чеырехстен, вынесена к улице. Вплотную к мостовой поставлен также сруб IX-15-125 с печью в центре (площадью 23,3 кв. м). Скромные размеры построек и небольшая площадь усадьбы «М» позволяют говорить о понижении статуса владения и вероятной смене дворовладельцев в середине столетия.

К сожалению, застройка усадьбы «М» во второй половине XII в. часто страдала в пожарах: полная смена застройки происходит на этом дворе трижды. В это же время на соседних участках Черницыной она меняется не более двух раз. При этом застройка усадьбы «М» конца 60–70-х гг. с жилым крупным четырехстенным IX-13-109 (37 кв. м) во многом повторяет структуру предшествующего комплекса. В 90-е гг. характер застройки меняется: в качестве основного жилого дома на усадьбе «М» возводят пятистенный сруб средних размеров IX-12-93 (55,5 кв. м).

Крупные пятистенные срубы используются во второй половине XII в. в качестве основных владельческих домов и на соседних усадьбах Черницыной улицы (усадьба «К» – пятистен IX-12\14-110, размерами не менее 70 кв. м; усадьба «З» – VIII-11-59 площадью 58 кв. м). Отметим плохую сохранность жилого комплекса усадьбы «Г», затрудняющую получение сведений как о планировке отдельных построек, так и общей планировочной картине. Однако, несмотря на то, что основные постройки данного двора, вероятно, в ряде случаев разбирались, здесь также четко выделяются жилая и хозяйственно-ремесленная зоны. Последняя располагается вблизи уличных мостовых и в юго-

восточном углу двора, вблизи к уличному перекрестку. В составе застройки присутствуют разнообразные по размерам и внутренней планировке строения.

К началу 60-х гг. формируется застройка усадеб «О» и «П» Ярышевой улицы. Застройка еще двух усадеб Ярышевой («И» и «Р») складывается постепенно и завершается в 70-е гг. XII в.

Владельческий комплекс усадьбы «П» представлен набором четырехстенных однокамерных домов: основным четырехстенным домом IX-14\13\12-107; X-16-83 выдающихся размеров, площадью 67,2 кв. м и двумя малыми четырехстенами: IX-13\12-108; X-16-84 и X-16-85 площадью 19,4 кв. м и 10 кв. м соответственно. Постройки были расположены вдоль южной границы усадьбы на небольшом расстоянии друг от друга. Обширное пространство с северной стороны от них (размерами 9×6,5 м) было замощено и ограничивалось по периметру крупными опорными столбами. Данная конструкция объединяла срубные сооружения в единый усадебный комплекс. Скорее всего, здесь фиксируются остатки неординарного хоромного комплекса, вероятно, хорошо развитого по вертикали⁶. Хозяйственные и ремесленные постройки рассматриваемого периода были сосредоточены вдоль западной границы владения. Они имеют различные конструкции и пропорции: встречаются как четырехстенные подквадратные в плане дома (X-16-80), так и вытянутые строения, с отопительным устройством, смещенным по отношению к центральной оси (X-16-79). Некоторые постройки яруса 16 могли иметь столбовые каркасные пристройки, связывающие их с жилой зоной.

На соседних усадьбах Ярышевой улицы «О», «И», «Р» в это же время в качестве основных владельческих домов продолжают возводить пятистенные срубы больших размеров. Выдающимися габаритами обладает пятистен IX-12/13-106; X-16-82, поставленный на усадьбе «О»: площадь его составляла 115,6 кв. м. Сруб, сложенный из мощных бревен диаметром около 35 см, сохранился на высоту трех венцов. На усадьбе «Р» стоит большой пятистен XI-14\15-74 площадью не менее 80 кв. м. На усадьбе «И» – пятистенный сруб VIII-11/12-49; X-17/18-88 (70 кв. м). Вплотную к западной границе усадьбы «И» располагались малые однокамерные срубы хозяйственного назначения (рис. 8).

Разделение объединенной усадьбы «ПИ» на два разных двора не отразилось на статусе каждого из них. О высоком социальном уровне владельцев усадьбы «И» свидетельствует коллекция находок. К данному периоду относятся 17 берестяных документов (шесть из них с церковной тематикой); в числе находок стоит упомянуть золотую привеску и фольгу, многочисленные фрагменты стеклянных сосудов, деревянный штамп с изображением процветшего креста, булаву. На существование ремесленного производства указывает скопление бронзовых пластин и проволоки.

Следует отметить, что основные владельческие комплексы усадеб Ярышевой улицы существуют довольно стабильно. Перестраиваются и обновляются только хозяйственные постройки.

---

⁶ Один из вариантов объемной реконструкции предложен в работе С. А. Шаповаловой (*Шаповалова, 2000. С. 40–47. Рис. 25*).

Рис. 8. Усадьба «И». Комплекс хозяйственных построек второй половины XII в. Вид с юго-востока. Фото С. А. Орлова. 1990 г.

Конец XII – начало XIII в. связаны с двумя крупными пожарами (см. выше), которые не всегда удается разделить исходя из стратиграфических данных. Скорее всего, именно пожаром 90-х гг. была вызвана необходимость полной перестройки усадеб «К» и «М» Черницыной улицы, но при этом появившийся на этих дворах новый комплекс застройки (раскоп IX, ярус 12) достаточно хорошо соответствует по уровню залегания верхним венцам сооружений, стоящих на территории усадеб «О» и «П» начиная с 60-х гг. XII в. (раскоп IX, ярус 12, 13; раскоп X, ярус 16). Поэтому не вполне понятно, пережили ли бедствие девяностых годов дворы Ярышевой улицы, однако хорошая сохранность вертикальных конструкций застройки усадьбы «П», возникшей в 60-е годы XII в., может косвенным образом указывать на факт длительной лакуны в жизни данного усадебного комплекса.

В 90-е гг. на усадьбе «Г» появляются новые строения, возведенные, вероятно, сразу после пожара 90-х гг. Их местоположение заслуживает особого комментария. Небольшие по площади хозяйственные строения VIII-11-61 и VIII-11-60 (холодная клеть и постройка с печью в центре) были поставлены вплотную друг к другу вдоль линии той ограды, местонахождение которой соответствует границе между усадьбами «Г» и «З», утвердившейся в XIII в.

Можно предположить, что отдельные перепланировки в южной части северо-западного квартала наметились еще до событий, связанных с разгромом боярского клана Мирошкиничей.

Строительный горизонт начала XIII в. (горизонт 23) насыщен многочисленными остатками сгоревших строений и строительным мусором. Пожар 1209 г. явился своеобразным маркером, обозначившим черту, разделившую два разных периода жизни на северо-западных усадьбах Людина конца и на троицких усадьбах в целом. В последующий период социальная структура комплекса резко меняется, что находит отражение, в частности, в катастрофическом, по определению В. Л. Янина, уменьшении количества берестяных грамот на исследуемых усадьбах (Янин, 2008. С. 99).

Таким образом, предпринятое комплексное исследование позволило выявить основные закономерности, касающиеся формирования и развития планировочной структуры и усадебной застройки исследуемого квартала Людина конца на протяжении XII столетия. Одно из важных наблюдений, полученных на основе анализа троицких материалов, касается вопросов организации планировочной структуры средневекового Новгорода. Характер и масштабы перепланировок северо-западного «квартала», имевших место в конце 10-х гг. и в середине 50-х гг. XII в. и затронувших не только боковые границы владений, но и межуличанские частокотлы, позволили пересмотреть сложившиеся ранее представления о постоянстве и неизменности межусадебных границ (Янин, Колчин, 1978. С. 34, 35).

В заключение следует отметить, что в XII в. эволюция застройки изучаемых усадеб и замена мощения на прилегающих участках мостовых Пробойной, Ярышевой и Черницыной улиц происходят более динамично, чем когда-либо в предшествующий или последующий периоды. Этот процесс отображают 11 сводных горизонтов застройки, построенных в результате проведенного комплексного исследования и демонстрирующих подробную картину жизни на данном участке средневекового Новгорода на протяжении XII столетия. Меняются типы построек, принципы планировки, площади усадеб и их границы; при этом социальный статус большинства изучаемых усадеб, отраженный комплексом статусных находок, включающим в т.ч. многочисленные берестяные грамоты, остается неизменно высоким. В это время троицкие усадьбы, на которых проживают представители могущественных боярских семейств Новгорода, переживают свой расцвет.

Литература

- Бассальго Л. А., Сорокин А. Н., Хорошев А. С., 1989. Улицы Троицкого раскопа (топография, стратиграфия, хронология) // ННЗ. Вып. 2. Новгород. С. 63–66.
- Гайдуков П. Г., Тарабардина О. А., Фараджева Н. Н., 2012. Планировка усадеб Людина конца средневекового Новгорода в X–XV вв. // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: тез. докл. междунар. науч. конф. М.: ИА РАН. С. 13–16.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука. 168 с.

- Кубикова О. Л.*, 2017. Застройка и вещевые комплексы X–XII вв. усадьбы «М» (Троицкий раскоп) // ННЗ. Вып. 31. Великий Новгород. С. 107–115. НПЛ. М.; Л.: АН СССР, 1950. 642 с.
- Фараджева Н. Н.*, 2009. К вопросу о синхронизации строительных ярусов Троицкого раскопа (по материалам I, II, IV–XI раскопов) // Великий Новгород и средневековая Русь. М. С. 282–294.
- Фараджева Н. Н.*, 2010а. Постройки Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицких I–XI раскопов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Фараджева Н. Н., Гайдуков П. Г., Тарабардина О. А., Дубровин Г. Е.*, 2014. Развитие планировочной структуры Людина конца средневекового Новгорода (по материалам северо-западных усадеб Троицкого раскопа) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань. С. 343–346.
- Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.*, 2013. Усадьба И Ярышевой улицы Троицкого раскопа: топография, стратиграфия, хронология // ННЗ. Вып. 27. Великий Новгород. С. 129–142.
- Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.*, 2014а. Усадьба «О» Троицкого раскопа в Новгороде: топография, стратиграфия, хронология // ННЗ. Вып. 28. Великий Новгород. С. 204–217.
- Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.*, 2014б. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 134–160.
- Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.*, 2016. Улицы Людина конца средневекового Новгорода: задачи, проблемы и методика исследования // КСИА. Вып. 245. С. 7–21.
- Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.*, 2018. Формирование застройки «квартала» Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // ННЗ. Великий Новгород. Вып. 32. С. 142–156.
- Шатовалова С. А.*, 2000. Реконструкция новгородской усадьбы начала XIII в. // Новгородские древности. М. С. 40–47.
- Янин В. Л., Колчин Б. А.*, 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука. С. 5–56.
- Янин В. Л.*, 2004. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.: Наука. 415 с.
- Янин В. Л.*, 2008. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур. 425 с.

***

*Фараджева Наталия Николаевна, к. и. н., Москва,
Институт археологии РАН.
E-mail: fnn1@yandex.ru.*

*Тарабардина Ольга Альбертовна, к. и. н., Великий Новгород,
Новгородский музей-заповедник.
E-mail: o.tarabardina@mail.ru*

*Гайдуков Пётр Григорьевич, член-корр. РАН, Москва,
Институт археологии РАН.
E-mail: russianchange@narod.ru*

А. В. Зиновьев

Случай детского церебрального паралича в Твери времен Батыева нашествия

Резюме. В статье описан случай детского церебрального паралича в Твери во время нашествия Бату-хана (XIII век). Частично сохранившийся скелет принадлежал мужчине 50–60 лет. Скелет происходит из здания, которое, скорее всего, сгорело во время осады Твери в 1238 году.

Ключевые слова: Тверь, Монгольское нашествие, осада, детский церебральный паралич.

A. V. Zinoviev. The Case of Cerebral Palsy in Tver at the Time of Batu Khan Invasion

Abstract. The case of cerebral palsy in Tver at the time of Batu Khan invasion (13th century) is described. Partial skeleton belonged to the male of 50–60 years old. Skeleton is associated with the building, which was most probably burned down during the siege of Tver in 1238.

Keywords: Tver, Mongol invasion, siege, cerebral palsy.

Археология кремля как укрепленного центра средневекового города представляет крайний интерес не только массой артефактов, связанных с жизнью привилегированной части общества. Будучи убежищем в военные времена, кремль несет следы былых осад. Кроме остатков укреплений и элементов вооружения, о грозных временах нередко повествуют скелеты участников событий. Классическими можно считать примеры Киева (*Хойновский*, 1893), Старой Рязани (*Даркевич, Борисевич*, 1995), Изяславля (*Рохлин*, 1965) и Ярославля (*Энговатова и др.*, 2009), подвергшихся нападению монголо-татар во времена Батыева нашествия на Русь. Кости защитников здесь ассоциированы с остатками фортификаций, стариков, женщин, детей и калек – со строениями внутри кремля. Следы подобного распределения читаются и в сильно пострадавшем за прошедшие столетия культурном слое Тверского кремля (*Zinoviev et al.*, 2016). Настоящее сообщение посвящено случаю обнаружения в развале строения, сгоревшего, предположительно, при осаде Твери в Батыево нашествие в 1238 г., скелета пожилого мужчины, страдавшего детским церебральным параличом.

Материал и методика

Материалом послужил частичный скелет человека (рис. 1: А), извлеченный из развала сгоревшего сооружения в ходе спасательных раскопок, выполненных Тверским научно-исследовательским историко-археологическим и реставрационным центром (ООО «ТНИИР-Центр») на Соборной площади Тверского кремля в 2015 г. Пол установлен по сохранившимся тазовым костям, потенциальный рост – по большим берцовым костям, почти не деформированным заболеванием. Ряд позвонков, фрагменты ребер и костей правого предплечья, найденные в развале того же дома, могли принадлежать указанному индивиду, но в отсутствие полной в этом уверенности нами не рассматривались.

Результаты и обсуждение

Кости, доступные для исследования и принадлежавшие одному пожилому мужчине, представлены на рис. 1. Дистрофическими и иными изменениями, связанными, вероятнее всего, с детским церебральным параличом, более всего затронуты бедренные кости и район тазобедренных суставов (рис. 1: Б, В). Ограниченное движение в указанных суставах с возрастом сказалось в недоразвитии шейки бедренных костей, а также их тел, в особенности проксимальных участков. Правая конечность недоразвита в большей степени; это касается и размера суставной поверхности головки (рис. 1: Г, Д, сравни с 1: Е, Ж), и толщины стержня бедренной кости. Бедренная кость левой конечности мощнее и латерально изогнута – результат приходившейся на нее большей нагрузки. Несмотря на деформацию суставных поверхностей тазобедренного сустава из-за ограниченной подвижности нижних конечностей, подвижность эта сохранялась до смерти индивидуума, не позволяя полного суставного синостозирования. В отсутствие остальных костей скелета мы не можем судить о позе калеки; можем лишь констатировать ограниченную подвижность в тазобедренных суставах. Человек ковылял, опираясь преимущественно на левую ногу, в то время как правая, более длинная, испытывала меньшую нагрузку. Ее слабость, как и общее недоразвитие задних конечностей, скорее всего, компенсировали костыли.

Проживший с заболеванием до 50–60 лет, мужчина был достаточно высок для своего времени – 173 см, хотя из-за искривленной болезнью позы рост его мог быть меньше потенциального. Его гибель, по всей видимости, связана с гибелью строения в пожаре (А. Н. Хохлов, личное сообщение). Отсутствие следов термических изменений на костях исключает контакт тела с огнем; возможно, мужчина находился в самом основании строения (подпол, подклет) и был погребен под рухнувшими конструкциями. Фрагменты скелетов пожилой женщины, девушки и ребенка 6–7 лет, найденных в развале того же строения, несут следы воздействия огня.

Заключение

Пожилой мужчина, страдавший детским церебральным параличом, погиб в обрушившемся при пожаре строении Тверского кремля, вероятнее всего, при

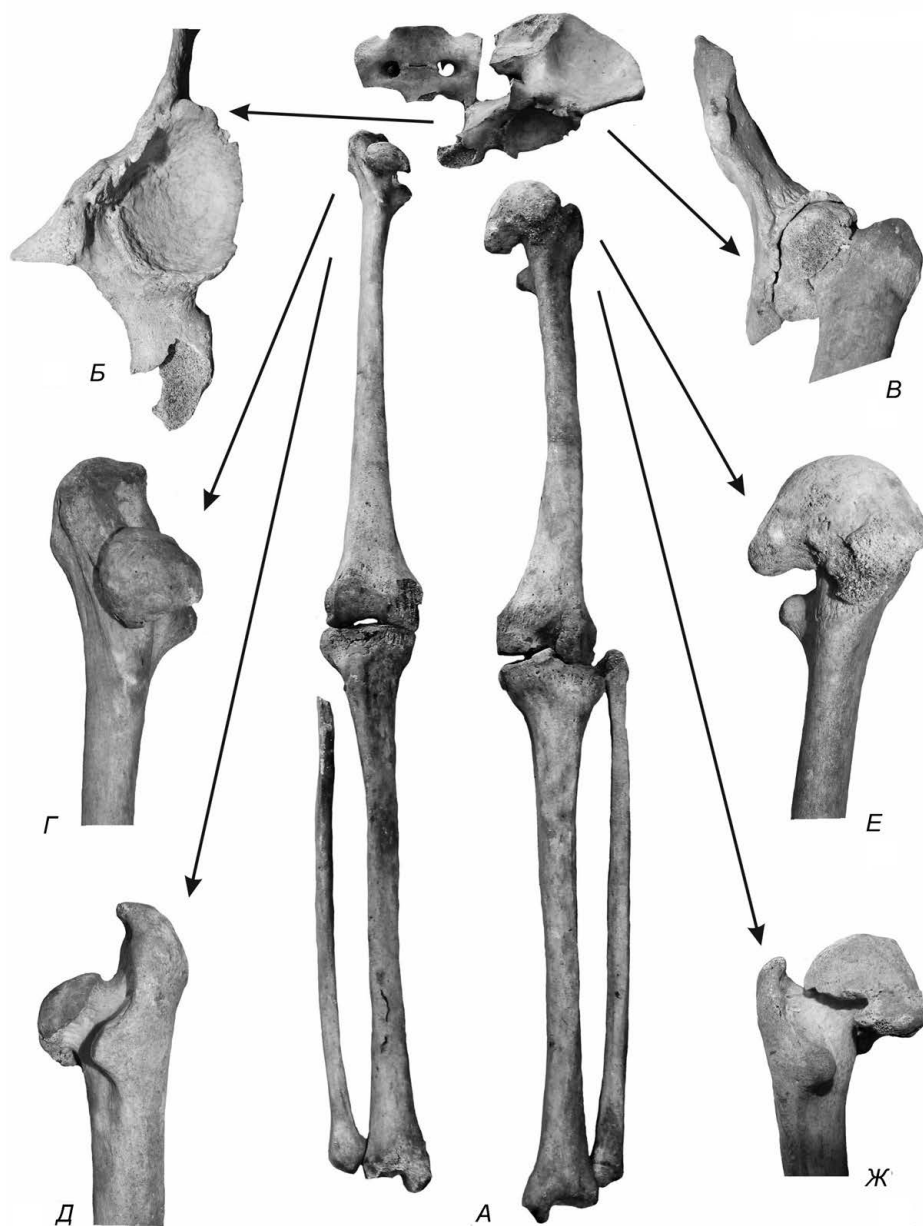

Рис. 1. Фрагменты скелета мужчины 50–60 лет, деформированные детским церебральным параличом: А – общий вид останков спереди; Б – левая ацетабулярная впадина; В – левый тазобедренный сустав; Г – проксимальная часть правой бедренной кости краниально и Д – каудально; Е – проксимальная часть левой бедренной кости краниально и Ж – каудально

осаде его ордами Батыя в 1238 г. Находившееся в основании строения тело калеки не было доступно огню, в отличие от тел пожилой женщины, девушки и ребенка, погибших в этом же доме. Непригодные для защиты города люди укрывались, скорее всего, в постройке за пределами фортификационных сооружений и здесь нашли свою смерть.

Благодарности

Выражаю благодарность Александру Николаевичу Хохлову и Анастасии Борисовне Ивановой (ООО «ТНИИР-Центр», Тверь) за предоставленные для исследования материалы.

Литература

- Даркевич В. П., Борисевич Г. В.*, 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 448 с.
- Рохлин Д. Г.*, 1965. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные. М.; JL: Наука. 305 с.
- Хойновский И. А.*, 1893. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. Археологически-историческое исследование. Киев. 118 с.
- Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н.*, 2009. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. № 2. С. 68–78.
- Zinoviev A. V., Khokhlov A. N., Ivanova A. B.*, 2016. On the human remains from the medieval fortification of Tver Kremlin (Russia) // Bulletin of the International Association for Paleodontology. Vol. 10, no. 1. P. 16–20.

***

*Зиновьев Андрей Валерьевич, д-р биол. н., Тверь,
Тверской государственный университет.
E-mail: nyroca2002@gmail.com*

О. В. Андреева, П. Е. Сорокин

Печные изразцы из раскопок города Ниена

Резюме. В статье анализируется коллекция печных изразцов из раскопок Ниена, выделяются два основных типа (сосудообразные изразцы и изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами, декорированные рельефными изображениями, покрытыми глазурью). Сделаны предварительные выводы о временных рамках использования различных видов изразцов в Ниене, выделены изразцовые наборы с основными типами орнаментальных мотивов.

Ключевые слова: Ниен, изразцы, изразцовый набор, печи.

O. V. Andreeva, P. E. Sorokin. Stove Tiles from the Excavations of the City of Nien

Abstract. The article analyzes the collection of stove tiles from the Nien excavations, and identifies two main types (vessel-shaped tiles and tiles with rectangular face plates, decorated with glazed relief images). Preliminary conclusions about the time frames for the use of various tile types in Nien are made, and tile sets with the main types of ornamental motifs are identified.

Keywords: Nien, tiles, tile set, stoves.

Шведский город Ниен возник рядом с крепостью Ниеншанц, построенной в 1611 г. при устье р. Охты. Официальные городские права город получил в конце правления короля Густава II Адольфа в 1632 г. Ниен задумывался шведским правительством как центр русско-шведской торговли на пути из Северо-Западной России в Балтику. Население города постепенно увеличивалось с середины XVII в. с 470 человек в 1640-е гг. до 2,5 тыс. к началу XVIII в. В начале Северной войны, в октябре 1702 г. он был оставлен населением и сожжен шведскими войсками перед приходом русских войск (*Шаскольский*, 1987. С. 335; *Сорокин*, 2001. С. 52–83). Впоследствии, в 1720-х гг. на территории Ниена появилась деревянная застройка Охтинских слобод, сохранявшаяся вплоть до середины XX в., когда здесь началось каменное строительство. В 1992–2008 гг. в центральной части Ниена (р-н ул. Конторская) был изучен участок культурного слоя XVII в. на площади около 900 кв. м мощностью до 2 м. Открытые остатки 11 построек делятся на наземные и заглубленные,

в зависимости от конструкции стен – на каркасно-столбовые и срубные (Сорокин, Андреева, 2017). Три крупных пожара, происходивших в городе в 1656 г., 1681 г., 1702 г., согласно документам, местами выделяются стратиграфически (рис. 1: 1, 2). Абсолютные даты отдельных построек были получены радиоуглеродным и дендрохронологическим методами¹.

В составе ниенской коллекции 671 фрагмент печных изразцов, что составляет пятую часть от общего числа артефактов (3656 находок). Изразцовые детали делятся на два основных типа. К первому относятся 66 фрагментов сосудобразных изразцов (60 гончарных и 6 лепных) с квадратным устьем, без поливы и декора (рис. 2: 1, 2). Основания таких изразцов утапливались в глинобитные печи. Ко второму типу относятся изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами, декорированные рельефными изображениями, покрытыми глазурью. Они облицовывали печи и крепились к глиняному массиву с помощью кия или прямоугольной рифленой румпы с закраиной. Коллекция рельефных поливных изразцов включает 605 фрагментов, большинство из которых найдено вне контекста печей, они разрознены, деформированы и оплавлены, что затрудняет их определение. Детали изразцов этого типа можно разделить по форме на 2 основные группы – прямоугольные и фигурные. Первые, в зависимости от положения в кладке, делятся на горизонтальные, вертикальные и комбинированные (рис. 3). Среди вертикальных деталей выделяются лицевые и угловые, к горизонтальным относятся городки и несколько видов тяг, различающихся формой профиля: поясовые, в виде полувала, четвертного вала и валика. Комбинированные детали объединяют в себе несколько простых (лицевой вертикальный изразец и горизонтальную профилированную тягу и т. д.) (рис. 3: 5). Среди вертикальных и горизонтальных выделены сложносоставные и составные угловые детали, образованные путем соединения по горизонтали двух вертикальных или горизонтальных. Сложносоставные объединяют две детали разного типа (рис. 3: 8), составные – однотипные детали (рис. 5: 2). Группа фигурных изразцов малочисленнее: фонарики, ниши, фигурки, не входившие в основной набор и служившие для дополнительного декорирования печей (рис. 3: 9, 10).

Лицевые рельефные пластины изготавливались с помощью специальных форм-матриц, пластины по сырой глине скреплялись с румпой. В зависимости от глубины резьбы матриц получались изразцы с высоким рельефом – 4–13 мм (рис. 3: 6а, 6б) и с низким – 1–3 мм (рис. 3: 6б, 6в). Часть изразцов делалась с рамкой, выступающей по периметру лицевой пластины (рис. 2: 3–8; 3: 4), другая без нее (рис. 4, 5).

Лицевые изразцы были украшены растительным орнаментом (рис. 3–5) или фигуративными (сюжетными, жанровыми) изображениями в обрамлении архитектурных форм. Первые могли сочетаться с горизонтальными профильными деталями с аналогичным либо геометрическим и растительно-геометри-

---

¹ Радиоуглеродные даты получены в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, дендрохронологические исследования проводились в Новгородском археологическом центре О. А. Тарабардиной.

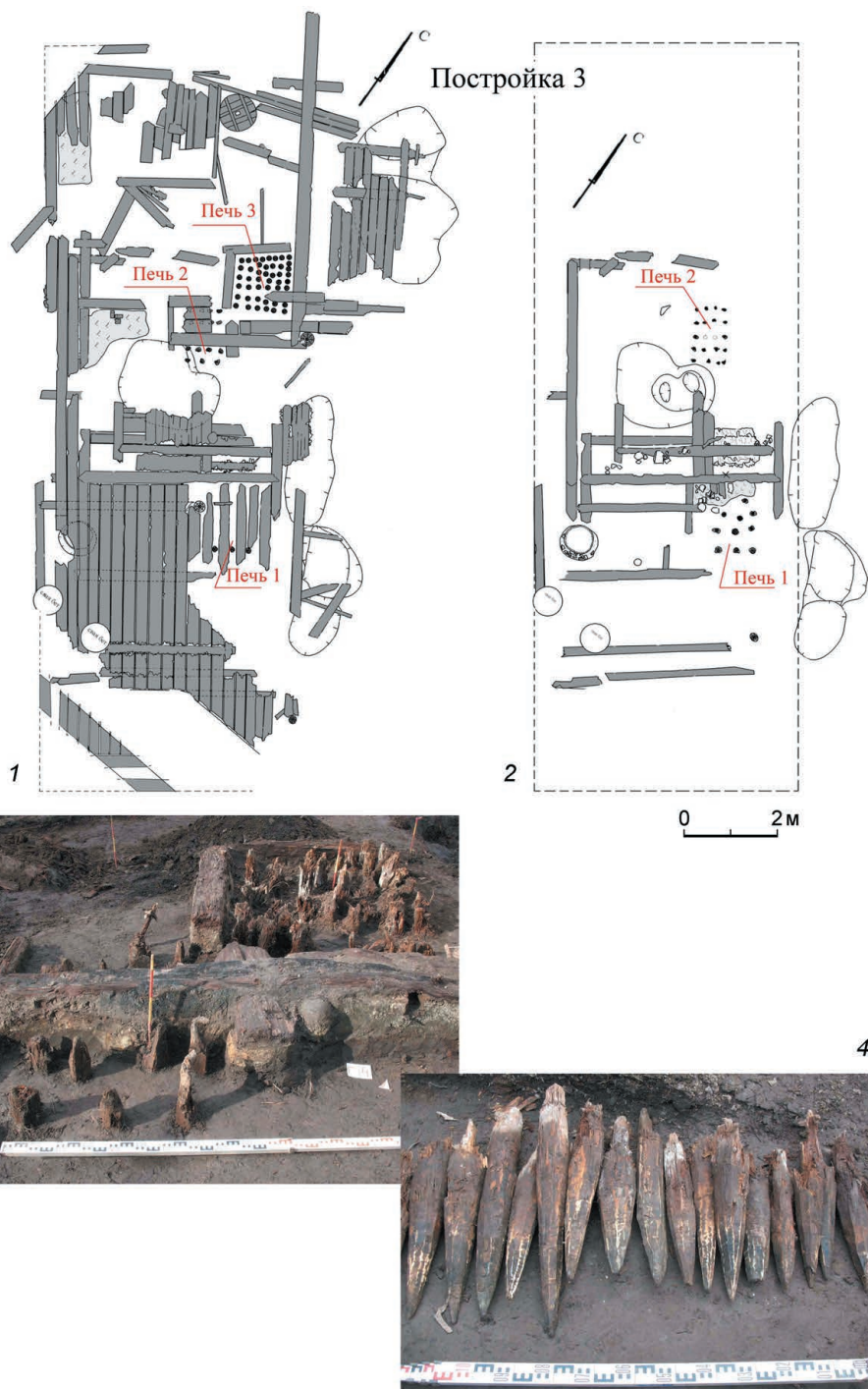

Рис. 1. Ниен. Постройка 3. Основание печей: 1 – план верхнего яруса постройки; 2 – план нижнего яруса постройки; 3 – основания печей 2 и 3; 4 – колья основания печей

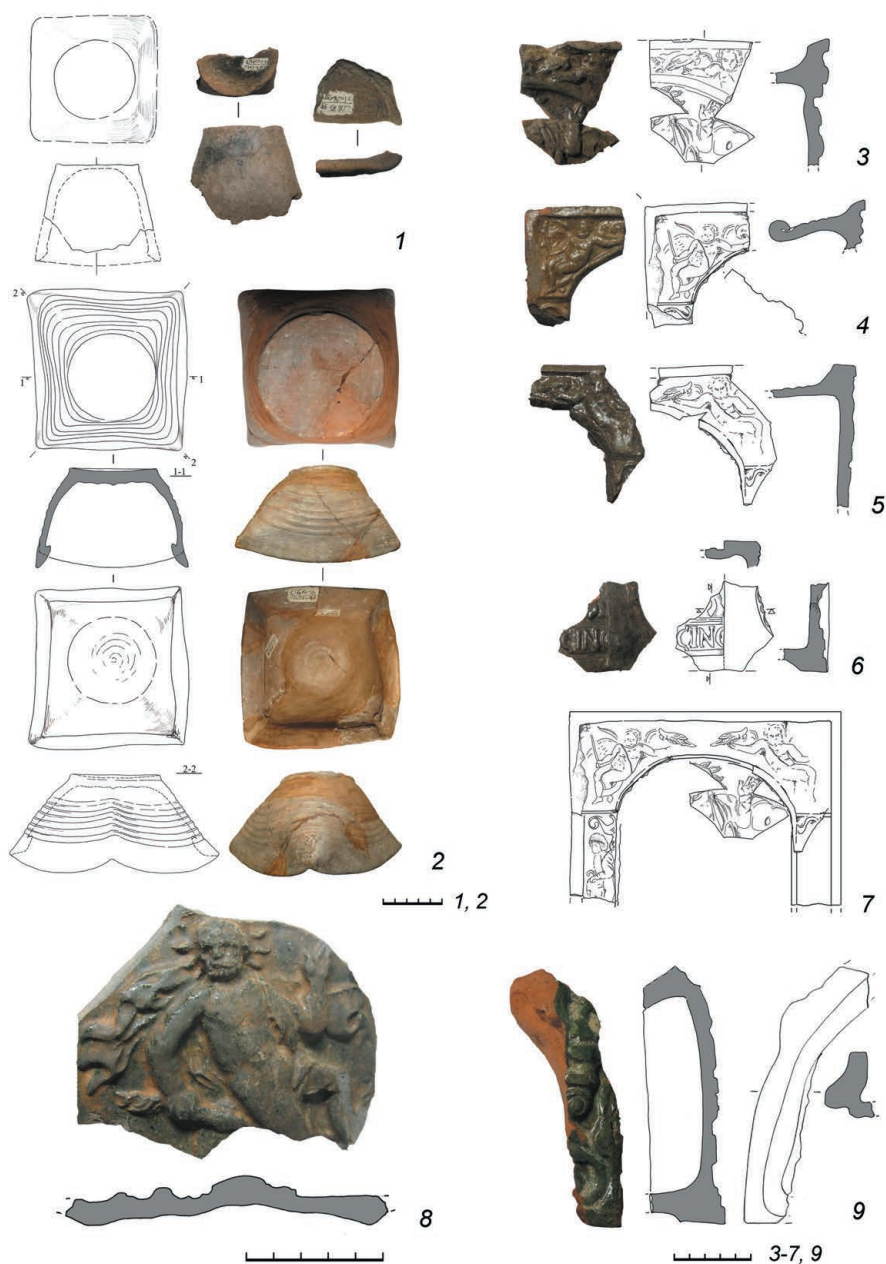

Рис. 2. Сосудообразные изразцы: 1 – лепные; 2 – гончарные. Группа изразцов с фигуративными изображениями: 3–6 – лицевые детали; 7 – реконструкция лицевой детали; 8 – фрагмент аналогичной детали (Ниеншанц, раскоп 44/№ 331); 9 – фрагмент горodka с килем по периметру

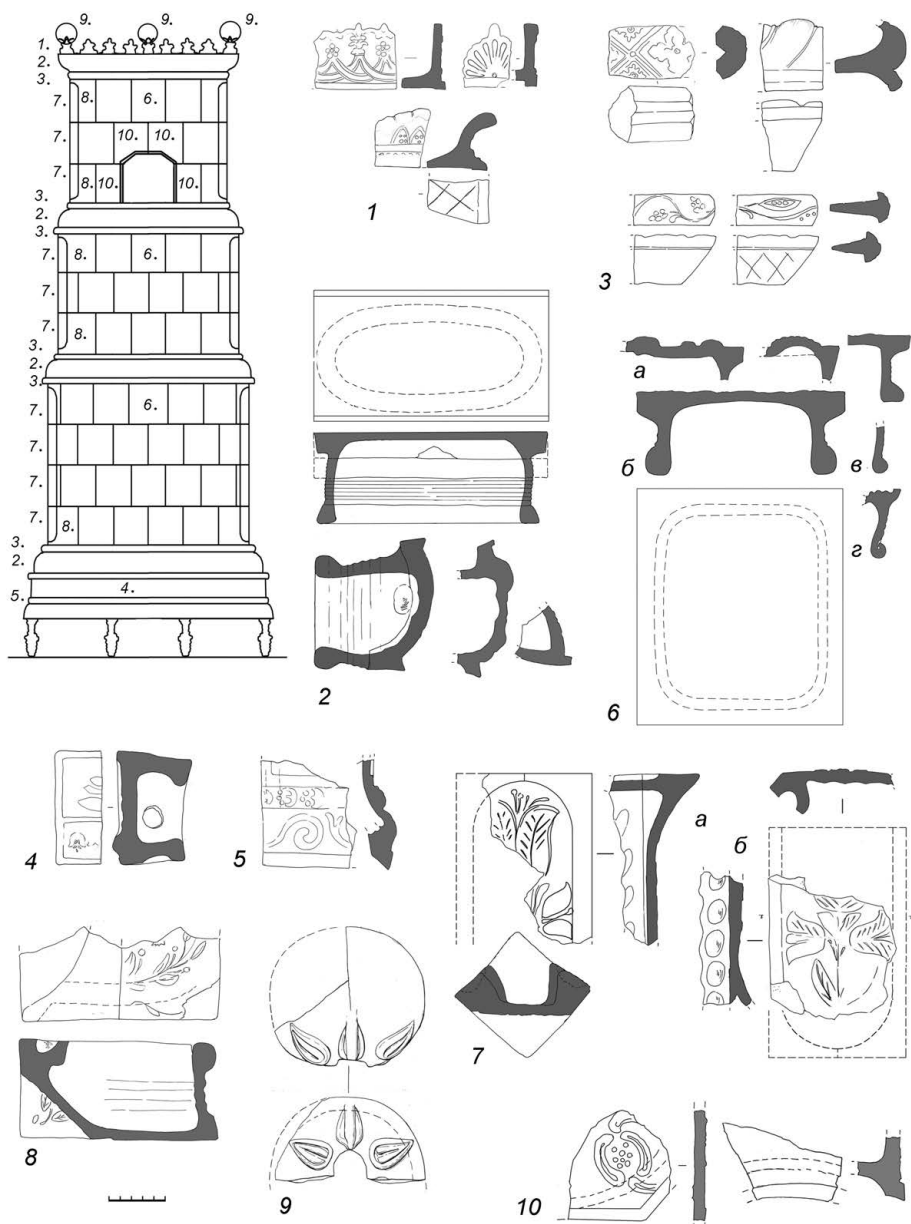

Рис. 3. Вариант реконструкции печей второй половины XVII в. из изразцов с растительным орнаментом (группа 1). Основные типы и схема расположения деталей стандартного печного набора: 1–4 – горизонтальные детали (1 – городок; 2 – четвертной вал/полуval; 3 – валик; 4 – поясовой); 5 – комбинированная деталь (плинтус); 6, 7, 10 – вертикальные детали (6 – лицевой: а, з – высокий рельеф, б, в – низкий рельеф; 7 – вертикальная угловая деталь: а – прямая, б – обратная); 8 – вертикальная (угловая) сложносоставная деталь; 9 – фигурная деталь (фонарик)

Рис. 4. Изразцовые наборы печей (группа изразцов с растительным орнаментом): 1-3 – орнаментальный мотив – «лавровый венок» (середина – вторая половина XVII в.); 4-7 – орнаментальный мотив – «плоды и колосья» («дары природы») (вторая половина – конец XVII в.)

ческим орнаментом, вторые – со сложнопрофилированными горизонтальными деталями, декорированными архитектурными элементами, характерными для резьбы по дереву и лепнины (рис. 2: 3–9). При анализе рельефного рисунка первой группы выделены орнаментальные мотивы, повторяющиеся на деталях различной формы и, вероятно, относящиеся к типовым изразцовым наборам (рис. 2–5). Орнаментальные композиции деталей с волнистым орнаментом и раппортом, с симметричным и асимметричным изображением, с различной насыщенностью рисунков, с ковровым орнаментом и стилизованным узором могут служить признаками для отнесения к определенному набору.

Для защиты лицевой поверхности и придания изделию блеска и цвета изразцы покрывались (поливались) свинцовой глазурью, основными компонентами которой были окись свинца (глет) и песок. На деталях отмечено применение прозрачной и глухой (непрозрачной) глазури, в которых глушителем могли выступать соединения типа оксида олова. Глазурь наносилась на терракотовую заготовку без обработки либо по слою светлого ангоба (полива по подложке). Встречены изделия с глухой поливой: белой, зеленой малахитовой, серо-зеленой оливковой, темной с графитовым отливом, а также детали, покрытые прозрачной зеленой, зелено-коричневой, коричневой и желто-коричневой поливой.

Разделение найденных фрагментов на две группы, в зависимости от содержания рисунка и типологического анализа деталей, показало, что для изразцов с растительным орнаментом более характерны простые формы деталей. Их набор оказался достаточно стандартным, с минимальным количеством комбинированных деталей (рис. 3). Предположительно, такие наборы использовались на небольших прямоугольных в плане двухкамерных печах. Размер их основания, вероятно, был близок основаниям печей, зафиксированным в постройке 3, и составлял около 1,3×0,8–1,0 м (рис. 1: 1, 2). Печи могли располагаться как в нижнем цокольном, так и на верхнем этаже. Они опирались на фундаменты из необработанных известняковых плит (постройки 4, 5)² или на кладку, в основании которой могла быть деревянная система в виде сетки часто вбитых кольев, вероятно, связывавшихся в верхней части обвязкой, и опечком (постройка 3) (рис. 1: 3, 4). В одних развалах с изразцами второй половины XVII в. были найдены кирпичи размерами 28–26×12–14×6,5–7,0 см, использовавшиеся, вероятно, как и сырец, для устройства печей. Информация о кирпичных заводах в окрестностях Ниена содержится в исторических документах.

На фасаде печи широкая нижняя часть и более узкая верхняя образовывали ярусы, разделенные простыми прямыми и обратными горизонтальными тягами в форме четвертного вала и используемыми как карниз, переходная деталь или плинтус. Углы срезались при помощи угловых трехгранных деталей, верх кладки завершал резной городок – вертикальный, выгнутый или вогнутый. Для усиления декоративного эффекта количество ярусов могло быть увеличено, как дополнительные декоративные элементы использовались

² Развалы плит и кирпича обнаружены в заполнении заглубленных частей построек 4 и 5.

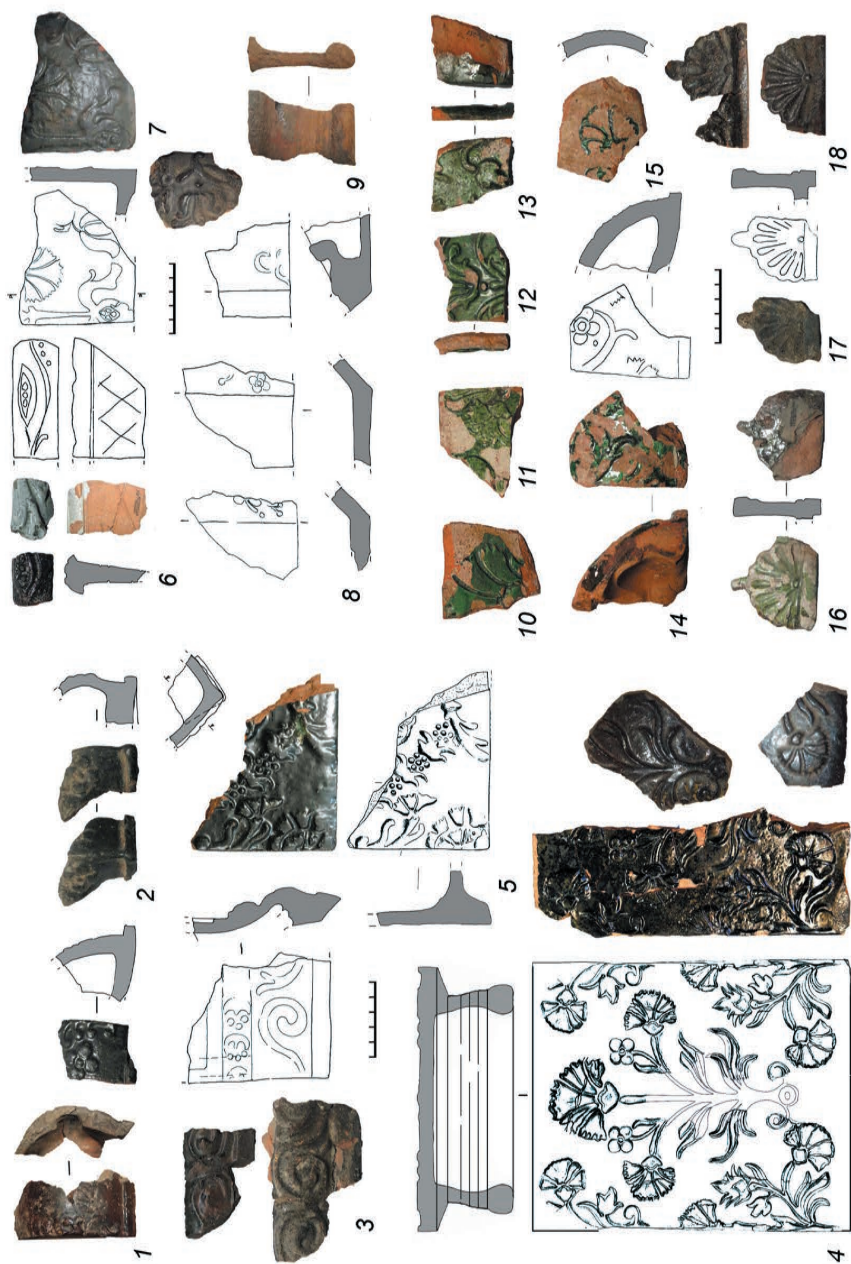

Рис. 5. Изразцовые наборы печей (группа изразцов с растительным орнаментом): 1–9, 18 – орнаментальный мотив – «гвоздика» (третья четверть – конец XVII в.); 10–17 – орнаментальный мотив «гвоздика» с поливой по ангобу (середина XVII в.)

Таблица 1

Рельефные поливные изразцы XVII в.

Тип детали \ Орнаментальный мотив	Фигуративные	«Лавровый венок»	«Гвоздика» по ангобу	«Гвоздика»	«Плоды и колосья»	Другие мотивы	ВСЕГО:
Лицевые	5	24	6	34	108	24	201
Полувал/четвертной вал		16	2	4	29	11	62
Валик				18	36	3	57
Румпы		34		39	129		202
Угловые вертикальные						25	25
Угловые сложносоставные		1					1
Угловые составные				1		1	2
Комбинированные/плинтус						13	13
Городок			4			8	12
Ниша						4	4
Рамочные				3		2	5
Фигурные						11	11
ВСЕГО:	5	75	12	99	302	102	595*

горизонтальные поясовые изразцы, валики и фонарики. Детали оформления полукруглых и трапециевидных ниш на фасаде печи были применимы и для облицовки устья топки с тыльной стороны. В среднем на небольшую двухъярусную печь размерами 1,0×0,85 м и высотой, не превышающей средний человеческий рост, при использовании минимального количества дополнительных декоративных деталей требовалось около 200 изразцов. Детали разных наборов были взаимозаменяемыми, и в случае ремонта или замены определяющим моментом при выборе была форма. При облицовке печей второй группы, декорированных изразцами с фигуративными изображениями в обрамлении архитектурных элементов, использовались детали, в основе своей имеющие ту же форму, но более сложного профиля (рис. 2: 3–9).

В результате изучения 605 фрагментов 595 изразцовых деталей и их распределения по слоям и постройкам можно сделать предварительные выводы о временных рамках использования различных видов изразцов в Ниене, а также выделить изразцовые наборы с основными типами орнаментальных мотивов³ (табл. 1).

Самыми ранними на исследованном участке города были каркасно-столбовые постройки 2 и 3 второй четверти XVII в. Внутри трехчастной постройки 3 были расчищены основания трех печей разных периодов – 2 в центральной

³ При выделении орнаментального мотива название давалось условно и отражало наиболее характерный и узнаваемый элемент узора или орнамента на фрагментах.

и 1 в южной – зимней – комнате (рис. 1). Основания представляли собой прямоугольные площадки, образованные вертикально вбитыми в грунт с интервалами 0,20–0,50 м кольями длиной до 90 см и диаметром 10–12 см. Размеры оснований: 1,10×1,20; 0,80×1,30; 0,90×1,20 м. Рядом с центральной площадкой обнаружено скопление фрагментов сырцового кирпича размерами 17,0×17,0 и 23,0×13,0 см, а также обычный кирпич размерами 28,0×12,5×6,5 см. Под дощатыми полами этой постройки в южной – зимней – комнате обнаружены только сосудобразные изразцы. В небольшом количестве они присутствовали в соседних комнатах, а также на уличных настилах и под ними. Скопление таких изразцов, вероятно от одной печи, обнаружено на месте располагавшегося поблизости немецкого храма. Сосудобразные изразцы найдены в постройках начала – середины XVII в., но встречаются в городских слоях до конца этого столетия.

С постройками второй четверти – середины XVII в. связаны находки рельефных поливных изразцов с высоким рельефом и фигуративными изображениями. Фрагменты семи таких деталей в незначительном количестве обнаружены на досках пола построек 2 и 3, а также в нижнем слое постройки 9. Шесть из них – это лицевые прямоугольные вертикальные детали с рамочным высокорельефным изображением, покрытым глухой серо-зеленой поливой оливкового оттенка. Тонкая румпа с неглубоким рифлением средней частоты имеет неплотно загнутую округлую закраину. В центре композиции – человеческая фигура в обрамлении арки и колонн, которая может быть интерпретирована как изображение античного героя Геракла⁴. Слева и справа на своде арки зеркально расположены две фигурки путти – крылатых мальчиков. Они, полулежа, опираются на архивольт арки, одна рука с сидящей птицей вытянута над аркой к центру, в другой руке зажат жезл или стрела. Через плечо перекинут ремень колчана, из-за плеча виден лук. Пятки арки украшены завитком. На левой колонне – изображение сторбленной человеческой фигуры с посохом (рис. 2: 3–5, 7, 8). Еще одна, предположительно, сложносоставная деталь состоит из рельефной розетки и фрагмента лицевого (?) изразца с сохранившимся окончанием рельефной надписи «...CINO» (рис. 2: 6).

Предположительно, к середине XVII в. относятся изразцы с низким рельефом из построек 2, 3, декорированные ковровым орнаментом с изображением «гвоздики», переходящим на соседние детали. В наборе лицевые детали, городок и четвертной вал с зеленой поливой по белому ангобу (рис. 5: 10–17).

Изразцовый набор с изображением «лаврового венка» мог использоваться в печах срубных заглубленных построек 1 и 4, а также в постройках, находившихся рядом с постройками 7 и 10, середины – второй половины XVII в. Лицевые изразцы набора с зеленой, коричневой, реже – темной поливой с графитовым отливом декорированы низкорельефным растительным орнаментом с симметричным изображением букета в обрамлении венка и соцветиями со стеблями в углах. В наборе лицевые изразцы с массивной румпой и четверт-

⁴ Фрагмент центральной части аналогичной детали найден в 2010 г Ниеншанце (ГОА ИИМК РАН).

ной вал с изображением букета без венка (рис. 4: 1, 2). В нем могли использоваться угловые детали из набора с изображением «колокольчика» (рис. 4: 3), вогнутые городки с геометрическим орнаментом в виде треугольников и точек (рис. 3: 1). Вероятно, к этому же времени относится набор с аналогичной румпой и лицевыми изразцами с изображением венка из вьющихся растений и птицы, клюющей гроздь, – «венки и птицы».

Изразцовый набор с основным ковровым изображением «гвоздики» известен по находкам третьей четверти – конца XVII в. на месте сооружения 10. В центре лицевого изразца с темной поливой без рамки – симметричное низкорельефное изображение букета из трех гвоздик и двух крестоцветов в стилизованной вазе. Вдоль боковых срезов изразца в верхней и нижней части размещены половинки подобных букетов из гвоздик (рис. 5: 1–9). Существует не менее трех вариантов схожих наборов, объединяемых стилистически близким изображением гвоздики (рис. 5: 5, 7). В сочетании с этими деталями встречаются валики с орнаментальным мотивом «стручок», покрытые темной и белой поливой и килем с ромбическим расчерчиванием, детали типа четвертного вала и поясовые с ковровым орнаментом и изображением гвоздики, а также городок «пальметта» (рис. 5: 18). Вместе с ними были найдены и могли быть использованы при облицовке изразцы из других наборов – детали типа плинтуса с изображением «бегущей волны» (рис. 5: 3), угловые вертикальные с темной поливой и низким рельефом, а также узкорамочные.

Изразцовый набор с основным изображением «плоды и колосья» известен со второй половины – последней четверти XVII в. Он был использован в печах построек 5 и 7. Печи были выполнены из кирпича и, предположительно, установлены на фундамент из необработанных известняковых плит. Развал подобного фундамента был найден в заполнении постройки 5. Мотив встречается на изразцах, декорированных растительным орнаментом. На лицевом изразце без рамки в центре пластины помещено симметричное относительно вертикальной оси стилизованное изображение так называемых даров природы, в частности – цветущего плода граната. В верхней части – раскрывшийся цветок с тычинками, под ним плод в разрезе и ниже – черенок, возможно, в стилизованной вазе. Верхние углы заняты диагонально расположенными парами колосьев, нижние – симметрично размещенными элементами в форме «восточного огурца». Влево и вправо от плода граната расходятся ростки с плодами груши и крупной ягодой тутовника под ними. Поле слабо насыщено, рельеф высокий, цвет поливы – темно-коричневый либо темный с графитовым отливом. Орнаментальный мотив с небольшими изменениями повторяется на горизонтальных деталях в форме полувала и четвертного вала (рис. 4: 4–7). На деталях отмечено использование темно-коричневой поливы, а также в одном случае – глухой белой поливы в сочетании с росписью рельефа кобальтом (заполнение постройки 1, верхний уровень)⁵. На обороте деталей закреплена румпа с частым, прорезанным гребенкой рифлением и уплощенной

⁵ Дендродаты двух строительных периодов – 1667 и 1682 гг.

закраинной подтреугольной формы. В сочетании с этими деталями встречаются валики с орнаментальным мотивом «гроздь», покрытые темной поливой преимущественно коричневого оттенка, и килем без ромбического расчерчивания, а также могут быть использованы аналогичные детали с отличающимся орнаментом и темной поливой (рис. 3: 3; 4: 6). Завершение фасада могло быть украшено городком с растительно-геометрическим орнаментом «плетенка» (рис. 3: 1) с деталями – фонарик «яблоко» (рис. 3: 9) по углам и на фронтоне. Кроме того, в наборе были использованы детали из других наборов – угловые детали с темной поливой, низким рельефом и слабо насыщенным орнаментом, сложнопрофилированная деталь типа плинтуса с изображением завитка или бегущей волны с румпой с редким рифлением (рис. 4: 5), а также детали для оформления полукруглой и трапециевидной ниши с уплощенным стилизованным орнаментом (рис. 3: 10).

Среди рельефных поливных изразцов первой группы выделяются и другие мотивы второй половины – конца XVII в., представленные единичными находками, в числе которых, в частности, лицевой изразец с асимметричным стилизованным барочным изображением стебля подсолнуха с крупными соцветиями («подсолнухи»). Рисунок слабо насыщенный, рельеф высокий, покрыт коричневой поливой. Встречаются фрагменты изразцов с уплощенным стилизованным растительным орнаментом, больше похожим на узор, а также изразцы со слабо насыщенным рисунком – букетом «крестоцветы» и др.

Кроме того, в слое второй четверти XVII в. обнаружены детали наборов, не имевших широкого распространения, – это фрагменты крупного городка с массивным килем по периметру (рис. 2: 9); лицевая деталь для круглой (?) печи с массивным вертикальным килем; фрагмент высокорельефной человеческой фигуры – может быть, частью рельефа либо терракоты, установленной в нише.

В некоторых случаях удалось проследить либо реконструировать основные размеры деталей. Высота румпы с лицевой пластиной всех наборов не превышала 5,5–6,5 см. Размеры пластин с разными мотивами составляли: 18,3×19,8 см – «лавровый венок»; 16,3×19,8 см – «венки и птицы»; 17,5×21,0 см – «гвоздики»; 19,4×21,3 см – «подсолнухи»; 18,6×... – «плоды и колосья». Ширина прямоугольных горизонтальных тяг с овальной отступающей от края рифленной румпой, в поперечном сечении имевших форму вала либо четвертного вала с уступом и/или полочкой, составляла 11–12 см: 11,8×21,7 см – «колокольчик», 12,2×22,0 – «плоды и колосья». Их румпа была скошена, высота ее составляла от 3,3 до 7,9 см. Ширина стандартных прямоугольных горизонтальных тяг, в поперечном сечении имевших форму валика, составляла 2,4–2,8 см; высота киля с валиком не превышала 4,7–5,7 см (длина деталей не установлена). Реконструируемые размеры изразца с фигуративными изображениями – 17,5×20,0 см.

Изучение коллекции изразцов позволяет наметить общую схему развития изразцовых печей в постройках города и установить начало использования во второй половине XVII в. типовых наборов и мотивов. Сосудобразные изразцы встречаются с фигуративными в первой половине XVII в. Около середины столетия распространяются мотивы «лавровый венок» и «гвоздика»

с зеленой поливой по ангобу; во второй его половине сохраняется мотив «гвоздика» с коричневой поливой и появляется мотив «плоды и колосья». Печные наборы с выделенными орнаментальными мотивами были распространены и в других городах Ингерманландии и восточных провинций Швеции (Ruukkuja ja ruhtinaita..., 2007).

Литература

- Сорокин П. Е.*, 2001. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.
- Сорокин П. Е., Андреева О. В.*, 2017. Конструктивное устройство построек шведского города Ниена // АИППЗ. Заседание 62 (2016 г.). Вып. 32. Псков. С. 398–405.
- Шаскольский И. П.*, 1987. О судьбе архивных материалов г. Ниеншанца // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 18. М. С. 333–342.
- Ruukkuja ja ruhtinaita. Saviastioita ja uunikaakeleita ajalta 1400–1700 = Pots and Princes. Ceramic Vessels and Stove Tiles from 1400–1700. Turku, 2007. 224 p. (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae; XII).

***

*Андреева Ольга Викторовна, Санкт-Петербург, Северо-Западный научно-исследовательский институт культурного и природного наследия.
E-mail: szi.nasledie@yandex.ru*

*Сорокин Петр Егорович, к. и. н., Санкт-Петербург,
Институт истории материальной культуры РАН.
E-mail: petrsorokin@yandex.ru*

В. Н. Матвеев, Н. В. Новоселов

Находки сосудов каменной массы с территории Летнего сада в Санкт-Петербурге (по материалам археологических раскопок 2009–2011 годов)

Резюме. В ходе масштабных археологических работ, проведенных в рамках реконструкции Летнего сада в 2009–2011 гг., была собрана внушительная коллекция (более 5 тыс.) археологических находок, в том числе 49 фрагментов различных изделий из каменной массы. Большинство найденных предметов – фрагменты бутылок из-под минеральной воды XVIII и XIX вв. (33 фрагмента). Отдельную группу составляют фрагменты сосудов из мастерских Вестервальда XVII – начала XVIII в. (10 экз.): пивных кружек, вазы, а также несколько фрагментов, первоначальную форму которых определить затруднительно. Два фрагмента относятся к миниатюрным бутылочкам из-под бальзама рубежа XIX–XX вв. местного производства. Фрагменты сосудов других типов единичны – это части чаши, чашки, тарелки и горшка. Собрание предметов из каменной массы отражает поздний этап развития этого ремесла, когда преобладающим типом сосудов становится бутылка для минеральной воды (по коллекции можно проследить изменение формы этих сосудов на протяжении двух веков), а производство парадной столовой посуды постепенно сходит на нет.

Ключевые слова: Летний сад, каменная масса, бутылки, кружки, кубки.

V. N. Matveev, N. V. Novoselov. Stoneware Vessels from the Territory of Summer Garden in St.-Petersburg (on Materials of the Archeological Excavations in 2009–2011)

Abstract. There was a huge collection (more than 5 thousand) of archeological finds gathered during the excavations in Summer Garden in St.-Petersburg in 2009–2011 and among them were 49 fragments of various stoneware vessels. The biggest part of the collection was formed of 33 pieces of mineral water bottles from the 18th and 19th centuries, also there were 10 fragments of decorative tableware from Westerwald of 17th – beginning of 18th cent., 2 fragments of small bottles of balsam (the end of the 19th – beginning of the 20th century) of local production and some individual fragments of difficult-attributed things. This collection of stoneware vessels reflects the late period of this craft, when the mineral water bottle became a prevailing type (one could trace the changing of shape of bottle through two centuries) and the production of luxurious tableware gradually disappeared.

Keywords: Summer garden, stoneware, bottles, mugs, cups.

В 2009–2011 гг. на территории Летнего сада в Санкт-Петербурге осуществлялись масштабные археологические исследования, связанные с реконструкцией старейшего ландшафтного комплекса города. Раскопки проводились Санкт-Петербургской археологической экспедицией СЗНИИ Культурного и природного наследия под руководством П. Е. Сорокина и Н. В. Новоселова. Изыскания этих лет явились продолжением археологических работ, которые велись на территории Летнего сада в 1970–1980-е годы (автор раскопок В. А. Коренцвит) и в 2005–2006 гг. (автор раскопок П. Е. Сорокин).

В ходе исследований 2009–2011 гг. были раскрыты многие архитектурные и гидротехнические объекты, созданные в первой трети XVIII в. и прекратившие свое существование после наводнения 1777 г. Общая площадь раскопов и зон археологического надзора составила более 8000 кв. м (рис. 1). Масштаб проведенных исследований позволяет рассматривать Летний сад как один из наиболее изученных объектов археологического наследия на территории Санкт-Петербурга, уступающий по степени изученности разве что району Охтинского мыса. Результаты исследований опубликованы в ряде работ (Сорокин, Новоселов, 2010а. С. 52–57; 2010б. С. 92–99; 2012. С. 82–93; Новоселов, 2012. С. 27–32). В процессе раскопок 2009–2011 гг. была собрана представительная коллекция археологических находок (более 5000 экземпляров), большинство предметов датируется в пределах XVIII в.

Отдельную категорию находок в собранной коллекции составляют фрагменты сосудов из каменной массы. Целью данной статьи является предварительный анализ этого материала и введение его в научный оборот. Таким образом, статья продолжает серию публикаций об археологических находках с территории Летнего сада (Новоселов, 2015. С. 43–51; 2016. С. 251–262; 2017. С. 14–22; Краснов, Новоселов, 2018. С. 343–356) и о сосудах из каменной массы, найденных на территории Санкт-Петербурга (Сорокин, Кильдюшевский, Матвеев, 2018).

В общем объеме находок количество предметов каменной массы невелико: за три года работ найдены фрагменты, относящиеся к 49 сосудам¹. От общего числа находок это составляет менее 1%.

Почти половина всего количества находок (21 экз.) происходит из переложных слоев: ям и траншей XX в. и из слоя плодородной почвы, формирование которого происходило в результате многократных подсыпок и перекапывания плодородного грунта. Находки из этих слоев относятся к разным историческим периодам и имеют случайное происхождение, поэтому датировать их по археологическому контексту невозможно. Чуть больше предметов (28 экз.) происходит из датированных слоев: нивелировочных подсыпок разного времени, ям и траншей XVIII–XIX вв., слоев засыпки фонтанов и других гидротехнических сооружений, ликвидированных после 1777 г.

По количеству находок лидируют два раскопа: раскоп 6 2009 г., разбитый на месте Малой оранжереи и Красного сада (12 экз.), и раскоп 7 2010 г.,

---

¹ В полевой описи указано 50 предметов каменной массы, однако два из них, найденные в пределах одного раскопа, но в разных контекстах, склеиваются между собой.

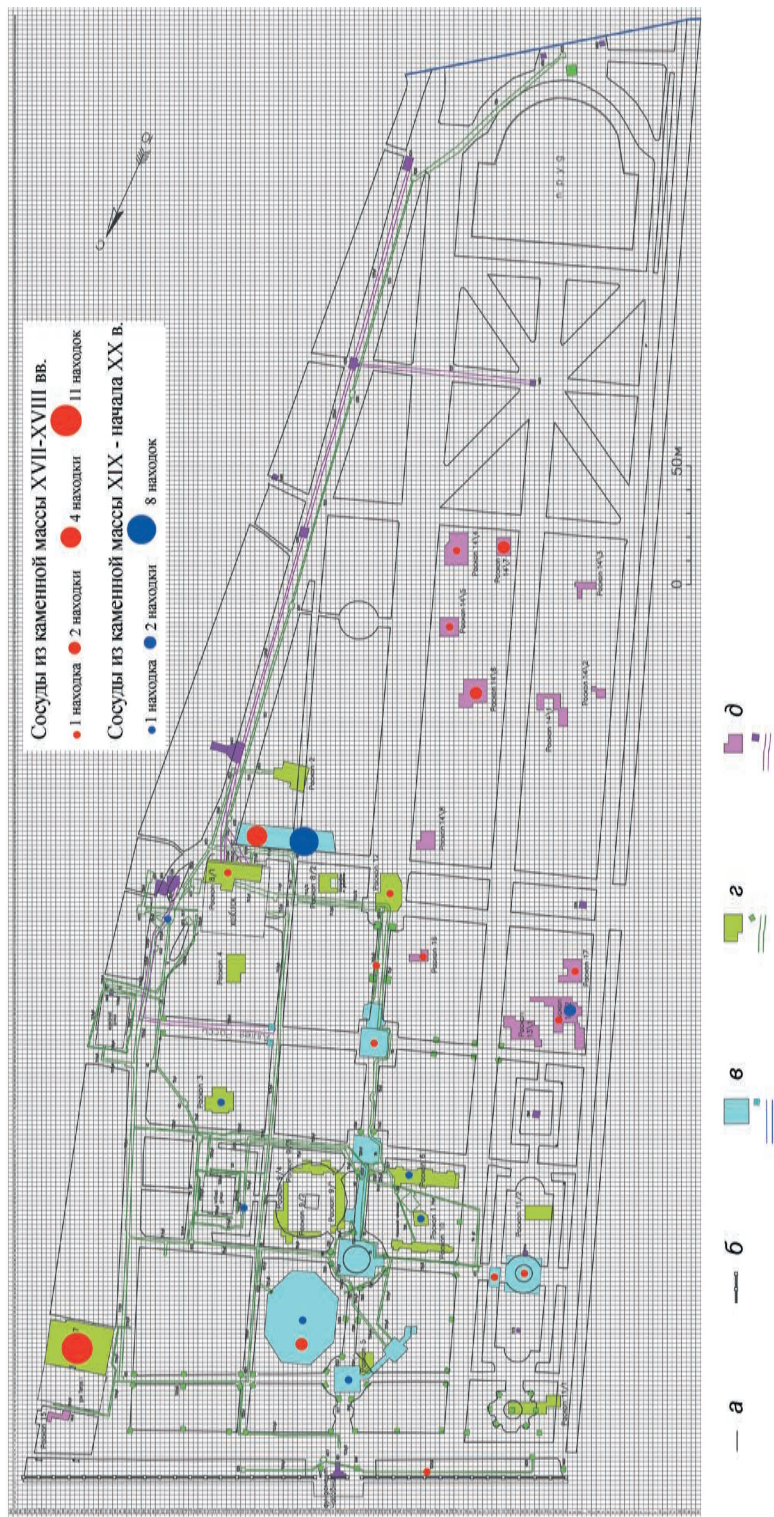

Рис. 1. План Летнего сада с обозначением раскопов и мест находок сосудов из каменной массы. Условные обозначения: а – границы газонов; б – ограда; в – раскопы, шурфы; г – то же, 2010 г.; д – то же, 2011 г.

Таблица 1

**Распределение сосудов из каменной массы
по контекстам обнаружения**

<i>Контекст обнаружения</i>	<i>Количество экз.</i>
Нивелировочные подсыпки 1-й пол. XVIII в.	3
Засыпка гаванца Летнего дворца Петра I, нач. 1780-х гг.	10
Засыпка Поперечного канала, 1786 г.	1
Засыпка Менажерийного пруда, 1786–1787 гг.	3
Траншеи для прокладки фонтанных труб и яма XVIII в.	5
Садовая яма XVIII–XIX вв.	1
Нивелировочные подсыпки и яма XIX в.	5
Слой плодородной почвы (XIX – 1-я пол. XX в.)	16
Перекопы	5

заложенный на месте гаванца Летнего дворца Петра I (11 экз.). Остальные находки достаточно равномерно распределены по всей территории Летнего сада.

Большинство находок сосудов каменной массы, обнаруженных в пределах раскопа 6 2009 г, происходит из слоя плодородной почвы и датируется второй половиной XIX – началом XX в., хотя есть и 4 предмета, относящиеся ко второй половине XVIII в. Концентрация этих находок (как и других предметов XIX – начала XX в.) в пределах раскопа 6 объясняется, вероятно, тем, что в это время данная территория находилась за хозяйственным двором и использовалась для складирования мусора.

Большое количество находок сосудов из каменной массы на территории гаванца (раскоп 7 2010 г.) объяснить сложнее. Из 11 предметов, найденных здесь, лишь один происходит из перекопа, остальные найдены в слоях засыпки бассейна, которая производилась в начале 1780-х гг. Можно предположить, что большое количество находок изделий из каменной массы должно быть и в засыпке других крупных водоемов. Это, однако, не так. Из Менажерийного пруда (раскоп 1 2009 г.), по площади равного гаванцу, происходит лишь три фрагмента, а из засыпки Поперечного канала (раскоп 12 2010 г.) – всего один фрагмент. По количеству же других находок эти раскопы сопоставимы с гаванцем (табл. 1).

22 предмета найдены в слоях, относящихся к XVIII в., причем 4 из этих предметов датируются XVII в. По типологическим признакам к XVIII в. может быть отнесено еще 8 предметов, а еще 2 – к рубежу XVIII–XIX вв. Таким образом, ко второй половине XIX – началу XX в. относится 17 предметов (табл. 2).

Большинство найденных предметов – фрагменты бутылок из-под минеральной воды (33 фрагмента)². Кроме них, в коллекции есть еще фрагменты двух миниатюрных бутылей от бальзама. Отдельную группу составляют фрагменты сосудов из Вестервальда: пивных кружек с туловом цилиндрической

² Со второй половины XIX в. такие бутылки могли, вероятно, использоваться и для разлива бальзама, настоек и прочих напитков.

Таблица 2

Распределение сосудов из каменной массы по датам

<i>Датировка</i>	<i>Количество предметов</i>	<i>Шифры</i>
1-я половина XVII в.	3	ЛС-10.Р7-763; ЛС-11.Р14/7-16; ЛС-11. Р17-33
2-я пол. XVII – 1-я пол. XVIII в.	1	ЛС-09.Р8-32
1-я четверть XVIII в.	2	ЛС-09.Р7-7; ЛС-10.Р8/1-13
1-я треть XVIII в.	1	ЛС-09.Р6-392
1-я половина XVIII в.	4	ЛС-09.Р1-578; ЛС-09.Р9-7; ЛС-10.Р7-19; ЛС-11. Р16-8
1750-1780 гг.	4	ЛС-10.Р7-548; ЛС-10.Р7-819; ЛС-10.Р7-912; ЛС-10. Р7-986
До 1780 г.	4	ЛС-10.Р7-200; ЛС-10.Р7-450; ЛС-10.Р7-705; ЛС-10. Р7-796
До 1786 г.	1	ЛС-10.Р12-299
2-я пол XVIII в.	4	ЛС-09.Р1-39; ЛС-10.АН-355; ЛС-11.Р13/2-92; ЛС-11. Р14/4-35
Последняя треть XVIII в.	3	ЛС-09.Р6-147; ЛС-09.Р6-222; ЛС-10.Р7-889
Предположительно, XVIII в.	1	ЛС-11.Р14/6-38,45
Конец XVIII – 1-я четв. XIX в.	2	ЛС-09.Р6-54; ЛС-10.АН-98
1833–1836 гг.	1	ЛС-09.Р4-2
С 1866 г.	1	ЛС-10.АН-182
После 1870 г.	2	ЛС-09.Р658; ЛС-09.Р6-229
XIX в.	13	ЛС-09.Р1-362; ЛС-09.Р6-55; ЛС-09.Р6-56; ЛС-09.Р6-57; ЛС-09.Р6-59; ЛС-09.Р6-142; ЛС-09.Р6-224; ЛС-10.Р3-63; ЛС-10.Р6-7; ЛС-10.АН-185; ЛС-11.Р13/2-35; ЛС-11. Р14/7-24; ЛС-11.Р14/5-13
2-я пол. XIX – нач. XX в.	2	ЛС-10.Р1-1; ЛС-11.Р13/2-8

и яйцевидной формы, вазы, а также несколько фрагментов, первоначальную форму которых определить затруднительно (10 экз.). Данные предметы имеют ярко выраженную стилистику: тулово сосудов декорировано рельефными розетками, а отдельные части (венчик, придонная часть, зоны вокруг розеток) выделены кобальтом. Фрагменты сосудов других типов единичны – это части чаши, чашки, тарелки и горшка (табл. 3).

Рассмотрим типы найденных сосудов подробнее, начиная от предметов, представленных в одном-двух вариантах, и заканчивая бутылками, фрагментов которых найдено относительно много.

Фрагмент тарелки (ЛС-2010. Р7-450)³. Фрагмент стенки тарелки с горизонтально расположенным бортом (рис. 2: 2). Предмет имеет светло-бежевый обжиг, обе стороны покрыты ангобом светло-серого оттенка с включением темно-серых тонов и прозрачной глазурью. Глазурь на ощупь шершавая, что нехарактерно для предметов из каменной массы, так как обычно она гладкая. Фрагмент найден в слое засыпки гаванца. По контексту находки предмет может быть датирован временем до начала 1780-х гг. (время засыпки гаванца).

³ Здесь и далее даны полевые шифры находок.

Таблица 2

Распределение сосудов из каменной массы по типам

Типы сосудов		Количество
Бутылки для минеральной воды		33
Миниатюрные бутылки для бальзамов		2
Сосуды из Вестервальда	Всего	10
	С туловом цилиндрической формы	2
	С туловом яйцевидной формы	5
	Ваза	1
	Форма точно не определена	2
Чашка		1
Чаша		1
Тарелка		1
Горшок		1

Фрагмент чашки (ЛС-2010. Р12-299). Фрагмент нижней части чашки со слегка конической (практически цилиндрической) формой тулова (диаметр по дну 8 см) и начинающейся на уровне дна прилепом ручки (рис. 2: 1). Толщина стенок 2–3 мм. Внешняя сторона тулова декорирована сеткой рельефных ромбиков, покрытых коричневой глазурью. В изломе черепок светло-серого цвета. Внутренняя сторона изделия и внешняя сторона в нижней части светло-серые. Фрагмент найден в слое засыпки Поперечного канала, в районе Шутишного моста. Верхняя дата предмета 1786 г. – время засыпки канала. Нижнюю дату установить сложнее из-за неполной сохранности. Похожие чашки производились в Саксонии в конце XVII в. Саксонские чашки отличаются низкой посадкой ручек и имеют схожий декор внешней поверхности тулова (*Reineking*, № по каталогу 817–819). В то же время декор саксонских образцов (геометрический и фигуративный) отличается большей сложностью. В силу этого обстоятельства, предмет из Летнего сада, по-видимому, является или подражанием, или более дешевым, упрощенным вариантом.

Фрагмент сосуда с горизонтально расположенными ручками (предположительно чаши) (ЛС-2011. Р14/5-13). Фрагмент стенки сосуда с горизонтально расположенной ручкой (рис. 2: 4). В изломе черепок серого цвета. Наружная поверхность коричневая, покрыта шершавой на ощупь глазурью с белыми вкраплениями (возможно, особенности обжига), на внутренней стороне глазурь отсутствует. К сожалению, форма реконструируется лишь предположительно. Скорее всего, это было изделие открытой формы с горизонтально расположенными ручками. Учитывая его морфологическое сходство (формовка стенки и глазурь) с бутылками XIX в., предмет можно датировать XIX в., возможно, второй половиной. Предмет найден в пределах раскопа 14/5 2011 г., расположенного в юго-западной части Летнего сада, где в XVIII в. был устроен лабиринт – так называемая «Фабульна роцца». Находка происходит из заполнения ямы, которая может быть интерпретирована как садовая яма (возможно, клумба), из которой были пересажены растения.

Датировка ямы затруднительна. Границы ямы читались лишь на уровне слоя светло-серого мешаного песка – нивелировочной подсыпки, созданной в период с 1715 по 1718 гг.⁴. Выше яма перекрывалась плодородным гумусным слоем, формирование которого происходило в течение длительного времени (XVIII – начало XX в.)⁵.

Фрагменты открытого сосуда (предположительно горшка) (ЛС-2011. Р14/6–38, ЛС-2011. Р14/6–45). Два фрагмента придонной части открытого сосуда, склеивающихся между собой (диаметр по дну 9 см). С внешней стороны дно сосуда оформлено пояском в виде валика (рис. 2: 3). Внешняя поверхность темно-серого цвета, покрытая глазурью. В изломе черепок светло-серый. Аналогий этому изделию найти не удалось. Предметы найдены в пределах раскопа 14/6 2011 г., расположенного на территории лабиринта XVIII в. Один из фрагментов найден в слое темно-серой гумусированной супеси, который можно интерпретировать как слой газонного покрытия, созданного при устройстве лабиринта (1718–1725 гг.). Другой фрагмент происходит из траншеи, предназначенной для прокладки фонтанных труб. Траншея откапывалась дважды: в момент укладки труб (начало 20-х гг. XVIII в.) и в момент их демонтажа при ликвидации фонтанной системы лабиринта (1778 г.). Дата попадания данного предмета в культурный слой – начало 1720-х гг. – логически вытекает из контекста обнаружения обоих фрагментов.

Столовая посуда из Вестервальда (10 предметов). 2 фрагмента (ЛС-2010. Р7-763 и ЛС-2011. Р17-33) относятся к пивным кружкам с цилиндрическим, зауженным кверху туловом (рис. 3: 1, 2). Они относительно скромно декорированы, большая часть тулова покрыта серым ангобом и прозрачной глазурью, нанесенной на рифление. По центру сосуда, в районе, где начинается сужение тулова кверху, располагается орнаментальный поясик из рельефных розеток на кобальтовом фоне. Подобного типа сосуда найдены при раскопках крепости Ниеншанц на Охтинском мысу в слоях, датированных первой половиной XVII в. (*Сорокин, Кильдюшевский, Матвеев, 2018. С. 363, 364*).

5 фрагментов относятся к самой широко распространенной форме сосудов каменной массы – пивным кружкам с яйцевидным туловом (рис. 3: 3–7). Все они имеют рельефный орнамент серого цвета на кобальтовом фоне. К XVII в. относятся два фрагмента стенок: ЛС-09. Р8-32; ЛС-2011. Р14/7-16 (аналогия по: *Reineking, 1971. № по каталогу 429*); к первой половине XVIII в. – три фрагмента (тулова с обломом ручки, донца и профилированного горла): ЛС-09. Р1-578, Р7-7 и Р9-7 (аналогия по: *Reineking, 1971, № по каталогу 545*). Также

⁴ Данный слой представлял собой переотложенный материковый грунт, распределенный по южной части Летнего сада, более низменной, по сравнению с северной частью территории. Скорее всего, нивелировка была выполнена грунтом, образовавшимся при строительстве Лебяжьего и Поперечного каналов. Таким образом, верхняя дата этого слоя – начало строительства каналов – 1715 г. В то же время, нивелировка этой части сада была выполнена до 1718 г. – начала строительства лабиринта – т. к. в данный слой впущены основания фонтанов лабиринта и траншеи для прокладки фонтанных труб.

⁵ Стратифицировать эти отложения в пределах раскопа 14/5 не удалось.

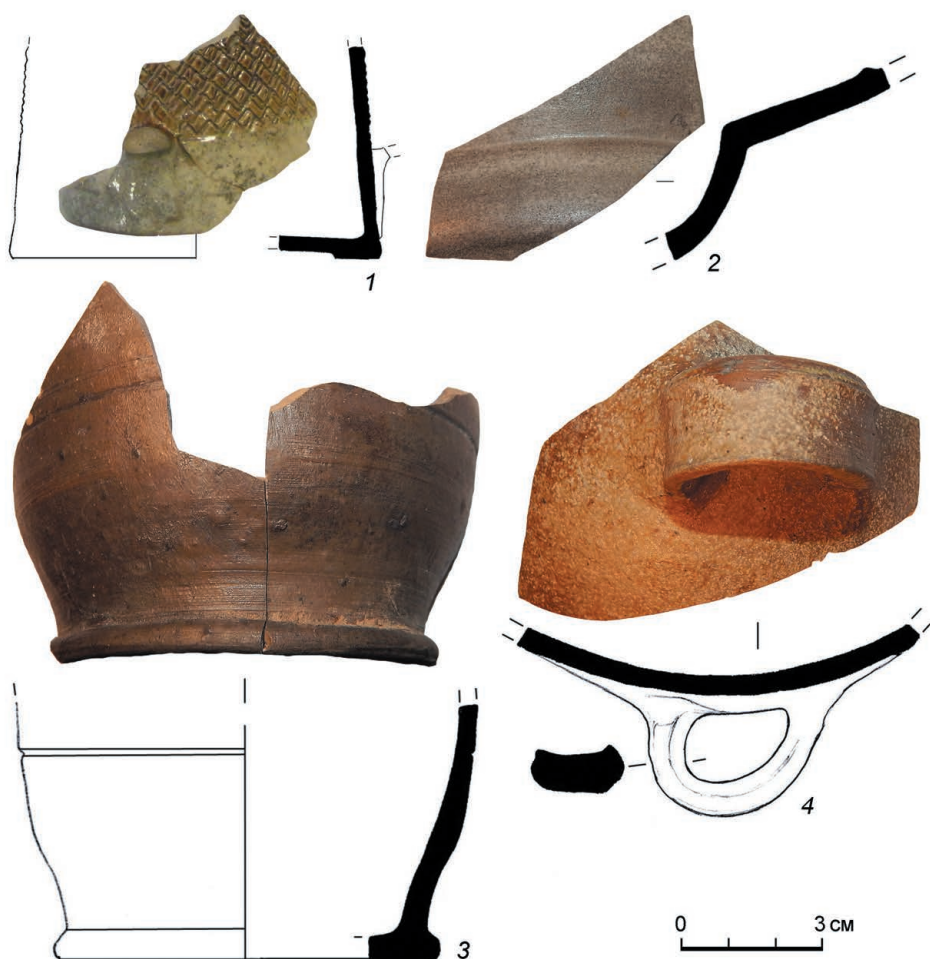

Рис. 2. Единичные предметы.

- 1 – чашка (ЛС-10.Р12-299); 2 – тарелка (ЛС-10.Р7-450);
3 – горшок (ЛС-11.Р14/6-38,45); 4 – чаша (ЛС-11.Р14/5-13)

к первой половине XVIII в. относятся фрагмент венчика горшочка, покрытого серым ангобом и прозрачной глазурью без орнамента: ЛС-10. Р7-19 (рис. 3: 8) и фрагмент стенки сосуда с рельефным декором: ЛС-11. Р16-8 (рис. 3: 9).

К первой четверти XVIII в. относится почти целый профиль вазы с петлевыми задранными вверх ручками (рис. 3: 10). Она может быть датирована по аналогии в декоре – мотиву вдавленной розетки (*Reineking*, 1971, № по каталогу 593).

Бутылки из-под минеральной воды. Наибольшая группа – это фрагменты бутылок из-под минеральной воды. Бутылки датируются XVIII–XIX вв. Находки достаточно равномерно распределены по всей площади Летнего сада.

Рис 3. Сосуды из Вестервальда.

1 – ЛС-10.Р7-763; 2 – ЛС-11.Р17-33; 3 – ЛС-09.Р1-578; 4 – ЛС-9.Р9-7; 5 – ЛС-9.Р8-32;
6 – ЛС-11.Р14/7-16; 7 – ЛС-9.Р7-7; 8 – ЛС-10.Р7-19; 9 – ЛС-11.Р16-8; 10 – ЛС-10.Р8/1-13

Эти предметы хорошо изучены в иностранной, главным образом немецкой, литературе. Исследователь Бёрнт Бринкман разработал хронологию этих предметов, которая основана, прежде всего, на изменении формы тулова и выделил несколько разных типов, изменяющихся со временем (*Brinkman, 1984*). Уточнить дату позволяет клеймо, на котором размещены сведения о политической принадлежности источника воды. Общая тенденция изменения форм тулова – от овального яйцевидного (максимальное расширение тулова в верх-

ней половине) к строго цилиндрическому с прямыми стенками. Ранние бутылки были веретенообразной формы, немного сужаясь книзу, внизу имели поддон, сверху вытянутое горло, снаружи сосуды имели серый или бежевый цвет и были покрыты бесцветной глазурью (тип А; *Brinkman*, 1984. S. 98). Во второй половине XVIII в. бутылки становятся цилиндрическими снизу, сужаясь кверху (типы В и С; *Brinkman*, 1982. S. 11,12). С этого же времени (а в России с конца XVIII в.) появляются и господствуют весь XIX в. бутылки цилиндрической формы с полусферическим горлом, покрытые коричневой глазурью (типы D и E; *Brinkman*, 1984. S. 99). Они производились в гигантских масштабах, например, только в 1874 г. было изготовлено 12 миллионов подобных бутылок (*Adler*, 2005. S. 352). Изменение формы связано с главной задачей, для которой изготавливались бутылки – удобство при транспортировке. Овальные бутылки требовали большого количества прокладочного материала между ними, чтобы избежать поломки сосуда. Цилиндрическая форма с прямыми стенками позволила располагать бутылки в транспортном средстве максимально компактно и обеспечивала максимальную загрузку при минимальном возможном ущербе. Эта форма оказалась оптимальной, поэтому слабо менялась с начала XIX в. и дожила в таком виде до настоящего времени.

Весь массив бутылок (33 экз.) можно разделить на две группы: изделия XVIII в. с изогнутым туловом (рис. 4) и изделия XIX в. с прямым туловом (рис. 5). Из-за сильной фрагментированности большинства предметов трудно точно разделить их на относящиеся к первой или второй половине XVIII в.

Достоверно к типу А, т. е. к первой половине XVIII в. можно отнести лишь один фрагмент: ЛС-2009. Р6-392. С внешней стороны он имеет темно-серый цвет под бесцветной глазурью, что характерно для посуды Вестервальда первой половины XVIII в. В изломе черепок светло-серого цвета, на внутренней стороне светло-серый ангоб. Типологической дате предмета не противоречит и контекст его обнаружения. Он найден в слое строительного мусора, который можно интерпретировать как слой строительства Большой оранжереи и датировать 1714–1715 гг.

К типам В и С относятся 14 фрагментов бутылок, которые датируются второй половиной XVIII в. Отдельную группу составляют фрагменты, найденные при раскопках гаванца (7 экз.). Верхней границей бытования этих предметов является начало 1780-х гг. – время засыпки бассейна. Они отличаются гладкой поверхностью с серо-бежевой пятнистой поливой. На внутренней стороне у всех достаточно сильное рифление, покрытое серым или коричневым ангобом и матовой глазурью, которая у горла зачастую остается глянцевой. Это связано с тем, что при обжиге внутри бутылки не всегда достигается нужная для расплавления глазури температура, поэтому на внутренней стенке она часто не блестящая и выглядит как краска (*Brinkman*, 1982. S. 7). Бутылки второй половины XVIII – начала XIX в. не имели четкой стандартизации, поэтому цвет внешней поверхности у них мог переходить от серого через бежевый к коричневому. Неравномерность обжига также зачастую приводила к так называемой «пятнистой» глазури – т. е. неравномерному её расплавлению, образованию ступков. Также и цвет черепка в изломе колебался от серо-бежевого до светло-серого.

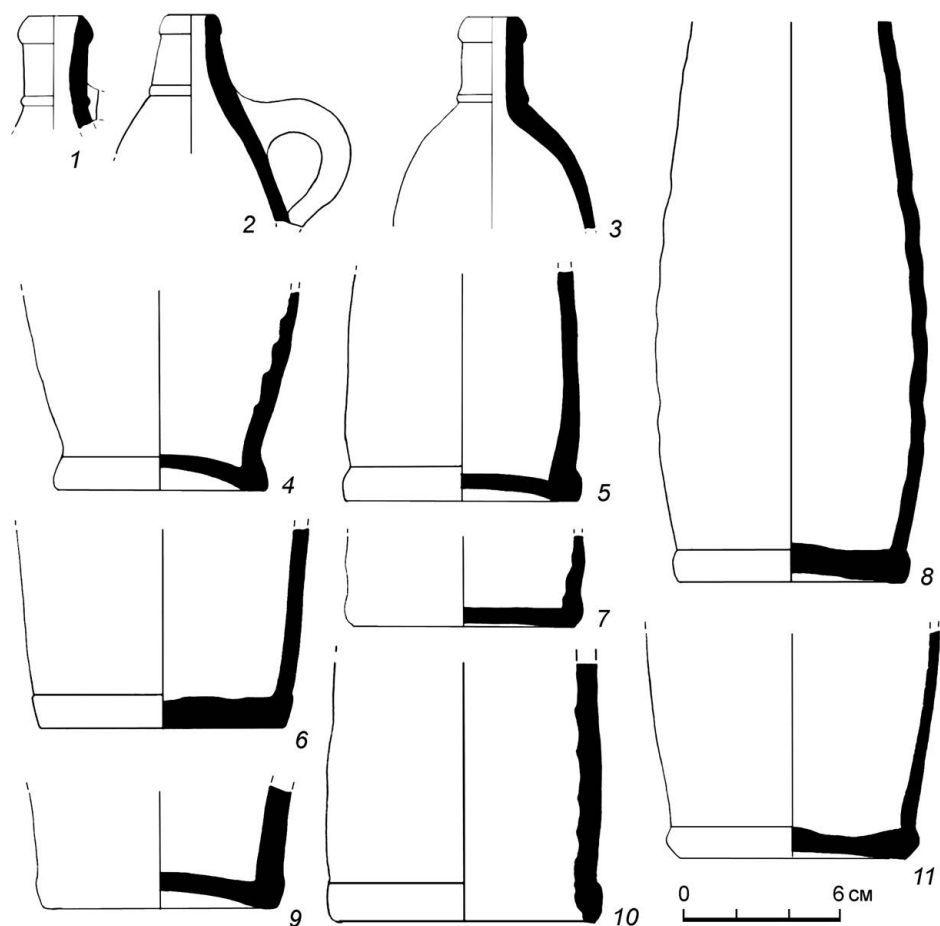

Рис. 4. Бутыли XVIII в.

1 – ЛС-10.Р7-548; 2 – ЛС-11.Р14/4-35; 3 – ЛС-11.Р13/2-92; 4 – ЛС-10.Р7-796; 5 – ЛС-10.АН-98;
 6 – ЛС-10.Р7-819; 7 – ЛС-10.Р7-912; 8 – ЛС-10.Р7-889; 9 – ЛС-10.АН-355; 10 – ЛС-09.Р1-39;
 11 – ЛС-10.Р7-986

На бутылках XVIII в. зафиксировано два вида клейм, сочетающихся с метками⁶.

К первому виду относятся клейма, представляющие собой вписанный в круг крест, нижняя ветвь которого располагается между латинскими буквами «С» и «Т»: ЛС-2009. Р6-14 (рис. 6: 3) и предположительно ЛС-2010. Р7-889 (рис. 6: 4). Расшифровываются они как «Curtrier» – т. е. курфюршество Трир-

⁶ Под клеймом понимается вдавленное изображение, оттиснутое по сырому тесту с помощью штампа-матрицы. Метка – изображение, прочерченное по сырому тесту острым предметом или пальцем

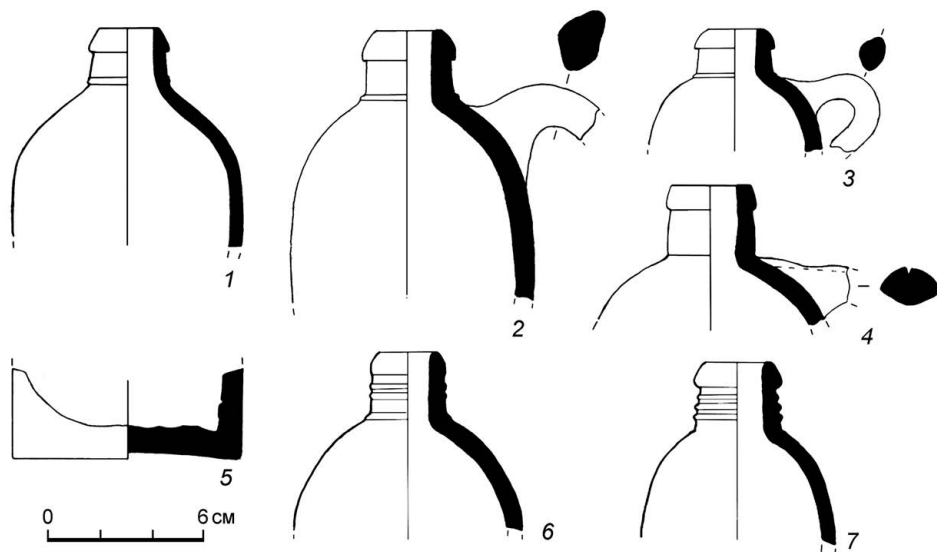

Рис. 5. Бутылки XIX в.

1 – ЛС-09.Р4-2; 2 – ЛС-10.Р6-7; 3 – ЛС-10.Р3-63; 4 – ЛС-10.АН-185;
5 – ЛС-11.Р13/2-35; 6 – ЛС-10.Р6-229; 7 – ЛС-10.Р6-58

ское, политическое образование, в составе которого находился Сельтерский источник до 1803 г. Такая маркировка появляется со второй половины XVIII в. (Wieland, 1981. S. 290).

Ко второму виду клейм относится усложненный вариант этой же маркировки, появившейся позже, в последней трети XVIII в. К вписанному в круг кресту добавилась надпись «S[ELTER]S» по внешнему кругу: ЛС-2009. Р6-222 (рис. 6: 2) (Wieland, 1981. S. 291).

В XIX в. производство бутылок все больше унифицируется, многообразие форм исчезает. Практически все бутылки XIX в. относятся к одному типу Е. Все они цилиндрической формы с прямыми стенками и полусферическим переходом к горлу. Снаружи изделия покрыты коричневой глазурью. Разнятся лишь оттенки – от темного до светлого, но бежевый и серый цвета уже не употребляются. Улучшается качество обжига – глазурь практически не имеет пятен, что говорит о выдерживании в течение всего процесса необходимой температуры. В изломе черепок равномерно серый, почти без оттенков. На внутренней стороне рифление утончается, зачастую глазури вовсе нет. Важным хронологически репером служат насечки на горлышке (располагались перпендикулярно оси бутылки, крышка на них надевалась без винтовой резьбы), которые появились после 1870 г. для более прочного крепления металлической крышки (Brinkman, 1982. S. 15).

На двух фрагментах бутылок XIX в. зафиксированы клейма. Одно из клейм – это заключенное в круг изображение смотрящего влево геральдического льва, с надписью «SELTERS» по кругу: ЛС-2009. Р4-2 (рис. 6: 7); возможно,

Рис. 6. Клейма.

1 – ЛС-11.Р14/4-35; 2 – ЛС-9.Р6-222; 3 – ЛС-09.Р6-147; 4 – ЛС-10.Р7-889;
5 – ЛС-10.АН-182; 6 – ЛС-09.Р6-142; 7 – ЛС-09.Р4-2; 8 – ЛС-11.Р13/2-8

и ЛС-2011. Р14/4–35 (рис. 6: 1). Клеймо датируется периодом с 1836 по 1866 г. (Wieland, 1981. S. 291). Второе клеймо сильно повреждено, но по имеющимся аналогиям легко реконструируется. В центре его – заключенный в круг геральдический орел, с надписью по кругу: «S[ELTE]RS [NAS]SAU»: ЛС-2010. АН-182 (рис. 6: 5). Такие отметки ставят на бутылках после 1866 г. (Wieland, 1981. S. 291).

Меняющийся на клейме рисунок и его точная (до года) датировка имеют под собой простое объяснение. На клейме размещалась информация об одном и том же источнике минеральной воды, расположенном около поселка Нидерзельтерс на склоне горного массива Таунус в Западной Германии. Сейчас это федеральная земля Гессен, но раньше источник располагался на территории разных политических образований. Он был открыт еще в римское время, но широкую известность получил лишь в XVIII в., когда входил в состав Трирского курфюршества. Оно существовало с X в. по 1803 г. Гербом курфюршества был крест. С 1803 по 1866 гг. источник находился на территории герцогства Нассау, гербом которого был лев. И, наконец, в 1866 г. герцогство было присоединено к королевству Пруссия, на гербе которого был изображен орел.

На некоторых бутылках XVIII–XIX вв. клейма сочетаются с метками, выполненными острым предметом. В двух случаях метки расположены ниже клейма и представляют собой изображение латинской буквы R с помещенными под ней цифрами 75 (?) и 76: ЛС-2009. Р6–222 (рис. 6: 2); ЛС-2010. Р7-889 (рис. 6: 4). В одном случае метка представляет собой надпись: «В. Num. 10»: ЛС-2009. Р6–142 (рис. 6: 6) и еще в одном случае – зигзагообразную линию: ЛС-2011. Р13/2–92. Метками обозначался номер источника (бювета), из которого была взята вода.

Последние два сосуда из коллекции – миниатюрные бутылочки (рис. 7), повторяющие по форме бутылки XIX в.: ЛС-2010. Р 1–1; ЛС-2011. Р 13/2–8. Они сделаны очень тщательно, поверхность гладкая, равномерно покрытая коричневой глазурью, пятен практически нет. На внутренней стороне рифления нет вообще, поверхность имеет матовый коричневый цвет. Диаметр тулова 3,7 см. На одной из бутылок (ЛС-2011. Р 13/2–8) имеется клеймо: «НАСТОЯЩИЙ [РИ]ЖСКИЙ БАЛЬЗАМЪ «ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ» (рис. 6: 8). Данные находки датируются концом XIX – началом XX в. В собранной коллекции это единственные не импортные предметы. Они изготовлялись для бальзамов, выпускаемых на Санкт-Петербургском заводе купца 2 гильдии Юлия (Юлиуса) Андреевича Цезаря. Первоначально это был водочный завод С. Петербургского акцизно-откупного комиссионерства, который с 1860-х гг. перешел Цезарю. Цезарь проживал в Нарвской части города в доме Родионова (№ 3) по Дерптскому переулку. В этом же доме находился и его завод (Всеобщая адресная книга. С. 517; Справочная книга. С. 378)⁷. С 1882 г. на нем производят Рижский бальзам, для которого и изготовлялись особые бутылки с клеймом. Закрылся завод в 1917 г.

⁷ Вероятно, завод Цезаря по своему виду походил на современные «подпольные» цеха по производству несертифицированной спиртосодержащей продукции

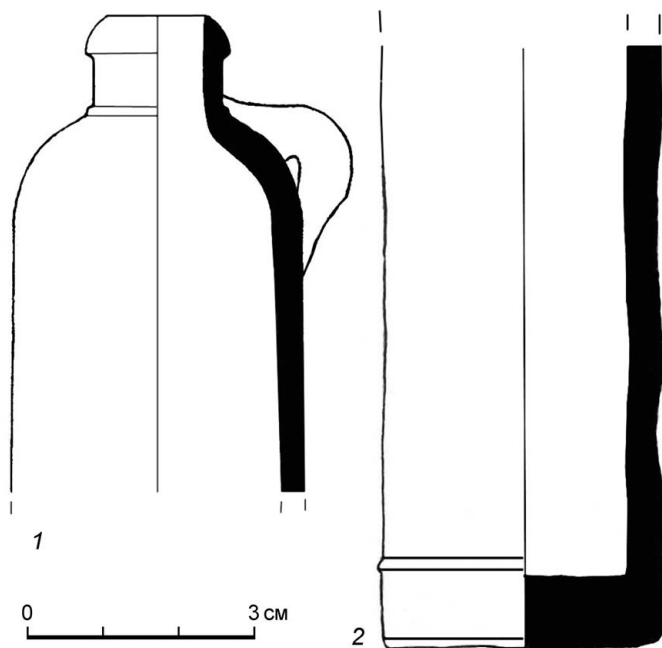

Рис. 7. Миниатюрные бутылочки.

1 – ЛС-10.Р1-1; 2 – ЛС-11.Р13/2-8

***

Производство сосудов из каменной массы началось в XII–XIII вв. в Рейнской области в Германии. В XVI–XVII вв. оно достигло промышленных масштабов, когда эти сосуды производились уже не для внутреннего рынка, а, прежде всего, для экспорта в другие регионы. Благодаря активной международной торговле сосуды из каменной массы распространились практически по всему миру, от Северной Америки до Юго-Восточной Азии (*Gaimster, 1997. S. 7*). Попадали они и на Русь. Немногочисленные образцы такой керамики найдены в Новгороде и Пскове в слоях конца XIII–XIV вв., однако в дальнейшем эти предметы не получили здесь широкого распространения, их скопление найдено только на территории Готского двора в Новгороде (*Рыбина, 2009. С. 135*). В XVII в., когда территория Приневья и южный берег Финского залива на столетие отошли к Шведскому королевству, на занятых территориях керамика из каменной массы стала использоваться в большем объеме, такие предметы найдены почти во всех значимых городах (*Сорокин, Кильдюшевский, Матвеев, 2018*).

В XVI–XVII вв. самыми распространенными формами были различные варианты парадной столовой посуды, прежде всего, кружки и кувшины. Они производились в нескольких различных центрах (Кельн, Зигбург, Фрехен, Ререн, Вестервальд) и отличались богатым орнаментальным декором (*Falke, 1908*). В течение XVI–XVII вв. производство во многих из них прекра-

щается (Кельн, Зигбург). По сути, ведущим центром по производству сосудов из каменной массы в XVIII и XIX вв. стал район Вестервальда (*Reineking*, 1971. S. 44–48). Но и здесь произошла существенная замена ассортимента. Парадная столовая посуда из каменной массы постепенно вытеснялась более изящными фарфоровыми изделиями. Производители перешли на выпуск тарной посуды, а именно бутылок для минеральной воды (*Gaimster*, 1997. S. 252).

Произошло это из-за распространившейся с начала XVIII в. в Европе моды на употребление минеральной воды, которая за небольшой период времени стала чрезвычайно популярной. Использовалась вода, в первую очередь, не как освежающий напиток, а как лекарственное средство. Из-за неразвитой медицины доктора зачастую прибегали к разным сомнительным средствам, вроде кровопускания, и нередко усугубляли ситуацию больного. Выписываемые ими лекарства изготавливались без стандартов, часто могли иметь в своем составе мышьяк, опиаты или алкоголь. Минеральная вода, даже если и не оказывала на человека исцеляющего действия, уж точно не вредила, поэтому неудивительно ее популярность в качестве безопасной альтернативы (*Goodman*, 2014. S. 248).

Существовало два основных способа потребления минеральной воды: наружный (купание) и внутренний (питье). Однако первый был доступен только ограниченному кругу лиц, так как требовалось преодолеть порой весьма значительное расстояние, чтобы добраться до источника, а главное, для достижения эффекта, требовалось пребывать на нем продолжительное время, что опять-таки было весьма затратно. Неудивительно поэтому, что поездки «на воды» могли позволить себе лишь весьма состоятельные люди. Второй способ – употребление воды внутрь – был гораздо более доступным, а потому и более распространенным. Соответственно, для большого спроса на воду, которую надо было развозить от источников на значительные расстояния, и потребовалось огромное количество бутылей для воды. При этом стеклянная тара была слишком хрупкой для очень несовершенных дорог и повозок той эпохи, поэтому прочная бутылка из каменной массы была идеальным решением. Вышли из употребления бутылки из каменной массы только после появления большого количества дешевых и прочных стеклянных бутылок.

Коллекция сосудов из каменной массы, собранная в ходе раскопок на территории Летнего сада в 2009–2011 гг., отражает поздний этап развития этого ремесла, когда преобладающим типом сосудов становится бутылка для минеральной воды, а производство парадной столовой посуды постепенно сходит на нет. Таким образом, данная коллекция является хорошей иллюстрацией к тем процессам, которые наблюдаются в сфере производства изделий из каменной массы в конкретный исторический период – с XVIII по начало XX в.

Литература

Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. СПб., 1867–1868.

Краснов Р. В., Новоселов Н. В., 2018. Нумизматические находки с территории Летнего сада (по материалам археологических раскопок 2009–2011 годов) // Русский музей. Страницы истории отечественного искусства. Вып. XXX. Сборник статей

- по материалам научной конференции, посвященной истории дворцов Русского музея (Русский музей, Санкт-Петербург, 2017). СПб. С. 343–356.
- Новоселов Н. В.*, 2012. Археологические исследования в Летнем саду в 2009–2011 годах // Летний сад. Возрождение. СПб. С. 27–32.
- Новоселов Н. В.*, 2015. Фрагменты скульптурных произведений с территории Летнего сада (по материалам археологических раскопок) // Музей под открытым небом. Современные подходы к сохранению скульптуры. СПб. С. 43–51.
- Новоселов Н. В.*, 2016. Производственные надписи фонтанных мастеров XVIII в. (по материалам археологических раскопок на территории Летнего сада в Санкт-Петербурге в 2009–2011 гг.) // Петровское время в лицах. Материалы научной конференции. Труды ГЭ. Вып. LXXXIII. СПб. С. 251–262.
- Новоселов Н. В.*, 2017. «Свинцовые грамоты» из Летнего сада // Русский музей. Страницы истории отечественного искусства. Вып. XXIX. Сборник статей по материалам научной конференции, посвященной истории дворцов Русского музея (Русский музей, Санкт-Петербург, 2016). СПб. С. 14–22.
- Рыбина Е. А.*, 2009. Новгород и Ганза. М. 320 с.
- Сорокин П. Е., Кильдюшевский В. И., Матвеев В. Н.*, 2018. Сосуды из каменной массы в раскопках Ниеншанца и Орешка (Нотеборга) // АИППЗ. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (2017 г.). С. 361–371.
- Сорокин П. Е., Новоселов Н. В.*, 2010а. Новые археологические раскопки в Летнем саду // Реликвия. № 23. СПб. С. 52–57.
- Сорокин П. Е., Новоселов Н. В.*, 2010б. Археологические исследования в Летнем саду и уникальные археологические находки петровского времени // Материалы международной конференции «Научные чтения памяти Т. Б. Дубяго, посвященные 65-летию открытия факультета Городского зеленого строительства». СПб. С. 92–99.
- Сорокин П. Е., Новоселов Н. В.*, 2012. Археологические исследования в Летнем саду в 2010 г. // Научные чтения памяти Т. Б. Дубяго, посвященные 60-летию присвоения Т. Б. Дубяго ученой степени доктора архитектуры. Материалы международной конференции. СПб. С. 82–93.
- Справочная книга о лицах, получивших на 1869 г. купеческие свидетельства. СПб., 1869.
- Adler B.*, 2005. Early Stoneware Steins from the Les Paul Collection. A Survey of all German Stoneware Centers from 1500 to 1850. Dillingen.
- Brinkmann B.*, 1982. Zur Datierung von Mineralwasserflaschen aus Steinzeug // Keramos. Heft 98. Oktober. Düsseldorf. S. 7–36.
- Brinkmann B.*, 1984. Der Mineralwasserversand in Steinzeugflaschen // Der Mineralbrunnen. Heft 3.
- Falke O.*, 1908. Das Rheinische Steinzeug. Berlin. Band I, II. 138, 128 S.
- Goodman R.*, 2014. How to Be a Victorian: A Dawn-to-Dust Guide to Victorian Life. London: Liveright.
- Reineking-von Bock G.*, 1971. Steinzeug. Köln. 350 s.
- Wieland U.*, 1981. Mineralwasserkrüge aus Selters // Der Mineralbrunnen. Heft 10. S. 286–292.

* * *

*Матвеев Василий Николаевич, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.
E-mail: vmatveev88@inbox.ru*

*Новоселов Николай Валентинович, Санкт-Петербург, Государственный Русский музей.
E-mail: diogen-n@yandex.ru*

С. Е. Шуньгина

Итоги исследования на территории бывшего сахарного завода в Санкт-Петербурге

Резюме. Археологические исследования проводились в 2016 г. в связи с предстоящей реконструкцией территории в границах двух соседних участков. В ходе работ получены материалы, свидетельствующие о деятельности сахарного завода. Выделены напластования, связанные с активными подсыпками территории, особенно в западной части исследуемого квартала. Следы деятельности сахарного завода представлены фрагментами производственной красноглиняной керамики (толстостенных горшков и форм для изготовления сахарных голов), которые впоследствии были заменены на металлические. Кроме того, в некоторых шурфах были зафиксированы слои, насыщенные отходами сахарного производства: отработанной костяной крупкой, использовавшейся для очистки сахарного сиропа.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Сахарный завод, формы для производства сахарных голов, шурф, археологическая разведка, середина XIX – начало XX в.

S. E. Shungina. Results of the Exploration on the Territory of the Former Sugar Factory in St. Petersburg

Abstract. Archaeological research preceding the upcoming reconstruction of the territory within the boundaries of two neighboring sites was conducted in 2016. In the course of work, the data, indicating the sugar factory activity, was obtained. The strata, associated with active land fillings are identified, especially in the Western part of the studied quarter. Traces of the sugar factory's activity are represented by fragments of industrial red clay ceramics (thick-walled pots and molds for making sugar heads), which were later replaced by metal ones. Besides, in some pits, layers saturated with sugar production waste – spent bone grits used for sugar syrup cleaning were recorded.

Keywords: St. Petersburg, sugar factory, forms for sugar head production, pit, archaeological exploration, mid–19th – early 20th centuries.

В связи с предполагаемой реконструкцией территории сотрудниками ООО «НИИПИ Спецреставрация» в 2016 г. было проведено археологическое обследование двух соседних участков, расположенных по адресам: г. Санкт-Петербург, наб. Пироговская, д. 13, лит. Т, пер. Евпаторийский, д. 10, лит. В, заложено 10 шурфов (рис. 1).

Рис. 1. г. Санкт-Петербург, наб. Пироговская, д. 13, лит. Т (I), пер. Евпаторийский, д. 10, лит. В (II). Ситуационный план археологических исследований. Условные обозначения: а – граница земельного участка; б – шурфы; в – существующая застройка

Краткие исторические сведения

Три тысячи лет назад устье Невы располагалось в районе Литейного моста, дельта с ее многочисленными островами еще не сформировалась, а береговая линия Финского залива проходила по трассе нынешнего Сампсониевского проспекта (Яковлев, 1926. карта). Постепенный подъем Балтийского тектонического щита (северный берег залива) привел к тому, что достаточно ровная прибрежная полоса шириной 150 м по правому берегу Невки поднялась над водой, сначала на метр-полтора (около 500–1000 гг. н. э.), затем, приблизительно к 1500 г., – до 2 метров (нынешние отметки в районе 3,70–4,00 м – результат подсыпок, произведенных во второй половине XIX–XX в.). Именно в это время (1500 г.) в Писцовой книге Вотской пятины Новгорода появляются первые сведения о поселениях Невской дельты. Некоторые из них локализируются по правому берегу Большой Невки. Первоначально их было немного, но количество деревень увеличилось в течение XVI в. в несколько раз. Еще в древнерусское

время Невка использовалась в качестве основного фарватера Невской дельты, однако ситуация эта была зафиксирована только на картах шведского времени (*Gambla Farten* – «старый фарватер» многочисленных шведских планов XVII в.). Неподалеку от исследованной нами территории, непосредственно на берегу реки, располагалась деревня Макюла (*Macula*, как она записывалась на планах второй половины XVII в., вероятно, фин. *Ma-kyla*, «деревня на твердой земле»).

Шведский кадастр 1680 г. дает нам информацию об использовании земель деревенской округи: вплоть до высокого не затапливаемого во время наводнений уступа, по которому проложен ныне Сампсониевский проспект, широкой полосой вдоль берега лежали пашни и луга деревни. «Нагорная» часть была занята лесом, также принадлежащим жителям деревни Макюла.

С 1700-х гг. правый берег современной Большой Невки начинают застраивать предприятиями. Выбор данного местоположения объяснялся тем, что оно позволяло производить эффективную доставку к ним сырья для производства.

История сахарного производства в этом месте ведет свое начало с 1720 г., когда по указу Петра I московскому купцу П. Вестову был пожалован участок в упомянутой местности для основания первого в России Сахарного завода. Он представлял собой несколько деревянных зданий, находившихся вблизи переулка, позже названного Сахарным. Переулок выходил на набережную, где была устроена пристань для кораблей, доставлявших на завод импортный тростниковый сахар-сырец (рис. 2). В 1753 г. завод состоял из трех длинных зданий, образующих площадь, раскрытую к реке.

В 1798 г. границы изучаемого участка уже практически сформированы: с восточной стороны – Сампсониевский проспект, с севера – Гарднеровский переулок (современное наименование – Евпаторийский переулок), с юга – Сахарный переулок. С запада граница проходила немного западнее оси Оренбургской улицы и на тот момент замыкала территорию завода. Прослеживается деление территории на две зоны: жилую в восточной части (жилой дом

Рис. 2. План Санкт-Петербурга 1738 года, опубликованный Петровым. Фрагмент. Под литерой Е обозначен Сахарный двор

владельца и сад) и производственную в западной части, где указан канал, осуществлявший подачу воды из Большой Невки к предприятию. Южная часть квартала показана отдельным участком, и на ней обозначена пашня.

В первые годы XIX в. Сахарный завод принадлежал петербургскому купцу первой гильдии Иоганну Бангу, после его смерти перешел его жене – К. И. Банг, которая через несколько лет его продала. С 1820 г. владельцами Сахарного завода стали нарвские купцы первой гильдии Л. И. Штиглиц и И. Х. Мейер, восстановившие на заводе производство «сахароварения». В 1821 г. завод возобновил работу. Спустя четыре года со дня смерти И. Х. Мейера (1821 г.) Л. И. Штиглиц выкупил у его наследников вторую часть завода и стал полноправным владельцем. На Сахарном заводе Л. И. Штиглица из колониального сахарного тростника изготовляли рафинад, лумп, патоку и мелис. На заводе насчитывалось до 60 рабочих. К 1825 г. территория завода увеличилась за счет включения в нее участка, ранее занимаемого пашней, сохранились все старые постройки, а также другие постройки, либо не отмеченные ранее, либо вновь возведенные. Практически в центре территории располагался деревянный жилой дом владельца завода (на том же месте, где сейчас находится каменный особняк), являющийся границей двух зон – производственной и жилой. Всю восточную часть территории занимал сад, в сторону которого был обращен фасад жилого дома с лестницей, чертежи и архитектор которого неизвестны. Перед западным фасадом дома владельца был устроен небольшой палисадник и вырыты три прямоугольных пруда. В западной части участка находились производственные и служебные постройки. В основном все строения были деревянными (хозяйственные и жилые), главный производственный корпус с круглым в сечении объемом по центру – каменный. К этому времени западная граница участка проходит по безымянному переулку, со стороны которого и располагается главный въезд на завод. Вплоть до продажи завода на его территории происходил ряд перестроек, зафиксированных на плане 1849 г.

В 1851 г. завод был продан А. Л. Штиглицем (сыном Л. И. Штиглица) купцу первой гильдии и фабриканту Матвею Егоровичу Карру (*Орлов*, 1913. С. 1). За десять лет, в течение которых он владел заводом, на территории произошли значительные изменения. Здания перестраивались и вновь возводились по проектам двух архитекторов: Л. Л. Бонштедта (1822–1885) и Е. И. Ферри-де-Пиньи (1827–1909). К 1860 г. главное производственное здание представляло собой постройку, состоящую из нескольких разновысотных корпусов. Самый высокий корпус достигал семи этажей. Все фасады были оформлены в «кирпичном стиле», типичном для промышленной архитектуры. При М. Е. Карре была увеличена площадь территории завода за счет присоединения прибрежных участков. На их территории были построены деревянные служебные корпуса и каменный корпус для «производства и добывания газа» (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2836. Л. 155 об.). План 1861 г. дает представление о заводе практически накануне его продажи в 1862 г., когда его приобрел предприниматель Леопольд Егорович Кёниг (1820–1903). Семья Кёнигов владела заводом на протяжении пятидесяти шести лет.

В 1863 г. безымянный переулок, проходивший через территорию завода, был закрыт и включен в состав участка, как и прибрежная территория. К 1864 г. была благоустроена набережная Большой Невки (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2836. Л. 156 об.–157.). При постройке набережной по берегу реки и в части усадьбы (СЗ часть участка, где находились склады для сырца) были сделаны значительные подсыпки, грунт и строительный мусор привозили из разрушенного дома, стоявшего на месте строившегося дворца князя Владимира Александровича (современный адрес: Дворцовая набережная, д. 26, Дом ученых). В глубокую впадину было насыпано слоя в 4 аршина толщиной (2,8 м), чтобы уровнять ее с остальной территорией усадьбы (Орлов, 1913. С. 3). Со временем объединенная в один участок усадьба была обнесена высокой кирпичной стеной.

В 1880–1881 гг. по проекту Н. В. Трусова на месте старого деревянно-го жилого дома для проживания семьи Л. Е. Кёнига был построен каменный двухэтажный особняк. Важным источником по истории Сахарного завода семьи Кёнигов является «Описание», составленное Н. М. Орловым и предназначенное для Всероссийской Киевской Сельскохозяйственной и Промышленной Выставки 1913 г. В нем отражена краткая история завода, обозначена функция корпусов и их состояние, подробно описан процесс изготовления сахара.

Для обслуживания нужд завода здесь были мастерские: слесарная, токарная, столярная, медницкая, бондарная, кузница, мастерская по ремонту форм и др. (рис. 3). В целом завод Кёнига отличался тем, что на нем работал довольно узкий круг не только инженерного состава, но и рабочих. С другой стороны, благодаря предприимчивости владельца завода и его наследников этот Сахарный завод в свое время оказался чуть ли не единственным в городе.

В 1918 г. все предприятия семьи Кёнигов были национализированы. В 1930 г. территория бывшего Сахарного завода была присоединена к территории завода «Двигатель», который в дореволюционное время назывался «Машиностроительный, чугунолитейный и котельный завод Г. А. Лесснера» и располагался на соседней от Сахарного завода прибрежной территории (вдоль Оренбургской улицы). С 1877 г. завод начал выполнять заказы для Военного ведомства (Пимченков, 1996. С. 8, 11). Осенью 1941 г. часть цехов занял Судостроительный завод им. Жданова. У пирса на р. Б. Невки производился ремонт боевых кораблей. К настоящему времени территория, разделенная на два участка, принадлежит на правах собственности ОАО «Завод «Двигатель» и ООО «Концерн «Морское подводное оружие – Гидроприбор».

Процесс производства сахара в XIX – начале XX в.

Сахарный песок-сырец, из которого вырабатывали рафинад, добывали из сахарного тростника или свеклы. Русские свекольные заводы выпускали чистый сырец, часть которого поступала в продажу для потребления. Кроме чистого кристаллического сахара, он содержал небольшое количество посторонних примесей, придающих ему желтоватый цвет и неприятный привкус, которые устраняли переработкой на рафинадных заводах. На заводе свекловичный сахар-сырец перерабатывался совместно с колониальным тростниковым сахаром, который с 1868 г. был вытеснен продукцией русских свеклосахарных заводов.

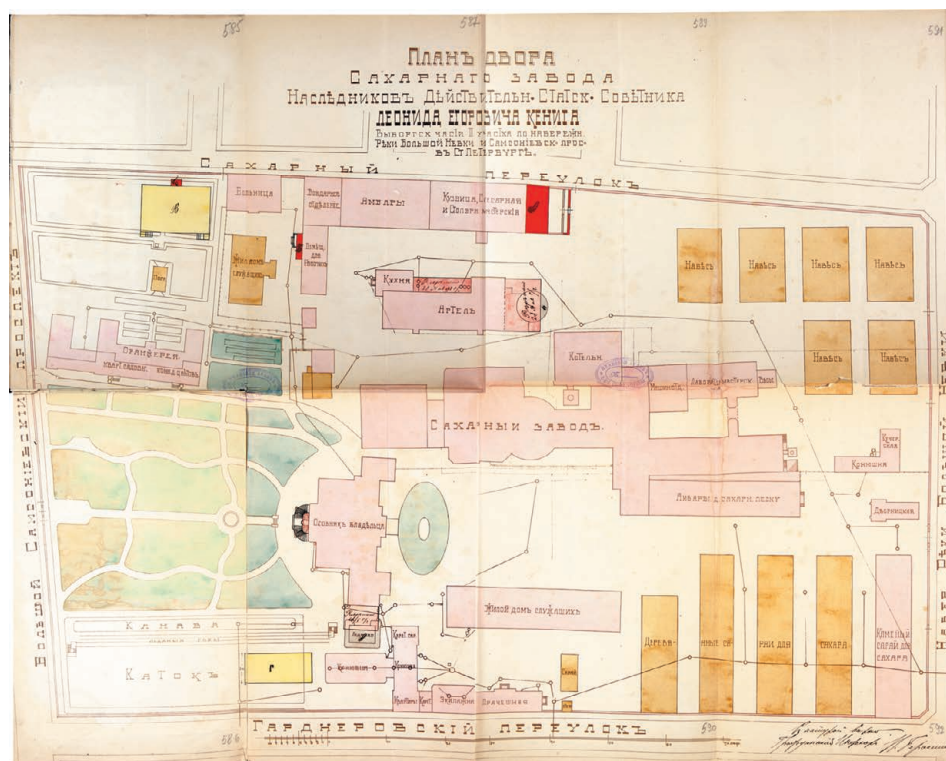

Рис. 3. План двора Сахарного завода наследников действ. статского советника Л. Е. Кенига. 1910-е гг. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2835. Л. 585–592

Сахар-сырец поступал на склады для хранения сырца, где кладовщик отбирал из мешков пробы для заводской химической лаборатории, которая определяла доброкачественность сырца и давала некоторые указания по технике его переработки. Затем сырец передавался в «подручный» склад главного здания завода, откуда на вагонетках в мешках поступал в весовую, где взвешивался, а затем – в роспускную. Там сырец из мешков высыпался в роспускные котлы, где получали сироп для рафинада, смешивая сырец с нагретой водой и известковым молоком (использовали для уничтожения свободных кислот, разлагающих сахар). После этого сироп паровыми насосами подавался в отделение механической фильтрации, где освобождался от механических примесей (растительные волокна от мешков и т. д.). Полученный прозрачный сироп имел желтую окраску и назывался «клерсом». Клерс поступал в напорные баки, откуда по трубам поступал в костяноугольные фильтры и там обесцвечивался. Далее клерс поступал в сборные баки, откуда он всасывался в вакуумный аппарат, где во время варки начинался процесс кристаллизации, там в массу добавляли ультрамарин (для придания рафинаду красивого голубоватого оттенка). Полученная масса имела вид густой каши, называемой «уфелем». Утфель

стекал в особый приемник, откуда по трубе подавался к разливному аппарату, где через кран выпускался в формы для дальнейшей обработки. Формы были двух типов: конические с закругленной вершиной (из листового или оцинкованного железа, для рафинада 1 сорта) и пирамидальные (из оцинкованного железа, введены в 1895 г. для рафинада 2 сорта, который выпускается в пиле-ном виде). Форма имела открытый широкий конец (основание) и узкий «носок» с небольшим отверстием. «Носок» с отверстием затыкали, форму переворачивали и устанавливали узким концом вниз, после чего в формы разливали утфель, где он остывал и превращался в крепкую массу в виде сахарной головы. Остывшие головы имели между кристаллизовавшимся сахаром значительное количество некристаллической темной жидкой массы – патоки. Для ее удаления из «носок» клещами вытаскивали затычки, давая стечь патоке. Затем в формы заливали клерс, который проникал внутрь головы и вытеснял оставшуюся в ней патоку, после чего «головки» сушились в специальных комнатах или аппаратах. Затем «головки» выталкивались из форм, сортировались, заворачивались в бумагу (несколько белых листов внутри и несколько синих листов снаружи) и обвязывалась шпагатом. Таким образом получали «головной рафинад». Забракованные белые головки шли на более дешевый «кусочный» колотый рафинад. Кроме головного рафинада, завод производил кусковой и прессованный сахар, сахар-песок, пудру, патоку.

Итоги исследований

В ходе работ получены материалы, преимущественно свидетельствующие о деятельности Сахарного завода, когда он принадлежал Леопольду Егоровичу Кёнигу и его наследникам (с 1862 г.). Во всяком случае, к этому времени относятся выявленные напластования, связанные с активными подсыпками, особенно в западной части исследуемого квартала, для благоустройства территории, ее осушением и последующим освоением. В шурфе 1 на участке по Пироговской наб. зафиксированы слои подсыпок мощностью около 1,40–1,50 м. Кроме того, в шурфах 1 и 2, заложенных на земельном участке по Евпаторийскому пер., зафиксированы горизонтально залегающие напластования мощностью от 24 до 62 см, насыщенные отходами сахарного производства – отработанной костяной крупкой, которая использовалась для очистки сахарного сиропа. Прослойка зафиксирована в первом случае над насыпным слоем на глубине 174 см от современной дневной поверхности (1,20 м БС), а во втором – над материковыми отложениями на глубине 249 см от современной поверхности (0,65 м БС; рис. 4).

Следы деятельности сахарного завода представлены фрагментами производственной красноглиняной керамики (толстостенных горшков и форм для изготовления сахарных голов), которая была собрана в мешаных слоях как в нижней части отложений, так и в верхней. В наибольшем количестве они были обнаружены в шурфах 1, 2, 2а, 6 (участок по Пироговской наб.) и в шурфах 1 (особенно много) и 2 (участок по Евпаторийскому пер.). Всего собрано 54 фрагмента толстостенных горшков и 112 фрагментов форм для сахарных голов (целых изделий не обнаружено). Как традиционно выглядела эта пара предметов, показано на рис. 5. Датируются эти находки в сочетании

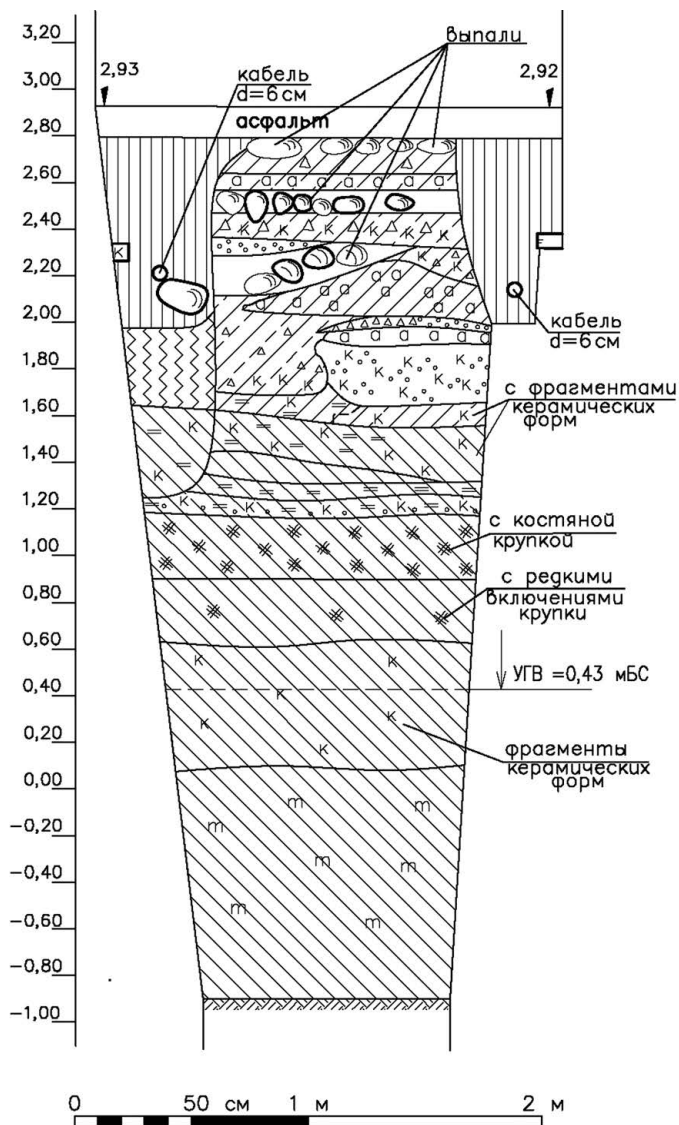

Рис. 4. Санкт-Петербург, Евпаторийский пер., д. 10, лит. В.
Шурф 1. Профиль западной стенки

и в контексте собранного материала второй половиной XIX в., вероятнее всего, ими пользовались в период с 1850-х до конца XIX в., когда произошла смена форм с керамических на металлические, о поставках которых имеется информация начиная с 1894 г. (Орлов, 1913. С. 127).

Производственная керамика сделана из хорошо отмученного однородного теста. Поверхность гладкая, особенно внутри (что объясняется ее назначени-

ем), одноцветная, при этом полива (темно-коричневого цвета) присутствует на внутренней стороне только у горшков.

Формы для сахарных голов – в виде конуса (широкая частьверху) с прямым венчиком и отверстием в днище (рис. 6). Диаметр венчиков – 24 см, диаметр дна – около 3 см, диаметр нижнего отверстия для вытекания патоки – 5–6 мм, толщина венчиков у различных фрагментов колеблется от 7 до 15 мм, что касается придонной части, то были встречены лишь фрагменты с толщиной стенки около 7–10 мм. Полная высота форм может быть определена только предположительно и при реконструкции составила около 50 см. В целом все зависело от объемов поставляемой продукции: сахарные головы весили 1 пуд, ½ пуда и менее. Соответственно, и формы были разной высоты и, вероятно, диаметра, но в нашем случае присутствует только один размер.

Горшки для патоки обладают свойствами хорошей устойчивости, поскольку они предназначены были держать относительно большой вес наполненной utfелем формы для сахарной головы. Это сосуды закрытой формы со скошенным внутрь венчиком, с поливкой на внутренней стороне темно-коричневого цвета (рис. 7: 1) или прозрачной, дно горшка опирается на кольцевой невысокий поддон. Максимальная толщина венчика составляет около 15 см, диаметр – 10 см, диаметр тулова – около 20 см, дна – около 8–10 см. Толщина стенки горшка – около 7 мм, в придонной части достигает 12–16 мм, размеры бортика поддона – 14×14 мм (высота × толщина), 6×12 мм, 10×5 мм. Полная высота горшков не определена. Один из фрагментов горшка имеет отверстие в днище диаметром 4,5 см, внешние края дна обколоты, края дна при отверстии также имеют повреждения. Такой сосуд – единственный среди другой аналогичной производственной керамики (рис. 7: 2). Его назначение пока не выяснено.

В целом фрагменты производственной керамики отличаются высоким качеством. На некоторых из них есть клейма «M&S» и «С.Н.». Аналогичные

Рис. 5. Форма для сахарной головы и горшок для патоки, XVIII в. Дом керамики Садирака, фото: Брюс Миллепед (Maison de la Poterie Sadirac)

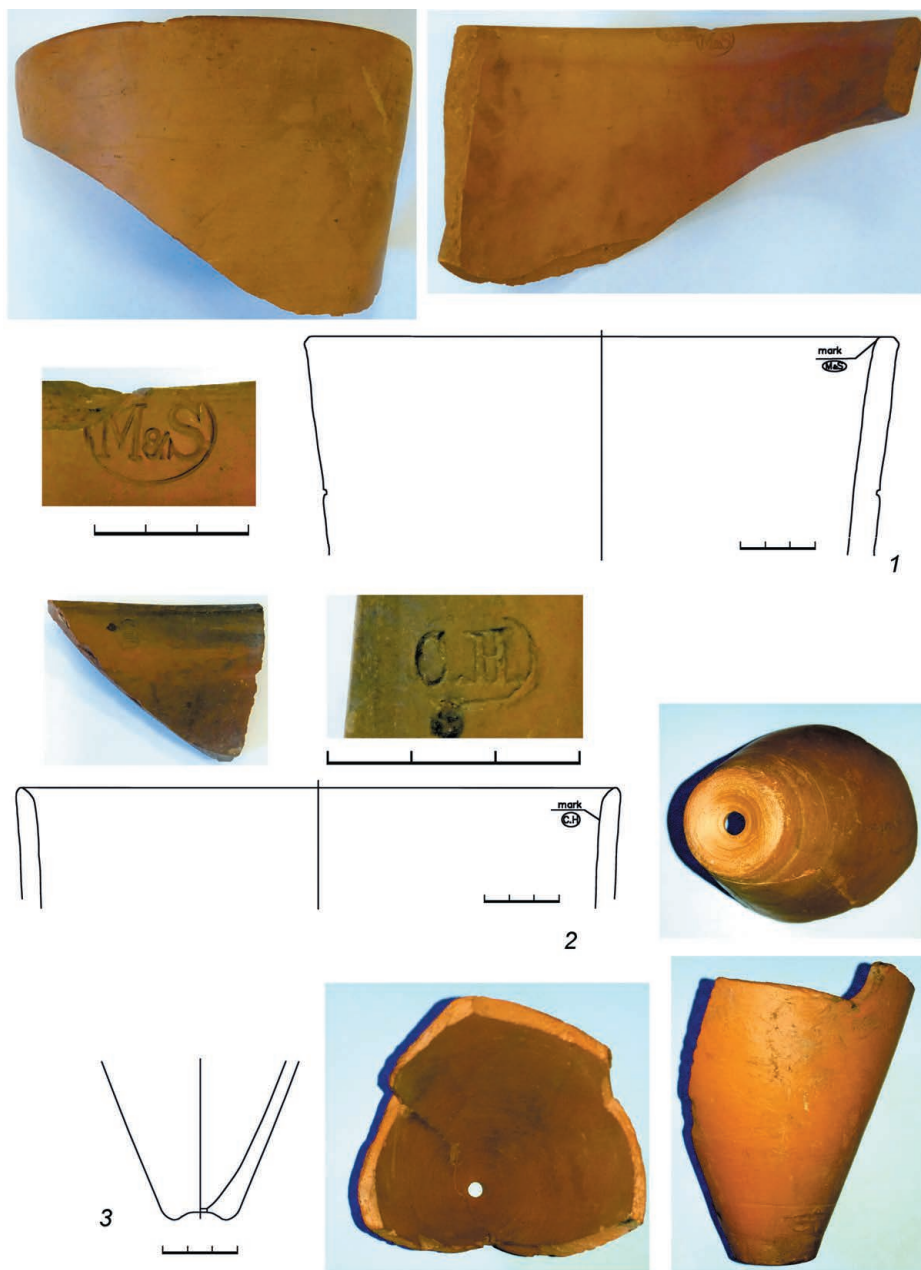

Рис. 6. Фрагменты форм для изготовления сахарных голов

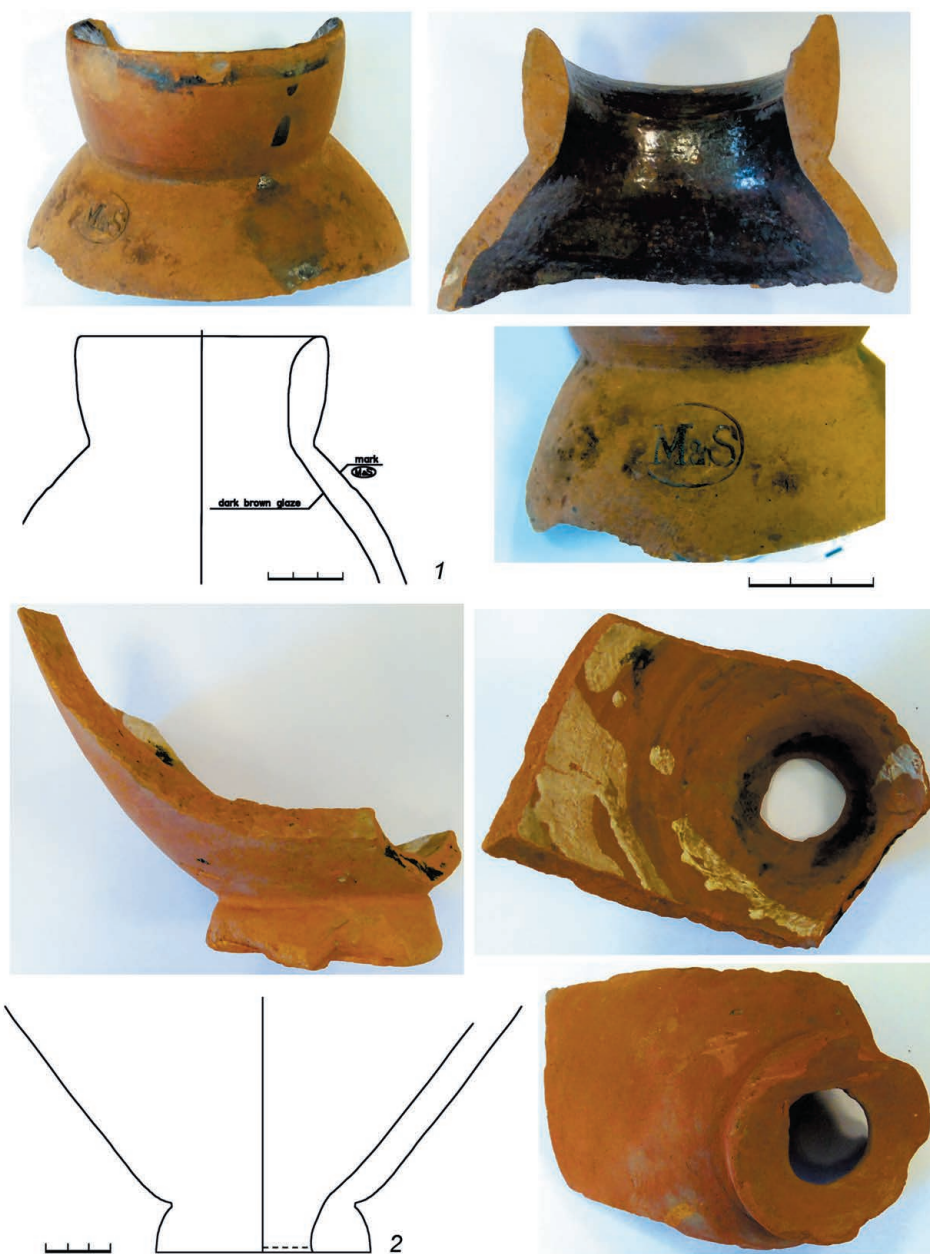

Рис. 7. Фрагменты горшков для папки

изделия известны среди находок Великобритании (Sugar moulds...), Северной Америки (*Magid*, 2005). Для наших находок вопрос их происхождения пока открыт.

Таким образом, несмотря на то, что практически повсеместно напластования нарушены коммуникациями и сооруженными новыми зданиями, связанными с деятельностью современного производства, в результате проведенных работ удалось обнаружить некоторые следы деятельности Сахарного завода во второй половине XIX в., представляющие интерес для изучения истории этого предприятия. Материалы более раннего времени отсутствуют.

Литература

- Орлов Н. М.*, 1913. С.-Петербургский Сахаро-рафинадный завод Л. Е. Кениг-наследники. СПб.
- Пимченков С. Я.*, 1996. История завода «Старый Лесенер – «Двигатель»». СПб.
- Яковлев С. А.*, 1926. Наносы и рельеф города Ленинграда и его окрестностей. Л.
- Magid Barbara H.*, 2005. Sugar Refining Pottery from Alexandria and Baltimore // *Ceramics in America 2005*. Hunter R., ed. URL: <http://www.chipstone.org/article.php/223/Ceramics-in-America-2005/Sugar-Refining-Pottery-from-Alexandria-and-Baltimore> (дата обращения: 7.12.2019).
- Maison de la Poterie Sadirac. URL: <http://www.maisonpoteriesadirac.fr/default.asp?sCode=18> (дата обращения: 7.12.2019).
- Sugar moulds, collecting jars... // Sugar Refiners & Sugarbakers Database. URL: <http://www.mawer.clara.net/moulds.html> (дата обращения: 7.12.2019).

***

*Шуньгина Светлана Евгеньевна, Санкт-Петербург,
НИИ «Спецпроектреставрация»,
E-mail: sveshun@mail.ru*

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев

К интерпретации так называемого Туровского меча

Резюме. В археологической литературе уже неоднократно упоминался так наз. «туровский меч». Это обломок однолезвийного железного клинка с литой бронзовой рукоятью, в 1986 г. переданный Н. И. Платоновой лужскими краеведами. Среди предлагавшихся аналогий – боевые ножи из испано-римских могильников на территории современной провинции Вальядолид (М. Б. Щукин, Н. И. Платонова) и биметаллический кинжал из Старшего Ахмыловского могильника (Б. С. Короткевич, М. А. Юшкова). И те, и другие аналогии довольно условны. Однако недавно В. И. Кошман и Н. С. Бандровский опубликовали обломок однолезвийного клинка с бронзовой рукоятью, чрезвычайно близкий к туровскому. Это также случайная находка с правого берега р. Березины, из окрестностей д. Перевоз Минской области Беларуси. Публикаторы гипотетически связали «меч из Перевоза» с чернолесской культурой конца эпохи бронзы – начала раннего железного века, ареал которой располагается несколько южнее днепровской Березины.

Вопрос о культурной принадлежности и датировке «туровского меча» остается по-прежнему открытым, однако весьма вероятно, что он синхронен находке из Перевоза и, следовательно, относится к практически не изученному археологами периоду истории Северо-Запада.

Ключевые слова: Ленинградская область, Белоруссия, боевой нож, биметаллический кинжал, поздний бронзовый век, эпоха раннего железа.

E. R. Mikhailova, V. Yu. Sobolev. To the Interpretation of the So-called “Turovo Sword”

Abstract. The so-called “Turovo sword” has been already repeatedly mentioned in archaeological publications. This is a fragment of a single-edged iron blade with a cast bronze handle, which was given to N. I. Platonova by local historians from Luga town in 1986. Among the proposed analogies are battle knives from the Spanish-Roman burial grounds in the territory of the modern province of Valladolid (M. B. Shchukin, N. I. Platonova) and a bimetallic dagger from the Senior Akhmylovsky burial ground (B. S. Korotkevich, M. A. Yushkova). Both analogies are quite conventional. However, recently V. I. Koshman and N. S. Bandrovsky published a fragment of a single-bladed knife with a bronze handle, extremely close to the Turovo sword. This is also an accidental find from the right Bank of Berezina river, from the vicinity of the village of Perevoz, Minsk region of Belarus. V. I. Koshman and N. S. Bandrovsky hypothetically linked the “sword from

Perevoz" with the Chernoles culture of the end of the Bronze age – the beginning of the Early Iron age, the area of which is located somewhat South of the Dnieper Berezina. The problem of cultural identity and dating of the Turovo sword remains, but it is very likely that it is identical to the find from Perevoz and, therefore, belongs to the period of the history of the North-West that practically has not been studied by archaeologists.

Keywords: Leningrad region, Belarus, combat knife, bimetallic dagger, late bronze age, early iron age.

В археологической литературе уже неоднократно обсуждался так называемый «туровский меч» – обломок однолезвийного железного клинка с литой бронзовой рукоятью, найденный в окрестностях д. Турово Лужского района Ленинградской области и в 1986 г. переданный лужским краеведом И. В. Половинкиным Н. И. Платоновой. Авторы настоящего сообщения уже анализировали находку (Михайлова, 2013; Михайлова, Соболев, 2017), но вновь появившиеся сведения заставляют вновь обратиться к этой теме.

«Туровский меч» представляет собой фрагмент однолезвийного железного клинка, шириной у перекрестья около 4,5 см, толщиной по спинке 5 мм. Клинок снабжен литой бронзовой рукоятью круглого сечения, общая длина рукояти (вместе с перекрестьем) 12 см. Все детали рукояти отлиты в одной форме и составляют одно целое. Модель для литья рукояти была, по всей видимости, выполнена из восковых деталей, которые выделяются на готовом изделии. В трех местах рукоять модели спирально обвита подграненным прутком, в 1,5 см от ее окончания расположена круглая выпуклая шайба диаметром 27 мм, отлитая вместе с рукоятью. Перекрестье шириной 10–11 мм дугообразно изогнуто, его украшают четыре продольные бороздки, прочерченные по модели. Рукоять отчетливо смещена относительно продольной оси клинка в сторону лезвия. В целом оружие должно интерпретироваться скорее как боевой нож или кинжал (рис. 1).

По позднейшим воспоминаниям находчика, переданным авторам И. В. Половинкиным, в 1980-х гг. близ деревни Турово «в лесу, подо мхом» были найдены две бронзовые рукояти (одна из них – совсем плохой сохранности). Проверить это утверждение теперь невозможно. В 1986 г., однако, утверждалось, что меч был найден в большом кургане у д. Турово, и Н. И. Платонова действительно обнаружила на одном из известных здесь могильников культуры длинных курганов довольно высокую круглую в плане насыпь с обширной свежей грабительской ямой в вершине (№ 1 в группе Турово I, по нумерации Н. И. Платоновой). Поврежденная насыпь первоначально имела усеченно-коническую форму, диаметр в основании 14,5–15 м и высоту от 0,9 м до 1,5 м (с разных сторон) и была окружена кольцевым ровиком. Глубокая грабительская яма диаметром до 4 м была вырыта в вершине кургана. Н. И. Платонова в том же году раскопала этот курган, определив два этапа в его сооружении и полное отсутствие в исследованном кургане захоронений (в том числе следов разрушенных захоронений в отвале грабительской ямы). По результатам раскопок исследовательница была вынуждена констатировать, что «невозможно идентифицировать раскопанный курган с тем, в котором была сделана уникальная находка» (Платонова, 1986. Л. 7–10).

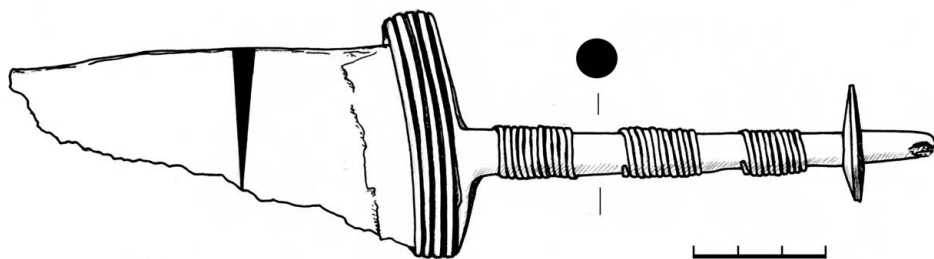

Рис. 1. «Туровский меч». Железо, бронза. Рис. Е. Р. Михайловой

Биметаллический боевой нож, действительно, вряд ли связан с культурой длинных курганов. Находки вооружения в памятниках этой культуры единичны, а единственная находка клинкового оружия происходит из высокого кургана в группе Куреваниха III на р. Мологе и представляет собой короткий однолезвийный меч, типологически близкий европейским скрамасаксам (подробнее см.: *Башенькин, Васенина, 2012; Михайлова, 2013*).

Позднее Н. И. Платонова опубликовала находку из Турова в совместной с М. Б. Щукиным статье (*Платонова, Щукин, 2000*). Рассмотрев предлагавшиеся коллегами аналогии (биметаллический кинжал из ананьинского Старшего Ахмыловского могильника, эфесы мечей из болотных находок в Дании), исследователи предложили сопоставить клинок из-под Луги с серией боевых ножей из сравнительно компактной группы испано-римских могильников на территории современной провинции Вальядолид (северо-западная Испания), датирующихся второй половиной IV – началом V в. Пытаясь объяснить предложенное ими сопоставление, Н. И. Платонова и М. Б. Щукин сочувственно процитировали работу В. Н. Топорова о прибалтийских галиндах в Западной Европе, где среди прочего отмечена концентрация топонимов с корнем *-galind* в северо-западной Испании.

Предложенная этими авторами интерпретация имеет свои слабые места, в первую очередь – по-прежнему отдаленное сходство «туровского меча» с рассматриваемой группой древностей. Из опубликованных П. де Палолем кинжалов из Вальядолида (*Palol, 1964*) с рукоятью «меча» из Турова можно сопоставить только рукоять кинжала из погребения 68 и – с оговорками – из погребения 100. Рукояти прочих кинжалов имеют с туровской лишь весьма отдаленное сходство (рис. 2). Обоснованной критике подвергается ныне и концепция широкого распространения галиндов в Европе (см., напр.: *Лухтанас, Поляков, 2017*), но эта тема выходит за рамки настоящего сообщения.

Однако до недавнего времени более надежных аналогий клинку из Турова предложено не было. И вот в 2010 г. археологам был передан обломок однолезвийного клинка с бронзовой рукоятью, чрезвычайно близкий к туровскому (рис. 3). Это также случайная находка, происходящая с правого берега р. Березины, из окрестностей д. Перевоз Минской области Беларуси. Судя по опубликованным фотографиям и рисункам, рукоять из Перевоза также

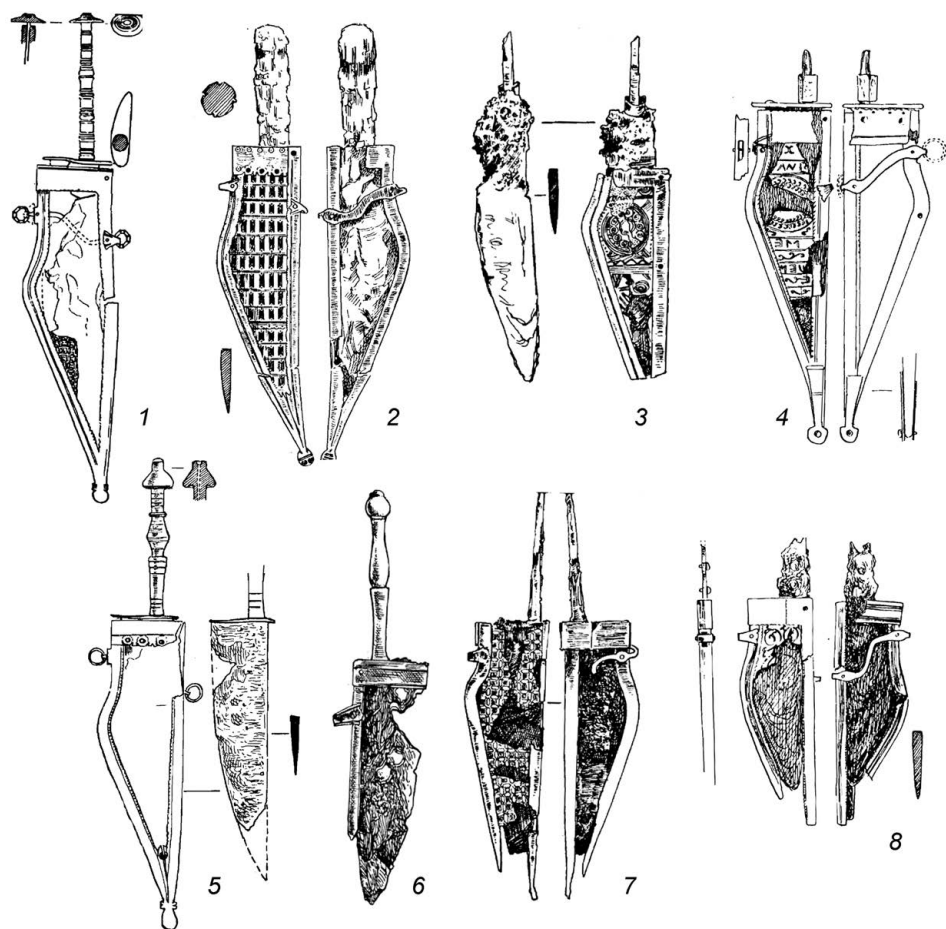

Рис. 2. Биметаллические кинжалы из Вальядолида (по: *Palol*, 1964). 1 – погр. 68; 2 – погр. 30; 3 – погр. 133; 4 – погр.49; 5 – погр. 100; 6 – погр. 10; 7 – погр. 141; 8 – погр. 17

отлита целиком по восковой модели. Рукоятка длиной 8,4–8,6 см орнаментирована, как и прямоугольный со скругленными углами эфес, рельефным декором из прутка, в нескольких местах обвивающего рукоять либо образующего спиральные фигуры. На конце рукояти расположено навершие «в форме лейки», продолжающееся стержнем длиной 2 см (*Кошман*, 2013. С. 372, мал. 4). В. И. Кошман и Н. С. Бандровский, публикуя находку, привели ряд аналогичных по конструкции и орнаментации рукоятей мечей и кинжалов с территории Восточной, Центральной Европы и Северного Кавказа и гипотетически отнесли «меч из Перевоза» к эпохе бронзы, связав его с чернолесской культурой конца эпохи бронзы – начала раннего железного века, ареал которой располагается несколько южнее днепровской Березины (*Бандрівський, Кошман*, 2011).

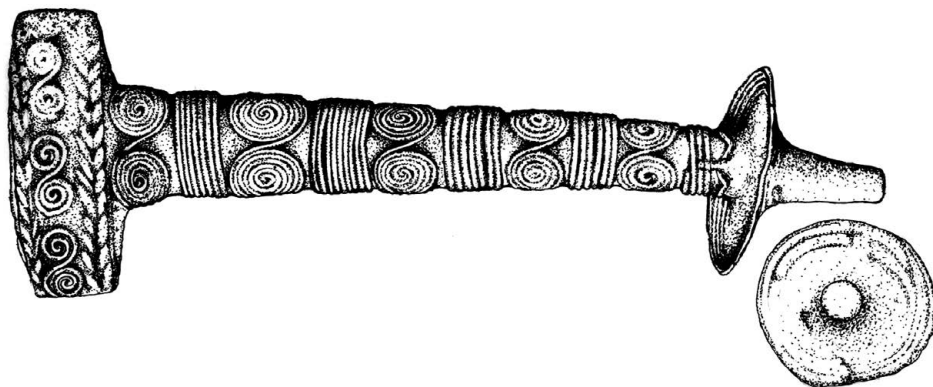

Рис. 3. Бронзовая рукоять из Перевоза (по: Кошман, 2013. Мал. 4). Б/м.

Вопрос о культурной принадлежности и датировке «туровского меча» (как и «меча из Перевоза») остается открытым, однако их сходство несомненно. В таком случае весьма вероятно, что туровский клинок относится к практически не изученному археологами периоду истории Северо-Запада, что придает этой находке особую познавательную ценность.

Литература

- Бандрівський М., Кошман В.*, 2011. Ефес чорноліського однолезового залізного клинка із с. Перевоз у Білорусі // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 15. Львів. С. 376–384.
- Башенькин А. Н., Васенина М. Г.*, 2012. Сопковидная насыпь в курганной группе Куреваниха III на р. Мологе // История и археология Русского Севера: сб. материалов науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Н. В. Гуслистова. Вологда: Древности Севера. С. 28–34.
- Кошман В. І.*, 2013. Археалагічныя даследаванні помнікаў басейна сярэдняй Бярэзіны ў 2011 г. // МАБ. Вып. 24: Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (пам'яці Ю. А. Заяца)/Навук. рэд. В. М. Ляўко. Мінск: Беларускавая навука. С. 368–373.
- Лухтанас А., Поляков О.*, 2017. Галинды на просторах Европы: история одной псевдонаучной гипотезы // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: материалы IV науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт. С. 90–94.
- Михайлова Е. Р.*, 2013. Находки предметов вооружения в культуре псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. IX. С. 29–44.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.*, 2017. Древности микрорегиона Турово – Мерево и загадка «туровского меча» // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: материалы IV науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт. С. 106–109.

Платонова Н. И., 1986. Отчет Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР о раскопках и разведках в Лужском и Волосовском р-нах Ленинградской обл. и в Батецком районе Новгородской обл. в 1986 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1986. Д. 69.

Платонова Н. И., Щукин М. Б., 2000. Странная случайная находка из окрестностей Луги Ленинградской области // АВ. Вып. 7. С. 178–188.

Palol P. de, 1964. Cuchillo hispanorromano del siglo IV de J. C. // Boletín del Seminario de Estudios de Arte y Arqueología (Valladolid). T. XXX. P. 61–102.

***

Михайлова Елена Робертовна, к. и. н., Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: helena.mikhaylova@gmail.com

Соболев Владислав Юрьевич, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

Б. С. Короткевич, М. В. Саблин

Древнейшие культурные отложения городища Анашкино (по результатам раскопок 2015–2017 гг.)

Резюме. В 2013–2017 гг. Верхнедвинская экспедиция Государственного Эрмитажа вела исследования на северном краю площадки городища Анашкино (рис. 1). Их расположение представляет интерес тем, что здесь вдоль края площадки залегают древнейшие культурные отложения городища. Радиоуглеродный метод датирует все ранние отложения VIII–V вв. до н.э. Среди находок наиболее выразительна глиняная посуда, представленная фрагментами лепных сосудов, в том числе с отпечатками штампов и сеччатыми на внешней поверхности (рис. 3–5). Керамика делится на «грубую» и «качественную». К слою могут быть отнесены остатки двух сооружений. Одно из них располагалось на поверхности слоя и сохранилось в виде скопления камней и обуглившихся фрагментов бревен. Другое представляло собой длинную материковую яму. В указанное время поселение уже было укреплено. В пределах рассматриваемых участков исследованы ров и вал. По результатам раскопок 2016–2017 гг. в слое коричневого песка с угольками и бурого песка, а также в материковых ямах были найдены кости рыб, птиц и млекопитающих. Распределение по видам домашних животных следующее: количество и костей, и особой собаки, коровы, овцы приблизительно одинаково, тогда как лошади мало. Обращает на себя внимание отсутствие костей свиньи в культурном слое, что можно объяснить региональной традицией в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Культура населения, оставившего нижние напластования городища Анашкино, входит в круг мало изученных древностей, предшествующих классическим вариантам культур раннего железного века – дьяковской и днепро-двинской. Их отличает скудость металлического инвентаря на фоне разнообразия форм и орнаментации глиняной посуды.

Ключевые слова: ранний железный век, городище, стратиграфия, керамика, палеозоология, оборонительные сооружения.

B. S. Korotkevich, M. V. Sablin. The Oldest Cultural Deposits of the Hillfort Anashkino (According to the Results of Excavations in 2015–2017)

Abstract. In 2013–2017 the State Hermitage expedition conducted excavations on the northern edge of the hillfort Anashkino (Fig. 1). Their location is interesting because the oldest cultural deposits of the settlement lie along the edge of the site. The

radiocarbon method dates all the early deposits by the 8th – 5th centuries BC. The hand-made ceramics include those with stamp and mesh impressions on the surface (Fig. 3–5). Ceramics are divided into “rough” and “high-quality”. The remains of two structures can be attributed to the layer. One of them was located on the surface of the layer and was preserved as a cluster of stones and charred fragments of logs. The other was a long pit. At that time the settlement on the top of the hill was already fortified by a moat and rampart. According to the results of excavations in 2016–2017, bones of fish, birds and mammals were found in the layer under consideration. The distribution by species of domestic animals is as follows: the number of bones and individuals of dogs, cows, and sheep is approximately the same, while horses are few. The absence of pig bones in the cultural layer is noteworthy, which can be explained by a regional tradition in the late bronze and early iron ages. The culture of the population that left the lower strata of the settlement of Anashkino applies to the circle of poorly studied antiquities that precede the classical versions of the early iron age cultures – Dyakovo and Dnieper-Dvina. They are distinguished by the scarcity of metal inventory against the background of a variety of shapes and ornamentation of pottery.

Keywords: early iron age, settlement, stratigraphy, ceramics, paleozoology, defensive structures.

В 2013–2017 гг. Верхнедвинская экспедиция Государственного Эрмитажа вела исследования на двух участках: 7 и 8 – на северном краю площадки городища Анашкино (рис. 1). Их расположение интересно тем, что они перекрывают древнейшие культурные отложения городища, залегающие широкой полосой вдоль края площадки. Стратиграфическое членение этих отложений удачно подчеркивается стратиграфией связанных с ними оборонительных сооружений, состоящих из почти стерильного, с археологической точки зрения, грунта. Это позволяет с высокой долей достоверности проследить изменения в облике материальной культуры с самого начала формирования культурного слоя. В целом радиоуглеродный метод датирует все ранние отложения в хронологическом диапазоне VIII–V вв. до н.э., что соответствует т.н. «галыштатскому плато», в рамках которого более точное датирование с помощью данного метода невозможно. Поэтому все надежды по уточнению абсолютной хронологии остается возлагать на традиционный поиск археологических аналогий. Изучение этого периода в жизни городища стало практически основной задачей полевых исследований на памятнике с момента первого обнаружения этой группы древностей в ходе раскопок 2003 г. Поэтому начиная со следующего, 2004 г., все новые участки раскопа закладывались на краю площадки. Стремление максимально расширить источниковую базу для этого периода было продиктовано практически полным ее отсутствием в материалах предыдущих раскопок городищ Верхнего Подвинья и малой изученностью этого периода для лесной полосы Восточной Европы в целом. Результаты исследований периодически обобщались в отдельных докладах и отчасти были опубликованы в 2013 г. в статье, посвященной стратиграфии памятника (Короткевич, 2013). Новые раскопки в основном не противоречат сделанным тогда выводам, но позволяют включить новый материал в разработанную схему.

Стратиграфия культурного слоя рассматриваемых участков может быть представлена следующим образом (рис. 2). Верхний стратиграфический слой состоит из черного углистого песка, распространившегося по всей площад-

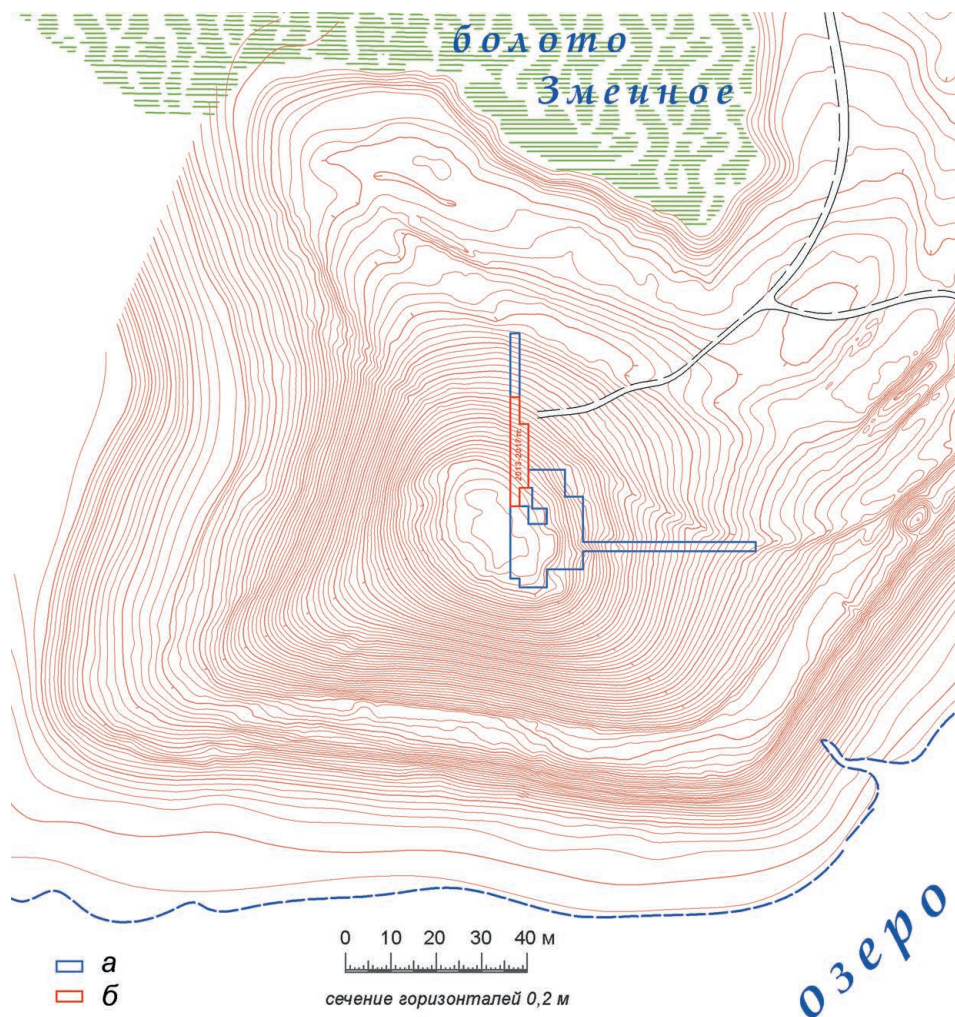

Рис. 1. Топографический план городища Анашкино. Съемка М. А. Васильева, 2015 г.

Условные обозначения: а – исследованная территория; б – раскоп 2013–2017 гг.

ке и склонам городища. К нему же относится и слой дерна, который по физическим свойствам и составу находок никак не выделяется. Мощность слоя уменьшается к северу от 0,5 м в основной части площадки до 0,2 м в начале склона. В районе внутреннего рва в верхней части склона его мощность снова увеличивается до 0,5 м. Заполнение рва также состоит из черного песка, но отделено от основного слоя прослойкой желтого песка. На площадке черный песок подстилается слоем серого песка, распространяющимся только до ее края. Этот слой структурно не однороден и содержит остатки разновременных сооружений. В его верхнюю часть впущен котлован сооружения с заполнением, внешне не отличающимся по составу от окружающего культурного слоя. Гра-

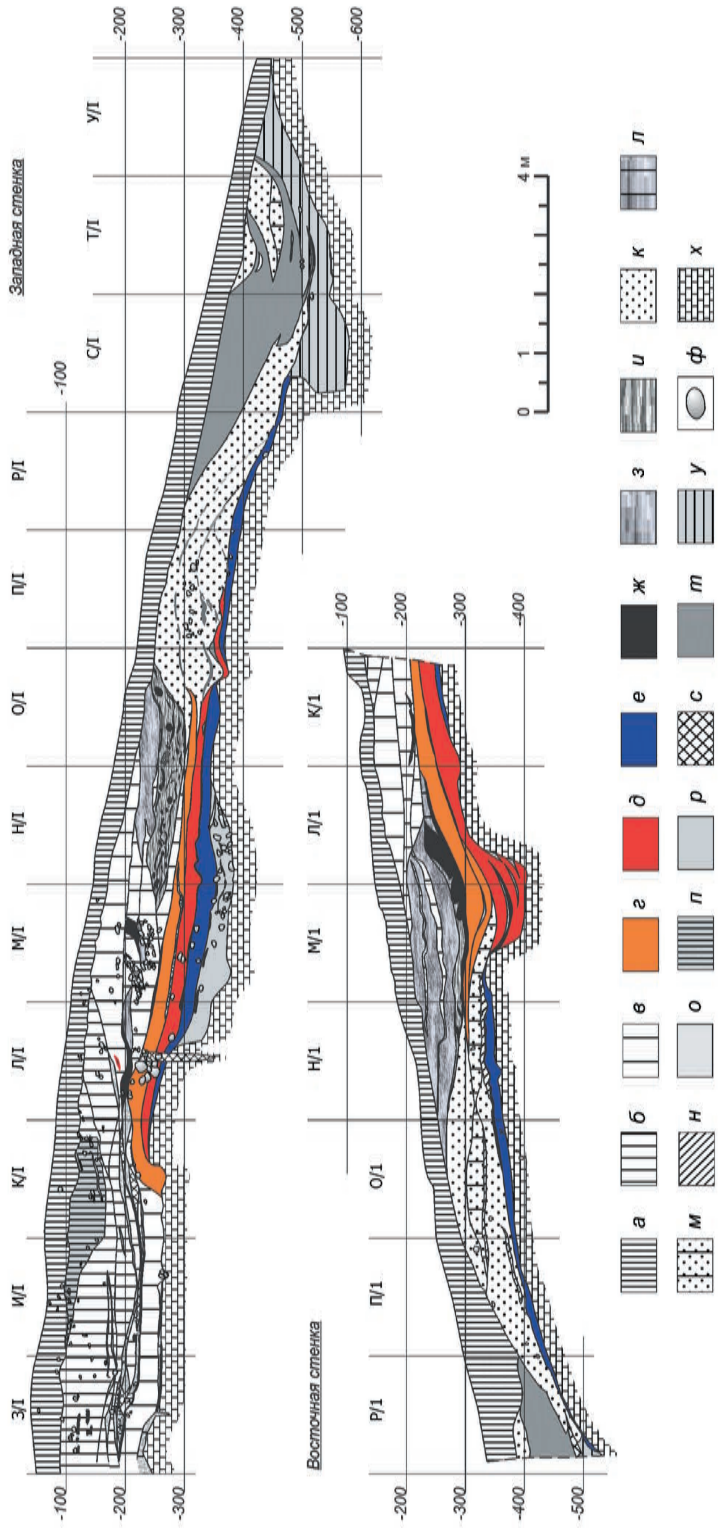

Рис. 2. Профили стенок раскопа 2013–2017 гг.

Условные обозначения: а – черный углистый песок; б – серый песок; в – коричневый песок (нижний слой); д – коричневый песок с угольками; е – бурый песок (погребенная почва); ж – обуглившееся дерево; з – желтый песок; и – красный прокаленный песок; к – красно-желтая супесь; л – слабогумусированный светло-коричневый песок; м – слабогумусированная красно-желтая супесь; н – желтый суглинок; о – светло-серый песок; п – черный песок в заполнении котлована; р – бурый песок в заполнении материковой ямы; с – песок с угольками; т – интенсивно черный гумусированный песок в заполнении рва; у – бурый песок в заполнении рва; ф – камни; х – материк

ницы котлована маркируются в стенках раскопа расположенными вдоль них валунами, а также краями линз и прослоек в заполнении и в слое серого песка.

В верхней части котлована было обнаружено основание металлургического горна. Оно представляло собой мощную линзу желтого песка с прослойками угля, указывающими на неоднократное подновление. На том же уровне вперемешку с желтым песком залегало скопление обуглившихся бревен. Ниже располагалось слабо углубленное сооружение с очагом. Стенки котлована, вырытого в залегающем под серым песком слое коричневого песка, оплыли и в виде длинных языков коричневого песка полого спускались к его середине. Под серым песком лежал сложно структурированный коричневый песок, окраска которого обусловлена, видимо, меньшим, по сравнению со слоем серого песка, содержанием угля и золы. Стратиграфическая структура коричневого слоя связана с фиксируемыми в его толще остатками разновременных сооружений и прослеживалась в стенках раскопа по концентрации камней и мелких включений желтого песка, угольков и золы. Этот слой носит переотложенный характер, образуя валобразную насыпь на краю площадки городища.

Под верхним слоем коричневого песка в верхней части склона лежала линза насыпи из желтого песка с остатками сгоревших деревянных конструкций. Со стороны площадки под нее заходил край нижнего слоя коричневого песка мощностью до 0,3 м, подстилаемый слоем коричневого песка с угольками. Со стороны склона внешняя пола насыпи опиралась на частично сползающий в ров вал, сложенный из желто-красной супеси. Сохранившаяся высота насыпи вала составляла до 1,1 м. На уровне нижнего слоя коричневого песка насыпь вала разбивалась слабогумусированной прослойкой на два горизонта.

Под нижним слоем коричневого песка лежал «слой коричневого песка с угольками», отличавшийся заметно большей, по сравнению с коричневым песком, концентрацией включений мелких угольков. Мощность слоя составляла около 0,20–0,25 м. На площадке его прорезал котлован углубленной постройки. Со стороны склона коричневый песок с угольками вклинивался под южную полу вала из красно-желтой супеси. Его подстилал тонкий (около 0,1 м) слой бурого песка – сохранившейся погребенной почвы – сползавший вниз по склону до внутреннего края рва. В северо-восточном углу участка 7 слой коричневого песка с угольками заполнял северо-западную оконечность длинной материковой ямы. Восточная часть другой материковой ямы, обнаруженная у западного края раскопа, перекрывалась слоями коричневого песка с угольками и бурого песка. В заполнении ее лежали остатки обуглившегося дерева вперемешку с камнями.

В настоящей статье представлен анализ самых ранних культурных отложений, соответствующих слоям коричневого песка с угольками и бурого песка, а также перекрытых ими материковых ям. Малочисленность находок в слое бурого песка и их схожесть с находками из слоя коричневого песка с угольками позволяет объединить эти слои в культурном отношении.

Среди находок наиболее выразительна глиняная посуда (рис. 3–5), представленная фрагментами лепных сосудов, в том числе с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности (рис. 3: 3, 5). В отдельных случаях сетчатые отпечатки имелись на внутренней поверхности донцев. Сетчатые отпечатки часто

перекрыты расчесами, однако расчесами могла быть обработана и гладкая поверхность (рис. 3: 6; 5: 1–3). Нижние части сосудов хуже пропечены, в результате чего они имеют худшую сохранность. В качестве примеси к глиняному тесту использована дресва. Как правило, сосуды имели вертикальную шейку без выделенного венчика. Форма плеча высокая крутая или покатая. Характерны ребристые формы. Донца без закраин или со слабо выраженными закраинами. Интересна находка фрагмента массивного донца диаметром 7 см, возможно, принадлежавшего маломерному столовому сосуду типа кубка.

Самый распространенный элемент орнамента – тычки, нанесенные концом наклонно поставленного орнаментира, или ямки, как правило, мелкие. Наряду с ними, встречены отпечатки гребенчатого штампа и «чёточный» орнамент в виде прямой прочерченной линии, пересеченной короткими насечками. Орнамент располагался в верхней части сосуда в районе плечика и шейки. Основной орнаментальный мотив – горизонтальные ряды. Часто по краю венчика прослеживаются нечеткие отпечатки гребенчатого штампа или шнура. Встречаются фрагменты донцев сосудов, орнаментированных ямками с внутренней стороны по месту стыка донца и стенок.

По своим технологическим характеристикам глиняная посуда может быть разделена на две группы: «грубая» и «качественная». Грубая керамика имеет неровную поверхность и худший обжиг, черепки, как правило, темного оттенка – темно-коричневые или черные, в некоторых случаях на внутренней поверхности заметны следы нагара (рис. 3, 4). Для этой группы характерны формы трех типов:

- 1) с низкой вертикальной шейкой без выделенного венчика (рис. 3: 1, 2);
- 2) с высокой шейкой без выделенного венчика (рис. 3: 3, 4);
- 3) с короткой шейкой и отогнутым наружу краем (рис. 3: 5, 6; 4: 1–3).

Посуда второй группы лучше обожжена, черепки плотные, светлых оттенков: серые или желтые (рис. 5). Сосуды, как правило, биконической формы, шейка переходит в покатое плечико. На керамике второй группы встречаются расчесы на внешней и внутренней поверхности, «четочный» орнамент в комбинации с тычками. Учитывая, что термин «чёточный орнамент» не является общепринятым, необходимо пояснить, что понимается под ним в данном контексте. Морфологически он представляет собой отпечатки в виде узкой прямой линии с расположенными на ней ромбическими вдавлениями, что напоминает надетые на нитку чётки (типа рис. 4: 2). Встречаются ромбические вдавления разных пропорций: от довольно широких до совсем узких. Относительно технологии нанесения подобного орнамента специальные исследования не проводились, однако факт идентичности композиций, составленных из отпечатков «чёточных» и гребенчатого штампа (например, рис. 4: 1), позволяет предположить, что оба типа отпечатков являются результатом применения одного и того же инструмента (гребенчатого штампа), но приложенного под разным углом к поверхности сосуда, либо схожего с ним.

Насколько это можно заключить из наблюдений за распределением крупных фрагментов, кровля и подошва слоя коричневого песка с угольками характеризуются разными керамическими комплексами. Для кровли показательными являются развалы двух сосудов, найденные в верхней части склона (рис. 4: 1, 2). Это гладкостенные сосуды с высоким горлом, округлыми плечиками и сужающимися к донцу стенками. У одного из них горло несколько расширяется кверху,

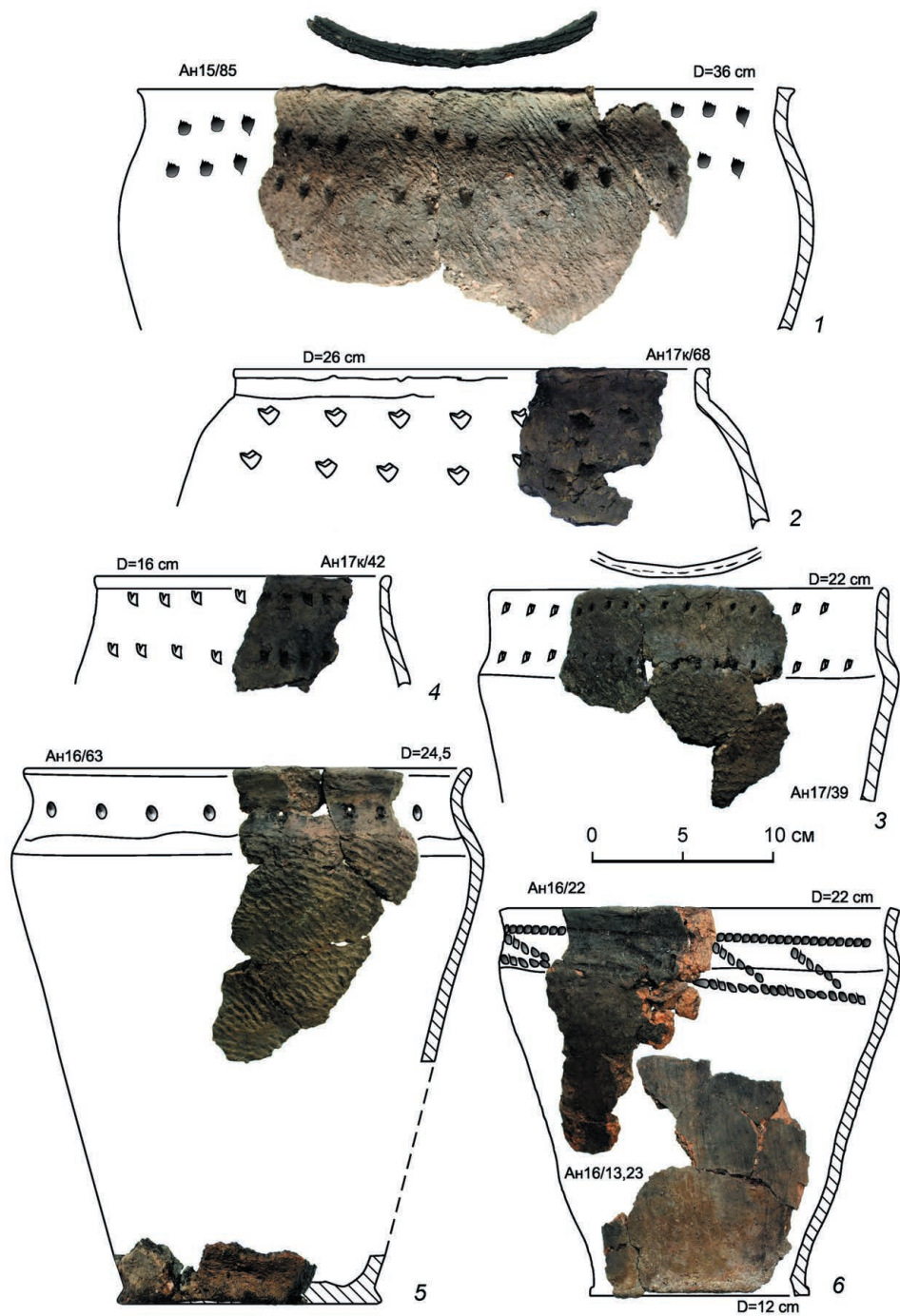

Рис. 3. Реконструкции глиняных сосудов из слоя коричневого песка с угольками

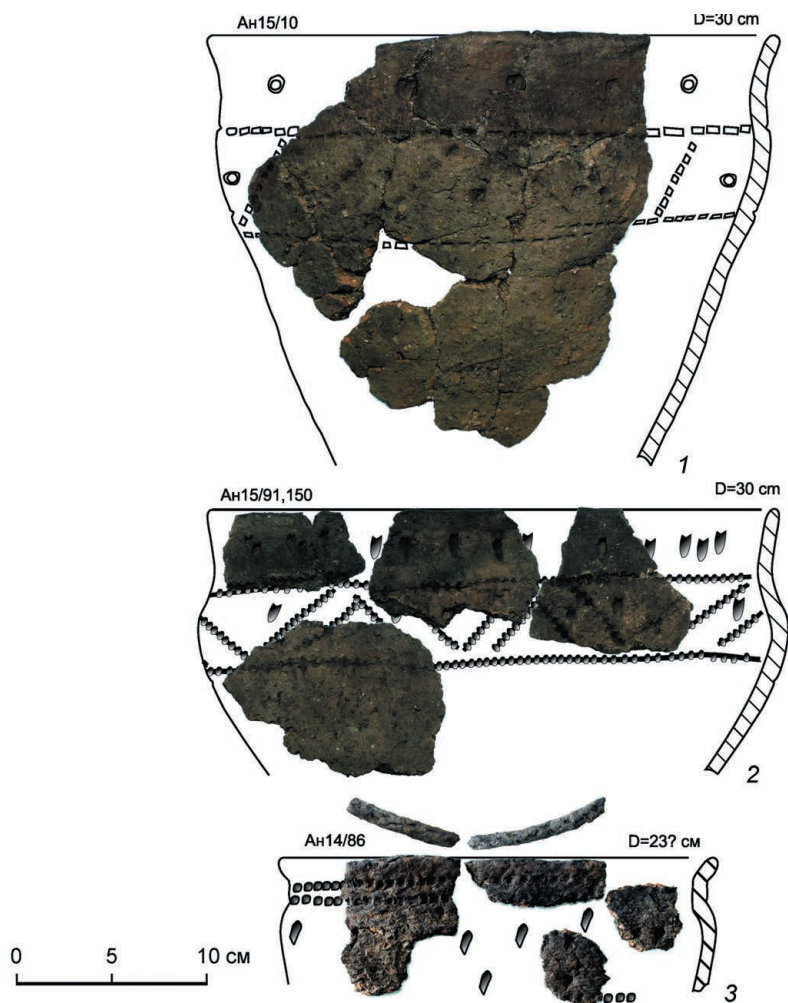

Рис. 4. Реконструкции глиняных сосудов из слоя коричневого песка с угольками

у другого – наоборот – заужено. В остальном они сходны между собой. Диаметр устья обоих сосудов составлял около 30 см. Орнамент был нанесен на плечико и состоял из двух поясков прокатанного гребенчатого штампа, между которыми был пущен двойной зигзаг из отпечатков того же штампа. Над верхним пояском по горлу и между зигзагом проходили два ряда крупных ямок. В одном случае отпечатки штампа имели прямоугольную форму зубцов, а ямки были нанесены концом перпендикулярно поставленного круглого орнамента. Во втором случае отпечатки штампа имели форму узких вертикальных ромбов, соединенных линией – «чёточный орнамент», а ямки были нанесены концом орнамента, направленным под острым углом к поверхности сосуда.

Подошву слоя отличают находки посуды с сетчатыми отпечатками, поверх которых нанесены глубокие параллельные борозды. Фрагменты верхней части ор-

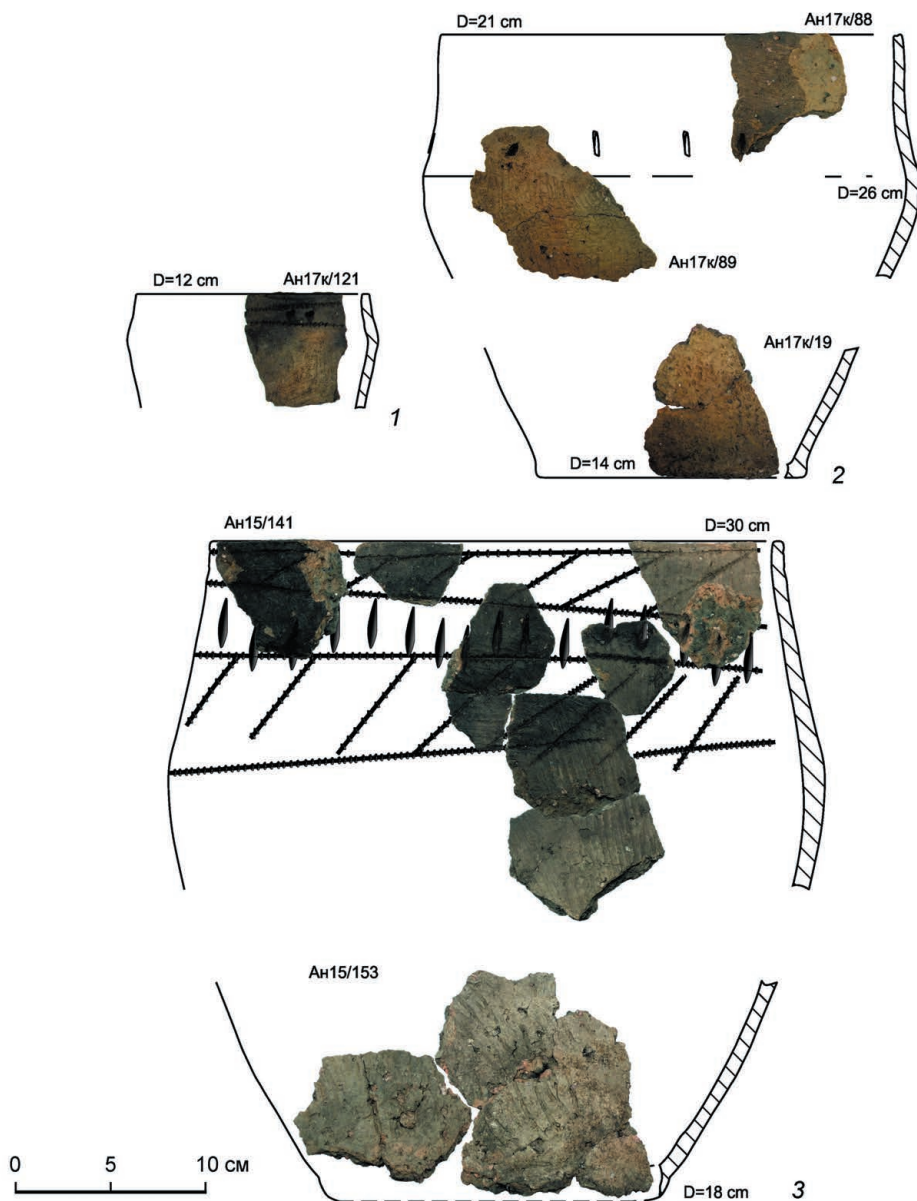

Рис. 5. Реконструкции глиняных сосудов из слоя коричневого песка с угольками

наментированного сосуда с подобной обработкой поверхности происходят из кв. Л/Л (рис. 5: 3). Сосуд имел высокое суживающееся кверху горло, переходящее книзу через сглаженное ребристое плечико в суживающиеся книзу стенки. На горле был нанесен орнамент из четырех горизонтальных поясков прокатанного орнамента из «чёточных» отпечатков. Между первым и вторым и третьим и четвертым

поясками нанесены наклонные линии того же прокатанного штампа. Между вторым и третьим поясками проходила волнистая цепочка узких вертикальных отпечатков, нанесенных концом широкой лопаточки. Недалеко, в кв. М/І, был найден фрагмент донца сосуда с мелкочаеистыми сетчатыми отпечатками на внутренней поверхности донца и внешней поверхности стенок. На внутренней поверхности в месте соединения стенок и донца нанесены продолговатые ямки. Диаметр донца составлял 26 см. Аналогичное донце с сетчатыми отпечатками и ямками найдено в 2017 г. в кв. Н/І. Возможно, к нему относится фрагмент стенки с расчесами на поверхности, орнаментированный двойным пояском отпечатков шнура и ямок.

В поисках аналогий анашкинской керамике в первую очередь привлекает внимание посуда дьяковской культуры. Одна из наиболее подробных разработок в этой области, посвященная керамическому комплексу Щербинского городища, принадлежит И. Г. Розенфельдт. Исходя из результатов ее исследований, наиболее близкая группа керамики происходит из нижнего горизонта нижнего слоя, соответствующего VIII–V вв. до н.э. (*Розенфельдт*, 1974. С. 183). Она же отмечает ее особое сходство с материалами поздней поздняковской культуры (Там же. С. 187). Гребенчатый орнамент, в том числе в сочетании с бороздчатым заглаживанием поверхности, был наиболее массовым в древнейшей керамике каширских городищ раннего железного века (Старшее Каширское, Мутёнковское, Корыстовское) (*Лопатина*, 2009). В целом же тычковый и гребенчатый орнаменты являются наиболее показательными для керамики памятников переходного этапа от бронзового века к железнному на территории Москворечья (*Кренке*, 2019. С. 38–41). Схожие по облику материалы встречены в самых нижних частях культурных слоев некоторых других городищ бассейнов Верхней Волги и Средней Оки, например, на Селецком и Кубринском 1 (*Крис и др.*, 1984. С. 134, 135; *Вишневский*, 1989. С. 169). При этом важно отметить на городище Кубринское 1 донца сосудов, орнаментированные ямками по внутренней поверхности. Подобный прием зафиксирован также на открытом поселении Вельково I на южном берегу Плещеева озера (*Вишневский*, 1990. С. 12) и в нижней части культурного слоя Анашкино. Вместе с тем находятся аналогии и в нижних слоях городищ юго-восточной и центральной Латвии, в бассейне нижнего течения Западной Двины (*Васкс*, 1991. Табл. VI, X–XIV). Для этой территории характерны гладкостенные, сетчатые и штрихованные сосуды с высокой шейкой, орнаментированные ямками, тычками, отпечатками обвитой шнуром палочки при явном преобладании ямочного орнамента (Там же. С. 62, 63, 79). Подобная керамика встречена, например, на городищах Брикули, Мукукалнс, Мадаланы. Время заселения городища Мадаланы А. В. Васкс на основании хронологии костяных булавок датировал рубежом II–I тыс. до н.э. (Там же. С. 79).

К слою коричневого песка с угольками могут быть отнесены остатки двух сооружений. Одно из них располагалось на поверхности слоя и сохранилось в виде скопления камней и обуглившихся фрагментов бревен в квадратах М-Н/І-1 (рис. 6). Залегавшие в слое валуны формировали две взаимоперпендикулярные гряды, стык между которыми приходился на СВ угол кв. Р/І. Внутри пространства, ограниченного этими грядами, приблизительно на уровне отметки -310 были зафиксированы тонкие пятна глины с включениями золы и мелких угольков.

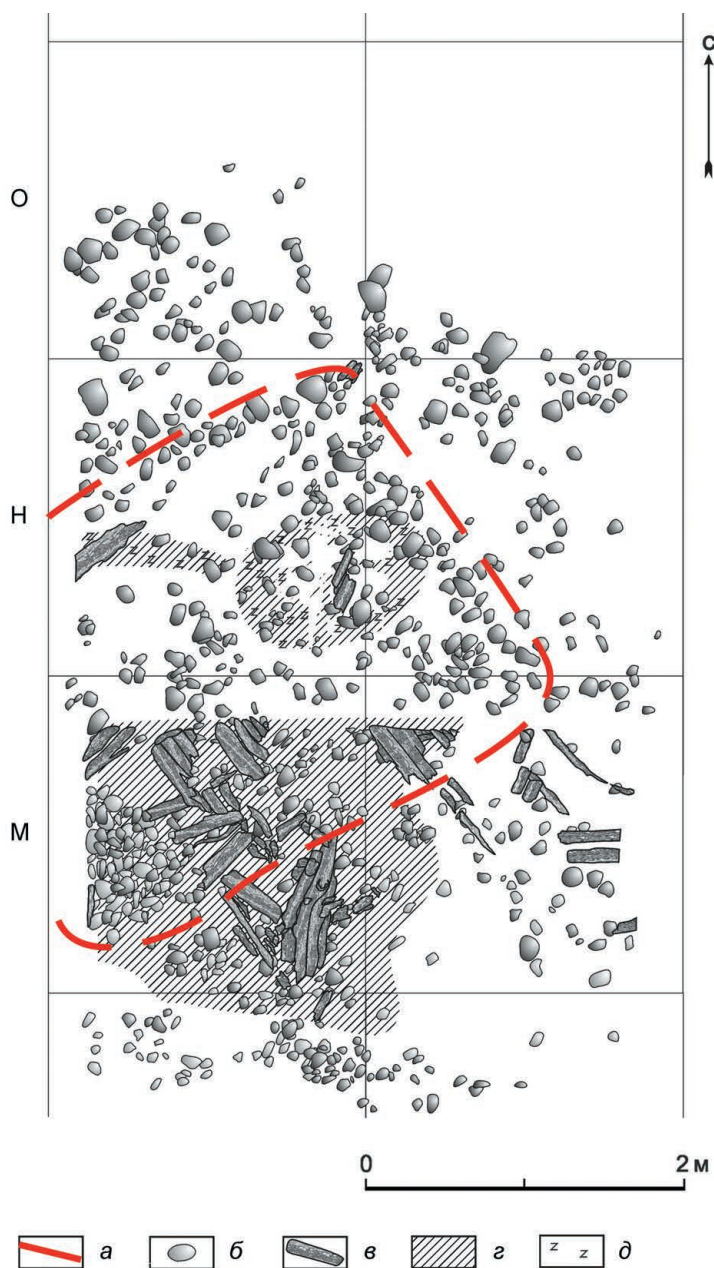

Рис. 6. План постройки на поверхности слоя коричневого песка с угольками.

Условные обозначения: а – границы постройки; б – камни;
в – обугленное дерево; г – глина; д – зола

Поверх глины лежали единичные короткие фрагменты бревен, ориентированные параллельно склону городища в направлении ЮЗ – СВ. В кв. М-Н/І-1 это сооружение представляло собой завал из обуглившихся фрагментов бревен толщиной 0,1–0,15 м и длиной до 0,5–0,9 м. Часть фрагментов была ориентирована в направлении ЮВ – СЗ, часть перпендикулярно им. Наибольшая концентрация приходится на ЮВ угол кв. М/І. У западной стенки кв. М/І на уровне бревен и ниже между отметками -290/-300 зафиксировано скопление валунов, в районе которого, вероятно, располагался южный угол сооружения. Северный угол соответствовал стыку каменных гряд, восточный – скоплению камней на границе квадратов М-Н/І. Над остатками сооружения на границе нижней части слоя коричневого песка и слоя коричневого песка с угольками было зафиксировано тонкое глинистое пятно с включениями угольков и золы. Если наши предположения верны, то постройка имела весьма небольшие размеры – 3×3,5 м. Расположена она была в наиболее пологой, почти горизонтальной части поверхности слоя коричневого песка с угольками. Практически ничего нельзя сказать о конструкции постройки, кроме того, что скопления камней в южном и восточном углах, возможно, служили для укрепления врезанных в склон стенок. Маловыразителен и набор находок, которые можно связать с постройкой. Больше половины из них составляли кремневые отщепы и сколы. Кроме того, из района постройки происходят два грубо оструганных фрагмента кости и бронзовый рыболовный крючок (рис. 7: 1). Встреченные в границах постройки фрагменты керамики в целом соответствовали керамическому комплексу поверхности слоя коричневого песка с угольками и принадлежали сосудам с заглаженными сетчатыми отпечатками и покрытой штриховкой или расчесами поверхностью. На некоторых черепках имелись элементы орнамента в виде ямок или тычков. Крупных фрагментов сосудов, приуроченных к постройке, не встречено.

В кв. М/І в 2015 г. исследовалась оконечность длинной материковой ямы, насколько можно проследить в стратиграфии стенок раскопа, приуроченной к подошве слоя с угольками. Заполнение ямы по составу не отличалось от самого слоя, но было отделено от него песчаным запылом с края. Эта яма является продолжением длинной ямы, исследованной в квадратах К-Л/2 в 2010 г., в связи с чем здесь ее следует рассмотреть в целом (рис. 8). В плане яма имела вытянутую вдоль края площадки форму. Ширина составляла около 1,3 м, длина – 6 м по верхнему краю. Юго-западная стенка ямы сформирована в материковом грунте, противоположная же, располагающаяся ниже по склону, частично досыпана материковым грунтом (см.: профиль восточной стенки раскопа на рис. 2). Подсыпка на северо-восточном краю сильно оплыла и первоначально, вероятно, соответствовала уровню противоположного края. Общая глубина ямы составляла около 1 м. Однако, учитывая, что естественный склон продолжает подниматься в юго-западном направлении, со стороны площадки она казалась значительно глубже. Стенки ямы крутые – 60–80°. Дно горизонтально выровненное. На северо-западном конце ямы имелся ступенчатый уступ. В западной стенке ямы над ним была вырыта еще одна прямоугольная в плане ступенька. На юго-западном краю ямы в материке зафиксированы две столбовые ямки диаметром до 0,1 м, еще две – на юго-восточной оконечности. Три столбовые ямки зафиксированы на северо-западном конце ямы.

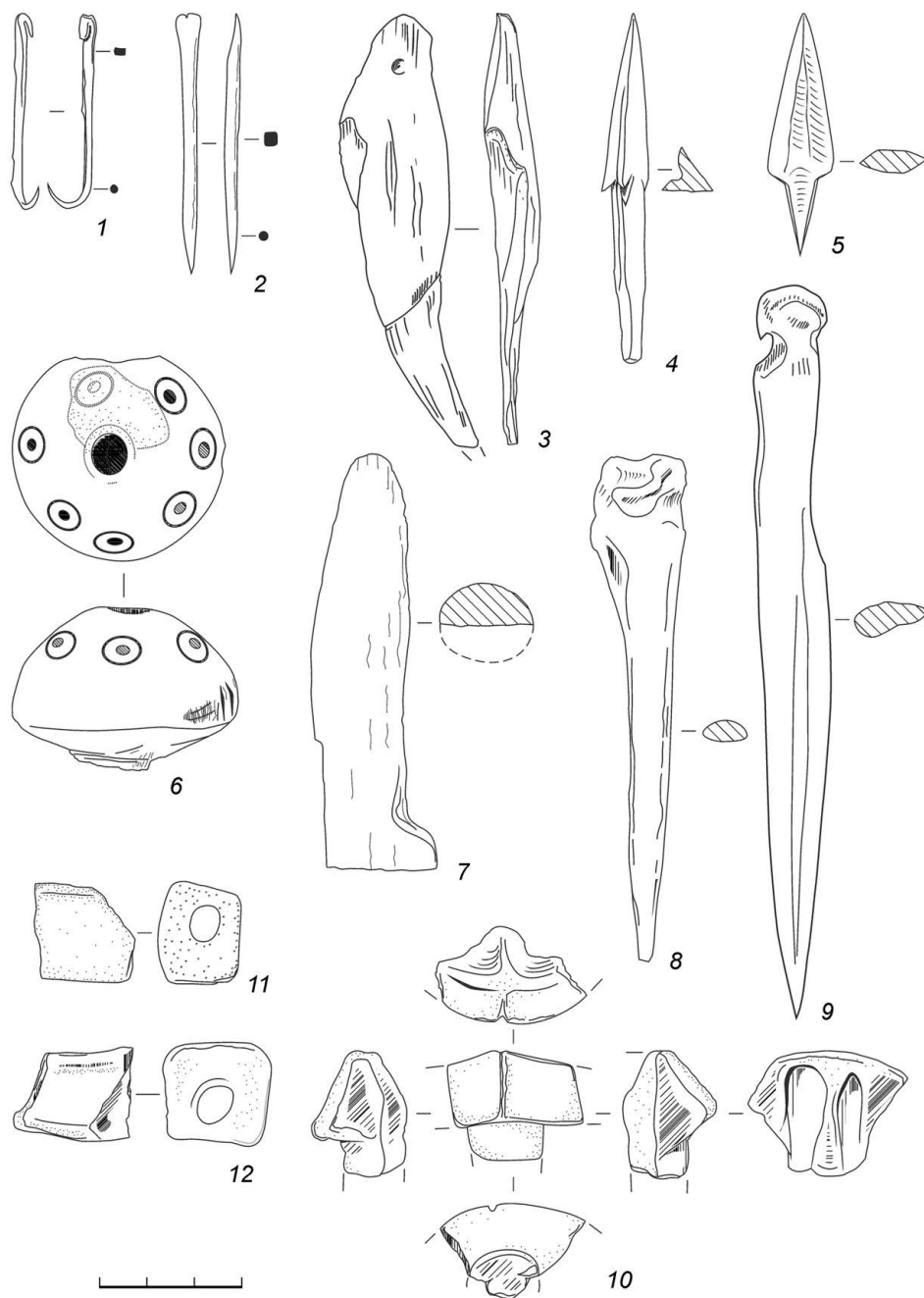

Рис. 7. Изделия из бронзы (1, 2), кости и рога (3-9), глины (10-12)

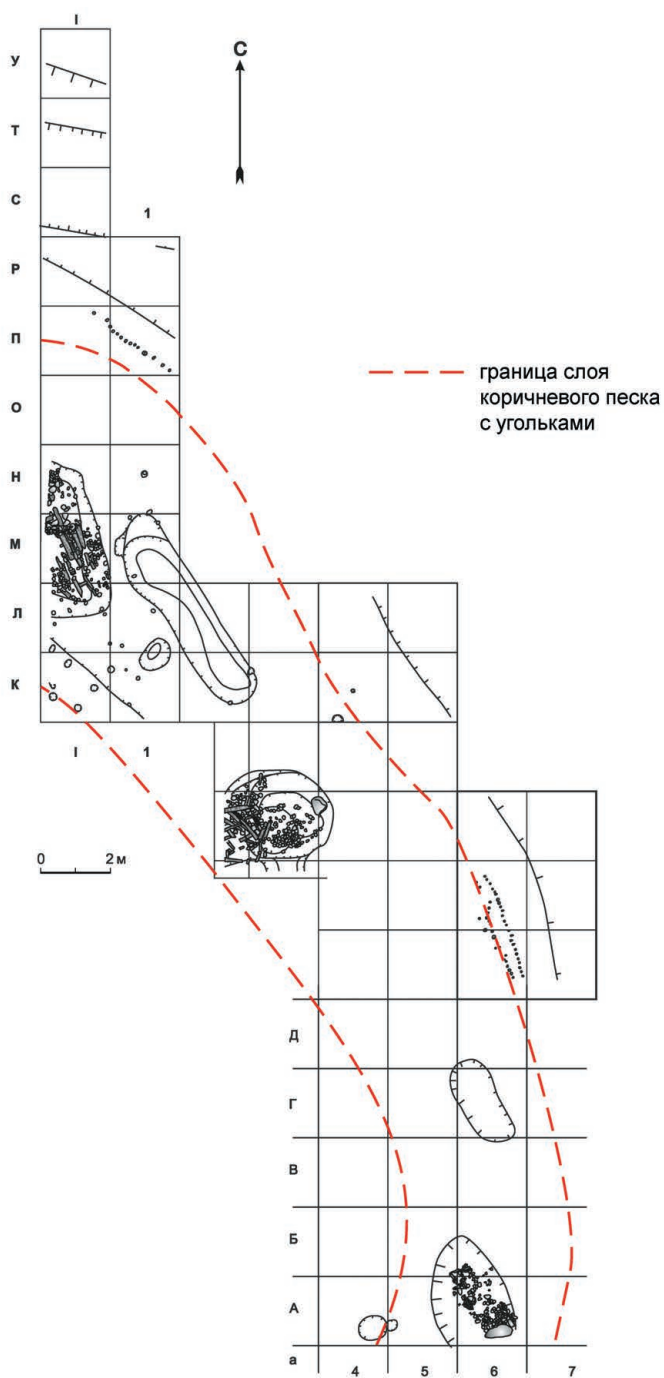

Рис. 8. План материковых ям на краю площадки городища

На языке песчаного запыла в заполнении ямы лежали разрозненные фрагменты обуглившихся бревен и практически все индивидуальные находки, а также фрагменты лепных сосудов с сетчатой и штрихованной поверхностью. В нижней части заполнения находки практически отсутствовали. В заполнении ямы найдены костяные проколки, кремневая пластина со следами использования, фрагменты глиняных литейных форм и льячки, фрагмент изделия из рога. Проколка, найденная в 2010 г., длиной 10,3 см изготовлена из тонкой поллой кости, рабочий конец заточен, противоположный расширяется в виде лопаточки и не имеет следов обработки. Другая проколка изготовлена из метаподия лося и происходит с поверхности слоя с угольками (рис. 7: 9). Короткая костяная проколка длиной 10,8 см – наоборот – лежала ближе к нижней части заполнения (рис. 7: 8).

В 2010 г. в заполнении ямы были найдены два фрагмента литейных форм. Формы были изготовлены из глины со значительной примесью песка. Один фрагмент происходит от внешней поверхности формы, другой – от внутренней. Вторая форма имела округло вогнутую поверхность и была предназначена для изготовления цилиндрической детали. На ней нанесены элементы декора в виде глубоких борозд клиновидного сечения. К процессу обработки цветных металлов относится также фрагмент хорошо прокаленной верхней части льячки, также происходящий из раскопок 2010 г. Край льячки закруглен, стенка резко сужается к днищу. Толщина стенки увеличивается от края к днищу от 3 до 5 мм. В глине – значительная примесь песка. На внутренней поверхности – беловатый налет и 3 мелкие, но глубокие ямки в виде наколов. Обломок глиняной литейной формы для изготовления браслетов с круглым в сечении внутренним каналом найден в северной оконечности ямы в 2017 г. (рис. 7: 12).

Из заполнения ямы происходят два костяных наконечника стрел. Один из них имеет размеры 5,1×1,4 см (рис. 7: 5). Интересна его форма: треугольное перо сглаженно-шестигранного сечения и узкий треугольный черешок. Поверхность заполирована. Другой наконечник тяготеет к поверхности слоя с угольками. У него трехгранная пирамидальная форма пера с короткими шипами (рис. 7: 4). Размеры наконечника 7,4×0,8 см. Длина пера приблизительно равна длине заточенного в форме лопаточки черешка. К тому же комплексу относится и половинка расколотой вдоль роговой рукоятки с упором (рис. 7: 7).

Глиняная посуда из заполнения ямы представлена главным образом слабопрофилированными грубыми лепными сосудами закрытых форм с вертикальным или чуть отогнутым наружу венчиком. Внешняя поверхность в ряде случаев покрыта штриховкой, иногда – довольно рельефной. Шейки орнаментированы тычками. Один венчик по верхнему срезу орнаментирован отпечатками шнура. В верхней части заполнения ямы найдены крупные фрагменты придонной части штрихованного сосуда. Здесь же, в заполнении ямы, найдены фрагменты неорнаментированного покрытого бороздами сосуда ребристой формы (рис. 9: 2). Сосуд имел приземистую форму с высоким открытым горлом. Похожий по форме сосуд с бороздами на поверхности происходит из заполнения небольшой (0,8×0,5 м) прямоугольной ямки на границе кв. К-Л/1 (рис. 9: 1). Сосуд был орнаментирован по плечу пояском из вертикальных отпечатков поставленного под острым углом орнаментира.

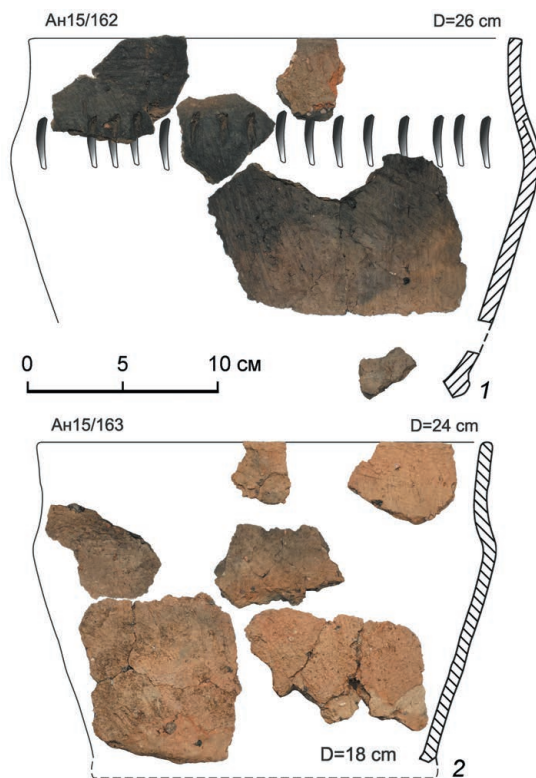

Рис. 9. Реконструкции глиняных сосудов из материковых ям

В целом слой коричневого песка с угольками отличает малочисленность индивидуальных находок. Кроме тех, что были упомянуты выше в связи с рассмотренными комплексами, в слое встречены кремневые отщепы и сколы, а также отдельные обломки костей со следами обработки. Привлекают внимание две находки: навершие рукоятки ножа (рис. 7: 6) и шило (рис. 7: 2). Навершие грибовидной формы было изготовлено вместе с рукояткой из рога и орнаментировано посередине высоты пояском из семи прочерченных кружков с точкой в центре. Рукояти этого типа и ранее встречались на городище. Такая форма рукояток известна на памятниках культуры ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. Табл. 26). Следует обратить внимание на декор некоторых из них: поперечные валики, опоясывающие рукоятку (Там же. Табл. 26: 4, 5). Подобный декор характерен и для некоторых находок с соседних участков городища Анашкино. Вероятнее всего, он воспроизводит декор бронзовых рукояток биметаллических кинжалов, распространенных в это время в Восточной Европе (Кузьминых, 1983. Табл. ЛIII: 6, 15; Бандрівський, Кошман, 2011). Циркульный орнамент на навершии находит аналогии в изделиях ананьинской культуры того же периода (Кузьминых, 1983. Табл. ЛIII: 1, 2, 12, 14). Также этот тип орнамента характерен для булавок лужицкой культуры

и подражений им на памятниках культуры штрихованной керамики (Егорейченко, 2006. Табл. 28: 5, 8, 11, 12). В этом контексте следует рассмотреть и обломок заготовки рукояти из длинной материковой ямы (рис. 7: 7). Форма ее перекрестия вполне соответствует перекрестиям изделий этой группы. Исходя из стилистических аналогий, можно предположить время изготовления анашкинских находок рубежом II/I тыс. до н.э. – началом I тыс. до н.э.

Бронзовое шило длиной 5,4 см имело круглое сечение, остро оточенный рабочий и раскованный в виде лопаточки противоположный конец. Подобные орудия характерны для нижних культурных отложений в Анашкино.

Весьма характерной категорией находок в основаниях культурных слоев городищ являются обломки литейных форм для изготовления браслетов (рис. 7: 11, 12). Подобные находки имели место в ранних слоях городищ Восточной Европы (Смирнов, 1974. Табл. IX: 2; Егорейченко, 2006. Табл. 39; Граудонис, 1967. Табл. XLI).

Во время формирования слоя коричневого песка с угольками поселение на вершине холма уже было укреплено. В пределах рассматриваемых участков исследованы ров и вал. Насыпь из красно-желтой супеси располагалась на самом краю площадки городища, частично сползая в ров (рис. 2). Сохранившаяся высота насыпи составляла от 0,75 до 1,1 м. На уровне нижнего слоя коричневого песка насыпь разбивалась слабогумусированной прослойкой на два горизонта, вероятно, соответствовавших порядку ее сооружения. На этом уровне в теле насыпи прослеживался горизонт валунов размерами 0,05–0,2 м в поперечнике и линза слабогумусированной супеси мощностью 0,35 м, подстилаемая тонкой глинистой прослойкой. Соответствие высотных отметок горизонта валунов и слабогумусированной супеси отметкам слоя коричневого песка дает основание предполагать, что они являются продолжением этого слоя, сформировавшегося поверх нижней части насыпи вала. Отсюда происходят 48 мелких фрагментов глиняных сосудов с гладкой, сетчатой и бороздчатой поверхностью, в том числе 4 фрагмента венчиков, орнаментированных тычком, 1 орнаментированный ямкой и отпечатками по краю и 1 фрагмент стенки с «чётчным» орнаментом. В целом характеристики керамики соответствуют керамике слоя коричневого песка с угольками.

Нижняя часть насыпи лежала главным образом на поверхности слоя бурого песка, однако со стороны площадки под нее заходил край слоя коричневого песка с угольками. Ближе к поверхности в ней содержалось значительное количество мелких и средних валунов с наибольшей концентрацией вдоль середины насыпи. Более разреженное их содержание по краям, возможно, происходит вследствие ее оплывания. К конструкции вала, очевидно, следует отнести ряд из 14 столбовых ямок, зафиксированных на материке вдоль внутреннего края рва (рис. 8). Диаметр ямок 5–10 см, минимальное расстояние между ними 8–10 см, глубина всех ямок – незначительная – не превышает 10 см от уровня материка. В нижней части насыпи найдены единичные фрагменты лепных сосудов, аналогичные керамике слоя коричневого песка с угольками, с гладкой, сетчатой или бороздчатой поверхностью, орнаментированные тычками или ямками, в том числе 1 фрагмент венчика с отпечатками гребенчатого штампа по краю.

Материковое дно рва приходилось на отметки -570/-585. Южный, внутренний край – на отметки в районе -480, северный – на отметки -440/-445. По внешнему борту проходили 2 террасы. Верхняя терраса имела ширину 0,3–0,5, нижняя – 0,5–1,1 м. Внутренний борт рва был практически вертикальным. В районе отметки -530 вдоль его материковой стенки располагались карбонизировавшиеся фрагменты жердей или бревен. Длина фрагментов составляла от 6 до 22 см. В большинстве случаев верхние концы были наклонены к западу. Поскольку все фрагменты были расположены в ряд на одной высоте, можно предположить, что они являются частью конструкции, укреплявшей борт рва. В заполнении рва на дне были найдены несколько фрагментов лепных сосудов, аналогичных керамике слоя коричневого песка с угольками, с гладкой, сетчатой и бороздчатой поверхностью. В том числе 3 фрагмента венчиков, орнаментированные тычками, гребенчатым штампом и прочерченными линиями. Также со дна рва происходят довольно многочисленные кости животных и несколько костей рыб.

До сих пор остается неразгаданной загадка происхождения и назначения материковых ям с остатками конструкций из дерева и камней, перекрытых слоем бурого песка (рис. 8). На сегодняшний день в раскопанной части городища известно три таких ямы. Все они расположены на самом краю площадки. Восточная часть одной из них оказалась в границах участков раскопа, рассматриваемых в данной статье (рис. 10). Тот факт, что ни один из стратиграфических слоев, располагающихся непосредственно над ямой, не нарушен, позволяет рассматривать ее в качестве самого древнего сооружения на памятнике, являющегося при этом фактически закрытым археологическим комплексом. Яма была ориентирована в направлении ЮЮВ – ССЗ. В пределах раскопа оказались ее юго-восточный и северо-восточный углы. Расстояние между углами на уровне дна составляло около 3,5 м. Так как яма была расположена на склоне, высота ее материковых стенок уменьшалась в северном направлении от 1 м до 0,3 м. Вдоль верхнего материкового края прослежены следы столбовых ям: 3 вдоль восточной стенки, 2 вдоль южной. Однако с уверенностью установить их непосредственную связь с конструкцией ямы не представляется возможным, так как их заполнение внешне не отличается от лежащего выше культурного слоя. Таким образом, они могли относиться и к более позднему времени. Плоское материковое дно ямы слегка понижалось к северо-западу. Стенки в северной части крутые, в южной – более пологие, плавно переходящие в дно. Заполнение состояло из бурого песка с включениями угольков и отдельных линз желтого материкового песка. В заполнении сохранились остатки рухнувшей конструкции, состоявшей из обуглившихся бревен и валунов. Верхние бревна открылись на уровне краев ямы в завале валунов. Почти все бревна были вытянуты по направлению ямы с ЮЮВ на ССЗ, только у северного и южного краев лежали два фрагмента поперечных бревен. Толщина бревен составляла около 5 см, размеры валунов – до 20 см. Во втором слое дерева зафиксировано одно продольное бревно и фрагмент поперечного, располагавшийся в северо-западном углу кв. М/І. Еще ниже лежал третий слой дерева, в котором

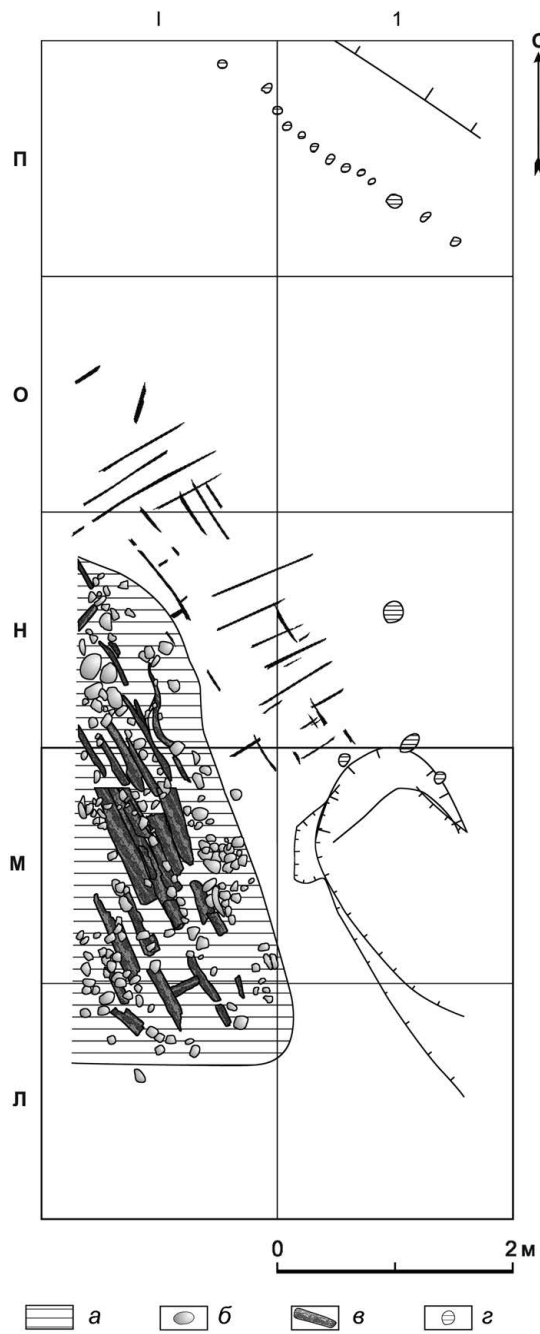

Рис. 10. Материковые ямы в раскопе 2013–2017 гг.
 Условные обозначения: а – бурый песок в заполнении ямы; б – камни;
 в – обугленное дерево; г – столбовые ямы с заполнением

сохранились несколько отдельных коротких фрагментов. Валуны лежали по всей толще заполнения ямы вплоть до материкового дна.

Вероятно, к комплексу ямы относятся следы жердей или бревен, зафиксированные на материке после разборки слоя бурого песка к северо-востоку от нее. Они представляли собой длинные перпендикулярно перекрещивающиеся полосы серого песка, хорошо читавшиеся на фоне светло-желтого материка. Расстояния между полосками, перпендикулярными краю ямы, составляли 0,15–0,4 м. Поперечные располагались с шагом 0,1–0,25 м. В целом в пределах раскопа они занимали пространство 1,4×3,8 м.

Почти на самом дне ямы, среди нижнего слоя валунов был найден фрагмент глиняного изделия размерами 3,1×2,5×2,0 см (рис. 7: 10). Он имел форму расколотого пополам гриба с двумя продольными внутренними каналами. «Шляпка» усеченно-конической формы с наибольшим радиусом около 2 см опиралась на цилиндрическую «ножку» диаметром 1,5 см. По поверхности «шляпки» проходил тонкий вертикальный желобок. «Ножка» была обломана до сохранившейся длины 0,8 см. Глина серого цвета, пористая, слабого обжига. Восстановить целую форму и определить назначение данного предмета затруднительно. Вероятнее всего, он был связан с литейным делом, так как характер материала, из которого изготовлен, более всего близок встреченным в ранних слоях городища фрагментам тиглей или льячек. Также из заполнения ямы происходит несколько фрагментов лепных сосудов, в том числе фрагмент стенки, орнаментированный ямками и «чёточными» отпечатками, и один фрагмент бороздчатого сосуда с «чёточным» отпечатком типа сосуда на рис. 5: 3. В целом облик встреченной в заполнении ямы керамики соответствует материалам из слоя коричневого песка с угольками.

По результатам раскопок 2016–2017 гг. в слое коричневого песка с угольками и бурого песка, а также в материковых ямах были найдены кости рыб, птиц и млекопитающих. Их исследование было проведено при участии Зоологического института РАН (гос. тема № АААА-А17-117022810195-3). Остеологическая коллекция (2030 определимых фрагментов) представляет собой в основном пищевые отходы. Ископаемый материал хорошо сохранился, включая мелкие кости. Неопределимые остатки в целом составляют 47,7% от общего количества костей и в своем большинстве это фрагменты ребер, позвонков, трубчатых костей млекопитающих. При этом число мелких неопределимых обломков значительно превышает число крупных – 77,4% и 22,6% соответственно (табл. 1). Лишь несколько костей несут на себе следы пребывания в огне. Считается, что количество костей в локальной выборке должно превышать 300–400 единиц, чтобы минимально достоверно отражать археозоологическую ситуацию (Grayson, 1984). Изученный нами остеологический материал с избытком соответствует этому условию.

Кости млекопитающих составили 38,4% от общего числа определимых костей, а рыбы – 61,3%, что указывает на ее значительную роль в пищевом рационе обитателей городища. Остатков птиц крайне мало (0,3%). Всего обнаружено 50 особей 13 видов млекопитающих (таблица). Больше всего куницы и бобра. Относительное количество костей диких животных в слое составило 68,52% от общего числа костей млекопитающих: на пушных зверей охотились ради шкуры и меха, на копытных ради мяса. Тушки добытых куниц приносили

на поселение целиком. На это указывает наличие всех частей скелета хищника в культурном слое. Отдельные кости лося, кабана и бобра несут на себе следы разделки их туш, которые также доставлялись на городище целиком.

Распределение по видам домашних животных следующее: количество и костей, и особей собаки, коровы, овцы приблизительно одинаково, тогда как лошади мало (таблица). Обращает на себя внимание отсутствие свиньи в культурном слое, что можно объяснить региональной традицией в эпоху поздней бронзы и раннего железа (Саблин, 2010). Если предположить, что мясо бобра тотально использовалось в кулинарных целях, тогда соотношение живого веса диких и домашних животных в пищевом рационе было приблизительно 1660 кг/1440 кг. Исключив же бобра из списка съедобных зверей, мы получаем соотношение 1450 кг/1440 кг. Разделка домашних копытных, как и диких, происходила прямо на поселении, поскольку в культурном слое обнаружены остатки всех частей скелета. Различий по анатомическому составу остатков между коровой и овцой не выявлено (таблица). Следует отметить, что две из пяти особей коровы были молодыми животными, тогда как все четыре особи овцы – взрослыми. Остатки собак и лошадей не несут на себе следов расчленения для употребления в пищу.

В целом изученная фауна обычна для Северо-Запада России этой эпохи (Короткевич и др., 2010; Короткевич, Саблин, 2014).

По итогам исследований 2015–2017 гг., культура населения, оставившего нижние напластования культурного слоя городища Анашкино, входит в круг малоизученных древностей, предшествующих классическим вариантам культур раннего железного века – дьяковской и днепро-двинской. Их отличает скудость металлического инвентаря на фоне разнообразия форм и орнамента глиняной посуды. Даже в пределах одного памятника трудно отыскать два абсолютно одинаковых сосуда, что делает невозможным создание более или менее работающей типологии. Поскольку для этого периода пока накоплено крайне мало археологического материала, попыток его систематизации и обобщения пока не предпринималось. Однако исследования в Анашкино позволяют сделать некоторые наблюдения относительно хронологических изменений в облике материальной культуры данного памятника, которые в перспективе могут дать ключ к пониманию исторических процессов на более широкой территории. В частности, заметны различия между керамическими комплексами подошвы и кровли слоя коричневого песка с угольками. Ранний комплекс характеризуется ребристыми формами сосудов с высоким горлом, бороздчатой обработкой поверхности, ямочной орнаментацией и разделением на грубую и качественную керамику. Сосуды с кровли слоя имеют горшковидную форму с округлыми плечиками, выделенной шейкой и плавно отогнутым наружу краем. Наряду с ямочной, встречается орнаментация прокатанным гребенчатым штампом. Развитие металлургии и металлообработки в этот период находится на ранней стадии, вследствие чего крайне мало встречено изделий из бронзы: шило и рыболовный крючок. Кроме того, имеются следы местного производства изделий из цветных металлов – фрагменты литейных форм. Вместе с тем достаточно широко используются кремень (хотя техника его обработки явно утрачивается по сравнению с предшествующим периодом), кость и рог. Исходя из анализа палеозоо-

логических материалов, хозяйство этого периода представляется смешанным, в котором производящие формы играют равную роль с присваивающими. Для характеристики домостроительства данных пока недостаточно, однако можно сказать, что население городища уже обладало навыками возведения примитивных оборонительных систем, состоявших из невысоких валов, рвов и эскарпов.

Литература

- Бандрівський М., Кошман В.*, 2011. Ефес чорнолісьського однолезового залізного клинка із с. Перевоз у Біларусі // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів. Вип. 15. С. 376–384.
- Васкс А. В.*, 1991. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига: Зинатне.
- Вишневский В. И.*, 1989. Керамический комплекс городища Кубринское 1 // СА. № 4. С. 163–171.
- Вишневский В. И.*, 1990. Селище раннежелезного века Вельсково I на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вип. 4. Иваново. С. 11–14.
- Граудонис Я. Я.*, 1967. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига: Зинатне.
- Егорейченко А. А.*, 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ.
- Короткевич Б. С.*, 2013. Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг. // АИППЗ. Заседание 58 (2012 г.) [Вип. 28]. М.; Псков. С. 174–186.
- Короткевич Б. С., Саблин М. В., Сыромятникова Е. В.*, 2010. Фауна городища Анашкино в эпоху поздней бронзы и раннего железного века // АСГЭ. Вип. 38. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 24–29.
- Короткевич Б. С., Саблин М. В.*, 2014. Фауна городища Анашкино (динамика культурно-хронологических изменений) // АИППЗ. Заседание 58 (2013 г.). Вип. 29. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 298–311.
- Крепке Н. А.*, 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья. М., Смоленск: Свиток. 392 с.
- Крис Х. И., Чернай И. Л., Данильченко В. П.*, 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 130–137.
- Кузьминых С. В.*, 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука.
- Лопатина О. А.*, 2009. Древнейшая керамика каширских городищ // Археология Подмосковья. Вип. 5. М.: ИА РАН. С. 417–432.
- Розенфельдт И. Г.*, 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. С. 90–216. М.: Наука.
- Саблин М. В.*, 2010. Фауна Северо-Запада России в неолите, поздней бронзе и раннем железном веке // Динамика экосистем в голоцене. Екатеринбург. С. 177–181.
- Смирнов К. А.*, 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 7–89.
- Grayson D. K.*, 1984. Quantitative zooarchaeology. Orlando, Florida: Academic Press.

***

*Короткевич Борис Сергеевич, к. и. н.,
Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.
E-mail: b.korotkevich@bk.ru*

*Саблин Михаил Валерьевич, к. биол. н.,
Санкт-Петербург, Зоологический институт РАН.
E-mail: msablin @ yandex.ru*

П. Г. Клименко

Костяные наконечники стрел и гарпунов городища Анашкино

Резюме. В статье рассматриваются наконечники стрел и гарпунов, найденные в ходе исследования городища Анашкино. Результатом работы стало выделение основных типов наконечников, корреляционной зависимости типов наконечников в слоях памятника и дальнейшее определение основных направлений культурных взаимосвязей в различные хронологические периоды. Общим итогом данной работы явилась характеристика костяных наконечников стрел как культурно-хронологического индикатора.

Ключевые слова: Псковская область, ранний железный век, городище Анашкино, типология, костяные наконечники.

P. G. Klimenko. Bone Arrowheads and Harpoons from the Hillfort Anashkino

Abstract. The article deals with arrowheads and harpoons found during the study of the settlement of Anashkino. The result of the work is the definition of the main arrowhead types, the correlation of them with the layers of the site and further identifying key areas for cultural relations in different chronological periods. The overall result of this work is the characteristic of bone arrowheads as a cultural and chronological indicator.

Keywords: Pskov region, Early Iron Age, hillfort Anashkino, typology, bone arrowheads.

На территории Двинско-Ловатского междуречья изделия из кости и рога занимают значительное место в характеристике индивидуального материала. Среди многочисленных изделий самую массовую и представительную часть составляют костяные наконечники стрел и гарпунов.

Общее количество стрел и гарпунов, обнаруженных на городище Анашкино, – 65. Из них 63 экземпляра сохранили информацию об основных элементах формы наконечника и черешка, для атрибутирования и дальнейшей реконструкции.

Классификация костяных наконечников стрел и гарпунов

В основе классификационной схемы лежит деление наконечников стрел и гарпунов на группы, отделы, виды и варианты. Для классификации был привлечен весь материал вне зависимости от контекста его обнаружения с целью унифицированного описания, которое впоследствии при использовании стратиграфического и сравнительно-культурного подходов позволило бы выделить характерные признаки, присущие определенному культурному или хронологическому этапу.

Наконечники стрел и гарпунов рассматриваются отдельно. Принадлежность наконечника к функциональной группе определяется по основному морфологическому признаку – размеру изделия. В нашей классификации первоначально были использованы следующие таксоны, в целом соответствующие принципам ступенчатой иерархической классификации В. А. Городцова:

Группа – определяет наконечники **по форме насада (по способу крепления)**.

Отдел – объединяет наконечники **по форме пера**.

Тип – по **сечению пера**.

Вариант позволяет разделить наконечники одного типа по сумме более мелких признаков: **пропорциям, характеру перехода от пера к черешку, количеству шипов**. Иногда в пределах варианта могут быть выделены разновидности.

Однако при внимательном рассмотрении материала выяснилось, что важную роль играет материал, из которого изготовлены костяные стрелы, и это существенно влияет на сечение пера изделия. Так, выделилась категория плоских стрел, изготовленных из тонкого костного материала с остатками губчатого вещества (ребер животных). По логике нашей классификации, все они должны были быть распределены сначала по отделам в зависимости от формы пера, а затем выделены в отдельные типы по сечению. Но очевидно, что плоские стрелы в силу особенностей материала обладают совсем иными «боевыми» качествами, чем стрелы ромбовидные или треугольные в сечении, сделанные из плотного костного материала, и существенно отличаются от них даже при сходной форме пера. Поэтому мы вынуждены нарушить «чистоту» классификации и ввести дополнительный параметр классификации – **вид**, который учитывает вид материала изготовления, который, в свою очередь, диктует определенную форму сечения пера и черенка стрелы. Таким образом, мы выделяем группы стрел по способу крепления, виды – по исходному материалу, а отделы и типы – по формально-типологическим признакам.

При дробной систематизации на переходе от **отдела** к **типу** нам неоднократно пришлось столкнуться с ситуацией, когда тип представлен в материалах городища одним экземпляром. Это может быть существенной претензией к классификации, но объединить слишком дробные типы всегда легче, чем потерять при первоначальной группировке признаки, которые могут стать диагностическими. Тем не менее, если рассматривать материал шире, чем опираясь на коллекцию из одного памятника, нужно отметить, что изделия таких «уникальных» для Анашкина типов выделяются сериями в коллекциях других

памятников и именно они зачастую являются диагностическими для определения хронологии и культурных связей, поэтому было принято решение не отказываться от выделения этих классификационных единиц.

Наконечники стрел

На городище Анашкино было выявлено **53** наконечника стрел. Наконечники имеют различные формы и размеры. По способу насада среди них выделяются **две группы**: 1) *черешковые* – 50 экземпляров; 2) *втульчатые* – 3 экземпляра.

Черешковая группа стрел дает большое разнообразие. Именно в ней выделяются виды изделий по особенностям материала изготовления.

Вид 1. Объемные: материал для изготовления – плотное костное вещество.

По форме пера выделяются следующие отделы и типы наконечников:

Отдел одношипные (рис. 1: 1–5).

Наиболее массовый вариант стрел, найденных на городище (19 экземпляров). Выделяется несколько типов, различающихся между собой формой пера, формой сечения и формой черешка.

Тип 1. Одношипный с ромбовидным в сечении пером (1 экземпляр).

Длина наконечника с черешком – 9 см. Имеет в сечении пера четкую ромбовидную форму. Черешок уплощенный, урезанный с двух сторон. С противоположной стороны от шипа имеет характерную горбинку. Подобные формы были найдены и в соседних культурах. В первую очередь большое количество подобных наконечников различных вариантов находят на территории Волго-Окского междуречья. Н. А. Кренке в своей монографии выделяет среди них типы 1, 2, 3. Данный тип стрел считается наиболее распространенным на городищах дьякова типа, расположенных по Верхней Волге, Оке, Клязьме, Москве-реке (Кренке, 2011 С. 47). В материалах днепро-двинской культуры они отнесены к типу 1, варианту А (Шадьра, Шаволін, 2005. С. 62). В монографии А. А. Егорейченко также приведены подобные изделия, относящиеся к культуре ранней штрихованной керамики с территории Белоруссии и Литвы (Егорейченко, 2006. С. 33, 151. Табл. 20). Подобный тип встречается и на городищах верховьев Днепра, однако в монографии Е. А. Шмидта информация в целом о наконечниках стрел передана поверхностно, без выделения типов (Шмидт, 1992. С. 71–73, 159). Остается лишь констатировать, что одношипные наконечники с пером ромбовидного сечения представлены отдельными экземплярами в контекстах разных культур раннего железного века.

Тип 2. Одношипный с ромбовидным у острия и уплощенно-овальным у шипа в сечении пером (1 экземпляр).

Имеет большую длину – 13,8 см. Отличием от типа 2, кроме горбинки, является ромбическое, почти квадратное, сечение пера ближе к концу стрелы и уплощенно-овальное сечение пера ближе к шипу. Тип, аналогично предыдущему, также встречается в культурах штрихованной керамики и днепро-двинских городищах западного и смоленского регионов.

Тип 3. Одношипные с уплощенным каплевидным в сечении пером (3 экземпляра).

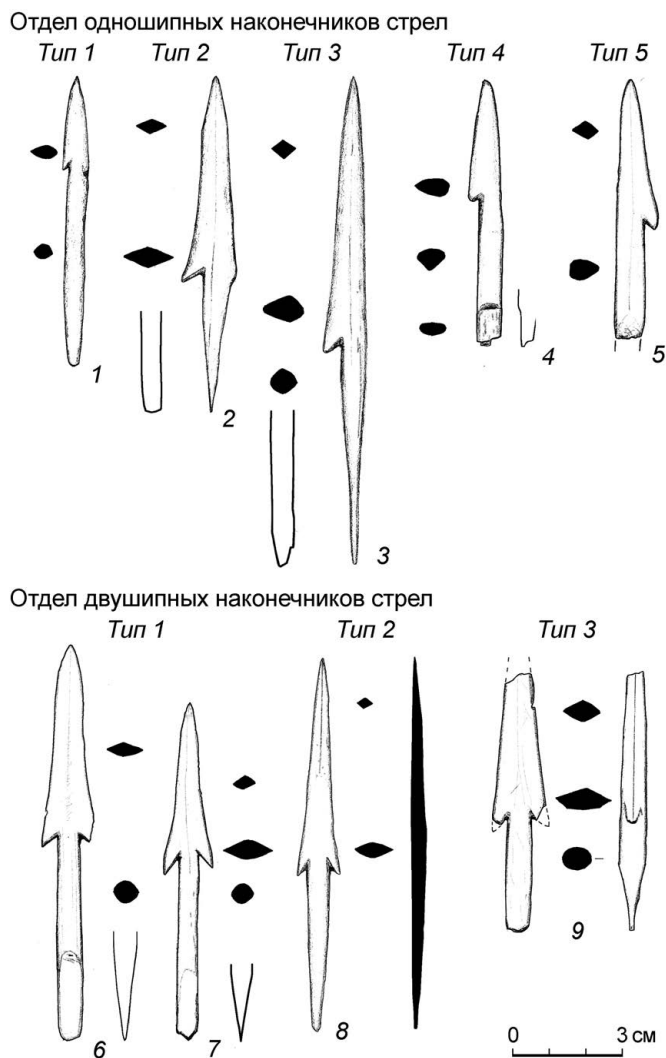

Рис. 1. Отделы одношипных (1–5) и двушипных (6–9) наконечников стрел

Длина наконечника с черешком – 7–8 см. 2/3 длины составляет черешок. Форма сечения пера уплощенная. Форма сечения черешка круглая либо уплощенная.

Подобные наконечники встречаются (судя по опубликованным материалам) только на территории культуры штрихованной керамики. А. А. Егорейченко (2006. С. 33, 151) все одношипные наконечники стрел сводит в один тип, соответствующий в нашем понимании **отделу**, не разделяя на отдельные подтипы. Ссылаясь на работу К. А. Смирнова (1974. С. 31. Табл. 1), он

считает аналогами своим находкам наконечники одношипные типа 14, распространенные на территории дьяковских городищ Волго-Окского междуречья. К. А. Смирнов, в свою очередь, датирует подобные наконечники II–III тыс., считая подобный тип архаичным, наследием более ранних культур.

Тип 4. Уплощенно-овальный в сечении (7 экземпляров).

Длина колеблется от 6,5 до 8 см. В сечении пера имеет уплощенно-овальную форму.

Тип 5. Ромбовидный в сечении (7 экземпляров).

Длина разнится от 6,5 до приблизительно 8 см. Форма сечения пера ромбовидная и овальная.

Типы 4 и 5 встречаются аналогии на территории Волго-Окского междуречья. К. А. Смирнов (1974. С. 31) объединяет подобные наконечники в один тип 14, считая, что стрелы подобного типа пришли в дьяковскую из более ранних культур, и датируя их III–II тыс. до н. э. П. Н. Третьяков (*Третьяков, Шмидт*, 1963. С. 42–70. Рис. 14) подобные наконечники находит в нижних горизонтах городища Тушемля. Аналогичные наконечники находят и на городищах юхновской культуры (*Каравайко, Горбаненко*, 2012. С. 123), и культуры ранней штрихованной керамики (*Егорейченко*, 2006. С. 51).

Отдел двушипные (рис. 1: 6–9).

В отделе двушипных наконечников выделяются три различных типа наконечников.

Тип 1. Двушипные с ромбовидным в сечении пером и изгибом режущих граней (4 экземпляра).

Длина от 8 до 11 см. Форма режущей грани плавно изогнута от конца до шипа. Длина наконечника и черешка зачастую одинакова. Сечение пера всех наконечников ромбовидное, с ярко выраженными ребрами. Сечение черешка наконечника имеет круглую форму, срезанную наполовину или 1/3 к основанию, как и у одношипных стрел типов 2 и 3.

В материалах Белорусского Подвинья такие наконечники отнесены к типу 2, варианту А (*Шадьра, Шаволін*, 2005. С. 62). Стрелы, подобные типу 1, находят также на территории юхновских городищ (*Каравайко, Горбаненко*, 2012. С. 123).

Тип 2. Двушипный с ромбовидным в сечении и треугольным в плане пером (1 экземпляр).

Длина 9,5 см. В сечении ромбовидная форма. Черенок с утоньшением к концу.

В Подвинье тип 2, вариант Б (*Шадьра, Шаволін*, 2005. С. 62–63). К. А. Смирнов (1974. С. 32) относит такие стрелы к середине I тыс. н. э.

Типы 1 и 2 имеют различия в форме пера и в форме и сечении черешка.

Тип 3. Двушипный с ромбовидным в сечении пером и прямыми режущими гранями (3 экземпляра).

Отличается от типа 1 прямыми линиями режущих краев от конца до шипов и меньшими размерами (около 8 см).

Типы 1 и 3 находят аналогии у К. А. Смирнова – тип 19, который он относит к рубежу эр (*Смирнов*, 1974. С. 7–89).

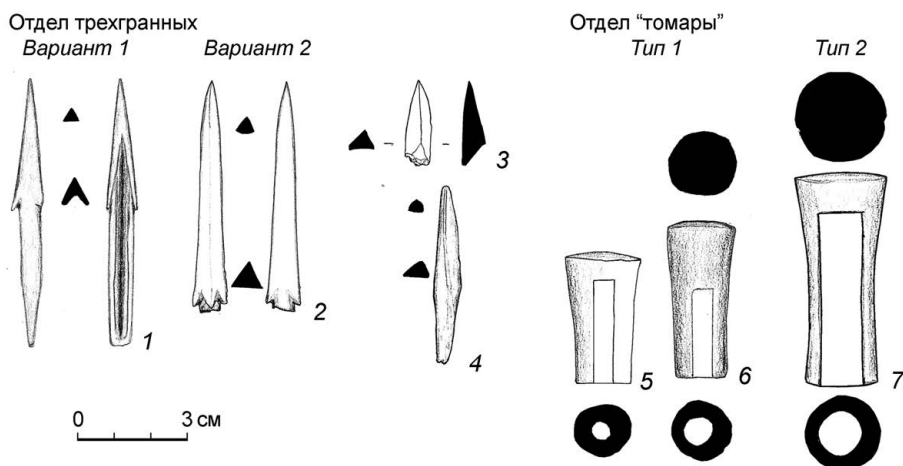

Рис. 2. Отдел трехгранных наконечников (1–4) и отдел «томары» группы втульчатых (5–7)

Отдел трехшипные (рис. 2: 1, 2)

Данный отдел представлен двумя экземплярами стрел.

Тип 1. Трехшипные треугольные в сечении (2 экземпляра).

Наконечники этого типа имеют 3 шипа на гранях. Тип разделяется на два варианта, различающиеся пропорциями и длиной. Наконечники имеют аналоги на территории ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 1996. С. 33, 151). Также схожие типы встречаются на территории дяковских городищ, где К. А. Смирнов выделяет их в тип 2 и склоняется к тому, что эти стрелы – подражание скифским трехгранным стрелам VII–III вв. до н. э. (Смирнов, 1974. С. 30). Полностью аналогичные наконечники стрел встречаются на территории днепро-двинской культуры верховьев Днепра (Шмидт, 1992. С. 71–73, 159).

Длина наконечников без черешка – 7,5 и 6 см. При пропорциях 1:1 реконструируемая длина будет достигать 12 см. Сечение черешка круглое.

Стрелы с шипами, входящие в 3 первые отдела вида 1 группы черешковых стрел, составляют большую часть коллекции, 29 из 36 определимых фрагментов.

Отдел стрел без шипов. Редкие и единичные формы

Стрелы из плотного костного вещества разных форм без шипов представлены на городище Анашкино 8 экземплярами. По форме пера они делятся на 4 подотдела, каждый из которых представлен 1–2 экземплярами.

«Карликовые» наконечники стрел.

2 наконечника стрел длиной около 3 см имеют нетипичные формы пера с острием и выступом (рис. 3: 4).

Треугольные трехгранные (2 экземпляра, рис. 2: 3, 4).

Сохранность одного из наконечников плохая, поэтому можно знать только сечение пера. Трехгранные наконечники встречаются во многих культурах лесной Зоны восточной Европы.

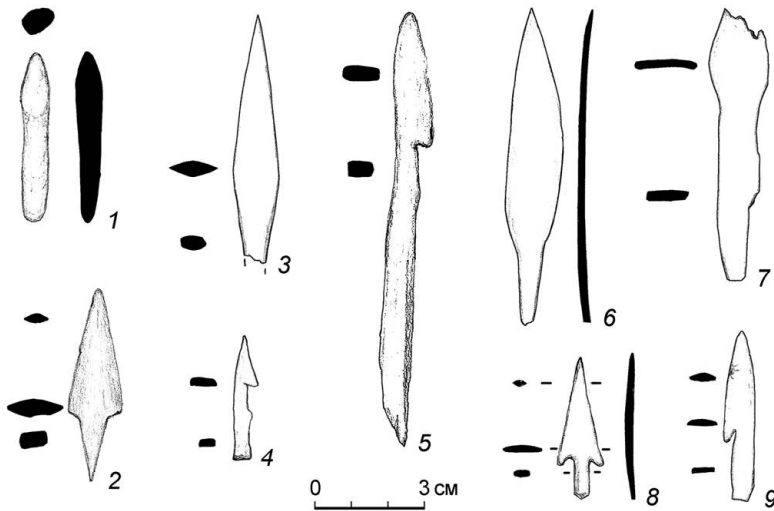

Рис. 3. Единичные формы (1-4), заготовка (5) и плоские наконечники стрел (6-9)

Второй наконечник – лучшей сохранности. Имеет несимметричную треугольную форму сечения пера. Длина наконечника – 5 см.

Пулевидные (2 экземпляра, рис. 3: 1).

Длина 4,5–5 см. Имеют вытянутую узкую форму, конусовидную на конце (пулевидную). Черешок у обоих наконечников плоский к концу. Подобные наконечники находят на территории днепро-двинской культуры, где они относятся к VII–V вв. до н. э. (*Шадыра, Шаволін, 2005. С. 63*).

Ромбовидный (1 экземпляр, рис. 3: 3).

Длина около 10–12 см. Имеет ромбовидную форму и ромбовидное сечение пера. Черешок уплощенный. Схожие аналоги встречаются на городищах дьяковской культуры (*Смирнов, 1974. С. 255*), культуры штрихованной керамики (*Егорейченко, 2006. С. 52*).

Ланцетовидный (уплощенно-конический), рис. 3: 2).

Наконечник с резким переходом в черешок. В сечении имеет уплощенную ромбовидную форму. Длина наконечника – 5 см. Полностью аналогичный наконечник был найден на городище Осыно в верхнем Поднепровье. П. Н. Третьяков, исследовавший городище, отнес его к началу I тыс. до н. э. (*Третьяков, 1976. С. 211*).

Вид 2. Плоские наконечники стрел, имеющие губчатое вещество с одной стороны (рис. 3: 6–9).

Объединяющим признаком данного вида является то, что данные экземпляры сделаны из тонкого костного материала (стенки ребер животных), поэтому все они в сечении плоские или линзовидные и не имеют ребер, да и их режущие края значительно менее острые, чем у изделий, сделанных из плот-

ных костей. Все наконечники (всего 6) по форме пера могут быть отнесены к разным отделам, как с шипом, так и без него: двушипный, одношипный, листовидный с плавным переходом, листовидный с резким переходом в прямоугольный черешок, овальный.

Длина изделий колеблется от 5 до 8 см.

Плоские наконечники ланцетовидного типа встречаются в большом количестве на дьяковских городищах (Смирнов, 1974. С. 7–89) и на городищах ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 1996. С. 30–34).

Наконечники-заготовки (рис. 3: 5)

8 экземпляров наконечников длиной от 4,5 до 12,5 см. Представленные в этой группе наконечники имеют формы различных типов стрел, но с недоработанными деталями. Заготовка имеет сечение пера или черешка неопределенной формы. Заготовки стрел встречаются практически на всех городищах культур раннего железного века лесной зоны, поэтому представлять аналогии для данной группы не имеет смысла.

Втульчатая группа стрел (рис. 2: 5–7) представлена всего одним типом в количестве 3 экземпляров.

«Томар» – наконечник стрелы круглый в сечении, имеющий вместо заострения тупую шляпку (рис. 2: 5–7).

Длина от 3 до 4,8 см. Диаметр шляпки от 1,5 до 2 см. Один из наконечников выделяется в отдельный тип, имеет большие размеры и больший диаметр втулки.

Томары имеют широкий круг аналогий в культурах соседних регионов. Встречаются на территории культуры ранней штрихованной керамики, днепро-двинской культуры, дьяковских, юхновских, ананьинских городищах. В отличие от предыдущих групп стрел этот тип имеет конкретную функцию, применимую только в определенном типе хозяйства – охоте на мелкого пушного зверя.

Гарпуны (рис. 4)

Этот отдельный вид хозяйственного инвентаря также рассматривается в работе. На городище было найдено 12 наконечников гарпунов, 10 из них были проанализированы благодаря сохранности и возможности их атрибутировать.

Законченные целые гарпуны (5 экз., рис. 4: 1–4) представлены одним типом, с различиями в сечении пера: ромбическом и уплощенно-ромбическом. Длина от 11 до 13 см. Гарпуны имеют только один шип. Все гарпуны, по моему мнению, являются неповоротными – бородчатыми. При широком распространении гарпунов подобные формы имеются только в верховьях Днепра, на городищах днепро-двинской культуры (Шмидт, 1992. С. 71–73) и на городищах Волго-Окского междуречья (Смирнов, 1974. С. 7–89).

Часть находок (5 экз.) является заготовками (рис. 4: 5–9), имеющими только примерные очертания орудий.

Общая картина распространения групп стрел и гарпунов демонстрирует широкий ареал, охватывая всю лесную зону восточной Европы и доходя до пределов Балтийского побережья и берегов Вятки и Камы. Однако при более подробном распределении на типы уже выявляется определенная тен-

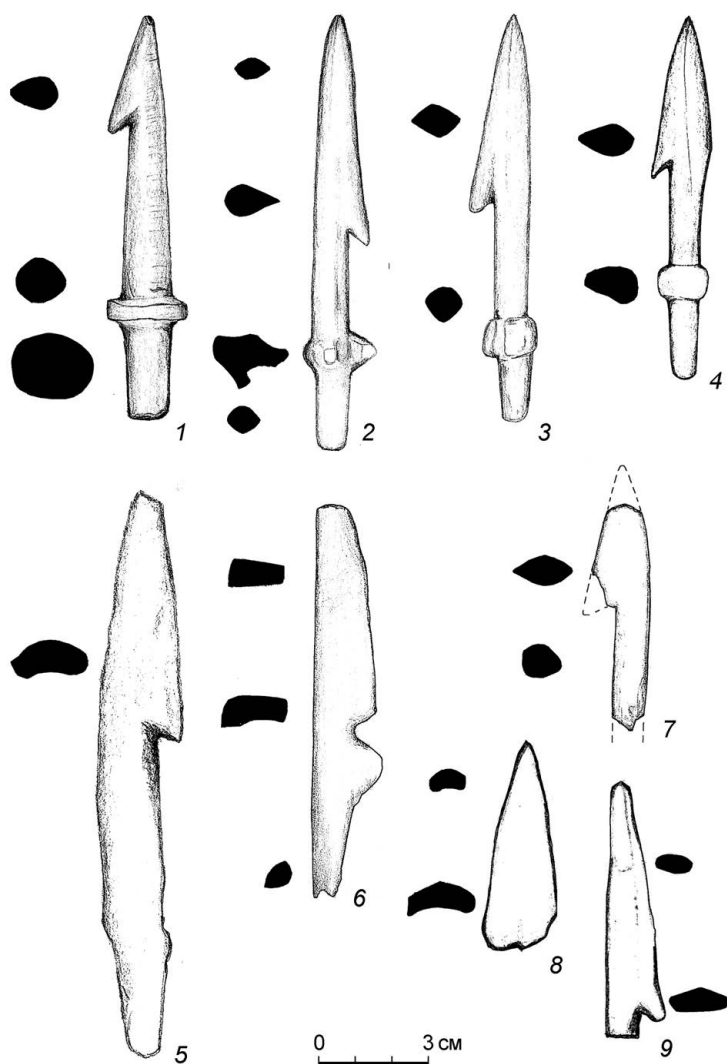

Рис. 4. Гарпуны (1-4) и заготовки гарпунов (5-9)

денция распространения на определенных городищах и отсутствия на других. Такая картина дает повод для культурного и хронологического интерпретирования. Изделия, обнаруженные в разных стратиграфических контекстах, позволяют привязать выделенные типы к определенным культурно-хронологическим этапам.

Костяные стрелы и гарпуны в стратиграфии городища Анашкино

Изучение стратиграфии культурного слоя городища в результате многолетних раскопок позволило сформировать ясное представление о ее структуре и особенностях отложения культурных слоев. Формирование слоев связано

с периодическими перепланировками площадки городища, в результате которых происходили значительные перемещения грунта, в том числе и ранее сформировавшегося культурного слоя. Состав находок в основной толще пе-реотложенных слоев может содержать одновременные материалы, характерные для разных периодов заселения городища.

Границы между слоями, по уровню которых концентрируется большинство индивидуальных находок, развалы сосудов и постройки, соответствуют той или иной древней дневной поверхности, на которой и происходила основная жизнедеятельность. Именно границы определяют горизонты использования городища.

В отдельную группу выделим находки, сделанные в период с 1993 по 2003 г. Раскопки того времени проходили на верхней площадке городища Анашкино. Как позже было установлено, верхняя площадка представляет собой в основном серый и черный песок с угольками вперемешку с желтыми и коричневыми песками. Это связано с активной деятельностью на городище, в результате которой большие массы грунта и более ранних слоев перемешались. Поэтому рассматриваемые нами находки, происходящие из этих слоев, могут принадлежать к самым разным типам, попадая в слой перемеса ранних и поздних отложений.

В результате исследований с 2003 г. по 2017 г. включительно, проводившихся на склоне городища, были выявленные нетронутые слои, которые Б. С. Короткевич относит к ранним культурам, возможно, периода раннего металла. Все эти предположения находятся пока в стадии разработки.

Представленные ниже данные о стратиграфии городища Анашкино были опубликованы в 2013 г. (Короткевич, 2013. С. 174–186). Разновременных слоев на площадке городища и по краю его представлено шесть.

Слой бурого песка, судя по редкости находок и слабой окрашенности, не является культурным слоем, а представляет собой верхний горизонт древней погребенной почвы, или «предматерик». На нем последовательно отложились: 1) коричневый песок с угольками; 2) нижний уровень нижнего слоя коричневого песка; 3) верхний уровень нижнего слоя коричневого песка; 4) верхний слой коричневого песка; 5) слой серого песка; 6) слой черного песка. Горизонты использования городища соответствуют поверхностям культурных слоев. По материалам полевых отчетов и описей нами были выявлены находки рассматриваемой категории для каждого из горизонтов жизни на городище (табл. 1).

Первый горизонт использования городища фиксируется на поверхности бурого песка. Хронология данного горизонта основывается исключительно на радиоуглеродных датировках, т.к. относящиеся к нему находки не имеют датирующих аналогий. Радиоуглеродный анализ укладывается в хронологический интервал VIII–V вв. до н. э. В слое первого горизонта был найден развал сосуда, поверхность которого была покрыта глубокими расчесами поверх сетчатых отпечатков. Недалеко в этом же слое был найден другой сосуд, также с сетчатым орнаментом. Подробных исследований пока нет.

В слое найдено 4 наконечника стрел разного типа: одношипный черешковый типа 1, ланцетовидный, пулевидный и одна заготовка. Одношипные

Таблица 1

Корреляционная таблица типов наконечников стрел и гарпунов

	Ланцетовидный	Пулевидный	Двушипные			Одношипные				Трехгранные	Трехшипный	Бесшипный	Ромбовидный	Гарпуны	Томавы	Заготовки стрел и гарпунов	Плоские стрелы
			тип 1	тип 2	тип 3	тип 1	тип 2	тип 3	тип 4								
7-й горизонт															1		
6-й горизонт					1							2(?)		1		4	4
5-й горизонт															1	2	1
4-й горизонт			1	1				2	5	7			1	2	1		1
3-й горизонт		1	1		1				1							1	
2-й горизонт			2		1		1	1	1		2			2			
1-й горизонт	1	1				1										1	

Н. А. Кренке относит к слою V–III вв. на Дьяковом городище, указывая, что дата Х. И. Крис и И. Л. Черная по городищу Боршева IV в. до н.э., возможно, заужена (Кренке, 2011. С. 139). Ланцетовидный датирован на городище Осыно началом I тыс. до н.э. (см. выше).

Второй горизонт использования городища фиксируется границей слоев коричневого песка с угольками и нижнего слоя коричневого песка. Радиоуглеродные анализы образцов 2011 г., взятые из слоя коричневого песка с угольками, дают даты, указывающие на IV–III вв. до н.э. Вместе с тем один образец из раскопа 2007 г. относит слой к VIII–V вв. Для горизонта характерна керамика, распространенная в слое с угольками в нижней части нижнего слоя коричневого песка. Это хорошо выполненные профилированные сосуды, орнаментированные мелкими ямками и тычками. Также есть непрофилированные баночные сосуды. Поверхность сосудов заглажена и покрыта штриховкой. Эту керамику Б. С. Короткевич относит уже к культуре дьяковских городищ, при этом керамика имеет черты, выделяющие ее в особую локальную группу, фиксируемую на территории Двинско-Ловатского региона.

На этот слой выпадают наконечники: двушипные типа 1 в количестве двух экземпляров и фрагмент наконечника типа 3 в единственном экземпляре, два трехгранных трехшипных наконечника стрел (варианты 1 и 2); три одношипных – типы 2, 3 и 4. Также во втором горизонте найдено два хорошо сохранившихся гарпуна и одна заготовка для гарпуна. Всего в слое было выявлено 8 наконечников стрел и 3 наконечника гарпуна.

Третий горизонт использования городища соответствует границе нижнего и верхнего уровней нижнего слоя коричневого песка. Керамический комплекс в целом показывает уже полное доминирование керамики дьяковской куль-

туры. В слое из индивидуальных находок характерным является большое количество кремневых отщепов, некоторые из которых имеют следы обработки и использования. Также слой отмечен появлением глиняных литейных форм для отливки браслетов. Одна из датирующих находок – обломок шиферной формы для отливки кельта меларского типа. Ю. В. Ефимова относит подобные находки также к начальному этапу днепро-двинской культуры (Ефимова, 2005. С. 189). По ряду других находок Б. С. Короткевич, ссылаясь на исследования других ученых, датирует этот слой VIII–V вв. (Короткевич, 2013. С. 181). Радиоуглеродная датировка некоторых деревянных построек, найденных на слое, дает дату VIII–V вв. до н. э. Анализ угля из этого же слоя дает уже датировку IV в. до н. э.

Наконечники стрел этого горизонта представлены следующими типами: два одношипных наконечника типов 4 и 5; два двушипных типов 1 и 2; один экземпляр заготовки одношипного наконечника; один экземпляр пулевидного наконечника.

Четвертый горизонт использования городища связан с остатками стены, возведенной на краю площадки с использованием дерева и камня. Радиоуглеродная датировка, полученная в 2011 г., относит эти сооружения к IV–III вв. до н. э. В этом горизонте происходит смена керамического комплекса. Появляется большое количество керамики, принадлежащей уже днепро-двинской культуре. Для хронологии горизонта важны находки обломков рубчатых браслетов и формы для отливки конического спиралевидного украшения. Браслеты относятся к типу изделий, хорошо известных на городищах разных культур в лесной зоне Восточной Европы. Также датирующими находками данного слоя являются трапециевидные прямоугольные пластинчатые подвески со скрученной в трубочку верхней стороной (Короткевич, 2013. С. 183).

В четвертом горизонте в слое верхнего коричневого песка найдено большое количество одношипных наконечников стрел – 14 штук. В основном это тип 5 (7 экз.), тип 4 (5 экз.), тип 3 (2 экз.). Кроме этого: два двушипных наконечника стрел типов 1 и 2, один плоский листовидный, один ромбовидный, одна заготовка под стрелу. Появляется втульчатый (тип 1) наконечник стрелы в единственном экземпляре. Также было найдено два целых гарпуна.

Пятый горизонт, лежащий на границе коричневого и серого песка. Основным типом керамики является гладкостенная слабопрофилированная керамика баночных форм днепро-двинской культуры. Расположившееся в горизонте скопление углей дало датировку в интервале от IV до I в. до н. э. Остатки построек и горнов, находящихся в слое, по радиоуглеродным анализам укладываются в интервал IV–II вв. до н. э.

Находки стрел этого слоя представлены следующими типами: один двушипный плоский наконечник, один экземпляр плоского листовидного наконечника с резким переходом в черешок, две заготовки стрел, одна из которых принадлежит заготовкам одношипного наконечника, два наконечника «карликовой» формы и один неясной (пулевидной?) формы. Также был найден втульчатый томар и одна заготовка для гарпуна.

Шестой горизонт городища представлен деятельностью мастерской конца I тыс. до н. э. Подавляющее количество керамики этого слоя представлено гладкостенными сосудами днепро-двинской культуры.

Комплекс индивидуальных находок, касающийся верхней площадки городища, очень разнообразен. По исследованиям 1993–2003 гг. Б. С. Короткевич разделяет его на три периода заселения городища (Короткевич, 2004. С. 195–204). Верхняя площадка была нарушена поздней деятельностью. Таким образом, весь материал, происходящий из этого слоя, скорее всего, перемешан с более ранним материалом.

Наконечники стрел, выпадающие в этот горизонт, представлены следующими экземплярами: два трехгранных безшипных, один из которых является осколком, а второй имеет несимметричную форму, поэтому принадлежность обоих остается под вопросом; плоские наконечники: одношипный, овальный и листовидный с резким переходом в черешок.

Седьмой горизонт представлен котлованом, впущенным в слой черного песка с уровня современной дневной поверхности. Находки лепной керамики в слое относят его к раннесредневековому периоду конца I тыс. н. э. В слой выпадает находка втульчатого наконечника – томара – в единственном экземпляре. Остальные находки наконечников попали в этот слой в результате перемеса из более ранних пластов.

На этапе жизни городища, относящемся к 1-му горизонту и слою коричневого песка с угольками, зафиксировано выпадение немногочисленных наконечников (одношипный типа 1, ланцетовидный, заготовка и пулевидный), имеющих аналогии исключительно на территории днепро-двинского региона. Размытые рамки датировки колеблются в пределах VIII–V вв. до н. э. Культурное определение этого горизонта пока неизвестно.

Следующий этап связан со слоем нижнего коричневого песка и горизонтом, разделяющим этот слой на два: нижний и верхний (горизонты 2 и 3). Этот этап уже идентифицируется и связан с дьяковской культурой, хотя, как говорилось выше, имеет свою локальную особенность. Этап примерно датируется VIII–IV вв. до н. э., но по относительной хронологии – младше предыдущего. Материал, выпадающий на этом этапе, так же как и предыдущий, имеет большую связь с западными культурами (днепро-двинской, культурой ранней штрихованной керамики, Прибалтикой) и отличается разнообразием. Основными маркерами являются одношипные наконечники типов 2 и 3, также есть находка наконечника типа 5; двушипные наконечники типов 1 и 3; два трехшипных трехгранных наконечника. На этом этапе появляются находки гарпунов, а также заготовки для гарпунов и стрел.

Этап третий, связанный с 4-м и 5-м горизонтами и слоем, попадающим между двумя этими горизонтами, характеризуется сменой массового материала. Наблюдается уменьшение доли дьяковской керамики и возрастание – керамики днепро-двинской. На этом этапе такие же изменения касаются наконечников стрел и гарпунов. Найдено большое количество стрел разных групп и типов. Наибольшее количество стрел принадлежит одношипным наконечникам типов 4 и 5. Попадаются экземпляры ромбовидного типа, двушипные

наконечники типов 1 и 2. Появляются плоский листовидный наконечник, наконечник-томар, карликовые наконечники. В большом количестве – гарпуны и заготовки для гарпунов и стрел.

Четвертым этапом я считаю горизонты 6 и 7 и слои серого и черного песка. Культурный пласт в этих слоях был нарушен поздней деятельностью на городище. Из прослеживаемого материала попадаются находки более ранних этапов и культурных групп. Хронологически этот этап относится к деятельности поселенцев конца I тыс. до н. э. Характерна керамика днепро-двинской культуры. Самые верхние слои относятся к средневековой деятельности.

Теперь можно попробовать оценить с точки зрения интерпретационных возможностей предложенную нами типологию. Прежде всего бросается в глаза, что ни томары, выделяющиеся в особую группу втульчатых, ни плоские наконечники разных форм из ребер животных с остатками губчатого вещества, выделенные нами в особый вид, ни своеобразные «карликовые» одношипные наконечники не встречаются в трех ранних горизонтах городища. В данном случае это даже показательнее того, что они происходят из верхних слоев, часть которых переотложена. Эти группа, вид и тип костяных наконечников относятся к категории поздних, что подтверждается их особым местом в классификации и стратиграфии.

Наиболее распространенная категория находок – наконечники с шипами. На первый взгляд, они одинаково представлены во всех слоях и горизонтах: и ранних, и поздних, и чистых, и перемешанных. Однако у более ранних экземпляров чаще встречается заостренный черешок.

Другое важное направление работы, которое становится возможным после детального описания и стратиграфической привязки материала, – поиск аналогий на территории лесной зоны Восточной Европы. Результатом данного поиска стало выявление основных направлений взаимосвязей и влияний соседних культурных групп.

Первым направлением связей является западное и юго-западное (днепро-двинская культура, культура ранней штрихованной керамики, Прибалтийский регион). В этих культурах находятся аналогии одношипным наконечникам стрел типов 1, 2 и 3; двушипным наконечникам типов 1, 2 и 3; трехшипным и ланцетовидному наконечнику. Имеются аналоги пулевидных наконечников, а также гарпунов и томаров.

Вторая группа связей направлена на восток (дьяковская культура). Аналогии в этой культуре находят одношипные наконечники стрел типов 1, 3, 4 и 5. Двушипные наконечники в этой культуре редко встречаемы. Аналогом может быть тип 3. Встречаются наконечники ромбовидные, ланцетовидные и пулевидные, томары; также схожими являются наконечники гарпунов.

Итоговая картина демонстрирует широкий ареал, охватывая всю лесную зону Восточной Европы и доходя до пределов Балтийского побережья и берегов Вятки и Камы. Однако при более подробном распределении на типы уже выявляется определенная тенденция распространения на определенных городищах и отсутствие на других. Изделия, обнаруженные в разных стратиграфических слоях, позволяют привязать выделенные типы к определенным

хронологическим этапам. Выделено два основных направления влияния на регион Двинско-Ловатского междуречья. Первое – западное – относится к более раннему периоду. Второе – восточное – прослеживается и на раннем этапе, но преобладает на позднем. Все эти направления связей очень интересно ложатся на культурную характеристику региона, в которой проявляется прямо противоположная картина. Керамика раннего этапа очень близко связана с восточным направлением (дьяковской культурой). Керамика позднего этапа совершенно меняется на западную (днепро-двинскую).

В итоге складывается непростая, но вполне определенная культурно-хронологическая характеристика городища, в контекст которой укладывается типология костяных наконечников. Выявляются определенные направления взаимосвязей, а также этапы культурных изменений.

Изучение костяного инвентаря не должно ограничиваться только массовым материалом, таким как стрелы и гарпуны. Другие типы и категории инвентаря должны дополнять картину хозяйственно-культурного комплекса городища Анашкино и Двинско-Ловатского региона. Необходим трасологический анализ изделий для понимания технических аспектов хозяйства и косторезного дела.

Источники

Короткевич Б. С., 1993–2017. Отчеты об археологических раскопках на городище Анашкино в Псковской области с 1993 по 2017 гг. (Рукописи хранятся в ОАВЕС ГЭ и Архиве ИА РАН).

Литература

- Егорейченко А. А.*, 1996. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. – II в. н. э.). Минск.
- Егорейченко А. А.*, 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.
- Ефимова Ю. В.*, 2005. Хронология вещевого комплекса днепро-двинской культуры верхнего Поднепровья // II Городцовские чтения. М.
- Каравайко Д. В., Горбаненко С. А.*, 2012. Господарство носіїв юхнівської культури. К.: Наукова думка.
- Короткевич Б. С.*, 2004. Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати: дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Короткевич Б. С.*, 2013. Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг. // АИППЗ. Заседание 58 (2012 г.). [Вып. 28]. Псков.
- Кренке Н. А.*, 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – М.: ИА РАН. 548 с.
- Крис Х. И.*, 1970. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука. (МИА; № 156).
- Смирнов К. А.*, 1974. Дьяковская культура (материальная культура междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.: Наука.
- Третьяков П. Н.*, 1976. Городище Осыно // СА. № 3. С. 203–216.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.*, 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Шадыра В., Шаволін С., 2005. Тыпалогія касцяных наконечнікаў стрэл з гарадзішчаў Беларускага Падзвіння // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 20. С. 62–64.

Шадыро В. И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск: Наука и техника.

Шмидт Е. А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.

***

*Клименко Павел Геннадьевич, г. Волжский,
ГБУ «Волгоградский областной научно-производственный центр
по охране памятников истории и культуры»
E-mail: serbia_1914@mail.ru*

Н. А. Плавинский

Раскопки курганного некрополя Навры I в 2017 году

Резюме. Курганный некрополь Навры I входит в состав комплекса археологических памятников Навры, который расположен недалеко от одноименного села в Мядельском районе Минской области Республики Беларусь. Исследования 1934, 1987 и 2012–2016 годов позволили установить, что это некрополь населения Полоцкой земли, которое хоронило здесь своих умерших на протяжении XI–XII веков, а возможно, и несколько позже. В 2017 году здесь были исследованы два кургана, содержавшие захоронения по обряду ингумации, поврежденные грабительскими ямами.

Ключевые слова: верховья Вилии, курганный некрополь, погребальный обряд, ингумация.

M. A. Plavinski. Excavations of the Barrow Necropolis Naŭry I in 2017

Abstract. Barrow necropolis Naŭry I is part of a complex of archaeological monuments Naŭry, which is located near the village of the same name in Miadziel district Minsk region of the Republic of Belarus. Research in 1934, 1987 and 2012–2016 allowed us to establish that the barrow cemetery Naŭry I is a necropolis of the population of Polatsk land, which buried its dead here throughout the 11th–12th centuries, and, possibly, a bit later. In 2017, two barrows were investigated here, containing burials according to the ritual of inhumation, damaged by predatory pits.

Keywords: Vilija riverhead, barrow necropolis, burial rites, inhumation.

История изучения комплекса археологических памятников у деревни Навры

Комплекс археологических памятников у деревни Навры (Сватковский сельский совет Мядельского района Минской области) размещается в верховьях Вилии, он находится в бассейне реки Узлянка, на ее левом берегу. Узлянка – левый приток Нарочи (Норочанки), которая, в свою очередь, является левым притоком Вилии (рис. 1). Археологический комплекс Навры состоит из нескольких погребальных и поселенческих памятников, среди которых есть как те, которые до настоящего времени не сохранились, так и те, которые были впервые выявлены в 2017 г. (рис. 2).

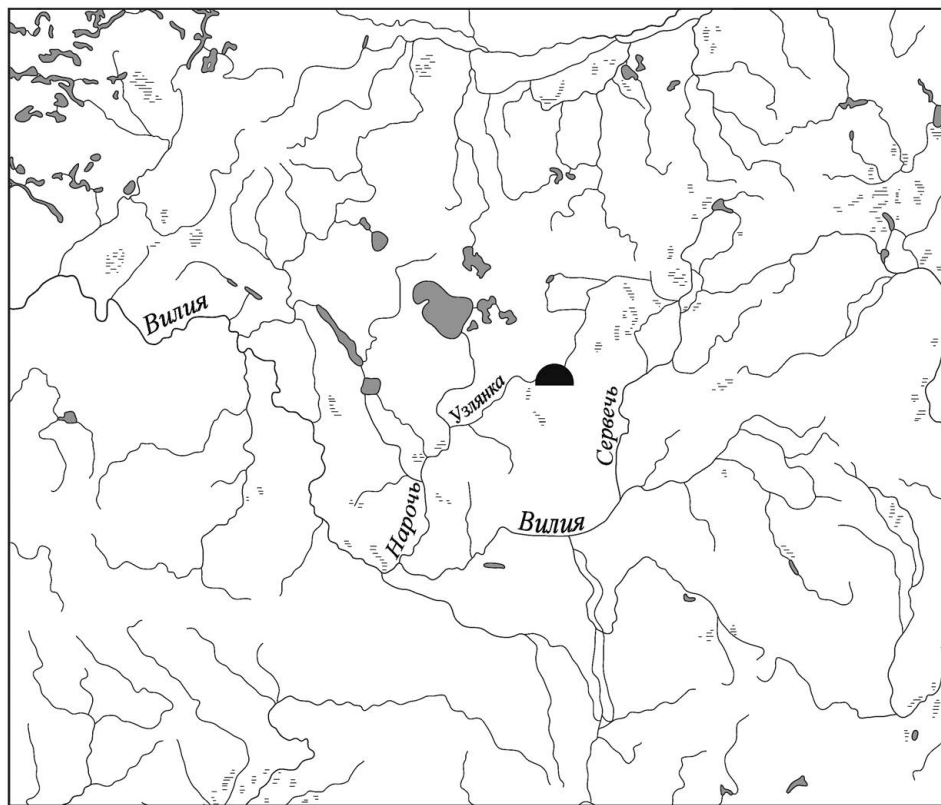

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Навры в верховьях Вилии

До 2017 г. у деревни Навры были известны только погребальные древности, а именно состоящий из трех групп курганный могильник, который первоначально насчитывал не менее 130 насыпей.

Курганная группа I (некрополь I) известна в научной литературе с конца XIX в. (*Покровский, 1893. С. 22*). В ней насчитывалось не менее 117 насыпей (рис. 3), хотя можно предполагать, что первоначально их количество могло быть несколько большим, так как часть курганов была уничтожена до 1934 г. в результате работ по расширению тракта на деревню Княгинин (*Сешак-Нотубовичова, 1937. С. 42*). Практически все курганы группы I сильно повреждены разновременными грабительскими ямами.

Данный памятник неоднократно притягивал внимание исследователей. В 1934 г. раскопки могильника провела экспедиция Археологического музея Вильнюсского университета им. Стефана Батория под руководством Е. Цегак-Голубович. Сотрудники экспедиции сняли план некрополя и раскопали в группе I 24 кургана (*Сешак-Нотубовичова, 1937; Нотубович, 1937; Wrzosek, 1937*). В 1987 г. исследования группы I были возобновлены экспедицией исторического факультета Белорусского государственного университета под

Рис. 2. Комплекс археологических памятников Навры. Ситуационный план

руководством В. Н. Рябцевича и А. Н. Плавинского. Был снят новый план курганной группы и раскопано 9 насыпей (Плавинські, Плавинські, 2011; Плавинский, 2017. С. 323).

В 2012 г. исследования курганного могильника Навры были возобновлены экспедицией под руководством Н. А. Плавинского. В ходе нового этапа исследований снят план могильника (рис. 3). На протяжении 2012, 2015 и 2016 гг. было изучено 8 погребальных насыпей (Плавинські, Астаповіч, Сцяпанавя, 2014. С. 252–258; Плавинский, 2017).

Таким образом, с 1934 по 2016 г. в группе I раскопан 41 курган (рис. 3; табл. 1). На данный момент курганная группа I могильника Навры может считаться отдельным некрополем (некрополь Навры I). Благодаря значительному количеству исследованных насыпей, она может рассматриваться как один

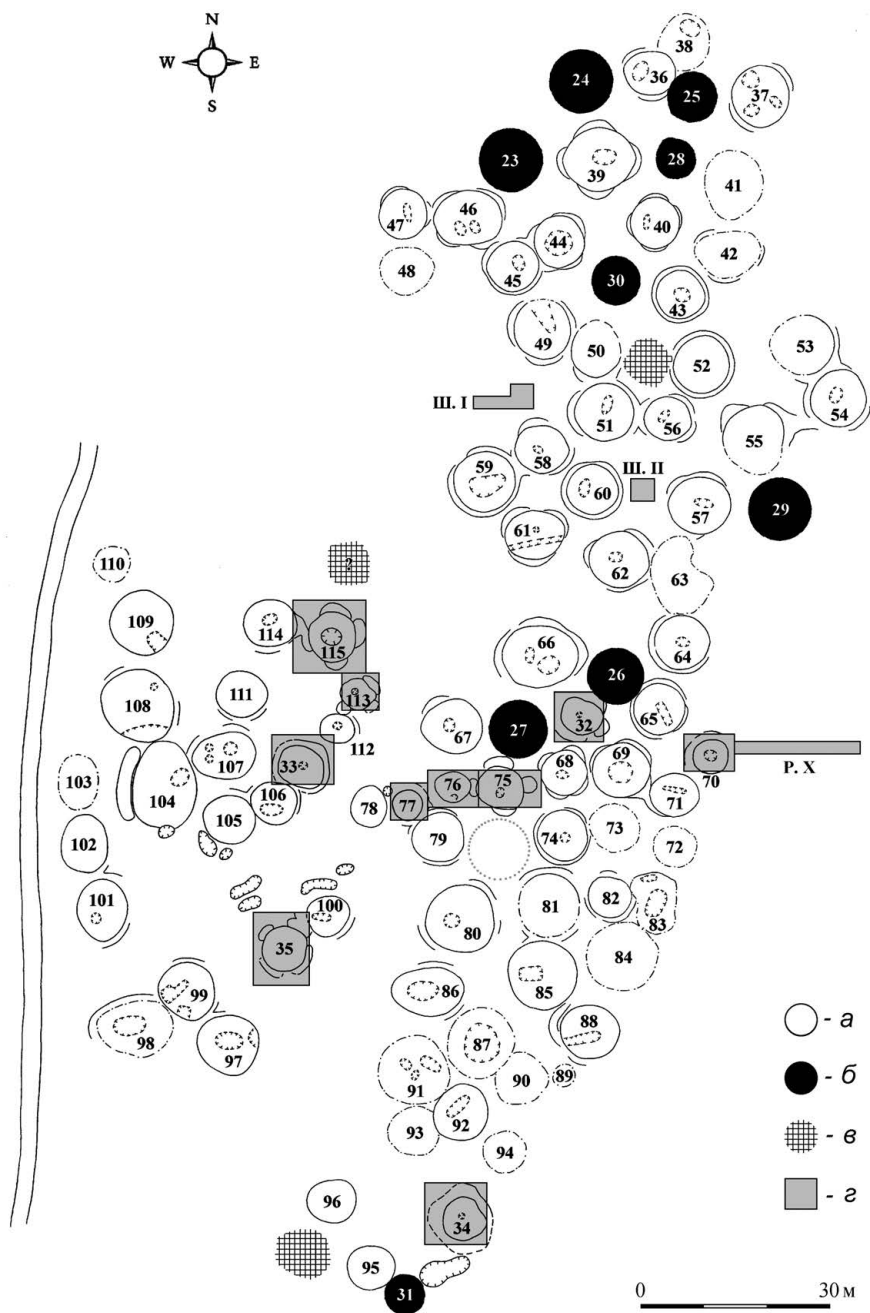

Рис. 3. План курганного некрополя Навры I.
 Условные обозначения: а – курган, б – курган, исследованный в 1987 г.,
 в – предполагаемое место расположения кургана, раскопанного в 1934 г.,
 з – раскопки и шурфы 2012, 2015–2016 и 2017 гг.

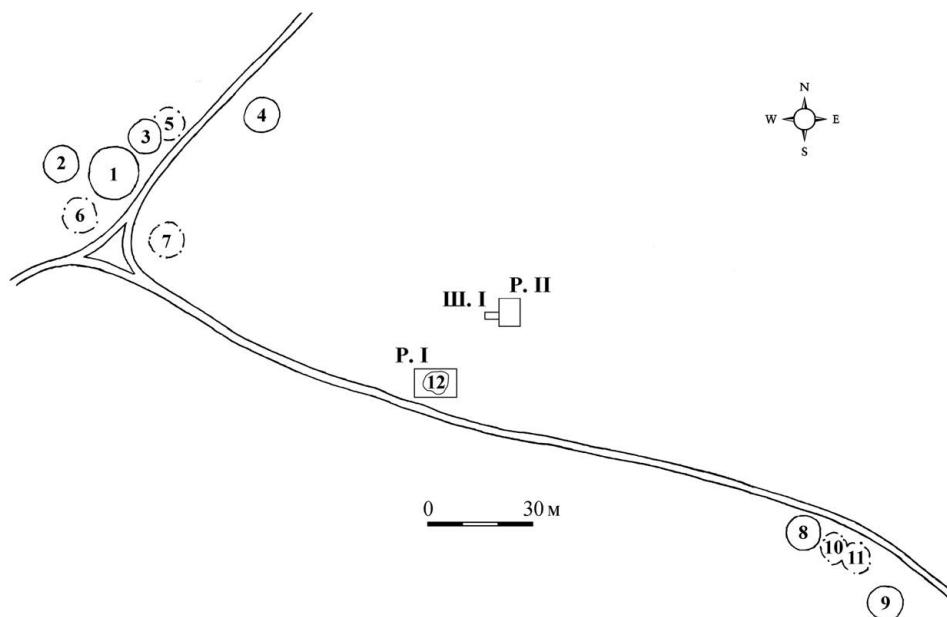

Рис. 4. План курганного некрополя Навры II с обозначением раскопок и шурфа 2017 г.

из опорных памятников для разработки хронологии и изучения погребального обряда славянского населения Верхнего Повиля начала II тыс. н. э. Материалы раскопок позволяют полагать, что данный памятник является некрополем населения Полоцкой земли, которое хоронило тут своих умерших на протяжении XI–XII вв. (а возможно, и несколько позднее). Обращает на себя внимание достаточно стандартизированный погребальный обряд некрополя. Практически во всех курганах погребения были совершены на уровне дневной поверхности и ориентированы головами на запад с небольшими отклонениями, обычно, к северо-западу (Плавинский, 2017. С. 339–340).

Курганная группа II (некрополь II) была впервые выявлена в процессе обследований окрестностей деревни Навры, проводившихся в 1975 и 1985 гг. Я. Г. Зверуго (*Звяруга, Плавінскі, 1993. С. 460*). В 2012 г. экспедиция под руководством Н. А. Плавинского сняла план данной курганной группы (рис. 4), находящейся в 400 м к югу – юго-востоку от деревни Навры и состоящей из 12 сильно поврежденных насыпей. Большая часть курганов (7 насыпей) размещается в лесу у развилки проселочной дороги, ведущей из деревни Навры вдоль восточного берега озера и расходящейся в стороны деревень Сватки и Городище. Еще 5 насыпей располагаются вдоль дороги, ведущей в Городище (рис. 2, 4). До 2017 г. раскопки группы II не проводились.

Курганная группа III, по сведениям Е. Цегак-Голубович, размещалась на расстоянии не менее 100 м к востоку от основной курганной группы (группа I). В 1934 г. исследовательница раскопала в этой группе 5 насыпей. При этом, Е. Цегак-Голубович не сообщает, сколько всего курганов насчитывалось

Таблица 1

**Результаты исследований курганного могильника Навры
в 1934, 1987, 2012, 2015–2016 и 2017 гг.**

Автор раскопок	Год раскопок	Группа	Количество исследованных насыпей
А. Цегак-Голубович, В. Голубович	1934	I	24
А. Цегак-Голубович, В. Голубович	1934	III	5
В. Н. Рябцевич, А. Н. Плавинский	1987	I	9
Н. А. Плавинский	2012	I	4
Н. А. Плавинский	2015	I	2
Н. А. Плавинский	2016	I	2
Н. А. Плавинский	2017	I	2
А. Н. Плавинский	2017	II	1
Всего:			49

в этой группе на момент раскопок. В настоящее время местонахождение данной группы установить не удастся. Не исключено, что в 1934 г. были исследованы все составлявшие данную группу курганные насыпи. По данным Е. Цегак-Голубович, только в одном кургане группы III было выявлено трупосожжение. Остальные четыре насыпи погребений не содержали, однако в одном из них выявлен инвентарь (*Cehak-Holubowiczowa*, 1937. S. 5, 43).

**Раскопки комплекса археологических памятников
у деревни Навры в 2017 году**

Летом 2017 г. совместная археологическая экспедиция Международного государственного экологического института им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета и исторического факультета Белорусского государственного университета продолжила исследования комплекса археологических памятников у деревни Навры.

Экспедиция состояла из трех отдельных отрядов, каждый из которых действовал на основании отдельного открытого листа:

А. Н. Плавинский начал изучение некрополя Навры II (на основании разрешения на право проведения археологических исследований № 3057 по форме 1, рис. 2). Как уже было отмечено, данный некрополь изучался впервые. В 2017 г. тут был раскопан курган 12 (исследованная площадь составила 96 кв. м, рис. 3), содержащий два погребения по обряду кремации, принадлежащие к культуре смоленско-полоцких длинных курганов. При обоих погребениях выявлен инвентарь – лепные горшки и оплавленные украшения из цветного металла, позволяющий предварительно датировать их финальным этапом существования этой культуры в междуречье Западной Двины и Верхней Вилии – концом X – началом XI в. Кроме того, на территории некрополя Навры II, поблизости от кургана 12, были заложены раскоп II площадью 48 кв. м и шурф I площадью 8 кв. м, в которых на уровне погребенной дневной поверхности времени функционирования

курганного некрополя были выявлены отдельные кальцинированные кости и их скопления, а также единичные поврежденные в огне украшения из цветного металла и фрагменты лепной посуды, типичной для культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Обстоятельства выявления этих находок позволяют полагать, что они маркируют бескурганый могильник с погребениями по обряду кремации. Следует отметить, что погребения данного типа в ареале культуры смоленско-полоцких длинных курганов выявлены впервые. Можно полагать, что бескуранные кремации являются синхронными с курганом 12 и относятся к финальному этапу существования культуры в междуречье Западной Двины и Верхней Вилии (Плавинский, 2018).

В. А. Плавинский осуществил разведочные исследования по поиску поселенческих памятников на берегу озера Навры (на основании разрешения на право проведения археологических исследований № 3058 по форме 2). В результате этих работ на северо-восточном берегу озера было выявлено открытое поселение, на территории которого заложены Шурфы I и IV общей площадью 24 кв. м (рис. 2). В процессе раскопок было определено, что культурный слой поселения содержит материалы трех хронологических периодов: кремнёвые артефакты эпохи мезолита – бронзового века, фрагменты лепной посуды позднего этапа культуры штрихованной керамики, круговую керамику позднесредневекового периода и Нового времени.

Раскопки курганного некрополя Навры I в 2017 году

Раскопки курганного некрополя Навры I осуществлялись автором на основании разрешения на право проведения археологических исследований № 3086 по форме 1. Исследования проводились в центральной и восточной частях некрополя Навры I. В центральной части некрополя были заложены **Раскоп IX (курган 113)** и **Раскоп XI (курган 115)**. Кроме того, в восточной части некрополя был заложен **Раскоп X**, основной целью исследования которого было изучение околочурганного пространства.

Раскоп IX был заложен с целью исследования **кургана 113** (рис. 3, 5). Раскоп имел квадратную форму размером 6×6 м и общую площадь 36 кв.м. Снаружи курган 113 выглядел аморфным, близким к овальному, вытянутым по линии северо-запад – юго-восток (рис. 5). Длина насыпи по линии северо-запад – юго-восток – 5,1 м, по линии северо-восток – юго-запад – 4,5 м. Высота кургана в современном состоянии – около 0,4 м. Вместе с тем, очевидно, что современный внешний вид насыпи в значительной степени объясняется ее повреждением грабительской ямой, западина от которой хорошо прослеживалась в ее центральной части и имела диаметр около 1 м. С северо-восточной, юго-восточной и юго-западной сторон на уровне современной дневной поверхности прослеживались ровики.

Насыпь кургана 113 была покрыта слоем дерна мощностью 0,08–0,12 м и состояла из коричневого гравелистого песка с камнями (рис. 6: 1). В основании находился слой гумусированного песка серого цвета – древняя дневная поверхность без следов выжигания (очищения огнем) мощностью до 0,2 м.

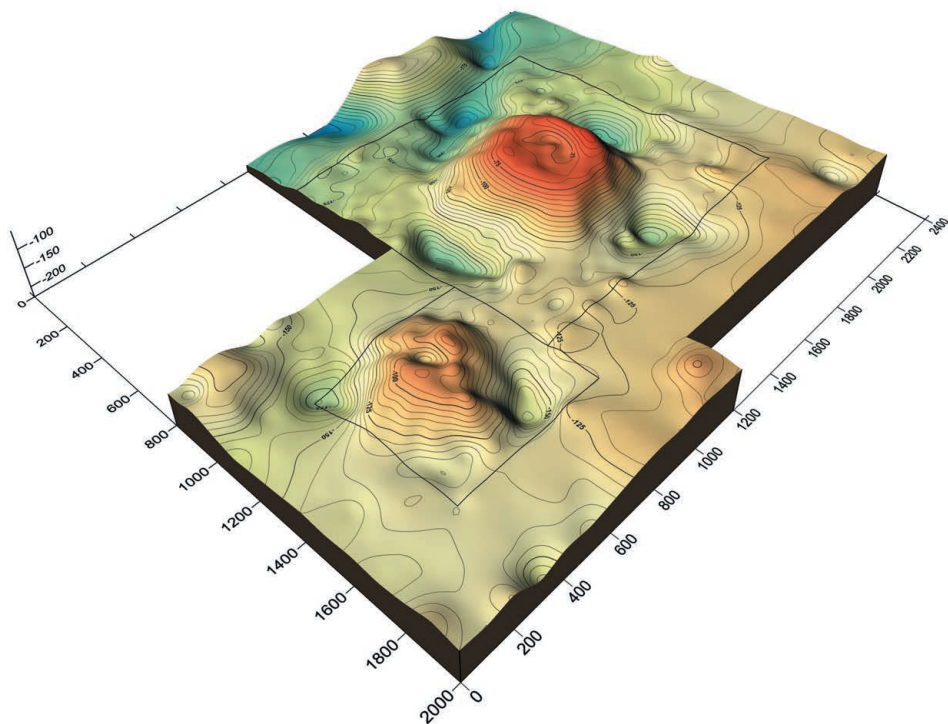

Рис. 5. Курганный некрополь Навры I, 2017. Модель дневной поверхности курганов 113 и 115 и прилегающей к ним территории в горизонталях (проведены через 0,05 м) с обозначением границ Раскопов IX и XI. Вид с юго-востока (модель Э. А. Астаповича)

Центральная часть насыпи повреждена грабительской ямой, которая дошла до гумусированной прослойки в основании и разрушила размещавшееся на ней погребение по обряду ингумации (рис. 7: 1). Среди сохранившихся остатков скелета определяются фрагменты черепа (свода и височных костей, зубы), а также кости верхних конечностей, принадлежавшие ребенку. Можно полагать, что все кости находятся в переотложенном или, по крайней мере, смещенным со своего места положении. Кроме костей, в пятне разрушенного погребения были выявлены:

- развал кругового горшка, стоявший дном на гумусированной прослойке, причем, большая часть его фрагментов была, вероятно, выявлена *in situ*. По плечу горшка нанесен волнистый орнамент, представляющий собой мелкую неровную волну, которая, вероятно, была изготовлена без использования гончарного круга. На дне сосуда имеется клеймо (рис. 7: 2);

- железное калачевидное кресало (рис. 7: 3). Использование подобных кресал продолжалось на Руси до середины XII в. (Колчин, 1982. С. 163);

- миниатюрный бронзовый браслет со змеевидным концом (рис. 7: 5), изготовленный из целого браслета путем поджимания по размеру детского

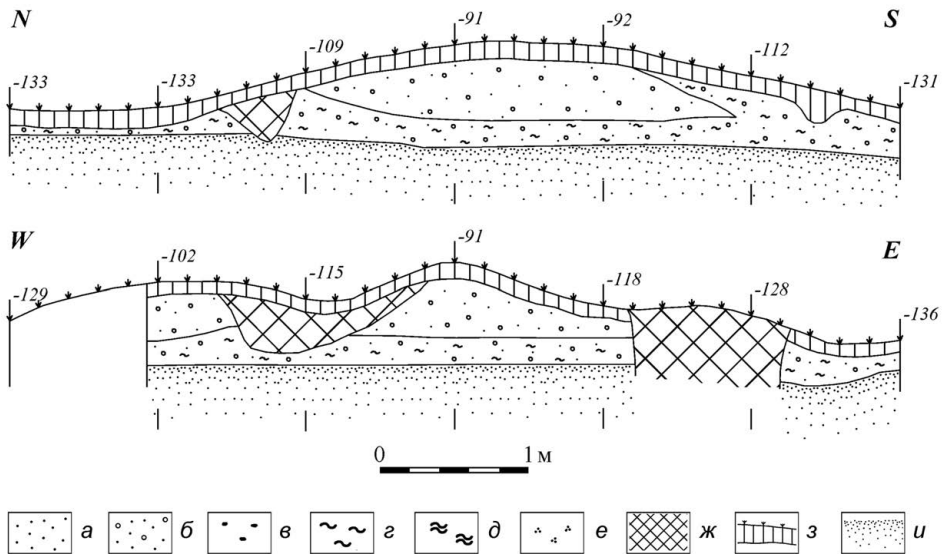

Рис. 6. Курганный некрополь Навры I, 2017. Профили кургана 113.

Условные обозначения: а – песок, б – гравеистый песок, в – уголь, г – пепел серого цвета, д – пепел белого цвета, е – сильно прокаленный песок, ж – перекоп, з – дерн, и – материк (рис. Н. А. Плавинского)

запястья. Диаметр браслета – 4,7×4,15 см. Его датировка может быть определена в широких рамках XI–XIII вв. (*Blujienė*, 1999. Р. 287–288);

– бронзовая подковообразная фибула с одной четырнадцатигранной головкой (рис. 7: 4). Как и браслет, фибула была использована вторично – она была целенаправленно приспособлена для детского погребения из сломанной «взрослой» фибулы. Датировка фибул с многогранными головками на Руси определяется в рамках от второй половины X в. (*Авдусина, Енисова*, 2001. С. 98) до конца XIV в. (*Седова*, 1981. С. 86).

Судя по взаимному расположению горшка и переотложенных костей, можно высказать очень осторожное предположение о том, что первоначально погребение было ориентировано головой в северо-западном направлении, однако, этот вывод носит исключительно гипотетический характер.

На основании сохранившихся артефактов погребение может быть датировано в рамках XI – середины XII в.

Несмотря на степень повреждения кургана 113, ритуальные действия, осуществлявшиеся в процессе его возведения, реконструируются достаточно просто. Тело умершего было помещено на древнюю дневную поверхность, возможно, головой на северо-запад. Следов какой-либо погребальной конструкции, в которой находилась ингумация, не прослеживается, однако, такая конструкция могла быть полностью уничтожена грабительской ямой. Над погребением был возведен курган, грунт для которого частично брался из рвовиков вокруг основания насыпи.

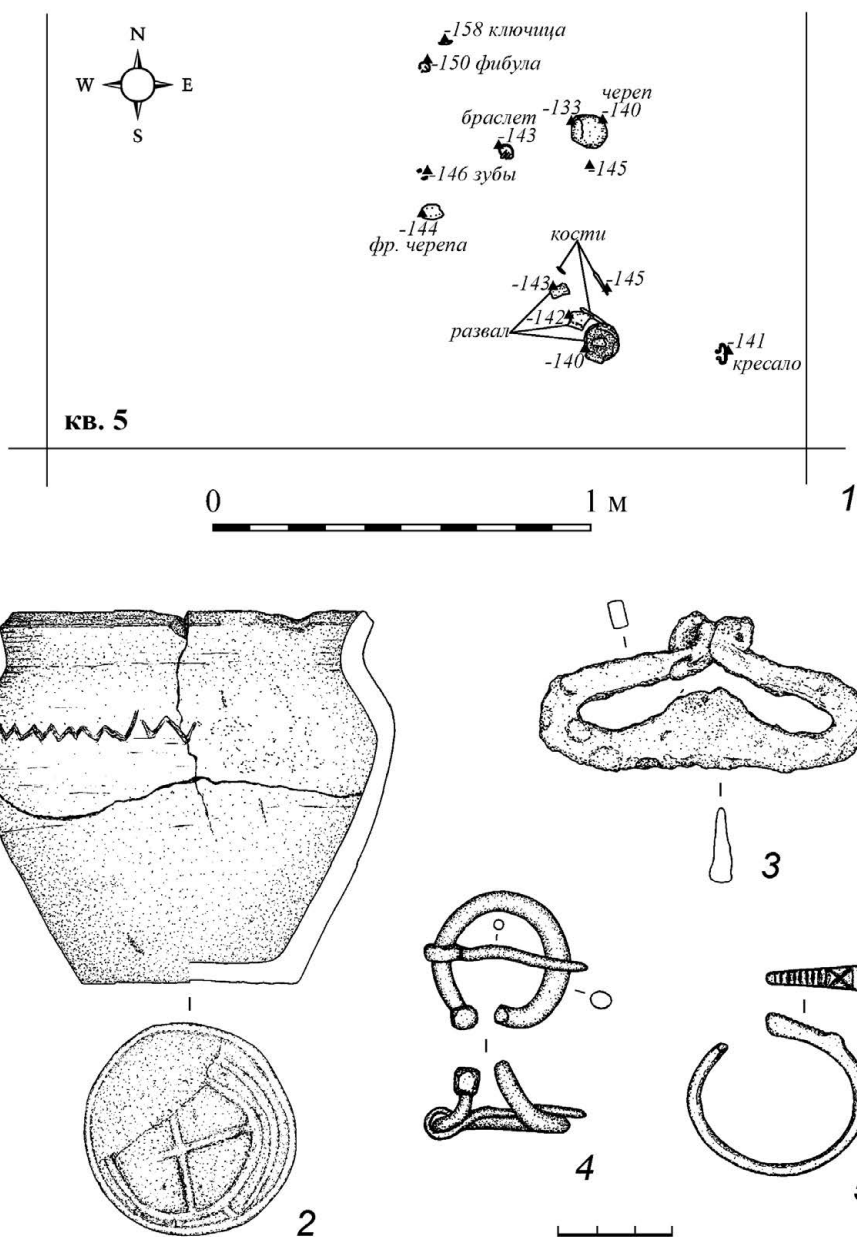

Рис. 7. Курганный некрополь Навры I, 2017. Курган 113.

1 – план разрушенного погребения по обряду ингумации, 2 – круговой горшок, 3 – кресало, 4 – фибула, 5 – браслет (рис. Н. А. Плавинского)

Раскоп X был заложен на восточном краю некрополя (рис. 3) и прирезан к восточной стенке Раскопа VIII (2016 г.). Раскоп X имел форму траншеи размером 2×20 м, вытянутой по линии запад – восток. Он был заложен для изучения прилегающей к курганам территории с целью возможного выявления грунтовых погребений или каких-либо иных объектов, связанных с погребальным обрядом некрополя. Однако, никаких артефактов, объектов или следов человеческой жизнедеятельности в Раскопе X выявлено не было.

Раскоп XI был заложен с целью исследования **кургана 115** (рис. 3, 5). Раскоп имел квадратную форму размером 12×12 м. Снаружи курган выглядел полусферическим, длина насыпи по линии север – юг – 8,3 м, по линии запад – восток – 7,8 м. Высота в современном виде – 0,9 м. Вместе с тем, очевидно, что первоначальная высота насыпи была значительно большей, так как на вершине кургана хорошо прослеживается западина от грабительской ямы размером 3,3 (по линии запад – восток) × 2,8 м (по линии север – юг). Курган был окружен ровиками с четырех сторон, которые размещаются с севера, востока, юга и запада (рис. 5).

Насыпь кургана 115 была покрыта слоем дерна мощностью около 0,08 м и состояла из гравеистого песка с камнями (рис. 8). Основание покрывал слой гумусированного песка серого цвета – древняя дневная поверхность без следов выжигания (очистения огнем) мощностью около 0,1 м.

Вся центральная часть насыпи повреждена глубокой грабительской ямой, которая дошла до гумусированной прослойки на основании и практически полностью разрушила находившиеся на ней два погребения по обряду ингумации (рис. 9: 1).

В заполнении перекопа, на глубине 0,4 м от вершины насыпи, была обнаружена монета – СССР, 1 копейка, 1940 г. (рис. 9: 2). Данная находка позволяет достаточно надежно определить время разграбления кургана периодом от включения территории Западной Беларуси в состав БССР до нападения нацистской Германии на СССР.

На слое гумусированного песка серого цвета и в нем выявлены остатки двух погребений по обряду ингумации (рис. 9: 1). Оба погребения практически полностью разрушены грабительской ямой. Вероятно, *in situ*, или, по крайней мере, минимально смещенными со своих мест остались только черепа, судя по расположению которых, костяки были ориентированы головами на запад.

Погребение 1 принадлежало женщине в возрасте более 50 лет (категория *senilis*).

Погребение 2 представлено только фрагментами черепа.

Большая часть костей обоих погребенных была сложена грабителями в кучу. Тут находились бедренные кости с обломанными эпифизами, фрагмент лопатки, фрагмент тазовой кости, на основании которой пол второго погребения может быть определен как мужской¹.

---

¹ Антропологическое определение осуществлено сотрудниками отдела антропологии Института истории НАН Беларуси Н. Н. Помазановым и В. А. Шипилой, за что автор высказывает им искреннюю признательность.

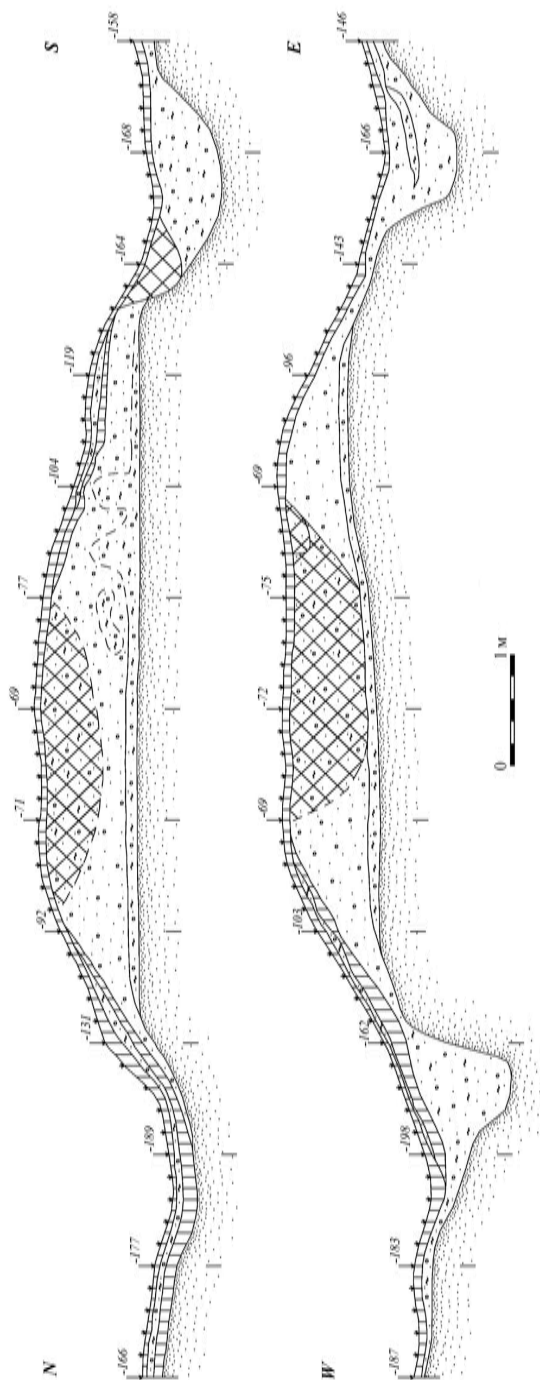

Рис. 8. Курганный некрополь Навры I, 2017. Курган 115. Профили кургана (рис. Н. А. Главинского)

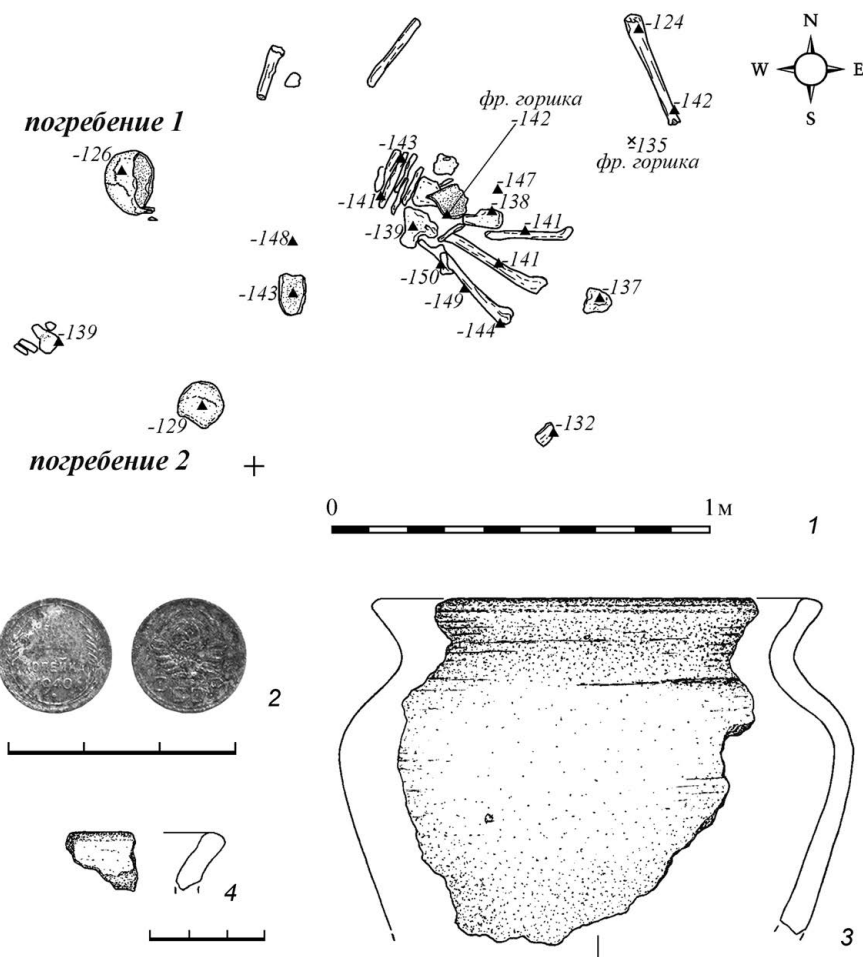

Рис. 9. Курганный некрополь Навры I, 2017. Курган 115.

1 – план разрушенных погребений по обряду ингумации, 2 – советская монета, 3, 4 – фрагменты кругового горшка (рис. Н. А. Плавинского)

В куче костей найден крупный фрагмент верхней трети кругового сосуда (рис. 9: 3). Еще один мелкий фрагмент венчика того же горшка обнаружен в слое гумусированного песка серого цвета (рис. 9: 4). На основании этих находок, курган 115 может быть предварительно датирован XI–XII вв.

Ритуальные действия, осуществленные в ходе возведения кургана 115, несмотря на значительную степень его повреждения, реконструировать относительно не сложно. Два погребения по обряду ингумации были помещены на древнюю дневную поверхность, вероятно, обращенными головами на запад. Следов какой-либо погребальной конструкции, в которой находились тела погребенных, не прослеживается, однако такая конструкция могла быть полно-

стью уничтожена грабительской ямой. Над погребениями был возведен курган, грунт для которого частично брался из ровиков вокруг основания насыпи.

Следует отметить, что случай аккуратного складывания грабителями кургана костей погребенного зафиксирован в некрополе Навры I уже второй раз. Аналогичное «уважительное» отношение грабителей к останкам погребенной было выявлено в 2012 г. в ходе изучения кургана 33 (Плавинский, Степанова, 2017. С. 435, рис. 6; Плавинский, 2017. С. 326–327, рис. 7).

Литература

- Авдусина С. А., Ениосова Н. В., 2001. Подковообразные фибулы Гнёздова // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М. С. 93–101.
- Звяруга Я. Г., Плавинский А. М., 1993. Наўры // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мн. С. 460.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 156–176.
- Плавинский А. М., Плавинский А. М., 2011. Наўры // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 2. Мн. С. 126.
- Плавинский А. М., Астапович Э. А., Сцяпанавна М. І., 2014. Раскопки курганнага могільніка Наўры і разведкі на Мядзельшчыне і Браслаўшчыне ў 2012 г. // МАБ. Вып. 25. Мн. С. 351–359.
- Плавинский Н. А., 2017. Курганный могильник Навры в верховьях Вилии // АИППЗ. Материалы 62-го заседания. Вып. 32. М.: ИА РАН. С. 320–340.
- Плавинский Н. А., 2018. Бескурганные погребения культуры смоленско-полоцких длинных курганов у деревни Навры Мядельского района Минской области // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М. С. 63–64.
- Плавинский Н. А., Степанова М. И., 2017. Материалы к реконструкции женского погребального головного убора населения Верхнего Повиля XI в. // В камне и в бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб. С. 433–444. (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).
- Покровский Ф. В., 1893. Археологическая карта Виленской губернии. Вильна.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Vlujienė A., 1999. Vikingų epochos kuršių papoušalų ornamentika. Vilnius.
- Cehak-Hońbówiczowa H., 1937. Materiał i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim // Rocznik archeologiczny. Wilno. T. 1. S. 5–49.
- Hońbówicz W., 1937. Ceramika słowiańska XI–XII wieku cmentarzyska koło wsi Nawry // Rocznik archeologiczny. Wilno. T. 1. S. 52–69.
- Wrosek A., 1937. Skielety z kurhanow w Nawrach w pow. Postawskim // Rocznik archeologiczny. Wilno. T. 1. S. 70–84.

* * *

Плавинский Николай Александрович, к. и. н., Минск,
Международный государственный экологический институт
имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета.
E-mail: plavinsky arc@mail.ru

В. Н. Кузнецова

Ювелирные изделия XII–XIII вв. в синкретичном «чудском» стиле¹

Резюме: В статье рассматриваются игольники с арочными ажурными спинками и шумящими привесками, массивные звенья цепей, фибулы со слитыми головками XII–XIII вв. Стилистическое решение таких изделий не позволяет связать их происхождение только с одной региональной традицией. Находки представляют собой многокомпонентное явление: в их основе форма, типичная для Северо-Запада Руси, но происхождение декора (в форме жгутов, косоплеток, волют и пр.) связано с территориями Волго-Камья. Автор полагает, что изделия выполнены в синкретичном стиле, что явилось отражением контактов между Северо-Западом и Северо-Востоком лесной зоны Восточной Европы.

Ключевые слова: украшение, игольник, подвеска, фибула, орнамент, Северо-Запад Древней Руси, Поволжье, Прикамье, финно-угры.

V. N. Kuznetsova. Jewelry of the 12th–13th cc. in the Syncretic “Chud” Style

Abstract: The article describes needle boxes with arched openwork backs and sound pendants, massive chain link and fibulas with fused heads of the 12th–13th cc. Stylistic pattern of such products does not allow to attribute their origin to only one regional tradition. The finds are a multi-component phenomenon: their form is typical for the North-West of Russia, but the origin of the decor (in the form of plaits, oblique weaving, volutes, etc.) is associated with the territories of the Volga-Kama region. The author believes that the products are made in a syncretic style, which was a reflection of the contacts between the North-West and the North-East of the forest zone of Eastern Europe.

Keywords: decoration, needle box, pendant, fibula, ornament, North-West of Ancient Rus, Volga region, Kama region, Finno-Ugric peoples.

В материалах Северо-Запада и Северо-Востока Руси XII–XIII вв. встречаются украшения и детали костюма, украшенные массивным орнаментом: жгутами, плетенкой, волютами и пр. Культурно-региональная принадлежность

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40111. Название проекта: «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения» (руководитель Н. И. Платонова).

изделий в историографии определялась различным образом, часто они рассматривались как характерные прибалтийско- или волжско-финские украшения, или же в целом ассоциировались с финно-угорским миром. В то же время стилистическое решение таких изделий не позволяет связать их только с одной изобразительной традицией.

В рамках данной статьи будут рассмотрены находки, в которых синкретичный «чуждой» стиль проявился наиболее ярко: игольники с арочными ажурными спинками и шумящими привесками, массивные звенья цепей, некоторые разновидности фибул (рис. 1–3).

Находки игольников с арочной ажурной спинкой немногочисленны, однако имеют весьма широкую географию. Изделия в целом датируются XII–XIII вв. и были встречены на территории от Прибалтики до Западной Сибири (рис. 4). Наиболее подробно они рассматривались Л. А. Голубевой в статье «Игольники восточноевропейского севера X–XIV вв.» (1978), были отнесены к отдельной группе, которая включала три типа² (Голубева, 1978. С. 203–204).

Для данной статьи интерес представляют первые два. Примечательно, что Е. А. Рябинин, говоря о классификации наборных коньков, составленной Л. А. Голубевой, отмечал ее излишнюю дробность: «Состояние источников делает эту классификацию во многом формальной <...> К тому же серии предметов, выделяемые по одному-двум общим признакам, не проявляют достаточно четких отличий при сопоставлении с соседними группами» (Рябинин, 1981. С. 33). Классификация игольников не столь дробная, как в случае с зооморфными подвесками, однако выделенные два «типа», скорее, говорят о вариативности орнамента. По всей вероятности, их следовало бы рассматривать в рамках одного типа – как подтипы или варианты. Тем более каждое изделие – даже относящееся к одному типу, по Л. А. Голубевой – имеет индивидуальный характер (Голубева, 1978. С. 203–204. Рис. 1: 12–14).

Среди наиболее западных находок – игольник из каменного могильника Мади (*Selirand*, 1974. *Tahvell XXXI: 3*) (рис. 1: 1). Примечательно, что в памятниках на территории Латвии и Эстонии известны арочные подвески, не имеющие функции игольников. Пропорции и оформление последних различны. Центральная часть заполнена косорешетчатым орнаментом, как правило, изделия дополнены привесками на щитковых звеньях (*Мугуревич*, 1965. Табл. XXVI: 12; *Тыннисон*, 1984. Рис. 1: 20; *Tõnisson*, 1974. *Taf. XXXIV*). Такая форма звеньев чаще всего встречается в украшениях Волго-Камья. Впрочем, форма привесок различна. Так, случайная находка из д. Карла (вол. Козе, Эстония) дополнена фигурными привесками ф-видной формы (*Selirand*, 1974. *Tahvell XXXI: 4*), часто встречающимися на прибалтийских украшениях (*Тыннисон*, 1984. Рис. 1: 22–23).

² Последний тип дополнен изображением коней по краям подтреугольного выступа, постройки, согласно интерпретации Л. А. Голубевой и др. Полагаю, что сам факт наличия зооморфных изображений диктует отнесение этих изделий к другой группе.

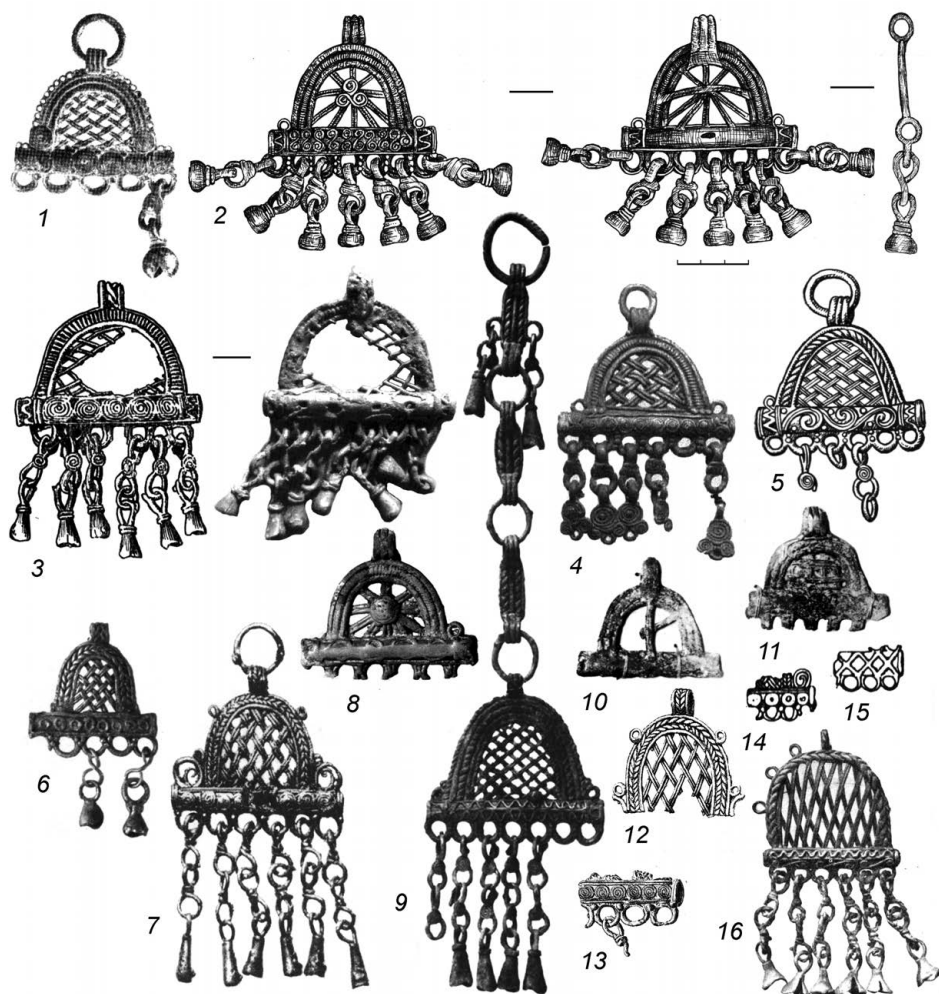

Рис. 1. Игольники с арочной ажурной спинкой.

1 – Мадри (по: *Selirand*, 1974. Таһvell XXXI: 3); 2 – Никольщина (ГЭ 1416/6); 3 – Щепняк (по: *Кочуркина*, 1989. Рис. 91 4; *Енисова*, 2017. Рис. 25: 1); 4 – Шахново (по: *Бранденбург*, 1895. Табл. V: 4); 5 – Тихвинский район (По: *Голубева*, 1978. Рис. 1: 12); 6 – Новгород (по: *Колчин*, *Янин*, *Ямицков*, 1985. № 114); 7 – Тихманьга (по: *Ясински*, *Овсянников*, 1998. Рис. 10); 8 – Семеново (По: РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 49. Л. 15); 9 – Пустошь Мостицево (по: *Нефедов*, 1899. Табл. 2: 1); 10 – Елктово, гр. III; 11 – Елктово, гр. IV (по: РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 49. Л. 29); 12 – Кипрушева (по: *Спицын*, 1902. Табл. III: 5); 13 – Михалева (по: *Спицын*, 1902. Табл. XIII: 10); 14 – Ыджыдзьельский мог. (по: *Савельева*, *Истомина*, *Королев*, 1997. Рис. 20: 35); 15 – Кокпомьягский мог. (по: *Савельева*, *Истомина*, *Королев*, 1997. Рис. 20: 36); 16 – Кинтусовский мог. (по: *Чернецов*, 1957. Табл. XLI: 2)

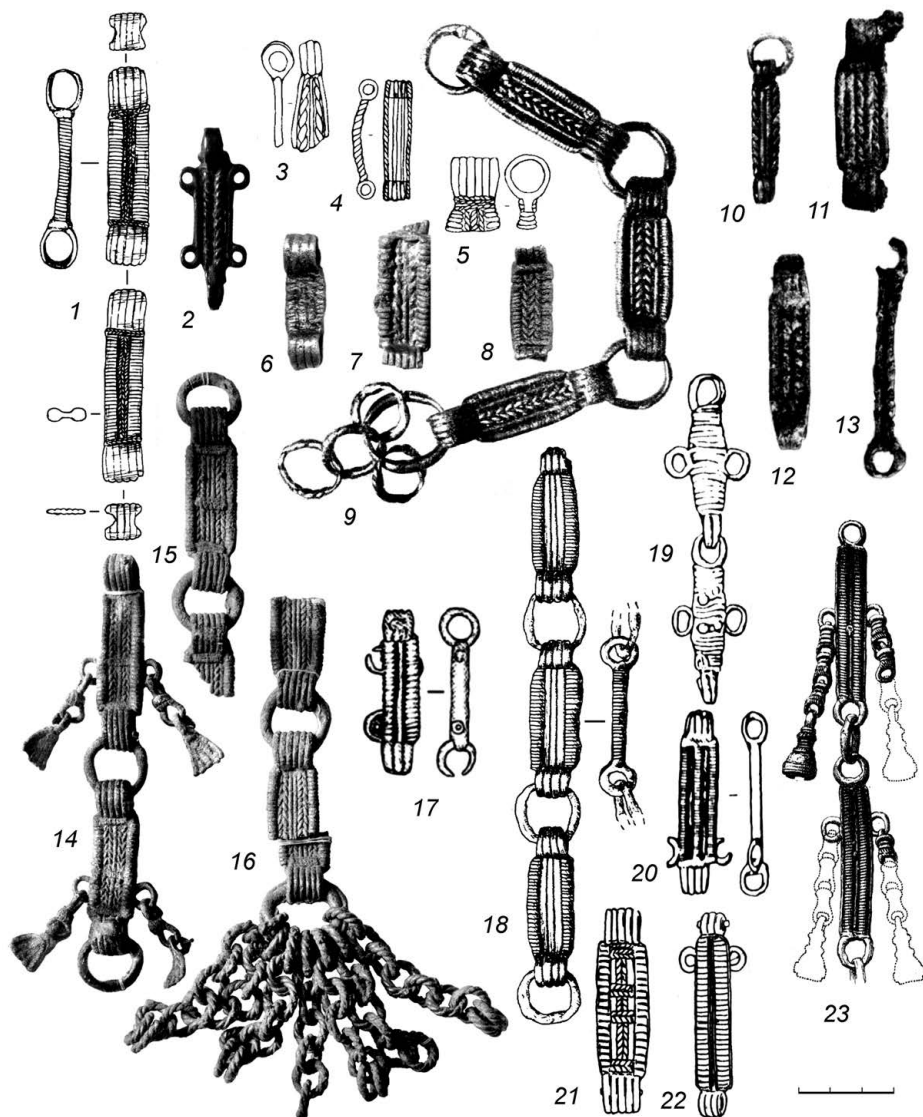

Рис. 2. Массивные звенья.

1 – Старая Ладога (Староладожский музей-заповедник, КП-96068 А-18477); 2 – Паасо (по: Кочуркина, 2017. Рис. 33: 8); 3–8 – Белоозеро (по: Захаров, 2004. Рис. 102: 1–6); 9 – Нефедьево 1А погр. 6 (по: Макаров, 1990. Табл. XXII: 7); 10 – Нефедьево, погр. 68 (по: Макаров, 1997. Табл. 148: 6); 11 – Юмижский мог. (по: Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 37: 7); 12–13 – Кузомень I (Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 4: 1–2; рис. 37: 7); 14–16 – Гоменка (по: РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 60об); 17 – Унжа (по: Щербаков, 2017. Рис. 4: 14); 18 – Шойнагы II (По: Королев, 2013. Рис. 28: 13); 19–20 – Ыджыдзьельский мог. (по: Савельева, Истомина, Королев, 1997. Рис. 20: 28–29); 21 – Глазовский уезд (по: Иванов, 1998. Рис. 57: 9); 22 – Гурдошурское поселение (по: Иванов, 1998. Рис. 57: 9–10); 23 – Большая Коча (по: Спицын, 1902. Табл. XXIII: 10)

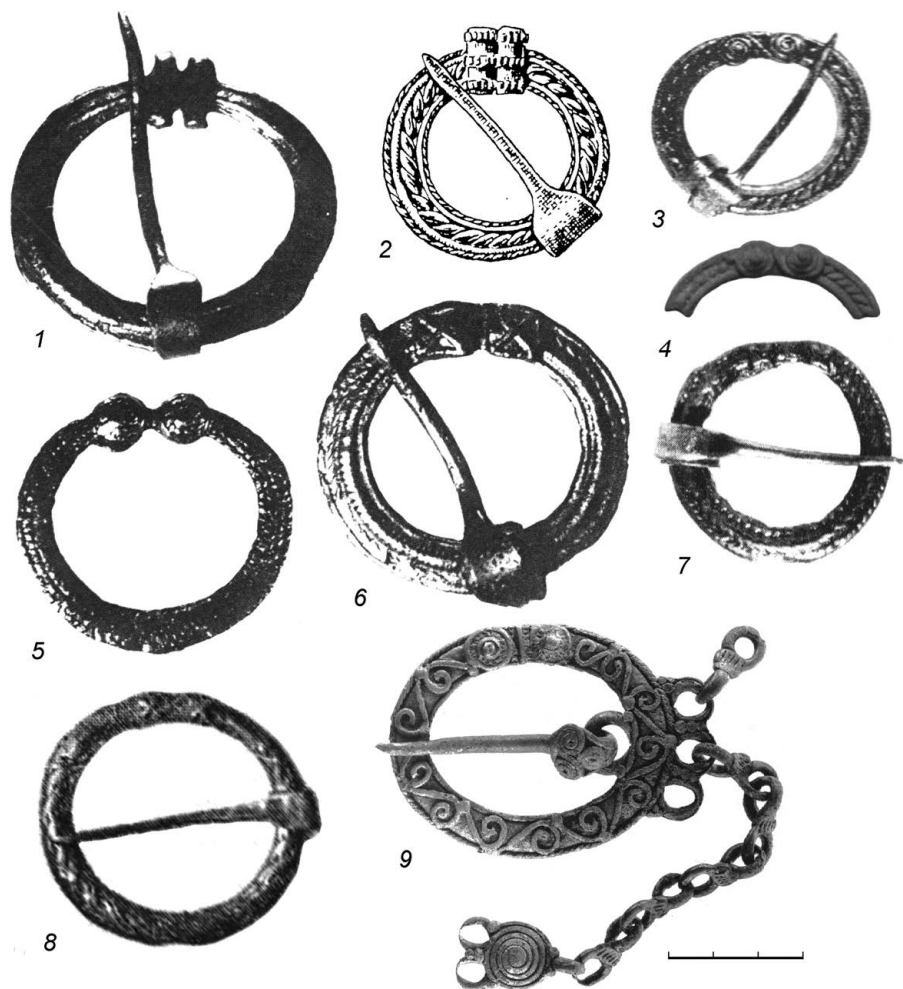

Рис. 3. Фибулы.

1, 5–6 – Корбальский мог. (Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 28); 2 – Кривец (по: Рябинин, 1997. Рис. 47: 2); 3 – Нефедьево, погр. 71 (по: Макаров, 1997. Табл. 143: 11), 4 – Гротреск (по: *Serning*, 1956. Pl. 38: 24); 8 – Воскресенское (по: *Tallgren*, 1931. Fig. 6); 9 – Старая Русса

В Приладожье игольницы были встречены в курганных могильниках Никольщина (ГЭ 1416/6), Щепняк (Кочуркина, 1989. С. 279. Рис. 91: 4), Шахново (Бранденбург, 1895. Табл. V: 4). Одна находка также происходит из Тихвинского района (Голубева, 1978. Рис. 1: 12) (рис. 1: 2–5). Вероятно, такая концентрация изделий и послужила причиной того, что Л. А. Голубева считала находки работой местных мастеров (Там же. С. 203).

Захоронение 2 из кургана 1 у д. Щепняк, собственно, из которого и происходит игольник, С. И. Кочуркина датировала XII в. (Кочуркина, 1989. С. 164). Техника изготовления этого изделия анализировалась Н. В. Енисо-

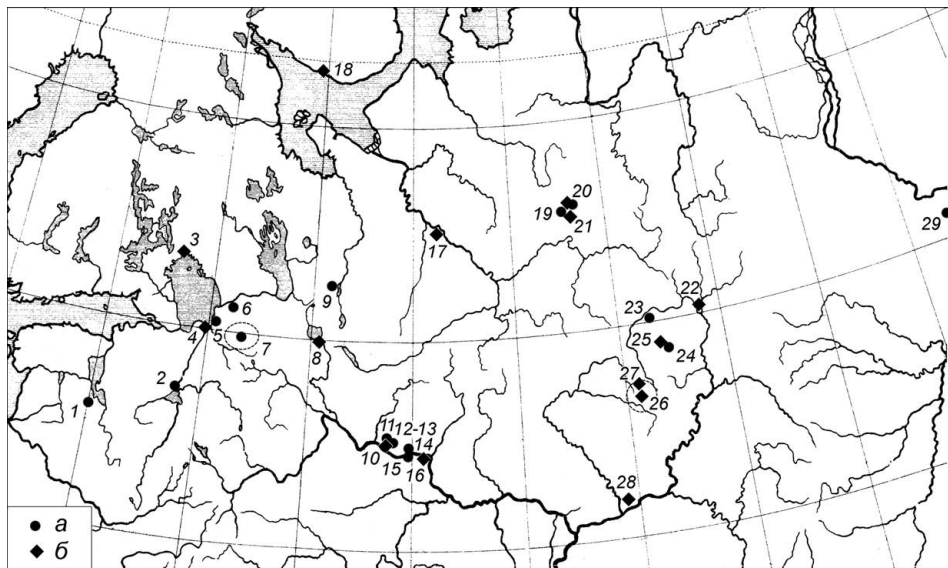

Рис. 4. Карта находок игольников с арочной ажурной спинкой и массивных звеньев цепей.

Условные обозначения: а – игольники; б – звенья. 1 – Мади; 2 – Великий Новгород; 3 – городище Паасо; 4 – Старая Ладога; 5 – Шахново; 6 – Никольщина; 7 – Тихвинский р-н; 8 – Белоозеро; 9 – мог. Тихманьга; 10 – мог. Гоменка; 11 – Семенково; 12–13 – Елкотово; 14 – Зимнево; 15 – Мостищево; 16 – Покров; 17 – Юмижский мог.; 18 – Кузомень I; 19 – Кокпомьягский мог.; 20 – Ыджыдьедьский мог.; 21 – Шойнаты II; 22 – Мало-Аниково; 23 – д. Михалева; 24 – Кипрушева; 25 – Большая коча; 26 – Гурдошур; 27 – Глазовский уезд; 28 – Мурзинское селище; 29 – Кинтусовский мог.

вой; исследовательница отметила, что игольник был отлит по оригинальной восковой модели, «собранный вручную из жгутов, спиралей и полос... Отливка производилась в неразъемной форме целиком, для каждой детали подводился отдельный литник» (Енисова, 2017. С. 130–131). Вероятно, данные могут быть экстраполированы и на остальные древнерусские находки этой категории.

Находка из Шахново относится к вещам из курганов, которые «были раскапываемы местным землевладельцем г. Извековым, но не надлежащим образом» (Бранденбург, 1895. С. 131). Примечательно, что среди этих находок также была встречена копоушка, стилистически близкая игольнику: корпус украшен спиральями и витыми жгутами, привески составлены из волют и прикреплены при помощи щитковых звеньев (Там же. Табл. V: 2).

Игольники с арочной ажурной спинкой происходят также из слоя Новгорода конца XII в. (Седова, 1981. С. 35; Колчин, Янин, Ямщиков, 1985. № 114) (рис. 1: б) и могильника у д. Тихманьга (Архангельская обл., Каргопольский р-н) (рис. 1: 7), который был раскопан местными жителями. Последняя находка М. Э. Ясински и О. В. Овсянниковым была отнесена к погребению 1, в котором также находились подковообразная фибула со спирально-загнутыми концами, зонные бусы, монеты XI в. (Ясински, Овсянников, 1998. С. 34–35. Рис. 10).

Четыре находки происходят из костромских курганов XII–XIII вв.: Пустошь Мостищево, курган 2 (*Нефедов*, 1899. С. 216. Табл. 2: 1); у д. Семенково, курган 18 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 49. Л. 9, Л. 15); у д. Елктово, группа III, курган 2 и группа IV, курган 1 (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 49. Л. 29) (рис. 1: 8–11). Три последние, а также изделие из курган 6 у д. Зимнево в Ивановской области Л. А. Голубева считала неудачными подражаниями приладожским изделиям: «Отливка их грубая, орнамент щитка искажен, вместо петель внизу – бесформенные выступы» (*Голубева*, 1978. С. 203). Здесь следует отметить, что следы литейного брака присутствуют и на северо-западных изделиях. Что же касается Костромского Поволжья, то в реальности здесь представлено наибольшее количество вариантов декора.

Фрагменты предположительно подобных игольников были найдены в Прикамье в д. Кипрушева и д. Михалева (изделия происходят из коллекции Теплоуховых) (*Спицын*, 1902. Табл. III: 5; XIII: 10) (рис. 1, 12–13), в Ыджыдзельском и Кокпомьягском могильниках на территории республики Коми (*Савельева, Истомина, Королев*, 1997. Рис. 20: 35–36) (рис. 1: 14–15). Подобные изделия проникали и за Урал. Так, можно отметить находку из Кинтусовского могильника, датированного X–XIII вв. (*Чернецов*, 1957. С. 224. Табл. XLI: 2) (рис. 1: 16). Несколько изделий были найдены на о. Вайгач³.

Л. А. Голубева полагала, что игольники с арочной ажурной спинкой производились в Приладожье: «Девять игольников, изготовленных в Приладожье [курсив – В. К.], выполнены в сложной технике... Такие игольники появились в XII в. и свидетельствуют о высокой технике и стойких традициях местных финно-угорских мастеров, превративших предмет чисто утилитарного назначения в нарядную шумящую подвеску» (*Голубева*, 1978. С. 203). Е. А. Рябинин высказывался более осторожно, отмечая, что подобные игольники свидетельствуют «о связях Костромского Поволжья с Юго-Восточным Приладожеством» (*Рябинин*, 1986. С. 84).

Однако находки значительно отличаются от украшений, характерных для Приладожья. Арка щитка сформирована косоплеткой или выпуклыми жгутами. Разнообразные плетенки и косички характерны для волжско-финской средневековой металлопластики, например, «коньков» владимирского типа, о которых уже шла речь выше (*Голубева*, 1979. Табл. 13: 9–13; *Рябинин*, 1981. Табл. XIV–XVII; *Спицын*, 1905. №№ 412–416). Выпуклые жгуты (А. В. Вострокнутов обозначал эти элементы как ряды тордированных или псевдотордированных проволок: *Вострокнутов*, 2016а) – оформляют разнообразные изделия Прикамья, в частности, арочные подвески конца XI–XIII в. (*Спицын*, 1902. Табл. XII: 6, 12, 13). Собственно форма спинки в виде ажурной арки, скорее всего, также является заимствованной из волго-уральской металлопластики.

³ Номера в Гос. каталоге: 17234698 (ГИМ 108263/796: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17366616>); 17234670 (ГИМ 108263/797: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17366716>); 17234665 (ГИМ 108263/795: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17366769>); 20283895 (ГИМ 108263/1099: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20419746>) (дата обращения 05.12.2019).

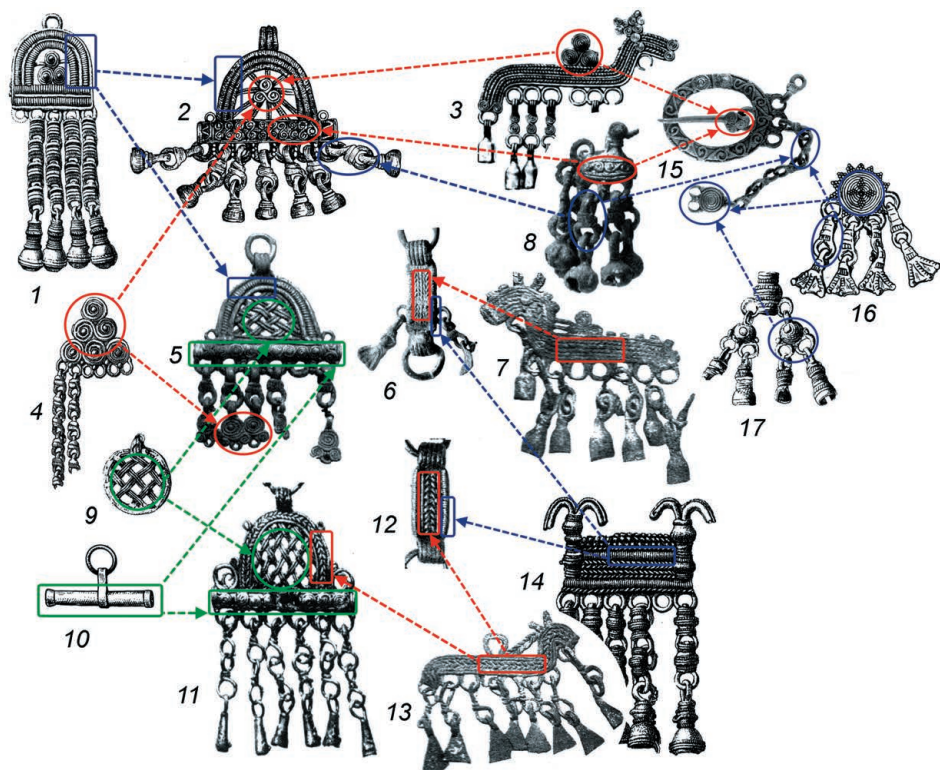

Рис. 5. Стилистические параллели в оформлении синкретичных украшений с изделиями Поволжья, Прикамья и Северо-Запада Руси.

1, 14 – Михалева (по: Спицын, 1902. Табл. XII 66; Табл. XL: 1); 2 – Никольщина (ГЭ 1416/6); 3, 13 – Владимирские курганы (3 – по: Спицын, 1905. Рис. 415; 13 – по: Рябинин, 1981. Табл. XVI: 4); 4 – Мальцева (по: Спицын, 1902. Табл. XI: 13); 5 – Шахново (по: Бранденбург, 1895. Табл. V: 4); 6 – Гоменка (по: РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 60об.); 7 – Давыдовское (по: Рябинин, 1981. Табл. XVI: 1); 8 – Костромские курганы (по: Нефедов, 1899. Табл. 3: 16); 9 – Сяглицы (по: Спицын, 1896. Табл. VI: 10); 10 – Никольское (по: Голубева, 1978. Рис. 1: 3); 11 – Тихманьга (по: Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 10); 12 – Нефедьево 1А (по: Макаров, 1990. Табл. XXII: 7); 15 – Старая Русса; 16 – Качкашурский мог. (по: Иванов, 1998. Рис. 29: 7); 17 – Вакина (по: Спицын, 1902. Табл. X: 6)

На территории Северо-Запада Руси известно несколько импортных арочных подвесок (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 62–63). Еще один элемент декора, характерный для Поволжья – волюты. На игольниках они часто украшают трубочку, на экземплярах из Никольщины и Семеново также центральную часть спинки, в изделия из Шахново мотив волют был использован и в оформлении привесок. Спирали также используются в декоре полых полиморфных подвесок XII–XIII вв. – оформляют «ушки/рожки», присутствуют в орнаментальных поясах, проходящих по низу корпуса (Кузнецова, 2018. С. 141–142. Рис. 4: 1–3) (рис. 5: 1–5, 8, 11, 13).

В то же время, как верно заметила Л. А. Голубева, косорешетчатое заполнение арки игольников «повторяет рисунок на круглых подвесках XII–XIII вв., характерных для Новгородской земли» (Голубева, 1973. С. 41). Впрочем, это не единственная ассоциация с северо-западными изделиями. Сама идея горизонтального трубчатого игольника связана с Северо-Западом лесной зоны Восточной Европы (рис. 5: 5, 9–11). Такие игольники встречаются в Приладожье с X в., но, как писала Л. А. Голубева, игольник «с одной вертикальной петлей для подвешивания – не был местным изобретением, так как такие игольники бытовали ранее в Швеции, Норвегии, Латвии, Эстонии» (Голубева, 1978. С. 202). Исследовательница полагала, что из Приладожья такие изделия распространились на территорию Белозерья и Ярославского Поволжья (там же. С. 202).

Таким образом, мастера Северо-Востока Руси были знакомы с северо-западной формой игольника. В то же время находки украшений с территории Волго-Камья известны на Северо-Западе Руси (Кузнецова, Григорьева, 2017). Полагаю, что игольники с ажурным арочным щитком выполнены в синкретичном стиле и являются своего рода отражением контактов между весьма удаленными друг от друга территориями.

Примечательной находкой для изучения синкретичного стиля в украшениях XII–XIII вв. являются прямоугольные звенья, с крупными петлями на концах (рис. 2; 4). Декоративное решение находок очень вариативно. Чаще всего встречаются два основных варианта декора. Звенья первого варианта имеют выпуклые края; центральная часть заполнена «косичками», витыми и гладкими жгутами, края имеют форму валиков с насечками. Звенья второго варианта с ровными краями, они составлены из гладких и витых жгутов. Некоторые звенья (обоих вариантов) дополнены по бокам петлями для шумящих привесок. Известны как отдельные находки звеньев, так и цепочки из двух-пяти экземпляров, соединенных кольцами.

Находки отдельных звеньев происходят из Старой Ладogi⁴, городища Паасо (Кочуркина, 2017. Рис. 33: 8), Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 102: 1–6), городища Унжа (Щербаков, 2017. Рис. 4: 14), Мурзихинского селища (Руденко, 2015. Рис. 104: 23–25; рис. 105: 37), бывшего Глазовского уезда, Гурдошурского поселения (Иванов, 1998. Рис. 57: 9–10), могильников Нефедьево (погр. 68) (Макаров, 1997. Табл. 148: 6), Кузомень I, Юмижского (Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 4: 1–2, рис. 37: 7) и Блджыдзельского (Савельева, Истомина, Королев, 1997. Рис. 20: 29) (рис. 2: 1–8, 10–13, 17, 20–22). Цепи из нескольких деталей происходят из костромских курганов, из межмогильного пространства могильника Шойнаты II XI–XII вв., расположенного на р. Вычегде (Королев, 2013. Рис. 28: 13), из погребения 6 могильника Нефедьево 1А на р. Иткла XII в. (Макаров, 1990. С. 167) (рис. 1: 9; рис. 2: 9, 14–16, 18).

Изделия из Костромских курганов первого варианта были введены в научный оборот в числе первых. К сожалению, их контекст не вполне ясен. Изделия происходят из курганов у д. Гоменка и с. Покров. На первом памятнике 6 из 8 курганов «были разрыты крестьянином <...> Василием Петровым» (Бека-

⁴ Староладожский музей-заповедник, КП-96068 А-18477. Случайная находка, обнаружена на левом берегу р. Волхов к югу от Успенского монастыря в Старой Ладогe.

ревич, 1901. С. 380). Цепь из массивных звеньев происходит из одного из «разрытых» комплексов (Там же. С. 382; РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Л. 60об.) (рис. 2: 14–16). Вторая находка была встречена в кургане 8 у с. Покров, который также был раскопан одним из местных жителей (Бекаревич, 1901. С. 413).

Н. М. Бекаревичем костромские находки были интерпретированы как «бронзовые части от пояса», «часть массивного поясного набора» (там же, 1901. С. 382, 413). В дальнейшем Е. И. Горюнова писала, что «в могилах, принадлежавших, видимо, особо почитаемым лицам, можно встретить богато украшенные поясные наборы <...> и даже целиком серебряные пояса, сделанные из соединенных кольцами отдельных звеньев, подражающих проволочной технике» (Горюнова, 1961. С. 243). С ссылкой на данное исследование подобные находки с территории республики Коми интерпретировались в качестве поясов и их деталей Э. А. Савельевой, Т. В. Истоминой и К. С. Королевым (Савельева, Истомина, Королев, 1997. С. 640. Рис. 20: 28–29; Королев, 2013. С. 9) (рис. 2: 18–20).

Е. А. Рябинин сомневался в принадлежности изделий из костромских курганов к поясной гарнитуре, указывая на департизованность находок, а также на наличие петель с шумящими привесками, «их расположение могло быть целесообразным только при вертикальном, а не горизонтальном, как для пояса, ношении самого набора» (Рябинин, 1986. С. 72).

А. В. Вострокнутов, говоря о находках из Прикамья, обозначил их как «пластинчатые сегменты сборных украшений» и отмечал, что «эти изделия должны были располагаться вертикально» (Вострокнутов, 2016а. С. 16). В качестве доказательства исследователь приводил следующее утверждение: «Если предположить, что рассматриваемые украшения носились в качестве пояса, то необходимости делать на каждом сегменте по две петли напротив друг друга не было бы – в этом случае при ношении одна привеска всегда бы оказывалась перегнутой, то есть занимала неправильное положение» (Вострокнутов, 2016б. С. 127). Из Пермского Предуралья происходят семь находок, однако только две из них имеют точную географическую привязку – изделия найдены на Мало-Аниковском могильнике и в с. Большая Коча (Вострокнутов, 2016б. С. 125–126; Спицын, 1902. С. 61. Табл. XXIII: 10) (рис. 2: 23).

На сегодняшний день известен единственный погребальный комплекс, где цепочка из звеньев с выпуклыми краями зафиксирована *in situ* – погребение 6 могильника Нефедьево 1А, принадлежавшее зрелой женщине (рис. 2: 9). Изделие находилось в области живота погребенной справа (Макаров, 1990. С. 167). Н. А. Макаров писал о том, что назначение цепочки не вполне понятно, и относил к «кругу восточнофинских древностей» (там же. С. 78).

С. Д. Захаров полагал, что «одиночные и сдвоенные звенья могли употребляться для ношения поясных и нагрудных подвесок» (Захаров, 2004. С. 191).

Автор данной статьи склонна поддерживать мнения Е. А. Рябининой, С. Д. Захарова и А. В. Вострокнутова. Полагаю, что наиболее корректной является интерпретация данных находок в качестве звеньев цепей, вне зависимости от наличия или отсутствия петель для шумящих привесок. На сегодняшний день не известны находки, которые могли бы подтвердить использование звеньев в качестве пояса. Более того, экземпляры из Нефедьево и Гоменки

дополнены колечками с одного конца, которые вряд ли можно связать с конструктивными особенностями пояса, очевидно, они исполняли роль шумящих привесок. Подкрепляет такую интерпретацию и находка из кургана 2 пустоши Мостищево (Костромская губ., Кинешемский у.) в Костромском Поволжье (ГЭ 1043/203) (Рябинин, 1986. С. 72) (рис. 1: 9). Здесь звенья с гладкими краями составляли цепочку, к которой крепился арочный игольник: «на груди цепочка бронзовая, по концам ее колокольчики и бляшка» (Нефедов, 1899. С. 216).

Центральная часть звеньев напоминает оформления разнообразных волжско-финских изделий, а также некоторых изделий, характерных для культур Предуралья XI–XIII вв. К примеру, схожий рисунок будет представлен на биякорьковых подвесках (рис. 5: 6–7, 12–14), однако у данных изделий есть и лицевая, и обратная стороны, так же как у звеньев, происходящих из Пермского Предуралья⁵. В то время как на звеньях из древнерусских памятников обе стороны имеют идентичный рисунок. Очевидно, техника их производства различалась.

Что же касается самой формы – металлической цепи для подвешивания, то она не свойственна убору населения Волго-Камья. Разнообразные цепи (как с проволочными, так и с литыми звеньями) характерны для костюма населения Северо-Запада Руси (Рябинин, 1997. Рис. 27, 9; Рябинин, 2001. Табл. XLI: 16; Спицын, 1896. Табл. VI: 4–7, 24; VII: 21–22).

Следует отметить одну особенность: у массивных звеньев, игольников и даже у упоминавшейся выше копоушки (Бранденбург, 1895. Табл. V: 2) петли для подвешивания или для соединения с другими деталями зачастую оформляются схожим образом – тремя-четырьмя валиками. Аналогичное решение представлено в треугольных подвесках (Рябинин, 1986. Табл. V: 6–7; Макаров, 1990. Табл. XXVII: 13). Эта небольшая деталь также свидетельствует об общей стилистике.

Интересные тенденции проявились и в оформлении фибул. На территории Белозерья, Поонежья и Верхневолжья известны находки северо-западных застежек. Однако помимо непосредственных импортов на этих территориях начиная с XI в. появляются их имитации – фибулы с соединенными концами, изготовленные в технике литья по оттиску (с подковообразных фибул) (Рябинин, 1997 С. 132–133; Макаров, 1997. С. 42–44. Рис. 18). Н. А. Макаров писал, что «во второй половине XII–XIII вв. этот вариант фибул становится особым локальным типом севернорусских украшений» (Макаров, 1997. С. 44). Е. А. Рябинин, говоря о подобных находках, в качестве особенности некоторых из них отмечал орнамент – в форме «косоплетки» на дуге (Рябинин, 1997 С. 133). Этот элемент действительно важен, т. к. свидетельствует о приспособлении изделия, типичного для Северо-Запада Руси, к местным вкусам (рис. 3: 2–3).

Обращают на себя внимание находки, в которых сомкнутые головки были превращены в декоративный элемент. На фибулах из погребения 71 могильника Нефедьево (Макаров 1997. Табл. 143: 11), Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 82: 12) и жертвенника Гротреск в Шведской Лапландии (Sermin, 1956. Pl. 38: 24) эта часть передана двойной волутой (рис. 3: 3–4). На изделиях

⁵ Автор выражает благодарность А. В. Вострокнутову за консультацию.

из с. Воскресенское (Васильевское городище) (Tallgren, 1931. Fig. 6), Корбальского могильника (Ясински, Овсянников, 1998. Рис. 28), погребения 53 могильника Нефедьево (Макаров, 1997. Табл. 149: 1) – прямоугольными или округлыми рельефными выступами (рис. 3: 5–8). Говоря о фибуле из с. Воскресенского в Поважье (рис. 3: 8), Е. А. Рябинин обозначил ее орнамент как «близко напоминающий декор древнекарельских фибул» и считал, что находку следует рассматривать «в едином контексте с наличием в той же коллекции прибалтийско-фенноскандинавских украшений» (Рябинин, 1997. С. 133). Полагаю, что все же здесь имеет место несколько иной контекст. В данном случае, скорее, мы имеем дело с заимствованием определенного декоративного элемента из северо-западной традиции, а не непосредственной принадлежностью ей.

Уникальная на сегодняшний день находка происходит из Старой Руссы из раскопок А. Ф. Медведева 1968 г. (пласты 14–16)⁶ (рис. 3: 9). Вместо слитых головок здесь находятся две окружности с выпуклым центром. На дуге рельефный орнамент в виде завитков. С одной стороны, как и в случае с фибулой из Воскресенского, он может быть рассмотрен как аллюзия на декор карельских фибул (Рябинин, 1997. Рис. 19: 2; 21: 1). С другой стороны, такой декор – в виде рельефных волнистых линий и завитков – характерен для полых полиморфных и конических подвесок, которые, в свою очередь, были распространены на территории Верхнего Поволжья и Белозерья (Нефедов, 1899. Табл. 3: 16; Кузнецова, 2018. Рис. 4: 1–3; Макаров, 1990. Табл. XXII: 13, 18). В пользу ассоциации именно с этим кругом изделий говорят и жгуты, оконтуривающие корпус фибулы, и волюты, расположенные на дужке иглы. Совершенно нестандартным элементом являются петли для привесок, расположенные сбоку изделия (если считать верхней частью участок с редуцированными головками). К ним прикреплены длинные цепочки, составленные из щитковых звеньев. Привеской является умбоновидное, или волютообразное, украшение. Собственно, оно, как и щитковые звенья цепочек, является характерным для Волго-Камья (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 65). Все обозначенные элементы также фигурируют в декоре игольников, о которых шла речь выше. В целом, как и в случае с массивными звеньями цепей, здесь используется северо-западная форма, но декор имеет северо-восточные истоки (рис. 5: 3, 8, 15–17).

Безусловно, довольно сложно сделать однозначный вывод о происхождении синкретичных изделий – появились ли они в мастерских Новгородской земли в результате подражания импортным изделиям Волго-Камья или же, наоборот, были созданы на Северо-Востоке «по мотивам» северо-западных украшений, с привнесением местной специфики. Судя по вариативности декора, можно допускать существование нескольких центров или как минимум нескольких мастерских. Очевидно одно: в период XII–XIII вв. появились украшения, в которых соединились две традиции – Северо-Запада и Северо-Востока лесной зоны Восточной Европы, что оказалось своего рода отражением контактов между регионами.

⁶ Автор выражает глубокую признательность С. Е. Торопову за информацию о находке.

Литература

- Бекаревич Н. М.*, 1901. Дневники раскопок курганов, произведенных Членами Комиссии в 1895–1899 гг., под руководством Непременного Члена Комиссии Н. М. Бекаревича // Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромскою губервною архивной комиссией. Вып. 5. Кострома. С. 303–462.
- Бранденбург Н. Е.*, 1895. Курганы Южного Приладожья (МАР. № 18).
- Вострокнутов А. В.*, 2016а. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. Автореф... канд. ист. наук. Барнаул.
- Вострокнутов А. В.*, 2016б. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. Дисс... канд. ист. наук. Барнаул.
- Голубева Л. А.*, 1973. Вещь и славяне на Белом озере. М.
- Голубева Л. А.*, 1978. Игольники восточноевропейского севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С. 199–204.
- Голубева Л. А.*, 1979. Зооморфные украшения финно-угров (САИ. Вып. Е1-59). М.
- Горюнова Е. И.*, 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья (МИА. № 94). М.
- Енисосова Н. В.*, 2017. Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера // Кочуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск. С. 117–138.
- Захаров С. Д.*, 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Иванов А. Г.*, 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск.
- Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В.*, 1985. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.
- Королев К. С.*, 2013. Предки коми-зырян на Средней Вычегде (XI–XIV вв.). Сыктывкар.
- Кочуркина С. И.*, 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.
- Кочуркина С. И.*, 2017. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск.
- Кузнецова В. Н.*, 2018. «Кони-птицы», полье зооморфные подвески Древней Руси XII–XIV вв. // ННЗ. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода. Великий Новгород, 25–27 января 2017. Вып. 31. С. 139–147.
- Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В.*, 2017. Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 12. С. 60–73.
- Макаров Н. А.*, 1990. Население русского севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М.
- Макаров Н. А.*, 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.
- Музуревич Э. С.*, 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига.
- Нефедов Ф. Д.*, 1899. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. III. М. С. 161–236.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 51. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии в 1895 г.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 49. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии в 1895 г.
- РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 49. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках членов Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии.

- Руденко К. А.*, 2015. Исследования IV Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань.
- Рябини́н Е. А.*, 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. (САИ. Вып. Е1-60). Л.
- Рябини́н Е. А.*, 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
- Рябини́н Е. А.*, 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.
- Рябини́н Е. А.*, 2001. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.
- Савельева Э. А., Истомина Т. В., Королев К. С.*, 1997. Пермь вычегодская (XI–XIV вв.) // Археология Республики Коми. М.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Спицын А. А.*, 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского (МАР. № 20).
- Спицын А. А.*, 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых (МАР. № 26).
- Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. С. 84–172.
- Тытиссон Э.*, 1984. Некоторые вопросы идеологии и этнические традиции в Эстонии в XI–XIII вв. (по материалам городища Лыхавере) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады третьего советско-финского симпозиума по вопросам археологии, 11–15 мая 1981. Л. С. 181–187.
- Чернецов В. Н.*, 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Смирнов А. П., Мошинская В. И., Чернецов В. Н., Золотарёва И. М. Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири (МИА. № 58). М. С. 136–245.
- Щербаков В. Л.*, 2017. Археологические исследования летописной Унжи 2014–2015 гг. // АВСЗ. Вып. 7. С. 110–122
- Ясински М. Э., Овсянников О. В.*, 1998. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Т. I. СПб.
- Selirand J.*, 1974. Eestlaste matmiskombed varafeodaal-sete suhete tärkamise perioodil (11.–13. sajand.). Tallinn.
- Serning I.*, 1956. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. Stockholm.
- Tallgren A. M.*, 1931. Biarmia // Eurasia Septentrionalis Antiqua. VI. Helsinki. P. 100–120.
- Tönisson E.*, 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. – Anfang 13. Jhs.) Tallinn.

* * *

*Кузнецова Валентина Николаевна, к. и. н.,
Санкт-Петербург, Российский этнографический музей.
E-mail: valentkuznets@mail.ru*

Р. Спиргис

Находки иконок с изображением Св. Георгия на территории Латвии¹

Резюме. В публикации рассматривается серия найденных на территории Латвии круглых подвесок-образков с изображением копейщика-змеборца. Всего в настоящий момент известно о 14 находках из восьми памятников. Шесть из них – это случайные находки на могильниках, три – найдены на двух городищах. Еще пять иконок происходят из четырех захоронений на двух могильниках. Все подвески односторонние и принадлежат одному варианту. На территории Латвии находки концентрируются в двух основных регионах в среднем течении р. Даугава и в бассейне р. Гауя, которые в позднем железном веке населялись носителями латгальской материальной культуры. Обзор хронологии иконок показал, что образки на территории Латвии появляются не ранее конца XII в. и используются вплоть до конца XIV в. Особый интерес вызывают детали изображения Победоносца, в которых узнаются синхронные элементы западного военного дела.

Ключевые слова: подвески-образки, Св. Георгий, иконография, латгалы.

R. Spīrgis. Finds of Icons with an Image of St George in Present-day Latvia

Abstract. The publication examines circular bronze pendant icons with an image of St George found in present-day Latvia. Currently, there is information about 14 such finds from eight sites. Six are stray finds from burial sites, and three come from two hillforts. Further five icons have been discovered together with four burials in two different cemeteries. All of the pendants are one-sided and belong to the same variant. The finds from present-day Latvia concentrate in two regions: the middle courses of the Daugava and the Gauja rivers, populated in the Late Iron age by people with a Latgallian material culture. A review of the chronology of the icons shows that they appeared in present-day Latvia no earlier than the late 12th century and remained in use up to the end of the 14th century. Particularly interesting are the details of the image of St George, showing elements characteristic of Western European warfare.

Keywords: icons, St. Georg, iconography, Latgallians.

---

¹ Статья выполнена в рамках базового финансирования Латвийского Университета, проект № ZD2015/AZ85: «Территория Латвии как зона соприкосновения различных культурных пространств, религиозных, политических, социальных и экономических интересов со времен доисторических до современности».

В последнее время в литературе значительно возрос интерес к восточно-европейским находкам предметов личного благочестия. Не исключение и круглые подвески-образки с изображением копейщика-змеборца, который в литературе единодушно идентифицируется со святым воином Христовым Георгием Победоносцем (рис. 1: 3). В частности, вышли статьи Иоанны Жуковской (*Żółkowska*, 2012. Р. 193–202; *Żółkowska*, 2016. S. 247–278) о находках на территории Польши, а в 2017 г. – две работы Вячеслава Соболева о древнерусских образках (*Соболев*, 2017а. С. 537–547; *Соболев*, 2017б. С. 29–50). Так как с территории Латвии происходит значительное число образков с изображением копейщика, то необходимость более подробно остановиться на латвийских находках вполне закономерна.

Кроме того, свод древнерусских «копейщиков» (вариант 1 по Соболеву) показал, что вся серия принадлежит второй половине XII – середине XIII в. (*Żółkowska*, 2012. Р. 196; *Соболев*, 2017а. С. 543), в то время как в латвийской литературе появление подвесок-образков относится уже к XI в. (*Balodis*, 1940. 76. lpp.; *Уртанс*, 1997. С. 36; *Шноре*, 1961. С. 129). Принимая во внимание то, что в большинстве своем исследователи видят в иконках свидетелей православной христианизации латгалов (*Balodis*, 1940. 62. lpp.; *Шноре*, 1961. С. 128–129; *Мугуревич*, 1965. С. 71; *Уртанс*, 1997. С. 37; *Vilcāne*, 1997. 11. lpp.; *Kuniga*, 2000. 46. lpp.; *Berga*, 2007. 57. lpp.), получается, что подвески со святым копейщиком на христианизуемой территории, т.е. в Восточной Латвии, появились на столетие раньше, чем в самой метрополии, т.е. в Древней Руси. В результате налицо необходимость корректировки и более развернутого обоснования имеющихся датировок.

Историография

Многие из латвийских находок уже рассматривались в статьях и монографиях, посвященных тому или иному памятнику, где были найдены отдельные экземпляры. Например, городище Ерсика (*Balodis*, 1940. Tab. VI: 1; *Уртанс*, 1997. С. 35. Рис. 1, 2; *Vilcāne*. 1997. 10.–11. lpp., att.: 10; *Vilcāne*, 2004. 75., 110. lpp., 23. Tab.: 20, 24) и Асоте (*Шноре*, 1961. С. 129. Рис. 135), могильник Рушону Кристапини (*Briede*, 1978. 21. lpp.; *Kuniga*, 2000. 46., 87., 210. lpp., 72. att., XXI att.: 6a, 7a, 7b; *Radiņš*, 1999. 74. lpp., 52. att.: 26, 27; *Радиньш*, 2001. С. 72. Рис. 5: 26–27) и кладбище Краславас Аугустинишки (*Berga*, 1986. 36. lpp.; *Berga*, 1997. 121., 126., 3. att.; *Berga*, 2007. 56.–57., 61. lpp., 29. att.: 2). В своих исследованиях о культурных связях и распространении христианства их рассматривал Эвалд Мугуревич (*Мугуревич*, 1965. С. 71. Рис. 30. Таб. XXX: 11; *Mugurēvičs*, 1997. S. 91, 92, Abb. 13: 1). Специальную, правда, небольшую статью образкам с изображением змеборца посвятил Юрис Уртанс (*Уртанс*, 1997. С. 35–38). Латвийские находки включены в сводную таблицу находок иконок в статье И. Жуковской (*Żółkowska*, 2016. S. 250–252. Tab. 2: 1–5, 10–12, 14, 27–32, 35, 41)².

² В статье И. Жуковской в список находок вкралась ошибка: хранящаяся в Тарту иконка из Рауны в таблице продублирована, № 27 и № 30 – это один и тот же предмет.

Рис. 1. Основные виды найденных на территории Латвии подвесок-иконок:
1 – иконка в виде ангела, курганный могильник гауйских ливов Аллажу Сакнитес – Атвиситес, захоронение № 3 (AI 1951: 15); 2 – змеевик с изображением Богоматери Оранты, латгальский грунтовый могильник Рушону Кристапини, захоронение № 64 (A 12378: 132a); 3 – подвеска-иконка с изображением Св. Георгия, случайная находка на латгальском курганном могильнике с жальниками Шкилбену Даниловка (VI 18: 92).

1 – серебро; 2, 3 – бронза

Тем не менее, как уже было отмечено, последние выкладки на базе древнерусского материала выявили как хронологические нестыковки между латгальскими и древнерусскими находками, так и подняли вопрос об иконографии изображения, что позволяет заново обратиться к латвийскому материалу.

Обзор находок

Первые известные по музейным коллекциям находки происходят из могильника Раунас Викснас Капусилс (табл. 1: 5–7; рис. 2: 3), где в 1876 г. «группой энтузиастов» был раскопан ряд захоронений, при этом были обнаружены три интересующие нас подвески (*Vierhuff*, 1877. S. 58, 64; *Sitzungsberichte*, 1878. 41, 84; *Sievers*, 1880. S. 72; *Katalog*, 1896. S. 31, 87, Nr. 369: 14, Nr. 602: 7, 8; *Abb.* 18: 3). Следующая находка поступила в музей только в 1928 г. – это случайная находка из Яунпиебалги (табл. 1: 2; рис. 2: 4). Еще одна была обнаружена в 1939 г. на городище Ерсика во время раскопок Франциса Балодиса (табл. 1: 3). Вскоре после Второй мировой войны археологу Института истории Латвии Эльвире Шноре посчастливилось найти три подвески (табл. 1: 1,

Таблица 1

**Находки подвесок-иконок с изображением Св. Георгия
на территории Латвии**

№	Объект	Год	Автор раскопок	Инв. №	Обстоятельства находки	Высота	Ширина
1	Шкилбену Даниловка (Šķilbenu Daņilovka)	1951	Шноре Э.	VI 18: 92	случ. нах.	39,7	33,5
2	Яунпиебалга (Jaunpieblga)	1928	Самс М.	A 3969	случ. нах.	39,3	33,6
3	городище Ерсика (Jersikas pilskalns)	1939	Балодис Ф.	A 10330: 1020	слой 6	36,8	33,1
4	городище Ерсика (Jersikas pilskalns)	1991	Уртанс Ю.	VI 300: 188	случ. нах.	35,9	32,8
5	Раунас Капусилс (Raunas kapusils)	1876	Аболинг И. и др.	AI 1239: 14	случ. нах.	39,3	33,8
6	Раунас Капусилс (Raunas kapusils)	1876	Аболинг И. и др.	RDM I 1283g	случ. нах.	40	34
7	Раунас Капусилс (Raunas kapusils)	1876	Аболинг И. и др.	RDM I 1283h	случ. нах.	39,5	33,6
8	Вецпиебалгас Вецраскуми (Vecpiebalgas Vecraskumi)	1948	Шноре Э.	VI 9: 28	случ. нах.	38	33
9	городище Асоте (Asotes pilskalns)	1952	Шноре Э.	VI 14: 1952: 786	слой 14	40,6	34,3
10	Рушону Кристапи́ни (Rušonu Kristapiņi)	1977	Кунига И.	A 12378: 132b	зах. 64	40,2	34,2
11	Рушону Кристапи́ни (Rušonu Kristapiņi)	1979	Кунига И.	A 12444: 7a	зах. 127	31,5	33
12	Рушону Кристапи́ни (Rušonu Kristapiņi)	1979	Кунига И.	A 12444: 7a	зах. 127	30,5	29
13	Рушону Кристапи́ни (Rušonu Kristapiņi)	1980	Кунига И.	A 12508: 170	зах. 187	34,8	28
14	Краславас Аугустинишки (Krāslavas Augustiņišķi)	1985	Берга Т.	VI 262: 274	зах. 86	39	32,5

8–9). Правда, на могильниках Шкилбену Даниловка (рис. 1: 3) и Вецпиебалгас Вецраскуми (рис. 2: 5) это были случайные находки, а третья – происходит из верхних слоев городища Асоте (рис. 2: 2).

Несомненно, важное значение имеют обнаруженные в конце 70-х – 80-х гг. подвески-образки с изображением Св. Георгия из комплексов могильника Рушону Кристапи́ни (4 экземпляра в трех захоронениях: табл. 1: 10–13; рис. 2: 1, 6; рис. 3: 5; 4: 4, 5; 5: 2б) и кладбища Краславас Аугустинишки (табл. 1: 14). Последняя известная подвеска – случайная находка 1991 г. из отвала раскопа на городище Ерсика (табл. 1: 4).

Итого в фондах Национального музея истории Латвии хранится 14 интересующих нас образков из восьми памятников (табл. 1). Шесть из них – это случайные находки на могильниках, три – найдены на двух городищах. Еще пять иконок происходят из четырех захоронений на двух могильниках. Сохранность предметов разная. Диаметр диска целых подвесок колеблется от 32,5 до 34,4 мм, высота вместе с ушком – от 38 до 40,6 мм.

Рис. 2. Бронзовые подвески-иконки с изображением Св. Георгия:

1 – Рушону Кристапини, захоронение № 64 (A 12378: 132b); 2 – городище Асоте (VI 14: 1952: 786); 3 – Раунас Капусилс (RDM I 1283g); 4 – Яунпиебалга (A 3969); 5 – Вецпиебалгас Вецраскуми (VI 9: 28); 6 – Рушону Кристапини, захоронение № 127 (A 12444: 7a)

Типология

Что касается типологических различий, то латвийские находки полностью соответствуют древнерусским аналогам, но материал не блещет разнообразием. Все подвески односторонние, изображение всадника одинаковое, различия только его четкость. На иллюстрации № 2 сверху представлены экземпляры, у которых видно жемчужное обрамление (рис. 2: 1–3), у Св. Георгия читаются некоторые детали лица: большие глаза, прическа, а также детали одежды или доспеха. В свою очередь снизу – экземпляры, которые уже такой детальной прорисовки не имеют (рис. 2: 4–6). Причем, это результат именно отливки, а не ношения.

По предлагаемой В. Соболевым типологии все латвийские находки соответствуют варианту 1. Так как в литературе подвески были подробно и неоднократно описаны, назовем только главные черты, которые отличают их от предметов других типов:

- 1) всадник развернут вправо от смотрящего,
- 2) за спиной святого отсутствует плащ,
- 3) рука с копьём обращена вниз, а древко копья проходит позади плеча святого.

По сравнению с находками северо-запада Древней Руси, в латвийском материале нет ни других типов образков с изображением Победоносца, ни иконок с четкой проработанностью деталей. Поэтому можно говорить о вторичности серии.

Рис. 3. Ожерелье с подвеской-иконкой с изображением

Св. Георгия, Рушону Кристапини, захоронение № 64:

1 – бусы (А 12378: 132 с); 2 – бубенчики (А 12378: 132с); 3 – крестики (А 12378: 132d);
4 – змеевик с изображением Богоматери Оранты (А 12378: 132a); 5 – подвеска-иконка
с изображением Св. Георгия (А 12378: 132b).

2–5 – бронза; 1 – стекло

Распространение

Интересующие нас подвески-образки на территории современной Латвии концентрируются в двух основных регионах – в среднем течении реки Даугава и в бассейн реки Гауя (рис. 6). В позднем железном веке эти территории были заняты носителями латгальской материальной культуры, причем находки из современной Латгалии могут быть связаны с упомянутым в источниках княжеством Ерсика. В свою очередь, судя по упоминанию в договоре о разделе Толовы между рижским епископом и орденом земли Пребалге (*Матузова, Назарова, 2002. С. 209*), видземские находки из Вецраскуми и Яунпиебалги, а также из еще дальше к северо-западу расположенной Рауны, могут быть соотнесены с территориями этого княжества.

Надо также отметить, что подвески с изображением Св. Георгия хотя и наиболее распространены, но не являются единственным видом находимых

Рис. 4. Ожерелье с подвеской-иконкой с изображением
 Св. Георгия, Рушону Кристапини, захоронение № 127:
 1 – бусы (А 12444: 7d); 2 – бубенчики (А 12444: 7b); 3 – крестик (А 12444: 7c);
 4, 5 – подвески-иконки с изображением Св. Георгия (А 12444: 7a).
 2–5 – бронза; 1 – стекло

на территории Латвии иконок. На кладбище конца XIII–XVI вв. Берзгалес Ваиды, Резекненского края, была найдена бронзовая иконка с изображением двух непоименованных святых (Vasks, 1974. 79.–81. lpp., 14. att.: 1). Кроме того, известны два круглых образка с изображением Богоматери Оранты, один из которых найден в курганном могильнике селов на левобережье Даугавы, а другой – в 64-м захоронении могильника Рушону Кристапини (рис. 1: 2), причем в ожерелье вместе с одним из рассматриваемых в статье «копейщиков» (рис. 3: 4, 5). В свою очередь у ливов встречаются подвески (рис. 1: 1) с изображением ангела (Ostapenko, 2012. P. 494). Возможно, что такое географическое распределение находок вырисовывает некие местные церковно-административные структуры.

Рис. 5. Бронзовые украшения инвентаря захоронения № 187 из Рушону Кристапини: 1 – шейная гривна с тордированными концами (А 2508: 167); 2 – цепочка с прикрепленной на одном конце привеской-иконкой с изображением Св. Георгия (26) и клыком (2а) на другом (А 2508: 170); 3 – спиральки (А 2508: 171); 4 – браслет со звериными головами на концах (А 2508: 172); 5 – браслет со звериными головами на концах (А 2508: 173); 6 – крестик (А 2508: 169); 7 – бубенчик (А 2508: 168)

Хронология

Самая молодая находка – это «копейщик» из 86 погребения на кладбище Августинишки (табл. 1: 14), который был обнаружен в ожерелье вместе с пятью монетами: три отчеканенных в Таллине с середины XIV в. по 1390 г. орденских артига; один артиг Тартуского епископа Дитриха Дамерова (1379–1400); в Нидерландах (г. Кунре) около 1350 г. отчеканенное подражание английского стерлинга. Благодаря указанным монетам, автор раскопок и нумизмат Татьяна Берга датирует захоронение концом XIV в. (Berga, 1997. 121.–122. lpp.; Berga, 2007. 49. lpp.).

Образок из Краславас Августинишки демонстрируют грубость исполнения изображения и отсутствие прорисовки деталей. По качеству исполнения с ним схожа случайная находка с территории могильника Шкебенес Даниловка (табл. 1: 1; рис. 1: 3), жальники которого, по мнению автора раскопок,

Рис. 6. Распространение подвесок-иконок с изображением Св. Георгия на территории Восточной Латвии:

a – находка в захоронении, *b* – находка на городище, *v* – случайная находка из захоронения

Э. Шноре, относятся к XIII–XIV вв. (Шноре, 1980. С. 53), что может косвенно указывать на схожесть датировки обоих интересующих нас иконок.

Для установления хронологии важны образки из могильника VIII–XII вв. Рушону Кристاپини. Все три захоронения с копейщиками датируются автором раскопок, Инарой Кунигой, XII в. (Kuniga, 2000. 102. lpp., 13. tab.). Тут надо заметить, что по сути материальная культура латгалов в конце XII в. от начала XIII в. ничем особенно не отличается, а многие артефакты попадают в инвентаре еще более поздних захоронений (Radinš, 1999. 53.–124. lpp.; Radinš, 2001. С. 73–115). В связи с чем есть вероятность того, что интересующие нас латвийские образки со святым змеборцем могут быть несколько

более молодыми, чем это до сих пор было принято считать. Чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, рассмотрим контекст каждой находки из Рушону Кристапины в отдельности.

Интересующие нас иконки данного погребального памятника в двух случаях (захоронения 64 и 127) находились в наборах ожерелий из стеклянных бус, бронзовых шаровидных бубенчиков с прямой прорезью и бронзовых крестиков с шаровидной формой лопастей с «шишечкой» на завершении (рис. 3, 4). В свою очередь в захоронении № 187 подвеска была прикреплена к бронзовой цепочке из парных колечек, с другого конца которой был подвешен зуб животного (рис. 5: 2a). Причем среди остального инвентаря тоже есть бронзовый шаровидный бубенчик с прямой прорезью (рис. 5: 7) и бронзовый крестик с шаровидной формой лопастей (рис. 5: 6).

На территории Латвии бронзовые крестики с профилированием и шаровидной формой лопастей и гладким крестовидным перекрестием являются наиболее распространенным видом: в публикации 1974 г. Э. Мугуревич на территории Латвии констатировал 67 экз. из 28 мест находок и определил время их существования XI–XIII вв. (*Mugurevičs*, 1974. 223., 225. lpp.). В настоящее время многие датировки без малого пятидесятилетней давности можно несколько «омолодить». Так, новые исследования крестиков показали, что на территории Древней Руси основные виды бытовавших по XIV в. бронзовых крестиков начинают распространяться только во второй половине – конце XI в. (до этого в XI в. преобладают распятия и кресты т. н. скандинавского типа), т. н. третье поколение христианских древностей (*Мусин*, 2002. 178). Из этого закономерно предположить, что массовое появление предметов христианского личного благочестия на территории Латвии, скорее всего, произошло несколько позже: в конце XI – начале XII в. К тому же Э. Мугуревич также отмечает, что количество находок в XI – начале XII вв. незначительно, только около 10% от общего их числа (*Mugurevičs*, 1974. 231. lpp.)

На позднюю датировку рассматриваемых крестиков с шаровидной формой лопастей, а также шаровидных бубенчиков указывает то обстоятельство, что, например, в низовье Даугавы³ на наиболее исследованном и представительном могильнике ливов – Саласпилс Лаукскола, использование которого в основном прекращается в начале или первой половине XIII в., Анна Зарина их упоминает только в одном захоронении (*Zariņa*, 2006. 15., 272., 384. lpp., 210. att.: 1), тогда как на могильнике Долес Рауши, который действовал вплоть до начала XIV в. (*Šnore*, 1996. 114. lpp.), идентичные крестики обнаружены в четырех захоронениях (№ 36, 55, 117, 141), а бубенчики – в шести (№ 8, 12, 54, 59, 102, 117)⁴.

³ Материалы на тот момент свежих исследований в низовье Даугавы (зона строительства Рижской ГЭС 1967–1975 гг.) в упомянутой статье Э. Мугуревича не приводятся, т. к. были еще недоступны.

⁴ Несколько захоронений из могильника Долес Рауши, в том числе и с рассматриваемыми артефактами, имеют характерный исключительно для латгальских женщин инвентарь, они рассмотрены в статье Антонии Вилцане, которая приводит следующие датировки: захоронения 36 и 117 – рубеж XII и XIII вв., захоронение 59 – XII в. (*Vilcāne*, 1998. 166. lpp.).

Стоит также обратить внимание на размытость формы интересующих нас крестиков из Рушону Кристапини: профилирование перед шаровидным расширением крестиков почти не просматривается, а «шишечки» на завершении на многих лопастях «заплыли» (рис. 3: 3; 4: 3; 5: 6). Это указывает на то, что данные экземпляры являются далеко не первичными отливками. Таким образом, есть основание отнести датировку этих предметов ближе к XIII в.

По грубости исполнения изображения змеборца образку из Краславас Августинишки идентичны две иконки из захоронения 127, которые к тому же имеют следы долгого использования – вместо отломанных ушек в диске просверлены отверстия для ношения на колечке (рис. 4: 4, 5). В остальном инвентаре этого захоронения привлекает внимание фрагмент спирального кольца из расплющенного дрота с набитыми солнышками (рис. 7: 10). Схожие кольца с несколько более простым орнаментом характерны для западной Латвии, хотя встречаются и на берегах Даугавы (городище Асоте (Шноре, Таб. VI: 27; прицерковные кладбища в Риге (церковь св. Павла), в Икшкиле и Мартиньсале) и датируются XIII–XV вв. (*Muižnieks*, 2015. 157. lpp.).

На позднюю датировку потревоженного женского захоронения № 64 указывает характерное расширение в основании иглы подковообразной застежки с вытянутыми спиральными концами (рис. 8: 5). Такое оформление пяты иглы встречается у тех типов прибалтийских подковообразных застежек, которые в новейших исследованиях связывают именно с Ливонским периодом, например, застежки со звериными головами на концах (*Svetikas*, 2014), с расширенными и утолщенными концами (*Svetikas*, 2009. Р. 152–153), гранеными головками и псевдотордированной дугой (*Vaska*, 2017. 26. lpp.) и т. д. Схожая со змевином (рис. 1: 2; 3: 4) односторонняя иконка Богородицы происходит из пятого захоронения второго кургана могильника Селпилс Леясдопелес, которое Э. Шноре датирует концом XII – началом XIII в. (*Šnore*, 1997. 76.–77. lpp.). В то же время подборка ряда именно с начала XIII в. появившихся предметов – бронзовый широкий щитовидный перстень (срав.: *Muižnieks*, 2015. 156. lpp., 101. att.: 3), бронзовый спиральный перстень с обмоткой из тонкой проволоки и трапециевидными подвесками (срав.: *Radiņš*, 1999. 82. lpp., 57. att.: 5 = *Радиньш*, 2001. С. 79, рис. 5: 5), расширение в основании иглы бронзовой подковообразной застежки с многогранниками на концах и псевдовитой дугой с филигранью (застежка со сходящимися многогранниками на концах: *Radiņš*, 1999. 66. lpp., 47. att.: 23 = *Радиньш*, 2001. С. 69. Рис. 3: 23) и т. д. – свидетельствует, скорее, о «глубоком» XIII в.

Касательно захоронения 187, надо так же отметить характерное для долгого использования подвески отломанное ушко и компенсирующее отверстие в диске (рис. 5: 2б). Позднюю датировку подтверждает и сравнительно небольшое число украшений, количество которых у латгалок после пика в XII в., в течение Ливонского периода в целом имеет тенденцию к сокращению. Кроме того, именно для XII – начала XIII в. является характерным увеличение массивности тордированных шейных гривен с четырехугольными в сечении концами (*Radiņš*, 1999. 73. lpp.).

В целом, надо отметить, что все виды украшений из интересующих нас захоронений с иконками из Рушону Кристапини встречаются весь XIII в., а в от-

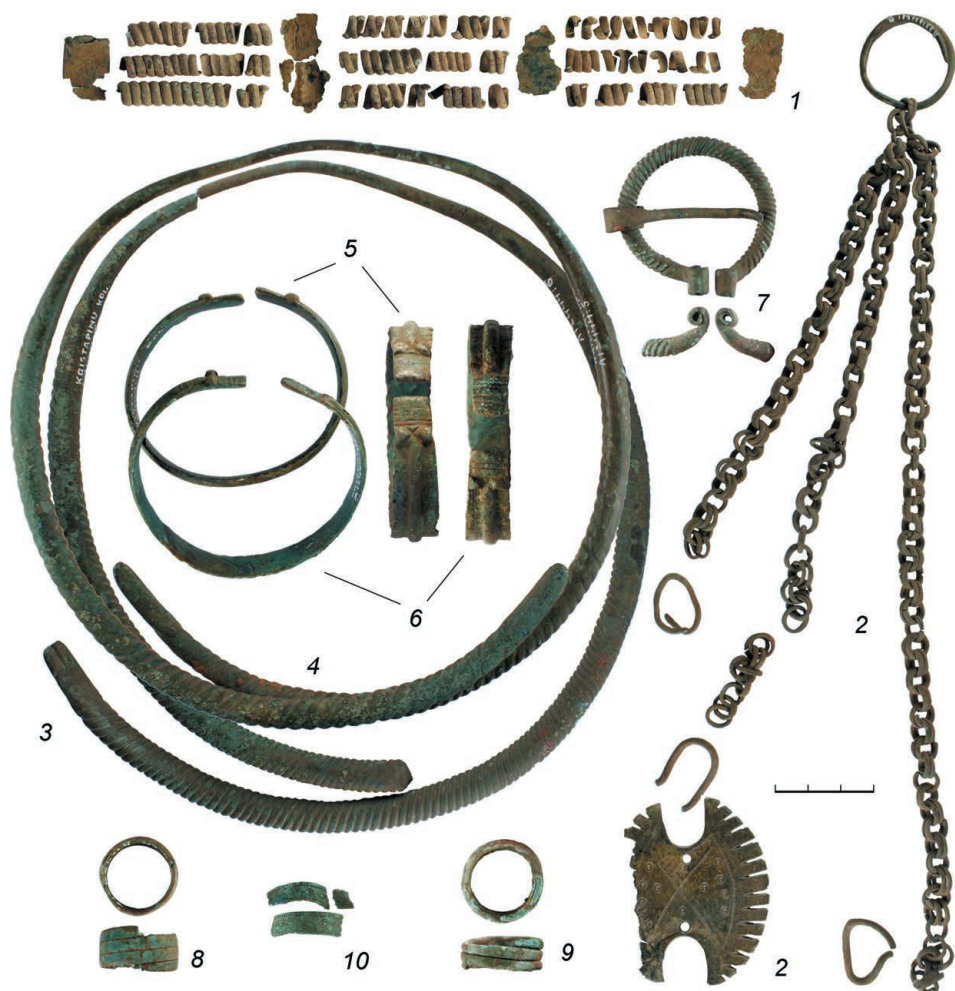

Рис. 7. Бронзовые украшения инвентаря захоронения № 127 из Рушону Кристапини: 1 – фрагменты венка из спиралек (А 12444: 4); 2 – коса венка (?) из трех цепочек на кольце с подвеской-гребнем (А 12444: 8); 3 – шейная гривна с тордированными концами (А 12444: 5); 4 – шейная гривна с тордированными концами (А 12444: 6); 5 – браслет со звериными головами на концах (А 12444: 11); 6 – браслет со звериными головами на концах (А 12444: 10); 7 – подковообразная застежка с тордированной дугой и закрученными концами (А 12444: 9); 8 – спиральное кольцо (А 12444: 12); 9 – спиральное кольцо (А 12444: 13); 10 – фрагмент спирального кольца (А 12444: 14)

дельных случаях доживают до XIV в. Поэтому есть основание полагать, что захоронения со святым «змеборцем» здесь произведены никак не ранее конца XII в., а скорее всего уже в XIII в.

Представление о появлении подвесок-образков с изображением святого копейщика-зверборца в XI в., восходит к публикации Франца Балодиса о его

Рис. 8. Бронзовые украшения инвентаря захоронения № 64 из Рушону Кристапины:
 1 – витая шейная гривна с петлями на концах (А 12378: 131); 2 – шейная гривна с тордированными концами (А 12378: 130); 3 – фрагменты проволоки (А 12378: 133); 4 – фрагменты цепочки (А 12378: 133); 5 – подковообразная застежка с закрученными концами (А 12378: 134); 6 – спиральное кольцо (А 12378: 137); 7 – трапециевидная подвеска (без №); 8 – рифленое кольцо (от венка (?)) (без №); 9 – концы браслета (А 12378: 135); 10 – спиральное кольцо (А 12378: 136)

исследованиях в Ерсике в 1939 г. (*Balodis*, 1940. 47. lpp.). Вместе с тем и большинство работавших с этим материалом авторов за нижнюю границу хронологии иконок берут XI в. Например, Э. Шноре пишет, что такие иконки на территории Латвии в погребениях появляются уже в XI–XII вв. (*Шноре*, 1961. С. 129), хотя на момент выхода публикации ни одной находки из полученного в результате систематических научных исследований инвентаря в Латвии тогда еще не было. В подтверждение тому Э. Мугуревич (*Мугуревич*, 1965. С. 71) приводит со ссылкой на статью Марии Владимировны Седовой информацию об актуальной на то время хронологии Новгородских находок (*Седова*, 1959.

С. 237). В результате в латвийской литературе укрепилось представление о том, что основной период существования подвесок-иконок с изображением Св. Георгия Победоносца приходится на XI–XII вв. (*Уртанс*, 1997. С. 36; *Kuniga*, 2000. 46. lpp.; *Berga*, 2007. 57. lpp.).

В настоящее время вряд ли можно согласиться с такой датировкой первой подвески из Ерсики⁵. Предмет был найден в шестом слое (*Balodis*, 1940. 101. lpp., VI tab.: 1) и на приведенной Ф. Балодисом таблице находок из этого слоя (рис. 9: 6–9) мы еще видим гарпун, два звена прутиковой цепочки, шпору (тип IVA по Кирпичникову), овальное заостренное кресало – предметы, которые появились во второй половине XII, использовались в XIII, а некоторые дожили до XIV–XV вв. (*Zariņa*, 2006. 189. lpp.; *Spirģis*, 2008. 177. lpp.; *Кирпичников*, 1973. С. 66–67; *Колчин*, 1959. С. 100).

Датировка шестого слоя городища Ф. Балодисом основывается на находке западноевропейского денария XI в. (*Balodis*, 1940. 47)⁶. Вторая монета из слоя – на тот момент еще неатрибутированное местное подражание западноевропейскому денарию, образцом для которого, по всей вероятности, послужил денарий графа Фризии Бруно III (1038–1057). В настоящий момент считается, что подражания появляются в низовье Даугавы во второй половине XI – начале XII в. (*Berga*, 1988. С. 51), но встречаются в захоронениях вплоть до второй половины XII – начала XIII в., например, в захоронении 597 могильника Саласпилс Лаукскола (*Zariņa*, 2006. 178. lpp., 2. tab.)

Поздние находки дают и более глубокие напластования. Так, из слоя № 7 (рис. 9: 3–6) происходят уже рассматривавшиеся бронзовые крестики с шаровидной формой лопастей и небольшая круглая подвеска с изображением креста из тисненых точек, которая схожа с ливскими круглыми подвесками конца XIII–XV в. (*Спурґис*, 2016. С. 333–34; *Vilcāne*, 2003. 17. lpp.). Еще глубже, в слое № 8 (рис. 9: 1–2), типичный для XII – начала XIII в. массивный ложновитой браслет со звериными головами на конце (*Radiņš*, 1999. 79. lpp.) и снова овальное заостренное кресало второй половины XII – первой половины XIII в. и т. д.

Как показали повторные раскопки Ерсики (1990–2003), застройка городища не была столь интенсивной и регулярной, как показано на опубликованных Ф. Балодисом планах. На места построек в основном указывают только остатки отопительных конструкций, в отдельных случаях участки глинобитного пола или фрагменты обугленных бревен или досок пола (*Vilcāne*, 2004. 39., 41. lpp.). Поэтому, судя по всему, городище не имеет закрытых комплексов, и его стратиграфия сильно нарушена (*Vilcāne*, 2003. 17. lpp.; *Vilcāne*, 2004. 28. lpp.).

Если, по мнению Ф. Балодиса, со смертью князя Висвалдиса в 1239 г. городище было оставлено, и некоторая хозяйственная деятельность там возобновляется только в XIV–XVII вв. (*Balodis*, 1940. 40., 63., 85. lpp.), то новые исследования и современные датировки находок прерывание функционирования

⁵ Работу с довоенными материалами раскопок в Ерсике затрудняет отсутствие левой документации и зарисовок раскопов.

⁶ Монета-привеска, Фризия, Эмден, граф Герман (1020–1050) (*Berga*, 1988. С. 88, № 11: 2).

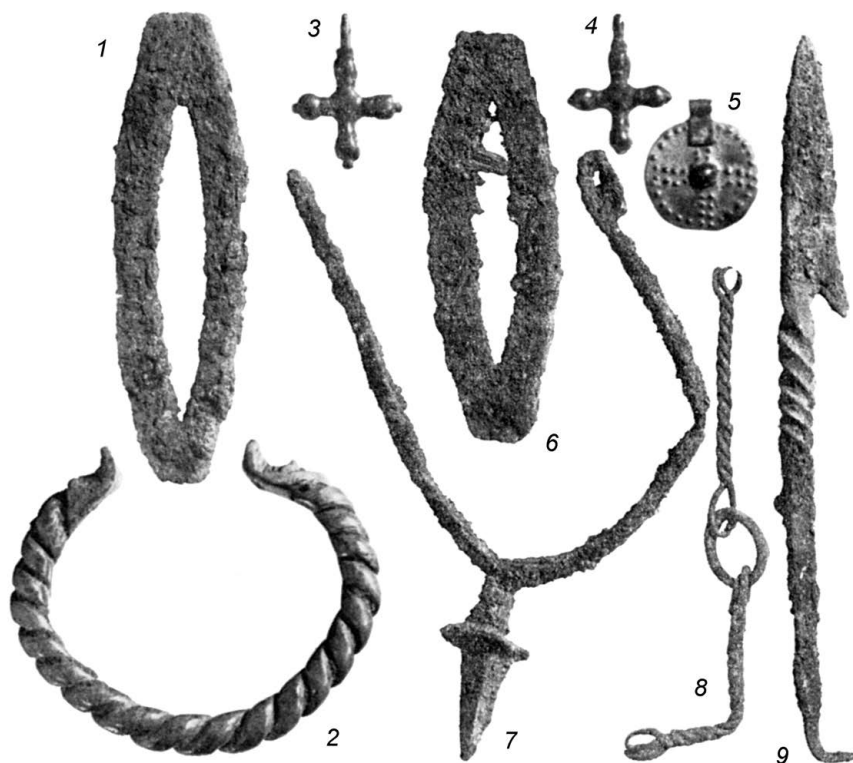

Рис. 9. Подборка находок из раскопок Ф. Балодиса на городище Ерсика (предметы вне масштаба):

- 1, 6 – огниво; 2 – браслет со звериными головами на концах; 3, 4 – крестики;
5 – круглая подвеска; 7 – шпора; 8 – два витых из проволоки звена цепочки;
9 – гарпун (по: Balodis, 1940. Tab. IV: 1, 4, V: 1, 2, 5, VI: 4, 8, 14, 15).

1, 6, 7, 9 – железо; 2–5, 8 – бронза

городища в XIII в. не подтверждают. Наоборот, большинство находок верхних горизонтов дают XIII в., а часть – XIV или даже XV в. (*Vilcāne*, 2003. 17. lpp.; *Vilcāne*, 2004. 27.–28. lpp.). Вместе с тем, в последних обобщающих работах о Ерсике археологу Института истории Латвии Антонии Вилцане приходилось постоянно подправлять датировки Ф. Балодиса. Так, шестой слой раскопок 1939 г. с интересующей нас иконкой исследовательница относит к XII в. (*Vilcāne*, 2003. 15. lpp.; *Vilcāne*, 2004. 27. lpp.).

Так же, как в случае с публикациями Ф. Балодиса, с осторожностью надо подходить и к датировкам слоев послевоенных исследований городища Асоте. Хотя в публикации материалов раскопок этого городища Э. Шноре не касается обстоятельств и хронологии подвески-иконки со звероборцем (*Шноре*, 1961. С. 129), судя по рукописному списку находок, предмет был обнаружен при разборке бровки над очагом № 16 на глубине 36 см (Институт Истории Латвии при Латвийском Университете, Хранилище археологических материалов,

№ Pd: 11-16-49). Очаг относится к 14-му слою, который автор раскопок относит к XII в. (Там же. С. 38). Перекрывающие слои № 15 и № 16 соответственно датируются Э. Шноре первой и второй половинами XIII в.

В то же самое время немецкие арбалетные болты появляются уже на уровне 10, 11 и 13 слоя (Шноре, 1961. Таб. X: 4, 5, 6, 15, 16). В верхних слоях представлены бронзовые готические круглые застёжки (Там же. Таб. III: 9, 10, 13, 14, 15), круглые и ромбические подвески (Там же. Таб. V: 9, 14, 16, 20–22, 27, 28), ременные пряжки (Там же. Таб. VI: 3, 6, 7, 9, 13, 14), а также перстни (Там же. Таб. VI: 25, 27, 28, 50, 57) и другие свидетельства датировки XIV или даже XV в. Кроме всего прочего, это подтверждается и находкой двух брактеатов XIV в. (Шноре, 1961, 47).

Почитание Св. Георгия в Ливонии

Уже Э. Шноре, рассматривая контекст находки иконки с изображением копейщика, отметила популярность Св. Георгия в латинской Ливонии, в том числе в народном христианстве местных жителей, где святой считался покровителем пастухов и стад (Шноре, 1961. С. 129).

Понятно, что Св. Георгий, как преданнейший из воинов Христовых, был очень популярен и на латинском западе. Особый всплеск почитания связан с началом крестовых походов. Его житие было включено в т. н. Золотую легенду (60-е годы XIII в.) Иакова Ворагинского – сборник житий самых популярных святых, где в том числе упомянута легенда о том, как Св. Георгий помог взять крестносцам Иерусалим (Ворагинский, 2017. С. 348). В Ливонии Св. Георгий был патроном ордена меченосцев и торгового братства Св. Георгия (позднее – братство Черноголовых). Ему была посвящена церковь (изначально капелла) первого орденского замка в Риге (XIII – первая половина XIV в.), госпиталь и ряд алтарей в крупнейших церквях города: в Домском соборе и церкви Св. Петра, а также приход в Саласпилсе (Caune, Ose, 2010. 296–297, 366), один из алтарей Большой гильдии в Таллине (Mänd, 2009. 204).

Недавно специалистом по средневековому оружию, сотрудником Института истории Латвии Рудольфом Брузисом было высказано мнение, что в археологическом материале о почитании Св. Георгия могут свидетельствовать позднесредневековые мужские захоронения с копьем и шпорами. Такой набор снаряжения наглядно демонстрировал на похоронах социальный статус умершего и его принадлежность к кавалерии, а также давал отсылку на важнейшего духовного патрона местных элит, которые были активнейшим образом включены в военные структуры Ливонии (Brūzis, 2017).

Относительно православной традиции на территории восточной Латвии следует упомянуть антропонимное свидетельство о почитании св. Георгия среди латгалов в XIII в. – так называемое Симоновское Евангелие от 1270 г. (Святое Евангелие...), переписчиком которого был сын попа *Лотыша*⁷

⁷ Древнейшее упоминание этнонима *латыш*.

по имени *Гюрги* (именно в форме – *Юргис/Юрис* (Jurgis/Juris) – имя *Георгий* укрепилось в латышском языке). Надо отметить, что в Латвии в 20-е – 30-е годы XX в. данные из Симоновского Евангелия в научный оборот ввел и активно использовал один из ведущих историков тех лет – Арвид Швабе (*Švābe*, 1922. 18., 140. lpp.; 1936. 28., 29. lpp.). Причем место создания Евангелия – *Городище* – им связывалось с городищем Ерсика (Berzika, Gerzika, Gerceke, Gerceke латинских источников).

Возможность такой локализации связана с тем, что немецкие источники «Герцикой» именовали так же Рюриково Городище под Новгородом. Т. е. Ерсика на Руси тоже могла именоваться *Городищем*. Принимая во внимание латышское (латгальское) происхождение переписчика, отождествление рассматриваемого Евангелия с Ерсикой выглядит вполне логичным. Гипотеза была подхвачена Ф. Балодисом (*Balodis*, 1940. 93. lpp.), но в дальнейшем Ерсика в этом вопросе «уступила» Рюрикову Городищу, и в публикациях латвийских археологов указание на *Городище* Симоновского Евангелия в контексте Ерсика не встречается.

О традиции почитания Св. Георгия в регионе свидетельствует и известная по письменным источникам с XVII в. деревянная церковь во имя св. Велико-мученика Георгия в Екабпилсе (*Щеников*, 2017. С. 122).

Иконография

Среди примерно 55 святых змеборцев в средневековье по популярности со св. Георгием может соперничать только архангел Михаил, но в образе всадника св. Георгию нет равных (*Brainfels*, 1974. S. 380). В то же самое время уже В. Соболев подметил необычность иконографии святого змеборца интересующих нас иконок для православной иконографии (*Соболев*, 2017б. С. 43–44). Подмышечный прихват копья, прямая посадка при опоре вытянутыми ногами на стремя – элементы, которые создают цельную связку человек-лошадь как живого снаряда и в XII в. становятся основой новой тактики ведения боя, основой военного искусства западноевропейского рыцарства (*Флори*, 1999. С. 5).

Таким образом, в противоположность новгородским змеевикам, которые отражают «классический» и имеющий массу параллелей в православной иконографии образ святого Георгия в виде позднеантичного всадника с высоким замахом копья, когда кисть руки обращена вверх и находится выше плеч (*Соболев*, 2017б. С. 43), иконки варианта 1 не только не имеют аналогий в православной иконографии, но и отражают одновременные им реалии западного военного дела.

Принимая во внимание то, что интересующие нас предметы концентрируются на землях, традиционно имеющих связи с латинским миром, пограничных или, как в случае с Латгалией, попавших непосредственно под его власть, не будет лишним обратиться к западной традиции изображений св. Георгия.

Изображения копейщика и змия на западе известны уже в эпоху меровингов (*Quast*, 2009). Правда, в тех случаях, когда изображен просто скачущий, а не атакующий копьем всадник, мы имеем дело, скорее всего, с иллюстрацией к библейскому пророчеству: «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Быт 49: 17).

Рис. 10. Рельеф с изображением Св. Георгия (не сохранился), нач. XV в., церковь Св. Николая в Таллине (по: Tuulse, 1948. S. 43, Abb. 22)

Считается, что изображения Св. Георгия в виде благородного всадника распространяются на западе под влиянием византийских образцов в XIII–XIV вв., причем тип античного образца с уколом копья в вытянутой поднятой руке хоть и продолжает встречаться вплоть до XVI в., но с середины XIII в. вытесняется актуальным на то время рыцарским хватом с прижатым подмышкой копьем (*Brainfels*, 1974. S. 378, 380).

В отличие от православия с его почитанием святых икон, которое делало искусство более традиционным, западная церковная роспись, барельефы и книжные миниатюры свободно воспринимали все тенденции современности. Именно благодаря этому складывается образ этого святого в виде средневекового западного рыцаря с характерной посадкой, защитным вооружением и хватом копья (рис. 10). Поэтому, на мой взгляд, рассматриваемые подвески-образки копируют какое-то изображение, возникшее под латинским влиянием. К примеру, для росписи какого-нибудь храма был привлечен западный мастер, и получившее популярность изображение нашло дальнейшее отражение в предметах мелкой металлопластики. Напрямую интересующие нас образки нельзя связать с латинским христианством, так как традиции ношения иконок на западе не было. К тому же все остальные предметы личного благочестия из могильных комплексов с Георгиями типично православные.

Выводы

Обзор найденных на территории Латвии круглых подвесок-образков с изображением копейщика-змееборца показал, что все находки принадлежат одному варианту и отличаются только по качеству исполнения. Всего в настоящий момент известно о 14 находках из восьми памятников. На территории Латвии находки концентрируются в двух основных регионах – в среднем течении р. Даугава и в бассейне р. Гауя, – которые в позднем железном веке были освоены носителями латгальской материальной культуры. Анализ хронологии показал возможность пересмотра принятых в латвийской литературе данных. На территории Латвии образки появляются не в XI в., как было принято считать, а не ранее конца XII в. и используются вплоть до конца XIV вв. Такая датировка соответствует как хронологии схожих находок в соседних землях, так и деталям иконографии змееборца.

Особый интерес вызывают изображения Победоносца, в которых узнаются синхронные элементы западного военного дела, что несовместимо с консерватизмом православной иконы. Как на рассматриваемых образках могло появиться и стать востребованным такое изображение Георгия-рыцаря? Чтобы было проще ответить на этот вопрос, необходимо углубиться в исторический контекст исследуемых археологических реалий. В частности, рассмотреть вопрос о том, какие идеологические процессы и методы воздействия сопровождали адаптацию в латинскую веру уже крещенного в православие населения на захваченных крестоносцами землях в XIII–XIV вв. Но это уже тема дальнейшего исследования.

Литература

- Берга Т.*, 1988. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига.
- Ворагинский И.*, 2017. Золотая легенда. М.
- Матузова В. И., Назарова Е. Л.*, 2002. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Мугуревич Э.*, 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.
- Мусин А.*, 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Кирпичников А. Н.*, 1973. Снаряжение всадника и верховного коня на Руси IX–XIII вв. (САИ. Вып. Е1-36). Л.
- Колчин Б. А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II (МИА, № 65). М.
- Радиньш А.*, 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // *Archaeologia Lithuania 2*. Vilnius.
- Святое Евангелие Апракос полный 1270 года: уникальная историческая рукопись, именуемая «Евангелие Лотыша», («Ерискское Евангелие», «Симоновское Евангелие»). Рига, 2014.
- Седова М. В.*, 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II (МИА, № 65). М.
- Соболев В. Ю.*, 2017а. Иконки-привески с конным изображением святого Георгия // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН XLVIII. СПб.

- Соболев В. Ю.*, 20176. Святой Георгий. Иконография одного типа иконок и снаряжение всадника и коня XII–XIII вв. // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. Материалы II Международной военно-исторической конференции. СПб.
- Спиргис Р.*, 2016. Круглые подвески ливов и их символика // АИППЗ: Мат. 61 заседания (2015).
- Уртанс Ю.*, 1997. Подвеска с Ерсикского городища // Православие в Латвии. Исторические очерки. Том 2. Рига.
- Флори Ж.*, 1999. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб.
- Шноре Э.*, 1961. Асотское городище // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР 2. Рига.
- Шноре Э.*, 1980. Погребения жальничного типа на северо-востоке Латвии // Известия Академии наук Латвийской ССР. 12 (401). Рига.
- Щеников Е.*, 2017. Православные храмы и приходы на территории Латвии в XIII–XXI веках: справочник. Рига.
- Balodis F.*, 1940. Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. Rīga.
- Brainfels S.*, 1974. Georg. II. Westen // Lexikon der christlichen Ikonographie 6. Rom, Freiburg, Basel, Wien.
- Berga T.*, 1997. Kaklarotas Krāslavas Augustinišķu senkapos (14.gs. – 16.gs. sākums) // Arheoloģija un etnogrāfija 19. Rīga.
- Berga T.*, 2007. Augšdaugavas 14.–17. gadsimta senvietas no Krāslavas līdz Slutišķiem. Rīga.
- Briede I.*, 1978. Jauni pētījumi Kristapiņu kapulaukā // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1977. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.
- Brūzis R.*, 2017. Sv. Jura kulta atspulgi 14.– 5. gs ieroču apbedījumos Livonijā // Letonika, diaspora un starpkultūru komunikācija (LU LVI Arheoloģijas un etnogrāfijas sekcija) Referātu tēzes. Rīga.
- Caune A., Ose I.*, 2010. Latvijas viduslaiku mūra baznīcas, 12. gs. beigas – 16. gs. sākums: Enciklopēdija. Rīga.
- Katalog 1896. Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga.
- Kuniga I.*, 2000. Kristapiņu kapulauks 8. gs. beigas – 12. gs. Rīga.
- Mänd A.*, 2009. Saints' Cults in Medieval Livonia // The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier. Aldershot.
- Mugurēvičs Ē.*, 1974. Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. // Arheoloģija un etnogrāfija 9. Rīga.
- Mugurēvičs Ē.*, 1997. Die Verbreitung des Christentums in Lettland vom 11. Jahrhundert bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts // Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Internationale Fachkonferenz, Kiel, 18.–25. September 1994. Bd. II. Mainz; Stuttgart.
- Mugurēvičs Ē., Vilcāne A.*, 1992. Arheoloģiskie izrakumi Jersikas pilskalnā // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu 1990. un 1991. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.
- Muižnieks V.*, 2015. Bēru tradīcijas Latvijā pēc arheoloģiski pētīto 14.–18. gadsimta apbedīšanas vietu materiāla // Latvijas Nacionālā vēstures muzeja raksti 21. Rīga.
- Ostapenko A.*, 2012. Miniature figures of archangels in medieval East Europe // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe Archaeological and Historical Evidence. Kraków, Leipzig, Rzeszów, Warszawa.
- Quast D.*, 2009. Merovingian period Equestrians in figural art // Archaeologia Baltica 11. Klaipēda.
- Radiņš A.*, 1999. 10.–13. gadsimta senkapi latgaļu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politiskās vēstures jautājumi // Latvijas Vēstures muzeja raksti 5. Arheoloģija. Rīga.

- Sievers C.G.*, 1880. Bericht über antiquarische Forschungen im Jahre 1876 // Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Bd.X, H.2. Dorpat.
Sitzungsberichte 1878. Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 1877.
- Svetikas E.*, 2009. Lietuvos Didžios kunigaikštystės christianizacija XIV a. pab. – XV a. I tomas. Vilnius.
- Svetikas E.*, 2014. Krikščioniškasis bestiariusas XIII–XV a. Lietuvos kultūroje. Omega segės zoomorfiniais galais. I, II tomas. Vilnius.
- Šnore E.*, 1996. Daugavas lībieši Doles salā // Arheoloģija un etnogrāfija 18. Rīga.
- Šnore E.*, 1997. Lejasdopeļu kapulauks senajā Sēlijā // Arheoloģija un etnogrāfija 19. Rīga.
- Švābe A.*, 1922. Latvijas vēsture. 2. sēj. Rīga.
- Švābe A.*, 1936. Jersikas karaļvalsts // Senatne un māksla. 1. Rīga.
- Tuulse A.*, 1948. Die Spätmittelalterliche Steinskulptur in Estland und Lettland. Helsinki.
- Urtāns J.*, 2004. Arī arheologi griež šķīvīti // Vides vēstis 9. Rīga.
- Vasks A.*, 1974. Izrakumi Vaidu kapos // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1973. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.
- Vierhuff G.*, 1877. Einige Gräberfunde // Sitzungsberichte Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1876. Rīga.
- Vilcāne A.*, 1997. Daži rakstīto avotu fakti par Jersiku arheoloģisko izrakumu gaismā // Latvijas vēstures institūta žurnāls 1. Rīga.
- Vilcāne A.*, 1998. Latgaļu senlietu atradumi Daugavas lejtecē un Rīgā (10.–13. gs.) // Senā Rīga. Pētījumi pilsētas arheoloģijā un vēsturē 1. Rīga.
- Vilcāne A.*, 2003. Jersikas pilskalna apdzīvotība // Latvijas vēstures institūta žurnāls 3. Rīga.
- Vilcāne A.*, 2004. Senā Jersika. Rīga.
- Zariņa A.*, 2006. Salaspils Laukskolas kapulauks. 10.–13. gadsimts. Rīga.
- Żółkowska J.*, 2012. Disc pendants with St. George`s image from the early medieval period in Poland // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe Archaeological and Historical Evidence. Kraków, Leipzig, Rzeszów, Warszawa.
- Żółkowska J.*, 2016. Przyczynek do badań nad wczesnośredniowiecznymi zawieszkami z wizerunkami przypisywanymi św. Jerzemu. Znaleziska z obszaru Polski // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego XXXVII. Rzeszów.

Сокращения:

RDM, A, VI – фонды Национального музея истории Латвии

AI – шифр археологической коллекции Института истории при Таллинском университете

* * *

Спирзис Роберт, PhD, Puza,

Институт Истории Латвии при Латвийском Университете.

E-mail: spirgis@inbox.lv

Р. Йонайтис, И. Каплунайте

Радиоуглеродный и изотопный анализ погребений могильника на ул. Бокшто в Вильнюсе

Резюме. Радиоуглеродное датирование (^{14}C) – это метод, при котором возраст объекта определяется путем измерения количества радиоактивного углерода, остающегося в материале, и его распада с периодом полураспада (5730 лет). Этот метод используется с 1946 г., но до сих пор ведутся дискуссии о его надежности. Обычно выделяют несколько проблем, связанных с использованием этого метода в археологии. Одной из проблем, связанных с датировкой человеческих костей, является так называемый «пресноводный резервуарный эффект». Это означает, что древний углерод может поступать через пищевую цепь и вызывать неожиданный эффект удревления человеческих костей. Основным способом проверить возможное влияние этого эффекта на ^{14}C -даты является измерение значений стабильных изотопов (углерода и азота) в костях человека.

В данной статье рассмотрены проблемы, связанные с радиоуглеродным датированием костей человека, на примере средневекового кладбища в Вильнюсе, ул. Бокшто 6, а также результаты исследования стабильных изотопов.

Ключевые слова: Вильнюс, средневековое кладбище, радиоуглеродное датирование, «пресноводный резервуарный эффект», стабильные изотопы.

R. Jonaitis, I. Kaplūnaitė. Radiocarbon and Isotope Analysis of Burials from the Cemetery at Bokshto Street in Vilnius

Abstract. Radiocarbon dating (^{14}C) is a method when the age of the object is determined by measuring the amount of the radioactive carbon remaining in the material and its decay with a half-life (5730 years). This method has been used since 1946, but there is still a discussion about its reliability. Usually there are several problems associated with using of this method in archeology. One of the problems concerning the dating of human bones is the so-called “freshwater reservoir effect”. It means that ancient carbon can pass through the food chain and cause unexpectedly old ages in human bones. The main way to test the possible impact of this effect on ^{14}C dates is to measure the values of the stable isotopes (carbon and nitrogen) in human bones.

This article discusses the problems associated with radiocarbon dating of human bones on the example of a medieval cemetery in Vilnius, Bokšto St. 6, as well as the results of the study of stable isotopes.

Keywords: Vilnius, medieval cemetery, radiocarbon dating, “freshwater reservoir effect”, stable isotopes.

В 2006–2014 гг. проводились масштабные археологические раскопки на ул. Бокшто в Вильнюсе, во время которых был обнаружен могильник позднего Средневековья¹. Его исследования не раз были представлены в статьях, на разных конференциях, в том числе и на Псковском семинаре им. академика В. В. Седова (Йонайтис, 2009, 2011, 2013). За все это время исследованная территория составила около 6000 м². Обнаружено более 20000 единиц керамики, изделий из металла, стекла, кости и рога, других находок. По обнаруженным находкам и стратиграфии установлено что время использования могильника – весь XIV в. и начало XV в. Кроме того, выдвинута гипотеза о том, что первые захоронения тут могли появиться еще во второй половине XIII в.² В могильнике выявлено более 500 погребений по обряду ингумации. После обобщения всех полученных данных установлено, что здесь должны были быть погребены христиане. Этот могильник является уникальным памятником в контексте средневекового Вильнюса. Христианство, точнее католицизм, было официально принято в Литве только в 1387 г., поэтому существование христианского могильника в языческом Вильнюсе является предметом научных дискуссий.

Исследуемый объект попадает на территорию Русского конца, или «*Civitas Rutenica*», – впервые упомянутого в письменных источниках 1385 г.³ Однако в историографии выдвинута гипотеза о том, что первые православные в Вильнюсе могли появиться уже во второй половине XIII в., а заселенный православными пригород в Вильнюсе начал формироваться еще в начале XIV в.⁴ Появлению такой гипотезы способствовали именно исследования на ул. Бокшто. Однако с такой датировкой согласны не все исследователи, и есть мнение, что могильник может быть датирован более поздним временем⁵. В целом погребальный обряд XIII–XIV вв., его переход от трупосожжения к ингумации

¹ В 2005 г. на территории Бокшто 6, были проведены разведывательные археологические исследования (Sarcevičius, 2006). С 2006 по 2014 гг. (с небольшими перерывами) здесь проводились детальные археологические исследования (Jonaitis, 2009, 2018; Kaplūnaitė, 2014, 2016).

² Jonaitis, 2013.

³ О «*Civitas Rutenica*» и о самом могильнике написана и защищена диссертация одного из авторов см.: Jonaitis, 2013.

⁴ Jonaitis, 2013.

⁵ Некоторым исследователям, особенно могильника в Кярнаве, полученные даты могли показаться неубедительными. В Кярнаве в 1993 г. был обнаружен и исследован грунтовый могильник, датруемый XIII–XIV вв. Погребальный инвентарь очень схож с находками из могильника в Вильнюсе. Исследователи могильника в Кярнаве его сопоставляют не с православной колонией, а с ятвяжским элементом, хотя не отрицают и славянского влияния (подробнее см.: Vėlius, 2005). По этому вопросу дискуссия

в Литве вызывает множество дискуссий. Как, в частности, и появление первых православных в еще языческом Вильнюсе. Поэтому хронология могильника на ул. Бокшто является особенно важным вопросом.

Для того чтобы как можно точнее определить время использования могильника и внести больше ясности в решение этой проблемы исследования средневекового погребального обряда в Литве, было решено провести радиоуглеродное датирование костей людей, захороненных в могильнике Бокшто. Осенью 2012 г. Институт истории Литвы получил грант на научные исследования того объекта, который до этого финансировался частными лицами. Так, из остеологического материала могильника были отобраны 27 образцов для исследования по методу ^{14}C , AMS, которое проводилось в Познанской радиоуглеродной лаборатории при Университете им. А. Мицкевича (Польша) под руководством профессора Томаша Гослара. Образцы подготовила доктор кафедры антропологии и гистологии Вильнюсского университета Юстина Казокайте.

Основные цели/задачи, которые мы перед собой ставили: датировка обнаруженных ювелирных изделий и определение нижней даты использования могильника. Потому что верхняя граница – начало XV в. – уже была известна по стратиграфии, другим археологическим находкам и всему контексту. Исходя из целей, были определены погребения, из которых взяты образцы для датирования: пробы взяты там, где был обнаружен погребальный инвентарь; из двойных погребений, когда умерших старались хоронить в одну и ту же яму. Мы также старались взять образцы из всей предполагаемой площади могильника, т. е. из погребений в центральной части могильника и на периферии. Также для датирования выбрано одно погребение, которое по стратиграфии и по контексту датируется не временем существования могильника, а XVI в.⁶ Здесь женщина погребена на животе.

27 образцов – это довольно большая выборка, одна из самых больших в Литве, принадлежащая одному могильнику. Однако в могильнике на улице Бокшто обнаружено более чем 500 погребений (кроме того, по меньшей мере 200 индивидов из разрушенных погребений), поэтому датированные погребения составляют менее 4% от общего числа всех погребений. Все-таки полученные результаты позволяют ответить на поставленные вопросы.

Из лаборатории, как обычно, были получены калиброванные и некалиброванные даты (представлены в таблице 1). Поскольку, если говорить о средневековье, некалиброванные даты дают большую погрешность, целесообразнее анализировать калиброванные даты. Полученные даты были предоставлены с точностью в 68,2% и 95,4%, когда 95,4% дают самые большие хронологические «ножницы», однако являются более надежными.

продолжается. Подробнее см.: *Zabiela*, 1995; *Jonaitis*, 2013; *Dubonis*, 2004; *Luchtanas, Vėlius*, 1996; *Dubonis*, 2009; *Vėlius*, 2009; *Велюс*, 2013.

⁶ Далее не будем рассматривать погребение № 347, выпадающее из общего контекста могильника, в котором женщина погребена на животе, а по археологическим данным само погребение является более поздним, датируется XVI в. Умершая погребена здесь, когда сам могильник уже не функционировал.

Видно, что большая часть всех датированных образцов попадает в период одновекового уплощения калибровочной кривой – XIV в. Даже 19 образцов из 26 можно одинаково достоверно датировать и первой половиной XIV в. и второй половиной XIV в. Таким образом, полученные результаты показывают, что в могильнике хоронили весь XIV в., а часть погребений попадают и в XV в. Эти результаты подтвердили хронологию могильника, полученную из других источников. Однако результаты нескольких образцов уточнили до этого использованную раннюю хронологию могильника. То есть из 26 случаев даже 7 дат подпадают в XIII в. и не выходят за его рамки. Эти образцы избежали уплощения калибровочной кривой, поэтому их датировка на уровне достоверности в 95,4% имеет только один единственный диапазон, не выходящий за рамки XIII в. Таким образом, уже опираясь и на данные углеродного датирования, можно сказать, что в этом могильнике первые умершие были погребены еще во второй половине XIII в., при правлении Великого князя Литовского Витяниса (1295–1316 гг.), или даже Трайдяниса (1268 (1269?) – 1282 гг.). Могильник использовался весь XIV в., а самые поздние погребения датируются началом XV в. Видно, что полученные радиоуглеродные даты отражают все время использования могильника. Однако это связано с отбором образцов для датирования – мы старались отследить начало использования данного могильника.

После датирования человеческих костей по методу ^{14}C и предоставления полученных результатов (например: *Jonaitis*, 2013. Р. 70–72) выяснилось, что часть исследователей к ним относятся довольно скептически. Недоверие было особенно очевидным в ходе устных дискуссий⁷. В сомнениях относительно дат могильника часто звучало утверждение о возможном потенциальном воздействии так называемого резервуарного эффекта на отобранные пробы. К примеру, оценив, что резервуарный эффект может повлиять на углеродные даты железного века, Л. Курила подчеркнул необходимость критического анализа результатов более поздних захоронений, включая могильник на ул. Бокшто (см.: *Kurila*, 2015. С. 72). Схожая необходимость оценки потенциального влияния резервуарного эффекта на данные исследуемого могильника также была выражена и в работе авторского коллектива (*Kuncevičius et al.*, 2015. Р. 52, 79).

Углеродное датирование ^{14}C основано на точных науках, но, как и любой другой метод, имеет свои недостатки. Поэтому очень важна оценка полученных результатов и их интерпретация. Кроме того, крайне важно объединить все возможные методы датирования, археологическую стратиграфию, другие находки и любую доступную информацию. Однако даже в идеале удовлетворив условия, применяемые для этого метода, иногда при получении радиоуглеродных дат возникают разного рода вопросы. Может, ^{14}C не работает или неправильное стратиграфическое датирование и самой находки? Иногда случается так, что при сравнении со стратиграфией радиоуглеродные даты являются

---

⁷ На защите диссертации Р. Йонайтиса произошла острая дискуссия по поводу радиоуглеродного датирования в археологии (подробнее см. отзыв: *Kuncevičius*, 2014).

более ранними. Что же определило такое несоответствие? Установлено, что так могло произойти из-за так называемого резервуарного эффекта. Он бывает двух типов – морской и пресноводный. Оба этих эффекта напрямую связаны с питанием человека. Точнее, с присутствием морепродуктов, а также и пресноводной рыбы в меню.

Рыба и водные растения получают углерод из другого источника и накапливают относительно большие количества бикарбоната и азота (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 3*). В атмосфере и в биосфере углекислый газ (двуокись углерода) перемешивается быстрее, в то время как в океане перемешивание происходит гораздо медленнее, и в результате в нем растворенный углерод показывает удивительно старые даты (см.: *Kuncevičius et al., 2015. P. 42, 43; Palıncaş, 2017*). Такой углерод употребляется морскими растениями, а ими питаются морские животные, которые в конечном результате становятся пищей человека. Схожая ситуация и с пресноводным резервуарным эффектом, только тут погрешность в большей степени зависит от геологических, климатических условий местности и т. д., что определяет непостоянное содержание карбонатов в пресной воде и их различное происхождение (*Kuncevičius et al., 2015. P. 44*).

Для нас это означает, что даты ^{14}C человека, употребляющего в основном пищу водного происхождения, могут быть более ранними. Чем старше образцы, тем большую погрешность дает резервуарный эффект. Например, для периода между 5400 л. до н. э. – 700 л. н. э. погрешность колеблется в интервале 250–700 ^{14}C лет (*Philippesen, 2013. P. 1*). Погрешности исторических времен гораздо меньше, и обычно они не выходят за пределы и так полученных границ ^{14}C . Однако даже говоря о средневековых объектах, радиоуглеродное датирование ставится под сомнение, что аргументируется возможным резервуарным эффектом. Правда, следует отметить, что эта проблема датировки также может быть решена или, по крайней мере, скорректирована. Зная, что образец мог быть под воздействием резервуарного эффекта, датировку можно уточнить, используя разные формулы и математические подсчеты. Но в первую очередь надо установить рацион питания, т. е. могла ли пища водного происхождения воздействовать на полученные даты ^{14}C . Это устанавливается изучением стабильных изотопов углерода и азота в костном коллагене.

Исследования стабильных изотопов как средства проверки потенциального резервуарного эффекта особенно важны для мест, близких к источникам воды, – морям, озерам, рекам. Следует отметить, что в Вильнюсе много разного рода источников воды. Во-первых, это реки Нярис и Вильня. В Средневековье на территории нынешнего старого города Вильнюса также было множество речушек и ручьев (часть из них позднее были канализованы). Поэтому более точное определение преобладающего рациона питания здесь имеет большое значение.

Таким образом, ввиду объективных сомнений, для того чтобы проверить, действительно ли рацион питания погребенных в данном могильнике людей мог повлиять на полученные даты, было решено провести анализ стабильных изотопов углерода и азота (так как в Вильнюсе более вероятно влияние резервуарного эффекта пресной воды, исследования только лишь изотопов углерода

были бы недостаточными⁸). Вместе с тем, что особенно важно в нашем случае, это позволяет проверить, могло ли потребление пресноводной рыбы оказать более существенное влияние на даты ^{14}C из могильника на ул. Бокшто. Кроме того, эти исследования позволяют выявить распространенную диету и ее тенденции, отражающие развитие каждодневного меню.

Коллаген человека колеблется очень медленно, в течение от 10 до 30 лет, поэтому данные о стабильных изотопах коллагена показывают средний рацион за последние 10 лет жизни (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 4*). Для того чтобы определить, может ли образец быть под воздействием морского резервуарного эффекта, достаточно выполнить анализ стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$), а затем применить коррекции резервуарного эффекта по географической местности (*Kunzevičius et al., 2015. P. 45*). Коррекция и установка пресноводного резервуарного эффекта является более сложным процессом. Тут недостаточно стабильных изотопов углерода, надо сделать и анализ стабильных изотопов азота ($\delta^{15}\text{N}$). Один из способов корректировки погрешностей датировки, вызванных пресноводным резервуарным эффектом, зная значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$, предложила группа исследователей (*Ramsey et al., 2014. P. 789–799*). Однако вместе с тем считается, что такие поправки не всегда возможны (например: *Wood et al., 2013. P. 163–177*). Если только совместить их исследования с чисто наземными травоядными или органическим материалом из той же самой среды, что и человеческие останки. Итак, надо отметить, что очень важно установить, могли ли исследуемые образцы оказаться под воздействием резервуарного эффекта.

В отличие от ^{14}C стабильные изотопы со временем не меняются. Соотношение изотопов углерода и азота в разных продуктах варьируется, что и отражается на костной ткани человека (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 3*). Стандартно используемые величины стабильных изотопов обозначаются $\delta^{13}\text{C}$ (т. е. соотношение изотопов $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) и $\delta^{15}\text{N}$ (т. е. соотношение $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$). Величина стабильных изотопов измеряется в промилле (‰). Обычно для установления влияния морского резервуарного эффекта достаточно знать величину $\delta^{13}\text{C}$. То есть если в рационе питания преобладала морская пища, это отразится и на результатах $\delta^{13}\text{C}$. Однако для установления пресноводного резервуарного эффекта необходимо знать и величину $\delta^{15}\text{N}$, потому что при преобладании пресноводной пищи обычно фиксируются и большие величины $\delta^{15}\text{N}$ (*Fernandes et al., 2013. P. 1103*).

Таким образом, для оценки результатов исследования надо обсудить возможные величины стабильных изотопов углерода и азота в человеческой пище – растительного и водного происхождения, мясе.

Наземные растения делятся на три типа в зависимости от типа фотосинтеза, который они выполняют. Это типы C3, C4 и CAM. Типу CAM принадлежат кактусы и агавы, поэтому дальше мы его обсуждать не будем. Тип фотосинтеза растений тропических и субтропических климатических зон C4, а их среднее

---

⁸ Вильнюс находится слишком далеко от моря, поэтому вызывает сомнение воздействие морского резервуарного эффекта. И, как увидим дальше, анализ стабильных изотопов подтвердил отсутствие морского резервуарного эффекта.

значение $\delta^{13}\text{C}$ составляет $-13,1 \pm 1,2\%$ (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 3*). Это кукуруза, сахарный тростник, просо, а также некоторые виды трав. Они редко использовались в Европе (кроме проса). Все местные растения средних и холодных климатических зон имеют тип фотосинтеза С3, а их величина $\delta^{13}\text{C}$ варьирует между -34 и -20% (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 3*). Величина $\delta^{15}\text{N}$ для растений варьируется от 0 до 12% (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 4*).

Пища водного происхождения может быть разделена на морскую и пресноводную. Морская пища – это не только рыба и другие морские животные, но и морские растения (например, морские водоросли). Морские водоросли и их потребители имеют большую положительную величину $\delta^{13}\text{C}$ (*Tykot, 2006. P. 138*). Например, значения $\delta^{13}\text{C}$ млекопитающих и рыбных костей Балтийского моря варьируются от -15 до -14% (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 3*). Также величина $\delta^{15}\text{N}$ больше у морских животных и растений, чем у наземных. То есть величина $\delta^{15}\text{N}$ морской рыбы от $+11$ до $+16\%$, морских млекопитающих от $+11$ до 23% (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 4*). Величина $\delta^{15}\text{N}$ пресноводных рыб колеблется от $+6,6$ до $+9,5\%$.

Величина стабильных изотопов наземных животных варьирует в зависимости от того, чем эти животные питаются – то есть травоядные или всеядные. Например, у животных, питающихся растениями, принадлежащими к типу фотосинтеза С3, величина $\delta^{13}\text{C}$ обычно колеблется между -22 и -26% , а величина $\delta^{15}\text{N}$ – между $+4$ и $+7\%$ (по: *Tykot, 2006. P. 134. Tabl. 10–2*).

Значения $\delta^{15}\text{N}$ с каждой частью пищевой цепи увеличиваются на $2–4\%$ (*Tykot, 2006. P. 134; Antanaitis-Jacobs et al., 2009. P. 17*). А значения $\delta^{13}\text{C}$ примерно на 5% выше, чем потребляемый ими источник пищи (*Antanaitis, Ogrinc, 2000. P. 4*).

Поэтому, зная возможные величины стабильных изотопов человеческой пищи, дальше можем рассматривать величины стабильных изотопов костного коллагена человеческих костей.

Величина $\delta^{13}\text{C}$ людей, питающихся в большей степени растительной пищей, будет примерно $-18/-20\%$ и ниже, а величина $\delta^{15}\text{N}$ – между $+3$ и $+6\%$. При добавлении мяса в рацион питания (то есть в контексте здорового – всеядного – сообщества) $\delta^{13}\text{C}$ величина останется аналогичной, а $\delta^{15}\text{N}$ вырастет примерно до 10% . В случае большего употребления мяса величина $\delta^{13}\text{C}$ значительно уменьшится (-24% и ниже). Если диета основана на продуктах морского происхождения, то величина азота и углерода будет расти. То есть $\delta^{13}\text{C}$ до -13% и более (в сторону -9) и $\delta^{15}\text{N}$ до 12% и более. Например, величина $\delta^{15}\text{N}$ тюленя будет даже $+18\%$, а у им питающихся людей величина $\delta^{15}\text{N}$ будет $+20\%$ (*Antanaitis-Jacobs et al., 2009. P. 17*). Если диета дополняется пресноводной рыбой, значения $\delta^{13}\text{C}$ будут такими же, как и при потреблении растительной пищи и мяса, то есть около -20% . А величина $\delta^{15}\text{N}$ будет аналогична значению рациона из морепродуктов или даже несколько ниже, то есть от $+11\%$ и более. В смешанной диете состав изотопов изменяется незначительно, и наблюдаются различные промежуточные варианты. Лучше всего судить о каждом случае отдельно.

Таким образом, соединение результатов $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ позволяет довольно хорошо проследить существовавший рацион питания. В 2017 г. Институт ис-

тории Литвы выделил средства для проведения анализа стабильных изотопов 26 образцов. Исследование проводилось в центре физических и технологических наук при Вильнюсском университете, в отделе ядерных исследований под руководством доктора Андриуса Гарбараса. Было решено взять образцы для анализа стабильных изотопов из тех же погребений, которые уже были датированы радиоуглеродным методом ^{14}C (кроме погребения № 347, которое выпадает из общего контекста могильника). Такой выбор был определен тем, что на данном этапе исследований была поставлена задача не только определить особенности питания членов этой общины в целом, но и в частности проверить, мог ли резервуарный эффект повлиять на полученные даты по ^{14}C . В могильнике обнаружено более 500 погребений и несколько скоплений костей из разрушенных погребений, принадлежащих не менее 200 индивидам, поэтому выборка составляет не более 4% от всех погребений. Из-за такого небольшого количества образцов это исследование можно считать пилотной студией. Получив первоначальные выводы, в будущем надеемся продолжить исследования стабильных изотопов погребенных представителей общины. На этот раз планируем углубиться в изучение рациона питания в целом.

Обобщенные результаты анализа стабильных изотопов костного коллагена погребенных в могильнике на ул. Бокшто представлены в таблице 1. При изучении полученных данных стало очевидно, что все результаты очень схожи, не выявлено каких-либо колебаний между возрастными, половыми группами, богатыми погребениями. Самая маленькая величина $\delta^{13}\text{C}$ – -21,29, самая большая – -19,49‰. Самая маленькая величина $\delta^{15}\text{N}$ – 7,88‰, самая большая – 10,61‰. Меньше всего различаются величины изотопов углерода (колеблется в пределах 1,8‰). Для большинства образцов это значение находится в пределах от -20,8 до -20,2‰. Значения изотопов азота обычно колеблются от 8 до 10‰, однако в двух случаях не достигают 8‰. Также в двух случаях поднимаются выше 10‰. Тут надо обратить внимание, что самая маленькая величина изотопа углерода и самая большая изотопа азота происходят из одного и того же образца, взятого из одного погребения мужчины 30–35 лет – № 2А (исследования 2006 г.). Самая большая величина $\delta^{13}\text{C}$ (-19,49‰) – из погребения женщины 30–35 лет – № 58. Самая маленькая величина $\delta^{15}\text{N}$ (7,88‰) – в погребении ребенка 12 лет (± 30 мес.) – № 97. Однако кроме этих крайних случаев (а они статистически не очень отличаются от всех других образцов), все другие результаты очень похожи.

Видно, что у исследуемых индивидов величина $\delta^{13}\text{C}$ составляет от -19,49 до -21,33‰, это указывает на почти полное отсутствие в рационе продуктов морского происхождения (в этом случае величина углерода была бы значительно выше). Однако мясо также не преобладало (величина $\delta^{13}\text{C}$ была бы ниже). Основываясь на $\delta^{13}\text{C}$, можно сказать, что диета была основана на растительной пище (зерновых), иногда с добавлением мяса и молочных продуктов. Такая диета подтверждается и состоянием зубов погребенной общины (или не менее 26 ее членов) на ул. Бокшто – зубы сильно изношены, что свидетельствует о преобладании жесткой растительной пищи. Таким образом, можно сделать вывод, что в случае могильника на ул. Бокшто мы не можем говорить о влиянии

Таблица 1

**Данные ^{14}C и стабильных изотопов образцов
из могильника на ул. Бокшто 6, в Вильнюсе**

Номер погребения	Лабораторный №	Дата ^{14}C (некалиброванная)	Дата ^{14}C (95,4%)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
2А	Poz-52048	660 ± 30 BP	1277AD (47,5%) 1322AD 1348AD (47,9%) 1393AD	-21,29	10,61
9	Poz-52060	660 ± 30 BP	1277AD (47,5%) 1322AD 1348AD (47,9%) 1393AD	-20,53	9,78
15	Poz-52073	585 ± 30 BP	1299AD (65,9%) 1370AD 1380AD (29,5%) 1416AD	-20,66	8,90
18	Poz-52074	735 ± 30 BP	1223AD (95,4%) 1294AD	-20,97	8,27
21	Poz-52075	755 ± 25 BP	1224AD (95,4%) 1283AD	-20,24	9,53
25	Poz-52077	670 ± 30 BP	1274AD (52,7%) 1320AD 1351AD (42,7%) 1391AD	-20,50	8,62
35	Poz-52078	665 ± 35 BP	1373AD (49,5%) 1325AD 1344AD (45,9%) 1394AD	-20,84	8,81
58	Poz-52081	700 ± 30 BP	1261AD (76,4%) 1310AD 1360AD (19,0%) 1388AD	-19,49	10,27
69	Poz-52049	655 ± 35 BP	1276AD (45,8%) 1329AD 1341AD (49,6%) 1396AD	-19,87	7,96
70	Poz-52050	690 ± 30 BP	1265AD (67,8%) 1314AD 1357AD (27,6%) 1389AD	-20,43	8,09
74	Poz-52052	680 ± 30 BP	1270AD (59,5%) 1317AD 1354AD (35,9%) 1390AD	-20,48	8,80
93	Poz-52053	730 ± 30 BP	1224AD (95,4%) 1297AD	-19,94	9,25
97	Poz-52054	645 ± 30 BP	1281AD (42,4%) 1329AD 1341AD (53,0%) 1396AD	-20,68	7,88
101	Poz-52055	650 ± 30 BP	1280AD (43,7%) 1326AD 1343AD (51,7%) 1395AD	-20,23	8,42
106	Poz-52056	755 ± 30 BP	1220AD (95,4%) 1285AD	-19,89	9,72
114	Poz-52057	660 ± 30 BP	1277AD (47,5%) 1322AD 1348AD (47,9%) 1393AD	-20,39	8,68
139	Poz-52058	800 ± 30 BP	1185AD (95,4%) 1275AD	-20,73	8,05
226	Poz-52059	645 ± 30 BP	1281AD (42,4%) 1329AD 1341AD (53,0%) 1396AD	-20,66	9,08
239	Poz-52062	610 ± 30 BP	1295AD (95,4%) 1404AD	-20,82	8,38
309	Poz-52063	645 ± 30 BP	1281AD (42,4%) 1329AD 1341AD (53,0%) 1396AD	-20,72	9,74
315	Poz-52064	730 ± 30 BP	1224AD (95,4%) 1297AD	-20,59	8,40
318	Poz-52065	635 ± 30 BP	1285AD (40,0%) 1330AD 1339AD (55,4%) 1397AD	-21,27	8,89
336	Poz-52066	615 ± 30 BP	1295AD (95,4%) 1401AD	-20,30	9,22
334	Poz-52079	710 ± 30 BP	1255AD (83,8%) 1309AD 1361AD (11,6%) 1387AD	-21,33	9,10
347	Poz-52067	315 ± 30 BP	1219AD (95,4%) 1277AD	?	?
428	Poz-52068	720 ± 30 BP	1228AD (90,2%) 1302AD 1367AD (5,2%) 1383AD	-19,78	9,62
432	Poz-52071	775 ± 25 BP	1219AD (95,4%) 1277AD	-20,82	8,70

морского резервуарного эффекта. Это и логично, поскольку Вильнюс был далеко от моря и, вероятнее всего, не имел с ним хороших путей сообщения.

Величина $\delta^{15}\text{N}$ костного коллагена исследуемых индивидов позволяет дополнить знания о рационе питания. Большая часть величин $\delta^{15}\text{N}$ колеблется от +7,88 до +9,78‰, и только 2 образца немного превышают 10‰ (10,27‰ и 10,61‰). Величины достаточно высоки, чтобы показать полноценную диету, то есть пищу не только растительного происхождения, но и животного. Однако величины $\delta^{15}\text{N}$ слишком низки, чтобы показать какое-нибудь большее влияние пресноводной рыбы на рацион питания. Пресноводная рыба, судя по величинам в коллагене человеческого костного материала, или вообще не употреблялась, или, по крайней мере, не была частым гостем на столе людей, погребенных в могильнике на ул. Бокшто, и не влияла на величины $\delta^{15}\text{N}$.

В качестве примера аналогичного рациона питания мы можем упомянуть результаты из более ранних, принадлежащих позднему неолиту Литвы, исследований из Гивакарай, Плинкайгалиса и Спигинаса. Тут величина $\delta^{13}\text{C}$ колеблется между -21,9‰ и -21,4‰, а величина $\delta^{15}\text{N}$ – между +7,99‰ и +10,1‰ (см.: *Antanaitis-Jacobs et al.*, 2009. P. 23). Авторы данных исследований отмечают, что такие результаты отражают рацион питания, преимущественно основанный на белках животного происхождения (молока и мяса), между тем маловероятно, что пресноводная рыба употреблялась в сколько-то значимом количестве (*Antanaitis-Jacobs et al.*, 2009. P. 23).

В случае с могильником на ул. Бокшто такое неупотребление рыбы является довольно интересным, потому что могильник расположен неподалеку от реки Вильня. Как уже упоминалось, в самом Вильнюсе также много источников воды. Правда, следует отметить один факт: в ходе долгосрочных археологических исследований на территории по ул. Бокшто не было обнаружено ни одного рыболовного крючка или какой-нибудь другой находки, связанной с рыболовством.

Кроме того, такая ситуация не является уникальной. Например, установлено, что рыбу в средние века чаще всего употребляли представители аристократии, а особенно духовенство (*Reitsema et al.*, 2010. P. 1419). Вероятнее всего, именно монахи были основными потребителями рыбы (*Ervynck et al.*, 2014. P. 786). Тут уместно вспомнить посты духовенства. Кроме того, рыба, как ни странно, была дорогим продуктом и еще более популярным продуктом экспорта. Поэтому обычные граждане не могли себе это позволить, и часто было более выгодно продавать рыбу, чем есть ее самому (*Reitsema et al.*, 2010. P. 1419). Даже во время религиозного поста и так редкое мясо в рационе обычных горожан, вероятно, заменялось не рыбной продукцией, а растительной и молочной едой (*Müldner, Richards*, 2005. P. 46).

В качестве другого примера мы хотели бы упомянуть исследования стабильных изотопов одного монастыря в Италии, действовавшего в XIII–XVI вв. (*Torino et al.*, 2015). Монастырь был рядом с речкой, кроме того, как мы уже упоминали, считается, что именно монахи из-за поста ели больше рыбы. Поэтому можно предположить, что радиоуглеродное датирование погребенных здесь людей может быть под воздействием пресноводного резервуарного эффекта.

Однако исследования стабильных изотопов показали, что величина $\delta^{13}\text{C}$ меньше, чем 18‰ (т. е. пища морского происхождения не употреблялась), а величина $\delta^{15}\text{N}$ колеблется от 5,3‰ до 10,1‰ (Torino *et al.*, 2015). Авторы данного исследования указывают, что полученные результаты подтверждают отсутствие пресноводной рыбы в меню, поэтому радиоуглеродные даты являются достоверными (Torino *et al.*, 2015). Этот пример показывает, что даже монахи не обязательно употребляли много рыбы и что предпосылки не всегда подтверждаются.

Таким образом, опираясь на результаты 26 образцов, видно, что они очень схожи, то есть не выявлено каких-либо заметных колебаний между разными возрастными и половыми группами, богатством погребального инвентаря. Как и не выявлено каких-либо закономерностей. Кроме того, результаты стабильных изотопов, предположительно более богатых погребений (похороненных с погребальным инвентарем – украшениями), не отличаются от всех остальных. Также установлено, что все результаты очень схожи за все время использования могильника – не выявлено никаких различий между ранними погребениями второй половины XIII в. и самими поздними, датируемыми рубежом XIV–XV вв.

Все члены общины, похороненные в данном могильнике, в каждодневном рационе употребляли одинаковую пищу. Тут уместно напомнить, что, хотя образцы для исследования брались из разных мест могильника, основное внимание уделялось тем погребениям, в которых был обнаружен погребальный инвентарь. Можно предположить, что полученные результаты лучше отражают рацион питания более богатых членов общества, в частности индивидов женского рода. А также лучше отражается ранее время использования могильника. Правда, брались образцы и из погребений без погребального инвентаря, из верхних горизонтов, однако какая-либо разница не замечена.

Таким образом, исследования стабильных изотопов $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ костного коллагена из могильника на ул. Бокшто в Вильнюсе показали, что все 26 исследованных индивидов были всеядными, в большинстве употреблявшими растительную пищу, а свой рацион дополнявшие мясом и молочными продуктами. Пресноводная рыба либо вообще не употреблялась, либо употреблялась в очень незначительных количествах, чтобы оставить более яркий след в костном коллагене. Такие результаты позволяют исключить возможное воздействие пресноводного резервуарного эффекта (так же, как и морского) на даты, полученные радиоуглеродным датированием.

Литература

- Велос Г., 2013. Могильник XIII–XIV вв. в Кярнаве (Кривейкишис): этническая принадлежность погребенных // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье. Вильнюс. С. 59–79.
- Йонайтис Р., 2009. Новейшие раскопки на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе: предварительный анализ результатов // АИППЗ. Заседание 54 (2008 г.). Псков. С. 414–425.
- Йонайтис Р., 2011. Раскопки на территории „CIVITAS RUTENICA“. Продолжение студии // АИППЗ. Заседание 57 (2011 г.). Псков. С. 232–235.

- Jonaitytis P., 2013. Исследования на «Civitas Rutenica» в 2011 г. Проверка теорий // АИППЗ. Заседание 58 (2012 г.). [Вып. 28]. Псков. С. 380–383.
- Antanaitis I., Ogrinc N., 2000. Chemical analysis of bone: stable isotope evidence of the diet of the Neolithic and Bronze Age people in Lithuania // Istorija. XLV. Vilnius. P. 3–12.
- Antanaitis-Jacobs I., Richards M., Daugnora L., Jankauskas R., Ogrinc N., 2009. Diet in early Lithuanian prehistory and the new stable isotope evidence // Archaeologia Baltica. 12 / Ed. A. Girininkas. Klaipėda. P. 12–30.
- Dubonis A., 2004. Lietuva po karaliaus Mindaugo mirties: kova dėl sosto 1264–1268 m. // Istorijos akiračiai. Skiriama Profesoriaus, habilituoto daktaro Antano Tylos 75-mečiui. Vilnius. P. 65–76.
- Dubonis A., 2009. Gintautas Vėlius. Kernavės miesto bendruomenė XIII–XIV amžiuje. Recenzija // Lietuvos archeologija. T. 35. Vilnius. P. 259–264.
- Ervynck A., Boudin M., Van den Brande T., Van Strydonck M., 2014. Dating human remains from the historical period in Belgium: diet changes and the impact of marine and freshwater reservoir effects // Radiocarbon. Vol. 56, no. 2. P. 779–788.
- Fernandes R., Dreves A., Nadeau M. J., Grootes P. M., 2013. A freshwater lake saga: carbon routing within the aquatic food web of lake Schwerin // Radiocarbon. Vol. 55, no. 2–3. P. 1102–1113.
- Jonaitis R., 2009. Vilniaus senjojo miesto vietoje (A1610K1), sklype Bokšto g. 6, esamų pastatų vietoje, 2006–2007 m. vykdytų archeologijos tyrimų ataskaita (I DALIS. Tekstas, tyrimų nuotraukos, priedai) // Lietuvos istorijos instituto Rankraščių skyrius. F. 1, b. 4929.
- Jonaitis R., 2013. Civitas Rutenica Vilniuje XIII–XV a. Daktaro disertacija. Klaipėda.
- Jonaitis R., 2018. Vilniaus senjojo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), Ligoninės statinių komplekso (1033) ir Vilniaus miesto gynybinių įtvirtinimų liekanų (39) teritorijos, Vilniaus m. sav., Vilniaus m. Bokšto g. 6, 2009–2011 metų detaliųjų archeologinių tyrimų ataskaita. Rankraštis.
- Kaplūnaitė I., 2014. Vilniaus senjojo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), sklype Bokšto g. 6, 2012 m. vykdytų detaliųjų archeologijos tyrimų ataskaita (I DALIS. Tekstas, tyrimų ir radinių nuotraukos, priedai) // Lietuvos istorijos instituto Rankraščių skyrius. F. 1, b. 6684.
- Kaplūnaitė I., 2016. Vilniaus senjojo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), Ligoninės statinių komplekso (1033) ir Vilniaus miesto gynybinių įtvirtinimų liekanų (39) teritorijos, Vilniaus m. sav., Vilniaus m. Bokšto g. 6 2014 metų detaliųjų archeologinių tyrimų ataskaita (I TOMAS. Tekstas ir priedai) // Lietuvos istorijos instituto Rankraščių skyrius. F. 1, b. 7421.
- Kuncevičius A., 2014. Ryčio Jonaičio daktaro disertacija «Civitas Rutenica» Vilniuje XIII–XV a.» // Lietuvos archeologija. T. 40. Vilnius. P. 281–287.
- Kuncevičius A., Laužikas R., Jankauskas R., Augustinavičius R., Šmigelskas R., 2015. Dubingių mikroregionas ir Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius: Vilniaus Universitetas.
- Kurila L., 2015. Žmonių kaulų iš Rytų Lietuvos pilkapių AMS ¹⁴C datavimas: rezultatai, perspektyvos // Lietuvos archeologija. T. 41. Vilnius. P. 45–80.
- Luchtanas A., Vėlius G., 1996. Laidosena Lietuvoje XIII–XIV a. // Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai. Vilnius. P. 80–88.
- Möldner G., Richards M. P., 2005. Fast or feast: reconstructing diet in later medieval England by stable isotope analysis // Journal of archaeological science. Vol. 32, iss. 1. P. 39–48.
- Palincas N., 2017. Radiocarbon dating in archaeology: Interdisciplinary aspects and consequences (an overview) [Electronic resource] // AIP Conference Proceedings. 1852. URL: <https://aip.scitation.org/doi/pdf/10.1063/1.4984870>.
- Philippson B., 2013. The freshwater reservoir effect in radiocarbon dating [Electronic resource] // Heritage Science. No. 1, 24. URL: <https://heritagesciencejournal.springeropen.com/articles/10.1186/2050-7445-1-24>.

- Ramsey Ch.B., Schulting R., Goriunova O. I., Bazaliiskii V. I., Weber A. W., 2014. Analyzing Radiocarbon Reservoir Offsets through Stable Nitrogen Isotopes and Bayesian Modeling: A Case Study Using Paired Human and Faunal Remains from the Cis-Baikal Region, Siberia // *Radiocarbon*. Vol. 56, no. 2. P. 789–799.
- Reitsema L. J., Crews D. E., Polcyn M., 2010. Preliminary evidence for medieval Polish diet from carbon and nitrogen stable isotopes // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 37, iss. 7. P. 1413–1423.
- Sarcevičius S., 2006. Archeologinių žvalgomųjų tyrimų Vilniuje, Bokšto g. Nr. 6, ataskaita. 2006 // Lietuvos istorijos instituto rankraščių skyrius. F. 1, b. 4535.
- Tykot R. H., 2006. Isotope Analyses and the Histories of Maize // *Histories of Maize: Multidisciplinary Approaches to the Prehistory, Linguistics, Biogeography, Domestication, and Evolution of Maize* / Eds.: J. E. Staller, R. H. Tykot, B. F. Benz. Burlington, Massachusetts. P. 131–142.
- Torino M., Boldsen J. L., Tarp P., Rasmussen K. L., Skytte L., Nielsen L., Schiavone S. Terrasi F., Passariello I., Ricci P., Lubritto C., 2015. Convento di San Francesco a Folloni: The function of a medieval franciscan friary seen through the burials // *Heritage Science*. No. 3, 27.
- Vėlius G., 2005. Kernavės miesto bendruomenė XIII–XIV amžiuje. Vilnius.
- Vėlius G., 2009. Kernavė – «Inovacinio kiemo galimybės»? // Lietuvos archeologija. T. 35. Vilnius. P. 265–278.
- Wood R. E., Higham T. F. G., Buzilova A., Suvorov A., Heinemeier J., Olsen J., 2013. Freshwater Radiocarbon Reservoir Effects at the Burial Ground of Minino, Northwest Russia // *Radiocarbon*. Vol. 55, no. 1. P. 163–177.
- Zabiela G., 1995. Laidosena pagoniškoje Lietuvoje // Lietuvos archeologija. T. 15. Vilnius.

* * *

Йонайтис Рутис, PhD, Вильнюс, Институт истории Литвы.
E-mail: archjonaitis@gmail.com

Каплунайте Ирма, PhD, Вильнюс, Институт истории Литвы.
E-mail: irma.kaplunaite@gmail.com

А. В. Чугаев, И. Е. Зайцева

Изотопный состав свинца в украшениях из средневековых сельских поселений Суздальского Ополя и идентификация источников металлов¹

Резюме. В статье рассматриваются результаты изучения изотопных меток свинца в 38 предметах, обнаруженных на средневековых сельских памятниках Суздальского Ополя. Металл, из которого изготовлены проанализированные экземпляры, происходит из нескольких горнодобывающих регионов. Их идентификация в ряде случаев оказалась затруднена из-за близости изотопного состава свинца месторождений некоторых районов. Наиболее надежные выводы о потенциальных регионах поступления металла могут быть сделаны в отношении бронзовых предметов, представленных преимущественно крестами-тельниками. Источником металла для них, вероятнее всего, являлись руды колчеданных месторождений острова Крит и, возможно, в меньшей степени – Рудных гор и рудника Раммельсберг.

Для изделий из серебра и свинцово-оловянного сплава Pb-Pb данные указывают на несколько потенциальных горнодобывающих центров. Среди них следует выделить районы полиметаллических и серебро-полиметаллических месторождений Таврский гор (Турция), эпитермальных месторождений Загрской горной области (Иран), архипелага Киклады (Греция), Родопских гор (Греция, Болгария), месторождения Рейнских сланцевых гор (Германия), Рудных гор и Богемии (Германия, Чехия), гор Гарц (Нижняя Саксония), а также Британских островов (Великобритания). В результате проведенных исследований можно утверждать, что металл большинства предметов этой группы происходит из европейских месторождений, что не согласуется с концепцией о монетном серебре (дирхемах) как основном источнике металла для древнерусских серебряных украшений X–XI вв.

Представленные результаты изучения изотопного состава свинца в суздальских предметах X–XII вв. свидетельствуют о том, что Pb-Pb метод перспективен для решения задач по установлению источников металла для средневековых материалов. Он расширяет возможности по выявлению путей поступления сырьевых продуктов на территорию Северо-Восточной Руси и выявлению экономических и культурных контактов региона.

Ключевые слова: месторождение металла, изотопная метка, свинец, бронза, серебро, свинцово-оловянный сплав, средневековье, Древняя Русь.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 17-29-04129.

A. V. Chugaev, I. E. Zaitseva. Lead Isotopic Composition in Decorations from Medieval Rural Settlements of Suzdal Opolye Region and Identification of Metal Sources

Abstract. The article deals with the results of the study of lead isotope composition in 38 items originating from the medieval rural sites of the Suzdal Region. The metal of the analyzed objects comes from several mining regions. The identification in some cases was difficult due to the conformity of the lead isotopic composition of deposits in some regions. The most reliable conclusions about the potential sources of metal can be made for bronze objects represented mainly by crosses. The source of metal for them, likely, was the ores of the VHMS deposits of the island of Crete and, perhaps to a lesser extent, Erzgebirge and the Rammelsberg mining regions.

For silver and lead-tin alloy objects, the Pb-Pb data points to several mining centers. Among them are the districts of polymetallic and silver-polymetallic deposits of the Taurus mountains (Turkey), epithermal deposits of the Zagros mountain region (Iran), the Cyclades archipelago (Greece), the Rhodope mountains (Greece, Bulgaria), deposits of the Rheinisches Schiefergebirge (Germany), Erzgebirge and Bohemia (Germany, Czech Republic), the Harz mountains (Lower Saxony), and the British Isles (Great Britain). As a result of the study, it can be argued that the metal of most objects in this group was mined from European deposits. This conclusion does not agree with the concept that coin silver (dirhams) was the main source of metal for ancient silver jewelry of the 10th–11th centuries.

The presented results of the lead isotopic composition for Suzdal objects of the 10th–12th centuries indicate that the Pb-Pb method is promising for identification of the sources of metal for medieval materials. It expands the opportunities to identify ways of obtaining raw materials on the territory of North-Eastern Russia and identify economic and cultural contacts in the region.

Keywords: metal deposit, Pb-isotope mark, lead, bronze, silver, lead-tin alloy, middle ages, Kievan Rus.

Введение. Общеизвестным является факт, что Древняя Русь не имела собственных рудных источников цветных и благородных металлов. Все сырье для изготовления драгоценных украшений и изделий массового потребления было привозным. Вопросы мест происхождения и путей поступления сырьевых материалов для мастеров-ювелиров разных городов и регионов обширного древнерусского государства обсуждаются практически в каждой фундаментальной работе по металлообработке. Используются данные письменных источников (см., например: *Ениосова и др.*, 2008. С. 155–162), анализируются материалы производственных комплексов (*Королева*, 1996; *Зайцева, Сарачева*, 2011; *Олейников, Руденко*, 2017 и др.), товарные слитки, однако основной базой для рассуждений о рудных источниках и путях поступления металлов в различные производственные центры являются массивы данных по химическому составу сплавов готовых изделий и производственных находок разных памятников и регионов и их сопоставление (см., например: *Ениосова, Сарачева*, 2005; *Зайцева, Сарачева*, 2011. С. 127, 128; *Ениосова*, 2016; *Ениосова, Митоян*, 2011; *Ениосова и др.*, 2017). Наиболее полно в настоящее время эта работа проделана для Новгорода.

Изучение изотопного состава свинца в предметах является одним из эффективных подходов в современных археологических исследованиях при

идентификации источников поступления металла (*Gale, 1999; Baker et al., 2006; Baron et al., 2011; Pollard, Bray, 2015, Holmqvist et al., 2019* и др.). В работах отечественных медиевистов он пока еще не получил широкого применения. Методом Pb-Pb определено происхождение трех медных слитков XV в. из Новгорода, выплавленных из руд восточно-альпийских месторождений (*Гайдуков, Олейников, 2014*). Убедительные данные получены для 9 серебряных предметов из ранне-средневекового клада Суджа-Замостье из Курской области. Они были изготовлены из металла, выплавленного из руд Карпатского региона (*Сапрыкина и др., 2017*). Некоторые исследователи выражают скепсис в отношении возможности определения источника металла для средневековых предметов, справедливо отмечая, что в это время «путь от исходного сырья до готовой продукции стал вероятно длинным» (*Королева, 2017. С. 28*). Широкое использование лома в это время «затушевывает» первичные изотопные «метки».

Регион Суздальского и Юрьевского Ополя, один из важнейших центров русской государственности, в настоящее время изучен достаточно подробно работами Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН: обследовано около 370 средневековых селищ, определены основные структуры расселения в различные хронологические периоды, собранная коллекция вещевых находок насчитывает более 15 тыс. предметов, около четверти которой составляют предметы из цветных металлов и серебра. Методами оптико-эмиссионного спектрального анализа, рентгенофлуоресцентного анализа и сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (SEM-EDX) определен состав металла более 300 находок, относящихся ко второй половине X–XIII в.

Одним из результатов полевых работ экспедиции стало выявление и характеристика новой категории археологических памятников – неукрепленных селищ крупных размеров, получивших название «большие поселения» (*Макаров, Федорина, 2015; Макаров и др., 2018*). Это поселения площадью от 4 га «со следами производственной деятельности, находками предметов, связанных с дальней торговлей, и престижных вещей, а также многокомпонентным характером культуры, включающей элементы, принадлежащие различным этническим традициям» (*Макаров и др., 2018. С. 7*). Сеть больших поселений (в настоящий момент обследовано 10 комплексов), на которых была сосредоточена местная элита, определяла экономико-культурную ситуацию в регионе в X – первой половине XII в. (*Макаров и др., 2018. С. 23*). Одним из видов производственной деятельности на селищах было изготовление украшений.

Большие поселения являлись в XI – начале XII в. центрами христианизации жителей обширного отдаленного региона. Найденные в Ополье предметы личного благочестия – кресты-тельники, энколпионы, небольшие образки – представлены в основном изделиями стандартных типов, хорошо известных и в других областях Древней Руси, оригинальными или сделанными по оттиску готовых предметов. Вместе с тем эта категория литья, несомненно, изготавливалась в местной среде: на селище Большое Давыдовское 2 обнаружен бракованный крест-тельник (*Зайцева, 2012. С. 34, 35*). Картография находок некоторых типов образков позволила М. В. Седовой говорить об их производстве в Северо-Восточной Руси (*Седова,*

1974), на основе морфологии и состава сплавов нами выявлен местный вариант крестов скандинавского типа (Макаров, Зайцева, в печати).

Цель настоящей работы заключается в определении возможных областей (источников) происхождения металла украшений из сельских поселений и могильников Суздальского Ополя на основе результатов высокоточного изотопного анализа свинца. Основное внимание было уделено крестам-тельникам. Для сравнения были привлечены находки других категорий, маркирующие различные направления экономических и этно-культурных связей, а также предметы предположительно местного изготовления. Исследование имеет не только прикладной характер – анализ конкретного материала, но и методический аспект – возможна ли идентификация областей происхождения металла для подверженным переплавкам предметов эпохи Средневековья. Для изучения было отобрано 38 находок из 13 памятников. Большинство из них (30 экз.) происходит из сборов на участках больших поселений: Шекшово 2, Гнездилово 2, Суворотское 8, Кибол 5, Кубаево 7, Тарбаево 5 и из погребений некрополя одного из таких поселений Шекшово 9, остальные собраны на рядовых поселениях XI–XIII вв.: Сорогужино 2, Михали 3, Мордыш 1, Семеновское-Советское 2, Торки 4, Крапивье 6.

7 предметов изготовлены из легкоплавких сплавов²: из 5 проанализированных крестов-тельников этой группы 4 были отлиты из сплава на основе олова с добавками свинца в концентрации от 2 до 27%. В металле 2 крестов содержание цинка составляло 1,3% и 1,7% (образцы 1, 6³; рис. 1). Один крест был изготовлен из сплава на основе свинца (95,6%) с добавлением 4,2% олова (рис. 1: 34). Состав металла пластины головного венчика (рис. 1: 3) и подвески-имитации дирхема (рис. 1: 4) из погребений могильника Шекшово 9 не определен.

18 находок отлиты из сплавов на основе серебра. В этой группе всего 3 креста ввиду общей малочисленности серебряных тельников (рис. 2: 22, 24, 27). Для сравнения были привлечены мерянское браслетообразное втульчатое височное кольцо (рис. 2: 15) и оплавленные украшения из разрушенных кремаций X – начала XI вв. из могильника Шекшово 9 – фрагмент дротовой шейной гривны (рис. 2: 10) и завязанный щитковый перстень (рис. 2: 8), подвеска скандинавского типа с изображением свернувшегося зверя (рис. 2: 19), две поясные накладки из одного набора, имеющие болгарское происхождение (рис. 2: 13, 16), византийская монета миллиарсий (рис. 2: 17), куфическая монета дирхем (рис. 2: 18), древнерусские – два перстнеобразных височных кольца и бусина от трехбусинного (рис. 2: 9, 11, 12), обломок звездчатого колта (рис. 2: 14), проволочный завязанный браслет (рис. 2: 20), а также маркер местного производства – бракованный пластинчатый перстень с геометрическим узором из Шекшово 2 (рис. 2: 5).

Для 11 предметов группы определен состав металла. В 7 из них серебро составляет от 90,6 до 97,2%, медь от 1,26% до 4,1%, висмут от 0 до 0,59% (среднее значение 0,31%). Содержание свинца невысокое: от 0 до 1,6%. В 3 находках

² Состав металла определен методом рентгено-флуоресцентного анализа на приборах Bruker Mistral 1 (аналитики И. А. Сапрыкина и А. О. Шевцов).

³ Номера образцов указаны в табл. 1.

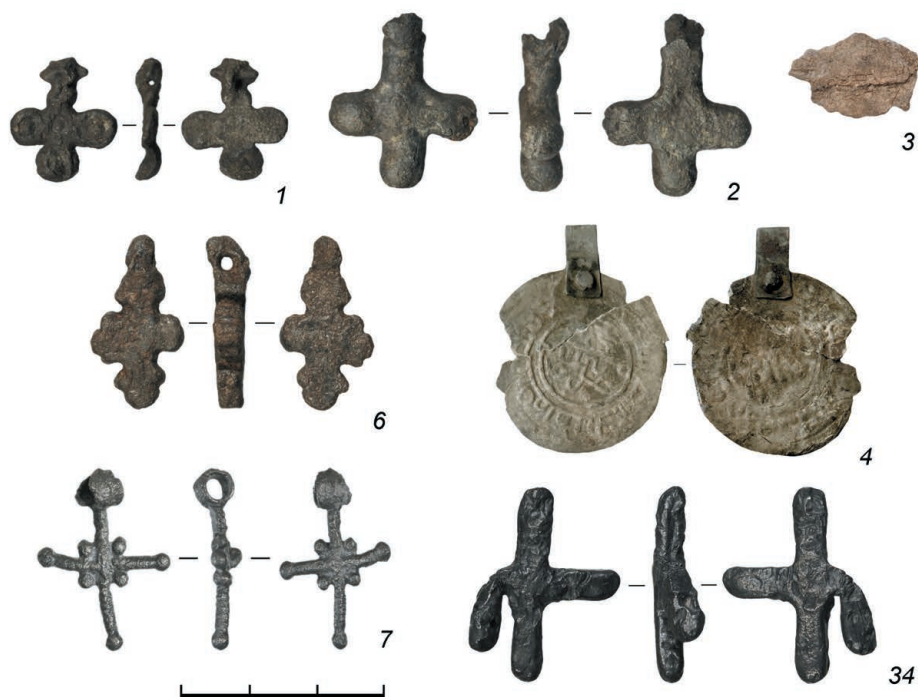

Рис. 1. Проанализированные предметы из легкоплавких сплавов

серебро содержится в интервале концентраций 82–88%, цинк 1–1,5%, медь – 6,65–10%, висмут 0,23–0,34%. Один крест отлит из биллона, содержащего 42% серебра и 55% меди (рис. 2: 24).

13 предметов сделаны из сплавов на основе меди. Среди них 9 крестов-тельников, один обломок энколпиона, змеевик и два выпуклых квадратных щитка от перстней (рис. 3). Известен состав металла 12 находок. 4 креста отлиты из оловянно-свинцовой бронзы (рис. 3: 32, 35–37). Содержание олова варьирует от 11 до 26,5%, свинца от 1,4% до 8%. В эту группу входит крест из Торок 4, изготовленный из высокооловянной «белой» бронзы, имитирующей серебро. Вероятно его местное происхождение (рис. 3: 35). 8 предметов изготовлены из многокомпонентного сплава с добавками цинка. Только в 2 случаях содержание цинка составляет 5,5% и 9%⁴, в остальных оно не превышает 2% и, скорее всего, является маркером переплавки лома. Энколпион и два тельника имеют белый цвет за счет высокого содержания олова (более 20%). Состав металла двух щитков от перстней близок: олово представлено в них в концентрации 17–21% (рис. 3: 21, 28). Возможно, перстни с выпуклыми лицевыми щитками производились в Ополье.

⁴ В этих же крестах зафиксировано повышенное содержание мышьяка: 2,4%, 2,9%.

Рис. 2. Проанализированные предметы из сплавов на основе серебра

Методика изотопного анализа свинца в археологических предметах. Изучение изотопного состава свинца в археологических предметах выполнено в лаборатории изотопной геохимии и геохронологии ИГЕМ РАН с помощью метода высокоточного анализа – многоколлекторной масс-спектрометрии с ионизацией вещества в индуктивно связанной плазме (MC-ICP-MS). Анализировались пробы весом 0.01–0.03 г. Предварительно поверхность предмета в месте отбора пробы очищалась от загрязнения и оксидных пленок с помощью 3%-раствора HNO_3 и дистиллированной воды. Химическая подготовка пробы заключалась в ее растворении в смеси чистых неорганических кислот 8M HNO_3 + 6M HCl в соотношении 2:1. Проба выдерживалась в смеси кислот в герметичном PFA-сосуде в течение 12 часов при атмосферном давлении и температуре около 100 °С. Полученный раствор упаривался досуха, после чего солевой осадок обрабатывался 1M HBr . Для получения чистых препа-

Рис. 3. Проанализированные предметы из бронзы

ратов Pb использовалась ионообменная хроматография. Хроматографическое отделение Pb от элементов матрицы осуществляли в одну стадию в среде HBr на PFA-микроколонках, заполненных анионообменной смолой Bio-Rad AG-1X8 (0.1 см³) (Чугаев и др., 2013). Общий процедурный «холостой» не превышал уровень 0.1 нг Pb.

Масс-спектрометрические измерения изотопных отношений свинца выполнены на многоколлекторном масс-спектрометре NEPTUNE (Чернышев и др., 2007). Анализ проводился в режиме «wet plasma» для растворов образцов, трассированных таллием (Tl). Корректирование эффекта приборной масс-дискриминации осуществлялось по результатам измерения опорного отношения $^{205}\text{Tl}/^{203}\text{Tl}$, которое принималось равным 2.3889 ± 1 . Погрешность измерения изотопных отношений свинца в пробах оценивалась по долговременной воспроизводимости результатов анализа стандартного образца Pb SRM 981 ($n = 11$) и образца горной породы AGV-2 ($n = 4$), полученных в период выполнения настоящей работы. Величина аналитической погрешности для отношений $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ не превышала $\pm 0.03\%$ (2SD).

Результаты анализа. Pb-Pb изотопные данные получены для 38 предметов (табл. 1; рис. 4). Величины измеренных изотопных отношений Pb для всей изученной серии предметов лежат в относительно широких интервалах: $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 18.18\text{--}19.02$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 15.61\text{--}15.73$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 38.27\text{--}39.41$. Выявленные вариации изотопного состава Pb по своему масштабу значительны: величины коэффициента вариации ($v, \%$) для отношений $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ соответственно равны $v_{6/4} = 0.93\%$, $v_{7/4} = 0.18\%$ и $v_{8/4} = 0.71\%$ и на порядок или более превышают аналитическую погрешность (0.03%). Сопоставление изотопного состава Pb групп предметов, различающихся между собой по составу металла, показывает, что наиболее однородными Pb-Pb данными характеризуются предметы из бронзы. Измеренные для них значения изотопных отношений Pb лежат в наиболее узких диапазонах: $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 18.29\text{--}18.54$ ($v_{6/4} = 0.37\%$), $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 15.62\text{--}15.66$ ($v_{7/4} = 0.05\%$) и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 38.27\text{--}38.64$ ($v_{8/4} = 0.25\%$).

Основной вклад в общий масштаб вариаций измеренных значений изотопных отношений Pb вносят данные, полученные по серебряным предметам ($^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 18.33\text{--}19.02$; $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 15.61\text{--}15.73$; $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 38.33\text{--}39.41$) и предметам из свинцово-оловянного сплава ($^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 18.18\text{--}18.66$; $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 15.63\text{--}15.69$; $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 38.32\text{--}38.86$). В случае серебряных предметов величины коэффициента вариации для изотопных отношений Pb составляют $v_{6/4} = 1.12\%$, $v_{7/4} = 0.23\%$ и $v_{8/4} = 0.82\%$. Близкие значения этого параметра получены и для серии предметов из свинцово-оловянного сплава: $v_{6/4} = 0.81\%$, $v_{7/4} = 0.18\%$ и $v_{8/4} = 0.58\%$.

Широкие интервалы значений $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, в свою очередь, определяют существенный разброс точек изотопного состава Pb и на Pb-Pb корреляционных диаграммах (рис. 4). На графике в координатах с «ураногенными» изотопами свинца точки формируют вытянутое поле, расположенное между среднекоровой эволюционной кривой ($\mu_2 = ^{238}\text{U}/^{204}\text{Pb} = 9.74$) и кривой с величиной параметра $\mu_2 = 10.1$ (рис. 4: А). Тогда как на графике в координатах $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ - $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ точки лежат в области между эволюционными кривыми с параметрами $\omega_2 = ^{232}\text{Th}/^{204}\text{Pb} = 36.84$, $\text{Th}/\text{U} = 3.78$ и $\omega_2 = 41.0$, $\text{Th}/\text{U} = 4.06$ (рис. 4: Б).

В то же время, следует отметить неравномерный характер в распределении точек на диаграммах. Прежде всего, отчетливо выделяются компактные

Таблица 1

**Изотопный состав свинца в археологических предметах
из Суздальского Ополя**

Номер образца	Название, паспорт	$^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$	$^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$	$^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$
<i>Изделия из легкоплавких сплавов</i>				
1	Крест-тельник, Гнездилово 2-2014, № 239/151	18.5249	15.6917	38.8045
2	Крест-тельник, Гнездилово 2-2014, № 482/394	18.4266	15.6259	38.4368
3	Головной венчик, Шекшово 9-2013, р. 3, погр. 3	18.6648	15.6845	38.8636
4	Подвеска - имитация дирхема, Шекшово 9-2016, р. 2, погр. 3	18.1753	15.6452	38.3239
6	Крест-тельник, Суворотское 8-2014, № 756/60	18.4297	15.6282	38.4163
7	Крест-тельник, Сорогузино 2-2016, № 782/45	18.4114	15.626	38.4066
34	Крест-тельник, Шекшово 2-2014, № 1048/155	18.3613	15.6333	38.3563
<i>Изделия из сплава на основе серебра</i>				
5	Перстень брак, Шекшово 9-2018, № 108	18.4010	15.6379	38.4497
8	Перстень, Шекшово 9-2013, р.3, № 85	18.3457	15.6516	38.6800
9	Кольцо височное перстнеобразное, Шекшово 9-2013, р. 3, погр. 5, № 30	18.3680	15.6379	38.4272
10	Гривна, Шекшово-9-2013, р.3, № 55	18.4382	15.6611	38.6529
11	Кольцо височное перстнеобразное, Шекшово 9-2013, погр. 5, № 32	18.4003	15.6501	38.5696
12	Височное кольцо (бусина), Шекшово 9-2013, № 136	18.4058	15.6059	38.3831
13	Накладка поясная, Шекшово 9-2015, р.3, № 164	18.7553	15.7044	38.9186
14	Колт звездчатый, Шекшово 9-2014, № 15	18.4725	15.658	38.6164
15	Кольцо височное втульчатое, Шекшово 9-2015, р.3, № 162	18.7561	15.7087	38.9362
16	Накладка поясная, Шекшово 9-2015, р. 3, № 127	19.0242	15.7302	39.4082
17	Миллиарисий, Шекшово 9-2013, № 151	18.6495	15.6809	38.8319
18	Дирхем, Шекшово 9-2018, № 120	18.6051	15.6509	38.7628
19	Подвеска со зверем, Шекшово 9-2018, № 15	18.3336	15.6377	38.3254
20	Браслет проволочный, Шекшово 9-2018, № 26	18.8826	15.7238	39.3335
22	Крест-тельник, Суворотское 8-2014, № 740/144	18.3959	15.6339	38.4017
24	Крест-тельник, Михали 3-2017, № 363/72	18.4072	15.6284	38.4924
25	Колечко от креста, Михали 3-2017, № 363/72	18.3663	15.6336	38.3943
27	Крест-тельник, Суворотское 8-2013, № 465/29	18.4004	15.634	38.4065
<i>Изделия из сплавов на основе меди</i>				
21	Щиток перстня, Суворотское 8-2015, №509/28	18.4583	15.6428	38.4316
23	Энколпион, Мордыш 1-2012, № 328/73	18.3365	15.6352	38.3293
26	Крест-тельник, Суворотское 8-2012, № 677/74	18.3667	15.6372	38.3606
28	Щиток перстня, Семеновское-Советское 2-2018, № 683/65	18.3759	15.6386	38.3761
29	Крест-тельник, Кубаево7-2015, № 168/63	18.3587	15.6301	38.3507
30	Крест-тельник, Кибол 5-2017	18.3387	15.6363	38.3283
31	Крест-тельник, Шекшово 9-2018, № 97	18.3948	15.6411	38.4079
32	Крест-тельник, Шекшово 2-2015, № 651/42	18.5392	15.6607	38.6371
33	Крест-тельник, Шекшово 2-2014, № 1242/349	18.3018	15.6365	38.2836
35	Крест-тельник, Торки 4-2009, № 29	18.4163	15.6234	38.4217
36	Крест-тельник, Тарбаево 5-2011, № 608	18.3059	15.6367	38.2874
37	Крест-тельник, Крапивье 6-2018, № 15	18.3720	15.6330	38.3719
38	Змеевик, Крапивье 6-2018, № 29	18.2904	15.6398	38.2729

Примечание. Номера образцов соответствуют номерам на рис. 1–3. Погрешность измерения для изотопных отношений Pb не превышала 0.03% ($\pm 2\text{SD}$).

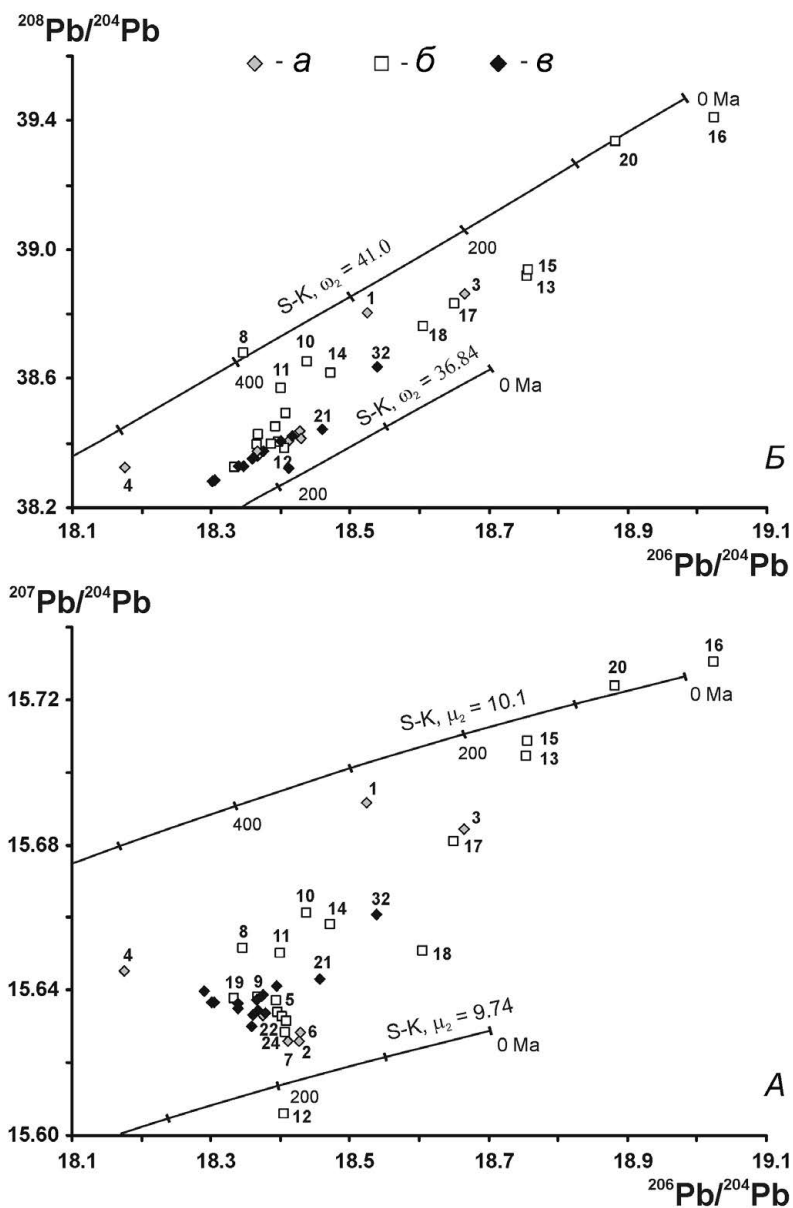

Рис. 4. Сопоставление изотопного состава свинца в предметах средневековых сельских поселений Суздальского Ополя. На диаграммах показаны кривые эволюции изотопного состава свинца по модели Стейси-Краммерса (Stacey, Kramers, 1975). Номера предметов даны по рис. 1–3 и по табл. 1, 2. Металлические сплавы на основе: а – свинца и олова; б – серебра; в – меди

поля, отвечающие изотопному составу Pb бронзовых предметов. Большинство (за исключением образца № 32) точек расположено в нижних частях рассматриваемых диаграмм вблизи среднекоровых эволюционных кривых модели Стейси-Краммерса (*Stacey, Kramers, 1975*). К полю изотопного состава Pb бронзовых предметов тяготеют также и точки некоторых серебряных предметов (№ 5, 9, 19, 22, 24, 25) и предметов из свинцово-оловянного сплава (№ 2, 6, 7; 34). В большинстве своем они представлены крестами. При этом не обнаруживается корреляции между изотопным составом свинца указанных выше предметов и местом их находки. Необходимо также отметить группу из четырех точек, представляющих серебряные предметы (№ 13, 15, 16, 20), в свинце которых установлены наиболее высокие содержания радиогенных изотопов ^{206}Pb , ^{207}Pb и ^{208}Pb . Это накладки поясного набора булгарского происхождения, мерянское втульчатое височное кольцо и проволочный завысанный браслет.

Обсуждение Pb-Pb данных и источники металла. Одним из важных условий возникновения и развития больших поселений в X–XII веках в Суздальском Ополье являлось формирование устойчивых и достаточно разветвленных ближних и дальних экономических контактов, в результате которых в регион поступали как готовые изделия, так и сырьевые материалы в виде слитков, проволоки, а также лома готовых изделий. Первичные источники металлов, вероятней всего, могли находиться в нескольких горнодобывающих регионах того времени. В пользу такого утверждения свидетельствует и значительный масштаб вариаций изотопного состава свинца внутри групп предметов, представленных изделиями из серебра и свинцово-оловянного сплава.

С древних времен традиционными источниками серебра и свинца выступали эпитермальные и стратиформные (SEDEX) месторождения (например, эпитермальные месторождения Западных Карпат (Румыния) (*Baron et al., 2011*, Рр. 1097–1098), стратиформные месторождения Таврских гор (Турция) (*Yener et al., 1991*) и месторождения Рудных Гор (Германия) (*Durali-Mueller et al., 2007*)). Месторождения этих генетических типов характеризуются относительно выдержанным изотопным составом Pb в рудах. Как правило, масштаб вариаций изотопных отношений $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ внутри отдельных рудных районов не превышает 0.2–0.3%, а для отношения $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ – 0.1–0.15% (*Marcoux et al., 2002; Durali-Mueller et al., 2007; Чернышев и др. 2007*, С. 1163–1164; *Baron et al., 2011*, Рр. 1097–1098). Для изученных предметов из серебра и из свинцово-оловянного сплава разброс полученных значений для всех трех изотопных отношений Pb в 2–3 раза превышает указанные выше оценки однородности изотопного состава Pb рудных районов. Отсюда можно заключить, что металл (как Pb, так и Ag) поступал из нескольких рудных районов. Это согласуется и с тем фактом, что экспериментальные точки на диаграмме в координатах $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ – $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ (рис. 4 а) формируют широкое поле, расположенное между эволюционными кривыми со значениями параметра $\mu_2 = 9.74$ и $\mu_2 = 10.1$. Столь широкие диапазоны значений μ_2 не характерны для эпитермальных и стратиформных месторождений одного рудного района.

Предметы из бронзы, напротив, обладают более выдержанным изотопным составом Pb. Величины коэффициента вариации изотопных отношений Pb ($v_{6/4} = 0.37\%$, $v_{7/4} = 0.05\%$ и $v_{8/4} = 0.25\%$) близки к вариациям, характерным для отдельных рудных районов колчеданных месторождений – главных источников меди в древние времена. Например, имеющиеся Pb-Pb данные для колчеданных месторождений острова Крит (*Stos-Gale, Gale, 2009*), одного из крупнейших горнорудных центров древнего мира по добычи меди, показывают вариации изотопных отношений Pb около 0.5–1%. Для другого известного своими колчеданными месторождениями Уральского региона, для которого Pb-Pb данные были получены с помощью высокоточного метода MC-ICP-MS (*Чернышев и др., 2008*), вариации изотопного состава Pb в пределах отдельных рудных районов оказались по своему масштабу аналогичны и равны 0.1–0.7%. Приведенные здесь оценки дают основание предположить, что в случае бронзовых изделий металл, вероятней всего, происходил из одного рудного региона.

Накопленные базы данных об основных центрах добычи меди, свинца и серебра эпохи Средневековья позволяют выделить наиболее перспективные регионы и провести сопоставление изотопного состава свинца месторождений и изученных предметов (*Gale, Stos-Gale, 2016*).

Источники металла бронзовых предметов. Среди древних горнорудных центров, в пределах которых в раннее и развитое средневековье в различных объемах осуществлялась добыча меди, следует отметить Урал, Швецию с известными медными месторождениями, включая рудник Фалун, острова Крит и Кипр (Греция), Пелопоннесский полуостров (Греция), Рудные горы и Богемия (Германия, Чехия), Восточные Альпы (Австрия), Илакская горнорудная область (Узбекистан) (*Чернышев и др., 2008; Gale, Stos-Gale, 1982; Sundblad, 1994; Gale, 1999; Niederschlag et al., 2003; Pernicka et al., 2016; Forshell, 1992; Бурыков, 1974*). Сравнение изученных нами бронзовых предметов и месторождений этих регионов приведено на Pb-Pb диаграммах (рис. 5, 6). На графиках околтурены поля, отвечающие наиболее типичным значениям изотопных отношений свинца в рудах месторождений рассматриваемых регионов. Более сложное соотношение наблюдается на Pb-Pb диаграммах, на которых показан изотопный состав свинца месторождений островов Кипр (поле 1) и Крит (поле 2), Восточных Альп (поле 3), Рудных гор (поле 4) и полуострова Пелопоннес (поле 5). Большинство точек изотопных составов Pb археологических предметов из бронзы на обеих Pb-Pb диаграммах компактно расположены в области пересечения двух полей, соответствующих горнорудным районам острова Крит (поле 2) и Рудным горам (поле 4). Только точка бронзового креста (№ 32), характеризующегося повышенным содержанием радиогенных изотопов ^{206}Pb , ^{207}Pb и ^{208}Pb , лежит в области пересечения других двух полей – месторождений острова Крит (поле 2) и острова Кипр (поле 1).

Из приведенных на Pb-Pb графиках соотношений изотопного состава свинца суздальских находок и месторождений можно заключить, что рудные объекты Восточных Альп, обладая систематически более высокими величинами всех трех изотопных отношений Pb, не могли являться источником

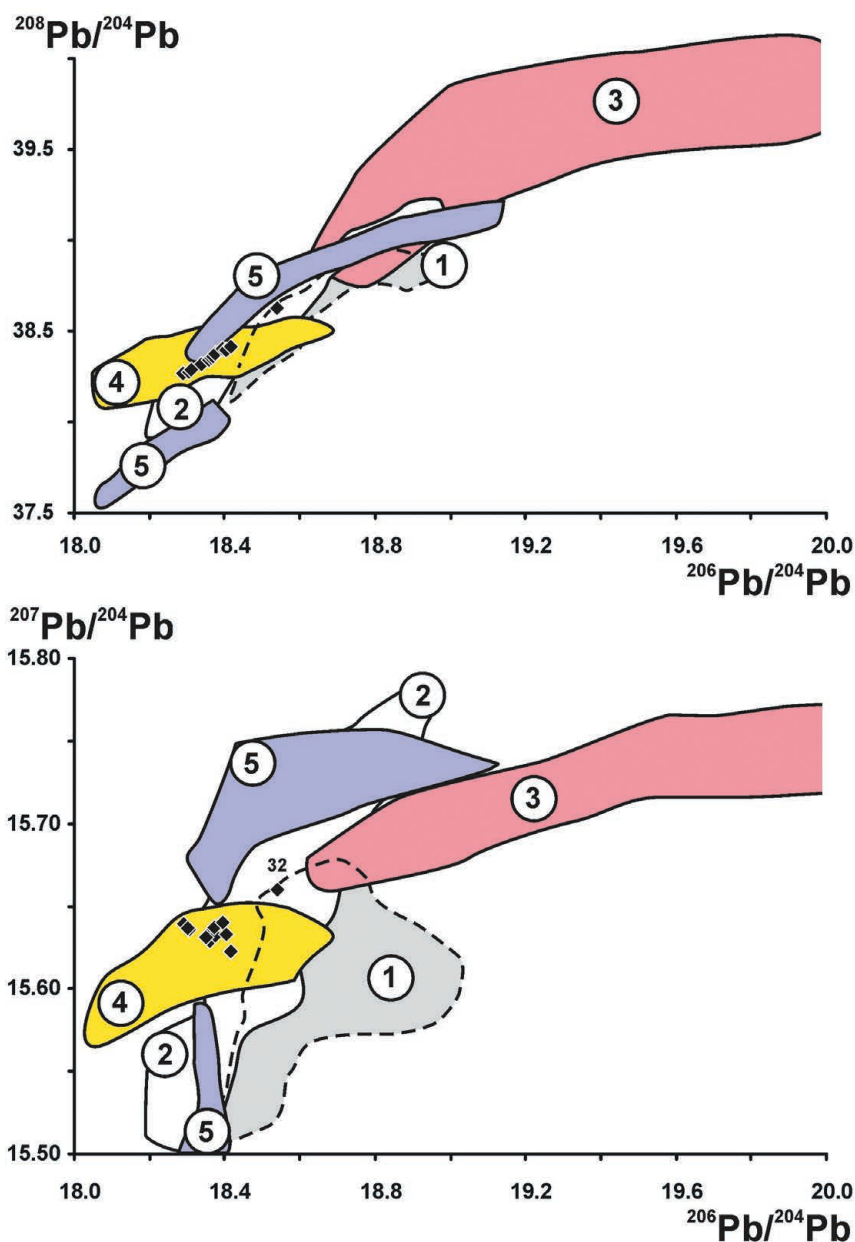

Рис. 5. Сопоставление изотопного состава свинца предметов из бронзы суздальских находок и горнорудных районов добычи меди: островов 1 – Кипр и 2 – Крит (Gale, 1999; Gale, Stos-Gale, 2016), 3 – Восточных Альп (Миттельберг, Австрия – Pernicka et al., 2016), 4 – Рудных гор и Богемии (Германия, Чехия – Niederschlag et al., 2003), 5 – полуострова Пелопоннес (Gale, Stos-Gale, 2016)

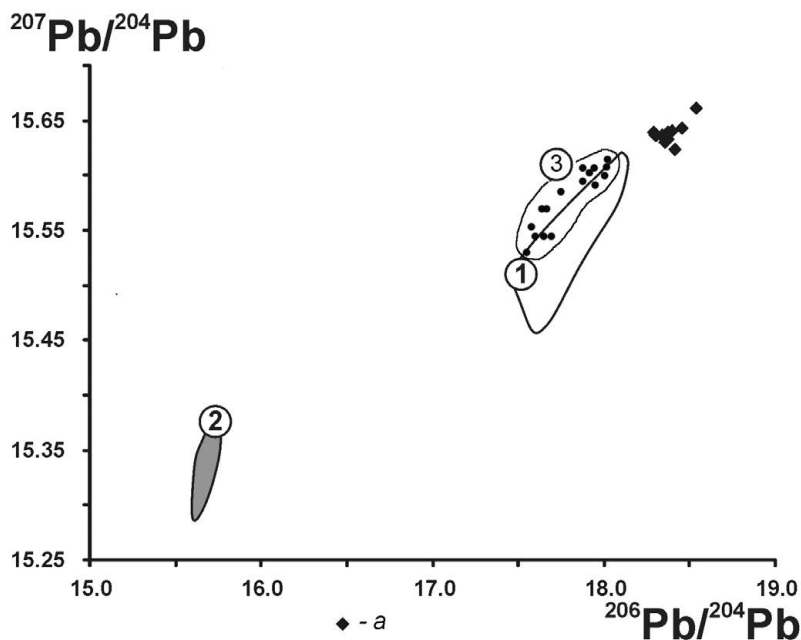

Рис. 6. Сопоставление изотопного состава свинца суздальских предметов из бронзы (а) с медными месторождениями: 1 – Урала (Чернышев и др., 2008), 2 – южной и центральной Швеции (Бергслаген – Sundblad, 1994), 3 – полиметаллическими месторождениями Илака в Узбекистане (Merkel, 2016)

металла при изготовлении бронзовых предметов. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении медных месторождений полуострова Пелопоннес. Из-за близости изотопного состава Pb предметов к месторождениям островов Крит и Кипр, с одной стороны, и Рудных гор, с другой, идентификация источника металла только на основании имеющихся Pb-Pb данных затруднена. Разработка медных месторождений островов Крит и Кипр велась, начиная с бронзового века (Gale, 1999; Catapotis, Bassiakos, 2007). Основной пик добычи приходится на время Римской Империи (O'Brien, 2015). Затем, после ее падения, объемы горнорудных работ снижаются, но добыча полностью не прекращается. Некоторые из месторождений острова Кипр обрабатываются до сих пор.

В свою очередь, известно, что первые разработки месторождений в районе Рудных гор относятся к концу XII в. Лишь в XIV–XVI вв. этот регион становится крупнейшим в Европе источником меди, серебра, свинца, цинка и олова (Niederschlag et al., 2003). Поскольку большинство бронзовых предметов выборки, за исключением энколпиона (№ 23), иконки (№ 38) и одного креста (№ 37), датируются временем ранее конца XII в., то их изотопный состав свинца, а также имеющиеся сведения об истории эксплуатации месторождений в рассматриваемых древних центрах добычи меди позволяет в качестве

наиболее вероятного источника металла рассматривать месторождения острова Крит и, в меньшей степени, острова Кипр и Рудных гор.

Компактное расположение точек свидетельствует об экономических связях центральных районов Северо-Восточной Руси с Балканскими производственными центрами христианской металлопластики. Примечательно, что в исследованной группе предметов имеются три креста с грубым изображением Распятия (№ 30, 33, 36). В настоящее время доказано, что именно болгарские изделия стали образцами для древнерусских тельников этого типа (Макаров, 2018. С. 320, 326).

В последние годы исследованы и опубликованы многочисленные свидетельства добычи и обработки меди в Пермском Предуралье в эпоху средневековья. Эти центры являлись поставщиками сырья для мастеров Волжской Болгарии (Крыласова, 2018). Однако, несмотря на относительную близость к Ополью Уральского региона и налаженные торговые связи с Волжской Булгарией, маркерами которой являются находимые повсеместно в регионе многочисленные металлические детали поясной гарнитуры болгарского производства, изотопный состав свинца изученных бронзовых предметов оказался далек от свинцово-изотопных «меток» уральских месторождений (рис. 6). Изотопные соотношения свинца в шлаках полиметаллических руд из Илакской рудной области в современных Узбекистане и Таджикистане, основного поставщика серебра в IX – начале XI в., также не имеют областей пересечения с суздальскими находками (Merkel, 2016. P. 199).

Аналогичный вывод можно сделать и о возможном поступлении металла из крупнейшей медной провинции Скандинавии – рудных районов южной и центральной Швеции (рис. 6). По величинам изотопных отношений $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ изученные предметы кардинально отличаются от месторождений этого региона, что дает основание исключить его из числа потенциальных источников меди.

Потенциальные источники металла предметов из серебра и свинцово-оловянного сплава. Объектами добычи серебра и свинца, как правило, являлись месторождения двух основных генетических типов: золото-серебряные эпитермальное месторождения; стратиформные полиметаллические и серебро-полиметаллические месторождения. В промышленных концентрациях серебро и свинец присутствуют нередко в рудах обоих типов и, таким образом, добыча этих металлов могла вестись в пределах одного региона, как, например, на серебро-полиметаллических месторождениях Рудных и Таврских гор. На территории Европы и Малой Азии известно несколько крупных горнорудных центров (например, Лаврион (Греция), Родопские горы (Греция, Болгария), Таврские горы (Южная Турция)), эксплуатация месторождений которых проводилась с древних времен. К X–XII вв. в некоторых из них произошел спад выработки, как, например, для серебро-полиметаллических и эпитермальных месторождений Лавриона и гор Апусени (Румыния), однако добытый здесь металл повторно мог использоваться и в более позднее время. Со второй половины X в. разрабатывается серебряный рудник Раммельсберг в Нижней Саксонии (Monna et al., 2000). Такие регионы как Таврские горы

и Загрская горная область (Иран) служили источниками металлов на протяжении многих веков. Разработка месторождений в этих регионах ведется и в настоящее время, изменялись лишь объемы добытого металла. Крупным центром добычи серебра была Кармазарская рудная область в Средней Азии. Из этого металла чеканились дирхемы, которые после переплавлялись в украшения (Ениосова, Митоян, 2011. С. 92, 95; Merkel, 2016).

Типологические особенности исследованных нами предметов указывают на их разное территориальное происхождение и, соответственно, на разный источник металла. Одним из таких потенциальных регионов добычи серебра и свинца могли выступать рудные провинции Малой Азии (Турция в целом) и/или примыкающие к ней другие территории Ближнего и Среднего Востока. На рис. 7 приведено сопоставление изотопного состава свинца археологических предметов из серебра и из свинцово-оловянного сплава с таковым в рудах Ag-полиметаллических, полиметаллических и эпитеpmальных месторождений древних горнорудных регионов Таврских гор (поле 1), Загрской горной области (поле 2), а также северо-западной части Сирии (поле 3).

При анализе приведенных Pb-Pb данных (рис. 7) следует отметить существенное отличие изученных предметов по изотопному составу Pb от месторождений северо-западной Сирии, что дает основание исключить этот регион из дальнейшего рассмотрения. Стратиформные и эпитеpmальные месторождения Таврских гор и Загрской горной области весьма неоднородны по своему изотопному составу свинца. На Pb-Pb диаграммах отвечающие им поля занимают широкие области. Однако поскольку рудный свинец в месторождениях Таврских гор обладает повышенным содержанием радиогенных изотопов ^{207}Pb и ^{208}Pb , то их поля расположены на диаграммах выше относительно полей рудного свинца эпитеpmальных месторождений Загрской горной области Ирана. Среди изученных археологических предметов лишь для небольшой части были получены высокие значения отношений $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, характерные для месторождений Таврских гор. Преимущественно они представлены предметами из серебра (№ 13, 15, 16, 20) и, в меньшей степени, предметами из свинцово-оловянного сплава (№ 1, 3). Наблюдаемые соотношения изотопных отношений Pb позволяют рассматривать месторождения этого региона в качестве потенциального источника металла исследованных предметов. В этой группе оказались мерянское втульчатое височное кольцо, проволочный завязанный браслет, две поясные накладки болгарского происхождения из погребений по обряду кремации, пластинчатый головной венчик из ингумации первой половины – середины XI в. из могильника Шекшово 9, крест из сплава на основе олова из Гнездилово. Возможно, одна из накладок (№ 16) и проволочный браслет (№ 20) сделаны из металла другого происхождения, поскольку их величины изотопного отношения $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ существенно выше, чем в месторождениях Таврских гор.

Другие серебряные предметы (№ 5, 10, 11, 14, 18) близки по изотопным отношениям Pb к эпитеpmальным месторождениям Загрской области. К их числу относится дирхем (№ 18), обломок дровой гривны, перстнеобразное височное кольцо из ингумации конца XI в. (№ 11), фрагмент звездчатого колта

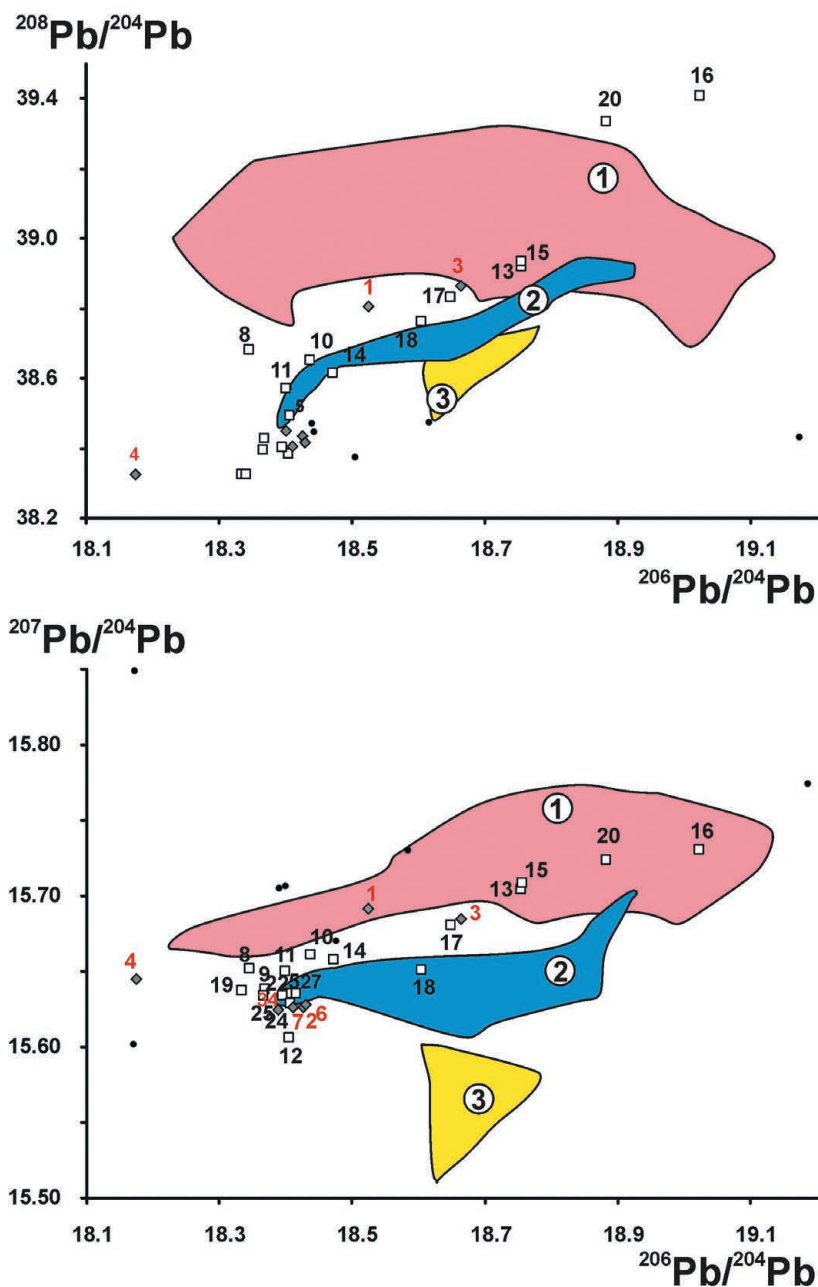

Рис. 7. Сопоставление изотопного состава свинца суздальских предметов из серебра и легких сплавов с серебряными и полиметаллическими месторождениями: 1 – Таврских гор, Турция (Yener et al., 1991; Seyhan, 2003), 2 – Загрской горной области в Иране (Mirnejad et al., 2011), 3 – северо-западной Сирии (Gale, Stos-Gale, 2016). Кружками показаны данные по рудам Илака (Merkel, 2016)

(№ 14), бракованная неудавшаяся отливка пластинчатого перстня из Шекшо-во 2 (№ 5). Совпадение изотопного состава свинца дирхема со свинцово-изотопными характеристиками эпитеpmальных месторождений Загрской области свидетельствует в пользу того, что этот регион мог являться источником металла для изготовления дирхемов, которые в свою очередь переплавлялись для создания украшений (Енисова, Митоян, 2011. С. 95). Изотопный состав свинца в полиметаллических шлаках из рудников Илака значительно ниже, чем в предметах из Суздальского Ополя, а данные по рудам имеют сильный разброс (рис. 7). С. Меркель отмечает, что фиксируются значительные расхождения в изотопных отношениях свинца в шлаках и образцах руды из одних и тех же рудников Кармазарской области (Merkel, 2016. P. 254). Имитация дирхема (№ 4), изготовленная из свинцово-оловянного сплава, не могла иметь источник металла, расположенный Малой Азии и сопредельных с ней территориях. Аналогичный вывод можно сделать и для остальных предметов, источник металлов для которых, вероятней всего, находился за пределами рассматриваемых регионов.

На территории Европы известно несколько крупных горнодобывающих центров, функционирование которых происходило в разные исторические периоды. К их числу относятся центры по добычи серебра и свинца, расположенные на Балканском полуострове и прилегающих к нему территориях. Несмотря на то, что для большинства из них пик добычи к X–XII вв. был пройден, работы там продолжались. Кроме того, добытый металл мог повторно вовлекаться в оборот. Рассмотрим эти регионы.

На рис. 8 показаны поля изотопного состава свинца месторождений Лавриона, полуострова Пелопонес, архипелага Киклады и Македонии, включая остров Тасос (Gale, Stos-Gale, 2016). Большинство точек предметов, характеризующихся наименее радиогенным изотопным составом Pb, располагаются за пределами контуров полей месторождений этих регионов. Только в случае серебряных предметов № 13 и 15 наблюдается идентичность их изотопного состава Pb таковому в месторождениях архипелага Киклады, что может указывать на происхождение металла из этих месторождений. Весьма близкие, но не идентичные, величины изотопных отношений Pb к этой же группе месторождений имеют также оловянно-свинцовый головной венчик (№ 3) и миллиарсий (№ 17). Наблюдаемое на графике положение точек этих предметов дает основание предполагать, что источником их металла, вероятней всего, также могли являться месторождения архипелага Киклады.

К числу важных центров добычи серебра и свинца относятся Родопские горы (Фракия) и Западные Румынские Карпаты (Дакия). На рис. 9 приведены изотопные составы свинца месторождений наиболее крупных рудных районов, расположенных на этих территориях, а также показано поле, отвечающее золото-серебряным эпитеpmальным месторождениям Банска-Штявницы (внутренние Западные Карпаты, Словакия). Как и в случае рудных районов Греции, подавляющая часть точек изученных артефактов лежит за пределами приведенных на графике полей месторождений Болгарии, Румынии и Словакии. Исключениям являются точки изотопного состава свинца серебряных

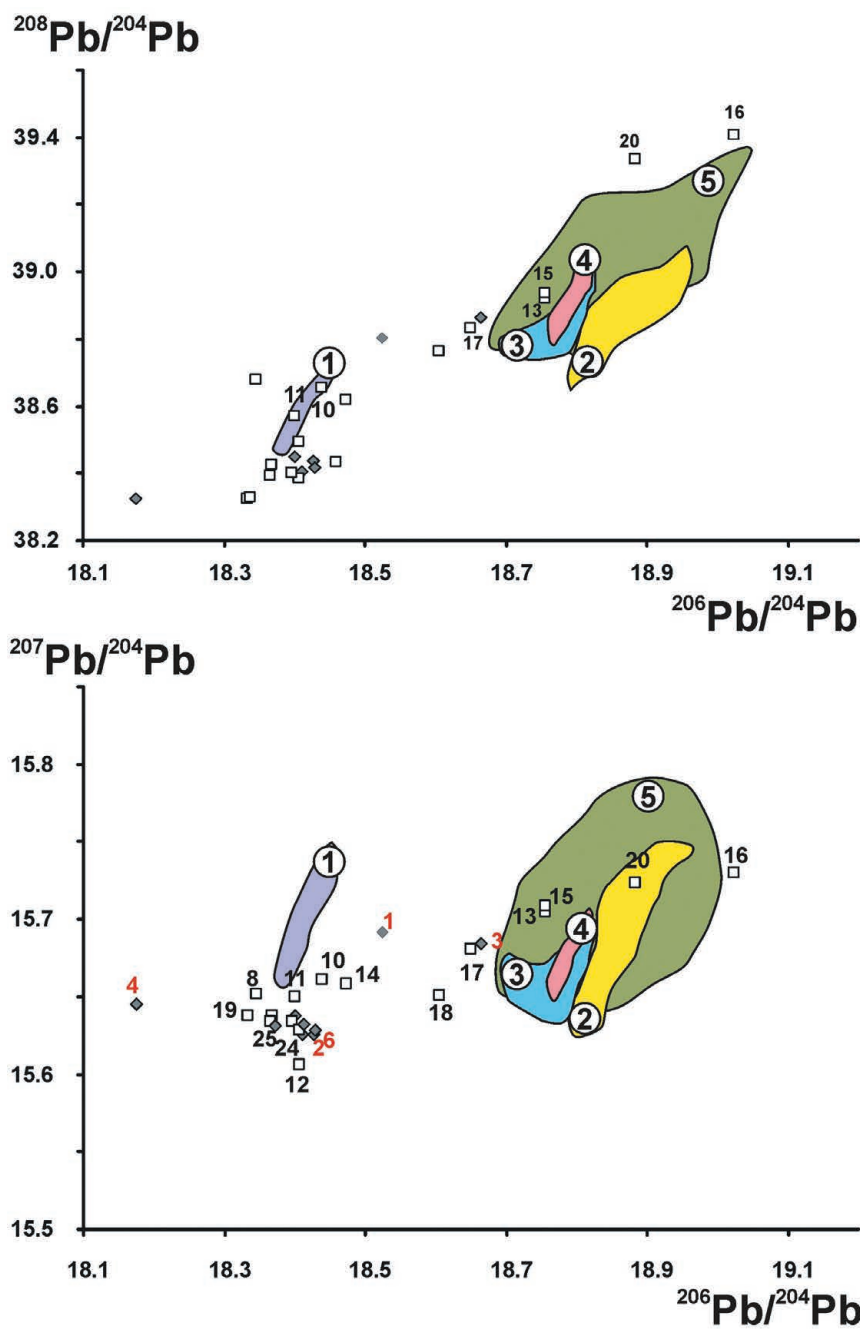

Рис. 8. Сопоставление изотопного состава свинца суздальских предметов из серебра и легких сплавов с серебряными и полиметаллическими месторождениями Греции:

1 – полуострова Пелопоннес, 2 – Лавриона, 3 – Македонии, 4 – острова Тасос, 5 – архипелага Киклады (Gale, Stos-Gale, 2016)

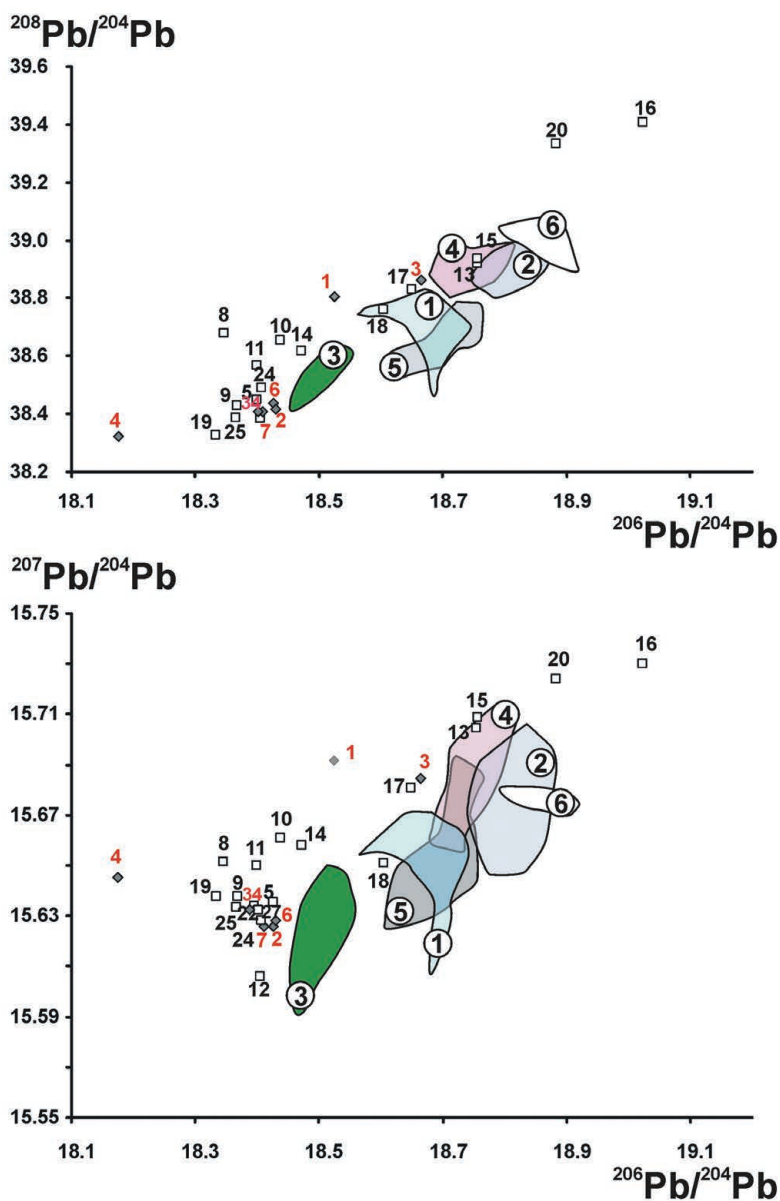

Рис. 9. Сопоставление изотопного состава свинца суздальских предметов из серебра и легких сплавов с серебряными и полиметаллическими месторождениями районов: 1 – горы Апусени, 2 – Бая-Маре (Румыния) (Marcoux et al., 2002), 3 – Панагюрского района (Kouzmanov et al., 2009), 4 – Родопских гор и южной Болгарии (Marchev, Moritz, 2006; Gale, Stos-Gale, 2016), 5 – Бургаского района восточной Болгарии (Gale, Stos-Gale, 2016), 6 – Банска Штявница в Словакии (Чернышев и др., 2007)

предметов № 13 и 15, для которых получены величины изотопных отношений $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, идентичные таковым в серебро-полиметаллических месторождениях Родопских гор (Южная Болгария).

Одним из регионов по производству свинца в Центральной Европе, начиная с кельтско-римского периода (вторая половина I в. до н. э.), являлась территория Рейнских сланцевых гор (*Durali-Mueller et al.*, 2007), в пределах которых распространены многочисленные полиметаллические месторождения. В более позднее время (XI–XVI вв. н. э.) горнорудным центром по добычи меди, серебра, свинца и олова стали Рудные горы и Богемия (*Niederschlag et al.*, 2003).

Нельзя исключить возможное поступление свинца и серебра также и из другой металлогенической провинции, уже Западной Европы – Центрального французского горного массива. Разработка стратиформных полиметаллических месторождений в пределах Центрального французского горного массива на серебро и свинец здесь проводится с римского периода по настоящее время. Поля изотопного состава Pb месторождений указанных регионов на Pb-Pb диаграммах сближены между собой и частично перекрываются (рис. 10).

К этим полям тяготеют точки изотопного состава свинца большинства предметов выборки, характеризующихся относительно низкими содержаниями радиогенных изотопов ^{206}Pb , ^{207}Pb и ^{208}Pb . При этом кресты из свинцово-оловянного сплава № 2, 6, 7, 34 по своим величинам всех трех изотопных отношений Pb совпали с месторождениями Рудных гор и гор Гарц. Идентичными или близкими Pb-Pb изотопными характеристиками с указанными регионами обладают бракованная отливка пластинчатого перстня (№ 5), подвеска со свернувшимся зверем скандинавского типа (№ 19), височное кольцо (№ 9), кресты-тельники из Суворотского 8 (№ 22, 27), и из Михалей 3 (№ 24, 25). Изотопный состав Pb серебряной бусины височного кольца (№ 12) оказался близок как к месторождениям Рудных гор, так и к полиметаллическим месторождениям Рейнских сланцевых гор. В случае остальных предметов точки их изотопного состава свинца располагаются за пределами полей месторождений рассмотренных областей.

Крупнейшим регионом по добычи и переработке свинцово-и серебросодержащих руд с римского периода являлись Британские острова (*Nriagu*, 1983). Сравнение изотопного состава свинца британских месторождений с данными по археологическим предметам приведено на рис. 11. На Pb-Pb диаграммах также показаны точки свинцовых весовых гирек, найденных на территории Швеции. Источником их металла, как это следует из Pb-Pb данных, являлись месторождения Британских островов (*Stos-Gale*, 2004). На Pb-Pb диаграммах полиметаллические и серебросодержащие месторождения Британских островов образуют широкие поля, которые в значительной степени перекрываются между собой. В область изотопного состава свинца этих месторождений попадают все точки свинцовых предметов и большая часть предметов из серебра. Здесь же расположены точки весовых гирек из Швеции. За пределами полей месторождений Британских островов находятся лишь только точки,

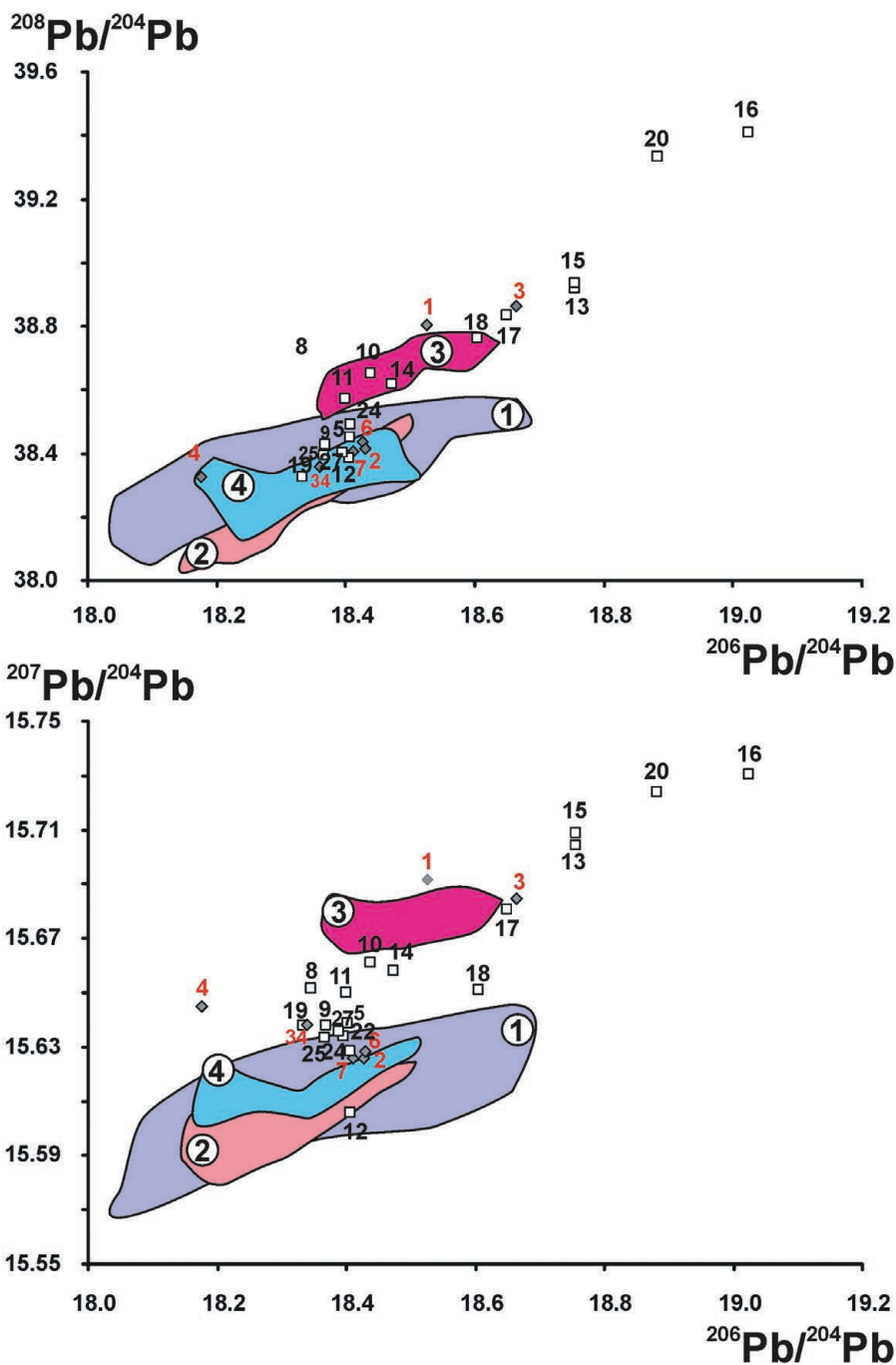

Рис. 10. Сопоставление изотопного состава свинца суздальских предметов из серебра и легких сплавов с серебряными и полиметаллическими месторождениями районов: 1 – Рудные горы и Богемии (Германия, Чехия) (Niederschlag et al., 2003), 2 – Рейнские сланцевые горы (Германия) (Durali-Mueller et al., 2007), 3 – Центальный французский массив (Франция) (Baron et al., 2006) и 4 – гор Гарц (Германия) (Niederschlag et al., 2003)

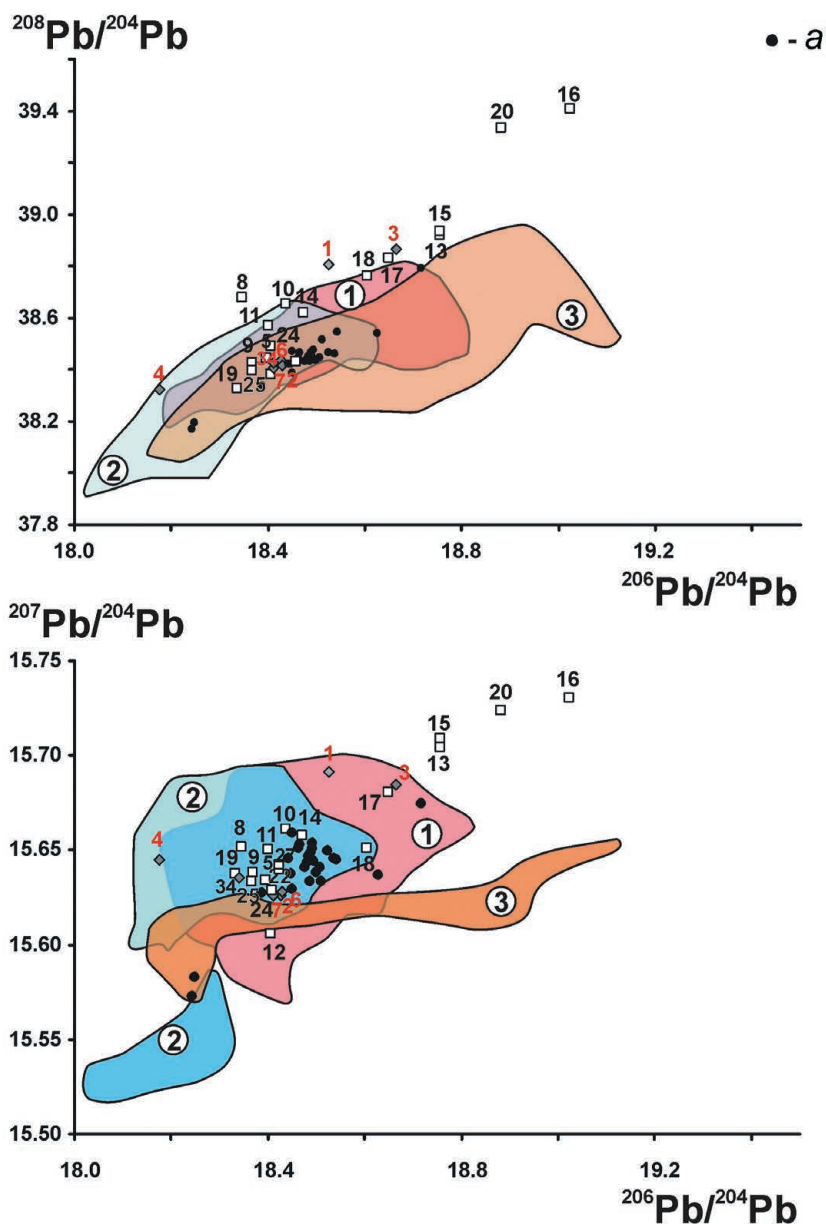

Рис. 11. Сопоставление изотопного состава свинца суздальских предметов из серебра и легких сплавов с серебряными и полиметаллическими месторождениями Британских островов (Gale, Stos-Gale, 2016): 1 – Англия, 2 – Шотландия и Уэльс, 3 – Ирландия. На диаграммах также показаны (a) точки изотопного состава Pb свинцовых весовых гирек, найденных на территории Швеции (Stos-Gale, 2004)

отвечающие серебряным предметам № 13, 15, 16, 20 с наиболее высокими содержаниями радиогенных изотопов Pb. Таким образом, имеющиеся Pb-Pb данные указывают, что металл, из которого были изготовлены свинцовые предметы и большая часть серебряных предметов, с высокой долей вероятности, мог иметь происхождение из месторождений Британских островов.

Заключение. Исследования изотопного состава свинца в средневековых предметах из Суздальского Ополя показывают, что металл, из которого изготовлены проанализированные экземпляры, происходит из нескольких горнодобывающих регионов. Их идентификация в ряде случаев оказалось затруднена из-за близости изотопного состава свинца месторождений некоторых регионов (например, архипелага Киклады (Греция) и Таврских гор (Турция)).

Наиболее надежные выводы о потенциальных регионах поступления металла могут быть сделаны в отношении бронзовых предметов, представленных преимущественно крестами-тельниками. Источником металла для них, вероятнее всего, являлись руды колчеданных месторождений острова Крит и, возможно, в меньшей степени – Рудных гор и рудника Раммельсберг. Этот вывод согласуется с существующими представлениями, основанными на морфологии, о связи предметов христианской металлопластики времени распространения христианства в центральных районах Северо-Восточной Руси с болгарскими и возможно византийскими производственными центрами. При этом поступление меди из уральских и шведских источников в нашей работе не подтверждено.

Для изделий из серебра и свинцово-оловянного сплава Pb-Pb данные указывают на несколько потенциальных горнодобывающих центров. Среди них следует выделить районы полиметаллических и серебро-полиметаллических месторождений Таврский гор (Турция), эпитермальных месторождений Загрской горной области (Иран), архипелага Киклады (Греция), Родопских гор (Греция, Болгария), месторождения Рейнских сланцевых гор (Германия), Рудных гор и Богемии (Германия, Чехия), гор Гарц (Нижняя Саксония), а также Британских островов (Великобритания). В результате проведенных исследований можно утверждать, что металл большинства предметов этой группы происходит из европейских месторождений, что не согласуется с концепцией о монетном серебре (дирхемах) как основном источнике металла для древнерусских серебряных украшений X–XI вв. Единственный исследованный дирхем достаточно уверенно связывается с месторождениями Загрской области (Иран).

Для некоторых серебряных предметов уверенно установить источник металла не удалось. Изотопный состав свинца в поясной накладке (№ 16) и проволочном браслете (№ 20) оказался ближе всего к стратиформным месторождениям Таврских гор, что позволяет их рассматривать как наиболее вероятный регион происхождения металла. Миллиарисий (№ 17) обладает промежуточными величинами изотопных отношений свинца. По-видимому, он был изготовлен в результате переплавки металла нескольких источников. При этом наибольшая доля принадлежала металлу либо месторождений архипелага Киклад, либо Таврских гор.

Таблица 2

**Потенциальные регионы поступления металла предметов
из легких сплавов и серебра из Суздальского Ополя**

Номер образца	Название, паспорт	Источник металла
<i>Изделия из легкоплавких сплавов</i>		
1	Крест-тельник, Гнездилово 2-2014, № 239/151	Таврские горы, Британские острова
2	Крест-тельник, Гнездилово 2-2014, № 482/394	Рудные горы и Богемия, горы Гарц, Британские острова
3	Головной венчик, Шекшово 9-2013, р. 3, погр. 3	Таврские горы, архипелаг Киклады, Британские острова
4	Подвеска - имитация дирхема, Шекшово 9-2016, р. 2, погр. 3	Британские острова
6	Крест-тельник, Суворотское 8-2014, № 756/60	Рудные горы и Богемия, горы Гарц, Британские острова
7	Крест-тельник, Сорогужино 2-2016, № 782/45	Рудные горы и Богемия, горы Гарц, Британские острова
34	Крест-тельник, Шекшово 2-2014, № 1048/155	Рудные горы и Богемия, горы Гарц, Британские острова
<i>Изделия из сплава на основе серебра</i>		
5	Перстень, Шекшово 9-2018, № 108	Рудные горы и Богемия, горы Гарц, Британские острова
8	Перстень, Шекшово 9-2013, р.3, № 85	Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
9	Кольцо височное перстнеобразное, Шекшово 9-2013, р. 3, погр. 5, № 30	Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
10	Гривна, Шекшово-9-2013, р.3, № 55	Центральный французский массив
11	Кольцо височное перстнеобразное, Шекшово 9-2013, погребение 5, № 32	Загрская горная область (Иран), Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
12	Височное кольцо (бузина), Шекшово 9-2013, № 136	Рейнские сланцевые горы (Германия), Рудные горы и Богемия (Германия, Чехия), Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
13	Накладка поясная, Шекшово 9-2015, р.3, № 164	Таврские горы (Турция), Киклады (Греция), Родопские горы (Греция, Болгария)
14	Колт звездчатый, Шекшово 9-2014, № 15	Загрская горная область (Иран), Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
15	Кольцо височное втульчатое, Шекшово 9-2015, р.3, № 162	Таврские горы (Турция), Киклады (Греция), Родопские горы (Греция, Болгария)
16	Накладка поясная, Шекшово 9-2015, р. 3, № 127	Не установлен, ближе всего к месторождениям Таврских гор (Турция)
17	Миллиарисий, Шекшово 9-2013, № 151	Не установлен, вероятней всего металл получен сплавлением руд нескольких источников
18	Дирхем, Шекшово 9-2018, № 120	Загрская горная область (Иран), Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
19	Подвеска со зверем, Шекшово 9-2018, № 15	Рудные горы и Богемия (Германия, Чехия) Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
20	Браслет проволочный, Шекшово 9-2018, № 26	Не установлен, ближе всего к месторождениям Таврских гор (Турция)
22	Крест-тельник, Суворотское 8-2014, № 740/144	Рудные горы и Богемия (Германия, Чехия), Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
24	Крест-тельник, Михали 3-2017, № 363/72	Рудные горы и Богемия (Германия, Чехия), Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
25	Колечко от креста, Михали 3-2017, № 363/72	Рудные горы и Богемия (Германия, Чехия), Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)
27	Крест-тельник, Суворотское 8-2013, № 465/29	Рудные горы и Богемия (Германия, Чехия) Британские острова (Англия, Шотландия, Уэльс)

Pb-Pb характеристики предметов поясной накладки (№ 13) и мерянского височного кольца (№ 15) не дают однозначной интерпретации, поскольку совпадают с изотопным составом свинца месторождений нескольких древних горнодобывающих регионов⁵.

Представленные результаты изучения изотопного состава свинца в суздальских предметах X–XII вв. свидетельствуют о том, что Pb-Pb метод перспективен для решения задач по установлению источников металла для средневековых материалов. Он расширяет возможности по выявлению путей поступления сырьевых продуктов на территорию Северо-Восточной Руси и выявлению экономических и культурных контактов региона.

Литература

- Буряков Ю. Ф., 1974. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М.: Наука. 140 с.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М., 2014. К вопросу об источниках сырья на новгородском рынке цветных металлов в XV веке // ННЗ. Вып. 28. Великий Новгород: НГОМЗ. С. 263–266.
- Енисосова Н. В., 2016. Химический состав цветного металла из Гнёздова // Исторический журнал. Научные исследования. № 6 (36). С. 724–733.
- Енисосова Н. В., Митоян Р. А., 2011. Арабское серебро как источник сырья для славянских и скандинавских ювелиров (по материалам Гнездовских кладов X в.) // От палеолита до Средневековья. М.: Ист. фак. МГУ. С. 90–95.
- Енисосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 107–162.
- Енисосова Н. В., Митоян Р. А., Сингх В. К., 2017. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // АИППЗ. Заседание 62 (2016 г.). Вып. 32. М.; Псков: ИА РАН. С. 187–203.
- Енисосова Н. В., Сарачева Т. Г., 2005. «От Грек злато... из Чех же, из Угорь серебро» (Пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX–XI вв.) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука. С. 11–19.
- Зайцева И. Е., 2012. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье // АВСЗ. Вып. 4. М; СПб.: Нестор-История. С. 30–47.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М.: Индрик. 402 с.
- Королева Э. В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // АИП. Вып. 3. Псков: Изд-во Псковского гос. пед. ин-та. С. 229–300.
- Королева Э. В., 2017. Интерпретация данных о химическом составе средневековых предметов: возможности и риски комплексного подхода // АИППЗ. Заседание 62 (2016 г.). Вып. 32. М.; Псков: ИА РАН. С. 27–35.
- Крыласова Н. Б., 2018. К развитию концепции А. М. Белавина о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в средневековом Пермском Предуралье // Труды Кам-

⁵ В табл. 2 сведены результаты сравнения изотопного состава свинца предметов из Суздальского Ополья с указанием потенциальных регионов поступления металла.

- ской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Вып. XIV. Пермь: Пермский гос. гуманитар.-пед. ун-т. С. 54–69.
- Макаров Н. А., 2018. Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: сб. в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 317–327.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя: новые находки. (В печати).
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. Вып. 238. С. 115–131.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2018. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополе: проблемы преемственности // АВСЗ. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 7–25.
- Олейников О. М., Руденко К. А., 2017. Находки медных ковшей XII века в Великом Новгороде (к вопросу об источниках и составе сырья на новгородском рынке цветных металлов) // КСИА. Вып. 247. С. 326–341.
- Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Пельгунова Л. А., Родионова В. Е., Столярова Д. А., 2017. К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи-Замостья) // *Stratum plus*. № 5. С. 41–56.
- Седова М. В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси: посвящ. 70-летию М. К. Каргера. Л. С. 191–193.
- Чернышев И. В., Викентьев И. В., Чугаев А. В., Шатагин К. Н., Молошаг В. П., 2008. Источники вещества колчеданных месторождений Урала по результатам высокоточного MC-ICP-MS изотопного анализа свинца галенитов // Доклады Академии наук. 2008. Т. 418, № 4. С. 530–535.
- Чернышев И. В., Чугаев А. В., Шатагин К. Н., 2007. Высокоточный изотопный анализ Pb методом многоколлекторной ICP-масс-спектрометрии с нормированием по $^{205}\text{Tl}/^{203}\text{Tl}$: оптимизация и калибровка метода для изучения вариаций изотопного состава Pb // Геохимия. № 11. С. 1155–1168.
- Чугаев А. В., Чернышев И. В., Лебедев В. А., Еремина А. В., 2013. Изотопный состав свинца и происхождение четвертичных лав вулкана Эльбрус (Большой Кавказ, Россия): данные высокоточного метода MC-ICP-MS // Петрология. Т. 21, № 1. С. 20–33.
- Baker J., Stos S., Weight T., 2006. Lead isotope Analysis of Archaeological Metals by Multiple-Collector inductively coupled Plasma Mass Spectrometry // *Archaeometry*. Vol. 48, iss. 1. P. 45–56.
- Baron S., Carignan J., Laurent S., Ploquin A., 2006. Medieval lead making on Mont-Lozère Massif (Cévennes-France): tracing ore sources using Pb isotopes // *Applied Geochemistry*. Vol. 21, iss. 2. P. 241–252.
- Baron S., Tamasè C., Cauuet B., Munoz M., 2011. Lead isotope analyses of gold-silver ores from Rosè ia Montana (Romania): a first step of a metal provenance study of Roman mining activity in Alburnus Maior (Roman Dacia) // *Journal of Archeological Science*. Vol. 38, no. 5. P. 1090–1100.
- Catapotis, M., Bassiakos Y., 2007. Copper smelting at the Early Minoan site of Chrysokamino on Crete // *Metallurgy in the Early Bronze Age Aegean* / Eds.: P. M. Day, R. C. P. Doonan. Oxford: Oxbow Books. P. 68–83. (Sheffield Studies in Aegean Archaeology; 7).

- Ceyhan N.*, 2003. Lead Isotope geochemistry of Pb-Zn deposits from Eastern Taurides, Turkey: Master Thesis. The Graduate School of Natural and Applied Sciences of the Middle East Technical University. Ankara.
- Durali-Mueller S., Brey G. P., Wigg-Wolf D., Lahaye Y.*, 2007. Roman lead mining in Germany: its origin and development through time deduced from lead isotope provenance studies // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 34, iss. 10. P. 1555–1567.
- Forshell H.*, 1992. The inception of copper mining in Falun. Stockholm.
- Gale N. H.*, 1999. Lead isotope characterization of the ore deposits of Cyprus and Sardinia and its application to the discovery of the sources of copper for Late Bronze Age oxhide ingots // *Metals in Antiquity* / Eds.: S. M. M. Young, A. M. Pollard, P. Budd, R. A. Ixer. Oxford: Archaeopress. P. 110–121. (BAR International Series; 792).
- Gale N. H., Stos-Gale Z. A.*, 1982. Bronze Age copper sources in the Mediterranean: a new approach // *Science*. 216. P. 11–19.
- Gale N., Stos-Gale Z.*, 2016. OXALID: Oxford Archaeological Lead Isotope Database [Electronic resource]. URL: <http://oxalid.arch.ox.ac.uk/The%20Database/TheDatabase.htm>.
- Holmqvist E., Wessman A., Mänttari I., Lahaye Y.*, 2019. Lead isotope and geochemical analyses of copper-based metal artefacts from the Iron Age water burial in Levänluhta, Western Finland // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 26.
- Kouzmanov K., Moritz R., Von Q., Chiaradia M., Peytcheva I., Fontignie D., Ramboz C., Bogdanov K.*, 2009. Late Cretaceous porphyry Cu and epithermal Cu-Au association in the Southern Panagyurishte District, Bulgaria: the paired Vlaykov Vruh and Elshitsa deposits // *Mineralium Deposita*. Vol. 44, iss. 6. P. 611–646.
- Marchev P., Moritz R.*, 2006. Isotopic composition of Sr and Pb in the Central Rhodopean ore fields: Inferences for the genesis of the base-metal deposits // *Geologica Balcanica*. Vol. 35, no. 3–4. P. 49–61.
- Marcoux E., Grancea L., Lupulescu M., Milesi J.*, 2002. Lead isotope signatures of epithermal and porphyry-type ore deposits from the Romanian Carpathian Mountains // *Mineralium Deposita*. Vol. 37, iss. 2. P. 173–184.
- Merkel S. W.*, 2016. Silver and the Silver Economy at Hedeby. Bochum: VML Verlag Marie Leidorf. 273 p.
- Mirnejad H., Simonetti A., Molasalehi F.*, 2011. Pb isotopic compositions of some Zn–Pb deposits and occurrences from Urumieh–Dokhtar and Sanandaj–Sirjan zones in Iran // *Ore geology reviews*. Vol. 39, iss. 4. P. 181–187.
- Monna F., Hamer K., Lévêque J., Sauer M.*, 2000. Pb isotopes as a reliable marker of early mining and smelting in the Northern Harz province (Lower Saxony, Germany) // *Journal of Geochemical Exploration*. Vol. 68, iss. 3. P. 201–210.
- Niederschlag E., Pernicka E., Seifert T., Bartelheim M.*, 2003. The Determination of Lead Isotope Ratios by Multiple Collector ICP-MS: A Case Study of Early Bronze Age Artefacts and their Possible Relation With Ore Deposits of the Erzgebirge // *Archaeometry*. Vol. 45, iss. 1. P. 61–100.
- Nriagu J. O.*, 1983. Lead and lead poisoning in antiquity. New York: J. Wiley. 437 p.
- O'Brien W.*, 2015. Prehistoric Copper Mining in Europe, 5500–500 BC. Oxford: Oxford University Press.
- Pernicka E., Lutz J., Stöllner T.*, 2016. Bronze Age copper produced at Mitterberg, Austria, and its distribution // *Archaeologia Austriaca*. 100. P. 19–55.
- Pollard A. M., Bray P. J.*, 2015. A new method for combining lead isotope and lead abundance data to characterize archaeological copper alloys // *Archaeometry*. Vol. 57, iss. 6. P. 996–1008.

- Stacey J. S., Kramers I. D.*, 1975. Approximation of terrestrial lead isotope evolution by a two-stage model // *Earth and Planetary Science Letters*. Vol. 26, iss. 2. P. 207–221.
- Stos-Gale S.*, 2004. Lead isotope analyses of the lead weights from Birka, Sweden // *Mellan gåva och marknad*. Stockholm. P. 324–332.
- Stos-Gale Z. A., Gale N. H.*, 2009. Metal provenancing using isotopes and the Oxford archaeological lead isotope database (OXALID) // *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 1, iss. 3. P. 195–213.
- Sundblad K.*, 1994. A genetic reinterpretation of the Falun and Ämmeberg ore types, Bergslagen, Sweden // *Mineralium Deposita*. Vol. 29, iss. 2. P. 170–179.
- Yener K., Sayre E., Joel E., Ozbal Barnes I., Brill R.*, 1991. Stable lead isotope studies of Central Taurus ore sources and related artifacts from Eastern Mediterranean Chalcolithic and Bronze age sites // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 18, iss. 5. P. 541–577.

* * *

*Чугаев Андрей Владимирович, к. геол.-мин. н., Москва,
Институт геологии рудных месторождений, петрографии,
минералогии и геохимии РАН.*

E-mail: vassachav@mail.ru

Зайцева Ирина Евгеньевна, к. и. н., Москва, ИА РАН.

E-mail: izaitseva@yandex.ru

А. Н. Федорина

Ключи и замки типа А на селищах Суздальского Ополя

Резюме. В огромной, свыше 11 000 единиц, коллекции предметов, собранной на селищах Суздальского Ополя в ходе разведочных работ 2001–2016 гг., представлено 469 деталей замков и ключей различных типов. В том числе 46 предметов относятся к различным вариантам типа А по типологии Б. А. Колчина, являясь ярким маркером материальной культуры X–XII вв. Замки и ключи справедливо связываются с высоким уровнем материального благосостояния их владельцев, что зачастую трактуется как показатель принадлежности этих людей к элите древнерусского общества. Такая трактовка кажется особенно уместной при обращении к ключам с круглой лопастью и объемной рукоятью, так как почти все отреставрированные экземпляры этой группы представляют собой высококачественные изделия со сложной морфологией рукояти, богатым декором. Обращение к данным о пространственном распределении находок на памятниках Ополя позволяет проверить обоснованность таких реконструкций.

Ключевые слова: материальная культура средневекового села, замки, ключи, Суздальское Ополье.

A. N. Fedorina. Keys and Locks of Type A at the Rural Settlements of Suzdal Opolye

Abstract. The field prospectings of 2001–2016 let us gather a vast collection of more than 11 thousand items. These items were found at the rural sites of Suzdal Opolye. Among them, there are 469 parts of different locks and keys. They include 46 pieces that are variations of the type A according to the typology offered by B. A. Kolchin, and the fact is a reliable marker of material culture of the 10th – 12th centuries. Locks and keys are fairly considered to show the well-being of their owners. It is often believed to show the fact that these people belonged to the elite of the mediaeval Rus. It seems even more likely when we see the keys with a cilindric handle. Nearly every item of this group that had been properly restored turned out to be a product of high quality, richly decorated, with a quaint structure of the handle. Knowing the spatial distribution of the finds from the sites of Opolye, we could see if these reconstructions are valid.

Keywords: material culture of a medieval village, locks, keys, Suzdal Opolye.

В ходе разведочных работ 2001–2016 гг. на селищах Ополя получена огромная коллекция – около 11000 средневековых предметов. Постепенное введение этого массива в научный оборот – одна из наиболее насущных задач. В той или иной мере опубликованы наиболее выразительные категории вещей: нумизматические находки и торговый инвентарь (Макаров и др., 2016), предметы личного благочестия (Макаров, 2018; Макаров, Зайцева, 2018), предметы вооружения, детали ременной металлической гарнитуры, снаряжение всадника и коня (Шполянский, 2017; Зайцева, 2014; Шполянский, 2019).

Интерес к замкам и ключам связан с тем, что они, в известной мере, позволяют оценить благосостояние средневекового населения, а также зачастую рассматриваются в ряду маркеров высокого социального статуса их владельцев как элементы престижного потребления (Кудрявцев, 2016).

Решение ограничиться лишь одним типом, одной хронологической группой, вызвано двумя обстоятельствами. Навесные замки типа А по Б. А. Колчину (Колчин, 1953. С. 152–162), согласно существующим типо-хронологическим разработкам, бытуют на Руси в X – середине XIII в., преимущественно до конца XII в. Подробный разбор историографии вопроса, а также хронологии бытования типов замков и ключей в недавней диссертации А. А. Кудрявцева избавляют нас от необходимости останавливаться на этих вопросах (Кудрявцев, 2014а. С. 84–86). Период X–XII вв. в Ополье соотносится со становлением и функционированием системы расселения с опорой на крупные поселенческие комплексы с многофункциональным укладом и очень пестрым населением – «большими поселениями» (подробнее о выделенной категории памятников см.: Макаров, Федорина, 2015). Уточнение хронологии бытования отдельных типов вещей при работе с подъемным материалом практически невозможно, поэтому, сознавая все недостатки этого подхода, мы были вынуждены отказаться от подробного рассмотрения запорных систем других типов, возникающих в XII в., но получивших максимальное распространение в следующую эпоху (с середины XII–XIII в.). Также, лишь справочно, привлекаются детали навесных замков, которые невозможно датировать хоть сколько-то узко: пружины замков, фрагменты дужек и т. п.

Не имея возможности рассуждать о хронологии бытования выбранных категорий вещей, мы можем сосредоточить свое внимание на качестве самих изделий, на том, насколько распространены эти предметы в быту населения центра Суздальской земли в изучаемую эпоху: на каких типах памятников они зафиксированы, и как они распределяются на тех поселениях, где обнаружены серии предметов.

Коллекция, собранная на селищах Суздальского Ополя, содержит 468 деталей замков и ключей различных типов, замочных личин. К интересующему нас типу (всех разновидностей) относится 46 изделий, что составляет 9,5% от общего числа находок этой группы. Насколько эта коллекция велика? Сводные данные о сельских территориях Руси немногочисленны. В лучшем случае мы имеем информацию о количестве находок из раскопок конкретных поселений. Так, коллекция Мининского археологического комплекса в Кубенозерье содержит 82 замка и 18 ключей – к интересующим нас типам

относятся 11% всех замков и 66,6% всех ключей (9 и 12 штук соответственно) (Захаров, Адаменко, 2008. С. 35. Табл. 16). В материалах поселений Лисковое 1–2, раскопанных широкими площадями, содержится 5 целых замков, 27 деталей и 28 ключей (данные о типологической принадлежности отсутствуют. См: Шевкун, Веремейчик, 1999. Табл. 5). К сожалению, в большинстве публикаций авторы ограничиваются констатацией наличия ключей и замков в коллекциях, так, например, в разделе, посвященном замкам и ключам, в книге «Село Киевской Руси» числовые показатели приведены только для самой крупной серии из Григоровки, также без разделения по типам (Село Київської Русі. С. 108–109). Нам удалось найти только одну сводку данных по региону: из сборов на памятниках Сирет-Днестровского междуречья происходит 40 находок замков и ключей, из которых лишь одна – ключ от призматического замка типа А (Возный, 2011).

Несколько лучше опубликованы городские материалы. Из культурных слоев Новгорода, согласно подсчетам А. А. Кудрявцева, происходит 27 экземпляров замков и 151 ключ типа А, что составляет 7,8% всех найденных изделий этих категорий в культурных слоях Новгорода (Кудрявцев, 2014б. С. 14); в коллекции Белоозера 5 замков (3% от всех замков) и 18 ключей (20,9% от всех ключей) всех разновидностей типа А, что составляет 7,5% от общего числа находок этой группы (Захаров, 2004. С. 207–208. Табл. 289, 290); в Пскове на 1991 г. зафиксировано 15 ключей типа А, что составило 5,3% всех замков и ключей (Закурина, 1991); коллекция ключей и замков из раскопок Московского Кремля на 2004 г. составляла 56 предметов, экземпляров типа А не выявлено (Колызин, 2004); коллекция Изяславля содержит около 1000 деталей замков, ключей, личин и тому подобного, из них лишь пять находок ключей от цилиндрических замков типа А (Овсянников, Пескова, 1982. С. 93); в Смоленске из раскопов у подножия Соборной горы, по данным Н. И. Асташовой, происходит 135 находок замков и ключей, сколько из них относятся к типу А – не указано (Асташова, 1999. С. 113).

Прямое сравнение материалов, полученных при площадных раскопках, и поверхностных сборов затруднено, тем не менее, очевидна массовость находок замков и ключей не только в городах, но и на сельских поселениях. Приведенные данные показывают, что, несмотря на скромные размеры суздальской коллекции, по своей структуре она весьма схожа с материалами других регионов Руси. Высокая степень стандартизации изучаемых изделий, отмечаемая всеми авторами, работавшими с данной категорией, позволяет нам отказаться как от подробного рассказа о конструктивных особенностях замков и ключей, так и от перечисления аналогий.

Рассматриваемые предметы происходят из культурного слоя 28 селищ (рис. 1; табл. 1), более подробная характеристика селищ будет дана ниже.

Призматические замки и ключи от них (рис. 2). В коллекции содержится 2 фрагмента призматических замков: фрагмент стенки корпуса, происходящего с селища Гнездилово 2 (рис. 2: 10) и замочная пружина с сохранившейся верхней площадкой, найденная на селище Федоровское 3 (рис. 2: 9). Замок из Гнездилово небольшой: высотой 4,1 см, ширина верхней площадки около

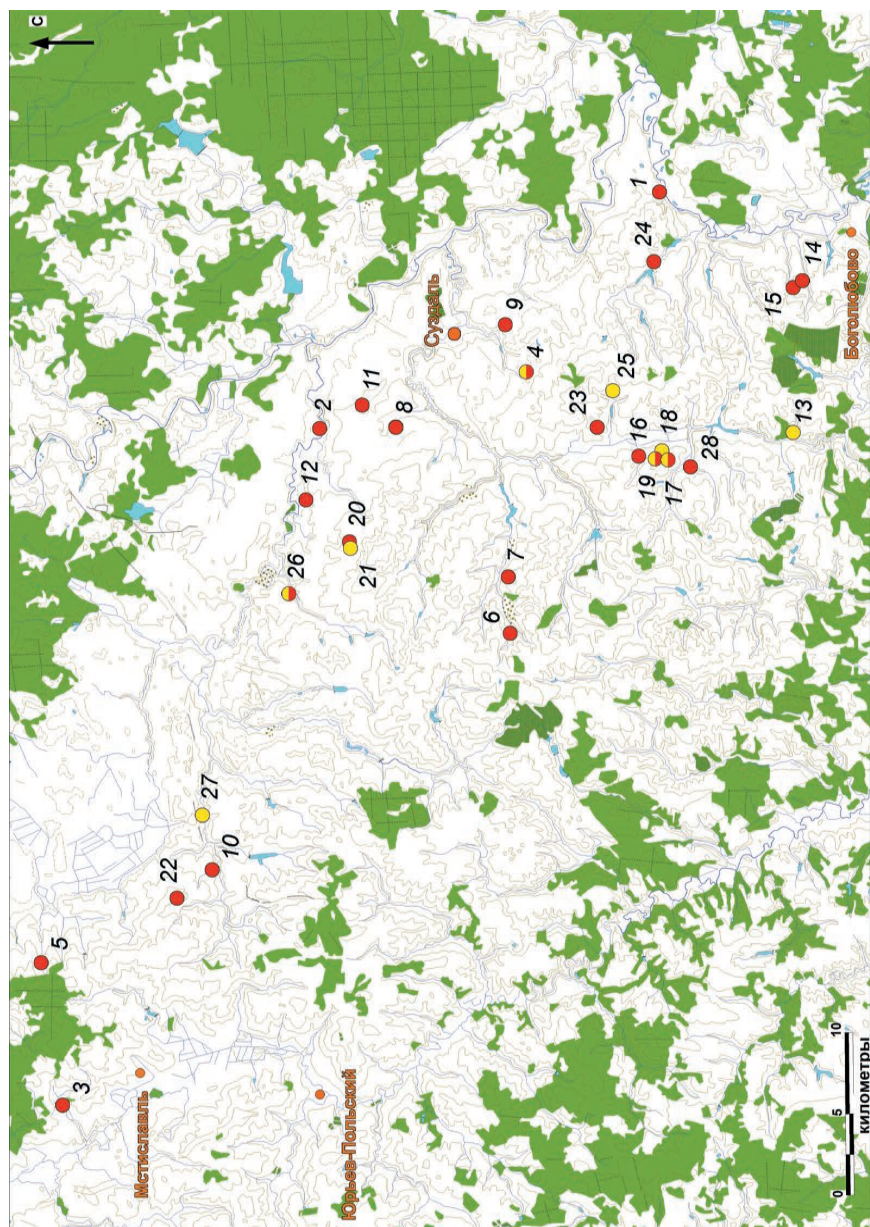

Рис 1. Карта находок замков и ключей типа А на селищах Суздальского Ополья. Желтым показаны призматические замки и ключи, красным – цилиндрические. Нумерация памятных соответствует таблице 1

Таблица 1

Замки и ключи типа А на селищах Ополя

№	Памятник	S (га)	Всего находок (п/м)	Тип А призматический		Тип А цилиндрический		Тип А неопределенный		Всего
				Замок	Ключ	Замок	Ключ с плоской рукоятью	Ключ с объемной рукоятью	Плоская рукоять	
1	Васильково 1	12,91	267					2	1	3
2	Весь 5	2,37	635	1						1
3	Веска 2	3,8		1						1
4	Гнездилово 2	15,31	421	1		1		1		3
5	Григорово 2	7,28	137					2		2
6	Зернево 1	0,84		1						1
7	Карельская слободка 5	0,52	27					1		1
8	Кибол 11	1,76	274					4		4
9	Михали 3	3,61	33					1		1
10	Парша 3	1,59	82					1		1
11	Поганое озеро 1	3,07	108				2	1		1
12	Подолет 1	3,16	331							2
13	Садовый 1	0,75	11		1					1
14	Суворотское 1	3,9	116					1		2
15	Суворотское 8	5,86	579	1			1			2
16	Тарбаево 1	1,01	89				1	1		2
17	Тарбаево 5	7,77	561		1		1	1		4
18	Тарбаево 6	4,03	128		1					1
19	Тарбаево 7	2,63	134		2			1		3
20	Торки 4	0,46	113					1		1
21	Торки 5	1,01	125		1					1
22	Турбаево 2	23,76	148					3		3
23	Туртино 5	1,72	39					1		1
24	Улово 1	3,79	107					1		1
25	Федоровское 3	1,01	16	1						1
26	Шекшово 2	29,62	789					1		4
27	Шелебово 3	7,37	10		1				1	1
28	Яновец 1	5,8	57					1		1

Рис. 2. Призматические замки и ключи от них: 1 – Васильково 1; 2 – Тарбаево 7; 3 – Тарбаево 5; 4 – Тарбаево 6; 5, 6 – Шекшово 2; 7 – Шелебово 3; 8 – Садовый 1; 9 – Федоровское 3; 10 – Гнездилово 2; 11 – Торки 5

2,5 см (стенка сохранилась на половину ширины); декорирован сдвоенными накладными валиками вдоль ребер корпуса. Схожие размеры имел замок из Федоровского.

Ключей от замков этого типа несколько больше – 9 экземпляров, происходящих с 8 памятников. К наиболее ранним вариантам этого типа – с лопастью с незавершенным периметром относятся 2 экземпляра с селищ Васильково 1 и Тарбаево 7 (рис. 2: 1, 2). Это ключи общей длиной 8,4 и 9,6 см, с неорнаментированной рукоятью. Рукоять имеет сложный профиль: подквадратного сечения у основания и плоская в верхней половине. Ключи от замков небольшого размера: ширина лопасти около 2 см.

Остальные семь экземпляров имеют подквадратную лопасть с замкнутым периметром. Из них 5 ключей сохранились полностью, у одного частично утрачена лопасть, от седьмого – только лопасть. Размеры лопастей варьируются от 2,1 до 2,5 см; общие длина ключей с рукоятью – от 7,4 до 10,2 см. Так же, как у предыдущей группы, рукояти не орнаментированы.

Призматические замки и ключи от них на селищах Ополья единичны. В качестве небольшой серии можно рассматривать 2 находки, сделанных на селище Шекшово 2, и три ключа, происходящие с селищ Тарбаево 5-6-7. Последние три селища представляют собой остатки одного из узловых пунктов в Ополье в X–XI вв., получивших рабочее название «больших поселений», культурный слой которого разделен отвержками оврага. Подробная характеристика куста селищ Тарбаево 5-6-7 дана в нескольких работах (Макаров, 2012; Макаров и др., 2018; Родина, 2012), здесь же упомянем, что в коллекции содержатся хроноиндикаторы конца I тыс. н. э. (лепная керамика, глиняные пряслица, ножи с горбатыми и прямыми спинками и т.п.), а также яркие находки, маркирующие присутствие среди насельников элиты древнерусского общества. К «большим поселениям» относятся еще 4 памятника с находками призматических замков и ключей: Васильково 1, Гнездилово 2, Шекшово 2, возможно, к этой же категории можно отнести селище Шелебово 3, исследования которого не завершены.

Находки деталей запорных систем на «больших поселениях» ожидаемы, они хорошо вписываются в тот же круг предметов, что и монеты, гирьки и детали весов для малых взвешиваний, наконечник ножен меча, обилие деталей ременной гарнитуры и т.п. Гораздо интереснее для понимания социо-экономической ситуации в регионе находки, происходящие с селищ меньшей площади: 2 предмета происходят с памятников площадью около 1 гектара, расположенных в верховьях овражных систем, спускающихся к малым речкам Ополья. Селище Торки 5 представляет собой одно из трех пятен культурного слоя в цепочке, приуроченной к верховьям оврага, спускающегося к реке Урде; поселение Федоровское 3, расположено на водоразделе рек Бакалейки и Уловки и является частью скопления памятников в верховьях р. Бакалейки. Нижняя граница бытования обоих селищ не выходит за пределы XI в., возможно, его середины. Основанием для такой датировки служат отсутствие лепной керамики и присутствие в коллекции круговых сосудов ранних типов по В. А. Лапшину (Лапшин, 1992; подробная характеристика селища Федоровское 3 – см.:

Макаров, 2012). Примечательно, что оба селища находятся в относительной близости (около 5 км) от узловых пунктов начальной древнерусской колонизации – селищ Шекшово 2 и Тарбаево 5-6-7 соответственно.

Еще один пункт, где найден ключ от призматического замка – селище Садовый 1 площадью 0,75 га – находится в верховьях разветвленной овражной системы, подходящей к р. Рпень, занимает мысовидный выступ у схождения двух оврагов, у запруды, являясь самым большим в группе из нескольких поселений и местонахождений, расположенных ниже по оврагу. На поверхности памятника собран 61 фрагмент керамики, в том числе 2 небольших фрагмента лепных сосудов и 2 венчика круговых сосудов, относимых к типу I по В. А. Лапшину (Лапшин, 1992), датируемых X – 1-й половиной XII в. Еще 8 фрагментов венчиков сосудов, изготовленных на круге, принадлежат к широко распространенным типам XI–XIII вв. Вещевая коллекция, собранная на селище, невелика (11 находок) и довольно скромна по категориальному составу, но достаточно выразительна в хронологическом отношении: кроме ключа она содержит дужку навесного замка неопределимого типа, бронзовую лировидную пряжку, 4 узколезвийных ножа, фрагмент гладкого бронзового дровяного браслета круглого сечения, железное шило квадратного сечения, фрагмент овального кресала и сланцевый оселок (рис. 3). С хронологической точки зрения комплекс находок достаточно компактный, за исключением овального кресала, и также отсылает к XI–XII вв. Керамические коллекции, собранные на остальных памятниках куста, невелики и сильно фрагментированы, что затрудняет их четкую хронологическую атрибуцию. Наличие в них единичных фрагментов лепной керамики, венчиков ранних типов при преобладании керамики, сформированной на круге медленного вращения, позволяет датировать освоение этого участка Ополья первой третью второго тысячелетия.

Замки с цилиндрическим корпусом (рис. 4) представлены 6 экземплярами: 2 экземпляра сохранились полностью (Вес 5, Зернево 1; рис. 4: 2, 6), остальные представлены фрагментами корпуса (Тарбаево 5, Веска 2; рис. 4: 3, 1) и донцами (Суворотские 1 и 8; рис. 4: 4, 5). Экземпляр из Веси 5 – малых размеров и приземистых пропорций (высота 3,43 см, диаметр цилиндра 2,9 см), корпус декорирован сдвоенными вертикальными накладными валиками. Зерневский экземпляр – вытянутых пропорций: высота – 5 см, диаметр цилиндра – 1,9 см., декорирован сочетанием вертикальных и горизонтальных сдвоенных полос. Диаметр цилиндров остальных экземпляров 2,8–3 см. Декор: от минимального в виде сдвоенных накладных вертикальных полос (экземпляр из Веси 5), как на призматических, до полностью декорированных корпусов.

Вес 5 – еще один памятник группы «большие поселения» (Макаров и др., 2010; Макаров, Федорина, 2015). Памятники Суворотское 1 и Веска 2 – это селища площадью 3,9 и 3,8 га соответственно. Они возникают не позднее рубежа XI–XII вв. и представляют собой значительные поселенческие комплексы в XII–XIV вв. Данных для полноценной характеристики селища Зернево 1 недостаточно: памятник расположен на территории бывшего с. Рожново и зафиксирован по немногочисленным материалам, собранным в микронарушениях дернины.

Рис. 3. Вещевой и керамический комплекс селища Садовый 1:
1, 2 – бронза, 3, 4, 6–9 – железо, 5 – камень, 10–14 – керамика

Ключей с округлой лопастью – 28 экземпляров (19 памятников). Ключи типа А от цилиндрических замков можно разделить на две группы по форме рукояти.

Первая группа имеет рукоять, изготовленную и оформленную аналогично ключам от призматических замков: подквадратного сечения у основания, с раскованным окончанием. В нашей выборке таких ключей 3 (Гнездилово 2, Суворотское 8, Тарбаево 5): рукояти 2 последних экземпляров скупо декорированы группами горизонтальных насечек в нижней части (рис. 5: 2, 3). Ключи небольших размеров: длина рукояти 5,5–6,5 см, диаметр лопасти около 2 см. У этих же ключей хорошо проработано место соединения рукояти и лопасти, вероятно максимальная близость этих ключей к формам призматических может указывать на то, что это наиболее ранняя группа ключей с округлой лопастью.

Рис. 4. Цилиндрические замки типа А: 1 – Веска 2; 2 – Весь 5; 3 – Тарбаево 5; 4 – Суворотское 1; 5 – Суворотское 8; 6 – Зернево 1

В коллекции есть 2 плоских гладких рукоятки, происходящие с селищ Васильково 1, Шекшово 2, которые могли принадлежать как ключам от призматических замков, так и цилиндрических (рис. 5: 4, 5).

Помимо этого, в коллекции присутствуют 2 лопасти от цилиндрических замков, которые, скорее всего, имели плоскую рукоять (по одному экземпляру из Торок 4 и Подольца 1; рис. 5: 6, 7). На это указывает малая толщина пластины, а также следы прикрепления рукоятки к лопасти у экземпляра из Торок. Диаметр этих лопастей около 2,5–3 см.

География находок ключей с плоской рукоятью и округлой лопастью схожа с той, что мы наблюдали для ключей от призматических замков. Преобладают в этой выборке «большие поселения»: Гнездилово 2, Тарбаево 5,

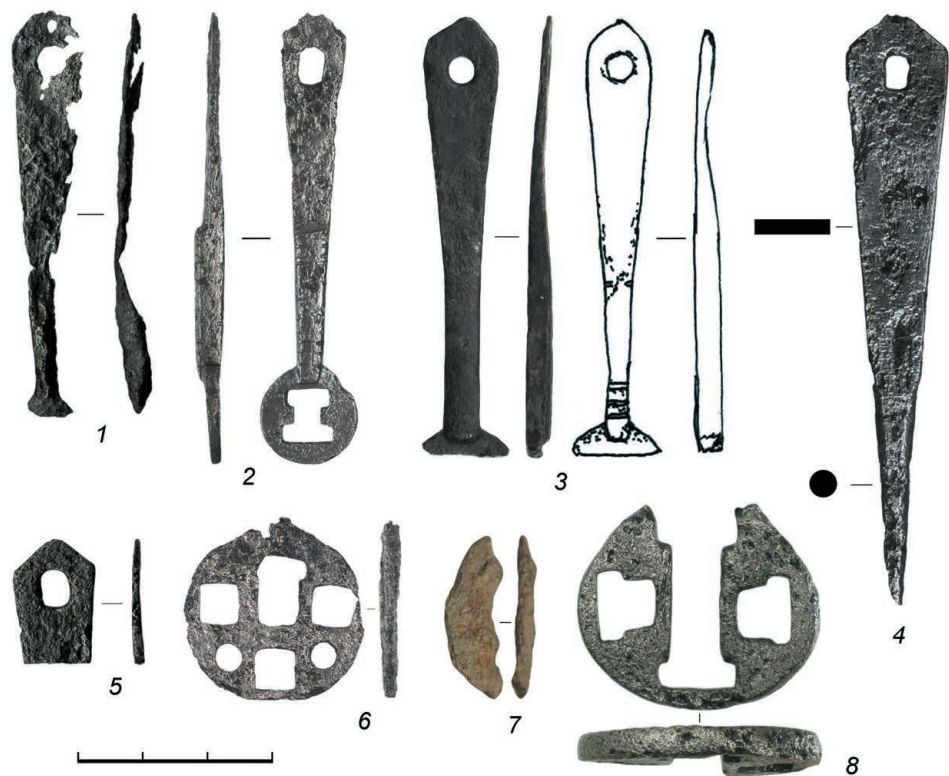

Рис. 5. Ключи от цилиндрических замков с плоской рукоятью, а также фрагментированные находки ключей с круглой лопастью: 1 – Гнездилово 2; 2 – Суворотское 8; 3 – Тарбаево 5; 4 – Васильково 1; 5 – Шекшово 2; 6 – Торки 4; 7–8 – Подолец 1

Суворотское 8, Шекшово 2, Васильково 1, но также есть и памятники меньшей площади: Подолец 1 ($S = 3,16$ га), Торки 4 ($S = 0,46$ га).

Коллекция подъемного материала, собранная на селище Подолец 1, характеризуется категориальным разнообразием, наличием предметов престижного потребления (стили для письма, оружие, фрагменты амфор, энколпионы и т. д.; подробнее об этих материалах см.: *Makarov, 2013. Plate 1. P. 380*). Основной массив вещей и керамики в Подольце можно широко датировать XI–XIII веками, преимущественно 2 половиной XII–XIII в.

Памятник Торки 4 (площадь 0,46 га) входит в небольшую группу селищ вместе с Торками 5, упомянутыми выше, приуроченную к верховьям оврага в среднем течении реки Урды. Совокупная площадь трех пятен культурного слоя, образующих скопление, невелика – около 1,8 га, и, возможно, все три селитьбенные площадки не синхронны. Тем не менее, собранный на селищах подъемный материал демонстрирует достаточное разнообразие предметов, используемых в быту, а, следовательно, и занятий населения. Всего с селищ Торки 4 и 5, происходит 231 предмет. Среди них 3 фрагмента амфор, серия

деталей замков и ключей, в том числе более поздних типов или типологически неопределимых; серия наконечников стрел, фрагмент шпоры, серия удил. Отметим также находки долота, напильника, бронзовых выплесков и скопления крупных шлаков, находку косы и рыболовного грузила. Находки условно престижных предметов и бытового и производственного инвентаря встречены на всех трех площадках. Детализировать хронологию памятников Торки 4–5 на основании подъемного материала не представляется возможным, так как основной массив вещей и круговой керамики в сборах принадлежит широко датируемым типам XI–XIII вв.

Вторая группа ключей от цилиндрических замков имеет объемную рукоять, преимущественно цилиндрическую, реже квадратного сечения (23 и 1 экземпляр соответственно, последний отнесен к категории ключей условно, рис. 6; 7). Эти предметы происходят из культурного слоя 17 селищ. Значительная часть ключей принадлежит небольшим замкам – размеры лопастей 0,8–2,74 см; длина рукоятей 4,8–9,8 см, преобладают экземпляры с длиной рукояти 6–7,5 см. Вероятно, объемную рукоять имел ключ с массивной лопастью (диаметр 3,8 см, толщина пластины 0,5 см) из Подольца 1.

Для этой группы ключей характерно особое внимание к внешнему виду изделий: рукояти большинства ключей состоят из нескольких элементов: концы рукояти украшают «бусины», ствол дополнительно декорирован, также могут быть декорированы и бусины. Таких случаев 4: у экземпляра из Скомово 2 на верхней прочерчен крестик, у остальных экземпляров дополнительно украшена нижняя бусина: Кибол 11 – точка, Турабьево 2 – параллельные полосы, Кибол 11 – крестик.

Рассмотрим подробнее возможные декоративные схемы. Помимо полностью сохранившихся экземпляров, учтены находки объемных рукоятей без лопастей (5 экземпляров).

В коллекции преобладают ключи с пышной рукоятью: лишь у шести экземпляров в коллекции ствол рукояти гладкий и в декоре присутствуют только «бусы» на концах. В остальных случаях декоративная нагрузка максимальна или близка к таковой. Выбивается из коллекции экземпляр из Григорово 2 – концы рукояти не имеют дополнительных украшений, сечение ствола рукояти квадратное, декор – сочетание горизонтальных и диагональных насечек.

Оформление бусин на концах рукояти разнообразно: кубики, многогранники, эллипсоиды, диски и т. д.; но, вероятно, это лишь индивидуальные особенности предметов. Важен скорее сам факт: особое отношение к внешнему виду изделия, качеству конечного продукта. Тем не менее, по-видимому, перед нами не единичная продукция, произведенная на заказ, а в известном смысле «серийное» производство, об этом свидетельствует стандартность/шаблонность используемых декоративных средств, приемов.

Проиллюстрируем это на примере орнаментальных схем, используемых для оформления ствола рукояти (табл. 2). Всё разнообразие орнаментов возникает из сочетания двух элементов: горизонтальных насечек и косой решетки. Горизонтальные пояски могут акцентировать концы рукояти или

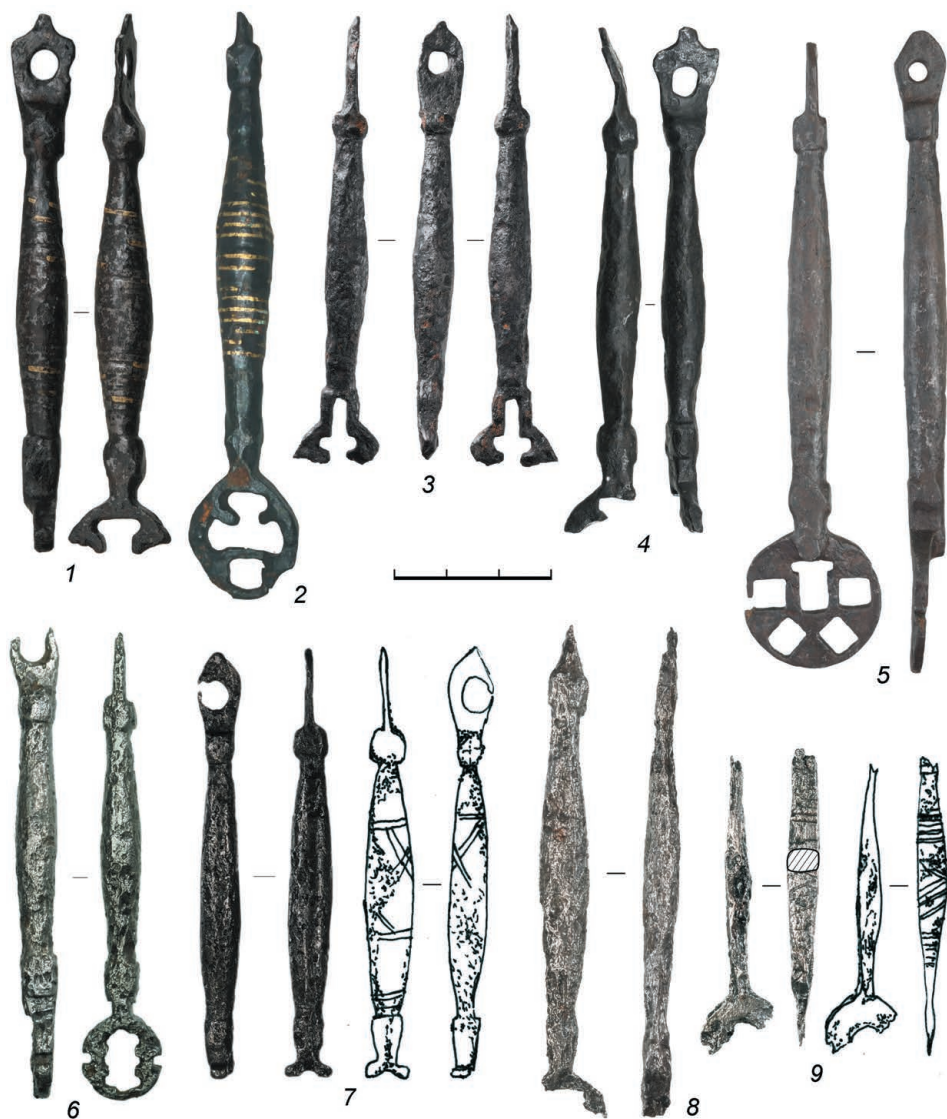

Рис 6. Ключи с объемной рукоятью от цилиндрических замков: 1 – Тарбаево 1; 2, 3 – Васильково 1; 4 – Тарбаево 7; 5 – Тарбаево 5; 6 – Гнездилово 2; 7 – Шекшово 2; 8, 9 – Григорово 2

разделять несколько зон, украшенных кривой решеткой, кривая решетка может растягиваться на всю рукоять или заполнять одну или несколько зон.

Особое место занимают ключи, декорированные медной инкрустацией/плакировкой. Таких в коллекции, собранной на селищах Ополья, два. Они происходят с селищ Тарбаево 1 и Васильково 1 (рис. 6: 1, 2); возможно, что

Рис 7. Ключи с объемной рукоятью от цилиндрических замков: 1–4 – Кибол 11; 5 – Карельская слободка 5; 6 – Яновец 1; 7 – Туртино 5; 8 – Суворотское 1; 9 – Улово 1; 10 – Михали 3; 11–13 – Турабьево 2; 14 – Парша 3; 15 – Поганое озеро 1

так же был декорирован один экземпляр из Турабьево 2 – фрагмент рукояти с глубокой спиральной насечкой (глубина канавки до 2 мм, рис. 7: 11). Ключи, украшенные инкрустацией, на территории Северной Руси относительно редки: даже в Новгородской коллекции это единичные экземпляры (устное сообщение А. А. Кудрявцева). Декорированные медью железные предметы – яркая

Таблица 2

Варианты декора объемных рукоятей ключей от цилиндрических замков

<i>Кибол 11 Григорово 2 - ?</i>	<i>Кибол 11 Григорово 2 Суворотское 1 Васильково 1 - ? Турабьево 2 - ?</i>	<i>Поганое озеро 1</i>	<i>Михали 3 Кибол 11 Карельская слободка 5 Парша 3 - ? Туртино 5 - ?</i>	<i>Тарбаево 5 Улово 1 - ?</i>	<i>Шекшиново 2</i>	<i>Гнездилово 2 Тарбаево 7 Турабьево 2 Яновец 1</i>	<i>Кибол 11 Турабьево 2</i>
2	5	1	5	2	1	4	2

деталь материальной культуры XI–XII вв. В материалах с селищ Ополя в той же технике декорированы, помимо ключей, детали конской упряжи (пса-лии, пряжки, стремена), доспеха, шпоры, топор (*Шполянский, 2017. Рис 7*).

Столь разительный контраст в сравнении с ключами от призматических замков позволяет воспринимать ключи с объемной рукоятью не только как утилитарный предмет, но и как способ демонстрации достатка или каких-то иных социально значимых характеристик их владельцев, чему должна была способствовать нарядность этих предметов. К схожим выводам пришла Н. И. Асташова при работе с ключами типа В из раскопок в Новгороде (*Асташова, 2004*) и, отчасти, А. А. Кудрявцев при анализе поусадбного распределения находок (*Кудрявцев, 2014б*).

В этой связи особый интерес представляет топография находок цилиндрических замков и ключей. Первое, что бросается в глаза – значительное увеличение поселений, на которых они найдены – 18 пунктов. Помимо уже привычных «больших поселений» (6 памятников), в этом списке 2 селища площадью около 0,5 га (Карельская слободка 5, Торки 4), 4 памятника площадью 1–2 га (Кибол 11, Парша 3, Тарбаево 1, Туртино 5), самая многочисленная группа – 7 памятников – площадью от 3–4 га (Веска 2, Михали 3, Поганое озеро 1, Суворотское 1, Турабьево 2, Улово 1, Яновец 1).

Очевидно, что увеличение количества поселений с находками замков и ключей связано в первую очередь с усилением внутренней колонизации

в регионе, разрастанием поселенческой сети и численности сельского населения. Это подтверждает хронология выявленных памятников: большая часть новых пунктов – это поселения, возникающие в середине – второй половине XI–XII в.; к этому периоду относится появление значительной части селищ, зафиксированных в ходе работ последних десятилетий (Makarov, 2019. P. 269–271). То обстоятельство, что цилиндрические разновидности замков и ключей от них в значительной степени происходят с селищ этого этапа, косвенно подтверждает корректность использования новгородских данных о хронологии отдельных типов этих предметов, отражает высокую синхронность изменения материальной культуры северной Руси.

По-видимому, увеличение количества пунктов с находками замков и ключей, а также само количество находок – свидетельство роста достатка значительной части сельского населения и/или отражает изменения в структуре расселения, перегруппировки части населения с благополучным имущественным статусом. Находки происходят с памятников всех групп: площадью менее 1 га, 1–2 га, 3 га и более. В тоже время отметим, что свыше 50% находок приходится на памятники площадью меньше 3 га.

Расширение круга людей – владельцев ключей – выражается не только в общем увеличении количества изделий, но и в увеличении количества памятников, где они представлены серийно: по два предмета найдено в 4 пунктах (Васильково 1, Григорово 2, Кибол 11, Турабьево 2).

Завершая обзор коллекции, попробуем оценить, насколько широко используются в быту замки и ключи ранних типов. Для этого обратимся к пространственному распределению находок на тех памятниках, где они представлены наибольшим числом экземпляров.

Эти серии собраны на поселении Тарбаево 5–7 (8 экземпляров) и Кибол 11 (4 экземпляра). Выбор этих поселений оправдан и с методической стороны: вещевые коллекции достаточно обширны, также в обоих случаях проводились керамические сборы с использованием квадратов стандартного размера и магнитометрические работы. Все это помогает представить внутреннюю структуру застройки поселений, выявить скопления археологического материала и геофизических аномалий, соотносимые в самых общих чертах с отдельными дворовладениями.

Селище Кибол 11 – небольшое поселение в верховьях оврага на водоразделе рек Каменки и Урды. Коллекция подъемного материала содержит 274 предмета, в том числе 11 ключей и деталей замков. Распределение керамики схоже с той картиной, что фиксируется на магнитограмме селища: значительную часть памятника занимает основное скопление аномалий остаточной намагниченности, к западу и северу от него фиксируется еще несколько (около 3) зон, с меньшей интенсивностью геофизических аномалий и несколько меньшей концентрацией керамического материала. Все четыре находки ключей типа А на памятнике относятся к основному скоплению предметов, вероятно, отражающему основной усадебный комплекс поселения. К этому же дворовладению относится и ключ от замка с «желудьями», пружина от нутряного замка и 1 ключ типа В по Б. А. Колчину, а также значительная часть предметов

престижного потребления, найденных на селище. Тем не менее, на территории меньших скоплений также присутствуют 2 пружины нутряных замков и ключ от замка той же конструкции. Распределение изучаемых категорий в целом соотносится с представлением о ключах и замках, как элементах, свойственных социальной верхушке населения Кибола 11. Вероятно, схожая ситуация наблюдается на селище Турабьево 2.

Несколько иную картину мы наблюдаем в случае Тарбаевских селищ. Общая площадь культурного слоя в этом скоплении составляет 14,4 га. Данные магнитометрии в сочетании с картиной пространственного распределения керамики и предметов демонстрируют высокую степень освоенности площадки поселения: относительно бедны находками, керамикой, с достаточно спокойной структурой магнитограммы южная граница площадки № 5, восточная половина площадки № 6 и периферия площадки № 7. Из 823 находок, собранных на селище, 53 – детали замков и ключи (26 и 37 экземпляров соответственно). Детали замков и ключи обнаружены во всех крупных скоплениях, соотносимых с отдельными усадьбами/дворами. Для нашей работы особенно важно, что замок и ключи ранних типов также происходят из разных скоплений, следовательно, отражают имущественный статус нескольких дворовладельцев.

Обзор материалов, полученных в ходе разведочных работ на территории Суздальского Ополя, дополняет наши представления о динамично меняющейся в XI–XII вв. сельской культуре северной Руси.

Литература

- Асташова Н. И.*, 2004. Об одном типе новгородских ключей // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород.
- Возный И. П.*, 2011. Ключи и элементы дверных запирающих механизмов X–XIV вв. с территории Сирет-Днестровского междуречья // URL: http://www.rusnauka.com/14_NPRT_2011/Istoria/1_86893.doc.htm (дата обращения 13.11.2019).
- Зайцева И. Е.*, 2014. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополя // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 361–374.
- Закурина Т. Ю.*, 1991. Замки и ключи из раскопок Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков.
- Закурина Т. Ю.*, 2000. Железообрабатывающее ремесло Пскова, X–XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Псков. 371 с.
- Захаров С. Д.*, 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.
- Захаров С. Д., Адаменко О. Н.*, 2008. Изделия из железа // Археология Севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. М.: Наука. 365 с.
- Кользин А. М.*, 2004. Средневековые ключи и замки из Московского Кремля (по данным археологических исследований) // РА. № 4. С. 135–141.
- Колчин Б. А.*, 1953. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). МИА. № 32. М.: Изд-во АН СССР. 259 с.
- Кудрявцев А. А.*, 2014а. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода. Дисс... канд. ист. наук. М.

- Кудрявцев А. А.*, 2014б. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 27 с.
- Кудрявцев А. А.*, 2016. Топография находок замков и ключей на усадьбах средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // ННЗ. Вып. 30. Великий Новгород. С. 190–195.
- Латшин В. А.*, 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 90–102.
- Макаров Н. А.*, 2012. Средневековые селища близ сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополе // АВСЗ. Вып. 4. М. С. 65–84.
- Макаров Н. А.*, 2018. Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко, 2018. С. 317–327.
- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Гомзин А. А.*, 2016. Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополе // РА. № 4. С. 48–74.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е.*, 2018. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIV вв.: новые находки // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород. С. 119–130.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Шполянский С. В.*, 2010. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию Е. Н. Носова. СПб: Дмитрий Буланин. С. 113–141.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н.*, 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. Вып. 238. С. 115–131.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.*, 2018. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополе: проблемы преемственности // АВСЗ. Вып. 8. С. 7–25.
- Овсянников О. В., Пескова А. А.*, 1982. Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. Вып. 171.
- Родина М. Е.*, 2012. Находки с селищ у с. Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // АВСЗ. Вып. 4. М. С. 86–94.
- Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ: Шлях, 2003. 232 с.
- Шекун О. В., Веремейчик О. М.*, 1999. Давноруське поселення Ліскове. Чернігів: Десянська правда.
- Шполянський С. В.*, 2017. Предмети вооруження і конського снаряження X – першої половини XII в. із Суздаля і сільських поселень Суздальського Ополья // РА. № 1. С. 150–167.
- Шполянський С. В.*, 2019. Накладки із чорного металу со средневекових пам'яток Суздальського Ополья // АП. Вып. 15. С. 227–245.
- Makarov N.*, 2013. Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. Jan Klápště. Praha: Brepols. P. 371–386.
- Makarov N.*, 2019. Rural landscapes of northeastern Rus' in transition: from the large unfortified settlements of the Viking Age to medieval villages // Ruralia XII. Settlement change across medieval Europe old paradigms and new vistas. P. 267–280.

* * *

*Федорина Анастасия Николаевна, Москва, ИА РАН.
E-mail: nasfed@yandex.ru*

Список сокращений

АВ	– Археологические вести. СПб.
АИП	– Археологическое изучение Пскова. Псков
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли: М-лы семинара (с 2005 г. – имени академика В. В. Седова). М.; Псков
АН СССР	– Академия наук СССР
АО	– Археологические открытия. М.
АС	– Археологический съезд
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЦПО	– ГБУК «Археологический центр Псковской области»
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. СПб.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук. М.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
КСИА	– Краткие сообщения ИА РАН. М.
МАБ	– Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
МГУ	– Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НГОМЗ	– Новгородский гос. объединенный музей-заповедник
НИС	– Новгородский исторический сборник. Л.; СПб.; Великий Новгород
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля: История и археология: М-лы науч. конф. Великий Новгород
НовГУ	– Новгородский гос. университет им. Ярослава Мудрого
НПЛ	– Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950
ОАВЕС ГЭ	– Отдел археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ
ПАО	– Псковское археологическое общество
ПАЦ	– АНО «Псковский археологический центр»
ПГОИАХМЗ	– Псковский гос. объединенный историко-архитект. и худож. музей-заповедник
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей

РА	– Российская археология. М.
РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. СПб.
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ТНИИР-Центр	– Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ЦГИА СПб.	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Правила представления статей

Для публикации в ежегоднике принимаются научные статьи, соответствующие докладам, обсужденным на заседании семинара, не публиковавшиеся ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях.

1) Срок подачи статей – не позднее 1 октября ежегодно.

2) Общие требования.

К публикации принимаются статьи общим объемом, как правило, не более 3/4 авторского листа (30000 знаков с пробелами) включая иллюстрации и справочно-библиографический аппарат.

Соотношение текстовой и иллюстративной частей определяются автором. Увеличение количества иллюстраций допускается за счет уменьшения объема текста из расчета: 1 иллюстрация размером в полную печатную полосу издания (12,5×19 см) равна 3300 знаков текста.

Статьи предоставляются в электронном виде (формат Microsoft Word).

В комплект статьи должны входить: текстовая часть, иллюстрации в отдельных файлах, таблицы в отдельных файлах.

3) Текстовая часть состоит из разделов, имеющих подзаголовки, и оформляется следующим образом:

Автор(ы) (И.О. Фамилия)

Название

Резюме (около 1000 знаков; следует дать английские эквиваленты редких терминов и собственных имен или представить полный перевод резюме на английский.)

Ключевые слова (до 10, через запятую)

[Текст]

Литература (см. п. 4)

Подрисуночные подписи (см. п. 5)

Заголовки таблиц (см. п. 6)

Список сокращений

Сведения об авторах (Фамилия, имя, отчество полностью, ученая степень, город, место работы, электронный адрес).

4) Оформление ссылок на литературу, иллюстрации и таблицы:

В тексте все ссылки помещаются в круглых скобках: (Белецкий, 1983. С. 52; Меч и златник... С. 277) ... (рис. 1) ... (табл. 1). Если необходима ссылка на часть

рисунка, то дополнительный номер или буква ставятся после двоеточия через пробел: (рис. 1: 1, 5).

Список источников и использованной литературы располагается в конце текста в алфавитном порядке (вначале кириллица, затем латиница) и имеет подзаголовок «Литература»:

Белецкий С. В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 46–80.

Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Седов В. В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

5) Требования к иллюстрациям:

К публикации не принимаются изображения предметов, легальное происхождение которых не может быть подтверждено.

Иллюстрации нумеруются в порядке их первого упоминания в тексте статьи. Позиции внутри иллюстраций нумеруются, как правило, арабскими цифрами, условным обозначениям присваиваются малые кириллические буквы в порядке алфавита. Все иллюстрации и отдельные позиции на иллюстрациях должны комментироваться в тексте и/или в подрисуночных подписях.

Иллюстрации представляются в виде оригиналов или в электронном виде – в отдельных файлах формата TIF (допускается LZW-сжатие). **В текстовый файл иллюстрации не вставляются, и наоборот: подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются в графический файл.**

Публикуются как черно-белые, так и цветные иллюстрации. Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1. Наибольший размер иллюстрации (формат полосы набора издания) – 12,5×19 см (включая подрисуночную подпись). Фотографии должны иметь разрешение не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Изображения вещей представляются для публикации в хорошо читаемом масштабе, например: мелкие предметы, содержащие важную информацию (монеты, печати, бусы и т.п.) – в масштабе 1:1 и крупнее; керамика – 1:2, 1:3, в крайнем случае – 1:4. Изображения археологических находок должны быть представлены в наиболее информативных ракурсах, в сопровождении разрезов и линейного масштаба.

6) Требования к таблицам:

Таблицы предоставляются в формате Microsoft Word отдельными файлами. Наибольший формат при распечатке – 12,5×19 см.

Для заметок

Научное издание

Археология и история Пскова и Псковской земли:
Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова
Выпуск 34.
Материалы 64-го заседания (2018 г.)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Редакторы *Н. В. Бельченко, Т. В. Сергина*
Перевод резюме *С. Ф. Мацевич*
Обложка *Н. С. Сафроновой*
Оригинал-макет: *В. Б. Степанов*

Подписано в печать 25.12. 2019. Формат 70×100^{1/16}
Бумага мелованная 115 г/м².
Уч.-изд. л. 31,3. Тираж 350 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117246, г. Москва, Научный проезд, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-94375-299-5

9 785943 752995